ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№4
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.04.2026 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
Трансформация политической коммуникации в цифровую эпоху: блог как пространство взаимодействия власти и граждан (на примере России). Зорин К.А., Турков Д.В. 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
Факторы институционализации частных военных компаний в современной системе международной безопасности. Никитин К.А. 10
Механизмы финансирования климатических проектов: международный опыт и российские реалии. Тихонов Ю.О..... 14

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Потенциал сотрудничества России с зарубежными странами в сфере развития института цифровой таможни: организационный и правовой аспекты. Ливанов А.Г. 20

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
Трансформация подходов к обеспечению пограничной безопасности в Центральной Азии в условиях новой геополитической реальности. Аманбаева Д. 25
Кадровая политика Екатерины Великой. Амплеева Т.Ю. 30
Ограничение правомочия владения земельным участком при установлении зон с особыми условиями использования территорий: концепция регуляторных изъятий. Асадуллин М.Н. 34
Система ограничений правомочия пользования земельным участком: классификация и пределы публично-правового вмешательства. Асадуллин М.Н. 39
Институт обобщения правоприменительной практики в системе земельного контроля (надзора): формализация процедуры, преверентная эффективность. Дитрих Д.К. 44
Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в спорте. Орлов А.А., Заворина А.А. 49
Семья, ее социальная защита и планирование сквозь призму демографической политики. Игумнов В.В. 54
Правовые аспекты реализации национальных проектов: вопросы правового регулирования. Кебедов Д.М. 61
Государственный контроль за оказанием медицинской помощи в России: правовые аспекты. Косолапова Н.В. 64
Бюджетный контроль в России и Беларуси в аспекте интеграции: проблемы согласования и пути гармонизации в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Нигоев В.Р. 69
Правовое регулирование повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми (на примере Хабаровского края). Смоляров А.С. 72
Политические преступления в России начала XX века: составы и ответственность. Упоров И.В. 78
«Добычные» налоги: правовое регулирование и зарубежный опыт. Чикирка Е.В. 83

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Критерии оценки добросовестности контрагента при оспаривании сделок должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина. Бакаев И.А. 86
Воздействие цифровизации на механизм правового регулирования малого предпринимательства. Галин И.М. 89
Гражданско-правовые последствия признания муниципальных контрактов недействительными: реституция, добросовестность и распределение рисков. Стамплевский А.В., Гольдвирт Е.К. 94
Исковая давность в решении корпоративных споров юридических лиц: средство защиты миноритарных акционеров и кредиторов. Грицук А.А. 101
Право авторства в системе интеллектуальных прав: теоретико-правовой анализ и проблемы защиты. Демирчян В.В. 105
Цифровой доступ к аккаунту и личному кабинету как самостоятельное гражданско-правовое благо. Джапаридзе В.Г. 110
Наследование цифровых активов (криптовалюты, аккаунты, доменные имена): проблемы правоприменения. Зумакулова З.А., Уметова Э.А. 114
Срок в конструкции опциона на заключение договора: значение, функции и последствия истечения. Кварацхелия К.Т. 118
Коллизии между исполнительным производством и процедурами банкротства физического лица. Киселёв В.В. 122
Защита авторских прав и авторский надзор в строительстве. Контроль и аудит проектов сооружений. Проблемы правоприменительной практики. Колдаева Т.Н. 126
Публично-правовые аспекты кадрового обеспечения медицинской деятельности. Косолапова Н.В. 132
Патентная охрана технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в Российской Федерации: правовые рамки, проблемы и перспективы. Кравченко О.В., Кубышкина Е.Ю. 136
Защита прав на криптовалюту в гражданском праве на территории Российской Федерации. Кузнецов М.И. 141
Правовая природа комплаенс-риска. Лежнева В.В. 145
Трансформации гражданского права в условиях цифровизации: регулирование финансовых активов. Хасуев С.-М.У. 150
Интернет-сайт как сложный объект интеллектуальных прав: проблемы правового признания. Шайдуллин Р.М. 154

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Возможности нейротехнологий в оценке потенциально противоправного аудиовизуального контента: обоснование гипотезы. Рашитханов Р.С. 157
К вопросу анализа технических характеристик беспилотных воздушных судов, применяемых в деятельности правоохранительных органов. Романов М.С., Паршин С.В., Чакаядаев Г.Р., Першин А.Ю., Казаковцев А.С. 163

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
Сравнительный анализ правового регулирования использования искусственного интеллекта в избирательном процессе стран Европейского Союза и США. Гогурчунов Б.И., Амирасулов М.А. 167
Проблемы формирования органов управления в непризнанных республиках на примере Приднестровья. Горская Ю.А. 170
Трансграничная передача персональных данных: коллизии российского и международного регулирования. Дзюнковский Я.О., Панков В.А. 173
Взаимодействие международного права и национальной безопасности: правовые механизмы и вызовы современности. Чеботарева И.Ю., Алкесов Р.Т., Хлебникова А.А., Мамишева З.А. 178

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Уголовная ответственность за дезертирство в период мобилизации и военного положения: анализ ч. 3 ст. 338 УК РФ в свете законодательных новелл 2022–2025 гг. Лиханова И.И. 182
Правовые проблемы доказывания общественно опасных деяний, совершенных медицинскими работниками по неосторожности. Лупу И.И. 186

Объективные критерии малозначительности деяния. Медведев Р.К. 193
Обстоятельства, исключающие преступность деяния: уголовно-правовой анализ и условия применения. Поддубная М.А. 197
Особенности возбуждения уголовного дела по признакам совершённого мошенничества в сфере компьютерной информации. Савкин А.С. 199
Возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьёй 159 УК РФ. Савкин А.С. 203
Проблемы использования цифровых доказательств в уголовном процессе. Хавчаев З.Г. 208
Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ их прекурсоров в фармацевтической области. Шелль В.В., Медведева С.В. 213
Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования убийств: современные возможности и проблемы. Чингизова Г.Ф. 218

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES
Transformation of Political Communication in the Digital Age: Blogs as a Space for Interaction between Authorities and Citizens (using Russia as an Example). Zorin K.A., Turkov D.V. 6

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
Factors of Institutionalization of Private Military Companies in the Modern International Security System. Nikitin K.A. 10
Financing Mechanisms for Climate Projects: International Experience and Russian Realities. Tikhonov Yu.O. 14

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE
The Potential for Russia's Cooperation with Foreign Countries in Developing the Digital Customs Institution: Organizational and Legal Aspects. Livanov A.G..... 20

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL RESEARCH
Transformation of Approaches to Ensuring Border Security in Central Asia in the Context of the New Geopolitical Reality. Amanbaeva D. 25
Catherine the Great's Personnel Policy. Ampleeva T. Yu. 30
Limiting the Right of Ownership of a Land Plot When Establishing Zones with Special Conditions of Territorial Use: The Concept of Regulatory Exemptions. Asadullin M.N. 34
A System of Restrictions on the Right of Use of a Land Plot: Classification and Limits of Public-Law Intervention. Asadullin M.N. 39
Institute for Generalizing Law Enforcement Practice in the Land Control (Supervision) System: Formalization of the Procedure, Preventive Efficiency. Dietrich D.K. 44
Legal Issues in the Application of Artificial Intelligence in Sports. Orlov A.A., Zavorina A.A. 49
The Family, Its Social Protection, and Planning Through the Lens of Demographic Policy. Igumnov, V.V. 54
Legal Aspects of National Project Implementation: Issues of Legal Regulation. Kebedov, D.M. 61
State Control over the Provision of Healthcare in Russia: Legal Aspects. Kosolapova, N.V. 64
Budget Control in Russia and Belarus in the Context of Integration: Coordination Issues and Harmonization Paths within the Union State and the EAEU. Nigoev, V.R. 69
Legal Regulation of Improving the Affordability of Food for Families with Children (using Khabarovsk Krai as an Example). Smolyarov, A.S. 72
Political Crimes in Russia in the Early Twentieth Century: Elements and Liability. Uporov, I.V. 78
"Extraction" Taxes: Legal Regulation and International Experience. Chikirka, E.V. 83

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
Criteria for Assessing the Good Faith of a Counterparty When Challenging a Debtor's Transactions in the Context of an Individual's Insolvency (Bankruptcy) Proceedings. Bakayev, I.A. 86
The Impact of Digitalization on the Mechanism of Legal Regulation of Small Entrepreneurship. Galin, I.M. 89
Civil Law Consequences of Invalidating Municipal Contracts: Restitution, Good Faith, and Risk Allocation. Stamplevsky, A.V., Goldvirt, E.K. 94
The Statute of Limitations in Resolving Corporate Disputes Between Legal Entities: A Remedy for Minority Shareholders and Creditors. Gritsuk, A.A. 101
Authorship in the Intellectual Property System: A Theoretical and Legal Analysis and Protection Issues. Demirchyan, V.V. 105
Digital access to an account and personal account as an independent civil-law benefit. V.G. Japaridze. 110
Inheritance of digital assets (cryptocurrencies, accounts, domain names): issues of law enforcement. Z.A. Zumakulova, E.A. Umetova. 114
Term in the design of an option to conclude a contract: meaning, functions, and consequences of expiration. K.T. Kvaratskhelia. 118
Conflicts between enforcement proceedings and bankruptcy proceedings for individuals. V.V. Kiselev. 122
Copyright protection and author's supervision in construction. Control and audit of construction projects. Issues of law enforcement practice. T.N. Koldaeva. 126
Public law aspects of staffing in healthcare. N.V. Kosolapova. 132
Patent protection of artificial intelligence and neural network technologies in the Russian Federation: legal framework, problems, and prospects. Kravchenko, O.V., Kubyshkina, E.Yu. 136
Protection of Cryptocurrency Rights in Civil Law in the Russian Federation. Kuznetsov, M.I..... 141
The Legal Nature of Compliance Risk. Lezhneva, V.V. 145
Transformations of Civil Law in the Context of Digitalization: Regulation of Financial Assets. Khasuev, S.-M.U. 150
Websites as Complex Intellectual Property: Issues of Legal Recognition. Shaidullin, R.M. 154

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
The Potential of Neurotechnology in Assessing Potentially Illegal Audiovisual Content: Substantiation of a Hypothesis. Rashitkhanov, R.S. 157
On the Analysis of the Technical Characteristics of Unmanned Aerial Vehicles Used in Law Enforcement Activities. Romanov M.S., Parshin S.V., Chakayadaev G.R., Pershin A.Yu., Kazakovtsev A.S. 163

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES
Comparative Analysis of the Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Electoral Process of the European Union and the United States. Gogurchunov B.I., Amirasulov M.A. 167
Problems of Forming Governing Bodies I am in the unrecognized republics: the example of Transnistria. Gorskaya Yu.A. 170
Cross-border transfer of personal data: conflicts of Russian and international regulation. Dzyunkovsky Ya.O., Pankov V.A..... 173
Interaction of international law and national security: legal mechanisms and contemporary challenges. Chebotareva I.Yu., Alkesov R.T., Khlebnikova A.A., Mamisheva Z.A. 178

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Criminal liability for desertion during mobilization and martial law: an analysis of Part 3 of Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation in light of legislative amendments of 2022–2025. Likhanova I.I. 182
Legal issues in proving socially dangerous acts committed by medical workers through negligence. Lupu, I.I. 186
Objective Criteria for the Insignificance of an Act. Medvedev, R.K. 193
Circumstances Precluding the Criminality of an Act: Criminal-Law Analysis and Conditions of Application. Poddubnaya, M.A. 197
Characteristics of Initiating a Criminal Case Based on the Evidence of Committed Computer Fraud. Savkin, A.S. 199
Initiating a Criminal Case Based on the Evidence of a Crime Under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. Savkin, A.S. 203
Problems of Using Digital Evidence in Criminal Proceedings. Khavchaev, Z.G.....208
Illegal Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Precursors in the Pharmaceutical Industry. Shell, V.V., Medvedeva, S.V. 213
Technical and forensic support for the detection and investigation of murders: modern possibilities and problems. Chingizova G.F. 218

Трансформация политической коммуникации в цифровую эпоху: блог как пространство взаимодействия власти и граждан (на примере России)

Зорин Кирилл Александрович
Кандидат философских наук, доцент, Московская финансово-юридическая академия

Турков Даниил Викторович
студент, кафедра «Журналистика. Политическая журналистика», Московская финансово-юридическая академия, Daniilturkov05@yandex.com

В статье исследуется процесс трансформации политической коммуникации в условиях цифровой эпохи на примере Российской Федерации. Автор рассматривает блог как институционализированное пространство взаимодействия государства и граждан, выходящее за рамки традиционной односторонней модели передачи информации. Анализируются нормативно-правовые основы регулирования блогосферы в России, включая Федеральный закон № 149-ФЗ, Федеральный закон № 97-ФЗ и положения о признании блога средством массовой информации. Выделяются три модели диалога власти и граждан через блоги: вертикальная, локальная и конфликтная. Обосновывается двойственная природа современной блогосферы, выступающей одновременно каналом легитимного политического участия и зоной правовых и коммуникативных противоречий. Особое внимание уделяется асимметрии ответственности участников коммуникации, алгоритмическому управлению вниманием и межпоколенческому разрыву в потреблении информации. Делается вывод о необходимости рациональной правовой интеграции блогов в систему публичного диалога при сохранении конституционных гарантий свободы слова и защиты общественных интересов.
Ключевые слова: политическая коммуникация, цифровая эпоха, блог, Российская Федерация, блогосфера, гражданский активизм, свобода слова, информационная безопасность.

Цифровая эпоха, характеризующаяся повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий, привела к коренному пересмотру устоявшихся моделей политической коммуникации. Если индустриальное общество основывалось на иерархичной, линейной передаче информации от власти к гражданину через институциональных посредников (официальные печатные органы, телевидение, радио), то цифровая среда создала условия для горизонтальных, сетевых взаимодействий. В этих условиях блог превратился из формы личного дневника в полноценный политический инструмент, арену публичной дискуссии и механизм общественного контроля. Специфика российского политического процесса — с его опорой на традиционные институты представительной демократии и одновременно растущим запросом на прямое цифровое взаимодействие — делает анализ блогосферы как пространства диалога власти и граждан особенно актуальным. Цель настоящей статьи заключается в выявлении сущностных изменений в структуре политической коммуникации, вызванных распространением блогов, а также в определении нормативных и практических границ данного взаимодействия в современной России.

Политическая коммуникация в классическом понимании представляет собой процесс передачи политической информации, формирующий общественное сознание и обеспечивающий связь между субъектами политики. Традиционная модель, доминировавшая на протяжении двадцатого века, базировалась на принципе «один ко многим»: источник информации (государство, политическая партия, лидер) транслировал сообщение массовой аудитории через контролируемые каналы. Обратная связь в этой модели была отсроченной, институционализированной (выборы, референдумы, письма в администрации) и часто не обладала оперативностью[1, 2].

Как верно отмечает Киричук Д.А., цифровая эпоха, начиная с конца девяностых годов и особенно активно с 2010-х годов, внесла понятие «многие ко многим». Сетевой характер интернета позволяет любому актору стать не только потребителем, но и производителем политического контента. Блог, как разновидность интернет-площадки, отличается рядом сущностных характеристик: авторской позицией, регулярностью обновлений, возможностью комментирования (интерактивность) и гипертекстуальной структурой. С позиции политической науки, блог выступает в качестве элемента гражданской журналистики, публичной сферы, где формируется общественное мнение вне зависимости от официальных редакционных политик. В российской научной традиции укоренилось понимание блога как социального медиа, обладающего политическим потенциалом. Отличие блога от традиционных средств массовой информации заключается не только в технологическом аспекте, но и в юридическом статусе. Если средство массовой информации подлежит обязательной регистрации и несет полную редакционную ответственность, то блог долгое время оставался вне правового поля, что порождало коллизии: с одной стороны, свободу самовыражения, с другой — риски распространения недостоверной общественно значимой информации. Именно эта двойственность определила вектор развития

российского законодательства в области регулирования блогосферы[3].

В действующей редакции Федерального закона № 149-ФЗ сохраняются нормы, регулирующие распространение общественно значимой информации. Более того, с принятием Федерального закона от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» блоги, администрируемые иностранными лицами или имеющими юрисдикцию за пределами России, попадают под особый режим регулирования. Это свидетельствует о том, что государство рассматривает блогосферу не просто как технологическую среду, а как суверенное политическое пространство, где взаимодействие власти и граждан должно подчиняться национальному законодательству.

В российской практике взаимодействия власти и граждан блог выполняет несколько функций, существенно отличающихся от традиционных каналов. Во-первых, это функция прямого обращения. Руководители федерального, регионального и муниципального уровней ведут официальные блоги на платформах (в том числе на отечественных социальных сетях, являющихся аналогами зарубежных). Эти блоги, в отличие от государственных сайтов, обладают потенциалом «человеческого лица»: глава государства или губернатор публикует информацию в менее формализованной, персонифицированной манере. Это снижает психологическую дистанцию между властью и гражданином, что критически важно для легитимации политических решений в условиях цифровой публичности[4, 5].

Во-вторых, блог выступает как канал антикризисной коммуникации. В ситуациях чрезвычайных происшествий, природных катастроф или общественных конфликтов официальные пресс-службы зачастую реагируют с задержкой, в то время как блог должностного лица позволяет оперативно информировать граждан, давать разъяснения и корректировать повестку дня. При этом важно отметить, что данная форма коммуникации несет риски: поспешное или непрофессиональное сообщение может спровоцировать эскалацию. Тем не менее, отказ от блогов как канала связи в современной России уже невозможен, поскольку это интерпретировалось бы обществом как уход власти от диалога. В-третьих, блог используется как инструмент мониторинга общественных настроений. Комментарии под официальными постами, репосты, тональность высказываний предоставляют власти массив нефильтрованных данных, которые не могут быть получены в рамках формальных социологических опросов. Государственные органы все чаще внедряют системы автоматического анализа текстов (сайентиметрики) для оценки уровня социальной напряженности по материалам блогосферы[6].

С точки зрения граждан, блог представляет собой наиболее доступный и низкопороговый способ политического участия. Традиционные формы — членство в политической партии, участие в выборах, обращение в государственные органы — требуют временных, интеллектуальных и часто корпоративных затрат. Блог же позволяет гражданину оперативно высказать позицию по общественно значимому вопросу, мобилизовать единомышленников и оказать давление на лиц, принимающих решения. В российской политической науке это явление получило название «низовой политической коммуникации» или «гражданского активизма без регистрации».

Исследователь Морозова, С. С. пишет о том, что важной характеристикой блога как пространства взаимодействия является его способность агрегировать разрозненные частные мнения в коллективный политический запрос. Феномен «вирального распространения» поста, когда частное недовольство качеством дорог, работой жилищно-коммунального хозяйства или действиями правоохранительных органов перерастает в региональную или федеральную повестку, демонстрирует трансформацию природы политического. Власть вынуждена реагировать не на формальное обращение, поданное по установленной форме, а на репутационные риски, возникающие из-за негативного обсуждения в блогосфере. Это смещает баланс: традиционная иерархия «власть-гражданин» уступает место сетевой логике, где репутационный капитал становится значимым ресурсом. Однако следует подчеркнуть, что блог как форма политического участия несет в себе внутренние противоречия. С одной стороны, он демократизирует коммуникацию, позволяя голосам маргинализированных групп быть услышанными. С другой стороны, блогосфера подвержена эффектам «эхо-камеры» и «пузырей фильтров», когда пользователи потребляют информацию, подтверждающую их собственную позицию, что ведет к поляризации общества. Кроме того, анонимность или псевдонимность в блогах (хотя российское законодательство стремится к идентификации пользователей) создает риски злоупотреблений: распространения клеветы, экстремистских материалов, фейковых новостей[7].

Пространство блога как площадки взаимодействия власти и граждан ограничено законодательными нормами, направленными на балансировку публичных интересов. Ключевой акт — Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ, усиливший ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. Блогер — участник политической коммуникации — обязан верифицировать факты до публикации. В противном случае наступает административная ответственность по статье 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («Злоупотребление свободой массовой информации»). При распространении призывов к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности или участию в несанкционированных собраниях возможна уголовная ответственность (статьи 280, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и другие)[8, 9].

Особого внимания заслуживает институт признания блога средством массовой информации по решению суда или Роскомнадзора. Если блог систематически распространяет новостную информацию и формирует общественное мнение, он может быть зарегистрирован как средство массовой информации с соответствующими правами и обязанностями. Эта норма, закрепленная в Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации», позволяет унифицировать правовой режим традиционных медиа и крупных политических блогов, снижая риск недобросовестной конкуренции.

Для иллюстрации теоретических положений целесообразно обратиться к устоявшимся практикам. В Российской Федерации сложились несколько моделей взаимодействия власти и граждан через блоги. Первая модель — «вертикальный диалог», когда официальное лицо использует блог для информирования граждан, а комментарии воспринимаются как сигнальная система, но прямой ответной реакции в массовом порядке не следует. Эта модель характерна для федерального уровня, где объем комментариев исчисляется десятками тысяч, что физически исключает персональный ответ каждому[10].

Вторая модель — «локальный диалог», распространенная на уровне муниципальных образований и отдельных ведомств. Глава района или начальник отдела внутренних дел ведет блог, в котором не только публикует от-

четы, но и отвечает на конкретные жалобы граждан в течение установленного регламентом срока (например, сорока восьми часов). Эта модель доказала свою эффективность в решении проблем жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства, социального обеспечения. Она представляет собой пример успешной институционализации блога как элемента системы «открытого правительства». Третья модель — «конфликтный диалог», возникающий в ситуациях разрыва коммуникации. Когда граждане не находят ответа на официальные каналы, блог оппозиционного активиста или общественного деятеля становится трибуной для публичного обвинения власти. В ответ власть может использовать блоги провластных блогеров для контрпропаганды, а также прибегать к правовым механизмам блокировки или удаления контента, признанного незаконным. Эта модель показывает, что блог — не просто нейтральное пространство, а поле политической борьбы, где сталкиваются различные интерпретации одних и тех же фактов.

Как верно подчеркивают в своей статье Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т., Зябликов А.В., Максименко А.А., трансформация политической коммуникации через блоги в России сопровождается системными противоречиями. Первое — асимметрия ответственности. Власть, действуя как публичное лицо, часто избегает прямой юридической ответственности за недостоверную информацию, ссылаясь на должностной статус. Гражданин же, опубликовавший критический пост, даже при наличии доказательств, может быть привлечен к ответственности за «дискредитацию» или «оскорбление». Второе противоречие — алгоритмическое управление вниманием. Платформы используют закрытые алгоритмы ранжирования, из-за чего многие политически значимые сообщения не доходят до адресата. Государство стимулирует развитие отечественных платформ («ВКонтакте», «Одноклассники», «Яндекс.Дзен») с более прозрачным регулированием алгоритмов. Третье противоречие — разрыв между поколенческими моделями потребления информации. Граждане старшего возраста, лояльные традиционным СМИ, и молодежь, для которой блог — основной источник политической информации, существуют в параллельных информационных реальностях. Это осложняет единую общественную повестку и создает риски недопонимания[11, 12].

На основе проведённого анализа можно заключить, что цифровая эпоха трансформировала блог из периферийного инструмента личной самопрезентации в институционализированное пространство политической коммуникации, где пересекаются интересы власти и граждан. Российская модель взаимодействия, регулируемая комплексом нормативно-правовых актов (, демонстрирует двойственную природу блогосферы: с одной стороны, она служит каналом оперативной обратной связи, гражданского контроля и снижения дистанции между обществом и государством, с другой — является зоной асимметрии ответственности, алгоритмических искажений и поколенческих разрывов. Дальнейшее развитие этой коммуникативной среды требует не отрицания или абсолютизации блога, а его рациональной правовой интеграции в общую систему публичного диалога при сохранении конституционного баланса между свободой слова и защитой общественных интересов.

Литература

1. Шевченко Л.В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obschestvenno-politicheskoy-kommunikatsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva (дата обращения: 05.04.2026).
2. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182-202.
3. Киричук Д.А. Цифровая трансформация медиапространства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа // Мировая политика. 2025. № 1. С. 48-55.
4. Кныжова, З.З., Суслов, И.В. (2021). Этапы трансформации культуры коммуникаций власти и общества в эпоху цифровой публичной политики. Южно-российский журнал социальных наук, 22(1), 34-46.
5. Грищук А. А., Корнеев И. В. Трансформация системы взаимодействия власти и общества в цифровую эпоху // Актуальные исследования. 2024. №50 (232). Ч.II. С. 6-9.
6. Иванова, А. С. Использование цифровых технологий для коммуникации государства и общества / А. С. Иванова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 48 (443). — С. 369-371. — URL: https://moluch.ru/archive/443/97102.
7. Морозова, С. С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином / С. С. Морозова // Креативная экономика. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 9-30.
8. Зябликов А.В., Максименко А.А., Ахунзянова Ф.Т., Зайцев А.В. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023;13(6):28-46.
9. Милорава, А. Р. Роль блогосферы в политическом процессе России / А. Р. Милорава. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (249). — С. 136-138. — URL: https://moluch.ru/archive/249/57306.
10. Yessenbekova, U. (2021). Трансформация социально-политической коммуникации в цифровую эпоху и уточнение научной дефиниции. Herald of Journalism, 59(1), 63–73.
11. Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т., Зябликов А.В., Максименко А.А. Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества // Социодинамика. 2023. № 10. С. 96-108.
12. Королева М. А. Цифровая стратегия средств политической коммуникации в социальных сетях // Актуальные исследования. 2023. №7 (137). Ч.I. С. 99-104. URL: https://apni.ru/article/5684-tsifrovaya-strategiya-sredstv-politicheskoj.

The transformation of political communication in the digital age: blog as a space of interaction between government and citizens (using the example of Russia)

Zorin K.A., Turkov D.V.

Moscow Financial and Law Academy

The article examines the process of transformation of political communication in the digital age using the example of the Russian Federation. The author considers the blog as an institutionalized space of interaction between the state and citizens, going beyond the traditional one-sided model of information transmission. The article analyzes the regulatory framework for regulating the blogosphere in Russia, including Federal Law No. 149-FZ, Federal Law No. 97-FZ and regulations on the recognition of blogs as mass media. There are three models of government-citizen dialogue through blogs: vertical, local, and conflict-based. The author substantiates the dual nature of the modern blogosphere, which simultaneously acts as a channel of legitimate political participation and a zone of legal and communicative contradictions. Particular attention is paid to the asymmetry of responsibility of communication participants, algorithmic attention management and the intergenerational gap in information consumption. It is concluded that there is a need for rational legal integration of blogs into the system of public dialogue while preserving constitutional guarantees of freedom of speech and protection of public interests.

Keywords: political communication, digital age, blog, Russian Federation, blogosphere, civic activism, freedom of speech, information security.

References

1. Shevchenko L.V. Transformation of Socio-Political Communication in the Context of Digitalization of Society // Humanities of the South of Russia.

2022. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obschestvenno-politicheskoy-kommunikatsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva (accessed: April 5, 2026).
2. Trotsuk I.V., Dursina A.N. The Digital Vector of Communication Development between Government and Population in Contemporary Russian Society // RUDN Journal of Sociology. 2025. Vol. 25. No. 1. Pp. 182–202.
3. Kirichuk D.A. Digital Transformation of the Media Space: New Challenges and Opportunities for Political Communication in the Era of Social Media // World Politics. 2025. No. 1. Pp. 48–55.
4. Knyzhova Z.Z., Suslov I.V. (2021). Stages of Transformation of the Culture of Communication between Government and Society in the Era of Digital Public Policy. South Russian Journal of Social Sciences, 22(1), 34–46.
5. Grishchuk A.A., Korneev I.V. Transformation of the System of Interaction between Government and Society in the Digital Era // Current Research. 2024. No. 50 (232). Part II. Pp. 6–9.
6. Ivanova A.S. The Use of Digital Technologies for Communication between the State and Society // Young Scientist. 2022. No. 48 (443). Pp. 369–371. URL: https://moluch.ru/archive/443/97102.
7. Morozova S.S. Digital Dialogue: The Role of Social Media and Digital Platforms in Communication between the State and the Citizen // Creative Economy. 2025. Vol. 19. No. 1. Pp. 9–30.
8. Zyablikov A.V., Maksimenko A.A., Akhunzyanova F.T., Zaitsev A.V. Interaction between Government and Society in Online Dialogue (Case Study of the Kostroma Region) // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(6): 28–46.
9. Milorava A.R. The Role of the Blogosphere in the Political Process in Russia // Young Scientist. 2019. No. 11 (249). Pp. 136–138. URL: https://moluch.ru/archive/249/57306.
10. Yessenbekova U. (2021). Transformation of Socio-Political Communication in the Digital Era and Clarification of the Scientific Definition. Herald of Journalism, 59(1), 63–73.
11. Zaitsev A.V., Akhunzyanova F.T., Zyablikov A.V., Maksimenko A.A. Digital Transformation of the Public Sphere: From Offline Communication to Online Dialogue between Government and Society // Sociodynamics. 2023. No. 10. Pp. 96–108.
12. Koroleva M.A. Digital Strategy of Political Communication Tools in Social Networks // Current Research. 2023. No. 7 (137). Part I. Pp. 99–104. URL: https://apni.ru/article/5684-tsifrovaya-strategiya-sredstv-politicheskoj.

Факторы институционализации частных военных компаний в современной системе международной безопасности

Никитин Кирилл Алексеевич
аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
45009913@mail.ru

В статье рассматриваются факторы институционализации частных военных компаний в современной системе международной безопасности. Актуальность темы связана с тем, что ЧВК все заметнее участвуют в конфликтах, охране объектов, обучении персонала, логистическом сопровождении и иных формах силовой поддержки, что меняет традиционные представления о государственном контроле над применением силы. Цель статьи состоит в выявлении и анализе политических, правовых, организационных и военно-практических факторов, способствующих закреплению ЧВК в международной среде. Материальную основу составили русскоязычные научные публикации 2023–2026 годов, а также статистические и аналитические данные международных организаций и профильных центров. Использованы анализ литературы, сравнительный метод, политико- правовой подход и обработка количественных данных. Сделан вывод о том, что ЧВК постепенно превращаются в устойчивый элемент современной архитектуры безопасности, отражая трансформацию способов организации силы, ответственности и контроля в мировой политике. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования полученных выводов при анализе современных конфликтов, оценке негосударственных силовых акторов и дальнейшем осмыслении пределов допустимого участия частных структур в обеспечении международной и региональной безопасности в условиях нарастающей глобальной нестабильности сегодня.
Ключевые слова: частные военные компании, институционализация, международная безопасность, негосударственные акторы, гибридные конфликты, военные услуги, международное регулирование.

Введение

Частные военные компании в последние годы заняли заметное место в международной политике и в практике обеспечения безопасности. Их деятельность всё чаще рассматривается не как исключение или периферийное явление, а как один из признаков изменения самой логики применения силы в современном мире. Наряду с государственными армиями, международными организациями и негосударственными вооружёнными акторами в систему безопасности всё активнее включаются коммерческие структуры, способные выполнять охранные, логистические, консультативные и в ряде случаев боевые функции. Актуальность темы связана с тем, что распространение ЧВК меняет привычные представления о границах государственного суверенитета, о допустимых формах участия негосударственных субъектов в конфликтах и о механизмах контроля над применением вооружённой силы.

Не меньшую значимость теме придаёт и то, что институционализация ЧВК развивается в условиях высокой международной напряжённости, правовой неоднозначности и растущего спроса на гибкие инструменты силового присутствия. Государства стремятся использовать формы участия, которые позволяют быстрее реагировать на кризисы, снижать политические издержки и перераспределять часть функций безопасности за пределы традиционной военной системы. На этом фоне особенно важным становится выявление факторов, благодаря которым ЧВК постепенно закрепляются в современной системе международной безопасности, получают устойчивую функциональную нишу и превращаются в самостоятельный элемент международных отношений.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы использовались статистические и аналитические материалы международных организаций и профильных исследовательских центров, отражающие динамику вооружённых конфликтов, военных расходов, развития рынка военных услуг и практики привлечения внешних подрядчиков в операционных зонах. Дополнительно учитывались документы и обзоры, связанные с международно-правовым регулированием деятельности негосударственных силовых акторов.

Методическая часть работы строилась на сочетании нескольких подходов. Прежде всего применялся анализ научной литературы, позволивший выявить основные трактовки феномена частных военных компаний и существующие подходы к объяснению их институционализации. Сравнительный метод использовался при сопоставлении различных научных позиций, а также при анализе различий между традиционными государственными силовыми структурами и частными военными компаниями как особым типом актора. Политико-правовой анализ дал возможность рассмотреть влияние норм международного права, вопросов ответственности и механизмов контроля на процесс закрепления ЧВК в системе международной безопасности.

Литературный обзор

Ряд литературы сосредоточен вокруг базовых вопросов статуса ЧВК, пределов аутсорсинга силовых функций и применимости норм международного гуманитарного права. В этой логике работа А. Ю. Маркова показывает ЧВК как особую форму передачи части военных функций внешнему исполнителю [4], а статья И. Л. Трунова выстраивает обсуждение вокруг соотношения деятельности ЧВК

и международно-гуманитарных ограничений [7]. Параллельно А. А. Кузнецов переносит акцент на прокси конфликты, где частная военная структура рассматривается уже не как исключение, а как один из устойчивых инструментов современных силовых конфигураций [3].

У А. Ю. Маркова ЧВК включаются в логику институционального аутсорсинга, где государство стремится снизить политические издержки прямого применения регулярной армии. У И. Л. Трунова заметен другой ракурс. Центральной становится проблема правового разрыва между фактическим участием ЧВК в вооружённых конфликтах и отсутствием для них ясного и универсального международного режима. А. А. Кузнецов, в свою очередь, связывает правовую неопределённость с прокси войнами, где размывание субъектности позволяет государствам влиять на ход конфликта, не переходя к открытому формату прямого военного вовлечения. Уже на этом этапе в литературе просматривается ключевой для данной темы вывод. Институционализация ЧВК продвигается не вопреки неопределённости, а во многом благодаря ей.

А. А. Алаудинов, К. С. Стригунов и А. Р. Гончаренко рассматривают негосударственных акторов как полноценный элемент гибридных войн, причём наёмники и близкие к ним структуры включаются в сетевую архитектуру силового давления [1]. В таком подходе ЧВК перестают восприниматься лишь как коммерческий подрядчик. Они становятся частью новой конфигурации конфликта, где военная сила распределяется между государством, аффилированными структурами и внешними исполнителями. Этот поворот важен, поскольку он объясняет, почему спрос на ЧВК растёт именно в эпоху гибридизации международной безопасности. Не только экономия и гибкость, но и стратегическая удобность делают их устойчивым институтом современной силовой политики.

Правовой блок литературы 2024 года строится вокруг двух взаимосвязанных линий. Первая линия представлена работами М. Л. Хабачирова [8], Е. Е. Корольковой [2], К. С. Поповой и А. В. Ерёменко [5], где внимание сосредоточено на международно-правовом и национальном регулировании частных военных и охранных компаний. Вторая линия выражена у Д. Л. Цыбакова, который показывает, что ключевой проблемой остаётся не отсутствие отдельных норм как таковых, а отсутствие целостной модели контроля, ответственности и подведомственности [10]. Совокупно эти публикации формируют довольно чёткую научную позицию. Современное право признаёт наличие феномена, но ещё не выработало устойчивого механизма его полной нормативной интеграции. Отсюда и двойственная ситуация. ЧВК уже встроены в практику международной безопасности, однако юридически их статус продолжает колебаться между частным субъектом, военным подрядчиком и участником вооружённого конфликта.

А. А. Цвяк в работах о политическом контексте и сегменте национальной безопасности показывает, что частные военные компании нельзя сводить к простой коммерциализации войны [9]. Речь идёт о более сложном механизме. Государство получает дополнительный инструмент внешнеполитического давления, косвенного присутствия и адаптации к конфликтам, в которых прямое применение вооружённых сил может оказаться слишком затратным или политически чувствительным. Близкий по смыслу, но более системный обзор даёт монография М. М. Яковлева, где ЧВК описываются через категории видов, функций, этико-правовых проблем и перспектив регулирования [12]. В сумме эти работы позволяют увидеть, что институционализация ЧВК определяется не одним фактором, а сочетанием политической рациональности, управленческой гибкости и растущего спроса на промежуточные формы применения силы.

Особого внимания заслуживает вопрос о факторах институционализации, который в новейшей русскоязычной литературе раскрывается достаточно последовательно. Первый фактор связан с гибридизацией конфликтов, когда границы между войной, операцией влияния, поддержкой союзников и защитой инфраструктуры становятся менее жёсткими. Второй фактор имеет правовую природу. Неполнота универсального международного регулирования создаёт пространство для селективного использования ЧВК на уровне национальных моделей. Третий фактор носит политико-управленческий характер и выражается в стремлении государств расширить собственный инструментарий без формального наращивания регулярной военной машины. Четвёртый фактор заключается в изменении самой логики безопасности. В современной системе международных отношений востребованы не только армии, но и мобильные структуры сопровождения, охраны, обучения, консалтинга, логистики и ограниченного силового участия. Именно соединение этих факторов делает институционализацию ЧВК не временным отклонением, а долговременной тенденцией.

М. А. Шекиханов напрямую ставит вопрос о том, почему государства обращаются к ЧВК как к альтернативе традиционной армии, и связывает это с экономическими, политическими и организационными преимуществами такой модели [11]. К. А. Трубицин на материале Израиля показывает, что аутсорсинг безопасности способен перерастать в устойчивую институциональную форму, когда коммерческие структуры начинают выполнять задачи, ранее закреплённые за армией, полицией или разведывательным аппаратом [6]. Для темы данной работы это особенно важно. Институционализация ЧВК проявляется не только в участии в конфликте, но и в закреплении их функций в повседневной архитектуре безопасности, где грань между государственным и частным исполнителем постепенно становится менее отчётливой.

На этом фоне можно выделить и слабые места современной русскоязычной литературы. Во-первых, заметна явная доминанта правового подхода, тогда как институциональные механизмы в политологическом и социологическом смысле раскрыты слабее. Во-вторых, многие публикации описывают ЧВК как уже сложившийся феномен, но реже показывают, какие именно каналы обеспечивают его закрепление в международной системе безопасности. Речь идёт о нормах допуска, внешнеполитическом патронаже, финансовых моделях, механизмах легитимации и общественном восприятии. В-третьих, пока немного работ, где русскоязычный материал соединялся бы с сопоставлением разных национальных моделей на единой аналитической основе.

Результаты

Анализ собранных данных показывает, что институционализация частных военных компаний развивается не изолированно, а внутри более широкой перестройки международной безопасности. В 2024 году число государств, затронутых вооружёнными конфликтами, немного сократилось с 51 до 49, однако общее число погибших выросло с 188 тыс. до 239 тыс. Это был максимальный показатель за 2018–2024 годы. Одновременно число крупных конфликтов с более чем 10 тыс. погибших увеличилось с 4 до 5. Такая динамика важна не сама по себе. Она указывает на усложнение среды, в которой государствам требуются более гибкие, быстро масштабируемые и политически менее затратные инструменты силового присутствия. Именно в такой среде ЧВК и близкие к ним подрядные структуры получают устойчивый спрос [15].

Не менее показателен и финансовый контур. По данным SIPRI, мировые военные расходы в 2024 году достигли 2,718 трлн долларов, что на 9,4 процента выше

уровня 2023 года. Параллельно совокупная выручка ста крупнейших компаний в сфере вооружений и военных услуг составила 679 млрд долларов, увеличившись на 5,9 процента. Это означает, что рынок силовых и военно-сервисных решений продолжает расширяться вместе с ростом конфликтности и оборонных бюджетов. Для темы статьи особенно важно, что SIPRI учитывает не только производителей вооружений, но и «military services companies». Следовательно, коммерциализация военной функции уже фиксируется не на уровне отдельных кейсов, а на уровне глобальной отраслевой статистики [16].

Отдельный результат даёт анализ модели в современных операциях. По официальным данным Министерства обороны США, в зоне ответственности CENTCOM в 1 квартале 2024 финансового года находилось около 21 195 подрядчиков, в 4 квартале 2024 года около 21 341, в 1 квартале 2025 года около 19 671, а во 2 квартале 2025 года около 20 356 человек. Эти цифры не равны ЧВК в узком юридическом смысле, поскольку включают более широкий круг контрактного персонала. Однако они хорошо показывают устойчивость самой модели внешнего силового, охранного, технического и логистического обеспечения. Для современной международной безопасности это существенный показатель. Институционализация начинается не с легализации термина, а с регулярного воспроизводства практики, при которой государство системно опирается на внешних исполнителей в операционной среде [14].

В результате удалось выделить несколько эмпирически подтверждаемых факторов институционализации ЧВК. Первый фактор связан с ростом интенсивности и многослойности конфликтов. Второй выражается в долговременном росте военных расходов и, вместе с этим, в расширении сегмента военных услуг. Третий фактор проявляется в нормализации контрактного присутствия в зонах операций. Четвёртый связан с тем, что многие современные конфликты имеют международное измерение и вовлекают не только регулярные армии, но и внешние силы поддержки, негосударственные группы и разнообразных подрядчиков. На практике это создаёт благоприятную среду для закрепления ЧВК как промежуточного института между государством, армией и рынком безопасности [13].

Институционализация ЧВК в современной системе международной безопасности подпитывается не одним фактором, а сочетанием трёх процессов. Во-первых, возрастает интенсивность конфликтной среды. Во-вторых, растёт экономический масштаб военно-сервисного сектора. В-третьих, такая модель всё заметнее превращается в рутинную часть внешнеполитической и военной практики. В совокупности это позволяет рассматривать ЧВК не как временное отклонение, а как один из устойчивых продуктов трансформации международной безопасности в 2020-х годах.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать институционализацию частных военных компаний не как частный эпизод кризисной политики, а как один из симптомов более глубокой перестройки современной системы международной безопасности. Рост общего числа погибших в вооружённых конфликтах при сравнительно ограниченном изменении географии конфликтности показывает, что международная среда становится не просто нестабильной, а более плотной по уровню насилия. В таких условиях возрастает спрос на инструменты, которые можно быстро развернуть, гибко адаптировать к локальной задаче и при необходимости дистанцировать от прямого государственного участия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о границе между ЧВК в узком смысле и более широким кругом внешних подрядчиков. Формально такие данные нельзя механически отождествлять с частными военными компаниями, поскольку в эту категорию входят логистические, технические, охранные и иные исполнители. Однако с аналитической точки зрения эта статистика особенно ценна. Она показывает, что сама модель вынесения части функций безопасности и обеспечения за пределы классической армейской структуры уже стала обычной практикой. На этом фоне ЧВК выступают не исключением из системы, а её наиболее силовым и политически чувствительным сегментом.

В результате обсуждение темы выводит к трём основным факторам институционализации. Первый фактор связан с изменением природы конфликтов. Современные кризисы всё чаще разворачиваются в гибридной форме, где переплетаются боевые действия, охрана объектов, сопровождение поставок, обучение союзных сил, разведывательное и консультативное обеспечение. Подобная среда плохо укладывается в старую модель, где субъектом применения силы выступает только регулярная армия. Второй фактор имеет политическую природу. ЧВК позволяют государству варьировать степень публичности, ответственности и вовлечённости. Третий фактор носит экономико-управленческий характер и выражается в способности быстро привлекать внешние ресурсы без длительного развертывания собственных постоянных структур. Вместе эти три фактора объясняют, почему ЧВК постепенно закрепляются в международной практике.

При этом полученные результаты не позволяют свести институционализацию к простой нормализации деятельности ЧВК. Напротив, чем устойчивее становится сама практика их использования, тем заметнее правовой и политический разрыв между фактическим спросом и нормативным оформлением. Сам факт многолетнего продвижения этой темы показывает, что международное сообщество признаёт проблему не как случайную, а как системную. Однако столь длительный процесс обсуждения одновременно говорит и о другом. Единый универсальный режим контроля до сих пор не выработан, а значит, институционализация ЧВК идёт быстрее, чем формирование полноценного международного регулирования.

Наиболее остро эта коллизия проявляется в вопросе ответственности. Когда функции безопасности выполняются частным субъектом, меняется привычная схема подотчётности. Возникают сложные вопросы о пределах государственного контроля, об источниках финансирования, о статусе персонала, о применимости международного гуманитарного права и о средствах правовой защиты в случае нарушений. Институционализация ЧВК не является нейтральным организационным процессом. Она расширяет инструментарий безопасности, но одновременно повышает нагрузку на механизмы контроля и международной ответственности.

Заключение

Тема институционализации частных военных компаний в современной системе международной безопасности была раскрыта через последовательный переход от теоретического осмысления феномена к анализу его фактических проявлений и их политико-правовой интерпретации. Особое значение имел анализ статистических данных. Сопоставление динамики вооруженных конфликтов, роста числа погибших, увеличения мировых военных расходов и устойчивого присутствия внешних подрядчиков в операционных зонах позволило увидеть, что институционализация ЧВК развивается на фоне общего усложнения международной среды. Обсуждение полученных резуль-

татов позволило уточнить, какие именно факторы оказываются определяющими. Наиболее значимыми стали гибридизация конфликтов, политическая удобность опосредованного применения силы, экономико-управленческая гибкость внешних исполнителей и нормативная незавершенность международного регулирования.

Литература

1. Алаудинов А. А., Стригунов К. С., Гончаренко А. Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – №. 2 (79). – С. 16-25.
2. Королькова Е. Е. Современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 122-135.
3. Кузнецов А. А. Правовой статус частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – №. 26. – С. 451-459.
4. Марков А. Ю. ЧВК как форма аутсорсинга функций Вооруженных Сил РФ: вопросы трудового права // Диалог. – 2023. – №. 4 (26). – С. 21-23.
5. Попова К. С., Ерёменко А. С. Правовое регулирование частных военных компаний в международном праве // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. – №. 2 (71). – С. 198-201.
6. Трубицин К. А. Израильские частные военные компании: трансформация государственной силы и логика аутсорсинга безопасности // Теория и история международных отношений. – № 6. – 2025. – С. 2443-2447.
7. Трунов И. Л. Частные военные компании и международное гуманитарное право. Вопросы регулирования // Государственная служба и кадры. – 2023. – №. 4. – С. 139-145.
8. Хабачиров М. Л. Об обязательствах государств по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – №. 4. – С. 84-93.
9. Цвяк А. А. Возможности и пределы деятельности частных военных компаний: политический контекст // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – №. 1. – С. 193-196.
10. Цыбаков Д. Л. Проблемы правового регулирования деятельности частных военных компаний // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени ВВ Лукьянова. – 2024. – №. 2 (99). – С. 36-44.
11. Шекиханов, М. А. ЧВК как альтернатива традиционной армии: почему государства предпочитают частные компании? // Бизнес и общество. – 2025. – N 1 (45). – С. 1-6.
12. Яковлев М.М. Частные военные компании и частные разведкомпании: Прошлое, настоящее, будущее / Под науч. ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина; предисл. д.ю.н. В.К. Ботнева. – М.: Буки Веди, 2024. – 116 с.
13. Armed conflict and conflict management // URL: https://www.acq.osd.mil/asds/log/cso/ocs/docs/CENTCOM/FY24_1Q_5A_Jan2024.pdf (дата обращения: 01.04.2026).
14. Contractor support of U.S. operations in the USCENTCOM area of responsibility // URL: https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2024 (дата обращения: 03.04.2026).
15. SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security (SIPRI Yearbook Series) // URL: https://www.sipri.org/yearbook/2025 (дата обращения: 02.04.2026).
16. Trends in World Military Expenditure // URL: https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2024 (дата обращения: 03.04.2026).

The factors of institutionalization of private military companies in the modern international security system

Alekseevich N.K.

North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the factors of institutionalization of private military companies in the modern system of international security. The relevance of the topic is related to the fact that PMCs are increasingly involved in conflicts, protection of facilities, personnel training, logistical support and other forms of military support, which is changing traditional ideas about state control over the use of force. The purpose of the article is to identify and analyze the political, legal, organizational, and military-practical factors contributing to the consolidation of PMCs in the international environment. The material basis was made up of Russian-language scientific publications from 2023-2026, as well as statistical and analytical data from international organizations and specialized centers. Literature analysis, comparative method, political and legal approach and quantitative data processing are used. It is concluded that PMCs are gradually becoming a stable element of the modern security architecture, reflecting the transformation of the ways of organizing power, responsibility and control in world politics. The practical significance of the article lies in the possibility of using the findings in the analysis of modern conflicts, assessing non-state power actors and further understanding the limits of the permissible participation of private structures in ensuring international and regional security in the context of increasing global instability today.

Keywords: private military companies, institutionalization, international security, non-state actors, hybrid conflicts, military services, international regulation.

References

1. Alaudinov A. A., Strigunov K. S., Goncharenko A. R. the role of non-state actors in modern hybrid wars / / The Caspian region: politics, economy, culture. – 2024. – №. 2 (79). - Pp. 16-25.
2. Korolkova E. E. Modern trends in international legal regulation of private military and security companies // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2024. - Vol. 17. – No. 1. - pp. 122-135.
3. Kuznetsov A. A. the legal status of private military companies in the context of modern proxy conflicts // Issues of Russian justice. – 2023. – №. 26. pp. 451-459.
4. Markov A. Y. PMCs as a form of outsourcing the functions of the Armed Forces of the Russian Federation: issues of labor law // Dialog. – 2023. – №. 4 (26). - Pp. 21-23.
5. Popova K. S., Eremenko A. S. Legal regulation of private military companies in international law // Bulletin of Science. – 2024. – T. 1. – №. 2 (71). - Pp. 198-201.
6. Trubitsin K. A. Israeli private military companies: the transformation of state power and the logic of security outsourcing // Theory and history of international relations. – No. 6. – 2025. - pp. 2443-2447.
7. Trunov I. L. Private military companies and international humanitarian law. Regulatory issues / / Civil service and personnel. – 2023. – No. 4. - pp. 139-145.
8. Khabachirov M. L. on the obligations of the state on national regulation of the activities of private military and security companies // North Caucasian Law Bulletin. – 2024. – №. 4. - Pp. 84-93.
9. Tsvyak A. A. opportunities and prerequisites for the activities of private military companies: a political context // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 1. - pp. 193-196.
10. Tsybakov D. L. problems of legal regulation of the activities of private military companies / / Scientific bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. – 2024. – №. 2 (99). - Pp. 36-44.
11. Shekikhanov, M. A. PMCs as an alternative to the traditional army: why do states prefer private companies? // / Business and society. – 2025. – N 1 (45). - pp. 1-6.
12. Yakovlev M. M. private military companies and private intelligence companies: Past, Present, Future / Under the scientific editorship of Doctor of Law, Professor I. V. Ponkin; preface by Doctor of Law V. K. Botnev. - M.: Buki Vedi, 2024. - 116 p.
13. Armed conflicts and conflict management // url: https://www.acq.osd.mil/asds/log/cso/ocs/docs/CENTCOM/FY24_1Q_5A_Jan2024.pdf (accessed: 04/01/2026).
14. Contractor support for operations in the United States in the uscentcom area of responsibility // url: <url> https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2024 (date of access: 04/03/2026).
15. SIPRI Yearbook for 2025: Armament, disarmament and International security (SIPRI Yearbooks series) // URL: https://www.sipri.org/yearbook/2025 (date of publication: 04/02/2026).
16. Trends in global military spending // url: <url> https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2024 (date of request: 04/03/2026).

Механизмы финансирования климатических проектов: международный опыт и российские реалии

Тихонов Юрий Олегович
аспирант, факультет международный отношений, Санкт-Петербургский государственный университет,
st085723@student.spbu.ru

В статье исследуются международные механизмы финансирования климатических проектов и оценивается их применимость в российском институциональном контексте после 2022 года. Рассмотрены восемь категорий таких механизмов: Зелёный климатический фонд (ЗКФ), Глобальный экологический фонд (ГЭФ), Адаптационный фонд, Климатические инвестиционные фонды (КИФ), двусторонние механизмы, углеродные рынки по статье 6 Парижского соглашения, Европейская система торговли выбросами и таксономии устойчивого финансирования, включая СВАМ. В статье приведён анализ с использованием метода кейс-стади для участия России в Глобальном экологическом фонде и Сахалинском эксперименте. В соответствии с рассматриваемыми примерами международных инструментов финансирования создана матрица применимости указанных механизмов по шести критериям применительно к ситуации России после 2022 года, на основании которой сделаны аналитические выводы о применимости данных механизмов в российском контексте. Проведён сравнительный анализ институциональных механизмов России с тождественными институтами Индии и Китая как наиболее методологически сопоставимых примеров. Подготовлены рекомендации по возможным решениям, которые доступны к имплементации в современных условиях в России, по снижению барьеров к использованию международных инструментов финансирования климатических проектов.

Ключевые слова: климатическое финансирование, Зелёный климатический фонд, статья 6 Парижского соглашения, зелёная таксономия, Сахалинский эксперимент.

Введение

Проблема финансирования мер по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним занимает центральное место в архитектуре международного климатического режима. Статьи 9–11 Парижского соглашения 2015 года закрепляют обязательство развитых стран мобилизовать климатическое финансирование для развивающихся государств [6]. При этом объём текущих потоков финансирования кратно уступает даже консервативным оценкам объёмов требуемых потоков для выполнения Парижского соглашения [18]. Данный разрыв между требуемыми и фактическими объёмами финансирования усугубляется геополитической фрагментацией, конкурентным давлением иных глобальных приоритетов и появлением новых регуляторных инструментов.

Россия занимает важное место в международном климатическом режиме, как один из крупнейших мировых эмитентов парниковых газов (четвёртое место по абсолютному объёму выбросов), и в то же время страна со значительным потенциалом поглощения углерода. В этом контексте вопрос финансирования климатических проектов в России обладает значимостью не только на национальном, но и на международном уровне.

Целью данной статьи является подготовка выводов о применимости для России международных инструментов климатического финансирования в современных условиях. Для достижения поставленной цели исследования сформулированы следующие задачи:

- подготовить перечень международных инструментов климатического финансирования;
- проанализировать доступность данных инструментов для России;
- подготовить рекомендации по устранению барьеров к использованию этих инструментов с российской стороны.

Материалы и методы

Работы российских авторов [1; 3; 4; 9] сосредоточены на отдельных аспектах национальной климатической политики без системного сравнения с международным опытом применительно к периоду после 2022 года. Международные исследования по фрагментации климатического режима [15; 26] также не анализировали применимость климатических финансовых механизмов к России в современных условиях. В этом контексте данная статья позволит заполнить этот пробел. Методология исследования включает методы сравнительного анализа, кейс-стади и контент-анализа.

1. Сравнительный анализ международных механизмов климатического финансирования

1.1. Зелёный климатический фонд (GCF)

GCF учреждён на КС-16 РКИК ООН (2010) в соответствии с Управляющим инструментом фонда [17] и приступил к деятельности в 2015 году. Цель — содействие низкоуглеродному климатоустойчивому развитию развивающихся стран. Управление осуществляется Советом на паритетной основе; секретариат расположен в Инчхоне. По состоянию на 2024 год одобрен портфель около 13,5 млрд долл. США в 230+ проектах в 130+ странах [20]. Россия как страна Приложения I РКИК ООН является донором.

1.2. Глобальный экологический фонд (ГЭФ)

ГЭФ — старейший многосторонний механизм экологического финансирования (1991), охватывающий климат,

биоразнообразие, деградацию земель и международные воды. Финансирование предоставляется в форме грантов через агентства-исполнители (ПРООН, ЮНЕП, Всемирный банк). ГЭФ — единственный из рассматриваемых механизмов, в котором Россия непосредственно участвовала как получатель: 80+ проектов общим объёмом ~600 млн долл. [16]. В 2022 году Совет ГЭФ приостановил рассмотрение новых проектов для России и Беларуси [16].

1.3. Адаптационный фонд

Адаптационный фонд учреждён в 2001 году и специализируется на финансировании адаптации в развивающихся странах. В соответствии с Решением 1/CMA.1 фонд переориентирован под Парижское соглашение [22], что теоретически расширило круг участников; тем не менее его мандат по-прежнему ограничен развивающимися странами. Объём одобренного финансирования климатических проектов к 2024 году составил примерно 1 млрд долл. [13].

1.4. Климатические инвестиционные фонды (CIF)

CIF (2008) — инструменты при многосторонних банках развития: льготные кредиты, субординированный долг, гарантии. Совокупный портфель >11 млрд долл., мобилизовавших >60 млрд сопутствующих инвестиций [12]. Ориентированы на развивающиеся страны, что изначально исключало прямое участие России.

1.5. Двусторонние механизмы

Инициатива Германии IKI (Internationale Klimaschutzinitiative — Инициатива международного климатического финансирования), британский BRICF (British International Climate Finance — Британский международный климатический фонд) и климатические программы USAID после 2022 года прекратили прямое взаимодействие с Россией. Двусторонние ODA-механизмы критикуются за привязку к внешнеполитическим приоритетам доноров [19].

1.6. Статья 6 Парижского соглашения: углеродные рынки

Статья 6 создаёт правовую основу для рыночного (ст. 6.2, ст. 6.4) и нерыночного (ст. 6.8) международного сотрудничества. Статья 6.2 регулирует двусторонние механизмы передачи результатов смягчения (internationally transferred mitigation outcomes, ITMO); статья 6.4 — многосторонний «Механизм устойчивого развития» (Sustainable Development Mechanism, SDM). Вместе с тем ряд технических вопросов операциональной имплементации «соответствующих корректировок» (corresponding adjustments) применительно к двусторонним сделкам по статье 6.2 сохранял неурегулированный статус по состоянию на начало 2025 года, что непосредственно влияет на перспективы интеграции российского реестра углеродных единиц с международными рынками.

1.7. EU ETS как самостоятельный ценовой ориентир

Европейская система торговли выбросами (EU Emissions Trading System, EU ETS), действующая с 2005 года, является крупнейшим в мире рыночным инструментом углеродного ценообразования (cap-and-trade — квотирование и торговля), охватывающим около 40% выбросов ЕС. EU ETS обладает принципиально иной правовой природой по сравнению с CBAM: первый является рыночным механизмом, второй — торгово-регуляторным, вследствие чего они рассматриваются как самостоятельные инструменты. Средняя цена квоты EU ETS составляла ~80 евро за тонну CO_2-экв. в 2022–2023 годах и в феврале 2023 года превысила 100 евро [12; 22]; в 2024 году цены снизились до диапазона 50–65 €/т вследствие роста возобновляемой генерации и ряда макроэкономических факторов [12], что, однако, не меняет качественной картины структурного разрыва с российским рынком, лишь корректируя его количественный масштаб. Российские углеродные единицы Сахалинского рынка торговались в 2023 году по ценам значительно ниже 1 долл. за тонну — разрыв в 50–100 раз относительно EU ETS в зависимости от рассматриваемого периода.

1.8. CBAM и таксономии устойчивого финансирования

CBAM введён Регламентом ЕС 2023/956 от 10 мая 2023 года [21]. Переходная фаза — с 1 октября 2023 по 31 декабря 2025 года (декларация углеродного содержания); полная финансовая фаза — с 1 января 2026 года (обязательная покупка сертификатов по цене EU ETS). Охватываемые сектора: сталь и железо, алюминий, цемент, удобрения, электроэнергия, водород. Статья 9 Регламента предусматривает зачёт углеродных платежей, уплаченных в стране происхождения товара, — что создаёт прямой стимул для ценового сближения внутренних углеродных рынков третьих стран с EU ETS. Вместе с тем необходимо сделать оговорку о риске переориентации торговли (trade diversion risk): данный стимул действует при условии сохранения торговой ориентации российских производителей на рынок ЕС; при устойчивой переориентации экспорта на незападные рынки, где углеродная нагрузка отсутствует, стимул к ценовому сближению с EU ETS существенно ослабевает.

В части таксономий: «зелёные облигации» (green bonds) верифицируются по стандартам ICMA Green Bond Principles; «климатические облигации» (climate bonds) — по более строгим критериям Climate Bonds Initiative (CBI). Таксономия ЕС (Регламент ЕС 2020/852) устанавливает принцип «не нанесения существенного вреда». Таксономия КНР и таксономия АСЕАН уделяют большее внимание «переходным» технологиям, создавая основу для гармонизации с российской зелёной таксономией.

2. Российский контекст: институциональная среда и барьеры

2.1. Нормативная база

Нормативная база российской климатической политики формируется несколькими документами. Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (2021) установил обязательную углеродную отчётность для крупных эмитентов (>150 тыс. т CO_2-экв./год) [10]. Федеральный закон № 34-ФЗ (2022) ввёл понятия «климатического проекта» и «углеродной единицы» [11]. Постановление Правительства № 1587 (2021) утвердило критерии зелёных и адаптационных проектов — фактически первый вариант российской зелёной таксономии [7].

ВЭБ.РФ наделён статусом национального методологического центра по финансовым инструментам устойчивого развития Распоряжением Правительства РФ от 18.11.2020 № 3024-р [8]. В период с марта 2020 года по май 2021 года ВЭБ.РФ разработал национальную методологию по зелёному финансированию, включающую таксономию зелёных проектов, таксономию адаптационных проектов и требования к системе верификации, которые 21 сентября 2021 года утверждены в составе Постановления Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 (далее – ПП № 1587) [5]. Методология учитывала ведущие международные практики (ICMA, CBI, IDFC, EC). ВЭБ.РФ является де-факто оператором российского рынка зелёных облигаций. Критики указывают на сложность верификации углеродных единиц и ограниченный спрос со стороны корпоративного сектора [3, с. 69; 9].

2.2. Сахалинский эксперимент

Сахалинский эксперимент запущен в 2022 году: предприятия Сахалинской области обязаны сокращать выбросы до квоты либо приобретать углеродные единицы. К концу 2023 года в реестре углеродных единиц (оператор

— НРД, Национальный расчётный депозитарий) зарегистрировано несколько десятков климатических проектов преимущественно в области лесного хозяйства [2]. Рыночная цена российских углеродных единиц остаётся ниже 1 долл. за тонну CO_2-экв. Для сравнения: в 2022–2023 годах цена квоты EU ETS составляла ~80–100 €/т, а в 2024 году — 50–65 €/т [12] вследствие роста возобновляемой генерации и коррекции рынка. По данным доклада Всемирного банка о состоянии и тенденциях углеродного ценообразования, сопоставимые нарождающиеся углеродные рынки в развивающихся странах также характеризуются крайне низкой ценовой привлекательностью на начальных стадиях функционирования [24]. Разрыв между российским и европейским рынком составлял в рассматриваемый период от 50 до 100 раз в зависимости от года. Данное сопоставление носит иллюстративный характер и не предполагает непосредственной сравнимости двух активов — квоты EU ETS и российские углеродные единицы различаются по регуляторному обязательству, ликвидности и механизму признания. Ценовое сравнение используется для количественного задания масштаба институционального разрыва между двумя системами, а не для оценки рыночной стоимости углерода в российской экономике. Следует признать ограниченность публично доступных данных: детализированная информация об объёмах торгов и структуре участников Сахалинского рынка не публикуется в полном объёме, что не позволяет провести исчерпывающий количественный анализ его ликвидности. Нефункциональность рынка с точки зрения привлечения значимых климатических инвестиций определяется не только ценовым разрывом, но и совокупностью структурных ограничений: узким регуляторным охватом (один регион), ограниченным числом верифицированных проектов (несколько десятков по состоянию на конец 2023 года) и отсутствием эффективного механизма принудительного исполнения квотных обязательств, необходимого для формирования устойчивого спроса на углеродные единицы [24; 4, с. 107]. В контексте CBAM именно этот совокупный разрыв определяет невозможность использования механизма зачёта по статье 9 Регламента ЕС 2023/956 до существенного роста внутренних цен на углерод.

2.3. Альтернативные каналы

АБИИ 3 марта 2022 года объявил о приостановке всех операций, связанных с Россией и Беларусью [25]; по состоянию на начало 2025 года приостановка официально не была снята. НБР БРИКС 4 марта 2022 года объявил о приостановке всех новых транзакций с Россией [14]; банк заморозил все выплаты и новые одобрения для России с марта 2022 года. Таким образом, ни АБИИ, ни НБР БРИКС не являются функционирующими альтернативными каналами в текущих условиях; их включение в перспективные рекомендации возможно исключительно на условно-сценарной основе. Двусторонние механизмы с Китаем (совместные проекты, инструменты зелёного долга, номинированные в юанях) представляют наиболее реалистичный краткосрочный канал.

3. Сравнительная таблица применимости механизмов для России

Матрица, разработанная при подготовке настоящей статьи, оценивает восемь механизмов по шести критериям: (1) текущая доступность для России; (2) потенциал после нормализации; (3) тип / правовая природа; (4) требования к мониторингу; (5) совместимость с российской таксономией (ПП № 1587); (6) прецеденты — данные по сопоставимым странам носят иллюстративный характер ввиду различий масштаба экономик.

EU ETS и CBAM в Таблице 1 выделены как самостоятельные механизмы ввиду принципиального различия правовой природы. Данные в столбце «Прецеденты» носят иллюстративный характер; сопоставимость с Россией ограничена ввиду различий масштаба экономик (подробнее — раздел 6.2). Данные в Таблице 1 верифицированы по состоянию на начало 2025 года.

Таблица 1
Матрица применимости международных механизмов климатического финансирования для России.

Механизм	Доступ сейчас	Потенциал после нормализации	Тип / правовая природа	Требования к мониторингу	Совм. с ПП № 1587	Прецеденты
GCF	Закрыт (донор)	Низкий (статус донора)	Грант / льготный кредит	Высокие (IPCC-совместимые)	Частичная	Индия — активна как реципиент; Иран — не участвует
GEF	Приостановлен (2022)	Высокий (исторический опыт: 80+ проектов)	Грант	Средние (верификация ПРООН)	Высокая (природные экосистемы)	Беларусь — приостановлен; Индия — активен
Adaptation Fund	Не применим (мандат — развивающиеся страны)	Низкий (реформа КС-24 не меняет мандат)	Грант (прямой доступ)	Средние	Частичная	Нет аналогов среди рассматриваемых стран
CIF	Закрыт (многосторонние банки развития)	Низкий (критерии страны)	Льготный кредит / гарантии	Высокие (стандарты банков развития)	Частичная	Венесуэла — не участвует
Двусторонние (IKI, USAID)	Закрыт (санкции)	Средний (политически обусловлен)	Грант / техническое содействие	Средние (специфичные для донора)	Средняя	Иран — закрыт; Беларусь — каналы ЕС закрыты
Статья 6.2 ПС (ITMO)	Ограничен (нет партнёрств с западными странами)	Высокий (двусторонний формат с незападными партнёрами)	Рыночный (торговля единицами)	Очень высокие (корректировки; консенсус не достигнут)	Средняя (реестр совместим)	Индия — PAT-схема, переговоры ITMO по ст. 6.2; КНР — China ETS (2021), переговоры по ст. 6.2 со Швейцарией
EU ETS (ценовой ориентир)	Не применим напрямую (третья страна)	Косвенный (через CBAM-зачёт по ст. 9)	Рыночный (cap-and-trade, квотирование и торговля); ~80–100 €/т	Высокие (верификация ЕС)	Низкая (прямая); высокая (через CBAM-совместимость)	КНР — China ETS как крупнейший углеродный рынок; Индия — переговоры по ценовому сближению
CBAM и таксономии ЕС/АСЕАН/КНР	CBAM обязателен при экспорте в ЕС; таксономия КНР — потенциально	Высокий (гармонизация с КНР/АСЕАН)	Торгово-регуляторный (CBAM) + классификационный (таксономии)	Высокие (верификация по Регл. 2023/956, ст. 9)	Высокая (ПП № 1587 — структурный аналог)	КНР — взаимное признание таксономии АСЕАН; Индия — переговоры по CBAM-зачёту

Анализ матрицы позволяет сформулировать четыре аналитических наблюдения. Во-первых, ни один из восьми механизмов не является полностью открытым для России в настоящее время; три трека сохраняют высокий потенциал при нормализации: ГЭФ, механизм статьи 6.2 с незападными партнёрами и таксономический трек. Во-вторых, EU ETS и CBAM следует аналитически разграничивать: EU ETS задаёт ценовой ориентир, количественно обнажающий структурный разрыв с российским рынком; CBAM создаёт торгово-регуляторный стимул к совместимости систем мониторинга независимо от санкций и от конкретного уровня цен EU ETS. В-третьих, таксономический трек — наиболее реалистичный краткосрочный путь. В-четвёртых, АБИИ и НБР БРИКС не являются функционирующими каналами и рассматриваются исключительно в сценарном ключе.

4. Обсуждение

4.1. Сравнение с опытом сопоставимых стран

Выбор Ирана, Беларуси и Венесуэлы в качестве иллюстративных случаев обусловлен критерием ограниченного доступа к западным механизмам. Данная выборка нерепрезентативна с точки зрения масштаба экономики: Россия — четвёртый по объёму выбросов эмитент в мире, тогда как перечисленные страны значительно уступают ей по этому показателю. Поэтому сравнительный анализ стратегий замещения, выработанных этими странами, носит именно иллюстративный характер. Методологически более подходящими случаями для анализа институциональных альтернатив служат Индия и Китай.

Китай, при ограниченном прямом участии в ряде западно-ориентированных климатических механизмов, сформировал наиболее развитую систему альтернативных инструментов среди крупных незападных эмитентов. Национальная система торговли выбросами КНР (China ETS), запущенная в полноценном формате в 2021 году и охватывающая свыше 2 200 электростанций, стала крупнейшим углеродным рынком мира по охвату выбросов. КНР разработала собственную таксономию зелёных проектов и систему стандартизации зелёных облигаций, что позволило стать крупнейшим эмитентом зелёных облигаций среди развивающихся стран. Двусторонние механизмы в рамках статьи 6.2 Парижского соглашения активно тестируются Китаем со Швейцарией и рядом стран АСЕАН. Применительно к России: опыт КНР свидетельствует о том, что создание работоспособного внутреннего углеродного рынка требует не менее 5–7 лет операционной отладки при наличии сильного регуляторного мандата и механизма принуждения к исполнению — факторов, которых текущему Сахалинскому эксперименту недостаёт.

Индия демонстрирует иную стратегию: активное участие в переговорах по статье 6.2 Парижского соглашения при сохранении статуса получателя климатического финансирования в GCF и GEF. Нью-Дели ведёт переговоры о признании своих внутренних углеродных инструментов (Perform, Achieve and Trade — PAT-схема) применительно к зачётам ITMO, что создаёт прецедент для будущих двусторонних договорённостей. Опыт Индии свидетельствует о том, что даже частично функционирующая внутренняя система мониторинга, гармонизированная с IPCC-методологией, открывает возможности для переговорных позиций по статье 6.2 — вне зависимости от западных санкций.

Иран не интегрировался в многосторонние климатические механизмы; сотрудничает с Китаем в области возобновляемой энергетики на двусторонней основе. Беларусь переориентировалась на российское со-финансирование. Венесуэла реализует климатические проекты через механизмы двусторонней помощи Китая. Ключевое отличие российского случая — масштаб экономики и институциональный потенциал.

4.2. БРИКС и альтернативная архитектура

НБР БРИКС приостановил новые транзакции с Россией с марта 2022 года [14] и испытывает давление риска вторичных санкций, ограничивающего его операционную активность. Вместе с тем НБР сохраняет институциональную инфраструктуру и поддерживает активный портфель климатических проектов в других странах БРИКС — прежде всего в Индии, Бразилии и ЮАР. Это означает, что при гипотетической нормализации отношений НБР располагает готовым операционным опытом климатического финансирования, применимым к российскому контексту, — в отличие от институтов, которые пришлось бы создавать с нуля.

Расширенный формат БРИКС+ (включение Саудовской Аравии, ОАЭ, Эфиопии, Ирана и ОАЭ с 2024 года) создаёт новую геометрию потенциального климатического финансирования. В совокупности страны БРИКС+ охватывают значительную долю мирового ВВП и мировых выбросов, а ряд новых участников — прежде всего ОАЭ — располагает значительными суверенными инвестиционными мощностями и публично заявленными климатическими амбициями. Тем не менее формирование единого климатического финансового механизма БРИКС сопряжено с серьёзными институциональными препятствиями: разнородностью интересов участников, отсутствием согласованных стандартов мониторинга и неопределённостью в вопросе признания углеродных единиц.

Таким образом, на настоящем этапе данные не позволяют говорить об оформившейся альтернативной климатической финансовой архитектуре БРИКС — скорее о совокупности двусторонних и ситуативных инструментов, ещё не интегрированных в единый режим.

Заключение

Исследование показало, что из восьми рассмотренных механизмов климатического финансирования ни один не является полностью открытым для России в текущих условиях; при этом три трека сохраняют значимый потенциал при нормализации ситуации: ГЭФ, механизм статьи 6.2 с незападными партнёрами и таксономический трек (КНР/АСЕАН). Научный вклад статьи включает авторскую матрицу применимости восьми механизмов по шести критериям с раздельным рассмотрением EU ETS и CBAM.

В результате, можно выделить следующие рекомендации для российских регуляторов. Во-первых, следует масштабировать Сахалинский эксперимент на регионы с высоким потенциалом лесопоглощения для накопления институционального опыта. Во-вторых, полезной станет гармонизация ПП № 1587 с таксономиями КНР и АСЕАН как основы для эмиссии долговых инструментов устойчивого развития, которые могут предоставлять интерес для азиатских институциональных инвесторов. В-третьих, следует взаимодействовать с НБР БРИКС по мере возможного восстановления его операционной активности в России.

Литература

1. Еремин В. В., Бауэр В. П. Зеленое финансирование как триггер позитивных климатических преобразований // Финансы: теория и практика. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 65–73. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zelenoe-finansirovanie-kak-trigger-pozitivnyh-klimaticheskih-preobrazovaniy (дата обращения: 29.04.2026).

2. За два года эксперимента выбросы парниковых газов на Сахалине сократились в два раза // Министерство экономического развития РФ, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.economy.gov.ru/material/news/za_dva_goda_eksperimenta_vybrosy_parnikovyh_gazov_na_sahaline_sokratilis_v_dva_raza.html (дата обращения: 01.03.2026).

3. Кузьминых Ю. В. Проблемы финансирования климатических проектов в Российской Федерации в современных реалиях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2020. — № 1 (73). — С. 67–72. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-klimaticheskih-proektov-v-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 29.04.2026).

4. Кучин Р. В. Особенности рыночного механизма финансирования климатических проектов региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — С. 107-109. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54164698 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Методология национального стандарта по зелёному финансированию // ВЭБ.РФ. – 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/metodologiya/ (дата обращения: 01.03.2026).

6. Парижское соглашение // ООН. – 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зелёного) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // Гарант. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/402839344/ (дата обращения: 01.03.2026).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.11.2020 № 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011200033 (дата обращения: 01.03.2026).

9. Семёнов С. Ю. Выбор методических подходов к финансированию климатических проектов ГЧП // Российский экономический интернет-журнал. — 2023. — № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54237736 (дата обращения: 01.03.2025).

10. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Гарант. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/401420454/ (дата обращения: 01.03.2026).

11. Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Гарант. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/403615518/ (дата обращения: 01.03.2026).

12. Annual Report 2023 // CIF. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cif.org/sites/cif_enc/files/2024-06/cif_annual_report_2023.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

13. Annual Report 2024 // Adaptation Fund. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adaptation-fund.org/wp-content/uploads/2025/05/AF-APR-2024-English-04.029.2025.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

14. A Statement by the New Development Bank // NDB. – 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ndb.int/news/a-statement-by-the-new-development-bank/ (дата обращения: 01.03.2026).

15. Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. The Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis // Global Environmental Politics. — 2010. — Vol. 9, No. 4. — P. 14–40. [Электронный ресурс] Access mode: https://www.researchgate.net/publication/227627447_The_Fragmentation_of_Global_Governance_Architectures_A_Framework_for_Analysis (дата обращения: 29.04.2026).

16. Country Portfolio: Russian Federation // GEF. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.thegef.org/projects-operations/country-profiles/russian-federation (дата обращения: 01.03.2026).

17. Governing Instrument // Green Climate Fund. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greenclimate.fund (дата обращения: 01.03.2026).

18. IPCC. Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report / ed. by P. R. Shukla, J. Skea, R. Slade et al. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — Chapter 15: Finance, Investment and Broader Economic Aspects of Climate Action.

19. Michaelowa A., Michaelowa K. Coding Error or Statistical Embellishment? The Political Economy of Reporting Climate Aid // World Development. — 2011. — Vol. 39, No. 11. — P. 2010–2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.07.020 (дата обращения 29.04.2026).

20. Portfolio Dashboard // Green Climate Fund. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greenclimate.fund/projects/dashboard (дата обращения: 01.03.2026).

21. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism // Official Journal of the European Union. — 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj (дата обращения 01.03.2026).

22. Report of the Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to the Paris Agreement on the first part of its first session, held in Marrakech from 15 to 18 November 2016 // UNFCCC. – 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/resource/docs/2016/cma1/eng/03a01.pdf#page=2 (дата обращения: 29.04.2026).

23. Sitarz J., Pahle M., Osorio S., Luderer G., Pietzcker R. EU carbon prices signal high policy credibility and farsighted actors // Nature Energy. — 2024. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://publications.pik-potsdam.de/rest/items/item_29958_6/component/file_30077/content (дата обращения: 29.04.2026).

24. State and Trends of Carbon Pricing 2024 // World Bank Group. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hdl.handle.net/10986/41544 (дата обращения: 01.03.2026).

25. Statement on War in Ukraine // AIIB. – 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIIB-Statement-on-war-in-Ukraine.html (дата обращения: 01.03.2026).

26. Zelli F., van Asselt H. Introduction: The Institutional Fragmentation of Global Environmental Governance: Causes, Consequences, and Responses // Global Environmental Politics. — 2013. — Vol. 13, No. 3. — P. 1–13. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://lucris.lub.lu.se/ws/portalfiles/portal/36041861/glep_a_00180.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

Financing mechanisms for climate projects: international experience and Russian realities

Tikhonov Yu.O.
Saint Petersburg State University

This article examines international climate finance mechanisms and assesses their applicability to the Russian institutional context after 2022. Eight categories of such mechanisms are considered: the Green Climate Fund (GCF), the Global Environment Facility (GEF), the Adaptation Fund, Climate Investment Funds (CIFs), bilateral mechanisms, carbon markets under Article 6 of the Paris Agreement, the European Emissions Trading Scheme, and sustainable finance taxonomies, including CBAM. The article provides a case study analysis of Russia's participation in the Global Environment Facility and the Sakhalin Experiment. Based on the considered examples of international financing instruments, a matrix of the mechanisms' applicability is created based on six criteria applicable to Russia's situation after 2022. This matrix serves as the basis for analytical conclusions regarding the mechanisms' applicability to the Russian context. A comparative analysis of Russia's institutional mechanisms is conducted with similar institutions in India and China, representing the most methodologically comparable examples. Recommendations have been prepared on possible solutions that can be implemented in Russia's current environment to reduce barriers to the use of international climate finance instruments.

Keywords: climate finance, Green Climate Fund, Article 6 Paris Agreement, green taxonomy, Sakhalin experiment.

References

1. Methodology of the National Standard for Green Finance // VEB.RF. – 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/metodologiya/ (access date 03/01/2026).
2. Eremin V. V., Bauer V. P. Green Finance as a Trigger for Positive Climate Transformations // Finance: Theory and Practice. 2021. Vol. 14, No. 4. P. 65–73. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/zelenoe-finansirovanie-kak-trigger-pozitivnyh-klimaticheskih-preobrazovaniy (access date 04/29/2026).
3. Kuzminykh Yu. V. Problems of Financing Climate Projects in the Russian Federation in Current Realities // Scientific Notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy. 2020. No. 1 (73). P. 67–72. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-klimaticheskih-proektov-v-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah (access date: 04/29/2026)
4. Kuchin R. V. Features of the Market Mechanism for Financing Climate Projects in a Region // Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. – 2023. – P. 107-109. [Electronic resource]. Access mode: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54164698 (access date 03/01/2026).
5. Greenhouse gas emissions on Sakhalin have been halved over two years of the experiment // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/news/za_dva_goda_eksperimenta_vybrosy_parnikovyh_gazov_na_sahaline_sokratilis_v_dva_raza.html (access date 03/01/2026).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 21, 2021, No. 1587 "On Approval of the Criteria for Sustainable (Including Green) Development Projects in the Russian Federation and the Requirements for the Verification System of Sustainable Development Financing Instruments in the Russian Federation" // Garant. [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/402839344/ (access date 03/01/2026).
7. Order of the Government of the Russian Federation of November 18, 2020, No. 3024-r, "On the coordinating role of the Ministry of Economic Development of Russia in the development of investment activities and attracting extra-budgetary funds for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation." // Official internet-portal for law information. – 2020. [Electronic resource]. Access mode: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011200033 (access date 03/01/2026).
8. Federal Law No. 296-FZ of 02.07.2021 "On the Limitation of Greenhouse Gas Emissions" // Garant. [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/401420454/ (access date 03/01/2026).
9. Federal Law of March 6, 2022 No. 34-FZ "On Conducting an Experiment to Limit Greenhouse Gas Emissions in Certain Constituent Entities of the Russian Federation" // Garant. [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/403615518/ (access date 03/01/2026).
10. Semenov S. Yu. Selection of Methodological Approaches to Financing PPP Climate Projects // Russian Economic Online Journal. 2023. No. 2. [Electronic resource]. Access mode: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54237736 (access date 03/01/2026).
11. Annual Performance Report 2024 // Adaptation Fund. – 2025. [Electronic resource]. Access mode: https://www.adaptation-fund.org/wp-content/uploads/2025/05/AF-APR-2024-English-04.029.2025.pdf (access date 03/01/2026).
12. Statement on War in Ukraine // AIIB. – 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIIB-Statement-on-war-in-Ukraine.html (access date 03/01/2026).
13. Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. The Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis // Global Environmental Politics. — 2010. — Vol. 9, No. 4. — P. 14–40. [Electronic resource] Access mode: https://www.researchgate.net/publication/227627447_The_Fragmentation_of_Global_Governance_Architectures_A_Framework_for_Analysis (access date 04/29/2026).
14. Annual Report 2023 // CIF. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://www.cif.org/sites/cif_enc/files/2024-06/cif_annual_report_2023.pdf (access date 03/01/20265).
15. Governing Instrument // Green Climate Fund. 2011. [Electronic resource]. Access mode: https://www.greenclimate.fund (access date 03/01/2026).
16. Portfolio Dashboard // Green Climate Fund. [Electronic resource]. Access mode: https://www.greenclimate.fund/projects/dashboard (access date 03/01/2026).
17. Country Portfolio: Russian Federation // GEF. [Electronic resource]. Access mode: https://www.thegef.org/projects-operations/country-profiles/russian-federation (access date 03/01/2026).
18. IPCC. Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report / ed. by P. R. Shukla, J. Skea, R. Slade et al. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — Chapter 15: Finance, Investment and Broader Economic Aspects of Climate Action.
19. Michaelowa A., Michaelowa K. Coding Error or Statistical Embellishment? The Political Economy of Reporting Climate Aid // World Development. — 2010. — Vol. 39, No. 11. — P. 2010–2020. [Electronic resource]. Access mode: https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.07.020 (access date 04/29/2026).
20. A Statement by the New Development Bank // NDB. – 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ndb.int/news/a-statement-by-the-new-development-bank/ (access date 03/01/2026).
21. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism // Official Journal of the European Union. — 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj. (access date 03/01/2026)
22. Sitarz J., Pahle M., Osorio S., Luderer G., Pietzcker R. EU carbon prices signal high policy credibility and farsighted actors // Nature Energy. — 2024. [Electronic resource] Access mode: https://publications.pik-potsdam.de/rest/items/item_29958_6/component/file_30077/content (access date 04/29/2026).
23. Report of the Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to the Paris Agreement on the first part of its first session, held in Marrakech from 15 to 18 November 2016 // UNFCCC. – 2017. [Electronic resource]. Access mode: https://unfccc.int/resource/docs/2016/cma1/eng/03a01.pdf#page=2 (access date 04/29/2026).
24. Paris Agreement // United Nations. – 2015. [Electronic resource]. Access mode: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (access date 03/01/2026)
25. State and Trends of Carbon Pricing 2024 // World Bank Group. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://hdl.handle.net/10986/41544 (access date 03/01/2026).
26. Zelli F., van Asselt H. Introduction: The Institutional Fragmentation of Global Environmental Governance: Causes, Consequences, and Responses // Global Environmental Politics. — 2013. — Vol. 13, No. 3. — P. 1–13. [Electronic resource]. Access mode: https://lucris.lub.lu.se/ws/portalfiles/portal/36041861/glep_a_00180.pdf (access date: 04/29/2026).

Потенциал сотрудничества России с зарубежными странами в сфере развития института цифровой таможни: организационный и правовой аспекты

Ливанов Артём Геннадьевич
студент, Институт международных экономических связей, Livanovae@mail.ru

В статье рассматривается стратегическая роль международного сотрудничества в развитии института цифровой таможни Российской Федерации. Автор анализирует современную парадигму внешнеэкономических отношений, в которой эффективность таможенного администрирования напрямую зависит от уровня технологической интеграции ведомственных систем государств. Особое внимание уделено двум ключевым векторам взаимодействия: интеграции в рамках ЕАЭС и Союзного государства России и Белоруссии, направленной на создание единого цифрового пространства и гармонизацию законодательства, а также партнерству со странами БРИКС, ориентированному преимущественно на обеспечение технической интероперабельности разнородных национальных платформ. В работе исследуются проблемы нормативно-правового обеспечения сотрудничества, использования электронного документооборота, развития систем прослеживаемости товаров и интеллектуального анализа рисков. Автор приходит к выводу, что системная цифровизация таможенных процедур, подкрепленная международными стандартами ВТамО, является необходимым условием обеспечения конкурентоспособности страны, снижения административных барьеров и формирования устойчивых логистических цепочек в условиях глобальной трансформации мировой торговли.

Ключевые слова: цифровая таможня, ЕАЭС, БРИКС, таможенное администрирование, электронное декларирование, международное сотрудничество.

В условиях ускорения процессов глобализации и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий в современном мире формируется новая парадигма международных экономических отношений, в которой эффективная цифровизация логистики и таможенного администрирования становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государств. Растет популярность концепции «цифровая таможня». В ее рамках выстраивается комплексное взаимодействие государственных и бизнес-структур на основе внедрения технологических инноваций, реформирования организационных процедур и адаптации нормативно-правового обеспечения под нужды цифровизации. Для России, экономическая стратегия которой ориентирована на углубление международной кооперации и диверсификацию логистических коридоров, задача формирования института цифровой таможни приобретает стратегическое значение. Однако его успешное развитие не может быть реализовано в рамках исключительно национальных усилий, что обусловливает необходимость системного изучения потенциала международного сотрудничества в данной сфере.

Сотрудничество РФ в области цифровизации таможни охватывает все регионы мира, при этом основное внимание уделяется постсоветскому пространству (прежде всего, странам Евразийского экономического союза – ЕАЭС) и странам БРИКС. С Соединенными Штатами Америки и государствами Европейского союза, в силу роста геополитической напряженности, в последние годы интенсивность взаимодействия во многих сферах, в том числе в сфере таможенного администрирования, заметно снизилась.

Формирование Евразийского экономического союза как интеграционного проекта нового поколения изначально предполагало создание не только единого экономического, но и единого информационного пространства. В этой связи сотрудничество государств-членов (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия) в сфере цифровизации таможенных процессов является одним из множества направлений интеграции национальных информационных систем (отраслевых, ведомственных, корпоративных и др.). Основополагающим документом, задающим вектор этой работы, является цифровая повестка ЕАЭС [14], в рамках которой таможенное администрирование выделено в качестве одного из приоритетных направлений развития.

Правовую основу сотрудничества составляет множество нормативных актов, договоров и решений органов Союза, среди которых центральное место занимает Таможенный кодекс ЕАЭС, вступивший в силу 1 января 2018 года. Данный документ регламентирует переход на полностью электронное взаимодействие между таможенными службами государств-членов и участниками внешнеэкономической деятельности. Практическое воплощение этот подход получил в интегрированной информационной системе (ИИС) ЕАЭС [3], представляющей собой технологическую платформу для межгосударственного обмена данными и электронными документами. Она включает несколько критически важных для таможенных органов компонентов, например, систему прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Союза, с помощью которой осуществляется контроль за

их последующим перемещением между странами-участницами. Товарам присваивается уникальный идентификационный код, что позволяет бороться с незаконным реимпортом и обеспечивать корректное взимание косвенных налогов по принципу страны назначения. В ИИС выделены «общие процессы» – сквозные цифровые процессы межгосударственного обмена данными. Всего планируется внедрить 77 общих процессов, из них в настоящее время функционируют 39 [10].

Таможенные службы ЕАЭС договорились о взаимном обмене опытом по поддержке ИТ-систем и переходу на полное электронное декларирование (ЭД), что было подтверждено на Объединенной коллегии в Бишкеке в марте 2026 года. На текущий момент около 90% таможенных деклараций в странах Союза подается и обрабатывается таможней в электронном виде [1]. Декларации подаются в XML-формате через электронный архив декларанта (ЭАД), с обязательным использованием электронной подписи. Электронное декларирование является приоритетом в области цифрового развития, согласно Таможенному кодексу ЕАЭС. С 2014 года в России и других странах Союза это основной метод для декларирования импорта/экспорта, использование которого дает возможность минимизировать бумажный документооборот [6].

Одним из наиболее значимых достижений в области развития института цифровой таможни в ЕАЭС является реализация принципа «единого окна» в трансграничном формате. Принцип состоит в следующем: участник внешнеэкономической деятельности, например, из Казахстана, подает электронную декларацию и комплект документов в свою национальную систему, после чего данные в автоматическом режиме становятся доступны для таможенных органов Российской Федерации, если товар следует в нашу страну. Это устраняет необходимость повторного предоставления информации на внутренней границе, сокращая временные и финансовые издержки.

Однако реализация данного принципа на практике сталкивается с техническими и регуляторными вызовами, связанными с необходимостью обеспечения всесторонней гармонизации национальных законодательств в части перечня требуемых документов и форматов данных. Так, неполная гармонизация требований ветеринарного и фитосанитарного контроля в настоящее время является причиной возникновения так называемых «цифровых швов» в едином информационном пространстве: автоматизированная обработка данных приостанавливается, и требуется вмешательство инспекторов [12].

К ключевым направлениям цифровизации таможенного администрирования в ЕАЭС относится совместная разработка и внедрение инструментов интеллектуального анализа данных о товарах и маршрутах и управления рисками. Объединение информационных ресурсов пяти стран создает уникальную возможность для формирования общих профилей риска и предиктивных моделей, повышающих эффективность таможенного контроля [5]. Ведется работа над созданием единого каталога товаров, обладающих признаками нарушения прав интеллектуальной собственности, а также внедряются системы выявления нехарактерных ценовых колебаний в декларациях. Подобные системы, основанные на технологиях больших данных и машинного обучения, требуют не только значительных вычислительных мощностей, но и выработки общих критериев оценки рисков, что является сложной междисциплинарной задачей, лежащей на стыке права, экономики и информационных технологий.

Перспективы развития сотрудничества видятся в переходе от цифровизации существующих процедур к проектированию принципиально новых моделей таможенного контроля, основанных на сквозной прослеживаемости товаров на всем их пути по территории Союза. Активно обсуждается возможность интеграции технологии распределенных реестров (блокчейн) в существующую ИИС для создания неизменяемого и прозрачного журнала движения товаров от производителя до конечного потребителя. Это могло бы кардинально снизить нагрузку на персонал и позволило бы сместить акцент в работе с контроля на границе на валидацию данных на более ранних этапах цепочки поставок.

Однако реализация таких инициатив упирается в необходимость решения фундаментальных вопросов, касающихся суверенитета над данными, распределения финансовых затрат и ответственности за возможные сбои в работе алгоритмов. Тем не менее, именно совместная цифровая модернизация таможни остается одним из наиболее перспективных интеграционных процессов в ЕАЭС.

Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере цифровизации таможенного администрирования представляет собой уникальный пример эффективной двухсторонней интеграции, развивающейся в рамках более широких процессов союзного строительства в ЕАЭС. Данный процесс характеризуется высокой степенью синхронизации национальных правовых систем и административных практик, что дает возможность осуществлять глубокую техническую конвергенцию информационных ресурсов. Основной акцент сделан на интеграции информационных систем, электронном обмене данными и создании единого цифрового таможенного пространства [15].

К настоящему времени сформирована обширная договорно-правовая база Союзного государства России и Белоруссии, ключевым элементом которой является Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. В развитие его положений были приняты отраслевые программы и соглашения, непосредственно регулирующие вопросы информационного обмена между таможенными службами. В 2018 году Россия и Белоруссия ратифицировали договор о сотрудничестве в таможенной сфере, который, в частности, регламентирует обмен информацией, совместный контроль движения товаров и создание Межгосударственного центра в структуре Таможенного комитета Союзного государства. Этот центр координирует управление рисками, мониторинг таможенных операций и внедрение цифровых решений совместно с российской ФТС (Федеральной таможенной службой) и белорусским ГТК (Государственным таможенным комитетом) [11].

В Белоруссии внедряется концепция «умного выпуска товаров»: в 2022 году создан Центр электронного декларирования, который автоматически распределяет декларации между подразделениями по интеллектуальным алгоритмам. Россия и Белоруссия синхронизируют подходы к цифровизации, чтобы сократить время оформления товаров и повысить прозрачность процедур без дополнительной нагрузки на участников экспортно-импортных операций. Развивается двусторонний проект единой системы транзита и использования навигационных пломб, который уже показал хорошие результаты по сокращению времени и затрат на перевозки и привлек интерес других стран ЕАЭС [13].

Важнейшим шагом двух стран в области автоматизации таможенных процедур стала гармонизация национальных законодательств в части признания юридической силы электронных документов и цифровых подписей, что является фундаментальным условием для любого дистанционного взаимодействия. Это позволило перейти от простого обмена данными к реализации принципа «однократного ввода информации», когда сведения, представленные участником внешнеэкономической деятельности

в одной стране, автоматически используются таможенными органами другой. Примером такой гармонизации служит взаимное признание электронных транспортных накладных, которое значительно упростило процедуры подтверждения законности перемещения грузов на внутренней границе.

Организационно-техническая кооперация сконцентрирована на создании и развитии единого информационного пространства таможенных служб. Еще в 2000-х годах была реализована идея формирования интегрированной системы таможенного контроля, предусматривающей создание межгосударственной информационно-телекоммуникационной сети. В настоящее время взаимодействие осуществляется через сопряжение национальных систем: российской Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов и белорусской аналогичной системы.

Техническая интеграция дает возможность в режиме реального времени обмениваться данными электронных деклараций, результатами проведения таможенного контроля и сведениями о принятых административных решениях. Это не только ускоряет процедуры, но и создает основу для выработки единых подходов к управлению рисками. Например, согласованные профили рисков, применяемые на российской границе, могут быть автоматически учтены белорусскими коллегами при проведении выборочного контроля на своей территории, что повышает общую эффективность противодействия правонарушениям [15].

Особое значение в двустороннем сотрудничестве имеет проект по созданию и внедрению системы прослеживаемости товаров, ввезенных на территорию Союзного государства. Данный механизм, основанный на присвоении товарам уникальных идентификаторов и регистрации всех этапов их движения, решает критически важную фискальную задачу – корректное взимание косвенных налогов (НДС и акцизов) по принципу страны назначения. Благодаря цифровому следу таможенные органы Российской Федерации могут контролировать факт законной реализации на своей территории товаров, импортированных через Беларусь, и наоборот. Это позволяет нейтрализовать схемы, связанные с незаконным возмещением налога и «серым» импортом, обеспечивая полноту поступлений в бюджеты обоих государств. Реализация подобного сложного механизма стала возможной исключительно благодаря высокой степени доверия и наличию общей политической воли к унификации фискальных правил.

Сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками объединения БРИКС (включает Бразилию, Россию, Индию, Китай, Южно-Африканскую Республику, Египет, Индонезию, Иран, ОАЭ, Эфиопию) в сфере цифровизации таможенного администрирования характеризуется децентрализованностью, прагматизмом и ориентацией на внедрение оптимальных технологических решений, которые должны снизить транзакционные издержки в торговле между экономиками, обладающими разнородной структурой и находящимися на разных этапах цифровой трансформации.

Ключевой вызов в данном случае заключается не столько в унификации правил (что характерно для ЕАЭС, включающего постсоветские страны с родственными экономиками), сколько в обеспечении интероперабельности – технической и организационной совместимости – существующих национальных систем, которые были созданы независимо друг от друга, исходя из внутренних приоритетов и правовых традиций.

Принципиальным отличием модели цифровой таможни, реализуемой в рамках БРИКС, от моделей, применяемых в ЕАЭС или Союзном государстве России и Белоруссии, является отсутствие гармонизированного законодательства, обязательного для исполнения всеми членами объединения. Нормативная база сотрудничества носит рамочный и рекомендательный характер и формируется главным образом через декларации и дорожные карты, принимаемые на встречах глав государств и профильных министров. Такой подход дает возможность каждой стране сохранять суверенитет над своими внутренними процессами и фокусироваться на точечной интеграции в тех сегментах, где это дает синергетический эффект. Стратегия таможенного сотрудничества БРИКС, подписанная в 2017 году, предусматривает кооперацию в области цифровизации таможенного администрирования: электронная обработка данных, мобильные сервисы, анализ больших данных и т.д. В 2024 году во время председательства России в БРИКС согласован план действий по электронному обмену таможенными данными и взаимному признанию уполномоченных экономических операторов [4].

Сотрудничество государств БРИКС в таможенной сфере реализуется с помощью специально созданных в рамках объединения институтов. Центральное место среди них занимает Форум таможенных администраций БРИКС, учрежденный в 2013 году с целью согласования политики и обмена лучшими практиками. Данная платформа служит для консультаций по сближению контрольных процедур, внедрению цифровых решений и формированию единых подходов к оценке и минимизации рисков [2].

Реализуется проект по созданию системы обмена информацией между национальными «едиными окнами» – электронными платформами, через которые участники внешнеэкономической деятельности взаимодействуют с государственными органами. Реализация данного проекта позволила бы перейти от бумажного или слабоструктурированного электронного обмена документами к стандартизированной передаче информации в реальном времени. Примером может служить пилотный проект по обмену электронными данными о морских перевозках между портами России и Китая, в рамках которого информация из коносаментов, поступившая в одну систему, автоматически валидируется и становится доступной для таможенных органов другой страны, ускоряя процедуру предварительного информирования и выпуска товаров.

Особое значение для таможенных органов стран БРИКС имеют технологии, способные нивелировать различия в инфраструктурном и правовом обеспечении. Так, ведутся консультации по применению распределенных реестров (блокчейн) для создания доверенной среды при трансграничной торговле отдельными категориями товаров, например, минеральным сырьем или сельхозпродукцией. Технология блокчейн дает возможность фиксировать ключевые этапы цепочки поставок – от выдачи сертификата происхождения до таможенного выпуска – в едином неизменяемом цифровом журнале, доступ к которому имеют все уполномоченные стороны сделки. Это снижает риски мошенничества и позволяет избежать многократной верификации одних и тех же документов в разных юрисдикциях. Для российской стороны, активно продвигающей свои цифровые решения на международной арене, подобные проекты являются возможностью апробировать и предложить в качестве стандарта собственные технологические наработки, такие как система маркировки товаров.

Сотрудничество в сфере развития института цифровой таможни в рамках БРИКС сталкивается с рядом объективных трудностей. Главная из них – это значительная асимметрия в уровне цифровизации таможенных служб стран-участниц. Если Китай и Россия обладают развитыми комплексными системами, то другие партнеры по

БРИКС находятся на разных стадиях внедрения национальных цифровых решений. В сложившейся ситуации целесообразно придерживаться модульного подхода, когда интеграция осуществляется поэтапно, начиная с наиболее технологически подготовленных партнеров. Другой вызов связан с обеспечением кибербезопасности и защитой данных при их трансграничном перемещении. Требуется выработать общие криптографические стандарты и правовые механизмы расследования инцидентов. Кроме того, остается вопрос лингвистического и семантического согласования классификаторов товаров и данных. Даже применение общепринятой во всем мире Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (ГС) на практике сталкивается с множеством проблем, связанных с национальными особенностями.

Российская Федерация в рамках Всемирной таможенной организации (ВТамО) активно участвует в разработке и внедрении глобальных стандартов цифровизации таможенного администрирования, ориентируясь на рекомендации ВТамО и Конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция 1999 года) [8].

Основные направления сотрудничества:

1. Россия участвует в работе экспертных групп и технических комитетов ВТамО по вопросам информационных технологий, электронных деклараций, обмена данными и кибербезопасности в таможенных системах.

2. Федеральная таможенная служба в процессе цифровой трансформации опирается на стандарты ВТамО по внедрению электронных деклараций, цифровых сертификатов и систем автоматизированного анализа рисков [7].

ВТамО продвигает концепцию «цифровой таможни», которая подразумевает интеграцию электронных систем государственных органов и бизнес-структур и широкое использование следующих инструментов: онлайн-сервисы, электронные платежи, электронные документы. Россия опирается на рекомендации ВТамО в процессе развития своих решений в области электронного декларирования и электронного документооборота. В РФ действуют цифровые сервисы по предварительной подаче деклараций, электронной регистрации уведомлений, онлайн-платежей и интеграции с системами логистики и складскими комплексами, что соответствует рекомендованным ВТамО «лучшим практикам» по цифровизации.

Также следует отметить, что российские таможенники участвуют в пилотных проектах ВТамО по созданию и развитию цифровых коридоров, использованию электронных сертификатов и взаимному признанию цифровых данных, что способствует гармонизации процедур с партнерами по ЕАЭС и странами-членами ВТамО. Кроме того, ВТамО выступает как площадка для обмена опытом: Россия представляет свои решения по цифровой таможне (например, развитие цифровой инфраструктуры ФТС) и одновременно заимствует зарубежный опыт в таких областях, как анализ больших данных, анализ рисков с помощью искусственного интеллекта и блокчейн-технологий и т.д. [9]

Таким образом, развитие института цифровой таможни является стратегическим ответом на вызовы современной глобальной экономики, в которой эффективность трансграничного перемещения товаров напрямую зависит от уровня технологической интеграции ведомственных систем. Российский опыт доказывает, что наиболее успешные результаты в данной сфере достигаются при условии тесного межгосударственного партнерства. Россия активно развивает сотрудничество с зарубежными странами, как в двустороннем формате, так и в формате интеграционных объединений, таких как ЕАЭС, Союзное государство России и Белоруссии, БРИКС и других. Гармонизация законодательства и создание единых информационных платформ с иностранными партнерами позволяют перейти от фрагментарного взаимодействия к комплексной автоматизации процедур таможенного администрирования на межгосударственном уровне. Реализуемые инициативы дают возможность не только снизить административные барьеры для бизнеса, но и обеспечить высокую эффективность фискального контроля, а также создать качественную основу для устойчивого экономического взаимодействия.

Литература

1. Афонин Д. Н. Осуществление государственного контроля таможенными органами в пунктах пропуска: Учебник. – Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2025. – 160 с.
2. Афонин Д. Н., Афонин П. Н. Анализ и оценка рисков в таможенной деятельности. – Санкт-Петербург: РИО Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии, 2021. – 110 с.
3. Боев А. В. Роль Интегрированной информационной системы ЕАЭС в таможенном администрировании на современном этапе цифровой трансформации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – №4 (84). – С. 9-15.
4. В ЦМТ обсудили таможенное сотрудничество в формате БРИКС | ЦМТ Москвы. URL: https://wtcmoscow.ru/company/news/6575/ (дата обращения: 02.04.2026).
5. ЕАЭС внедряет единую систему управления таможенными рисками | CFO Russia. URL: https://www.cfo-russia.ru/novosti/?article=97783 (дата обращения: 02.04.2026).
6. Козлова Е. М., Солодухина О. И. Компаративное исследование технологий электронного декларирования в странах-участницах Евразийского Экономического Союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 5. – С. 146-151.
7. Краснова А. И., Кузьмичева Р. А., Лебедева А. Ю. Внедрение цифровой таможни в России: от теории к практике // Бюллетень инновационных технологий. – 2020. – Том 4. – № 1 (13). – С. 36-40.
8. Лукина Е. А. Упрощение и гармонизация таможенных процедур как направление деятельности Всемирной таможенной организации // Молодой ученый. – 2025. – № 23 (574). – С. 170-173.
9. Мозер С. В. Всемирная таможенная организация: понимание цифровой таможни // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. – 2020. – №7. – С. 32-47.
10. Мютте Г. Е. Перспективы цифровизации таможенного контроля в странах-членах ЕАЭС // Бюллетень инновационных технологий. – 2026. – Т. 10. – № 1 (37). – С. 50-53.
11. Ратифицирован договор России и Белоруссии о сотрудничестве в таможенной сфере | ГД РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/55223/ (дата обращения: 02.04.2026).
12. Руслан Давыдов: «Цифровизация таможенного регулирования – ключ к углублению евразийской экономической интеграции» | ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-davydov-tsifrovizatsiya-tamozhennogo-regulirovaniya-klyuch-k-uglubleniyu-evraziyskoy-ekonomich/ (дата обращения: 02.04.2026).
13. ФТС России: таможенные службы Беларуси и РФ во многих вопросах идут в ногу | Белта. URL: https://belta.by/society/view/fts-rossii-tamozhennye-sluzhby-belarusi-i-rf-vo-mnogih-voprosah-idut-v-nogu-738030-2025/ (дата обращения: 02.04.2026).
14. Цифровая повестка ЕАЭС | ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_w

g/workgroup/materials/docs.php (дата обращения: 02.04.2026).

15. Цифровизация и логистика. Глава ГТК о новшествах в таможенной сфере в год председательства Беларуси в ЕАЭС | ГТК РБ. URL: https://www.customs.gov.by/news/tsifrovizatsiya-i-logistika-glava-gtk-o-novshestvakh-v-tamozhennoy-sfere-v-god-predsedatelstva-belar/ (дата обращения: 02.04.2026).

Potential of cooperation between Russia and foreign countries in the field of development of the institute of digital customs: organizational and legal aspects

Livanov A.G.

Institute of international economic relations

The article examines the strategic role of international cooperation in the development of the Institute of digital customs of the Russian Federation. The author analyzes the modern paradigm of foreign economic relations, in which the effectiveness of customs administration directly depends on the level of technological integration of departmental systems of states. Special attention is paid to two key vectors of interaction: integration within the EAEU and the Union State of Russia and Belarus, aimed at creating a single digital space and harmonizing legislation, as well as partnership with the BRICS countries, focused primarily on ensuring the technical interoperability of diverse national platforms. The paper examines the problems of regulatory and legal support for cooperation, the use of electronic document management, the development of product traceability systems and intelligent risk analysis. The author concludes that the systemic digitalization of customs procedures, supported by the international standards of the World Customs Organization, is a necessary condition for ensuring the country's competitiveness, reducing administrative barriers and forming sustainable logistics chains in the context of the global transformation of world trade.

Keywords: digital customs, EAEU, BRICS, customs administration, electronic declaration, international cooperation.

References

1. Afonin D. N. Implementation of state control by customs authorities at checkpoints: Textbook. Yekaterinburg: Publishing Solutions Limited Liability Company, 2025. 160 p.
2. Afonin D. N., Afonin P. N. Risk analysis and assessment in customs activities. Saint Petersburg: Institute of the Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, 2021. 110 p.
3. Boev A.V. The role of the EAEU Integrated Information System in customs administration at the current stage of digital transformation // Scientific Notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. – 2022. – №4 (84). – Pp. 9-15.
4. The WTC discussed customs cooperation in the BRICS | Moscow WTC format. URL: https://wtcmoscow.ru/company/news/6575 / (accessed: 04/02/2026).
5. The EAEU implements a unified customs risk management system | CFO Russia. URL: https://www.cfo-russia.ru/novosti/?article=97783 (accessed: 04/02/2026).
6. Kozlova E. M., Solodukhina O. I. Comparative study of electronic declaration technologies in the member countries of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2018. – No. 5. – Pp. 146-151.
7. Krasnova A. I., Kuzmicheva R. A., Lebedeva A. Y. Introduction of digital customs in Russia: from theory to practice // Bulletin of Innovative Technologies. – 2020. – Tom 4. – № 1 (13). – Pp. 36-40.
8. Lukina E. A. Simplification and harmonization of customs procedures as a field of activity of the World Customs Organization // Young Scientist. – 2025. – № 23 (574). – Pp. 170-173.
9. Moser S. V. The World Customs Organization: understanding digital customs // Customs regulation. Customs Control. – 2020. – № 7. – Pp. 32-47.
10. Mutte G. E. Prospects of digitalization of customs control in the EAEU member states // Bulletin of Innovative Technologies. – 2026. – V. 10. – № 1 (37). – Pp. 50-53.
11. The agreement between Russia and Belarus on cooperation in the customs sphere has been ratified | The State Duma OF THE Russian Federation. URL: http://duma.gov.ru/news/55223 / (accessed: 04/02/2026).
12. Ruslan Davydov: "Digitalization of customs regulation is the key to deepening Eurasian economic integration" | EEC. URL: https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-davydov-tsifrovizatsiya-tamozhennogo-regulirovaniya-klyuch-k-uglubleniyu-evraziyskoy-ekonomich / (accessed: 04/02/2026).
13. Federal Customs Service of Russia: The customs services of Belarus and the Russian Federation keep pace on many issues | Belta. URL: https://belta.by/society/view/fts-rossii-tamozhennye-sluzhby-belarusi-i-rf-vo-mnogih-voprosah-idut-v-nogu-738030-2025 / (accessed: 04/02/2026).
14. The EAEU|EEC Digital Agenda. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/materials/docs.php (accessed: 04/02/2026).
15. Digitalization and logistics. The head of the State Customs Committee on innovations in the customs sphere in the year of Belarus' presidency in the EAEU | State Customs Committee of the Republic of Belarus. URL: https://www.customs.gov.by/news/tsifrovizatsiya-i-logistika-glava-gtk-o-novshestvakh-v-tamozhennoy-sfere-v-god-predsedatelstva-belar / (accessed: 04/02/2026).

Трансформация подходов к обеспечению пограничной безопасности в Центральной Азии в условиях новой геополической реальности

Аманбаева Дина
аспирант, кафедра сравнительной политологии, РУДН им. П. Лумумбы, amanbaeva_d@pfur.ru

В статье рассматривается комплекс геополитических и правовых аспектов обеспечения пограничной безопасности в Центрально-Азиатском регионе в условиях трансформации системы международных отношений. На основе анализа стратегий Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Соединённых Штатов Америки и Европейского Союза исследуется феномен конкуренции юрисдикций и экстерриториального влияния на режимы охраны государственных границ постсоветских республик. Особое внимание уделяется эволюции подходов внерегиональных держав к афганскому фактору после смены власти в Кабуле в 2021 г., а также влиянию российско-украинского конфликта и санкционного противостояния на пограничную политику государств Центральной Азии. Автор анализирует динамику урегулирования кыргызско-таджикского приграничного конфликта 2021–2022 гг. как индикатор изменения приоритетов региональной безопасности. Обосновывается вывод о том, что «проблема границы» в Центральной Азии окончательно трансформировалась из вопроса суверенного размежевания в многомерную задачу балансирования между обеспечением национальной безопасности, управлением трансграничными вызовами и адаптацией к новым геоэкономическим реалиям Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, пограничная безопасность, геополитическая конкуренция, Шанхайская организация сотрудничества, ОДКБ, кыргызско-таджикский конфликт, афганский транзит, санкционное давление, управление границами, экстерриториальная юрисдикция.

Введение

Центральная Азия, являвшаяся в XIX столетии ареной «Большой игры» между Британской и Российской империями, сохраняет стратегическое значение в условиях формирования новой архитектуры международных отношений [14].

С начала 1990-х гг., после распада Советского Союза и образования пяти суверенных республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), регион вновь оказался в фокусе геополитической конкуренции [1]. Конфигурация участников данного процесса претерпела изменения, однако неизменным остаётся устойчивое присутствие Российской Федерации, что свидетельствует об исключительной важности этого пространства для обеспечения её национальных интересов и безопасности.

Специфика геополитического положения государств Центральной Азии определяется их внутриконтинентальным транзитным статусом и значительными запасами природных ресурсов, что привлекает широкий спектр внешних акторов. В настоящей работе предпринята попытка комплексного анализа влияния четырёх ключевых глобальных игроков – Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Соединённых Штатов Америки и Европейского Союза – на формирование правовых режимов государственной границы и обеспечение пограничной безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Институциональная архитектура пограничного сотрудничества в постсоветский период

После распада СССР новые независимые государства стали объектом пристального внимания со стороны международных организаций и внерегиональных держав. Были установлены двусторонние дипломатические отношения, а также инициированы многосторонние форматы взаимодействия. Россия выступила инициатором создания ряда интеграционных структур на постсоветском пространстве, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также стала соучредителем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) совместно с КНР. Европейский Союз, в свою очередь, задействовал инструментарий Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и специализированные инициативы, такие как Программа по управлению границами в Центральной Азии (БОМКА) и проекты по противодействию незаконному обороту наркотиков. Параллельно в регионе активизировалась деятельность структур ООН, Интерпола и международных финансовых институтов.

Динамика стратегических интересов и зоны кооперации глобальных игроков

Стратегические интересы США, России и Китая в регионе характеризуются сложным переплетением кооперативных и антагонистических векторов [2]. К числу общих интересов следует отнести противодействие международному терроризму, религиозному экстремизму и наркотрафику. Однако конкурентная борьба за лидирующие позиции в энергетической и логистической сферах, а также стремление не допустить монопольного влияния кого-либо из оппонентов обусловливают фрагментарный характер сотрудничества. Существенным фактором, дифференцирующим положение РФ и КНР по сравнению с ЕС

и США, является наличие у них общих сухопутных границ с республиками региона: Россия граничит с Казахстаном, Китай – с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном [9]. Данное обстоятельство обусловливает не только географическую близость, но и прямую уязвимость национальной безопасности России и Китая от дестабилизации обстановки в Центральной Азии.

Трансформация афганского вектора угроз (после 2021 г.)

Основной массив трансграничных рисков традиционно был сосредоточен на границе Центральной Азии с Афганистаном [8]. После прихода движения «Талибан» к власти в августе 2021 г. характер угроз изменился: акцент сместился с борьбы с наркотрафиком на предотвращение гуманитарного кризиса, контроль беженцев и недопущение экспорта нестабильности. Посевы опийного мака в Афганистане резко сократились, однако сохраняется активность террористических группировок, включая «ИГИЛ-Хорасан» [13]. Страны региона (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан) выстраивают прагматичные отношения с талибами, а внешняя помощь дополняется проектами по приёму беженцев, обустройству санитарно-карантинных пунктов и мониторингу трансграничных водных ресурсов [12]. Таким образом, афганский фактор остаётся ключевым, но инструменты реагирования существенно обновились.

Пограничная политика США: экстерриториальный подход и программы безопасности

С момента установления дипломатических отношений с республиками Центральной Азии США последовательно наращивают присутствие в регионе, используя финансовую и техническую помощь для продвижения своих интересов. Несмотря на географическую удалённость, США активно участвуют в модернизации пограничной инфраструктуры, причём их стратегия носит экстерриториальный характер: основной упор делается на проекты на границах с Афганистаном и противодействие распространению оружия массового уничтожения.

Активность США в данной сфере значительно возросла после событий 11 сентября 2001 г., когда военное присутствие в Афганистане потребовало обеспечения надёжного тылового прикрытия и логистической поддержки со стороны соседних республик. Американская помощь реализуется по каналам различных ведомств: Государственный департамент через программу экспортного контроля и безопасности границ (EXBS) осуществляет поставки оборудования; Министерство обороны участвует в подготовке специализированных подразделений для действий в труднодоступных районах; Агентство США по международному развитию (USAID) финансирует программы реформирования таможенных служб и обучения персонала; Министерство юстиции оказывает содействие в борьбе с наркоугрозой.

Важное место в данной стратегии занимают такие инициативы, как программа «Противодействие незаконному пересечению границы при помощи средств авиации» (Airborne Interdiction Program, AIP), основной целью которой является блокирование каналов контрабанды оружия массового уничтожения и наркотиков. После частичного вывода войск в 2014 г. США безвозмездно передали силовым структурам Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана бронетехнику и средства связи. После полного вывода войск в 2021 г. масштабы помощи сократились, уступив место адресным программам. США остаются крупнейшим донором Международной организации по миграции (МОМ), внедряющей современные системы управления границами. Вместе с тем эксперты отмечают, что преимущественно двусторонний характер американской помощи в сфере безопасности границ нередко снижает эффективность многосторонних механизмов ОБСЕ, а результативность поставок высокотехнологичного оборудования ограничивается институциональными барьерами и недостаточной межведомственной координацией в правоохранительных структурах республик [3].

Российская стратегия: военно-техническая помощь и роль ОДКБ

Политико-правовые отношения России с Центральной Азией имеют глубокие исторические корни и характеризуются высокой степенью взаимной интеграции. После непродолжительного периода некоторого дистанцирования в 1990-е гг., с начала 2000-х гг. Российская Федерация активизировала политику возвращения в регион в качестве одного из ведущих игроков. Ключевыми детерминантами такой стратегии являются: обеспечение безопасности собственных южных границ, защита прав русскоязычного населения, сохранение влияния на добычу и транспортировку углеводородов, а также стремление не допустить превращения региона в плацдарм для сил, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации на южном стратегическом направлении.

Утрата влияния в Центральной Азии означала бы для России существенное понижение геополитического статуса, что неприемлемо с точки зрения национальной безопасности. В связи с этим российская помощь республикам носит преимущественно военно-технический характер и направлена на укрепление обороноспособности лояльных режимов. Знаковым элементом военного присутствия остаётся дислокация 201-й российской военной базы на территории Таджикистана, выполняющей роль гаранта стабильности на южных подступах к СНГ. Россия финансирует программы модернизации вооружённых сил Кыргызстана и Таджикистана, рассматривая эти государства в качестве буферной зоны, принимающей на себя первый удар наркотрафика и экстремистской инфильтрации.

В институциональном плане Москва делает ставку на ОДКБ, которая позиционируется как механизм коллективной обороны. Долгое время эффективность этой организации в разрешении пограничных и внутрирегиональных конфликтов подвергалась сомнению. Однако события января 2022 г. в Казахстане, когда по запросу президента К.-Ж. Токаева контингент ОДКБ был оперативно развёрнут для стабилизации обстановки и охраны стратегических объектов, продемонстрировали, что организация способна выполнять функцию быстрого реагирования на кризисные ситуации, угрожающие безопасности государств-членов. Хотя мандат миссии не предполагал прямого участия в обеспечении пограничного контроля, само присутствие сил ОДКБ позволило высвободить казахстанские пограничные и силовые структуры для укрепления рубежей в условиях массовых беспорядков. Этот прецедент существенно изменил восприятие ОДКБ как внутри региона, так и за его пределами, укрепив субъектность организации в системе региональной безопасности.

Влияние российско-украинского конфликта: санкции, параллельный импорт и новая нагрузка на границы

Новым фактором, оказавшим глубокое влияние на пограничную политику в Центральной Азии, стал российско-украинский конфликт и последовавшее за ним масштабное санкционное давление на Российскую Федерацию со стороны стран Запада. В этих условиях центральноазиатские республики оказались перед необходимостью балансирования между сохранением экономических связей с Россией (включая трудовую миграцию и торговлю) и

риском вторичных санкций. Пограничный контроль на российско-казахстанском участке, а также в пунктах пропуска на маршрутах параллельного импорта приобрёл особую значимость. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан вынуждены усиливать мониторинг товарных потоков, чтобы избежать обвинений в реэкспорте подсанкционной продукции, что, в свою очередь, требует модернизации таможенных и пограничных процедур. Кроме того, возросла нагрузка на границы, связанная с миграционными перемещениями граждан России и Украины. Всё это привело к тому, что вопросы пограничной безопасности стали неразрывно связаны с макроэкономической стабильностью и соблюдением международных обязательств государств региона.

Нормативно-правовой подход Европейского Союза: концепция «экспорта безопасности границ» (программа БОМКА)

Европейский Союз, в отличие от государств, делающих ставку на военную силу, продвигает в Центральной Азии нормативно-правовую концепцию «открытой, но безопасной границы» [5]. Основной целью Брюсселя является недопущение проникновения на территорию ЕС потоков нелегальной миграции, контрабанды и радикальных элементов путём создания устойчивых барьеров, и фильтрационных механизмов на дальних подступах к границам Союза.

Данная стратегия получила название «экспорта безопасности границ» и реализуется преимущественно через флагманскую программу БОМКА (Программа по управлению границами в Центральной Азии). В основе методологии БОМКА лежит концепция Интегрированного управления границами (IBM), предполагающая тесную координацию действий таможенных и миграционных органов, пограничной полиции и военных как на национальном уровне, так и в трансграничном формате. Программа охватывает порядка двадцати ключевых пунктов пропуска, расположенных преимущественно в зонах наиболее интенсивного трафика в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. ЕС стремится не только технически переоснастить границы, но и реформировать институциональную среду, способствуя легализации торговли и упрощению процедур пересечения границы для добросовестных участников экономической деятельности.

Несмотря на заявленную приверженность продвижению демократических ценностей и прав человека, эффективность политики ЕС наталкивается на специфику политических систем государств региона, характеризующихся высокой степенью централизации власти и сохранением неформальных институтов регулирования. В своём стратегическом видении (обновлённая стратегия 2019 г.) ЕС признаёт, что слабость регионального сотрудничества между самими республиками, усугубляемая неурегулированными пограничными и водно-энергетическими спорами, остаётся главным препятствием для стабильности [10]. После смены власти в Узбекистане Брюссель отмечает появление новых возможностей для активизации диалога и улучшения трансграничных связей. К настоящему времени в рамках БОМКА и смежных программ прошли обучение свыше 2 600 сотрудников профильных ведомств региона [4].

Стратегия КНР: принцип невмешательства, экономические инвестиции и военное присутствие в Таджикистане

Подход Китая к проблемам границ в Центральной Азии кардинально отличается от подходов других глобальных акторов. КНР придерживается принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств и воздерживается от прямого участия в урегулировании пограничных споров между республиками.

Китай является одним из двух глобальных игроков (наряду с Россией), имеющих сухопутные границы с центральноазиатскими республиками. При этом КНР граничит с тремя из них – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что порождает высокую степень взаимной уязвимости [11]. Пекин крайне обеспокоен перспективой «эффекта домино» – распространения исламистского экстремизма и сепаратистских настроений из Центральной Азии в Синьцзян. Опасения Китая подкрепляются исторической памятью о деятельности уйгурских группировок в Афганистане в 1990-е гг. и участием боевиков из Синьцзяна в сирийском конфликте. В ответ на эти вызовы Китай реализует двуединую стратегию: с одной стороны, массированные инвестиции в инфраструктуру и экономику республик для стабилизации социально-экономической обстановки и создания пояса добрососедства; с другой – наращивание военного сотрудничества и контроля над границами.

Беспрецедентным шагом стало усиление китайского присутствия в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана в непосредственной близости от Ваханского коридора [12]. Созданный там объект, используемый силовыми структурами КНР для мониторинга приграничной активности, по оценкам ряда экспертов, де-факто выполняет функции оперативной базы, призванной обеспечить контроль над таджикско-афганской границей с целью пресечения проникновения боевиков на территорию, граничащую с Китаем. В отличие от США и ЕС, Китай не ставит условием оказания помощи проведение демократических реформ, предпочитая сугубо прагматичный подход, основанный на двусторонних экономических сделках и военно-техническом сотрудничестве (подготовка кадров, поставка оборудования) [14]. Для Центральной Азии Китай выступает в роли не только источника инвестиций, но и противовеса влиянию России и Запада, что позволяет республикам проводить более гибкую многовекторную внешнюю политику.

Внутренние пограничные конфликты как новый вызов региональной безопасности (на примере Кыргызстана и Таджикистана)

На фоне внимания внешних игроков к южным рубежам региона внутренние пограничные споры долгое время оставались на периферии международной повестки. Наиболее остро эта проблема проявилась на кыргызско-таджикской границе, значительная часть которой не была делимитирована и демаркирована со времён распада СССР. Спорные участки в Ферганской долине и прилегающих горных районах неоднократно становились ареной вооружённых столкновений между местными общинами и пограничниками двух стран. Кульминацией стали события 28–30 апреля 2021 г. и 14–17 сентября 2022 г., когда конфликты переросли в полномасштабные боестолкновения с применением тяжёлой артиллерии и бронетехники, повлёкшие за собой сотни жертв и массовые перемещения гражданского населения [7].

Эти трагические события заставили руководство Кыргызстана и Таджикистана активизировать переговорный процесс по делимитации границы. При посредничестве России, а также при поддержке ООН и ОБСЕ сторонам удалось достичь ряда договорённостей об описании линии прохождения границы на отдельных участках. В 2023–2025 гг. работа двусторонних топографических групп интенсифицировалась, были подписаны протоколы о демаркации десятков километров границы, что позволило возобновить работу ранее закрытых пунктов пропуска и снизить напряжённость в приграничных сообществах [15]. Тем не менее, полное урегулирование остаётся делом бу-

дущего, поскольку камнем преткновения остаются вопросы вододеления и доступа к стратегическим объектам инфраструктуры.

Кыргызско-таджикский конфликт высветил важную тенденцию: в условиях, когда внимание глобальных игроков поглощено украинским кризисом и соперничеством великих держав, безопасность в Центральной Азии всё больше зависит от способности самих республик находить компромиссы и формировать действенные региональные механизмы урегулирования споров. Более того, данный конфликт продемонстрировал ограниченность возможностей ОДКБ в разрешении двусторонних противоречий между государствами-членами, поскольку оба участника входят в организацию, что создаёт институциональную коллизию при попытке применения коллективных механизмов. В этих условиях возрастает роль ШОС и неформальных посреднических усилий лидеров соседних государств (прежде всего Узбекистана и Казахстана).

Заключение

Анализ влияния глобальных акторов на пограничную политику государств Центральной Азии позволяет констатировать формирование уникального политико-правового феномена – «гибридного суверенитета» над границами. С одной стороны, республики de jure обладают всей полнотой полномочий по делимитации, демаркации и охране своих рубежей. С другой стороны, de facto они находятся в высокой степени зависимости от внешней финансовой, технической и институциональной помощи. Каждый из рассмотренных внешних игроков (США, РФ, ЕС, КНР) преследует собственные цели: если для Запада это создание фильтрационных барьеров против транснациональных угроз, то для России и Китая – обеспечение непосредственной безопасности собственных территорий и сохранение сфер влияния.

Основной проблемой остаётся асимметричность оказываемой помощи. Подавляющее большинство ресурсов традиционно направлялось на укрепление внешних рубежей Центральной Азии, прежде всего границы с Афганистаном. Однако уроки кыргызско-таджикского конфликта и изменения афганского ландшафта после 2021 г. диктуют необходимость пересмотра приоритетов. Неурегулированные территориальные споры внутри региона, порождающие этническую напряжённость и вооружённые инциденты, требуют не меньшего, а в ряде случаев и большего внимания со стороны глобальных доноров. Более того, конкуренция юрисдикций и стратегий (военно-политическая ОДКБ против нормативной БОМКА или экономической ШОС) приводит к фрагментации правового пространства пограничного контроля. Республики вынуждены лавировать между требованиями различных центров силы, что зачастую снижает эффективность внедряемых механизмов управления границами.

Дополнительным фактором усложнения ситуации стало санкционное противостояние России и Запада, превратившее границы Центральной Азии в арену не только борьбы с традиционными угрозами, но и в инструмент геоэкономического давления. В долгосрочной перспективе решение «проблемы границы» в Центральной Азии невозможно без перехода от внешнего патронажа к формированию дееспособной системы региональной коллективной безопасности, основанной на согласованных национальных интересах самих центральноазиатских государств. Важными шагами в этом направлении могли бы стать институционализация регулярных консультативных встреч глав пограничных ведомств пяти республик, создание совместных центров мониторинга трансграничных угроз и гармонизация национальных законодательств в сфере пограничного контроля.

Литература

1. Искакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 8–51.

2. Синь Л. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2012. – № 3. – С. 60–74.

3. Ceccarelli A. Clans, politics and organized crime in Central Asia // Trends in Organized Crime. – 2007. – Vol. 10, no. 3. – P. 19–36.

4. Efeğil E. Avrupa Birliği'nin Orta Asya politikasının analizi: proje bazlı yaklaşımdan stratejik işbirliği anlayışına geçiş // Akdeniz İİBF Dergisi. – 2008. – Vol. 8, no. 16. – P. 65–82.

5. Gavrilis G. Beyond the Border Management Programme for Central Asia (BOMCA) // CEPS Centre for European Policy Studies. – URL: https://www.ceeol.com/search/gray-literature-detail?id=830851 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Gavrilis G. Central Asia's Border Woes and the Impact of International Assistance // Open Society Central Eurasia Project. – 2012. – URL: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/ec95218f-f90c-4025-ab74-09271ef61114/OPS-No-6-20120601.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

7. International Crisis Group. The Kyrgyz-Tajik Border: From Conflict to Cooperation? // Asia Report № 305. – Brussels : ICG, 2024.

8. Jackson N.J. The trafficking of narcotics, arms and humans in post-Soviet Central Asia: (Mis)perceptions, policies and realities // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24, no. 1. – P. 39–52.

9. Kamalov İ. Rusya'nın Orta Asya Politikaları. – Ankara : Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2011.

10. Russell M. The EU's new Central Asia strategy // EPRS European Parliamentary Research Service. – 2019. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

11. Shichor Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6, no. 2. – P. 55–73.

12. Umarov T. China Looms Large in Central Asia // Carnegie Moscow Center. – 2020. – URL: https://carnegie.ru/commentary/81402 (дата обращения: 20.04.2026).

13. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2023. – Vienna : United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.

14. Walsh J.R. China and the new geopolitics of Central Asia // Asian Survey. – 1993. – Vol. 33, no. 3. – P. 272–284.

15. Аналитический доклад о пограничных конфликтах в Центральной Азии / Центр евроазиатских исследований МГИМО. – Москва : МГИМО-Университет, 2024.

Transforming approaches to border security in Central Asia in the context of a new geopolitical reality

Amanbaeva D.

RUDN named after. P. Lumumba

The article examines the complex of geopolitical and legal issues associated with ensuring border security in the Central Asian region against the backdrop of the transformation of the international system. Drawing on an analysis of the strategies of the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States of America, and the European Union, the phenomenon of jurisdictional competition and extraterritorial influence on border protection regimes in post-Soviet republics is explored. Special attention is devoted to the evolution of extra-regional powers' approaches to the Afghan factor following the change of power in Kabul in 2021, as well as the impact of the Russia–Ukraine conflict and sanctions confrontation on the border policies of Central Asian states. The author analyzes the

dynamics of the settlement of the Kyrgyz–Tajik border conflict of 2021–2022 as an indicator of shifting regional security priorities. The study concludes that the “border problem” in Central Asia has definitively transformed from a matter of sovereign demarcation into a multidimensional challenge of balancing national security, managing transboundary threats, and adapting to the new geo-economic realities of Eurasia.
Keywords: Central Asia, border security, geopolitical competition, Shanghai Cooperation Organization, CSTO, Kyrgyz–Tajik conflict, Afghan transit, sanctions pressure, border management, extraterritorial jurisdiction.

References

1. Iskakova G.K. Regional’naya bezopasnost’ v Tsentral’noy Azii i strategii Rossii, SShA i Kitaya [Regional Security in Central Asia and the Strategies of Russia, the USA and China] // PolitBook. – 2014. – No. 4. – P. 8–51.
2. Sin’ L. Ekonomicheskiye interesy Rossii i Kitaya v Tsentral’noy Azii: sravnitel’nyy analiz [Economic Interests of Russia and China in Central Asia: A Comparative Analysis] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2012. – No. 3. – P. 60–74.
3. Ceccarelli A. Clans, politics and organized crime in Central Asia // Trends in Organized Crime. – 2007. – Vol. 10, no. 3. – P. 19–36.
4. Efeğil E. Avrupa Birliği’nin Orta Asya politikasının analizi: proje bazlı yaklaşımdan stratejik işbirliği anlayışına geçiş // Akdeniz İİBF Dergisi. – 2008. – Vol. 8, no. 16. – P. 65–82.
5. Gavrilis G. Beyond the Border Management Programme for Central Asia (BOMCA) // CEPS Centre for European Policy Studies. – Available at: https://www.ceeol.com/search/gray-literature-detail?id=830851 (accessed: 20.04.2026).
6. Gavrilis G. Central Asia’s Border Woes and the Impact of International Assistance // Open Society Central Eurasia Project. – 2012. – Available at: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/ec95218f-f90c-4025-ab74-09271ef61114/OPS-No-6-20120601.pdf (accessed: 20.04.2026).
7. International Crisis Group. The Kyrgyz-Tajik Border: From Conflict to Cooperation? // Asia Report No. 305. – Brussels: ICG, 2024.
8. Jackson N.J. The trafficking of narcotics, arms and humans in post-Soviet Central Asia: (Mis)perceptions, policies and realities // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24, no. 1. – P. 39–52.
9. Kamalov İ. Rusya’nın Orta Asya Politikaları. – Ankara: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2011.
10. Russell M. The EU’s new Central Asia strategy // EPRS European Parliamentary Research Service. – 2019. – Available at: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf (accessed: 20.04.2026).
11. Shichor Y. China’s Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6, no. 2. – P. 55–73.
12. Umarov T. China Looms Large in Central Asia // Carnegie Moscow Center. – 2020. – Available at: https://carnegie.ru/commentary/81402 (accessed: 20.04.2026).
13. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2023. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.
14. Walsh J.R. China and the new geopolitics of Central Asia // Asian Survey. – 1993. – Vol. 33, no. 3. – P. 272–284.
15. Tsentr evroaziatskikh issledovanii MGIMO. Analiticheskii doklad o pogranichnykh konfliktakh v Tsentral’noi Azii [Analytical Report on Border Conflicts in Central Asia]. – Moscow: MGIMO University, 2024.

Кадровая политика Екатерины Великой

Амплеева Татьяна Юрьевна
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия, tampley@mail.ru

В статье предпринята попытка системного анализа кадровой политики Екатерины Великой в свете Губернской реформы 1775 года, а также ее воздействия на управление государством и последующее формирование новогочиновничего аппарата. Проведена оценка принципов и эффективности кадровой политики в условиях ужесточения централизации властии и управления страной.
Ключевые слова: Уложенная Комиссия 1767 года, Губернская реформа 1775 года, «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года, Городовое положение 1785 года.

Губернская реформа 1775 года стала ядром всех административных преобразований второй половины XVIII столетия, в ходе которых окончательно определились основные принципы организации административно-территориального деления страны и структура органов управления на местах. Изучение истории местных органов управления как неотъемлемой части общей системы государственного управления в настоящее время заметно активизировалось. Оценить результаты губернской реформы Екатерины II не возможно без изучения формирования кадрового состава системы местных органов власти. Анализ текста «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года, а также, Жалованная грамота дворянству 1785 г.и Городовое положение 1785 г. дают возможность выявить базовые составляющие кадровой политики Екатерины и определить место и роль чиновничьей бюрократии в системе формирующегося местного управления. Н.И. Павленко в процессе изучения Губернской реформы выделил два ее аспекта: «технический» – формирование местной администрации, и социальный – укрепление в ходе губернской реформы положения местного дворянства.

Оценить эффективность «технического» компонента реформы не возможно без учета кадровой политики Екатерины II. Работа над текстом «Учреждений» началась после окончания суда над Пугачевым и заняла пять месяцев. О напряженной работе императрици и ее сподвижников свидетельствует тот факт, что некоторые главы этого законодательного акта имели до 11 редакций. Л.Ф. Писарькова вполне обоснованно определила, что курс на реформу местного управления был взят императрицей еще в 1764 году. Той же точки зрения придерживался Ю.В. Готье. Во водной части Наставлений губернаторам 1764 г. Екатерина II четко обозначила проблему «неустройства» губерний и заявила о своем намерении со временем исправить их управление. Особое внимание императрица обратила на должность губернатора. В лице правителя губернии она хотела видеть не «безропотного представителя центральной власти», но «поверенную особу», хозяина и «истинного опекуна» губернии.

Значительный вклад в дело подготовки реформы местного управления внесла Уложенная комиссия 1767 г. Наказы депутатов Комиссии прекрасно знавших положение дел в местном управлении, предлагали конкретные меры по его реформированию: участие выборных сословных представителей в административных и судебных учреждениях; доступность власти для населения за счет более дробного территориального деления и увеличения количества местных учреждений; обязанность местной администрации заботиться о благосостоянии населения и местных интересах. В поданой императрице записке четырех действующих губернаторов содержалось предложение дать правителям губерний больше самостоятельности в принятии управленческих решений. Например, самостоятельно планировать свои поездки по вверенной им территории, без вмешательства верховной власти назначать на должности низших чиновников, а также, награждать служащих классными чинами до должности секретаря.

Во время работы Уложенной комиссии 1767 г. Екатериной II была создана специальная комиссия «О порядке государства в силе общего права», которой была поручена разработка проекта будущей реформы. Эта комиссия составила проект нового административно-территориального деления государства. В его основу был положен принцип «равномерного распределения населения во

всех административных образованиях». Работа Уложенной комиссии не только обнажила слабые места в системе государственного управления, но и дала возможность наметить план необходимых преобразований.

«Учреждения» стали, по мнению В.А. Григорьева, первым опытом практического применения того материала, «который дало, с одной стороны русское общество в лице депутатов Комиссии 1767 г. в виде отдельных проектов, а с другой политическая литература эпохи». Этот законодательный акт был утвержден Манифестом 7 ноября 1775 г, и через день объявлен в Сенате одновременно с запиской о порядке его применения. Цели и задачи реформы были определены во Введении к закону. Тезис о необходимости реформ подкреплялся заявлением о том, что имеющиеся недостатками в сфере местного управления, вызваны «обширностью губерний, малочисленностью органов власти на местах, соединением разнородных функций в одном учреждении и смешение суда с администрацией». Заканчивалось «Введение» выражением надежды, что «всяк благоразумный человек и всяк ревностный сын отечества» поддержит благие намерения правительства».

В законе представлена стройная и подробная система органов управления и суда, определена их компетенция и порядок назначения на должности чиновников местной администрации. Следует подчеркнуть, что первые три главы «Учреждений» имеют общий характер. Глава I определяет примерный штат губернии, устанавливает принципы административно-территориального деления и структуру местных органов власти в губернии и уездах. Размеры губернии и уезда устанавливались, исходя из количества податного населения. В губернии – от 300 до 400 тысяч душ, а в уезде – от 20 до 30 тысяч. Отметим, что город в «Учреждениях», как самостоятельная административная единица выделен не был, хотя его управление в тексте закона отделено от уездного. Далее в этой главе перечисляется все учреждения губернского, уездного и городского уровней, но без определения их компетенции. Глава II распределяет все должности чиновников местного управления по классам в соответствии с Табелью о рангах, тем самым устанавливая правовой режим каждой штатной должности. Эти должности не могут быть выше 4-го класса, а нижний предел доходит до 14-го класса. Должность губернатора или «правителя губернии» соответствует 4 классу. Поручик правителя или вице-губернатор, председатели палат уголовного и гражданского суда также получают высокий чин – считаются в 5-м классе. Основная масса чиновников, как губернского, так и уездного уровня распределялась между 6-м и 14-м классами. При этом, крестьянские заседатели всех уровней «не считались ни против какого класса».

Порядок определения в должности лучше всего рассмотреть на примере формирования местных органов власти на губернском уровне. В законе вместе с назначением чиновников применялся и принцип выборности. Ключевую роль в управлении губерний отводилась губернскому правлению, где кроме генерал-губернатора, присутствуют: губернатор с двумя губернскими советниками, вице-губернатор, губернский прокурор и двое стряпчих (казенных и уголовных дел), а также, губернский землемер и архитектор. Компетенция губернского правления достаточно широка. Его основные функции: «управлять в силу законов именем императорского величества всей губернией; объявлять законы, указы, повеления и приказания императорского величества и выходящие из Сената и прочих государственных мест на то власть имеющих». Помимо этого, Правление должно обеспечивать исполнение законов и прекращать всякие беспорядки и беззакония в губернии, рассматривать жалобы о проволочках в судебных учреждениях и «принуждало» их к выполнению предписанных им обязанностей. Губернское правление, по тексту закона, учреждение коллегиальное, но в действительности, оно было устроено на началах чисто бюрократических. Ст. 103 устанавливает, что советники «рассуждением своим уважают дело и потому исполняют положения губернаторские», даже если губернаторские приказания не соответствуют пользе общей». Этим предписанием коллегиальное начало устранялось полностью, и членам правления оставалось безропотное исполнение начальственных предписаний. Таким образом, правовое положение должностного лица, прямо определяется его статусом в системе юридисеских связей.

Ряд высших должностей замещался по назначению центральных органов власти, вплоть до самой императрицы, а также высшими чиновниками местной администрации. Так, генерал-губернатор, губернатор и вице -губернатор назначались лично Екатериной II. В наместническое правление советники и асессоры назначались Сенатом. Таким же образом назначались: директор экономии, губернский казначей, прокуроры и губернские стряпчие . Не значительно отличалось назначение на должности в судебные учреждения губернского уровня. Выборными были должности: судьи совестного суда и заседателей верхнего земского суда. Заседатели губернского магистрата и заседатели совестного суда должны были избираться губернским городом из купцов и мещан этого города «через всякие три года», и представляются наместнику или губернатору, и «буде за ними нет явного порока», то губернатор дозволяет им заседание. Заседатели верхней и нижней расправ, также как заседатели нижнего земского и совестного судов выбираются селениями.

На уездном уровне **р**асправный судья и уездные стряпчие назначаются наместническим правлением. Уездный казначей назначается государственным казначеем по представлению казенной палаты. Губернский и уездный землемеры получали назначение от Сенатской межевой экспедиции. Особый порядок определения в должность действовал в отношении докторов и лекарей. В соответствие со ст. 70 они принимаются на службу наместником по контракту, «но не иначе, как с достаточными свидетельствами, откуда надлежит и об их искусстве, науке и добром поведении». Подлекарей и учеников доктора сами представляют правителю губернии. На уездном уровне управление вверялось нижнему земскому суду. Это был административно-полицейский орган, в компетенцию которого входио «сохранение благочиния, добронравия и порядка». Кроме того. на него возлагалось исполнение решений вышестоящих органов и обеспечение исполнения законов.

Отметим, что земский исправник. стоящий во главе этого учреждения, избирался местным дворянством. В состав нижнего земского суда помимо земского исправника входили 2 заседателя, избираемые уездными дворянами и 2 выборных сельских заседателя. Должностные обязанности капитана - исправника определины в «Учреждениях» очень широко. Однако его основной задачей было обеспечение правопорядка в уезде. **Общая компетенция земского исправника наглядно свидетельствует о той важной роли, которая отводилась этой должности императрицей.** Из числа городской администрации следует упомянуть городничего, назначаемого Сенатом. Его функции аналогичны функциям земского исправника.

Из 75 штатных чиновников Сенат по представлению губернского правления назначает 1/3 штатного расписания. Столько же чиновников выбирают дворяне. Отметим, что в тексте ст.50 «Учреждений» должность предводителя уездного дворянства названа в общем ряду чиновников губернского уровня. Преобладающее количество выборных дворянских должностей было в уезде. Уездные дворяне выбирали почти половину всех чиновников. Остальные вакансии замещались местной администрацией в

большинстве случаев из тех же уездных дворян. Таким образом, в «Учреждениях» были полностью реализованы дворянские наказы Уложенной комиссии 1767 г. Следует подчеркнуть, что выборы производились на срок, многие назначаемые должности также были срочными.

Особое внимание в законе уделено должности генерал-губернатора или наместника, олицетворяющего государственную власть в губернии. Этой должности была посвящена IV Глава «Учреждений». В руках Генерал-губернатора было сосредоточено как гражданское, так и военное управление. Большая часть статей, определяющих его должность, показывает, что ему вверяются обязанности государственного надзора над местной администрацией, и дано право принимать особые меры для исправления всех возможных злоупотреблений местных чиновников. Последовательно проводя принцип отделения судебной власти от административной, императрица в тексте закона подчеркнула, что «государев наместник не есть судья, но оберегатель императорского величества, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел».

Однако, в нескольких статьях закон закрепляет за генерал-губернатором право участвовать в судопроизводстве. Так, он должен принуждать судебные власти своего наместничества к скорейшему решению дел, а также, может приостанавливать исполнение судебных решений, если посчитает эти решения несправедливыми. Кроме того, исполнение приговоров, связанных с лишением жизни и чести, может производиться только с санкции наместника. Есть основания полагать, что, устанавливая сложную и громоздкую систему сословных судов, императрица все же сомневалась в их будущей компетенции. Таким образом, декларируемый в тексте закона принцип разделения судебной и административной власти не работал на уровне генерал-губернатора.

В процессе реализации Губернской реформы 1775 г. была создала широкая сеть новых правоотношений как в системе местных органов управления и суда, так и в процессе формированияих кадрового состава. В тексте «Учреждений» достаточно полно и четко обозначен порядок правового регулирования назначения на должности чиновников местной администрации и судебных органов. Если рассматривать этот порядок как динамическую категорию, то можно выявить как его структурные элементы, так и стадии реализации. К структурным элементам следует отнести: принципы организации и структуру местных учреждений; должностные обязанности чиновников местных учреждений и их полномочия; правовой статус должностного лица, в соответствии с Табелью о рангах. Анализ текста «Учреждений» позволяет выделить три стадии реализации: подбор кадров в соответствии с должностными обязанностями, назначение на должность и контроль их деятельности.

Порядок правового регулирования назначения на должности чиновников местной администрации формировался в рамках общей концепции местного управления Российской империи. Среди наиболее сложных проблем, возникающих в процессе становления органов местного управления, следует выделить проблемы, связанные с механизмом его правового регулирования. В отечественной историографии сложилось общее мнение о том, что качественный состав местного чиновничества оставлял желать много лучшего. Однако не все российские ученые соглашались с негативной оценкой екатерининской кадовой политики. По мнению В.С. Иконникова, «губернские учреждения Екатернины оказались одной из наиболее удачных и наиболее прочных русских реформ». Достаточно позитивно оценивают социальную составляющую реформы современные историки. Е.В. Анисимов считает влияние дворянской корпорации на коронную администрацию «давно ожидаемым политическим решением», которое было реализовано. «как естественный этап создания новой местной системы управления». А.Б. Каменский отмечает, что «удовлетворялись интересы местных политических элит, которые интегрировались во властные структуры и проникались чувством сопричастности к процессу управления». Недостатки местного управления резче всего проявились в сфере управления финансами, поэтому пришлось принимать экстренные меры, чтобы его упорядочить. В обеих столицах в 1780 г. были учреждены сначала особые казначейства для остаточных сумм, а затем казначейств штатных или государственных. Указом от 24 октября 1780 г. были учреждены штатные Казначейства в ведении которых находились штатные расходы, за исключением расходов на армию и флот, а также расходов кабинета императрицы. Следовательно, под штатными расходами следует понимать все легальные расходы. 24 марта 1781 г. было издано «Наставление для производства дел в казенных палатах». Кроме того, за период с 1775 г по 1782 г. был издан ряд других законодательных актов, относящихся к финансовому управлению. Они стали дополнением и развитием IX, XI, XII и XIII глав Учреждений 1775 г.

Так, спустя три месяца после издания Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года, когда работа по образованию местного управления только начиналась, было велено, не дожидаясь повсеместного введения «Учреждений» в действие назначить во всех губерниях, провинциях и городах губернского и уездных казначеев. Отметим, что согласно «Учреждениям» казначеи подчинялись казенным палатам. Однако палат в большинстве губерний еще не было, казначеев пришлось подчинить губернским канцеляриям. Точно также обязанности губернаторов по отношению к казначействам в провинциях были возложены временно на воевод. 27 сентября 1784 г. была начата работа по составлению общего положения о делопроизводстве. Этим указом предписывалось генерал-губернаторам доставить сведения обо всех распоряжениях, какие ими сделаны по делопроизводству местных учреждений, и представить свои соображения по этому поводу, вместе с заключениями прокуроров. Кроме того указом от 24 августа 1783 г. наместникам предписывалось доставлять императрице ведомости о состоянии губерний два раза в месяц и о составлении общего положения о делопроизводстве. Помимо этого, 13 сентября 1784 г. было разослано циркулярное предложение генерал-прокурора всем губернским прокурорам в месячный срок сведения о порядке делопроизводства в местных учреждениях с замечаниями и соображениями губернских правлений.

Анализ текста «Учреждений» поволяет выявить основные тенденции становления правового регулирования кадрового обеспечения органов местного управления и суда, а также, формирования организационной модели местного управления. В тексте закона была установлена иерархия местных учреждений и должностей, а значит, запущен процесс формирования профессионального кадрового состава исполнительных, представительных и судебных органов местного управления. Эти процессы ускорились за счет выработки общих правил делопроизводства в местных уреждениях. Высшая власть стремилась собрать точные сведения о правилах и формах, которые применяются в наместничествах, выявить, что и где нужноо реформировать.

Местные учреждения выполнили свою задачу. До нашего времени сохранился ряд доношений губернских прокуроров с предложением описания порядка делопроизводства. То же самое сделали наместники. Самое подробное донесение сделал Архангельский и Олонецкий

генерал-губернатор Тутолмин. Это был кодекс из 322 статей с приложением различных книг, ведомостей и журналов. Однако в Сенате дело затормозилось, и общих правил делопроизводства в правление Екатерины II выработано не было.

Одновременно формируется кадровая идеология, как совокупность идей и подходов, которые в концептуальном виде отражают кадровую политику Российской империи. Следует подчеркнуть, что порядок правового регулирования назначения на должности чиновников местных учреждений впервые представленный в тексе «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., в дальнейшем будет применяться и в отношении других должностнцх лиц. Примером этого может служить «Устав благочиния или полицейский» 1782 г.

Очевидно, что кадровая политика Екатерины II, несмотря на отдельные проблемы в ее реализации, оказалась эффективной. Определение территорий будущих наместничеств; создание и наполнение управленческими кадрами новых губернских и уездных учреждений императрица доверила узкому кругу приближенных к ней лиц, в административных способностях которых она не сомневалась. И, как оказалось, не прогадала. В ходе разработки и реализации Губернской реформы достаточно четко проявилось намерение императрицы контролировать все социальные и политические процессы из центра. Однако чрезмерная центализация привела к явному снижению активности населения, ждущего от органов власти и управления разрешения всех своих проблем. Таким образом, патернализм стал базовым принципом государственного управления на несколько столетий.

Литература

1. Павленко Н.И. Екатернина Екатерина Великая. М., 2007. С. 42.
2. Павлова – Сильванская М.П. «Учреждения о губерниях» 1775 г.и его классовая сущность... С. 439.
3. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М, 2007. С. 390, 391, 396
4. Григорьев В. Реформы местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 120 -184, 197.
5. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатернины II. Т.II. М.:Л. – 1941.С.185-190, 280.
6. Законодательство Екатерины II. В двух томах.Т.1. – М.: Юрид. лит.,2000. С.338.
7. Готье Ю.В. Отзывы губернаторов 60-х годов XVIII в. об областном управлении // Сб. статей в честь М.К.Любавского. Пг., 1917. С. 19-31.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (далее – ПСЗ-1) Т.XX. № 14392. Введение – СПб., 1830. Ст. 1,17, 58, 95, 70, 81, 82, 86, №№ 15075, 15141, 14435, 16074.
9. Омельченко О.А. Законная монархия Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993, С.277.
10. Иконников В.С. Значение царствования Екатерины II. Киев, 1890. С.34.
11. Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1995. с.175.
12. Каменский А.Б. Административное управление в России в XVIII в.// Административные реформы: история и современность. М., 2006. С.105.

Personnel policy of Catherine the great

Ampleeva TюYu.
Russian Customs Academy

The article attempts a systematic analisis of Caterine`s persjnnel policy in the light of the Provincial reform of 1775, as well as its impact on government and the subsequent formation of a new bureaucratic apparatus. The principles and effectiveness of the tightening centralization of power and governance of the country.

Keywords: local government system, the Ulozhennaya Komissiya (Legislative Commission) of 1767, the Governorate Reform of 1775, "The Constitution for the Administration of Governorates", the personnel of local government.

References

1. Pavlenko N.I. Ekaterina Catherine the Great. Moscow, 2007. Page 42.
2. Pavlova-Silvanskaya M.P. "Institutions on the Provinces" of 1775 and its class essence... Page 439.
3. Pisarkova L.F. Public Administration of Russia from the End of the 17th to the End of the 18th Century: Evolution of the Bureaucratic System. Moscow, 2007. Pages 390, 391, 396
4. Grigoriev V. Local Government Reforms under Catherine II. St. Petersburg, 1910. Pages 120-184, 197.
5. Gautier Yu.V. History of Regional Administration in Russia from Peter I to Catherine II. Vol. II. Moscow: L. – 1941. pp. 185-190, 280.
6. Legislation of Catherine II. In two volumes. V. 1. – M.: Legal Literature, 2000. p. 338.
7. Gautier Yu. V. Reviews of governors of the 1760s on regional governance // Collection of articles in honor of M. K. Lyubavsky. Petrograd, 1917. pp. 19-31.
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. (hereinafter – PSZ-1) Vol. XX. No. 14392. Introduction – St. Petersburg, 1830. Art. 1,17, 58, 95, 70, 81, 82, 86, Nos. 15075, 15141, 14435, 16074.
9. Omelchenko O.A. The Legitimate Monarchy of Catherine II: Enlightened Absolutism in Russia. Moscow, 1993, p. 277.
10. Ikonnikov V.S. The Significance of the Reign of Catherine II. Kyiv, 1890. p. 34.
11. Anisimov E.V. Reforms of Catherine II // Power and Reforms: From Autocracy to Soviet Russia. St. Petersburg, 1995. p. 175.
12. Kamensky A.B. Administrative Management in Russia in the 18th Century // Administrative Reforms: History and Modernity. M., 2006. P.105.

Ограничение правомочия владения земельным участком при установлении зон с особыми условиями использования территорий: концепция регуляторных изъятий

Асадуллин Марат Назирович
аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий, marat-asadullin@yandex.ru

В статье обосновывается тезис о включении правомочия владения в систему ограничений по статье 56 Земельного кодекса Российской Федерации применительно к режиму зон с особыми условиями использования территорий. Цель исследования — построить системное представление об ограничениях правомочия владения и предложить механизм компенсации, опирающийся на концепцию регуляторных изъятий. Использованы формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также метод правового моделирования. На основе анализа реформы 2018 г. и серии постановлений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2024 гг. автор обосновывает двухаспектную конструкцию правомочия владения, включающую материальный и юридический аспекты, и предлагает классификацию ограничений по критерию интенсивности на лимитирующие, исключающие и опустошающие. Опустошающие ограничения квалифицируются как регуляторное лишение владения и должны сопровождаться компенсацией, эквивалентной возмещению при принудительном изъятии. Сформулированы предложения по совершенствованию статьи 56, пункта 1 статьи 57.1 Земельного кодекса Российской Федерации и переходного режима, установленного частью 8 статьи 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ.

Ключевые слова: правомочие владения, зоны с особыми условиями использования территорий, ограничения прав на землю, регуляторные изъятия, неприкосновенность собственности, компенсация, земельный участок.

Введение

Земельная реформа последнего десятилетия принципиально изменила соотношение публичного и частного начал в регулировании прав на землю. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ ввёл в Земельный кодекс Российской Федерации (далее — ЗК РФ) главу XIX о зонах с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ), объединив в единую конструкцию более двадцати различающихся по основаниям охранных, санитарно-защитных, придорожных и иных зон. По данным Росреестра на 2023 г., сведения о ЗОУИТ внесены в Единый государственный реестр недвижимости в отношении нескольких миллионов земельных участков; ещё значительная часть зон сохраняет силу до 1 января 2028 г. без внесения сведений в реестр в силу части 8 статьи 26 указанного Федерального закона. Это превращает ЗОУИТ в массовый, а не точечный инструмент публично-правового воздействия на правовой режим земельных участков.

Параллельно с реформой Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал серию правовых позиций, обозначивших границы такого воздействия. В Постановлении от 5 марта 2020 г. № 11-П (по делу гражданки И.С. Бутримовой) Суд квалифицировал длительное ограничение прав собственника, лишающее его возможности использовать недвижимое имущество по назначению, как разновидность фактического изъятия, требующего компенсации. В Постановлении от 16 октября 2020 г. № 42-П (по делу гражданки М.Г. Анциновой) подчёркнута обязанность законодателя соблюдать при регулировании земельных отношений баланс частных и публичных интересов, обусловленный конституционной ценностью земли. В Постановлении от 11 июня 2024 г. № 29-П (по делу гражданина И.А. Ермака) Суд развил принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов в условиях многоуровневого использования пространства.

Совпадение этих векторов — экспансия ЗОУИТ как инструмента ограничения и одновременно конституционно-судебная требовательность к балансу интересов — выводит на первый план фундаментальный доктринальный вопрос: распространяются ли установленные статьёй 56 ЗК РФ ограничения на правомочие владения, либо они затрагивают исключительно правомочия пользования и распоряжения. Цель настоящего исследования состоит в обосновании тезиса о включении правомочия владения в систему ограничений по статье 56 ЗК РФ применительно к режиму ЗОУИТ и в формулировании предложений по совершенствованию механизма компенсации, опирающегося на концепцию регуляторных изъятий.

Научная новизна исследования заключается в обосновании двухаспектной конструкции правомочия владения, включающей материальный и юридический аспекты; в построении авторской классификации ограничений правомочия владения по критерию интенсивности воздействия — на лимитирующие, исключающие и опустошающие; в адаптации концепции регуляторных изъятий к российской земельно-правовой системе через категорию «регуляторное лишение владения»; в формулировании предложений по совершенствованию статьи 56 и пункта 1 статьи 57.1 ЗК РФ.

Литературный обзор

Принятая в комментариях к ЗК РФ позиция О.И. Красова, согласно которой ограничения «не касаются правомочия владения, то есть права собственника, пользователя, владельца или арендатора фактически (физически) обладать земельным участком» [9, с. 267], тяготеет к концепции «несовместимости» владения и ограничения и поддерживается значительной частью авторов [13; 7]. Логика такого подхода построена на онтологическом аргументе: если владение есть фактическое обладание, то ограничивать его правовыми средствами невозможно — можно лишь принудительно прекратить его (через изъятие или конфискацию), но не «сузить».

Альтернативный подход разделяет иное понимание самого правомочия владения. Так, Е.Л. Минина включает в понятие ограничений прав на землю «всё, что ограничивает право владения, пользования или распоряжения земельным участком» [12, с. 337–338]. А.П. Ревякин в автореферате диссертации, защищённой в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2019 г., прямо классифицирует ограничения прав на земельные участки в публичных интересах в зависимости от видов правомочий правообладателя «на ограничения оборотоспособности земельных участков» и «ограничения правомочий владения и пользования земельными участками» [15, с. 8]. А.Н. Ниязова в развёрнутой теоретической работе характеризует ограничение как «некоторое стеснение правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом, а также требования к нему как к субъекту права собственности» [14, с. 213].

Между двумя позициями обнаруживается не противоречие фактов, а разное понимание правомочия владения. Сторонники первой позиции, следуя классической римско-правовой схеме, отождествляют possessio с фактическим осуществлением физической власти над вещью; в этой плоскости правовое ограничение действительно мыслимо только как полное отрицание (принудительное прекращение). Сторонники второй позиции, напротив, рассматривают владение как юридически опосредованную меру господства, которая может быть как расширена, так и сокращена правовыми средствами. Спор оказывается, таким образом, не нормативным, а понятийным.

Применительно к ЗОУИТ существенный вклад в доктрину внесли О.А. Васючкова и А.М. Каряка, обстоятельно проанализировавшие механизм ограничений в границах различных видов зон [4]. А.П. Анисимов и Е.С. Болтанова, исследуя смежный институт публичного сервитута, сформулировали категорию «групповых (частно-публичных) интересов» [1], имеющую универсальное значение для оценки соразмерности публично-правового вмешательства. Проблематика концепции регуляторных изъятий применительно к российскому праву получила развёрнутое освещение в работах А.А. Маркеловой и А.В. Карачуна [10]; принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости — в работе Р.С. Бевзенко [3]. Е.А. Галиновская в монографических и журнальных публикациях исследует общие проблемы правового режима земель и судебной защиты прав на землю [5; 6]; Н.Н. Мельников в обстоятельной монографии раскрывает структуру объектов земельных правоотношений и роль ЗОУИТ как самостоятельного видового объекта [11]. Системного анализа того, как функционирует механизм ЗОУИТ применительно к правомочию владения, в литературе не проводилось.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая); Земельный кодекс Российской Федерации, в том числе глава XIX о ЗОУИТ (статьи 104–107); Водный кодекс Российской Федерации (статья 65); Градостроительный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Эмпирическую базу образуют материалы судебной практики: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 11-П (дело Бутримовой); Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2020 г. № 42-П (дело Анциновой); Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 29-П (дело Ермака); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 о самовольной постройке.

Методологическую основу составили: формально-юридический метод — применён к толкованию норм ЗК РФ, ГК РФ, Федерального закона № 342-ФЗ и подзаконных актов о ЗОУИТ; историко-правовой метод — использован при реконструкции триадной концепции правомочий собственника, восходящей к римскому праву (ius possidendi, ius utendi et fruendi, ius abutendi) и закреплённой в Своде законов Российской империи по инициативе М.М. Сперанского в 1832 г.; системно-структурный метод — применён к классификации ограничений по интенсивности воздействия; сравнительно-правовой метод — привлечены конструкции зарубежного права в части regulatory takings (практика Верховного суда США), а также практика Европейского суда по правам человека (тест соразмерности из дел Sporrong and Lönnroth v. Sweden, James and Others v. the United Kingdom); метод правового моделирования — использован при построении шкалы ограничений и предложений de lege ferenda.

Содержательной методологической опорой исследования служит авторская двухаспектная конструкция правомочия владения, согласно которой содержание данного правомочия включает материальный аспект (corpus possessionis — фактическая возможность непосредственного физического обладания земельным участком) и юридический аспект (animus possidendi — мера правового господства, обеспеченная собственнику титулом). Указанные аспекты нормально совпадают, но в результате правового регулирования могут расходиться. Подавляющее большинство публично-правовых ограничений земельных прав воздействуют именно на материальный аспект владения; юридический аспект сохраняется до тех пор, пока сохраняется сам титул. Принятие двухаспектной конструкции переводит дискуссию об ограничении владения из плоскости «возможно или невозможно» в плоскость «какой именно аспект подвергается ограничению».

Результаты

Применение очерченной методологической рамки к нормативной модели ЗОУИТ позволило получить следующие результаты.

Во-первых, режим ЗОУИТ в его действующем виде сложился после принятия Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ. Перечень из 28 видов зон закреплён в статье 105 ЗК РФ; общие правила установления, изменения и прекращения зон — в статьях 106 и 107 ЗК РФ. Содержание режима ЗОУИТ нормативно сводится к двум видам ограничений: запрет или ограничение размещения новых объектов недвижимости и осуществления отдельных видов деятельности (пункт 2 части 1 статьи 104 ЗК РФ); обязанность правообладателей ранее возведённых объектов привести их в соответствие с режимом или прекратить использование с возможным сносом (часть 1 статьи 107 ЗК РФ).

Во-вторых, применительно к правомочию владения этот режим имеет дифференцированное воздействие. За-

прет на возведение новых объектов недвижимости непосредственно не затрагивает правомочия владения — он адресован праву пользования. Однако предписание о сносе ранее законно возведённых объектов ставит под сомнение саму материальную возможность владения определёнными объектами на участке. Установление ЗОУИТ в водоохранной зоне с запретом распашки и выпаса (пункт 17 части 15 статьи 65 Водного кодекса РФ) фактически делает невозможным сельскохозяйственное освоение участка. Установление зоны минимальных расстояний от магистрального трубопровода приводит к запрету любого капитального строительства и хозяйственного освоения, при том что собственник формально сохраняет титул.

В-третьих, в отдельных конфигурациях ЗОУИТ приводит к ситуации, при которой собственник, продолжая числиться в Едином государственном реестре недвижимости, лишается всякой содержательной возможности осуществлять материальный аспект владения. Эту ситуацию О.А. Васючкова и А.М. Каряка обозначают как «фактическое ограничение правомочий собственника, хотя по своей правовой сущности право собственности является абсолютным» [4]. Авторы констатируют, что отчуждение объекта недвижимости в подобной конфигурации возможно «без фактического нанесения ущерба окружающей среде, а также правам и законным интересам других лиц», что они квалифицируют как «произвольное вмешательство государственных органов в круг правомочий собственника» [4].

В-четвёртых, особую сложность создаёт переходный режим, установленный частью 8 статьи 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ, в соответствии с которым до 1 января 2028 г. ЗОУИТ, ранее установленные в порядке, действовавшем до вступления в силу указанного закона, считаются установленными и в случае отсутствия сведений о них в Едином государственном реестре недвижимости. Для добросовестного приобретателя, получившего сведения из ЕГРН и убедившегося в отсутствии в реестре сведений о зоне, это эквивалентно ограничению владения с обратной силой и противоречит требованию правовой определённости [2].

В-пятых, систематизация описанного материала позволила построить авторскую классификацию ограничений правомочия владения по критерию интенсивности воздействия на материальный аспект владения.

Лимитирующие ограничения — ограничения, сужающие отдельные возможности собственника по физическому осуществлению владения участком, при сохранении его общей хозяйственной пригодности. Пример: запрет распашки в прибрежной защитной полосе с возможностью использования участка для сенокошения или отдыха.

Исключающие ограничения — ограничения, при которых собственник лишается возможности осуществлять конкретный, формально доступный ему ранее вид физического владения. Пример: обязанность снести объект, возведённый в нарушение требований к ЗОУИТ.

Опустошающие ограничения — ограничения, при которых ни один экономически и юридически значимый способ владения участком становится недоступным. Пример: установление ЗОУИТ объекта повышенной опасности с фактическим запретом на любое хозяйственное использование при сохранении за собственником формального титула.

Эта классификация задаёт шкалу для оценки соразмерности вводимых ограничений и определяет порог, за которым ограничение по своему юридическому существу превращается в форму непрямого изъятия.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют поставить вопрос о квалификации опустошающих ограничений правомочия владения через призму концепции регуляторных изъятий. Понятие regulatory takings изначально сформировалось в практике Верховного суда США. Его смысл состоит в признании того, что публичное регулирование, формально не лишающее собственника титула, может настолько интенсивно ограничивать его правомочия, что становится по существу эквивалентным принудительному изъятию и должно сопровождаться компенсацией. В российской правовой системе соответствующая правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в Постановлении от 5 марта 2020 г. № 11-П (по делу гражданки И.С. Бутримовой). А.А. Маркелова и А.В. Карачун справедливо отмечают, что «феномен регуляторных изъятий стал активно обсуждаться в отечественной доктрине в связи с принятием» указанного постановления [10, с. 169–171].

Применительно к режиму ЗОУИТ концепция регуляторных изъятий приобретает особую значимость. Если лимитирующие и исключающие ограничения, в том виде, в каком они описаны в разделе результатов, могут быть оценены через инструменты статьи 57 ЗК РФ (возмещение убытков) и пункта 1 статьи 57.1 ЗК РФ (возмещение в связи с установлением, изменением, прекращением существования ЗОУИТ), то опустошающие ограничения этим инструментарием не покрываются. Возмещение убытков по своему существу компенсирует имущественные потери, а не утрату возможностей; оно не предполагает выкупа участка. Между тем именно при опустошающем ограничении единственно адекватной формой возмещения становится выкуп — то есть инструмент, характерный для института изъятия для государственных или муниципальных нужд (статьи 56.2–56.11 ЗК РФ).

Расхождение между нормативно установленным механизмом компенсации и юридическим существом опустошающего ограничения создаёт для собственника ситуацию «имущества, которое нельзя ни использовать, ни продать». Аналогичную проблему, возникающую в отношении земельных участков в зонах общего пользования и подвергнутых так называемому фактическому резервированию, описал Ю.В. Южаков, указавший, что «ограниченное длительными временными рамками обременение в виде невозможности застройки земельного участка без возмещения убытков со стороны публичной власти является неправомерным регуляторным изъятием права собственности» [19]. Логика этого тезиса полностью применима к опустошающим ограничениям при ЗОУИТ: длительное (а часто и бессрочное) лишение собственника возможности материально владеть участком при отсутствии адекватной компенсации не может быть оправдано ссылкой на формальное сохранение титула.

Конституционно-правовая оценка такой ситуации опирается на устоявшуюся позицию о балансе публичных и частных интересов. В Постановлении от 16 октября 2020 г. № 42-П Конституционный Суд РФ напомнил, что регулирование земельных отношений требует обеспечения баланса публичных и частных интересов, обусловленного конституционной ценностью земли. Развивая эту линию в Постановлении от 11 июня 2024 г. № 29-П, Суд обратил внимание на необходимость «разумной дифференциации» в отношениях между собственниками объектов недвижимости и публичной властью. Эти позиции в совокупности образуют конституционный масштаб, к которому следует обращаться при оценке соразмерности ограничений ЗОУИТ.

Обращение к практике Европейского суда по правам человека, на которую обращает внимание Д.А. Шевченко [17], демонстрирует методологическую близость международного и российского масштабов: возложение чрезмерного бремени на собственника без соразмерной компенсации квалифицируется как нарушение статьи 1 Про-

токола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Используемый в практике Европейского суда тест соразмерности (Sporrong and Lönnroth v. Sweden, James and Others v. the United Kingdom) методологически совместим с российским масштабом баланса частных и публичных интересов.

Нормативно-теоретическим следствием изложенного должно стать признание того, что в случае опустошающего ограничения правомочия владения собственник имеет право требовать выкупа участка, а не возмещения убытков. Этот вывод требует системного изменения правового регулирования. Предлагается изложить пункт 1 статьи 57.1 ЗК РФ в новой редакции, дополнив его абзацем о праве правообладателя в случае установления ЗОУИТ, в результате чего использование земельного участка по любому из предусмотренных видов разрешённого использования становится невозможным или экономически нецелесообразным, требовать выкупа земельного участка по правилам, установленным главой VII.1 ЗК РФ.

Следует также пересмотреть переходный режим, установленный частью 8 статьи 26 Федерального закона № 342-ФЗ. Сохранение силы ЗОУИТ при отсутствии сведений в Едином государственном реестре недвижимости противоречит требованию правовой определённости и принципу публичной достоверности реестра. Целесообразно предусмотреть, что в случае невыполнения публичным органом обязанности по внесению сведений о ЗОУИТ в реестр в установленный срок добросовестный правообладатель не несёт неблагоприятных последствий, предусмотренных режимом зоны, до момента внесения сведений; предложение в этой части согласуется с позицией А.П. Ревякина, обоснованной в его кандидатской диссертации [15, с. 9].

Наконец, в пункт 1 статьи 56 ЗК РФ предлагается включить указание на то, что ограничения прав на землю могут касаться правомочий владения, пользования и распоряжения земельными участками. Эта законодательная определённость задаёт юридический масштаб для последующего применения механизма возмещения и для квалификации опустошающих ограничений как регуляторного лишения владения.

Заключение

1. Правомочие владения земельным участком подлежит правовому ограничению вопреки распространённой в доктрине позиции о невозможности такого ограничения. Расхождение в подходах объясняется не нормативным, а понятийным разногласием о содержании самого правомочия владения и преодолевается принятием двухаспектной конструкции, включающей материальный (фактическое физическое обладание) и юридический (титульная мера господства) аспекты. Ограничения по статье 56 ЗК РФ затрагивают именно материальный аспект владения, тогда как юридический аспект сохраняется до тех пор, пока сохраняется сам титул.

2. Ограничения правомочия владения дифференцируются по критерию интенсивности воздействия на три уровня: лимитирующие, исключающие и опустошающие. Эта классификация задаёт шкалу для оценки соразмерности вводимых ограничений и для определения адекватной формы возмещения.

3. Установление ЗОУИТ по своему механизму способно порождать ограничения всех трёх уровней; опустошающие ограничения по юридическому существу представляют собой регуляторное лишение владения и должны квалифицироваться как непрямое изъятие, требующее компенсации, эквивалентной возмещению при принудительном изъятии для государственных или муниципальных нужд.

4. Действующая система компенсации, основанная на пункте 1 статьи 57.1 ЗК РФ и предусматривающая возмещение убытков, адекватна лимитирующим и исключающим ограничениям, но не покрывает опустошающих. Для последних единственно соразмерной формой возмещения является выкуп земельного участка по правилам главы VII.1 ЗК РФ.

5. Переходный режим, установленный частью 8 статьи 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ, противоречит требованию правовой определённости и должен быть скорректирован с введением презумпции добросовестности правообладателя в случае невыполнения публичным органом обязанности по внесению сведений в реестр.

6. Пункт 1 статьи 56 ЗК РФ предлагается дополнить указанием на то, что ограничения прав на землю могут касаться правомочий владения, пользования и распоряжения земельными участками. Эта законодательная определённость прекращает многолетний доктринальный спор и задаёт юридический масштаб для применения механизма возмещения.

Литература

1. Анисимов А. П., Болтанова Е. С. Ограничение права частной собственности путём установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141–152.

2. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 28 с.

3. Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нём // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 60–123.

4. Васючкова О. А., Каряка А. М. Ограничения прав на землю в границах зон с особыми условиями использования территорий: вопросы практического и теоретического осмысления // Юрист. 2024. № 2. С. 38–43.

5. Галиновская Е. А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Контракт, 2015. 248 с.

6. Галиновская Е. А. Особенности защиты прав собственников, владельцев и пользователей земельных участков в суде // Экологическое право. 2024. № 4. С. 17–22.

7. Жуляева О. Г. К вопросу о сущности понятия ограничения прав на землю // Вестник науки. 2023. № 7 (64). Т. 1. С. 58–61.

8. Иванова И. В. Особенности реализации права собственности на земельный участок с учётом экологических ограничений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 234–239.

9. Крассов О. И. Право частной собственности на землю: монография. М.: Юристъ, 2000. 379 с.

10. Маркелова А. А., Карачун А. В. Регуляторные изъятия (regulatory takings) в России и за рубежом // Закон. 2021. № 11. С. 169–182; 2021. № 12. С. 156–171.

11. Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 312 с.

12. Минина Е. Л. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. С. Н. Волков, науч. ред. Ю. Г. Жариков. М.: Юстицинформ, 2009. 720 с.

13. Митякина Н. М. Некоторые вопросы ограничения прав на землю // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 557–560.

14. Ниязова А. Н. Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 208–215.

15. Ревякин А. П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. М., 2019. 28 с.

16. Ревякин А. П. Реквизиция земельных участков как ограничение прав на землю // Юрист. 2018. № 6. С. 12–17.

17. Шевченко Д. А. Ограничение права собственности на земельные участки в публичных интересах // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 38–39.

18. Шереметьева Н. В. Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения // Российский судья. 2021. № 8. С. 9–14.

19. Южаков Ю. В. История формирования практики «фактического резервирования» земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 11. С. 78–88.

Restriction of the right of possession of a land plot in the establishment of zones with special conditions for the use of territories: the concept of regulatory takings

Asadullin M.N.
Ufa University of Science and Technology

The article substantiates the thesis on the inclusion of the right of possession into the system of restrictions provided by Article 56 of the Land Code of the Russian Federation as applied to the regime of zones with special conditions for the use of territories. The aim of the research is to develop a systemic understanding of restrictions on the right of possession and to propose a compensation mechanism based on the concept of regulatory takings. The study employs formal-legal, system-structural, historical-legal and comparative-legal methods, as well as the method of legal modelling. Based on the analysis of the 2018 reform and a series of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation issued in 2020–2024, the author substantiates a dual-aspect construction of the right of possession, including a material and a legal aspect, and proposes a classification of restrictions by the criterion of intensity into limiting, excluding, and emptying. Emptying restrictions are qualified as regulatory dispossession and must be accompanied by compensation equivalent to that paid upon compulsory expropriation. Proposals are formulated for amending Article 56, paragraph 1 of Article 57.1 of the Land Code of the Russian Federation, and the transitional regime established by part 8 of Article 26 of Federal Law No. 342-FZ of 3 August 2018.

Keywords**:** right of possession, zones with special conditions for the use of territories, restrictions on land rights, regulatory takings, inviolability of property, compensation, land plot.

References

1. Anisimov A. P., Boltanova E. S. Restriction of the right of private property through the establishment of public land easements: search for a balance of interests // Journal of Russian Law. 2020. No. 4. pp. 141–152.
2. Arapov N. A. The principle of maintaining public trust in the law and actions of the state in Russian constitutional law and justice: extended abstract of cand. legal sci. dis. Saint Petersburg, 2015. 28 p.
3. Bevzenko R. S. The principle of unity of fate of rights to a land plot and to structures upon it // Civil Law Review. 2020. No. 2. pp. 60–123.
4. Vasyuchkova O. A., Karyaka A. M. Restrictions on land rights within the boundaries of zones with special conditions for the use of territories: issues of practical and theoretical comprehension // Jurist. 2024. No. 2. pp. 38–43.
5. Galinovskaya E. A. Land legal relationship as a socio-legal phenomenon: monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Kontrakt, 2015. 248 p.
6. Galinovskaya E. A. Peculiarities of protection of rights of owners, holders and users of land plots in court // Environmental Law. 2024. No. 4. pp. 17–22.
7. Zhulyaeva O. G. On the question of the essence of the concept of restriction of land rights // Bulletin of Science. 2023. No. 7 (64). Vol. 1. pp. 58–61.
8. Ivanova I. V. Features of the implementation of the right of ownership to a land plot, considering environmental restrictions // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 4 (80). pp. 234–239.
9. Krassov O. I. The right of private property to land: monograph. Moscow: Yurist, 2000. 379 p.
10. Markelova A. A., Karachun A. V. Regulatory takings in Russia and abroad // Zakon. 2021. No. 11. pp. 169–182; 2021. No. 12. pp. 156–171.
11. Melnikov N. N. Objects of land legal relations: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2023. 312 p.
12. Minina E. L. Commentary on the Land Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. S. N. Volkov, scient. ed. Y. G. Zharikov. Moscow: Yustitsinform, 2009. 720 p.
13. Mityakina N. M. Some issues of restriction of land rights // Legal Technique. 2018. No. 12. pp. 557–560.
14. Niyazova A. N. Limits and restrictions of the right of ownership to land: analysis of approaches // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2016. Iss. 32. pp. 208–215.
15. Revyakin A. P. Restrictions on rights to land plots in the public interest: extended abstract of cand. legal sci. dis.: 12.00.06. Moscow, 2019. 28 p.
16. Revyakin A. P. Requisition of land plots as a restriction of land rights // Jurist. 2018. No. 6. pp. 12–17.
17. Shevchenko D. A. Restriction of ownership of land plots in the public interest // Agrarian and Land Law. 2023. No. 5 (221). pp. 38–39.
18. Sheremeteva N. V. Waiver of limited proprietary rights to land plots: doctrinal and law enforcement problems // Russian Judge. 2021. No. 8. pp. 9–14.
19. Yuzhakov Y. V. The history of the formation of the practice of «de facto reservation» of land plots // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 11. pp. 78–88.

Система ограничений правомочия пользования земельным участком: классификация и пределы публично-правового вмешательства

Асадуллин Марат Назирович
аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий, marat-asadullin@yandex.ru

В статье обосновывается системное представление об ограничениях правомочия пользования земельным участком, включающее единую классификацию и тест соразмерности публично-правового вмешательства. Цель исследования — раскрыть структуру содержания правомочия пользования и показать, как образуются классы ограничений в условиях расширения публично-правового регулирования. В работе использованы формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также метод правового моделирования. Раскрыта трёхуровневая структура содержания правомочия пользования: целевое назначение по категории земель — вид разрешённого использования — конкретный режим использования. На этой основе построена авторская классификация ограничений правомочия пользования по основаниям возникновения на родовые, средовые и сервитутно-режимные. Особое внимание уделено публичному сервитуту в редакции Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ; предложена концепция дифференцированного публичного сервитута, разграничивающая классические публичные и групповые частно-публичные интересы. Сформулирован четырёхэлементный тест соразмерности публично-правового вмешательства. Сделаны предложения по совершенствованию пункта 4 статьи 23, статьи 39.37 и пункта 13 статьи 39.46 Земельного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правомочие пользования, ограничения прав на землю, целевое назначение земельного участка, вид разрешённого использования, публичный сервитут, групповые интересы, тест соразмерности.

Введение

Среди трёх правомочий собственника земельного участка — владения, пользования и распоряжения — именно правомочие пользования традиционно оказывается наиболее уязвимым перед публично-правовым вмешательством. Этому есть структурные причины: пользование, в отличие от владения, не сводится к фактическому обладанию, а реализуется через материальное хозяйственное освоение земельного участка, что неизбежно затрагивает интересы соседей, экологическое благополучие и публичные потребности в инфраструктуре. По сложившейся в науке земельного права позиции, восходящей к О. И. Крассову, ограничения, предусмотренные статьёй 56 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), адресованы прежде всего правомочию пользования и не препятствуют пользованию земельным участком в соответствии с его основным целевым назначением [9, с. 267].

Согласие в отношении объекта ограничения (правомочие пользования) не сопровождается, однако, ни доктринальной, ни нормативной согласованностью в отношении системы и пределов этих ограничений. За последние семь лет российская правовая система пережила одновременно несколько разнонаправленных трансформаций: введение в ЗК РФ главы XIX о зонах с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ) Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ; радикальную перестройку института публичного сервитута Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ, новой главой V.7 ЗК РФ; последовательное расширение перечня оснований для установления публичного сервитута. Совокупный эффект этих изменений — фрагментация механизмов ограничения правомочия пользования и отсутствие единой нормативной рамки, в которой эти механизмы могли бы быть оценены с точки зрения соразмерности.

Цель настоящего исследования — обосновать системное представление об ограничениях правомочия пользования земельным участком, включающее единую классификацию и тест соразмерности публично-правового вмешательства. Научная новизна заключается в обосновании трёхуровневой структуры содержания правомочия пользования; в построении авторской классификации ограничений правомочия пользования на родовые, средовые и сервитутно-режимные; в концепции дифференцированного публичного сервитута, разграничивающего классические публичные и групповые частно-публичные интересы; в формулировании четырёхэлементного теста соразмерности.

Литературный обзор

Степень научной разработанности темы характеризуется выраженной асимметрией. С одной стороны, по отдельным институтам ограничений правомочия пользования накоплен значительный массив литературы. ЗОУИТ исследуют О. А. Васючкова и А. М. Каряка, обстоятельно проанализировавшие механизм ограничений в границах различных видов зон [4]. Публичный сервитут глубоко проанализирован в работе А. П. Анисимова и Е. С. Болтановой, в которой сформулирована категория «групповых (частно-публичных) интересов» [1]. Вопросам публичных интересов и баланса посвящены работы Д. А. Шевченко

[17] и Е. А. Галиновской [5; 6]. Концептуальный анализ объектов земельных отношений и их режима представлен Н. Н. Мельниковым [11]. Экологические ограничения собственности рассматриваются И. В. Ивановой [8].

С другой стороны, теоретическому обобщению, объединяющему все эти институты в единую систему ограничений правомочия пользования, до настоящего времени уделено сравнительно мало внимания. Классификация ограничений в работах А. П. Ревякина [15] построена по нескольким критериям одновременно и не выделяет отдельно правомочие пользования; теоретические работы А. Н. Ниязовой [14] и О. Г. Жуляевой [7] сосредоточены на разграничении категорий пределов, ограничений и обременений в общем виде. Системное представление об ограничениях, специфически адресованных правомочию пользования, остаётся желательным.

Доктринальная позиция Н. М. Митякиной, формулирующей итоговое определение, согласно которому «под ограничениями прав на землю, регламентированными статьёй 56 ЗК РФ, следует понимать особые условия использования земельных участков (пределы землепользования), не носящие общего универсального характера, устанавливаемые при определённых обстоятельствах в публичных интересах» [13], выражает преобладающее в науке мнение, ограничивающее применение статьи 56 ЗК РФ исключительно правомочием пользования. Этот подход выступает методологической отправной точкой для настоящего исследования: согласие с тезисом о центральном положении правомочия пользования в системе ограничений требует, однако, дальнейшей систематизации.

Концептуальная разработка соотношения категорий пределов и ограничений права собственности представлена в работе А. Н. Ниязовой [14], которая характеризует пределы как общие законодательно очерченные рамки, объективно присущие праву собственности, а ограничения — как изъятия из содержания права, налагаемые императивными нормами в публичных интересах. Концепция групповых интересов, развиваемая в коллективных работах под общей редакцией А. П. Анисимова [2], даёт продуктивную аналитическую категорию для оценки публично-правовых ограничений.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая); ЗК РФ, в том числе глава XIX о ЗОУИТ и глава V.7 о публичных сервитутах; Водный кодекс Российской Федерации (статья 65); Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ); Лесной кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»; Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»; Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ; Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ.

Эмпирическую базу образуют материалы судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации: Постановление от 13 декабря 2001 г. № 16-П; Постановление от 5 марта 2020 г. № 11-П (дело Бутримовой); Постановление от 16 октября 2020 г. № 42-П (дело Анциновой); Постановление от 11 июня 2024 г. № 29-П (дело Ермака).

Методологическую основу составили: формально-юридический метод — применён к толкованию норм ЗК РФ, ГК РФ, ГрК РФ, ВК РФ и федеральных законов о реформе 2018 г.; системно-структурный — использован для трёхуровневого анализа правомочия пользования и для классификации ограничений; историко-правовой — привлечён при реконструкции триадной концепции правомочий собственника и эволюции института публичного сервитута; сравнительно-правовой — опора на четырёхэлементный тест соразмерности из практики Европейского суда по правам человека (дела Sporrong and Lönnroth v. Sweden, James and Others v. the United Kingdom); метод правового моделирования — применён к концепции дифференцированного публичного сервитута и к предложениям de lege ferenda.

Содержательной методологической опорой исследования служит трёхуровневая структура содержания правомочия пользования. Первый уровень — целевое назначение, определяемое принадлежностью участка к одной из семи категорий земель (статьи 7 и 8 ЗК РФ). Второй уровень — вид разрешённого использования (далее — ВРИ), устанавливаемый правилами землепользования и застройки в составе градостроительных регламентов (статьи 30, 35, 37 ГрК РФ). Третий уровень — конкретный режим использования, формируемый за счёт наложения на участок специальных режимов: ЗОУИТ, водоохранных зон и прибрежных защитных полос, режима особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, особо охраняемых природных территорий и других. На этой основе развёртывается классификация ограничений правомочия пользования.

Результаты

Применение указанной методологической рамки к нормативному и эмпирическому материалу позволило получить следующие результаты.

Во-первых, ограничения первого и второго уровней в значительной степени представляют собой пределы права в смысле, в каком этот термин трактуется А. Н. Ниязовой: общие законодательно очерченные рамки, объективно присущие праву собственности на землю [14, с. 212]. Ограничения третьего уровня — это собственно ограничения в строгом смысле статьи 56 ЗК РФ: изъятия из содержания права, налагаемые императивными нормами в публичных интересах. Различие между пределами и ограничениями применительно к правомочию пользования имеет не только теоретическое, но и юридико-техническое значение: оно определяет, какие нормы регулируют изменение «нормальной меры» пользования (нормы о категориях земель и градостроительных регламентах), а какие — отступления от этой меры.

Во-вторых, ограничения правомочия пользования по основаниям возникновения целесообразно классифицировать на три класса.

Родовые ограничения возникают в силу самой принадлежности участка к определённой категории земель и территориальной зоне. По юридическому существу они являются пределами правомочия пользования, а не ограничениями в смысле статьи 56 ЗК РФ. Эта позиция согласуется с замечанием Н. М. Митякиной о том, что «целевое использование земель ограничивает правообладателя именно в пользовании, оно не относится к ограничениям прав на землю, предусмотренных в статье 56 ЗК РФ» [13]. К этому классу относятся требования, вытекающие из категории земель (статья 7 ЗК РФ), правил землепользования и застройки (статьи 30–32 ГрК РФ) и градостроительных регламентов (статья 36 ГрК РФ).

Средовые ограничения возникают в силу наложения на участок специального территориального режима, обусловленного особенностями окружающей среды или необходимостью охраны определённого объекта. Они формируют конкретный режим использования, отличный от родовой нормы, и адресованы неопределённому кругу правообладателей в границах соответствующей территории. К этому классу относятся: ЗОУИТ всех 28 видов из

перечня статьи 105 ЗК РФ; водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы (статья 65 ВК РФ); режим особо охраняемых природных территорий (Федеральный закон № 33-ФЗ); режим земель лесного фонда (Лесной кодекс РФ); режим особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий (статья 79 ЗК РФ).

Сервитутно-режимные ограничения возникают в результате установления специального режима использования части земельного участка в интересах конкретного субъекта или конкретной публичной нужды. К ним относятся частный сервитут (статьи 274–277 ГК РФ, статья 23 ЗК РФ), публичный сервитут (статья 23, глава V.7 ЗК РФ), временное занятие земельного участка (статья 51 ЗК РФ), реквизиция (статья 51 ЗК РФ, статья 242 ГК РФ). А. Н. Ниязова справедливо подчёркивает, что «обременения права собственности на земельный участок должны устанавливаться в отношении объектов» [14, с. 213]. В случае публичного сервитута, как показано далее, эта классическая конструкция существенно деформирована.

В-третьих, среди сервитутно-режимных ограничений правомочия пользования наиболее интенсивную форму принимает публичный сервитут в редакции, действующей с 1 сентября 2018 г. Включённая в ЗК РФ глава V.7 (статьи 39.37–39.50) принципиально расширила перечень оснований и допустимых видов деятельности на условиях публичного сервитута. Цели установления публичного сервитута, перечисленные в статье 39.37 ЗК РФ, охватывают семь основных групп, фактически представляющих собой каталог инфраструктурных нужд, для удовлетворения которых традиционно использовались либо изъятие для государственных нужд, либо аренда, либо иные институты вещного и обязательственного права.

Принципиально новым элементом современного публичного сервитута является возможность сервитуария возводить на условиях сервитута объекты капитального строительства. А. П. Анисимов и Е. С. Болтанова справедливо указывают, что эта возможность «в значительной степени ограничивает все три правомочия собственника земельного участка» [1, с. 144–145]. Это — существенное отступление от классической конструкции сервитута, основанной на принципе пассивного претерпевания.

В-четвёртых, категория «групповых (частно-публичных) интересов» получает наглядное содержание на примере публичного сервитута, устанавливаемого для размещения нефтепровода: сам нефтепровод по большей части является объектом частной собственности коммерческой организации, тогда как процедура его размещения опирается на аппарат принудительного публично-правового вмешательства. А. П. Анисимов и Е. С. Болтанова определяют групповые интересы как «предусмотренные федеральными законами потребности отдельных видов юридических лиц с государственным участием, связанные с осуществлением недропользования, строительством жилых, спортивных и иных объектов недвижимости, обеспечиваемые путём принудительного изъятия для государственных или муниципальных нужд и (или) ограничения права частной собственности на земельные участки» [1, с. 142]. Под видом публичного интереса реализуется частный экономический интерес отдельного юридического лица, лишь частично и опосредованно связанный с интересами всего общества.

В-пятых, реформа 2018 г. сопровождалась снижением процессуальных гарантий правообладателей. В прежней редакции статьи 23 ЗК РФ установление публичного сервитута требовало проведения общественных слушаний; в новой редакции эта процедура упразднена. Решение об установлении сервитута принимается уполномоченным органом по ходатайству заинтересованного лица в порядке статей 39.41–39.45 ЗК РФ, без обязательного учёта мнения правообладателей затрагиваемых участков.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют поставить вопрос о доктринальной ревизии нормативной конструкции публичного сервитута. Полагаем, что эта конструкция требует разделения по содержательному критерию обслуживаемого интереса. Предлагается концепция дифференцированного публичного сервитута, согласно которой публичный сервитут в собственном смысле должен использоваться исключительно для удовлетворения классических публичных интересов — таких, которые направлены на жизнеобеспечение населения территориальной единицы (электро-, газо-, тепло- и водоснабжение, водоотведение, размещение автомобильных дорог общего пользования, объекты обороны и безопасности государства). Для удовлетворения групповых частно-публичных интересов — то есть интересов, обусловленных хозяйственной деятельностью отдельных видов юридических лиц (недропользователей, естественных монополий, частных операторов линейных объектов федерального значения), — должен использоваться частный сервитут с участием соответствующего юридического лица и без вмешательства публично-властного аппарата на стадии установления.

Такая дифференциация согласуется с позицией А. П. Анисимова и Е. С. Болтановой, предложивших исключить из перечня случаев установления публичного сервитута цели, отвечающие лишь групповым интересам [1, с. 150]. Предложение поддерживается и в работе Д. А. Шевченко, обосновывающего необходимость принятия отдельного федерального закона об ограничениях права собственности на землю в публичных интересах [17, с. 39]. На уровне законодательной техники концепция дифференцированного публичного сервитута может быть реализована путём изменения статьи 39.37 ЗК РФ: перечень целей установления должен быть сокращён до тех, которые напрямую обеспечивают жизнеобеспечение населения, а размещение инфраструктурных объектов в интересах частных коммерческих организаций — переведено в режим частного сервитута, устанавливаемого по соглашению сторон или решением суда.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос компенсации. Пункт 13 статьи 39.46 ЗК РФ предусматривает плату за публичный сервитут, размер которой определяется в соответствии с оценочным законодательством. Однако устанавливаемая плата зачастую не отражает действительного экономического ущерба правообладателя, особенно при долгосрочных сервитутах, ограничивающих хозяйственное освоение участка. Обращение к практике Европейского суда по правам человека, на которую обращает внимание Д. А. Шевченко, демонстрирует, что критерием соразмерности компенсации служит её способность не возлагать на правообладателя «чрезмерное бремя» (excessive burden) [17, с. 39]. В российской системе этому критерию должно соответствовать включение в плату за сервитут не только стоимости временно изымаемой возможности, но и экономических потерь от ограничения хозяйственной деятельности на сопредельной территории.

Вопрос о пределах публично-правового вмешательства в правомочие пользования не сводится к выбору между разрешением и запретом отдельной меры. Он требует методологически выверенного теста соразмерности, применимого к любому из трёх классов ограничений. Конституционно-судебная практика последнего пятилетия даёт достаточный материал для построения такого теста. В Постановлении от 13 декабря 2001 г. № 16-П Конституционный Суд РФ сформулировал базовое требование о соразмерности ограничений прав на землю конституционно значимым целям. В Постановлении от 5 марта 2020

г. № 11-П Суд признал длительные ограничения, лишающие собственника возможности использовать недвижимое имущество по назначению, разновидностью фактического изъятия [10, с. 169]. В Постановлении от 16 октября 2020 г. № 42-П Суд напомнил о требовании баланса публичных и частных интересов. В Постановлении от 11 июня 2024 г. № 29-П Суд уточнил необходимость «разумной дифференциации» публично-правового вмешательства.

На основании изложенного предлагается четырёхэлементный тест соразмерности публично-правового вмешательства в правомочие пользования.

Первый элемент — легитимность цели. Ограничение должно преследовать цель, конституционно признанную допустимой основанием для ограничения прав (часть 3 статьи 55, часть 2 статьи 36 Конституции Российской Федерации).

Второй элемент — необходимость меры. Установление ограничения должно быть обусловлено отсутствием иных, менее обременительных средств достижения той же цели. Применительно к публичному сервитуту это означает обязанность уполномоченного органа доказать невозможность размещения соответствующего объекта на земельных участках государственной или муниципальной собственности либо по соглашению с правообладателями частных участков. Это требование А. П. Ревякин обоснованно предлагает прямо закрепить в ЗК РФ путём указания на необходимость доказательства технической невозможности альтернативного размещения [15, с. 9].

Третий элемент — пропорциональность стеснения. Ограничение должно быть соразмерно достигаемой цели и не должно затрагивать существо правомочия пользования.

Четвёртый элемент — наличие соразмерной компенсации. Если ограничение по своему содержанию выходит за пределы, естественно присущие правомочию пользования, оно должно сопровождаться компенсационным механизмом, обеспечивающим возмещение имущественных потерь правообладателя.

Предложенный тест может использоваться как при правотворчестве, так и в правоприменении. Его методологическая ценность состоит в обеспечении единства подхода независимо от конкретного института, ограничивающего правомочие пользования.

Заключение

1. Содержание правомочия пользования земельным участком имеет трёхуровневую структуру: целевое назначение участка по категории земель определяет родовую меру допустимого хозяйственного освоения; вид разрешённого использования конкретизирует эту меру в пределах территориальной зоны; конкретный режим использования формируется наложением на участок специальных территориальных режимов.

2. Ограничения правомочия пользования по основаниям возникновения целесообразно классифицировать на три класса: родовые (вытекающие из категории земель и градостроительных регламентов и являющиеся пределами); средовые (формируемые в результате наложения специальных территориальных режимов); сервитутно-режимные (возникающие из установления специального режима использования части участка в интересах конкретного субъекта или конкретной публичной нужды).

3. Публичный сервитут в редакции, действующей с 1 сентября 2018 г., представляет наиболее интенсивную форму ограничения правомочия пользования и в значительной части выходит за рамки классической сервитутной конструкции.

4. Концепция дифференцированного публичного сервитута предполагает разграничение классических публичных интересов, обслуживаемых публичным сервитутом в собственном смысле, и групповых частно-публичных интересов отдельных видов юридических лиц с государственным участием, для которых должен использоваться частный сервитут.

5. Пределы публично-правового вмешательства в правомочие пользования определяются четырёхэлементным тестом соразмерности: легитимность цели; необходимость меры; пропорциональность стеснения; наличие соразмерной компенсации.

6. На уровне законодательной техники предложенные выводы реализуются изменениями: пункта 4 статьи 23 ЗК РФ; статьи 39.37 ЗК РФ; пункта 13 статьи 39.46 ЗК РФ.

Литература

1. Анисимов А. П., Болтанова Е. С. Ограничение права частной собственности путём установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141–152.

2. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Болтанова Е. С. и др. Актуальные проблемы теории земельного права России: коллективная монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.

3. Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нём // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 60–123.

4. Васючкова О. А., Каряка А. М. Ограничения прав на землю в границах зон с особыми условиями использования территорий: вопросы практического и теоретического осмысления // Юрист. 2024. № 2. С. 38–43.

5. Галиновская Е. А. Особенности защиты прав собственников, владельцев и пользователей земельных участков в суде // Экологическое право. 2024. № 4. С. 17–22.

6. Галиновская Е. А. Правовые проблемы модернизации института государственного управления в сфере использования и охраны земель // Экологическое право. 2023. № 4. С. 14–22.

7. Жуляева О. Г. К вопросу о сущности понятия ограничения прав на землю // Вестник науки. 2023. № 7 (64). Т. 1. С. 58–61.

8. Иванова И. В. Особенности реализации права собственности на земельный участок с учётом экологических ограничений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 234–239.

9. Крассов О. И. Право частной собственности на землю: монография. М.: Юристъ, 2000. 379 с.

10. Маркелова А. А., Карачун А. В. Регуляторные изъятия (regulatory takings) в России и за рубежом // Закон. 2021. № 11. С. 169–182; 2021. № 12. С. 156–171.

11. Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 312 с.

12. Минина Е. Л. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. С. Н. Волков, науч. ред. Ю. Г. Жариков. М.: Юстицинформ, 2009. 720 с.

13. Митякина Н. М. Некоторые вопросы ограничения прав на землю // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 557–560.

14. Ниязова А. Н. Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 208–215.

15. Ревякин А. П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. М., 2019. 28 с.

16. Ревякин А. П. Реквизиция земельных участков как ограничение прав на землю // Юрист. 2018. № 6. С. 12–17.

17. Шевченко Д. А. Ограничение права собственности на земельные участки в публичных интересах // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 38–39.

18. Шереметьева Н. В. Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения // Российский судья. 2021. № 8. С. 9–14.

19. Южаков Ю. В. История формирования практики «фактического резервирования» земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 11. С. 78–88.

The system of restrictions on the right of use of a land plot: classification and limits of public-law interference

Asadullin M.N.

Ufa University of Science and Technology

The article substantiates a systemic understanding of restrictions on the right of use of a land plot, including a unified classification and a proportionality test for public-law interference. The aim of the research is to reveal the structure of the content of the right of use and to show how classes of restrictions are formed under the expansion of public-law regulation. The study employs formal-legal, system-structural, historical-legal and comparative-legal methods, as well as the method of legal modelling. The three-tiered structure of the content of the right of use is elaborated: intended purpose by category of land — permitted use — specific use regime. On this basis, an original classification of restrictions on the right of use according to grounds of origin into generic, environmental and easement-regime restrictions is constructed. Particular attention is given to the public easement in the version of Federal Law No. 341-FZ of 3 August 2018; the concept of a differentiated public easement is proposed, distinguishing between classical public interests and group private-public interests. A four-element proportionality test for public-law interference is formulated. Proposals are made to improve paragraph 4 of Article 23, Article 39.37 and paragraph 13 of Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation.

Keywords**:** right of use, restrictions on land rights, intended purpose of a land plot, permitted use, public easement, group interests, proportionality test.

References

1. Anisimov A. P., Boltanova E. S. Restriction of the right of private property through the establishment of public land easements: search for a balance of interests // Journal of Russian Law. 2020. No. 4. pp. 141–152.
2. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya., Boltanova E. S. et al. Topical problems of the theory of land law of Russia: collective monograph / under general ed. A. P. Anisimov. Moscow: Yustitsinform, 2020. 800 p.
3. Bevzenko R. S. The principle of unity of fate of rights to a land plot and to structures upon it // Civil Law Review. 2020. No. 2. pp. 60–123.
4. Vasyuchkova O. A., Karyaka A. M. Restrictions on land rights within the boundaries of zones with special conditions for the use of territories: issues of practical and theoretical comprehension // Jurist. 2024. No. 2. pp. 38–43.
5. Galinovskaya E. A. Peculiarities of protection of rights of owners, holders and users of land plots in court // Environmental Law. 2024. No. 4. pp. 17–22.
6. Galinovskaya E. A. Legal problems of modernization of the institution of public administration in the sphere of use and protection of lands // Environmental Law. 2023. No. 4. pp. 14–22.
7. Zhulyaeva O. G. On the question of the essence of the concept of restriction of land rights // Bulletin of Science. 2023. No. 7 (64). Vol. 1. pp. 58–61.
8. Ivanova I. V. Features of the implementation of the right of ownership to a land plot, considering environmental restrictions // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 4 (80). pp. 234–239.
9. Krassov O. I. The right of private property to land: monograph. Moscow: Yurist, 2000. 379 p.
10. Markelova A. A., Karachun A. V. Regulatory takings in Russia and abroad // Zakon. 2021. No. 11. pp. 169–182; 2021. No. 12. pp. 156–171.
11. Melnikov N. N. Objects of land legal relations: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2023. 312 p.
12. Minina E. L. Commentary on the Land Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. S. N. Volkov, scient. ed. Y. G. Zharikov. Moscow: Yustitsinform, 2009. 720 p.
13. Mityakina N. M. Some issues of restriction of land rights // Legal Technique. 2018. No. 12. pp. 557–560.
14. Niyazova A. N. Limits and restrictions of the right of ownership to land: analysis of approaches // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2016. Iss. 32. pp. 208–215.
15. Revyakin A. P. Restrictions on rights to land plots in the public interest: extended abstract of cand. legal sci. dis.: 12.00.06. Moscow, 2019. 28 p.
16. Revyakin A. P. Requisition of land plots as a restriction of land rights // Jurist. 2018. No. 6. pp. 12–17.
17. Shevchenko D. A. Restriction of ownership of land plots in the public interest // Agrarian and Land Law. 2023. No. 5 (221). pp. 38–39.
18. Sheremeteva N. V. Waiver of limited proprietary rights to land plots: doctrinal and law enforcement problems // Russian Judge. 2021. No. 8. pp. 9–14.
19. Yuzhakov Y. V. The history of the formation of the practice of «de facto reservation» of land plots // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 11. pp. 78–88.

Институт обобщения правоприменительной практики в системе земельного контроля (надзора): формализация процедуры, преверентная эффективность

Дитрих Дмитрий Константинович
старший преподаватель кафедры геодезии, землеустройства и кадастров, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, jusi-frut@mail.ru

В статье проведен организационно-правовой анализ института обобщения правоприменительной практики как ключевой профилактической меры в системе государственного земельного контроля (надзора) в условиях его цифровой трансформации. Центральной проблемой исследования выступает оценка реального профилактического эффекта данного института, введенного статьей 47 Федерального закона № 248-ФЗ, и выявление причин его системной неэффективности.
Методологической основой послужили нормативный анализ, сравнительно-правовой метод, контент-анализ ведомственных докладов и мониторинг официальных интернет-ресурсов уполномоченных органов (Росреестр, Росприроднадзор, Россельхознадзор).
Актуальность исследования института обобщения правоприменительной практики в системе профилактики определяется его ключевой, но противоречивой ролью в реализации стратегического перехода от карательной к превентивной модели государственного контроля (надзора).
Ключевые слова: контроль, надзор, профилактика, правоприменительная практика, профилактические мероприятия, обязательные требования, контрольные (надзорные) мероприятия.

Введение в 2021 году обновленной системы государственного и муниципального контроля на основе Федерального закона "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" (далее - Федеральный закон N 248-ФЗ) <1> обозначило стратегический курс на приоритет профилактики над надзором, закрепленный в ст. 8 данного закона. Одним из основных инструментов реализации этого принципа выступает институт обобщения правоприменительной практики (ст. 47 Федерального закона № 248-ФЗ), формально унаследованный от предыдущего законодательного регулирования установленного Федеральным законом "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" <2> в качестве преемственной формы профилактической деятельности.

<1> Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2020. N 31. Ч. 1. Ст. 5007.

<2> Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" // СЗ РФ. 2008. N 52. Ч. 1, ст. 6249.

Ключевые направления деятельности института обобщения практики, вытекающие из Федерального закона N 248-ФЗ, образуют **целостный четырехэтапный цикл**. Первоочередной из них — **нормативная унификация**, направленный на обеспечение единообразного подхода к толкованию и реализации контрольно-надзорного законодательства на всех уровнях. Второе направление — это **системная диагностика нарушений** — заключается в выявлении типичных случаев несоблюдения обязательных требований и проведении глубинного анализа их причин, условий и причинно-следственных связей. Третье представляет собой **анализ реализовавшихся рисков причинения вреда** (ущерба) охраняемым законом ценностям, его цель установление наиболее распространенных нарушений с последующим изучением порождающих их факторов и контекстуальных условий. **Четвертое, итоговое направление** фокусируется на разработке **предложений по развитию регулирования**, обеспечивающих своевременную корректировку обязательных требований и контрольно-надзорного законодательства.

Итоговым результатом процедуры обобщения правоприменительной практики **служит аналитический доклад, формируемый уполномоченным органом.** В сфере земельного контроля надзора, регламентированной Положением N 1081 <3>, представление такого отчета является ежегодной обязанностью, предусматривающей его размещение на официальном интернет-ресурсе до 1 июля следующего за отчетным года. Содержательная ценность публикуемых материалов для участников правоотношений определяется, главным образом, их аналитическими разделами, включающими статистику контрольно-надзорных мероприятий и нарушений, оценку причиненного ущерба, а также систематизацию типичных моделей несоблюдения обязательных требований.

<3> Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 N 1081 "О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)" (вместе с "Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)") // СЗ РФ, 2021. N 28. Ч. I, ст. 5511.

Анализ соблюдения базовой законодательной нормы, требующей подготовки единого ежегодного доклада, выявляет системное противоречие в практике Росреестра. Нормативный формат отчетности не коррелирует с фактическим объемом публикуемых материалов. Согласно данным представленных в Докладах о федеральном государственном земельном контроле (надзоре), согласно этим документам, на официальном сайте органа было размещено в 2022 году – 1 публикация, в 2023 году – 47, а в 2024 – 82 <4> . Указанное расхождение — **наличие множественных публикаций при законодательном требовании к подготовке одного ежегодного доклада** — демонстрирует **внутреннюю несогласованность ведомственного учета.** Поскольку эти количественные показатели включаются в сводный ежегодный доклад о состоянии государственного контроля (надзора), данная методическая проблема приводит к искажению агрегированных данных о реализации профилактических мер в целом. **Проверка исполнения ст. 47 Федерального закона № 248-ФЗ фиксирует прямое нарушение установленных сроков** Росприроднадзором и Россельхознадзором. По данным официального сайта Росприроднадзор, последний опубликованный ежегодный доклад о правоприменительной практике в сфере земельного контроля датирован 2023 год <5>, а на официальном сайте Россельхознадзора <6> отсутствует не только актуальный, но и какой-либо архивный доклад по итогам обобщения правоприменительной практики. Это указывает на **несоблюдение ключевой процессуальной обязанности**, деформирующее весь цикл профилактической работы.

<4> См., Доклад об осуществлении федерального государственного земельного надзора за 2022, 2023, 2024 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/statistika/ (дата обращения: 14.12.2025).

<5> **Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзора).** Доклад о правоприменительной практике [Электронный ресурс]. – URL: https://rpn.gov.ru/activity/prevent-violation/report-public-discussions/ (дата обращения: 14.12.2025).

<6> **Официальный сайт Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор).** Раздел «Доклады Россельхознадзора» [Электронный ресурс]. – URL: https://fsvps.gov.ru/otkrytaya-sluzhba/doklady-rosselhoznadzora/ (дата обращения: 14.12.2025).

В контексте земельных правоотношений, где систематическая подготовка подобных докладов ведется с 2016 года <7>**, вопрос об их содержательной и профилактической ценности приобретает особую актуальность.** Формальное исполнение обязанности по публикации, отражающее общую статистику и типовые нарушения, хотя и формирует значительный массив эмпирических данных, само по себе не гарантирует достижения заявленных целей института. Реальная эффективность этого аналитического ресурса для целенаправленного снижения рисков и формирования единой правоприменительной политики в сфере земельного надзора требует отдельного критического анализа.

<7> См., напр.: **Обзор обобщения и анализа Росреестром правоприменительной практики при осуществлении государственного контроля (надзора) за 2016 год** [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росреестра. – URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/07-upr/П_0206.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

Вместе с тем, несмотря на устоявшуюся периодичность публикации докладов и их признанную информационно-аналитическую ценность, действенность данного института в качестве инструмента профилактики и управления рисками оценивается в доктрине неоднозначно. Скептическая позиция относительно его способности оказывать непосредственное превентивное воздействие и снижать уровень будущих нарушений была сформулирована еще на этапе обсуждения законопроекта. Как справедливо отмечал В.В. Аржанов, анализируя проект будущего закона, данное профилактическое мероприятие «рискует остаться формальной процедурой» <8>. Эта обеспокоенность сохраняет свою актуальность и после введения института в действие. По мнению современных исследователей, «вопрос о целевом воздействии (обобщения практики) на профилактику рисков нарушения обязательных требований остается открытым» <9>. **Представляется, что**, информационная ценность обобщения правоприменительной практики, сама по себе не гарантирует достижения профилактического эффекта.

<8> Аржанов В.В. К вопросу о государственном и муниципальном контроле и надзоре (по проекту Федерального закона "Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации") // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: В 3 частях, Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. С. 190 - 195.

<9> Евдокимов А.С., Сергун П.П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. N 7. С. 53 - 59.

В рамках проведенного нормативного анализа выявлена двойственная правовая природа института обобщения правоприменительной практики. С одной стороны, его целевая установка на системное выявление типичных рисков и нарушений соотносится с логикой риск-ориентированного подхода. С другой стороны, по своим содержательным характеристикам — отсутствию индивидуальной адресности, ориентации на неопределенный круг лиц и преобладанию аналитико-статистической функции — данный институт нормативно и функционально сближается с деятельностью по информированию, закрепленной в ст. 46 Федерального закона № 248-ФЗ.

Этот вывод находит подтверждение при системном толковании положений статей 46 и 47 названного Закона. Законодатель позиционирует обобщение практики как форму предоставления информации о типичных нарушениях и сложившейся правоприменительной модели. Такая конструкция изначально не предполагает вынесения индивидуальных предписаний или оказания целенаправленного превентивного воздействия на конкретных субъектов, что подтверждает его статус как инструмента общего, а не адресного профилактического информирования.

Сравнительный анализ ежегодных докладов Росреестра и Росприроднадзора за 2021–2024 годы подтверждает их устойчиво формальный информационно-статистический характер, при котором аналитическая и превентивная функции редуцированы. Содержание документов сводится к констатации показателей без исследования причинно-следственных связей. Например, доклады Росреестра фиксируют рост выявленных нарушений (с 63 459 в 2022 г. до 122 776 в 2024 г.) на фоне колебаний числа привлеченных к ответственности лиц (7 812, 3 959, 4 523 соответственно), но не содержат анализа динамики, который позволил бы оценить эффективность контроля (Приложение №1, 2022–2024). Объяснения причин нарушений носят общий характер, сводясь к «получению материальной выгоды» или «незнанию» (Приложение №1, 2024, с. 7), тогда как системные факторы (административные барьеры, недостатки регулирования) не рассматриваются. Разделы, обозначенные как «проблемные вопросы», часто подменяют анализ процедурными разъяснениями, что фактически, является толкованием законодательных норм (Приложение №1, 2024, с. 10-13) <10>.

<10> Правоприменительная практика государственного надзора [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). – URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/obzor-obobshcheniya-i-analiza-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-osushchestvenii-gosudarstvennogo-kont/ (дата обращения: 14.12.2025).

Аналогичные недостатки присущи докладам Росприроднадзора. В них наблюдается шаблонное построение: дословное повторение вводных положений о предмете контроля за 2021–2023 годы (Приложение №1, 2021–2023) и констатация одних и тех же типичных нарушений (ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ) без анализа эволюции их причин. Представленные статистические данные (например, рост мероприятий с 2 123 в 2022 г. до 4 037 в 2023 г. при изменении числа нарушений с 801 до 2 783) приводятся без интерпретации, что исключает оценку эффективности и не позволяет выявить системные тенденции (Приложение №5, 2022–2023) <11>.

<11> **Доклад о правоприменительной практике** [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). – URL: https://rpn.gov.ru/activity/prevent-violation/report-public-discussions/ (дата обращения: 14.12.2025).

Анализ структуры и содержания докладов обоих ведомств позволяет сделать вывод о том, что институт обобщения правоприменительной практики в его текущем виде в значительной степени выполняет функцию формального отчета, а не инструмента стратегического управления рисками и совершенствования регулирования. Преобладание констатации над анализом, описания процедур над оценкой их результативности, а также формальный подход к выводам ограничивают потенциал этих документов для выявления коренных причин правонарушений и разработки адресных профилактических мер. Для реализации превентивной функции необходимо смещение акцента с описательной статистики на глубокий причинно-следственный анализ, оценку эффективности применяемых контрольно-надзорных инструментов и формулировку конкретных предложений по изменению нормативно-правового регулирования и административных процедур.

Отсутствие унифицированных требований к форме и содержанию ведет к системным расхождениям в представлении информации, что проявляется в следующих ключевых аспектах: в степени актуальности анализируемых данных; в уровне содержательной глубины и аналитической проработки материалов; в принципах логической структуризации и систематизации сведений.

Данные различия носят не случайный, а устойчивый характер, подтверждая тезис о фрагментарности и ведомственной обособленности в реализации института обобщения правоприменительной практики.

Кроме того, практика ведомств характеризуется дублированием сведений в различных редакциях, а также **механическим сочетанием** нормативных ссылок, разъяснений и статистики **без построения на их основе единого аналитического вывода.**

Имеются основания полагать, что доклад о обобщении правоприменительной практике не реализуется как независимый аналитический инструмент. Например, анализ материалов Росреестра позволяет предположить, что содержание данного доклада в значительной степени пересекается с ежегодным «Докладом об осуществлении федерального государственного земельного надзора». Кроме того, в случае Россельхознадзора можно наблюдать, что функции этого института, по-видимому, заменяют годовой доклад об осуществлении федерального государственного земельного контроля (надзора).

Критическим системным недостатком, подтверждающим формальный характер института, является полный разрыв аналитического цикла. Несмотря на императивное требование Федерального закона № 248-ФЗ об использовании результатов обобщения практики для совершенствования контрольно-надзорной деятельности, отсутствуют какие-либо документированные процедуры или механизмы, обеспечивающие обратную связь между выводами докладов и последующими управленческими решениями. Этот разрыв подтверждается, отсутствием в докладах специального раздела с перечнем ранее внесенных по их итогам законодательных инициатив или изменений в административные регламенты.

На практике это означает, что выводы, содержащиеся в обзорах правоприменительной практики, не трансформируются в конкретные меры: в актуализацию обязательных требований; в пересмотр индикаторов и критериев риска; в изменение административных регламентов.

Публикуемые материалы зачастую не проходят должной верификации на актуальность и не адаптированы для практического использования субъектами правоотношений в целях самоконтроля и минимизации рисков.

Эмпирическим подтверждением формального подхода служит несоблюдение процедуры публичного обсуждения проектов докладов. Законодательная обязанность организовать такое обсуждение (ст. 47 Федерального закона № 248-ФЗ) на практике игнорируется: в течение 2021–2024 гг. на интернет-ресурсах ключевых надзорных органов (Росреестр, Россельхознадзор, Росприроднадзор) **отсутствуют какие-либо публичные материалы,** фиксирующие ход, результаты или учет мнений по итогам данных обсуждений. Это **системное нарушение процедуры** де-факто лишает институт обобщения практики важного элемента легитимности и обратной связи, сводя на нет его потенциал как инструмента публично-профилактического регулирования.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в действующей модели институт обобщения практики выполняет функцию **ведомственного аудита деятельности самого контролирующего органа,** а не инструмента снижения рисков в регулируемой сфере. Ключевая проблема заключается в нормативной и методологической разрозненности, вследствие которой публикуемые обзоры зачастую сводятся к ведомственной статистике или казуальному анализу, лишенному выраженного профилактического вектора. Это неизбежно ведет к утрате институтом своей основной функции — системного предупреждения правонарушений <12>. **В качестве позитивного ориентира для преодоления данной разрозненности может рассматриваться уже существующая попытка законодательной стандартизации формы подобного доклада: Приказ Минцифры России от 6 марта 2025 г. № 150** <13>**, утвердивший структурированный доклад о правоприменительной практике в иной, но методологически близкой сфере контроля (надзора). Этот опыт, демонстрирующий возможный подход к унификации содержания и аналитических разделов, может быть продуктивно адаптирован для нужд земельного контроля (надзора).**

<12> Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2016. N 26. Ч. I. Ст. 3851.

<13> Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 6 марта 2025 г. N 150 "Об утверждении доклада о правоприменительной практике организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере идентификации и (или) аутентификации в 2024 году" // Гарант.Ру. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).

Эмпирическим подтверждением системной проблемы служит отсутствие измеримой связи между активностью публикаций и динамикой правоприменения. Количество выпущенных обзоров не коррелирует со статистикой снижения выявленных нарушений земельного законодательства, объемом предотвращенного ущерба или позитивными сдвигами в правосознании субъектов контроля (надзора). Данное противоречие **демонстрирует ключевое несоответствие** между процедурной деятельностью

по обобщению и достижением содержательных целей в сфере обеспечения законности, указывая на формализацию процесса.

Для преодоления этого разрыва требуется **не частичное обновление норм**, а комплексное законодательное структурирование института, предполагающее последовательное регулирование четырех взаимосвязанных элементов. Первоочередным шагом является установление в базовом законе (ЗК РФ или ФЗ «О государственном контроле (надзоре)») легального определения данного института, базирующегося на принципах системности, превентивности и практической ориентированности. Во-вторых, должна быть установлена четкая иерархия целей (стратегических) и задач (оперативных), связывающих обобщение правоприменительной практики с конкретными ожидаемыми результатами.

В-третьих, обязательному законодательному закреплению подлежит стандартизация формы и содержания докладов об обобщении правоприменительной практики. Типовая структура должна включать не только анализ нарушений, но и разделы, посвященные причинам их совершения, положительному опыту, прогнозу рисков и, что критически важно, — конкретным, проверяемым рекомендациям для всех участников правоотношений. В-четвертых, ключевым условием эффективности является внедрение системы ключевых показателей, смещающих фокус оценки с объема отчетности на реальное профилактическое воздействие. Такими показателями должны стать динамика снижения типичных нарушений, учет рекомендаций в правоприменительных решениях, оценка предотвращенного ущерба и результаты мониторинга внедрения рекомендаций регулируемыми субъектами.

Таким образом, лишь посредством столь комплексной законодательной модернизации институт обобщения правоприменительной практики сможет эволюционировать из инструмента констатации в действенный механизм управления рисками. Это создаст условия для его доказательного влияния на качественное состояние земельных правоотношений и обеспечит переход от пассивно-реактивного контроля (надзора) к активному превентивному регулированию.

Литература

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2020. N 31. Ч. 1. Ст. 5007.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2016. N 26. Ч. I. Ст. 3851.
3. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" // СЗ РФ. 2008. N 52. Ч. 1, ст. 6249.
4. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 N 1081 "О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)" (вместе с "Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)") // СЗ РФ, 2021. N 28. Ч. I, ст. 5511.
5. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 6 марта 2025 г. N 150 "Об утверждении доклада о правоприменительной практике организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере идентификации и (или) аутентификации в 2024 году" // Гарант.Ру. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).
6. Доклад об осуществлении федерального государственного земельного надзора за 2022, 2023, 2024 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/statistika/ (дата обращения: 14.12.2025).
7. **Обзор обобщения и анализа Росреестром правоприменительной практики при осуществлении государственного контроля (надзора) за 2016 год** [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росреестра. – URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/07-upr/П_0206.pdf (дата обращения: 14.12.2025).
8. Правоприменительная практика государственного надзора [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). – URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/obzor-obobshcheniya-i-analiza-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-osushchestvenii-gosudarstvennogo-kont/ (дата обращения: 14.12.2025).
9. **Доклад о правоприменительной практике** [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). – URL: https://rpn.gov.ru/activity/prevent-violation/report-public-discussions/ (дата обращения: 14.12.2025).
10. **Официальный сайт Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор).** Раздел «Доклады Россельхознадзора» [Электронный ресурс]. – URL: https://fsvps.gov.ru/otkrytaya-sluzhba/doklady-rosselhoznadzora/ (дата обращения: 14.12.2025).
11. Аржанов В.В. К вопросу о государственном и муниципальном контроле и надзоре (по проекту Федерального закона "Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации") // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: В 3 частях, Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. С. 190 - 195.
12. Евдокимов А.С., Сергун П.П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. N 7. С. 53 - 59.

Institute for Generalization of Law Enforcement Practices in the Land Control (Supervision) System: Formalization of Procedures, Preventive Efficiency

Dietrich D.K.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article provides an organizational and legal analysis of the institution of summarizing law enforcement practice as a key preventive measure in the system of state land control (supervision) in the context of its digital transformation. The central issue of the study is to assess the real preventive effect of this institution, introduced by Article 47 of Federal Law No. 248-FZ, and to identify the reasons for its systemic ineffectiveness.

The methodological foundation comprised normative analysis, the comparative legal method, content analysis of departmental reports, and monitoring of official online resources of the authorized bodies (Rosreestr, Rosprirodnadzor, Rosselkhoznadzor).

The relevance of studying the institution of summarizing law enforcement practice within the framework of prevention under Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" is determined by its central yet contradictory role in implementing the strategic shift from a punitive to a preventive model of state control (supervision).

Key words: control, supervision, prevention, law enforcement practice, preventive measures, mandatory requirements, supervisory (inspection) activities.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Part 1. Art. 5007.
2. Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26. Part I. Art. 3851.

3. Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Part 1, Art. 6249.
4. RF Government Resolution No. 1081 of June 30, 2021 "On Federal State Land Control (Supervision)" (together with the "Regulation on Federal State Land Control (Supervision)") // Collected Legislation of the Russian Federation, 2021. No. 28. Part I, Article 5511.
5. Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation dated March 6, 2025 No. 150 "On approval of the report on the law enforcement practice of organizing and implementing federal state control (supervision) in the field of identification and (or) authentication in 2024" // Garant.Ru. URL: https://www.garant.ru/ (accessed: December 14, 2025).
6. Report on the implementation of federal state land supervision for 2022, 2023, 2024 [Electronic resource] // Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography (Rosreestr). URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/statistika/ (date of access: 12/14/2025).
7. Review of the generalization and analysis by Rosreestr of law enforcement practice in the implementation of state control (supervision) for 2016 [Electronic resource] // Official website of Rosreestr. - URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/07-upr/П_0206.pdf (date of access: 12/14/2025).
8. Law Enforcement Practice of State Supervision [Electronic Resource] // Federal Service for State Registration, Cadastre, and Cartography (Rosreestr). URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennyy-nadzor/obzor-obobshcheniya-i-analiza-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-osushchestvenii-gosudarstvennogo-kont/ (Accessed: 14.12.2025).
9. Report on Law Enforcement Practice [Electronic Resource] // Federal Service for Supervision of Natural Resource Management (Rosprirod-Nadzor). URL: https://rpn.gov.ru/activity/prevent-violation/report-public-discussions/ (Accessed: 14.12.2025). 10. Official website of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance (Rosselkhoznadzor). Section "Rosselkhoznadzor Reports" [Electronic resource]. – URL: https://fsvps.gov.ru/otkrytaya-sluzhba/doklady-rosselhoznadzora/ (date of access: 14.12.2025).
11. Arzhanov V.V. On the issue of state and municipal control and supervision (according to the draft Federal Law "On the Fundamentals of State and Municipal Control and Supervision in the Russian Federation") // Current issues of administrative and administrative-procedural law: materials of the annual all-Russian scientific and practical conference: In 3 parts, St. Petersburg, March 20, 2015 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. pp. 190–195.
12. Evdokimov A.S., Sergun P.P. The system of preventive measures applied in the implementation of state control (supervision): assessment of the regulatory impact // Administrative Law and Process. 2023. No. 7. pp. 53–59.

Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в спорте

Орлов Александр Александрович
к.ю.н., доцент кафедры спортивного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), aaorlov@msal.ru,

Заворина Александра Александровна
студент, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), sasha.zavorinaa@gmail.com

Статья посвящена правовым проблемам, связанным с внедрением технологий искусственного интеллекта в сферу спорта. Выделены и проанализированы четыре основных направления такого внедрения: автоматизация спортивного судейства, применение искусственного интеллекта в системе противодействия допингу, сбор и обработка физиологических данных спортсменов посредством носимых устройств, а также использование систем алгоритмического видеонаблюдения при обеспечении безопасности на спортивных мероприятиях. Применительно к каждому из направлений выявлены проблемы правоприменения: разграничение ответственности за ошибки систем, основанных на применении искусственного интеллекта, в спортивном судействе, доказательственное значение результатов алгоритмического анализа при рассмотрении дел о нарушении антидопинговых правил, правовой режим физиологических данных спортсменов, а также риски нормативного закрепления экспериментальных технологий наблюдения на постоянной основе. В результате проведенного анализа установлено, что действующее нормативное регулирование носит фрагментарный характер и ограничено регулированием конкретных технологических решений. Обосновывается вывод о формировании коллизии между нормативной автономией спортивных организаций и нарастающим государственным регулированием искусственного интеллекта, а также о необходимости выработки специальных требований к прозрачности алгоритмических решений в спорте. Статья подготовлена в рамках программы «Приоритет-2030».

Ключевые слова: искусственный интеллект в сфере спорта, автоматизация спортивного судейства, физиологические данные спортсменов, допинг-контроль, носимые устройства, биометрические данные, алгоритмическое видеонаблюдение, прозрачность алгоритмических решений, спортивное право.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее по тексту ИИ) привело к их масштабному внедрению практически во все сферы общественной жизни, и сфера физической культуры и спорта не составляет исключения. ИИ-системы уже применяются в спорте для решения широкого круга задач: от анализа результативности спортсменов и оптимизации тренировочного процесса до автоматизированного судейства, реализации мероприятий допинг-контроля, обеспечения безопасности на спортивных мероприятиях [16].

Однако правовое регулирование применения ИИ в спорте существенно отстает от темпов технологического развития. Это обстоятельство порождает комплекс юридических проблем, связанных с защитой персональных данных и биометрических данных спортсменов, разграничением юридической ответственности за решения, принимаемые ИИ-системами, обеспечением справедливости спортивных соревнований.

В этой связи особую актуальность приобретает анализ нормативного регулирования и ключевых правовых вопросов, возникающих в связи с внедрением ИИ в сферу спорта. Можно выделить следующие основные направления применения искусственного интеллекта в спорте.

Автоматизация спортивного судейства

Одним из наиболее значимых направлений применения ИИ в спорте является поддержка судейских решений и их автоматизация. Так, наиболее известным примером такой технологии является система видеоассистирования арбитрам (англ. Video Assistant Referee, VAR), которая впервые была использована в 2016 году и включена в правила Международного совета футбольных ассоциаций (IFAB) в 2018 году [10]. Для Чемпионата мира по футболу, прошедшего в Катаре в 2022 году, уже была внедрена полуавтоматизированная технология определения положения вне игры (англ. Semi-Automated Offside Technology), использующая 12 камер слежения и алгоритмы ИИ для автоматического определения положения вне игры [17].

В теннисе система Hawk-Eye, основанная на компьютерном зрении, используется для электронного определения линии, а Ассоциация теннисистов-профессионалов (ATP) перешла на полностью электронное определение аутов на ряде турниров, фактически исключив линейных судей [2].

С правовой точки зрения автоматизация спортивного судейства поднимает ряд важных вопросов.

Во-первых, это проблема определения субъекта ответственности за ошибки технологических систем. Например, если решение VAR оказывается неверным вследствие технического сбоя, что произошло в матчах Английской Премьер-лиги сезонов 2022/23 и 2023/24 при некорректном нанесении линий положения вне игры. В этом случае неизбежно возникает вопрос о юридическом разграничении зон ответственности между физкультурно-спортивной организацией, разработчиком технологии и оператором системы [7].

Во-вторых, изменяется сама модель спортивного судейства, его структура. Профессор М. Дж. Мэдисон обратил внимание на то, что внедрение VAR трансформирует саму систему принятия решений в футболе, образуя множество автономных и одновременно пересекающихся условных центров контроля (арбитр; видеоассистент; оператор повтора; регулятор, устанавливающий правила),

взаимодействие которых и порождает вопросы о распределении полномочий и ответственности [15].

Не менее важным остается вопрос о стандарте доказывания при пересмотре судейских решений. Так, система VAR функционирует по принципу «явной и очевидной ошибки» (англ. clear and obvious error), однако данный стандарт применяется единообразно как к объективным вопросам (определение положения вне игры), так и к субъективным (оценка нарушения правил), что не учитывает различий в характере пересматриваемых судейских решений. Отсутствие же дифференцированных критериев пересмотра, в свою очередь, затрудняет оспаривание решений, принятых при помощи VAR, в том числе в Спортивном арбитражном суде (CAS) [12].

Борьба с допингом в спорте

Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) активно исследует возможности ИИ для совершенствования системы противодействия допингу и борьбы с ним. В рамках проекта AR.I.E.T.T.A. (Artificial Intelligence Evoking Target Testing in Antidoping) была разработана интеллектуальная система профилирования спортсменов, позволяющая на основе гематологических данных и данных о спортивных результатах выявлять спортсменов с аномальным профилем, свидетельствующим о возможном применении запрещенных субстанций или методов [3].

Исследовательская группа профессора В. Маасса (Саарский университет, Немецкий исследовательский центр по искусственному интеллекту – DFKI) с 2015 года сотрудничает с ВАДА, разрабатывая модели машинного обучения для выявления допинга с применением эритропоэтина (ЭПО) и обнаружения подмены проб мочи. Модели, обученные на гематологических и стероидных данных спортсменов, продемонстрировали высокую точность в выявлении случаев применения эритропоэтина по косвенным гематологическим маркерам [9].

Задействование ИИ в системе противодействия допингу приводит к потребности в соответствующем нормативном регулировании.

Так, неизбежно возникает обоснованное сомнение – отвечает ли такое доказательство в виде результатов алгоритмического анализа, полученных с помощью моделей машинного обучения, критерию допустимости. И если такое доказательство допустимо, то может ли оно считаться достоверным при разбирательстве в юрисдикционных органах или в Спортивном арбитражном суде (CAS). В рамках данной проблемы возникает самостоятельный вопрос – доказательственное значение результатов алгоритмического анализа – может ли такой результат самостоятельно обосновать вывод о нарушении антидопинговых правил или должен учитываться лишь в совокупности с иными доказательствами. Кроме того, за пределами юрисдикционных и судебных разбирательств остается проблема целевого тестирования спортсменов на основе подобных данных, то есть допустимость использования алгоритмического профилирования для определения круга спортсменов, подлежащих проверке.

Помимо указанных вопросов сохраняет актуальность и уже неоднократно возникавшая проблема защиты данных. Биологический паспорт спортсмена является одним из ключевых источников данных для ИИ-моделей и содержит при этом биологические данные, относящиеся к состоянию здоровья спортсмена, то есть к специальным категориям персональных данных. Обработка этих данных регулируется Международным стандартом по защите неприкосновенности частной жизни и личной информации ВАДА, а также нормами российского законодательства в области защиты персональных данных.

Сбор и обработка физиологических данных спортсменов

Широкое распространение носимых устройств (англ. wearable devices) — датчиков частоты сердечных сокращений, датчиков геолокации (GPS), устройств мониторинга сна, капп, оснащенных датчиками (англ. instrumented mouthguards) и иных физиологических сенсоров — привело к накоплению больших объемов данных о физиологическом состоянии спортсменов.

В частности, Международная федерация регби (World Rugby) внедрила с января 2024 года для игроков элитных соревнований использование кап со встроенными датчиками, которые фиксируют каждое воздействие на голову и точно измеряют линейные и угловые ускорения и скорости, а также направление и локализацию удара. Данные передаются в реальном времени, и при превышении порога ускорения генерируется оповещение, после чего игрок направляется на обследование на предмет травмы головы [13].

К правовым коллизиям в данной области относится разграничение прав на физиологические данные между спортсменом, клубом, лигой и поставщиком конкретной технологии. С одной стороны, данные, генерируемые телом спортсменов, по своей природе связаны с личностью спортсмена. С другой стороны, такие данные могут собираться в рамках исполнения трудовых функций, что может служить основанием для притязаний со стороны соответствующих спортивных организаций [6].

Отдельным направлением потенциальных разногласий может стать получение информированного согласия на сбор и обработку физиологических данных, а также допустимые пределы их использования.

В частности, доступ к физиологическим данным спортсмена может предоставить неоправданное преимущество одной из сторон при переговорах об условиях контракта, где данные о здоровье могут быть использованы *против* спортсмена. Например, клуб, имея доступ к физиологическим данным игрока, может занизить предложение по зарплате или отказаться от приобретения [8].

Так, показательным примером саморегулирования в данной области является коллективное соглашение НБА и Ассоциации баскетболистов (NBPA) 2017 года, которое впервые включило специальный раздел о носимых устройствах (раздел 13 статьи XXII). Соглашение прямо запрещает использование данных, собранных с носимых устройств, в переговорах, связанных с контрактами или размером заработной платы игроков. За нарушение данного запрета предусмотрен штраф в размере 250 000 долларов. Кроме того, соглашение обеспечивает игрокам полный доступ ко всем собранным данным и предусматривает создание совместного комитета из представителей лиги и профсоюза для оценки и одобрения конкретных устройств, допущенных к использованию [1].

Кроме того, коммерциализация таких данных в сфере спортивных ставок создает дополнительные риски, связанные с использованием инсайдерской информации. Например, если к данным о физиологическом состоянии игроков (усталость, травма и т.п.) получают доступ третьи лица и эти данные используются при расчете коэффициентов на рынке спортивных пари. Но даже если вопрос не касается манипулирования спортивными соревнованиями, то он все равно остается дискуссионным, в частности, допустимо ли делать ставки на физиологические показатели спортсмена, к примеру, на частоту пульса при выполнении штрафного броска [18].

Особо следует обратить внимание на то, что в зарубежной доктрине используются такие термины, как «sports biometrics» или «athletic biometric data», что приводит к определенному смешению и противоречию между биометрическими идентификаторами в их традиционном

понимании (отпечатки пальцев, сканирование сетчатки или радужной оболочки глаза, геометрия лица) и иными физиологическими данными, актуальными для сферы спорта (частота сердечных сокращений, уровень кислорода в крови, вариабельность сердечного ритма). В правовом регулировании таких физиологических данных может обнаруживаться пробельность – они могут не подпадать под определение биометрических данных и, соответственно, оказаться за пределами режима специальной правовой защиты. Например, такой «узкий» подход законодателя к определению биометрических данных свойственен и российскому законодательству, в частности, содержится в статье 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [19], и американским законам о защите биометрических данных, в частности, – Закон штата Иллинойс о конфиденциальности биометрической информации (BIPA) [11].

Отдельного рассмотрения требует проблема правового основания обработки физиологических данных спортсменов. Так, в условиях зависимости работника от работодателя свобода согласия на обработку персональных данных может вызывать сомнения, поскольку отказ спортсмена от использования носимых устройств способен повлечь негативные последствия для его карьеры. При этом в зависимости от юрисдикции и конкретной ситуации на правовую оценку могут влиять различные юридически значимые обстоятельства: относятся ли собираемые персональные данные к сведениям о состоянии здоровья; необходима ли обработка персональных данных для обеспечения здоровья спортсмена; есть ли договор с субъектом персональных данных и является ли он трудовым договором; обеспечение баланса интересов между «законным интересом» клуба или иной спортивной организации и правами спортсмена.

Обеспечение безопасности на спортивных мероприятиях

XXXIII Летние Олимпийские игры 2024 в Париже стали первым крупным спортивным мероприятием, при проведении которого было нормативно закреплено масштабное применение систем алгоритмического видеонаблюдения. Закон Французской Республики № 2023-380, принятый 19 мая 2023 года в целях правового обеспечения Олимпийских и Паралимпийских игр 2024 года, в статье 10 разрешил уполномоченным службам (полиции, жандармерии, пожарно-спасательным службам и др.) в экспериментальном порядке до 31 марта 2025 года (в редакции закона от 19 мая 2023 года) использовать системы алгоритмической обработки видеоизображений для обнаружения в реальном времени «заранее определенных событий»: нехарактерных движений толпы, оставленных предметов, проникновения в запретные зоны, подозрительного поведения. При этом указанный нормативный акт прямо запретил применение каких-либо систем биометрической идентификации и технологий распознавания лиц, иными словами – система должна была обнаруживать события, а не идентифицировать людей. [14]

Однако несмотря на это указанный закон вызвал острую дискуссию в обществе и был оспорен группой депутатов Национального собрания Французской Республики. Конституционный совет Французской Республики в решении № 2023-850 DC от 17 мая 2023 года признал положения статьи 10 данного Закона не противоречащими Конституции Французской Республики, однако сформулировал оговорку толкования: нормы, предоставляющие префекту право приостановить или прекратить действие разрешения на алгоритмическое видеонаблюдение, должны толковаться как обязывающие его немедленно прекратить действие разрешения, если условия его выдачи больше не соблюдаются. [4]

С правовой точки зрения данный опыт иллюстрирует принципиально важную проблему, а именно использование крупных спортивных мероприятий в качестве юридического обоснования для внедрения технологий массового наблюдения. Это особенно актуально с учетом понимания, что подобные технологии, первоначально введенные в экспериментальном порядке и на ограниченный срок, впоследствии могут быть закреплены в законодательстве на постоянной основе и применяться уже за пределами тех обстоятельств, которыми было обусловлено их первоначальное применение. Характерно, что данная тенденция уже находит подтверждение. Так, в 2025 году Государственный совет Французской Республики рассмотрел проект закона об организации Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2030 года, предусматривающий продление эксперимента по алгоритмическому видеонаблюдению. В своем заключении Государственный совет Французской Республики признал такое продление обоснованным, указав, что по истечении нового экспериментального периода надлежит принять окончательное решение об отмене или постоянном закреплении данного механизма в законодательстве [5].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что применение ИИ в сфере физической культуры и спорта охватывает множество разнородных по правовой природе отношений, начиная с автоматизации спортивного судейства и организации допинг-контроля и заканчивая обработкой физиологических данных спортсменов и обеспечением безопасности на спортивных мероприятиях. При этом можно констатировать отсутствие системного регулирования применения ИИ в сфере физической культуры и спорта. Существующие нормы имеют точечный характер и регулируют применение конкретных технологий (VAR, Hawk-Eye, каппы, оснащенные датчиками и т.п.), что не охватывает всего спектра выявленных правовых проблем, порождаемых внедрением технологий ИИ.

В то же время даже в рамках подобного точечного регламентного регулирования уже можно отметить намечающуюся коллизию между традиционной нормативной автономией спортивных организаций в установлении собственных правил и нарастающим государственным регулированием применения ИИ. Это означает, что, например, системы судейской поддержки или использование алгоритмического профилирования для определения круга спортсменов, подлежащих целевому тестированию в рамках допинг-контроля, могут со временем быть ограничены требованиями национального законодательства.

Остается одной из центральных проблем и отсутствие единообразного правового режима в отношении данных спортсменов, собираемых и обрабатываемых ИИ-системами. Как было показано выше, физиологические данные спортсменов не всегда относятся к категории биометрических согласно национальным правопорядкам, что может лишать спортсменов ряда специальных юридических гарантий. Одновременно сохраняется вопрос о принадлежности таких данных спортсмену, работодателю, образовательной организации, реализующей программу спортивной подготовки, разработчику устройства и т.п. Формирование специального правового режима в отношении физиологических данных спортсменов представляется необходимым условием правовой определенности в отношениях между спортсменами, иными субъектами спорта и разработчиками технологических инноваций.

В связи с применением ИИ в сфере спорта центральное место занимает принцип прозрачности алгоритмических решений. Модели машинного обучения, используемые для профилирования спортсменов в рамках допинг-контроля, поддержки спортивного судейства или видеонаблюдения, нередко представляют собой «чёрные ящики», внутренняя логика принятия решений которых недоступна

для внешней проверки. Для сферы спорта, где справедливость соревнования имеет первостепенное значение, невозможность полного понимания логики алгоритмического решения создает угрозу доверию к результатам соревнований и к решениям в рамках спортивного судейства. Соответственно, необходима разработка специальных требований к раскрытию логики принятия решений ИИ-системами, применяемыми в спорте/ Очевидно, что специальное правовое регулирование использования ИИ в спорте находится на начальной стадии своего формирования. Дальнейшее формирование нормативного регулирования, правоприменительной практики и доктрины в данной сфере неизбежно будет определяться темпами технологического прогресса, а также готовностью как государственных органов, так и международных спортивных организаций к приведению правового регулирования в соответствие с условиями, порождаемыми технологическим развитием.

Литература

1. 2017 NBA-NBPA Collective Bargaining Agreement (Effective as of 7/1/2017). Article XXII, Section 13 / National Basketball Players Association. — URL: https://cosmic-s3.imgix.net/3c7a0a50-8e11-11e9-875d-3d44e94ae33f-2017-NBA-NBPA-Collective-Bargaining-Agreement.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
2. AI and tech innovations at Paris 2024: A game changer in sport / Olympics.com. — July 20, 2024. — URL: https://www.olympics.com/ioc/news/ai-and-tech-innovations-at-paris-2024-a-game-changer-in-sport (дата обращения: 30.03.2026).
3. AR.I.E.T.T.A. Artificial Intelligence Evoking Target Testing in Antidoping / World Anti-Doping Agency. — URL: https://www.wada-ama.org/en/resources/scientific-research/arietta-artificial-intelligence-evoking-target-testing-antidoping (дата обращения: 30.03.2026).
4. Conseil constitutionnel. Décision № 2023-850 DC du 17 mai 2023. Loi relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. — 20.05.2023. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047562010 (дата обращения: 30.03.2026).
5. Conseil d'État. Avis sur un projet de loi relatif à l'organisation des jeux Olympiques et Paralympiques de 2030 et pérennisant certains dispositifs institués lors des jeux Olympiques et Paralympiques de 2024. — 16 mai 2025. — URL: https://www.conseil-etat.fr/content/download/228457/document/409542L%20-Avis-1.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
6. Cuevas C. The Next Frontier in Sports: Legal Ramifications of Biometric Data and Virtual Reality Innovation / Proskauer Rose LLP, Minding Your Business. — September 30, 2025. — URL: https://www.proskauer.com/blog/the-next-frontier-in-sports-legal-ramifications-of-biometric-data-and-virtual-reality-innovation (дата обращения: 30.03.2026).
7. Dias B. Artificial Intelligence Referees: Offsides and Out of Bounds // Vanderbilt Law School Blog. — November 13, 2023. — URL: https://law.vanderbilt.edu/artificial-intelligence-referees-offsides-and-out-of-bounds/ (дата обращения: 30.03.2026).
8. Holden J.T., Houser K.A. Taboo Transactions: Selling Athlete Biometric Data // Florida State University Law Review. — 2022. — Vol. 49, No. 3. — P. 103–156.
9. How artificial intelligence can help in the fight against doping / Saarland University. — URL: https://www.selectscience.net/article/how-artificial-intelligence-can-help-in-the-fight-against-doping (дата обращения: 30.03.2026).
10. IFAB Laws of the Game 2024/25. Protocol — Video Assistant Referee (VAR) / The International Football Association Board. — URL: https://www.theifab.com/laws/latest/video-assistant-referee-var-protocol/ (дата обращения: 30.03.2026).
11. Illinois Biometric Information Privacy Act (BIPA), 740 ILCS 14/1 et seq. (2008). — URL: https://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs3.asp?ActID=3004&ChapterID=57 (дата обращения: 30.03.2026).
12. Judging the Referee: How Judicial Standards of Review Can Improve Soccer's Video Assistant Referee System // The University of Chicago Law Review Online. — 2022. — URL: https://lawreview.uchicago.edu/online-archive/judging-referee-how-judicial-standards-review-can-improve-soccers-video-assistant (дата обращения: 30.03.2026).
13. Killoughery I.T., Pitsiladis Y.P. Olympic AI agenda: we need collaboration to achieve evolution // British Journal of Sports Medicine. — 2024. — Vol. 58, No. 19. — Art. e108667. — DOI: 10.1136/bjsports-2024-108667.
14. Loi № 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. — 20.05.2023.
15. Madison M.J. Fair Play: Notes on the Algorithmic Soccer Referee // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. — 2021. — Vol. 23. — P. 341–399.
16. Najjar M.-C. Legal and Ethical Issues Arising From the Application of Data Analytics and Artificial Intelligence to Traditional Sports // Albany Law Journal of Science and Technology. — 2023. — Vol. 33. — P. 51–84.
17. Semi-automated offside technology to be used at FIFA World Cup 2022 / FIFA. — URL: https://www.fifa.com/en/articles/semi-automated-offside-technology-to-be-used-at-fifa-world-cup-2022-tm (дата обращения: 30.03.2026).
18. Sussman D.W., Egerton-Wiley A. Navigating the Sports Biometrics Boom // National Law Review. — March 25, 2022. — URL: https://natlawreview.com/article/navigating-sports-biometrics-boom (дата обращения: 10.04.2026).
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.

Legal Issues in the Use of Artificial Intelligence in Sport

Orlov A.A., Zavorina A.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines legal issues arising from the integration of artificial intelligence (AI) technologies into sport. Four principal areas of AI deployment are identified and analyzed: automation of sports officiating, AI-assisted anti-doping control, collection and processing of athletes' physiological data through wearable devices, and algorithmic video surveillance at sporting events. For each area, specific legal problems are identified: the allocation of liability for AI system errors in sports officiating, the evidentiary value of algorithmic analysis in anti-doping proceedings, the legal status of athletes' physiological data and the problem of informed consent in conditions of structural power imbalance between athletes and sports organizations, as well as the risks of experimental surveillance technologies becoming permanently embedded in legislation. The analysis of international sports federation regulations, professional league collective bargaining agreements, French legislation and decisions of the French Constitutional Council demonstrates that current regulation is fragmented and limited to governing specific technological solutions. The article argues that a conflict is emerging between the regulatory autonomy of sports organizations and the expanding state regulation of AI, and that specific requirements for the transparency of algorithmic decision-making in sport need to be developed. This article was prepared within the framework of the Priority 2030 Program.

Keywords: artificial intelligence in sport, automation of sports officiating, athletes' physiological data, anti-doping control, wearable devices, biometric data, algorithmic video surveillance, transparency of algorithmic decision-making, sports law.

References

1. 2017 NBA-NBPA Collective Bargaining Agreement (Effective as of 7/1/2017). Article XXII, Section 13. National Basketball Players Association. Available at: https://cosmic-s3.imgix.net/3c7a0a50-8e11-

11e9-875d-3d44e94ae33f-2017-NBA-NBPA-Collective-Bargaining-Agreement.pdf (accessed 30 March 2026).
2. AI and tech innovations at Paris 2024: A game changer in sport. Olympics.com, July 20, 2024. Available at: https://www.olympics.com/ioc/news/ai-and-tech-innovations-at-paris-2024-a-game-changer-in-sport (accessed 30 March 2026).
3. AR.I.E.T.T.A. Artificial Intelligence Evoking Target Testing in Antidoping. World Anti-Doping Agency. Available at: https://www.wada-ama.org/en/resources/scientific-research/arietta-artificial-intelligence-evoking-target-testing-antidoping (accessed 30 March 2026).
4. Conseil constitutionnel. Décision no. 2023-850 DC du 17 mai 2023. Loi relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions. Journal officiel de la République française, 20.05.2023. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047562010 (accessed 30 March 2026).
5. Conseil d'État. Avis sur un projet de loi relatif à l'organisation des jeux Olympiques et Paralympiques de 2030 et pérennisant certains dispositifs institués lors des jeux Olympiques et Paralympiques de 2024. 16 May 2025. Available at: https://www.conseil-etat.fr/content/download/228457/document/409542L%20-Avis-1.pdf (accessed 30 March 2026).
6. Cuevas, C. The Next Frontier in Sports: Legal Ramifications of Biometric Data and Virtual Reality Innovation. Proskauer Rose LLP, Minding Your Business, September 30, 2025. Available at: https://www.proskauer.com/blog/the-next-frontier-in-sports-legal-ramifications-of-biometric-data-and-virtual-reality-innovation (accessed 30 March 2026).
7. Dias, B. Artificial Intelligence Referees: Offsides and Out of Bounds. Vanderbilt Law School Blog, November 13, 2023. Available at: https://law.vanderbilt.edu/artificial-intelligence-referees-offsides-and-out-of-bounds/ (accessed 30 March 2026).
8. Holden J.T., Houser K.A. Taboo Transactions: Selling Athlete Biometric Data // Florida State University Law Review. — 2022. — Vol. 49, No. 3. — P. 103–156.
9. How artificial intelligence can help in the fight against doping / Saarland University. — URL: https://www.selectscience.net/article/how-artificial-intelligence-can-help-in-the-fight-against-doping (дата обращения: 30.03.2026).
10. IFAB Laws of the Game 2024/25. Protocol — Video Assistant Referee (VAR) / The International Football Association Board. — URL: https://www.theifab.com/laws/latest/video-assistant-referee-var-protocol/ (дата обращения: 30.03.2026).
11. Illinois Biometric Information Privacy Act (BIPA), 740 ILCS 14/1 et seq. (2008). — URL: https://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs3.asp?ActID=3004&ChapterID=57 (дата обращения: 30.03.2026).
12. Judging the Referee: How Judicial Standards of Review Can Improve Soccer's Video Assistant Referee System // The University of Chicago Law Review Online. — 2022. — URL: https://lawreview.uchicago.edu/online-archive/judging-referee-how-judicial-standards-review-can-improve-soccers-video-assistant (дата обращения: 30.03.2026).
13. Killoughery I.T., Pitsiladis Y.P. Olympic AI agenda: we need collaboration to achieve evolution // British Journal of Sports Medicine. — 2024. — Vol. 58, No. 19. — Art. e108667. — DOI: 10.1136/bjsports-2024-108667.
14. Loi № 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. — 20.05.2023.
15. Madison M.J. Fair Play: Notes on the Algorithmic Soccer Referee // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. — 2021. — Vol. 23. — P. 341–399.
16. Najjar M.-C. Legal and Ethical Issues Arising From the Application of Data Analytics and Artificial Intelligence to Traditional Sports // Albany Law Journal of Science and Technology. — 2023. — Vol. 33. — P. 51–84.
17. Semi-automated offside technology to be used at FIFA World Cup 2022 / FIFA. — URL: https://www.fifa.com/en/articles/semi-automated-offside-technology-to-be-used-at-fifa-world-cup-2022-tm (дата обращения: 30.03.2026).
18. Sussman D.W., Egerton-Wiley A. Navigating the Sports Biometrics Boom // National Law Review. — March 25, 2022. — URL: https://natlawreview.com/article/navigating-sports-biometrics-boom (дата обращения: 10.04.2026).
19. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" (with latest amendments) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (Part 1). - Art. 3451.

Семья, ее социальная защита и планирование сквозь призму демографической политики

Игумнов Владимир Владимирович
аспирант, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, cohesive81@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов синтеза правового регулирования социальной защиты семьи при ее планировании, отображающемся в демографических показателях. Проблема затяжного демографического кризиса в стране требует пристального внимания к вопросам социальной защиты и планирования семьи, которые автор рассматривает в совокупности, а также в контексте современной государственной демографической и семейной политики. Изученный материал позволяет утверждать, что международные программы планирования семьи разрабатывались для оказания влияния на снижение рождаемости в мире. Выявленные концептуальные изъяны подхода к планированию семьи, представленному на международном уровне, позволили автору обосновать необходимость законодательного вмешательства в действующие нормативно-правовые акты, а также закрепления на законодательном уровне сущности и содержания термина «планирование семьи», соответствующего целям и задачам российской демографической политики. Рассмотрены негативные демографические и социальные факторы, влекущие за собой применение в контрацептивных целях медицинской стерилизации. В результате проведённого анализа норм, регламентирующих деятельность женской консультации, было выявлено, что правовое регулирование, вопреки конституционного принципа равенства, смещено в сторону предоставления консультирования по вопросам планирования семьи лишь женщинам в период беременности. Автор обращает внимание на наличие пробелов в вопросах правового регулирования работы кабинета медико-социальной и правовой помощи. В ходе исследования предложено усовершенствование порядка предоставления услуги по медицинской стерилизации, а также, посредством введения универсальной единицы юрисконсульта по социальным вопросам, оптимизация штатного наполнения кабинета медико-социальной и правовой помощи.

Ключевые слова: демографический кризис, семейная политика, репродуктивное здоровье, рождаемость, медицинская стерилизация, профилактика, репродуктивные установки.

Введение

Поддержка семьи и сохранение населения входят в национальные цели развития Российской Федерации в ближайшей перспективе. Ключевыми целевыми показателями развития является: повышение суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР). СКР – это число детей, рожденных одной женщиной на протяжении жизненного периода 15–49 лет. На государственном уровне планируется повышение СКР до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., в том числе ежегодный рост СКР третьих и последующих детей [1, п.п. 1,2]. Данный подход указывает, что демографическая политика нашего государства направлена на повышение рождаемости, увеличение численности многодетных семей и поддержку (охрану) семьи, как социального института, в целом.

Следует отметить, что несмотря на довольно широкий комплекс социальных мер по стимулированию рождаемости, масштабное стратегическое планирование демографической и семейной политики в среднесрочной перспективе, повышение значения СКР не фиксируется. Это позволяет сделать выводы о влиянии на общество факторов, остающихся недостаточно урегулированными в правовом поле и отчасти удерживающих рождаемость на столь низком уровне. Одним из направлений преодоления указанной проблематики мною представляется совершенствование правового регулирования предоставления социально-медицинской услуги по бесплатному консультированию по вопросам планирования семьи, предоставляемой через организации, оказывающие медицинскую помощь по профилю "акушерство и гинекология", как формы социальной защиты семьи, материнства, отцовства и детства по охране и укреплению репродуктивного здоровья.

Правовому регулированию социальной защиты семьи уделяют внимание многие учёные, такие как: Е.Г. Азарова, Т.С. Гусева, О.Н. Петюкова и др. Вместе с тем вопросы правового регулирования предоставления социально-медицинской услуги по вопросам планирования семьи не получили достаточного освещения в научной литературе.

Бесплатное консультирование организациями государственной и муниципальной системы здравоохранения по вопросам планирования семьи предоставляется в контексте медицинского обследования лиц, вступающих в брак, а также является одним из прав семьи в сфере охраны здоровья [2, ст. 15], [3, ст. 51]. Можно заключить, что ввиду государственного обеспечения предоставления данной услуги, указанное консультирование входит в спектр мер социальной защиты семьи, материнства и детства, поэтому будет уместно рассматривать направления социальной защиты и планирования семьи в едином ключе, как взаимосвязанные.

Целью данной статьи является выделение пробелов правовых норм, регулирующих консультирование и оказание услуг по вопросам планирования семьи, посредством сопоставления исторического формирования и предназначения концепции "планирование семьи", берущей свое начало от контроля рождаемости, с предписаниями национальных нормативно-правовых актов в данной сфере, а также определение направлений по их рационализации непосредственно в контексте государственной демографической политики.

Отсутствие законодательного разъяснения терминов "вопросы планирования семьи", "планирование семьи" вносит некую неопределенность при их правовом применении и взаимодействии с иной правовой терминологией.

Определение терминологии, включающее основные их критерии, с учетом целей и задач государственной демографической политики, также является целью данного исследования.

Результаты и обсуждение

Начиная с 1954 года, под эгидой Организации объединенных наций (далее – ООН), с десятилетним интервалом проводились международные научные, а в последствии и межправительственные, конференций по народонаселению (далее – конференции), результатом которых стало утверждение в 1994 году резолюции о принятии Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию [4, с. 1–109], являющейся итоговым документом ООН, определяющим концепцию репродуктивного здоровья, включающую планирование семьи и сексуальное здоровье (далее – концепция планирования семьи) [4, с. 8].

Содержание процедурных документов конференций, отображающих доклады их участников, позволяют сделать вывод о том, что целью выработки концепции планирования семьи была разработка учеными мирового сообщества программ борьбы с быстрым ростом мирового населения, который на основании средних вариантов прогнозов ООН по народонаселению в период с 60-х годов к концу 20 столетия мог привести к увеличению численности населения вдвое с 3 до 6 млрд. и к 2015 г. достигнуть значения в 7,5 млрд., а к 2050 г. около 10 млрд. [4, с. 6], [5, p. 203]. То есть концепция планирования семьи, по большей части, разрабатывалась для снижения демографических показателей ввиду «беспрецедентного роста численности населения» [4, с. 6], что идет в разрез с российской демографической политикой, ориентированной на повышение рождаемости.

На конференции, проведенной в 1965 году в Белграде, подводя итоги заседания на тему "Будущие тенденции и перспективы населения", И.Б. Таубер сообщала о прогнозируемом превышении численности населения вместимости планеты [5, p. 193]. Видимо это и было положено в обоснование необходимости поиска решения проблем роста численности населения за счет сокращения числа рождений (новых поколений) [5, p. 197]. Однако не все участники данной конференции были единодушны в такой постановке проблемы роста численности мирового населения, целей и задач ее решения, направленных главным образом на ограничение рождаемости [5, p. 204]. Это характеризует концептуальные изъяны подхода к планированию семьи, представленному на международном уровне, в контексте его применимости в национальных реалиях и необходимость более взвешенного законодательного подхода в регулировании применения, как консультирования по вопросам планирования семьи, так и применяемых методов (методик).

В процессе развития концепции планирования семьи, реализация ее целей по снижению численности населения планеты достигалась посредством изобретения и продвижения применения методов контрацепции [5, p. 105, 108, 109], [6, p. 175]. Впоследствии, в частности, в принятой в 1994 году Каирской резолюции формулировка целей была структурированно смещена в сторону охраны репродуктивного здоровья, посредством предоставления услуг в области планирования семьи [4, с. 39, 40]. Однако методы достижения репродуктивного здоровья сводятся к подбору и применению все тех же средств контрацепции, приводящих, помимо снижения числа абортов, к снижению рождаемости, что не может оставаться в законодательной тени и должно быть урегулировано в соответствии с национальными приоритетами.

В.А. Безвербный утверждает, что существенная роль в снижении ценностей семьи, материнства и детства принадлежит западным программам "планирования семьи" и "полового воспитания", внедренным в России с начала 90-х годов [7, с. 132]. Разделяя данную позицию, хочется отметить, что в 1994 году в качестве президентской действительно была утверждена федеральная программа "Дети России" [8], действовавшая вплоть до 2000 года, в состав которой входила также целевая программа "Планирование семьи". Обоснованием разработки данной программы являлась необходимость пересмотра ряда положений, касающихся проблемы планирования семьи, приведения их в соответствие с международными нормами, одной из которых, как указывалось выше, является Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию, принятая в 1994 году в Каире, определяющая концепцию планирования семьи через популяризацию и применение средств контрацепции. В качестве примера реализации данной концепции следует отметить продвижение президентской целевой программой принципа «рождения только желанных и здоровых детей», а также мероприятий по обеспечению подростков бесплатными средствами контрацепции [8], которые став совершеннолетними, с большой долей вероятности, в дальнейшем продолжат их использование, а желание иметь детей, ввиду простоты контроля рождаемости, у них может и вовсе не возникнуть.

В.И. Якунин и др. обоснованно характеризуют целевую программу "Планирование семьи", как реализацию в России стратегии сокращения рождаемости, при финансовой помощи международных организаций, правительственных и частных зарубежных фондов, в преодолении «пути от абортов к контрацепции» [9, с. 156]. Анализ процедурных документов международных конференций по народонаселению, проведенных с 1954 по 1994 годы, позволяет разделить данную позицию, а также прийти к однозначному выводу о необходимости более пристального и взвешенного внимания с позиции национальной демографической политики к правовому регулированию предоставления социально-медицинской услуги по вопросам планирования семьи.

Одной из основных целей планирования семьи в международном аспекте является снижение численности абортов. Относительно данного показателя хочется отметить, что статистические данные свидетельствуют о эффективности планирования семьи в этой части. За довольно незначительный период с 2010 по 2022 годы в Российской Федерации этот показатель снизился боле чем в два раза. В то же время показатель проведенных вмешательств по поводу медицинской стерилизации, применяемых при планировании семьи как один из наиболее эффективных методов контрацепции, имеет тенденцию роста. Только за период с 2019 по 2022 годы в России проведено 56,1 тыс. операций (14,2 тыс. в 2019 г.; 12,6 тыс.; 14,3 тыс.; 15,0 тыс. в последующие годы, соответственно) [10, с. 62–64] и это данные исключительно среди женщин.

Следует обратить внимание, что в руководстве для поставщиков услуг по планированию семьи, разработанном Всемирной организацией здравоохранения (специализированное учреждение ООН), рекомендуется тактично обращать внимание женщины на эффективные методы верхней строки сравнительной таблицы методов контрацепции, включающей стерилизацию, дабы не был избран «метод не отвечающий её потребностям» [11, с. 515–516, с. 594]. По моему мнению, подобные "тактичные" рекомендации однозначно могут способствовать принятию лицами репродуктивного возраста необратимого решения, что в свою очередь отображается на российской демографической картине в целом. Такой подход является пробелом правового регулирования предоставления медико-

социальной услуги по вопросам планирования семьи. Этот пробел, выявленный в процессе данного исследования, необходимо заполнить посредством разработки правового регулирования порядка и критериев принятия решения о медицинской стерилизации.

Подход российского законодателя к планированию семьи должен включать не только подбор и применение методов контрацепции, но и меры по информированию граждан о всем спектре социальных гарантий по защите семьи, материнства, отцовства и детства, включая репродуктивные установки, служащие в свою очередь мотивацией на рождение детей.

Еще в 1914 году А. Гротьян предупреждал о необходимости подробного изучения и обсуждения возросшей практической реализации контроля рождаемости, которое является наиболее очевидным объяснением снижения рождаемости, дабы избежать риска упустить суть проблемы [12, s. 368]. Актуальность подобного вывода имеет место и в наше время. Именно поэтому и укрепляется уверенность в обоснованности вывода о необходимости приведения правовых актов, регулирующих предоставление медико-социальной услуги по вопросам планирования семьи, в соответствие с национальной демографической и семейной политикой.

Как уже отмечалось мною ранее, планирование семьи, посредством охраны и укрепления репродуктивного здоровья, фактически сводится к подбору и применению методов контрацепции в борьбе за снижение численности абортов, материнской смертности. В свое время А. Гротьян указывал о наличии 3 – 4-х эффективных методов контрацепции, теперь же в инструментарии планирования семьи применяется 21 метод контрацепции [11, с. XII]. По моему мнению, это позволяет осознать масштабы влияния и универсальность методов, которыми достигается репродуктивное здоровье, но которые в то же время несут скрытые угрозы снижению рождаемости, либо удержанию ее на столь низком уровне.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации медицинская стерилизация законодательно закреплена как метод контрацепции, применение которого возможно по письменному заявлению лица в возрасте старше 35-ти лет или при наличии не менее двух детей [3, ст. 57]. При этом, кроме данной формулировки, вопрос критериев и условий проведения этого медицинского вмешательства контрацептивного свойства остается нормативно не урегулирован, что, как уже отмечалось мною выше, является недопустимым пробелом законодательного урегулирования предоставления медико-социальной услуги по вопросам планирования семьи в данной части. Фактически в настоящее время медицинская стерилизация применяется без какого-либо выявления обстоятельств принятого решения, а также без проведения комплекса информационно-консультативных мероприятий, позволяющих лицу принять осознанное решение по столь важному и необратимому вопросу. Считаю, что такой подход безусловно необходимо устранить как обстоятельство, способствующее безвозвратной утрате репродуктивного потенциала общества, вступающее в противоречие с демографической политикой государства.

Можно согласится с мнением К.О. Огневой об обоснованности точки зрения ученых, которые полагают «своеобразным презюмированием законодателем тезиса о необдуманности и незрелости решения о такой процедуре и, следовательно, высокой вероятности его пересмотра в будущем», как причины установления относительно высокого возрастного ценза для стерилизации [13, с. 124]. В то же время считаю необходимым законодательный пересмотр порогового возрастного значения проведения медицинского вмешательства, потому как разница в возрасте, установленном законодательным актом (35 лет), и общепринятым периодом репродуктивного возраста (15–49 лет для женщин) составляет более 10 лет. А это довольно значительный период как для проявления сожаления о принятом решении, так и для возможности воспроизвести потомство – даже не в единичном значении. Это уже само по себе служит основанием для вывода о необходимости более взвешенного законодательно-демографического подхода как к возрастному ограничению проведения медицинской стерилизации, так и в совокупности к более детальному урегулированию процедуры принятия гражданами решения необратимого репродуктивного свойства.

Считаю целесообразным увеличить граничный возраст для проведения медицинской стерилизации по письменному заявлению лица, внеся соответствующие изменения в статью 57 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". Также следует отдельным подзаконным актом урегулировать проведение комплекса информационно-консультативных мероприятий, позволяющих лицу принять осознанное решение по столь важному и необратимому вопросу. При этом необходимо предусмотреть обязательное оказание правовой, психологической и медико-социальной помощи (консультации) лицам, изъявившим желание на проведение медицинского вмешательства.

В качестве примера для дальнейшей разработки комплекса мер по подобному информированию граждан, выявивших желание избавиться от репродуктивных физиологических функций, за основу по принципу аналогии возможно взять порядок проведения консультаций при прохождения доабортного консультирования на основе мотивационного анкетирования, направленного на донесение предпочтительности сохранения и вынашивания беременности и рождения ребенка, который также предусматривает направление беременной в кабинет психологической и медико-социальной помощи [14, п.п. 153, 154].

В приведенном случае по доабортному консультированию оказание правовой, психологической и медико-социальной помощи (консультации) женщине благоразумно предусмотрено, в отличии от проведения вмешательства по медицинской стерилизации. Такой подход является недопустимым. Безусловно аборт негативно влияет на репродуктивное здоровье женщин, но в то же время результатом медицинской стерилизации как для женщин, так и мужчин, является его полная утрата. И при этом не исключена также угроза распада брачного союза либо невозможность его создания. Всё это обосновывает необходимость принятия комплекса мер по правовому урегулированию порядка и критериев предоставления услуги по медицинской стерилизации.

Кроме того, предоставление полного психологического, социально-правового консультационного спектра необходимо применять при любом обращении граждан в медицинское учреждение по вопросам охраны и укрепления репродуктивного здоровья (планирования семьи), заключающегося в подборе и применении методов контрацепции. Отсутствие нормативного предписания относительно предоставления консультативных услуг социально-правовой направленности при консультировании и оказании услуг по вопросам планирования семьи, также является одним из выявленных пробелов законодательного урегулирования данной сферы, идущим вразрез государственной демографической политики.

Фактически оказание правовой, психологической и медико-социальной помощи при предоставлении услуг по вопросам охраны и укрепления репродуктивного здоровья (планирования семьи) распространяется лишь на женщин в период беременности. И это осуществляется исключительно по направлению врача – акушера-гинеколога, а в случае его отсутствия – врача общей практики (семейного

врача), медицинского работника фельдшерско-акушерского пункта [15, п.п. 1, 5]. Полагаю, что такой подход негативно влияет на информационный охват членов семьи, соответственно на социальную защиту семьи по оказанию ее членам психологической, правовой и медико-социальной помощи в вопросах охраны и укрепления репродуктивного здоровья (планирования семьи). Вследствие этого правовое регулирование деятельности женской консультации также требует доработки и приведения в соответствие с критериями демографической политики.

Примечательной является утвержденная Правительством России стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года[7] (далее Стратегия), которая в качестве приоритетных мер предусматривает реализацию задачи по укреплению репродуктивного здоровья граждан и совершенствованию его охраны [16, разд. III].

Скорее не во исполнение, а вопреки Стратегии, профильным федеральным разработчиком принят новый порядок оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология" [14], который исключил из функций женской консультации и центров охраны материнства и детства, здоровья семьи и репродукции, оказание правовой, психологической и медико-социальной помощи семье на основе индивидуального подхода с учетом особенностей личности, предусмотренных в ранее действующем порядке [17, п. 9 прил. № 1, п. 10 прил. № 22, п. 10 прил. № 32], [14, п. 11 прил. № 1 , п. 8. прил. № 21, п. 9 прил. № 28]. Такой подход, по моему мнению, может негативно сказаться непосредственно на репродуктивном здоровье граждан, а также не соответствует целям и задачам семейной и демографической политики.

Репродуктивное здоровье граждан имеет признаки не только физиологические, но и психологические (эмоциональные). Собственно, поэтому и необходимо наличие в медицинских учреждениях, кабинетов правовой, психологической и медико-социальной помощи, действие которых должно распространяться на всех членов семьи, а не исключительно на беременных женщин.

Считаю, что замена ныне действующим правовым актом непосредственного оказания правовой, психологической и медико-социальной помощи семье на взаимодействие медицинских организаций с органами социальной защиты населения и другими организациями социального обслуживания [14, п. 11 прил. № 1, п. 8. прил. № 21, п. 9 прил. № 28], при оказании данного вида помощи, проявит скорее негативное влияние на консультационный охват лиц репродуктивного возраста, нежели усовершенствует его. Подобное нормативное изменение обуславливает своего рода фильтр, который может существенно сократить консультационный охват, ведь для получения консультации социально-правовой направленности по вопросам планирования семьи гражданину необходимо будет обращаться в другое учреждение, расположение которого может быть неудобно, труднодоступно и т.п.

Помимо этого, обращает внимание то обстоятельство, что нормативным актом, утратившим свою силу в 2013 году, в разделе социально-правовая помощь предусматривалось оказание в женской консультации данного вида помощи юрисконсультом, хоть, правда, и без конкретизации её критериев и объема. Но при этом женщины могли быть направлены на консультирование, как врачами – акушерами, гинекологами, так и другими специалистами или обращаться самостоятельно [18, прил. № 1]. Такой подход, по моему мнению, являлся наиболее оптимальным с точки зрения охвата оснований для предоставления социально-правовой помощи, который помимо женщин должен распространяться на всех членов семьи репродуктивного возраста, нуждающихся в ее предоставлении.

На данный момент консультирование и предоставление помощи социально-правовой направленности в медицинских учреждениях разбиты на два этапа и отнесены к компетенции специалиста по социальной работе и юриста. Вывод об узконаправленности критериев консультирования, предоставляемых специалистом по социальной работе, можно сделать из положений его профессионального стандарта, который предусматривает исключительно наличие знаний в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, порядка предоставления социальных услуг и пр. [19], что делает правовое консультирование инстанционным. Ведь при наличии у обратившегося правовых вопросов, выходящих за пределы компетенции специалиста по социальной работе, необходимо направление к юристу, вследствие чего происходит усложнение процесса предоставления консультирования. Считаю, что рациональнее будет возложить на юриста, прошедшего повышение квалификации по направлению "социальная работа", выполнение функций юрисконсульта по социальным вопросам. Это позволило б избежать разобщенности консультирования по смежным социально-правовым вопросам, расширить штат кабинета медико-социальной помощи, и, соответственно, охват консультирования граждан, а также сократить затрачиваемое на консультирование время посредством осуществления комплексного консультирования на основе индивидуального подхода с учетом особенностей личности.

В поддержку вывода о необходимости создания штатной единицы юрисконсульта по социальным вопросам, следует сослаться на смоделированный рекомендациями по взаимодействию медицинских организаций и социальных служб перечень жизненных ситуаций [20, с. 21–29], который имеет довольно проработанный спектр консультаций в области права по различным жизненным ситуациям и существенно выходит за пределы компетенции профессионального стандарта специалиста по социальной работе. Этот спектр консультаций мог бы быть в полном объеме предоставлен предлагаемой штатной единицей юрисконсульта без хождения пациента по разным кабинетам либо специалистам.

Анализ нового нормативного акта, регулирующего порядок предоставления услуг по охране и укреплению репродуктивного здоровья (планированию семьи) [14], допускает сделать вывод об отстранении семьи от полноценного предоставления услуг по планированию семьи. Данный вывод сделан исходя из указанного выше исключения из функциональной структуры женской консультации и центров охраны материнства и детства, охраны здоровья семьи и репродукции, непосредственного оказания правовой, психологической и медико-социальной помощи семье. Кроме того, в Центре охраны здоровья семьи и репродукции исключена функция по осуществлению социально-психологической помощи несовершеннолетним, направленной на подготовку к семейной жизни, ориентацию на здоровую семью [14, п. 8 прил. № 28], [17, п. 10 прил. № 32]. Ввиду отстранение членов семьи, а правильней сказать семьи в целом, от получения услуг по охране и укреплению репродуктивного здоровья (планирования семьи), отсекается значительный круг граждан от донесения полного консультационного спектра социально-правовой направленности. Планирование семьи должно осуществляться всеми ее членами, репродуктивное здоровье которых должно полноценно находится под защитой государства, тогда это будет соответствовать и способствовать выполнению целей и задач семейной и демографической политики.

Помимо перечисленных изъянов, следует отметить, что методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья уместно предусматривают индивидуальное консультирования по вопросам репродуктивного здоровья, репродуктивных установок и мотивации на рождение детей [21, прил. № 2]. Однако консультирование распространяется лишь на женщин и сводится к информированию об оптимальном времени для беременности и рождения ребенка (18-35 лет), правильном питании, ведении здорового образа жизни и важности регулярного прохождения профилактических осмотров и диспансеризации. Никаких репродуктивных установок, а также мотивации на рождение ребенка (продление рода, ценностные установки молодого поколения относительно создания семьи и рождения детей, особый статус многодетной семьи, консультирование о государственных пособиях, выплатах и т.п.) консультирование не предусматривает. Такой подход нельзя признать оправданным. Указанная ситуация требует тщательной нормативной проработки, а также включения в данный консультационный процесс оказания правовой, психологической и медико-социальной помощи (консультации) как женщинам, так и мужчинам репродуктивного возраста. Это позволит максимально информировать лиц, участвующих в демографическом функционировании общества, о целях и задачах семейной и демографической политики, укрепить и развить традиционные семейные ценности, являющиеся основой демографического капитала.

Вопреки утверждениям Н.В. Долгушиной и др. о потенциале повышения рождаемости, заключающегося в сокращении числа абортов [20, с. 7], анализ статистических данных, а также критериев формирования концепции планирования семьи, позволяет сделать вывод о том, что снижение численности абортов существенно не отображается на увеличении СКР, а некоторые методы планирования семьи, направленные на охрану и укрепление репродуктивного здоровья, напрямую влияют на его снижение. Перенятая в 90-х годах прошлого столетия программа по планированию семьи и доныне реализуется в переформатированном виде "охраны и укрепления репродуктивного здоровья", не меняющей сути применяемых методов. Формат практикуемых средств, посредством которых охраняется и укрепляется репродуктивное здоровье, в совокупности с форматом социального консультирования об их использовании и безопасности, идет в противовес всех прилагаемых государством усилий по повышению рождаемости. И если не предпринимать действий по приведению консультирования, предоставления психологической, правовой и медико-социальной помощи, а также и самой программы планирования семьи (охраны и укрепления репродуктивного здоровья) в соответствие с демографическими целями нашей страны, национальная идентичность в отдаленной перспективе может быть утрачена.

Полностью поддерживаю изложенные А. Гротьяном выводы, о том, что методы контрацепции, широкое распространение и необычайно высокие стимулы их использования, а также не полная осведомленность о социальных и национальных последствиях нерегулируемого контроля рождаемости, являются отправной точкой для любого обсуждения снижения рождаемости, не только с медицинской, но и социологической точки зрения [12, s. 32–33, 368]. Ввиду этого доводы о необходимости приведения нормативных актов по вопросам планирования семьи (охраны и укрепления репродуктивного здоровья) в соответствие с целями и задачами демографической и семейной политики обретают наибольшую актуальность, а также являются поводом для дальнейшего изучения данной проблематики.

Выводы

В заключение хочется отметить, что не стоит забывать с какой целью разрабатывались международные программы планирования семьи. Поэтому представляется целесообразным для совершенствования правового регулирования социальной защиты и планирования российской семьи выработать комплекс мер правового характера.

Во-первых, целесообразно в Федеральном законе "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" закрепить термин "планирование семьи". Законодательно закреплённый термин должен соответствовать целям и задачам государственной демографической и семейной политики, что в дальнейшем позволит урегулировать планирование семьи в Российской Федерации в демографическом ключе повышения, а не снижения рождаемости.

Предлагаю закрепить термин «планирование семьи» в такой редакции: «Планирование семьи – это медико-социальная услуга в сфере охраны и укрепления репродуктивного здоровья, профилактики абортов, профилактики нарушений репродуктивных установок и мотивации на рождение детей, предоставляемая в медицинских организациях независимо от формы собственности, посредством предоставления медицинских услуг, психологической, медико-социальной и правовой помощи (консультации), информирования граждан о целях, задачах и средствах государственной демографической и семейной политики».

Во-вторых, посредством разработки единого федерального нормативного акта, регулирующего порядок создания и деятельности кабинета медико-социальной и правовой помощи в медицинских учреждениях, предоставляющих услуги по охране и укреплению репродуктивного здоровья (планированию семьи), необходимо распространить предоставление помощи (консультирования) социально-правовой и психологической направленности на всех обращающихся для получения услуги лиц.

Следует не ограничивать деятельность кабинета медико-социальной и правовой помощи доабортным и постабортным консультированием, медико-социальной поддержкой женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а предусмотреть консультирование как при диспансеризации мужчин и женщин с целью оценки репродуктивного здоровья, так и при самостоятельном обращении.

В-третьих, при разработке данного единого федерального нормативного акта, следует ввести штатную единицу юрисконсульта по социальным вопросам, прошедшего повышение квалификации по направлению "социальная работа", что позволит увеличить пропускную способность кабинета медико-социальной и правовой помощи, а также даст возможность получения гражданами полноценной консультации социально-правовой направленности при посещении одного, а не двух специалистов.

В-четвертых, возраст специального медицинского вмешательства, предусмотренный ч. 1 ст. 57 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", при медицинской стерилизации по письменному заявлению гражданина целесообразно увеличить до 45 лет и предусмотреть обязательное прохождение консультации в кабинете медико-социальной и правовой помощи по принципу доабортного консультирования.

Совокупность предлагаемых мер позволит привести социальную защиту семьи в контексте ее планирования в соответствие с целями и задачами демографической и семейной политики, повысить демографический потенциал и осознанность социальной ответственности нашего общества перед грядущими поколениями.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" № 309 от 07.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1. – Официальный сайт Президента России (дата обращения 26.07.2025).

2. Семейный кодекс РФ № 223-ФЗ от 22.12.1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925&ysclid=mht2fkcx10557224353. – Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения 26.07.2025).

3. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" № 323-ФЗ от 21.11.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=mdfrkj22qm882010983. – Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения 27.07.2025).

4. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5-13 сентября 1994. Нью-Йорк. ООН, 1995. – iv, 189 с. A/CONF.171/13/Rev.1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/icpd_ru.pdf?ysclid=mgwi6aht25922491187. Объединенные нации документы (дата обращения 14.07.2025).

5. World Population Conference, 1965. Volume I: summary report. New York. UN, 1966. – vi, 349 p. E/CONF.41/2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://digitallibrary.un.org/record/735531?v=pdf&ln=ru. Объединенные нации цифровая библиотека (дата обращения 31.07.2025).

6. Proceeding of the World population conference. Rome, 31 August-10 September 1954: papers: volume I (meetings 2, 4, 6 and 8). New York. UN, 1955. – xiii, 1040 p. E/CONF.13/413. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://digitallibrary.un.org/record/4028393?ln=ru&v=pdf. Объединенные нации цифровая библиотека (дата обращения 08.08.2025).

7. Безвербный В.А. Демографическое развитие России в контексте геополитических стратегий Запада: дисс. … канд. экон. наук: 08.00.05 / Безвербный Вадим Александрович – М.: РАН Институт соц.-полит исслед, 2010. – 205 с.

8. Федеральная целевая программа "Планирование семьи", утвержденная Указом Президента РФ от 18.08.1994 № 1696 "О президентской программе "Дети России". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=218241&ysclid=mkpeapb11e557711695#A3c429V2r7CNEXvy. Справочная правовая система "КонсультантПлюс" (дата обращения 19.08.2025).

9. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография. 3-е изд. исправл. и дополн. – М. Научный эксперт, 2013. – 472 с.

10. Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник / Ред. коллегия: С.М. Окладников, С.Ю. Никитина. Росстат. – М., 2023. – 179 с.

11. Планирование семьи: универсальное руководство для поставщиков услуг по планированию семьи. Обновленное издание 2022 г. Департамент сексуального и репродуктивного здоровья и исследований Всемирной организации здравоохранения и Школа общественного здравоохранения им. Блумберга при Университете Джона Хопкинса / Центр коммуникационных программ, Проект “Knowledge SUCCESS”. – Балтимор и Женева. ЦАП и ВОЗ, 2022. – XXII, 593 с.

12. Grotjahn A. Geburten-Rückgang und Geburten-Regelung. Im Lichte der individuellen und der sozialen Hygiene. – Berlin. Verlag von Oscar Coblentz, 1921. – 380 s.

13. Огнева К.О. Процессуальные аспекты медицинской стерилизации в российском законодательстве и судебной практике (часть I) // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 8 (200). – С. 123-126. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://prigospress.ucoz.ru/index/0-5. – Электронный архив журнала (дата обращения 04.10.2025).

14. Порядок оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология", утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.12.2025 № 747н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512300089?ysclid=mmz680f23l813786870. ГСПИ Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения 16.01.2026).

15. Приказ Минтруда России, Минздрава России № 69н/95н от 17.02.2020 "Об утверждении Порядка оказания медицинскими организациями услуг по правовой, психологической и медико-социальной помощи женщинам в период беременности". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003060001?ysclid=mmyyvpb95z87018399. ГСПИ Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения 04.10.2025).

16. "Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года", утвержденная распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://government.ru/docs/54573/. – Документы Правительства России (дата обращения 26.07.2025).

17. Порядок оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология", утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2020 № 1130н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130037?ysclid=mmz1oswnb2523596845. ГСПИ Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения 19.08.2025).

18. Инструкция по организации работы женской консультации, утвержденная приказом Министерства здравоохранения РФ от 10.02.2003 № 50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117830/e8d565da91af8af40f148205839227050d2450b0/. Справочная правовая система "КонсультантПлюс" (дата обращения 16.08.2025).

19. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 06.09.2024 № 455н "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по социальной работе". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410402042/?ysclid=mhvw5r786e374786002. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ (дата обращения 27.09.2025).

20. Обеспечение взаимодействия медицинских организаций и социальных служб, органов службы занятости при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора/трудной жизненной ситуации, беременных и женщин/семей, желающих иметь детей: Методические рекомендации / Долгушина Н.В., Сахарова В.В., Ицкович М.М., Репников А.Н., Меркулова Е.А.. – М. Минздрав России, 2025. – 53 с.

21. Методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья, утвержденные 29.03.2024 заместителями Министра здравоохранения

РФ Камкиным Е.Г. и Котовой Е.Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408788357/?ysclid=mh9dqxdybp782045277#1200. – Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ (дата обращения 19.08.2025).

Family, social protection, and planning through the prism of demographic policy

Igumnov V.V.
Vladimir Dal Lugansk State University

The article is devoted to studying the issues related to the synthesis of legal regulation of social protection for families in the process of family planning, as reflected in demographic indicators. The problem of a prolonged demographic crisis in the country, which requires close attention to the issues of social protection and family planning has been examined comprehensively, as well as within the framework of modern state demographic and family policies. It has been revealed that international family planning programs have been developed with the aim of influencing reduction in birth rates worldwide. It has been determined that the identified conceptual flaws in the approach to family planning at the international level have allowed the author to justify the necessity of legislative intervention into existing regulatory acts and the legislative consolidation of the essence and content of the term "family planning" corresponding to the goals and objectives of Russian demographic policy. Negative demographic and social factors causing the use of medical sterilization for contraceptive purposes have been considered. As a result of analyzing the norms regulating women's consultations activities, it has been shown that despite the constitutional principle of equality, legal regulation is moved towards providing counseling services only to women during pregnancy. Special attention has been given to the gaps in the legal regulation of the operation in medical, social, and legal assistance offices. The improvements to the procedure for providing medical sterilization services as well as optimizing the staffing of medical, social, and legal assistance offices through the introduction of a universal legal advisor on social issues have been proposed in the research.

Keywords: demographic crisis, family policy, reproductive health, birth rate, medical sterilization, prevention, reproductive disorders.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036" No. 309 of May 7, 2024. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1. – Official website of the President of Russia (date of access: July 26, 2025).
2. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 22, 1995. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925&ysclid=mht2fkcx10557224353. – Official Internet portal of legal information (date of access 26.07.2025).
3. Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" No. 323-FZ of 21.11.2011. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=mdfrkj22qm882010983. – Official Internet portal of legal information (date of access 27.07.2025).
4. Report of the International Conference on Population and Development. Cairo, 5-13 September 1994. New York. UN, 1995. – iv, 189 p. A/CONF.171/13/Rev.1. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/icpd_ru.pdf?ysclid=mgwi6aht25922491187. United Nations documents (date of access 14.07.2025).
5. World Population Conference, 1965. Volume I: summary report. New York. UN, 1966. – vi, 349 p. E/CONF.41/2. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://digitallibrary.un.org/record/735531?v=pdf&ln=ru. United Nations digital library (date of access 31.07.2025).
6. Proceeding of the World population conference. Rome, 31 August–10 September 1954: papers: volume I (meetings 2, 4, 6, and 8). New York. UN, 1955. – xiii, 1040 p. E/CONF.13/413. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://digitallibrary.un.org/record/4028393?ln=ru&v=pdf. United Nations Digital Library (accessed 08.08.2025).
7. Bezverbny V.A. Demographic development of Russia in the context of geopolitical strategies of the West: diss. … Cand. of Economics. sciences: 08.00.05 / Bezverbny Vadim Aleksandrovich - M.: RAS Institute of Social and Political Research, 2010. - 205 p.
8. Federal Target Program "Family Planning", approved by the Decree of the President of the Russian Federation of August 18, 1994 No. 1696 "On the presidential program "Children of Russia". [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=218241&ysclid=mkpeapb11e557711695#A3c429V2r7CNEXvy. Reference legal system "ConsultantPlus" (date of access 08/19/2025).
9. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. New technologies for combating Russian statehood: monograph. 3rd ed. corrected and supplemented. - M. Scientific expert, 2013. – 472 p.
10. Healthcare in Russia. 2023: Statistical Digest / Ed. Board: S. M. Okladnikov, S. Yu. Rosstat. - Moscow, 2023. - 179 p.
11. Family Planning: A Universal Handbook for Family Planning Service Providers. Updated Edition 2022. Department of Sexual and Reproductive Health and Research, World Health Organization and the Johns Hopkins Bloomberg School of Public Health / Center for Communication Programs, Project “Knowledge SUCCESS”. - Baltimore and Geneva. CAP and WHO, 2022. - XXII, 593 p.
12. Grotjahn A. Health and Safety in Family Planning. In the Lichte der individualen der sozialen und der sozialen hygiene. - Berlin. Verlag von Oscar Coblentz, 1921. – 380 s.
13. Ogneva K.O. Procedural Aspects of Medical Sterilization in Russian Legislation and Judicial Practice (Part I) // Law and State: Theory and Practice. – 2021. – No. 8 (200). – Pp. 123-126. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://prigospress.ucoz.ru/index/0-5. – Electronic archive of the journal (date of access 04.10.2025).
14. Procedure for the provision of medical care in the profile of "obstetrics and gynecology", approved by order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 12/19/2025 No. 747n. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512300089?ysclid=mmz680f23l813786870. GSPI Official Internet Portal of Legal Information (date of access 01/16/2026).
15. Order of the Ministry of Labor of Russia, the Ministry of Health of Russia No. 69n/95n dated 02/17/2020 "On approval of the Procedure for the provision of legal, psychological and medical-social assistance to women during pregnancy by medical organizations". [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003060001?ysclid=mmyyvpb95z87018399. GSPI Official Internet Portal of Legal Information (date of access 04.10.2025).
16. "Strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036", approved by the RF Government Decree of 15.03.2025 No. 615-r. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://government.ru/docs/54573/. – Documents of the Government of the Russian Federation (date of access 26.07.2025).
17. Procedure for the provision of medical care in the profile of "obstetrics and gynecology", approved by the Order of the Russian Ministry of Health of 20.10.2020 No. 1130n. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130037?ysclid=mmz1oswnb2523596845. GSPI Official Internet Portal of Legal Information (date of access 08/19/2025).
18. Instructions for organizing the work of a women's consultation center, approved by order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 02/10/2003 No. 50. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117830/e8d565da91af8af40f148205839227050d2450b0/. Legal reference system "Consultant-Plus" (accessed August 16, 2025).
19. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 6, 2024 No. 455n "On approval of the professional standard "Social Work Specialist". [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410402042/?ysclid=mhvw5r786e374786002. Information and legal portal GARANT.RU (date of access September 27, 2025).
20. Ensuring interaction between medical organizations and social services, employment service agencies in counseling women in a situation of reproductive choice/difficult life situation, pregnant women and women/families wishing to have children: Methodological recommendations / Dolgushina N.V., Sakharova V.V., Itskovich M.M., Repnikov A.N., Merkulova E.A.. – M. Ministry of Health of the Russian Federation, 2025. – 53 p.
21. Methodological recommendations for the medical examination of men and women of reproductive age to assess reproductive health, approved on March 29, 2024, by Deputy Ministers of Health of the Russian Federation Kamkin E.G. and Kotova E.G. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408788357/?ysclid=mh9dqxdybp782045277#1200. – Information and legal portal GARANT.RU (date of access 08/19/2025).

Правовые аспекты реализации национальных проектов: вопросы правового регулирования

Кебедов Джанбулат Магомедович
независимые исследователь

В статье исследуются этапы становления и развития национальных проектов в России, их правовые основы, место национальных проектов в жизни общества, нормативное регулирование и механизмы реализации программных мероприятий. В исследовании приводится обоснование необходимости совершенствования нормативной базы в указанной сфере правоотношений, принятия дополнительных мер по контролю за целевым и эффективным использованием бюджетных средств.
Ключевые слова: национальный проект, определение национального проекта, реализация национальных проектов, надзорное сопровождение национальных проектов, ответственность.

Более 20 лет назад государство определило национальные проекты как одно из самых значимых направлений развития. Само включение понятия «национальный» в механизм государственного управления позволило как определить общегосударственные масштабы реализации программных мероприятий, так и сформировать в сознании общества идеи воплощения народной воли в реальный результат.

Первые упоминания о национальных проектах (ранее – приоритетные национальные проекты) начались еще в 2004 году. В своем официальном выступлении перед членами Правительства и Госсовета России, а также руководством Федерального Собрания Российской Федерации 05 сентября 2005 года Президент страны В.В. Путин сформировал основные задачи развития [1]. В те годы основные усилия решено было сосредоточить на четырех основных направлениях: здравоохранении, образовании, жилищной политике и сельском хозяйстве. С учетом наращивания экономического потенциала потребность и необходимость развития данных сфер безусловно отвечало интересам общества и государства.

Официальное рождение национальных проектов можно связать с изданием Указа Президента Российской Федерации от 21.10.2005 № 1226, которым создан Совет по их реализации [2].

Первый этап реализации сформировал основные идеи и понимание.

Уже в 2006 году появилась национальная программа демографического развития России, которая рассматривалась как новый национальный проект. Тем не менее эта идея была заложена и нашла свое отражение уже на следующем этапе реализации национальных проектов в 2019 году - в национальном проекте «Демография», который уже содержал конкретные мероприятия и пути их достижения.

К новому этапу развития национальных проектов подошли в 2018 год, который осуществлялся с 2019 по 2024 годы. Уже процессе реализации мы наблюдали появление таких национальных проектов как «Туризм и индустрия гостеприимства», «Беспилотные авиационные системы».

В июле 2020 года анонсировано продление сроков реализации обновленных программ еще на 6 лет. Так, глава государства поручил Правительству Российской Федерации продлить их до 2030 года [3].

Новый цикл реализации национальных проектов заложен 29 февраля 2024 года в послании Президента России Путина В.В. Федеральному Собранию Российской Федерации, которым дан старт формирования таких направлений как «Семья», «Молодежь России», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры» и «Экономика данных» и др. [4].

Таким образом, с 2005 года мы наблюдаем развитие и трансформацию национальных проектов страны, за два десятилетия существования их количество увеличились с 4 до 20.

Сегодня упоминание о национальных проектах встречается все чаще, посредством рекламы в СМИ осуществляется процесс популяризации социальных программ среди населения, проведение отдельных спортивных и культмассовых мероприятий.

Однако несмотря на длительную историю существования правовая природа национальных проектах в общественном сознании не сформировалась.

По мнению некоторых исследователей, еще на втором этапе реализации национальных проектов отмечалось, что общественность про них забыла. Во-первых, их оказалось слишком много. Смешались национальные цели и 12 национальных проектов – каждый со своим центром ответственности. У населения не успело возникнуть связи между большим национальным и их собственной судьбой [5].

Понимание целей и задач национальных проектов в какой-то мере сформировано лишь в системе органов государственной власти и местного самоуправления. Достижение установленных показателей проводимых мероприятий для чиновников является одним из маркеров - индикаторов успешности развития регионов и оценки их работы.

При этом существенного отличия от иных программ в понимании юридического сообщества и чиновников нет.

Сегодня мы наблюдаем, что национальные проекты «растворены» в многочисленных нормативных правовых актах разного уровня, которые как правило, носят финансово-бюджетный характер. Они отражают лишь экономическую составляющую, определяя их целевые показатели, значение, а также объемы финансирования.

Нормативное определение рассматриваемого понятия появилось относительно недавно и нашло свое отражение в статье 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6].

До появления данного определения основным нормативными документами являлись Указы Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» и от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Проведенный анализ показал, что нормативная правовая база в сфере реализации национальных проектов носит преимущественно бюджетный характер.

Вместе с тем контроль за реализацией и достижением плановых показателей сформирован на всех уровнях, законность расходования средств бюджета является основной задачей как правоохранительного блока, так и контрольно-надзорных органов.

Например, в ведомственных нормативных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации надзорному сопровождению реализации национальных проектов отведено особое значение, цели и задачи сформированы в приказе главы ведомства от 14.03.2019 № 192. Аналогичные организационно – распорядительные документы также изданы на уровне прокуратур субъектов.

С 2025 года обеспечение законности при реализации национальных проектов возложено лично на прокуроров регионов, что свидетельствует о высоком приоритете данного направления в надзорном ведомстве.

Проводимые органами прокуратуры мероприятия в рассматриваемой сфере носят системный и масштабный характер, вовлеченность в достижении поставленных результатов сложно переоценить.

На практике надзорное сопровождение хода реализации национальных проектов порой сталкивается со сложностями их идентификации в массе иных программных мероприятий.

Отожествление реализуемых программных мероприятий сегодня возможно или путем изучения источников финансирования, или классификации бюджетных кодов финансирования.

К примеру, строительство объектов социальной сферы (объекты образования, здравоохранения, культуры и спорта) может быть отнесено как к мероприятиям национальных проектов, так и к другим государственным программам.

Таким образом, главной особенностью мероприятий национальных проектов в системе государственных программ является присвоение им соответствующих кодов направлений расходов целевых статей.

Данный вывод также подтверждается позицией директора Департамента программно-целевого планирования эффективности бюджетных расходов Минфина России Бегчина Н.А., отметившего, что каждому результату, мероприятию в рамках национальных проектов присвоено отдельное направление расходов в бюджетной классификации [7].

Также мы наблюдаем, что программное мероприятие отнесено к национальным проектам лишь в случае наличия федерального финансирования.

В результате этого программы, не имеющие федерального финансирования, как правило, к национальным проектам не относятся.

По этой причине реализуя многочисленные проекты за счет региональных средств Правительство города Москвы не является участником национальных проектов. Следует отметить, что реализация отдельных программных мероприятий в столице страны осуществляется путем прямого финансирования главными распорядителями бюджетных средств деятельности учреждений федерального уровня.

Все вышеперечисленные обстоятельства на наш взгляд являются препятствием к достижению некоторых целей и задач, а также в формировании в общественном сознании четкого представления о национальных проектах.

В этой связи нормативное регулирование данного вопроса требует дополнительной проработки.

Аналогичной точки зрения совершенствования правовой базы придерживаются Хусяйнова С.Г., Кузнецов М.Н. и некоторые другие эксперты [8].

Проведя сравнительное исследование отметим, что не менее пристальное внимание более 10 лет сконцентрировано в вопросах развития и функционирования оборонно-промышленного комплекса страны. С этой целью изданы нормативные правовые акты, регламентирующие как определение, права и обязанности участников данных правоотношений, так и ответственность за нарушения в данной сфере.

Действующие Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и уголовный закон страны также содержат специальные нормы, устанавливающие ответственность за правонарушения в области оборонно-промышленного комплекса.

Несмотря на особую значимость, ответственность за правонарушения в сфере национальных проектов идентична последствиям за несоблюдение требований иных государственных программ.

В целом основной механизм реализации национальных проектов, как и иных программных мероприятий сосредоточен в реализации закупочной деятельности (к примеру, национальные проекты «Инфраструктура для жизни»), либо в доведении бюджетных ассигнований до их получателей (например, «Туризм и гостеприимство).

Безусловно, ряд программных мероприятий носит безденежный характер, однако сопряжен с финансовыми расходами на том или ином этапе реализации (например, укомплектование кадрового состава первичного медицинского звена или педагогического состава образовательных учреждений).

По данной причине основополагающими нормативными документами в сфере исполнения национальных проектов, как и прежде, остаются Бюджетный кодекса Российской Федерации и Федеральный закон от 05.04.2014 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Обеспечивая законность при реализации национальных проектов надзорным ведомством, а также контрольно-счетными органами выявляются факты переноса органами публичной власти тех или иных программных мероприятий на более поздние периоды. Как правило, этому способствует отступление от законодательных принципов бюджетной системы, просчеты в закупочной деятельности, отсутствие четкой юридической ответственности.

Еще в мае 2019 года Президент России В.В. Путин обратил внимание на перенос сроков реализации мероприятий, предусмотренных национальными проектами.

В своем выступлении Глава государства потребовал упорядочить перенос контрольных сроков. Он отметил, что каждый глава региона должен лично заниматься реализацией национальных проектов на своей территории, погрузиться в эту работу и вести ее в диалоге с людьми [9].

Таким образом, формирование отдельной нормативной правовой базы в сфере национальных проектов позволило бы не только усовершенствовать механизм достижения заданных показателей проводимых мероприятий со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, но и обеспечить эффективное надзорное сопровождение.

Рассматривая вопрос издания отдельного федерального закона, нормативному совершенствованию предлагается также подвергнуть бюджетное законодательство, законодательство о закупках, об административных правонарушениях, а также уголовный закон.

По нашему мнению, в указанных сферах важно определить особенности реализации закупочной деятельности, использования бюджетных средств, ответственность за недостижение запланированных результатов и принятых обязательств.

Предлагая законодательные новеллы, мы безусловно понимаем необходимость взвешенного подхода, особенность и уникальность некоторых программных мероприятий, учета мнения экспертов, а также проведение анализа наработанного опыта предыдущих периодов работы в данной сфере.

Литература

1. История нацпроектов России. ТАСС [электронный ресурс] URL:https://tass.ru/info/6101471 (11.02.2019).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2005 № 1226 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов». Правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] http://consultant.op.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=352737&base=EXP&from=489842-47&rnd=HuKYfg#F4pQwGV6r88taszt.
3. Владимир Путин провёл в режиме видеоконференции заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL:http://kremlin.ru/events/president/news/63635.
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431.
5. Путин отложил срок реализации нацпроектов. Газета «Ведомости» [электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/13/834504-prezident-otlozhil-natsproekti (14.07.2020)
6. Федерального закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630/page/1.
7. О.В. Изутова. Синхронизировать нацпроекты и госпрограммы. Бюджет [электронный ресурс] URL: https://bujet.ru/article/424218.php.
8. С.Г. Хусяйнова, М.Н. Кузнецов. Проблемы правового регулирования финансового обеспечения национальный проектов Российской Федерации. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2005 № 4. С.130, 143.
9. Путин поручил жестко упорядочить практику переноса сроков по нацпроектам. ТАСС [электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6413498?ysclid=mnueuftd9h28799037 (08.05.2019).

Legal Aspects of National Project Implementation: Issues of Legal Regulation

Kebedov D.M.

independent researchers

This article examines the stages of the formation and development of national projects in Russia, their legal foundations, the place of national projects in society, and the regulatory framework and mechanisms for implementing program activities. The study provides a rationale for improving the regulatory framework in this area of legal relations and adopting additional measures to monitor the targeted and effective use of budget funds.

Keywords: national project, national project definition, national project implementation, supervisory support for national projects, liability.

References

1. History of Russia's National Projects. TASS [electronic resource] URL: https://tass.ru/info/6101471 (11.02.2019).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 21.10.2005 No. 1226 "On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of Priority National Projects." Legal system "Consultant Plus" [electronic resource] http://consultant.op.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=352737&base=EXP&from=489842-47&rnd=HuKYfg#F4pQwGV6r88taszt.
3. Vladimir Putin held a meeting of the Council for Strategic Development and National Projects via videoconference. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63635.
4. Address by Russian President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431.
5. Putin postponed the implementation of national projects. Vedomosti newspaper [electronic resource] URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/13/834504-prezident-otlozhil-natsproekti (14.07.2020)
6. Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" [electronic resource] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630/page/1.
7. O.V. Izutova. Synchronize national projects and state programs. Budget [electronic resource] URL: https://bujet.ru/article/424218.php.
8. S.G. Khusyaynova, M.N. Kuznetsov. Problems of legal regulation of financial support for national projects of the Russian Federation. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005, No. 4. pp. 130, 143.
9. Putin ordered strict regulation of the practice of postponing deadlines for national projects. TASS [electronic resource]. URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6413498?ysclid=mnueuftd9h28799037 (08.05.2019).

Государственный контроль за оказанием медицинской помощи в России: правовые аспекты

Косолапова Наталья Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, knv18@yandex.ru

Статья посвящена правовому содержанию государственного контроля за оказанием медицинской помощи в России. Актуальность темы связана с обновлением контрольного законодательства, перераспределением надзорных процедур, усилением профилактической направленности проверочной деятельности и ростом числа обязательных требований, предъявляемых к медицинским организациям. Научная новизна работы состоит в систематизации действующей нормативной конструкции контроля через соотнесение общих правил контрольно-надзорной деятельности с отраслевым регулированием охраны здоровья, требованиями к внутреннему контролю качества и практикой применения индикаторов риска. Цель исследования – раскрыть юридическую природу государственного контроля в сфере оказания медицинской помощи, выявить внутренние противоречия действующего регулирования и определить направления его совершенствования. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сравнительно-правовой и логико-аналитический разбор, приемы обобщения и классификации. Изучены современные русскоязычные работы по медицинскому праву, административному праву и организации здравоохранения за 2020–2024 гг. Аналитическая часть раскрывает предмет контроля, его уровневое строение, соотношение внешнего и внутреннего контроля, правовое значение обязательных требований, профилактического визита и риск-ориентированного подхода. Практическая ценность полученных выводов связана с их применением при разработке локальных регламентов медицинских организаций, подготовке к надзорным мероприятиям и уточнении правоприменительных ориентиров для органов публичной власти.

Ключевые слова: государственный контроль, медицинская помощь, охрана здоровья граждан, обязательные требования, Росздравнадзор, внутренний контроль качества, профилактический визит, индикаторы риска, медицинское право, риск-ориентированный подход.

Введение

Проблематика государственного контроля за оказанием медицинской помощи заняла устойчивое место в современной юридической науке по ряду причин. Сфера охраны здоровья связана с охраной жизни и здоровья граждан, потому любое изменение контрольных процедур затрагивает границы публичного вмешательства, объем обязанностей медицинских организаций и пределы усмотрения надзорного органа. За последние годы правовая модель контроля в здравоохранении заметно изменилась: федеральное законодательство перешло к единым правилам контрольно-надзорной деятельности, в отраслевое регулирование вошли новые процедуры профилактики нарушений, усилилось значение обязательных требований, а внутренний контроль качества занял более тесное место в системе обеспечения законности медицинской деятельности. При столь плотной нормативной переработке многие вопросы сохраняют спорный характер: не до конца согласованы общие и специальные нормы, сохраняется неоднородность понятийного аппарата, а профилактические формы воздействия не всегда получают ясное разграничение с собственно надзорными мерами.

Цель исследования – провести юридический анализ действующей модели государственного контроля за оказанием медицинской помощи в России и определить направления ее доктринального и прикладного уточнения.

Для достижения поставленной цели решаются три задачи. Первая задача сводится к раскрытию нормативной конструкции государственного контроля в сфере медицинской помощи через выявление его предмета, субъектного состава и связи с обязательными требованиями. Вторая задача направлена на установление соотношения федерального государственного контроля, внутреннего контроля качества и иных контрольных механизмов, действующих в здравоохранении. Третья задача состоит в оценке профилактического визита, индикаторов риска и риск-ориентированного подхода с точки зрения их правового значения и пригодности для предупреждения нарушений при оказании медицинской помощи.

Научная новизна работы состоит в том, что государственный контроль в здравоохранении рассматривается не как совокупность разрозненных проверочных процедур, а как многоуровневая правовая конструкция, где внешнее надзорное воздействие, внутренние контрольные механизмы медицинской организации и режим обязательных требований образуют единую систему. В статье предложено аналитическое прочтение современной модели контроля через ее связь с профилактикой нарушений, юридической определенностью индикаторов риска и перераспределением доказательной нагрузки между органом надзора и контролируемым лицом.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили современные русскоязычные научные публикации, посвященные административно-правовому регулированию здравоохранения, контролю качества и безопасности медицинской деятельности, режиму обязательных требований и надзорным процедурам. Е.В. Епифанова, В.А. Латынцева [1] исследуют административно-правовую и административно-процессуальную природу государственного контроля в медицинской сфере. Г.Г. Зигангареева, О.И. Королева, Д.К. Хусаинова [2] рассматривают использование

результатов контроля в системе обязательного медицинского страхования и предлагают направления совершенствования внутреннего контроля. В работе А.В. Кучеренко [3] поставлен вопрос о нормативной регламентации безопасности медицинской деятельности и о потребности в более строгом законодательном закреплении самой категории безопасности. Г.Э. Малков, И.Д. Колмакова [4] анализируют тенденции развития государственного контроля и надзора в охране здоровья населения. Д.М. Мустафина-Бредихина [5] раскрывает внутренний контроль качества и безопасности как средство правовой защиты медицинской организации при претензиях пациентов. Д.В. Пивень, И.С. Кицул, И.В. Иванов [6] исследуют последствия принятия нового положения о федеральном государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности. Те же авторы в последующей работе [7] рассматривают правовой режим обязательных требований, а в исследовании [8] формулируют предложения по усилению профилактической составляющей контроля. М.Д. Прилуков [9] оценивает современное состояние государственного контроля и надзора в здравоохранении на фоне реформы контрольного законодательства. М.А. Шишов [10] анализирует правовую природу индикаторов риска и условия их корректного применения при инициировании внеплановых мероприятий.

В работе использованы анализ научных публикаций, сравнительно-правовой разбор, логико-аналитический метод, классификация и обобщение. Данные приемы позволили установить взаимосвязь между общим законодательством о государственном контроле и специальным регулированием охраны здоровья, выделить устойчивые доктринальные позиции и выявить проблемные моменты правоприменения.

Результаты

Государственный контроль за оказанием медицинской помощи в современной российской модели права следует рассматривать как отраслевую разновидность публичного контроля, направленную на охрану жизни и здоровья граждан через проверку соблюдения обязательных требований при осуществлении медицинской деятельности. В научной литературе устойчиво подчеркивается административно-правовая природа данного института: контрольная деятельность разворачивается в пределах публичных полномочий, строится на нормативно закрепленных процедурах, сопровождается мерами реагирования и подчинена задачам предупреждения, выявления и пресечения нарушений [1; 9]. Отсюда вытекает первый значимый вывод: контроль в сфере медицинской помощи нельзя сводить к простой проверке документации или к фиксации отдельных дефектов лечения. Его предмет шире и охватывает порядок организации медицинской деятельности, соблюдение лицензионных условий, исполнение порядков и стандартов, внутренние процедуры обеспечения качества, обращение с медицинскими изделиями, ведение медицинской документации, соблюдение прав пациента и иные юридически значимые элементы медицинской помощи [1; 6].

Второй вывод связан с изменением нормативной архитектуры контроля после принятия общего закона о государственном контроле и последующего утверждения специального положения о федеральном государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности. В литературе отмечено, что новое положение придало отраслевому контролю более четкую связь с общими правилами контрольной реформы, сохранив при этом специфику медицинской сферы [6; 9]. На уровне правовой конструкции произошел переход от модели, где преобладала проверочная логика, к системе, в которой надзорные мероприятия соотносятся с профилактическими инструментами, категорированием риска и оценкой соблюдения обязательных требований. Для медицинских организаций подобная перестройка означает расширение круга юридически значимых обязанностей: объектом оценки становятся не отдельные факты нарушения, а способность учреждения поддерживать устойчивый режим правомерной медицинской деятельности [6].

Отдельного рассмотрения требует сам режим обязательных требований. В исследовании Д.В. Пивня, И.С. Кицула, И.В. Иванова обосновано, что обязательные требования в рассматриваемой сфере выступают юридической формой защиты охраняемых законом ценностей, прежде всего жизни и здоровья людей [7]. Данный вывод существенно влияет на понимание предмета контроля. Если обязательное требование закреплено в нормативном правовом акте и подлежит оценке в рамках государственного контроля, его соблюдение перестает восприниматься как внутреннее организационное усмотрение медицинской организации. Нарушение такого требования получает публично-правовое значение, поскольку затрагивает охраняемое состояние медицинской деятельности и влечет контрольную реакцию со стороны государства [7]. При таком подходе государственный контроль приобретает функцию правового обеспечения предсказуемости медицинской помощи: надзорный орган оценивает не отвлеченное качество как оценочную категорию, а конкретные нормативно закрепленные параметры законного поведения.

С этим тесно связано соотношение внешнего контроля и внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности. Современная доктрина постепенно отходит от восприятия внутреннего контроля как сугубо внутриорганизационной процедуры, не связанной с публичным надзором. Напротив, внутренний контроль все чаще трактуется как часть общей системы обеспечения законности медицинской помощи, которая подготавливает медицинскую организацию к исполнению обязательных требований и снижает вероятность неблагоприятных последствий при внешней проверке [2; 5; 6]. По наблюдению Г.Г. Зигангареевой, О.И. Королевой, Д.К. Хусаиновой, практическая ценность внутреннего контроля раскрывается через использование его результатов в спорах и при анализе дефектов медицинской помощи, выявленных в системе обязательного медицинского страхования [2]. Д.М. Мустафина-Бредихина связывает внутренний контроль с правовой защитой организации при претензиях пациентов, выделяя значение врачебной комиссии и службы внутреннего контроля как механизмов документированного подтверждения добросовестности действий медицинской организации [5]. Из сопоставления данных позиций вытекает, что внутренний контроль перестал быть факультативным управленческим инструментом; он занял место юридически значимого слоя отраслевой комплаенс-системы в медицине.

Такое положение порождает и собственные риски. Чем теснее внешний надзор связывается с внутренним контролем, тем острее встает вопрос о пределах автономии медицинской организации. Если внутренние процедуры строятся лишь как реакция на ожидания надзорного органа, они теряют качество самостоятельного механизма анализа дефектов и превращаются в форму предварительной отчетности. Исследования последних лет фиксируют данную тенденцию косвенно: в публикациях о внутреннем контроле все чаще обсуждаются надзорные последствия дефектов документации, претензий пациентов и результатов экспертиз, тогда как клинико-управленческая ценность внутреннего аудита уходит на второй план [2; 5]. С правовой точки зрения подобный сдвиг означает усиление регулятивного давления на медицинскую

организацию: внутренняя система качества все чаще оценивается через ее пригодность для внешней проверки.

Следующий пласт анализа касается риск-ориентированного подхода. В работах М.Д. Прилукова и Г.Э. Малкова с И.Д. Колмаковой подчеркивается, что современный государственный контроль в здравоохранении развивается в русле общей реформы надзорной деятельности, где интенсивность вмешательства соотносится с потенциальным вредом охраняемым ценностям [4; 9]. В медицинской сфере подобная логика представляется оправданной по самой природе регулируемых отношений: различие между видами медицинской деятельности, профилями оказания помощи, особенностями применяемых технологий и объемом возможного вреда требует дифференцированного подхода к выбору контрольных процедур. Вместе с тем правовая устойчивость риск-ориентированной модели зависит от того, насколько точно сформулированы критерии отнесения контролируемого лица к определенной категории риска и насколько прозрачны основания для последующих надзорных действий [9].

В данной части особую значимость приобретает проблематика индикаторов риска. М.А. Шишов предлагает рассматривать их как юридически значимые сигналы, на основании которых инициируются внеплановые контрольные мероприятия, и подчеркивает три требования к таким индикаторам: научная обоснованность, формальная определенность и доступность для органа контроля [10]. При переносе данного вывода на сферу оказания медицинской помощи обнаруживается существенный нормативный узел. С одной стороны, государство заинтересовано в быстром реагировании на признаки потенциально опасной деятельности медицинской организации. С другой стороны, недостаточно определенные индикаторы создают риск расширительного усмотрения надзорного органа и размывают границы правомерного вмешательства. Для медицинских организаций подобная неопределенность выражается в затруднении правового прогнозирования: учреждение не всегда располагает возможностью заранее соотнести собственное поведение с теми признаками, которые надзорный орган впоследствии сочтет достаточным основанием для внепланового мероприятия [10].

Профилактическая направленность современного контроля получила в научной литературе самостоятельное развитие. Д.В. Пивень, И.С. Кицул, И.В. Иванов подробно анализируют профилактический визит и приходят к выводу, что он занял заметное место в контрольной системе здравоохранения, причем его значение выходит далеко за пределы консультативной беседы [8]. Профилактический визит фактически выполняет двойную функцию: он ориентирован на предупреждение нарушения и одновременно выступает каналом предварительной оценки состояния подконтрольного объекта. В статье тех же авторов о приоритете профилактических мероприятий обосновано, что смещение акцента от репрессивной проверки к профилактике соответствует общей логике реформы, но требует содержательного наполнения самих профилактических процедур [8]. Иначе профилактика превращается в формальное действие без собственных правовых последствий.

Переход к профилактическому формату не устраняет значимость надзорной реакции, а меняет ее момент и способ. В медицинской сфере профилактический визит получает особую правовую нагрузку, поскольку речь идет не о нейтральной хозяйственной деятельности, а об оказании помощи пациенту, где цена нормативной ошибки крайне высока. По этой причине профилактика в здравоохранении не сводится к мягкой модели сопровождения; она служит ранней стадией правового предупреждения вреда. В литературе справедливо подчеркивается, что отказ медицинской организации от серьезного отношения к профилактическим мероприятиям повышает вероятность более жесткого вмешательства в будущем [8]. Следовательно, профилактический визит следует рассматривать не как факультативный эпизод взаимодействия с надзорным органом, а как самостоятельный элемент правового механизма охраны здоровья.

Содержательное наполнение контроля зависит и от того, как в науке понимается безопасность медицинской деятельности. А.В. Кучеренко обращает внимание на отсутствие в законодательстве полноценно разработанного понятия безопасности медицинской деятельности при одновременном широком использовании данной категории в регулировании контроля [3]. Данный тезис имеет прямое значение для анализа государственного контроля за оказанием медицинской помощи. Когда надзор строится вокруг категории, чьи законодательные границы очерчены недостаточно подробно, правоприменение начинает опираться на сочетание разрозненных норм, административной практики и экспертных представлений. Подобная конструкция допускает гибкость, но одновременно создает риск неодинакового понимания предмета контроля у регулятора, медицинской организации и суда. Из этого следует, что дальнейшее развитие государственного контроля в здравоохранении связано не столько с ростом числа процедур, сколько с уточнением базовых правовых понятий, лежащих в основе всей контрольной модели [3].

Исследования 2021–2024 гг. позволяют увидеть еще одну тенденцию: контроль за оказанием медицинской помощи постепенно смещается от реактивной логики к модели постоянной юридической готовности медицинской организации. На данную тенденцию указывают работы о новом положении о федеральном контроле, о внутреннем контроле и о режиме обязательных требований [5; 6; 7; 8]. Медицинская организация в текущей правовой реальности оценивается не эпизодически, а через наличие устойчиво действующих процедур, позволяющих своевременно выявлять и устранять нарушения, корректно документировать процесс оказания помощи, анализировать нежелательные события и выстраивать доказуемую систему обеспечения качества. Внешний контроль при такой модели опирается на внутреннюю доказательственную среду самой организации. Именно здесь проходит граница между формальным исполнением нормативных предписаний и реальным правовым обеспечением законности медицинской помощи.

Наконец, анализ научных публикаций показывает, что государственный контроль за оказанием медицинской помощи нельзя рассматривать изолированно от общего направления развития публичного управления в здравоохранении. В ранних работах, вышедших на рубеже реформы, акцент делался на институциональном обновлении контрольной системы и поиске перспектив ее развития [4; 6]. Более поздние исследования смещают фокус на обязательные требования, профилактические мероприятия, индикаторы риска и внутренние механизмы доказуемого соблюдения прав пациента [5; 7; 8; 10]. Такое движение научной мысли свидетельствует о перерастании контроля из набора проверочных действий в сложный юридический режим сопровождения медицинской деятельности, где надзор, профилактика и внутренняя организация качества образуют взаимосвязанную систему [1; 2; 9].

Обсуждение

Полученные положения позволяют уточнить место государственного контроля в правовом строе здравоохранения. Речь идет не о периферийном элементе административного регулирования, а о механизме, через кото-

рый публичная власть задает допустимые пределы медицинской деятельности, определяет форму доказуемого соблюдения обязательных требований и перераспределяет ответственность между надзорным органом и медицинской организацией. При подобном прочтении контроль перестает восприниматься как внешнее вмешательство, происходящее время от времени. Он присутствует внутри текущей работы медицинской организации в виде локальных регламентов, стандартов документирования, порядка работы врачебной комиссии, учета нежелательных событий и подготовки к профилактическим мероприятиям.

Сопоставление научных подходов показывает заметное сближение административно-правовой и организационно-управленческой линий исследования. Одни авторы сосредоточены на процедурной стороне контроля, на правовом статусе проверок, профилактических визитов и индикаторов риска. Другие анализируют внутренний контроль качества, претензионную работу, маршруты фиксации дефектов и документирование управленческих решений. Между данными подходами нет подлинного противоречия: они описывают разные слои одной правовой конструкции. Проблема возникает в другой точке – там, где управленческий инструментарий начинает полностью подстраиваться под ожидания надзорной практики. В подобной ситуации внутренний контроль утрачивает самостоятельную функцию самокоррекции и превращается в форму непрерывной подготовки к внешней оценке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о достаточности понятийной базы. Научные публикации убедительно показывают, что законодатель использует категории качества, безопасности, обязательных требований и риска как рабочие опоры контрольного режима, но степень их нормативной разработанности неодинакова. По этой причине правоприменитель нередко связывает несколько разных уровней регулирования: общие положения закона о государственном контроле, отраслевые нормы закона об охране здоровья, подзаконные акты, локальные регламенты медицинской организации и экспертные конструкции, выработанные в практике контроля качества. Подобное наложение источников создает сложную, но не всегда безупречно согласованную модель. Для медицины, где правовая определенность напрямую связана с безопасностью пациента, такой нормативный разрыв приобретает особую остроту.

Серьезную дискуссию вызывает профилактический поворот контрольной деятельности. Само смещение акцента в сторону предупреждения нарушений выглядит оправданным: сфера оказания медицинской помощи плохо переносит логику позднего вмешательства, когда нарушение уже повлекло вред. При этом профилактика сохраняет убедительность лишь при ясных правовых границах. Когда профилактический визит используется как промежуточная форма между консультированием и фактической преднадзорной оценкой, у контролируемого лица возникает риск двойственной правовой позиции: формально речь идет о профилактике, по существу – о предварительном сборе сведений для последующей более жесткой реакции. Подобная неопределенность требует более тщательного законодательного и методического разграничения профилактического и надзорного форматов.

Не менее сложным выглядит вопрос о применимости риск-ориентированного подхода именно к медицинской помощи. Дифференциация контроля по вероятности причинения вреда логична для социально значимой и технологически неоднородной сферы. Вместе с тем медицинская деятельность отличается высокой вариативностью клинических ситуаций, многообразием организационных моделей и зависимостью результатов от факторов, не сводимых к простому управленческому алгоритму. По этой причине индикаторы риска, пригодные для иных отраслей, в здравоохранении требуют особенно строгой юридической калибровки. Иначе риск-ориентированный подход перестает работать как инструмент точечной настройки контроля и начинает порождать дополнительную неопределенность.

Еще одна исследовательская проблема связана с соотношением государственного контроля и защиты прав пациента. В научных публикациях данная связь просматривается отчетливо, но чаще через анализ отдельных процедур – претензий, внеплановых мероприятий, использования результатов экспертиз, оценки дефектов документации. Менее разработан вопрос о том, каким образом надзорный режим влияет на реальную доступность правовой защиты пациента вне рамок формальной проверочной статистики. Не вполне ясно, где проходит граница между обеспечением прав пациента и избыточной формализацией медицинской деятельности, когда организация ориентируется прежде всего на безупречность контрольного досье.

Ограничения проведенного исследования определяются аналитическим характером работы и составом использованной литературы. В статье рассмотрены русскоязычные публикации последних лет, сосредоточенные преимущественно на нормативной конструкции контроля и на практиках ее применения в медицинских организациях. За пределами анализа остались эмпирические массивы судебных дел, региональная надзорная практика и статистика контрольных мероприятий по отдельным профилям медицинской помощи. По этой причине дальнейшая разработка темы связана с соединением доктринального анализа с изучением судебного материала, актов реагирования надзорных органов и локальных регламентов медицинских организаций.

Заключение

Проведенный анализ позволил установить, что государственный контроль за оказанием медицинской помощи в России представляет собой многоуровневую правовую конструкцию, основанную на проверке соблюдения обязательных требований, закрепленных в отраслевом и общем контрольном законодательстве. Первая задача исследования решена через раскрытие предмета контроля, его публично-правовой природы и связи с режимом обязательных требований, которые задают нормативные пределы допустимой медицинской деятельности.

По второй задаче сделан вывод о тесной взаимосвязи внешнего государственного контроля и внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности. Внутренний контроль в современной модели права занял место юридически значимого механизма, обеспечивающего предварительное выявление дефектов, фиксацию корректирующих действий и формирование доказательной базы добросовестных действий медицинской организации.

Решение третьей задачи показало, что профилактический визит, индикаторы риска и риск-ориентированный подход заняли устойчивое место в контрольной системе здравоохранения, но их правовая эффективность напрямую зависит от степени нормативной определенности. При недостаточной ясности критериев и процедур возрастает усмотрение надзорного органа и снижается предсказуемость правового положения контролируемого лица.

Совокупность полученных выводов подтверждает: дальнейшее развитие государственного контроля в сфере медицинской помощи связано прежде всего с более точным согласованием общих и специальных норм, с уточнением понятийного аппарата и с укреплением такой

модели внутреннего контроля, которая работает не формально, а как постоянный режим правомерной организации медицинской деятельности.

Литература

1. Епифанова Е. В., Латынцева В. А. Государственный контроль и надзор в сфере медицинской деятельности (административно-правовые и административно-процессуальные стороны) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 69–76. DOI: 10.31429/20785836-13-2-69-76.
2. Зигангареева Г. Г., Королева О. И., Хусаинова Д. К. Пути совершенствования внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности: как использовать результаты контроля в сфере обязательного медицинского страхования // Менеджер здравоохранения. 2023. № 6. С. 22–28. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-6-22-28.
3. Кучеренко А. В. Публично-правовые начала безопасности медицинской деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 2. С. 105–109. DOI: 10.14529/law240215.
4. Малков Г. Э., Колмакова И. Д. Перспективы развития государственного контроля и надзора в сфере охраны здоровья населения // Общество. Экономика. Управление. 2020. Т. 5, № 1. С. 18–23. DOI: 10.24411/2618-9852-2020-15103.
5. Мустафина-Бредихина Д. М. Организация внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности как инструмент защиты при претензиях пациентов // Неонатология: новости, мнения, обучение. 2024. Т. 12, № 2. С. 91–93.
6. Пивень Д. В., Кицул И. С., Иванов И. В. Что изменилось для медицинских организаций в связи с принятием нового Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности // Менеджер здравоохранения. 2021. № 9. С. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2021-9-4-10.
7. Пивень Д. В., Кицул И. С., Иванов И. В. Закон об обязательных требованиях и обязательные требования к качеству и безопасности медицинской деятельности: что следует знать руководителю медицинской организации // Менеджер здравоохранения. 2024. № 4. С. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.
8. Пивень Д. В., Кицул И. С., Иванов И. В. Как обеспечить приоритет профилактических мероприятий в системе государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: предложения // Менеджер здравоохранения. 2024. № 9. С. 4–13. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-9-4-13.
9. Прилуков М. Д. Современное состояние государственного контроля и надзора в сфере здравоохранения в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 191–194. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_191.
10. Шишов М. А. Актуальные вопросы применения индикаторов риска государственного контроля (надзора) в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2024. № 1.

State control over medical care in Russia: legal aspects

Kosolapova N.V.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines the legal framework for state control over medical care in Russia. This topic is relevant given the updating of regulatory legislation, the redistribution of supervisory procedures, the strengthening of the preventive focus of inspection activities, and the growing number of mandatory requirements imposed on medical organizations. The scientific novelty of this work lies in its systematization of the current regulatory framework for control by correlating the general rules of control and supervisory activities with industry-specific healthcare regulations, internal quality control requirements, and the application of risk indicators. The objective of this study is to uncover the legal nature of state control in medical care, identify the inherent contradictions of current regulations, and identify areas for improvement. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, comparative legal and logical-analytical analysis, and generalization and classification techniques. A review of contemporary Russian-language works on medical law, administrative law, and healthcare organization from 2020–2024 was conducted. The analytical section explores the subject of oversight, its tiered structure, the relationship between external and internal oversight, and the legal significance of mandatory requirements, preventive visits, and a risk-based approach. The practical value of the findings lies in their application in developing local regulations for medical organizations, preparing for supervisory activities, and refining enforcement guidelines for public authorities.

Keywords: state oversight, medical care, public health protection, mandatory requirements, Roszdravnadzor, internal quality control, preventive visits, risk indicators, medical law, risk-based approach.

References

1. Epifanova E. V., Latyntseva V. A. State Control and Supervision in the Sphere of Medical Activity (Administrative-Legal and Administrative-Procedural Aspects) // Legal Bulletin of Kuban State University. 2021. No. 2. pp. 69–76. DOI: 10.31429/20785836-13-2-69-76.
2. Zigangareeva G. G., Koroleva O. I., Khusainova D. K. Ways to Improve Internal Quality Control and Safety of Medical Activity: How to Use Control Results in the Sphere of Compulsory Medical Insurance // Healthcare Manager. 2023. No. 6. pp. 22–28. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-6-22-28.
3. Kucherenko, A. V. Public Law Principles of Medical Safety // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2024. Vol. 24, No. 2. pp. 105–109. DOI: 10.14529/law240215.
4. Malkov, G. E., Kolmakova, I. D. Prospects for the Development of State Control and Supervision in the Sphere of Public Health Protection // Society. Economy. Management. 2020. Vol. 5, No. 1. pp. 18–23. DOI: 10.24411/2618-9852-2020-15103.
5. Mustafina-Bredikhina, D. M. Organization of Internal Quality Control and Safety of Medical Activities as a Defense Instrument in Case of Patient Claims // Neonatology: News, Opinions, Training. 2024. Vol. 12, No. 2. pp. 91–93.
6. Piven D. V., Kitsul I. S., Ivanov I. V. What has changed for medical organizations in connection with the adoption of the new Regulation on federal state control (supervision) of the quality and safety of medical activities // Healthcare Manager. 2021. No. 9. pp. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2021-9-4-10.
7. Piven D. V., Kitsul I. S., Ivanov I. V. The Law on Mandatory Requirements and Mandatory Requirements for the Quality and Safety of Medical Activities: What the Head of a Medical Organization Should Know // Healthcare Manager. 2024. No. 4. pp. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.
8. Piven D. V., Kitsul I. S., Ivanov I. V. How to Ensure the Priority of Preventive Measures in the System of State Control over the Quality and Safety of Medical Activities: Proposals // Healthcare Manager. 2024. No. 9. pp. 4–13. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-9-4-13.
9. Prilukov M. D. The Current State of State Control and Supervision in Healthcare in the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 1(205). pp. 191–194. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_191.
10. Shishov M. A. Current issues of the application of risk indicators of state control (supervision) in the field of healthcare // Medical law. 2024. No. 1.

Бюджетный контроль в России и Беларуси в аспекте интеграции: проблемы согласования и пути гармонизации в рамках Союзного государства и ЕАЭС

Нигоев Владимир Романович
соискатель кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), vovanigoev@mail.ru

В статье приводится сравнительный анализ правового регулирования бюджетного контроля российской Федерации и Республики Беларусь как участников интеграционных объединений – Союзного государства и Евразийского экономического союза. Рассматриваются различия в конституционно-правовом статусе, полномочиях и подотчетности высших органов финансового контроля двух стран. Выявляются пути гармонизации законодательства в области финансового контроля России и Беларуси.
Ключевые слова: бюджетный контроль, Союзное государство, Евразийский экономический союз, Счетная палата Российской Федерации, Комитет государственного контроля Республики Беларусь, гармонизация законодательства, аудит, интеграция.

Усиление взаимодействия между Россией и Беларусью обусловлено, прежде всего, исторически сложившимися отношениями между данными странами, развивающимися, в том числе, в рамках как Союзного государства, так и Евразийского экономического союза, членами которого, помимо вышеупомянутых стран, являются Республика Армения, Республика Казахстан и Кыргызская Республика. Из этого неизбежно вытекает необходимость консолидации этими странами схем контроля и порядка управления публичными финансами. Высокоэффективный бюджетный контроль, безусловно, является фундаментом успешного взаимодействия в данной сфере, обеспечивая продуктивное расходование общих финансов и выполнение основополагающих задач интеграции.

Несмотря на официально заявленную позицию о необходимости формирования единого экономического и правового пространства, порядок осуществления бюджетного контроля в Российской Федерации и в Республике Беларусь имеет принципиальные различия, обусловленные особенностями национальных административно-политических систем. Это серьезно усложняет и замедляет создание стандартизированных форматов бюджетного контроля, единых для стран – участниц ЕАЭС, в том числе для России и Беларуси.

Цель данной статьи – определить имеющие существенное значение различия и степень их влияния на процесс консолидации, обозначить и предложить возможные варианты сближения.

В России финансовый контроль обеспечивается постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), которым является Счетная палата Российской Федерации. Ее модель соответствует общепризнанным международным стандартам (Лимская декларация ИНТОСАИ) и характеризуется как парламентская и независимая.

Счетная палата РФ является постоянно действующим органом парламентского контроля, формируемым Федеральным Собранием РФ. Она организационно независима от Правительства РФ и подотчетна исключительно парламенту. Это обеспечивает ее институциональную автономию при проверке деятельности подконтрольных органов.

Основные функции – контроль за исполнением федерального бюджета, аудит эффективности, экспертно-аналитическая деятельность. Счетная палата выявляет нарушения, дает оценки и рекомендации, но не обладает административно-властными полномочиями для наложения санкций или отстранения должностных лиц.

В Республике Беларусь функции высшего органа финансового контроля возложены на Комитет государственного контроля (КГК), который представляет собой орган исполнительной власти.

КГК формируется главой государства и подотчетен Президенту и Правительству Республики Беларусь. По сути, является контрольно-надзорным продолжением исполнительной вертикали.

Комитет сочетает в себе функции внешнего финансового контроля, контрольно-ревизионной деятельности, административного надзора и даже элементы правоохранительной деятельности (в структуре есть следственные подразделения). КГК обладает широкими властными полномочиями: он может не только выявлять нарушения, но

и налагать штрафы, выносить обязательные для исполнения предписания, приостанавливать деятельность организаций, отстранять руководителей. Его деятельность носит ярко выраженный распорядительный характер.

Различия, заключающиеся в: подотчетности высших органов финансового контроля (в Российской Федерации Счетная Палата РФ подотчетна Федеральному Собранию РФ, в Республике Беларусь руководство Комитетом государственного контроля осуществляет Президент РБ); объеме полномочий (полномочия Счетной Палаты РФ можно охарактеризовать как контрольные, аналитические; КГК сочетает в себе и полномочия по осуществлению внешнего финансового контроля, и полномочия по наложению штрафов, приостановлению деятельности организаций, отстранению руководителей; имеет в своей структуре следственные подразделения) – порождают ряд серьезных проблем для углубления интеграции, особенно в рамках Союзного государства, где в финансовой сфере уровень взаимопроникновения бюджетов и программ наиболее высок.

Проблема асимметрии контроля над совместными программами. При финансировании совместных проектов (например, в области обороны, инфраструктуры, технологий) каждая сторона проверяет выделенные средства своими методами. Российский подход, ориентированный на аудит эффективности, может конфликтовать с белорусским, предполагающим возможность самостоятельного применения санкций органом финансового контроля. Тем не менее, практика совместных проверок и согласованных заключений показывает, что сотрудничество возможно при выработке компромиссных процедур и единых методологических подходов.

Так, на заседании Коллегии высших органов финансового контроля России и Беларуси были подведены итоги проверки исполнения бюджета Союзного государства за 2024 год. Был отмечен высокий уровень развития отношений России и Беларуси как на государственном уровне, так и по линии сотрудничества высших органов аудита, вместе с тем отметила необходимость совершенствования мониторинга актуальности союзных программ.

Разные полномочия и методы их реализации приводят к различиям в подходах к планированию проверок, оценке доказательств, критериям эффективности и форматам отчетности. Гармонизация методик проведения аудита – необходимая основа для взаимного признания результатов контроля.

Сложности в проведении параллельных аудитов совместных проектов. Для организации полноценного совместного аудита трансграничного проекта необходимо согласовать не только объект и сроки, но и единые критерии оценки. Разный правовой статус и подотчетность органов усложняют данную задачу.

Несмотря на различия, сближение систем бюджетного контроля является объективной необходимостью для повышения эффективности интеграции.

Направлениями для сближения и гармонизации правового регулирования могут быть следующие:

- создание совместных рабочих групп аудиторов Счетной палаты РФ и КГК РБ для разработки единых методических рекомендаций по аудиту конкретных трансграничных сфер: таможенного администрирования, программ импортозамещения, инфраструктурных проектов (например, в рамках Союзного государства);
- обмен базами данных и практикой в области ИТ-аудита;
- создание комиссии Межпарламентской ассамблеи ЕАЭС по экономической политике как площадки для обсуждения сближения правового регулирования финансового контроля;
- инициирование регулярных встреч (Совета) глав высших органов финансового контроля стран ЕАЭС для координации планов и обмена информацией, в том числе с участием представителей КГК РБ и Счетной палаты РФ;
- практика параллельных аудитов совместных проектов.

Реализацию сотрудничества целесообразно осуществлять, применяя уже сложившийся опыт. Предлагается сфокусироваться на проведении совместных проверок, имеющих непубличный характер. Объектами такого контроля могли бы стать те аспекты финансирования, в которых заинтересованность сторон очевидно совпадает — в частности, эффективность расходования средств, выделяемых на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. По мере накопления практики, возможен переход к открытым параллельным аудитам конкретных бюджетных программ Союзного государства с последующей публикацией согласованных итоговых отчетов.

Аудит эффективности может стать отправной точкой для сближения правового регулирования в рассматриваемой области. Разработка общих индикаторов эффективности для совместных программ – реалистичная и полезная задача.

Обстоятельством, препятствующим гармонизации законодательства в сфере бюджетного контроля, можно считать отсутствие органа парламентского сотрудничества в рамках ЕАЭС. Вместе с тем, создание такого органа по примеру ЕС имеет существенные недостатки.

Политические системы государств-членов ЕАЭС отличаются значительным разнообразием: от парламентских моделей в Армении и Кыргызстане до президентской республики в Казахстане и Беларуси. Однако само по себе это разнообразие не является препятствием для интеграции, поскольку создание наднационального парламентского органа не входит в задачи ЕАЭС. Союз создан как экономическое объединение, и его институциональная структура не предполагает унификации политического законодательства или формирования единого правотворческого органа. Опыт Европейского союза, располагающего наднациональным парламентом, по нашему мнению, не применим для ЕАЭС, учитывая различные цели интеграции и готовность государств к делегированию суверенитета в политической сфере.

Платформой для обсуждения интеграционных проектов могут послужить уже существующие организации, например, Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ (МПА СНГ), членами которой являются все пять стран ЕАЭС: Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения. Хотя ЕАЭС и СНГ разные международные организации, на практике между ними существует тесная связь.

Постоянные комиссии МПА СНГ (Контрольно-бюджетная, по экономике и финансам) становятся площадкой для формирования единых подходов для разрешения совместных задач.

Главная задача МПА СНГ — разработка модельных законодательных актов. Это документы, которые парламенты стран могут использовать как основу или образец при подготовке национальных законов.

В литературе отмечается, что следствием неэффективного правового регулирования является рост числа финансовых правонарушений, что доказывает необходимость принятия модельного закона. Так, 04 декабря 2004 года на 24 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ постановлением № 24-11 принят модельный закон «О государственном финансовом контроле» (далее – Модельный закон).

Согласно исследованиям И.И. Кучерова, реализация норм модельного законодательного акта возможна в трех формах:

1. полное одобрение и принятие текста модельного закона в качестве национального акта (с возможной корректировкой);

2. внесение изменений и дополнений в действующие акты — «включение» отдельных норм;

3. принятие собственного закона на базе модельного акта.

Как отмечают эксперты, модельный закон остался без должного внимания национальных законодателей, хотя мог бы стать основой для гармонизации законодательства о бюджетном контроле на постсоветском пространстве.

Например, Статья 8 Модельного закона прямо предусматривает, что независимый контроль осуществляется счетной палатой и контрольно-счетными органами, которые обладают организационной и функциональной самостоятельностью. Это создает нормативный конфликт с белорусской моделью, где КГК является органом президентского контроля и одновременно выполняет функции высшего органа финансового контроля, но без статуса «независимого» в понимании статьи 8 Модельного закона.

Сложно переоценить значение Модельного закона «О государственном финансовом контроле», поскольку данный документ не потерял своей актуальности и в настоящее время может служить стандартом при объединении систем стран - участниц ЕАЭС, включая устранение фундаментального различия между президентской моделью (Беларусь) и парламентской моделью (Россия, Казахстан и др.).

Наряду с этим, не стоит забывать, что модельные законы МПА СНГ не являются обязательными и по своему статусу имеют исключительно рекомендательный характер, в связи с чем вопрос об объеме их применения рассматривается каждой страной самостоятельно. Вместе с тем, полагаем очевидным, что единый для всех стран – участниц ЕАЭС порядок бюджетного контроля, включающий общую методологию и стандартизированные формы планирования и отчетности, неизбежно приведет к значительному прогрессу объединения и консолидации.

Несмотря на то, что финансовый контроль в Российской Федерации и Республике Беларусь имеет различия, они могут быть успешно преодолены в ходе интеграции.

Не исключено, что упорядочение и стандартизация законодательства и структур в данной сфере окажет влияние и затронет основы суверенитета страны, государственного управления. Вместе с тем, очевидно, что острая необходимость согласования как теоритических методик, так и практических механизмов взаимодействия между странами, наряду с координацией контроля и проверок в важнейших для Союзного государства и ЕАЭС областях, назрела давно. Только таким образом можно организовать совместное экономическое пространство, отвечающее признакам открытости и доверия, в отсутствие которого дальнейшая консолидация в данной сфере будет несовершенной. Думается, что специально организованные рабочие группы посредством выполнения совместных пилотных проектов по проведению проверок (аудита) в области бюджетного контроля смогли бы преодолеть существующие различия.

Литература

1. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в Астане 29.05.2014) // http://pravo.gov.ru

3. Соглашение о Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств (27 марта 1992 года, Алма-Ата) // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1993. № 2.

4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

5. Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-З «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» // https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=H11000142

6. Модельный закон «О государственном финансовом контроле» от 04 декабря 2004 года // https://docs.cntd.ru/document/901949401

7. Крохина Ю.А. Международные акты и зарубежная практика как факторы оптимизации государственного финансового контроля России // Регион: системы, экономика, управление. – 2011. – № 1. – С. 19-25.

8. Ялбулганов А.А. Некоторые проблемы развития законодательства о государственном финансовом контроле // Публично-правовые исследования (электронный журнал). – № 1 – 2012.

9. Лимская декларация руководящих принципов контроля (ИНТОСАИ)//https://www.intosai.org/fileadmin/downloads/documents/open_access/INT_P_1_u_P_10/issai_1_ru.pdf

10. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. Разделы: «Международное сотрудничество», «Доклады и заключения». – URL: https://ach.gov.ru/

11. Официальный сайт Комитета государственного контроля Республики Беларусь. – URL: https://kgk.gov.by/

12. http://www.jurinfor.ru/elib/articles/kii08s01/kii08s01-0003.php

Budgetary Control in Russia and Belarus in the Context of Integration: Coordination Issues and Harmonization Paths within the Union State and the Eurasian Economic Union

Nigoev V.R.

O.E. Kutafina Moscow State Law University (MSAL)

The article provides a comparative analysis of the legal regulation of budget control of the Russian Federation and the Republic of Belarus as members of integration associations - the Union State and the Eurasian Economic Union. The differences in the constitutional and legal status, powers and accountability of the supreme financial control bodies of the two countries are considered. The ways of harmonization of legislation of Russia and Belarus in the field of financial control are identified.

Keywords: budget control, Union State of Russia and Belarus, the Eurasian Economic Union, Accounting Chamber of Russian Federation, State control committee of Belarus, harmonization of legislation, audit, integration.

References

1. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus of 08.12.1999 "On the Creation of the Union State" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 7. Art. 786
2. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) // http://pravo.gov.ru
3. Agreement on the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (27 March 1992, Alma-Ata) // Bulletin of the Interparliamentary Assembly. 1993. No. 2.
4. Federal Law of 05.04.2013 No. 41-FZ (as amended on 28.12.2025) "On the Accounts Chamber of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1649.
5. Law of the Republic of Belarus of July 1, 2010 No. 142-Z "On the State Control Committee of the Republic of Belarus and its Territorial Bodies" // https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=H11000142
6. Model Law "On State Financial Control" of December 4, 2004 // https://docs.cntd.ru/document/901949401
7. Krokhina Yu.A. International Acts and Foreign Practice as Factors in Optimizing State Financial Control in Russia // Region: Systems, Economy, Management. - 2011. - No. 1. - P. 19-25.
8. Yalbulganov A.A. Some Problems of Development of Legislation on State Financial Control // Public Law Studies (Electronic Journal). – No. 1 – 2012.
9. Lima Declaration of Guiding Principles of Auditing (INTOSAI)//https://www.intosai.org/fileadmin/downloads/documents/open_access/INT_P_1_u_P_10/issai_1_ru.pdf
10. Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Sections: "International Cooperation", "Reports and Conclusions". – URL: https://ach.gov.ru/
11. Official website of the State Control Committee of the Republic of Belarus. – URL: https://kgk.gov.by/
12. http://www.jurinfor.ru/elib/articles/kii08s01/kii08s01-0003.php

Правовое регулирование повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми (на примере Хабаровского края)

Смоляров Артём Сергеевич
студент, Дальневосточный институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), smolyarov.03@mail.ru

В статье анализируются правовые механизмы повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми в России на примере Хабаровского края. Актуальность темы обусловлена прямой связью между уровнем доходов семей, возможностью покупки продовольственных товаров и демографическими показателями рождаемости и естественного прироста населения. В статье установлено, что существующие правовые меры социальной поддержки носят ограниченный характер и не способствуют повышению экономической доступности продуктов питания для большинства семей с детьми, не компенсируют стремительный рост цен, вызванный высокой торговой наценкой. Выявлена необходимость прямого участия государства в организации продажи товаров по доступной цене для льготных категорий населения. В качестве решения предлагается внедрение в Хабаровском крае в формате правового эксперимента государственной программы «Социальный магазин». Программа предполагает создание сети торговых точек, реализующих товары, закупленные напрямую у производителей, по минимальным ценам для льготных категорий граждан при бюджетном финансировании операционных расходов. Данная мера направлена на снижение нагрузки на семейный бюджет и стимулирование рождаемости.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, семьи с детьми, экономическая доступность продуктов питания, рождаемость, социальный магазин, правовой эксперимент.

Введение

Продовольственная безопасность является фундаментальной основой суверенитета и национальной безопасности любого государства, а также необходимым условием реализации конституционных прав граждан. Обеспечение населения качественными и доступными продуктами питания выступает не только индикатором эффективности экономической политики, но и важнейшим фактором социальной стабильности и сохранения здоровья нации.

Согласно п. 2 Доктрины продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20, ключевым элементом продовольственной безопасности выступают гарантии экономической доступности продуктов питания. Они заключаются в возможности граждан приобретать качественные пищевые продукты по сложившимся на рынке ценам [1].

В разделе II Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства России от 15.03.2025 № 615-р, указывается, что динамика рождаемости повторяет динамику доходов населения, снижение благосостояния семей негативно влияет на демографические показатели естественного прироста населения [2].

В связи с этим, уровень доходов семей с детьми находится в прямой корреляции с экономической возможностью приобретать пищевые продукты, что влияет как на продовольственную безопасность, так и на демографическую обстановку в государстве.

Это подтверждают исследования ученых. Так, например, в статье «Научное обоснование условий для повышения рождаемости в РФ в период с 2022 по 2030 г.» авторы приходят к выводу, что снижение доходов населения практически всегда ведет к падению рождаемости. По данным опроса, представленного в исследовании, главной причиной сознательного отказа от родительства является тяжелое материальное положение семей [3, с. 9].

Результаты исследования Рудневой О.С. и Соколова А.А. также подтверждают эти выводы. Авторами была выявлена высокая обратно пропорциональная зависимость уровня бедности и суммарного коэффициента рождаемости: чем выше доля населения, имеющая доходы ниже величины прожиточного минимума, тем меньше детей в семьях [4, с. 46].

Таким образом, экономическая возможность граждан приобретать пищевые продукты напрямую влияет на уровень рождаемости и естественного прироста населения. В связи с этим обеспечение семей с детьми доходом, необходимым для удовлетворения базовых потребностей в пище является важным направлением правового регулирования.

В связи с этим объектом настоящего исследования являются отношения, складывающиеся в процессе обеспечения экономической доступности продуктов питания. Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, содержащихся в федеральных законах и других нормативных правовых актах, регулирующих механизмы повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми, а также оценка эффективности их реализации.

Целью исследования является, выработка предложений по совершенствованию правового регулирования повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования необходимо выполнить следующие задачи:

1) провести исследование действующего законодательства, регулирующее правоотношения в сфере ценообразования на продовольственные товары;

2) провести анализ факторов, препятствующих повышению экономической доступности продуктов питания;

3) выявить направления совершенствования правового регулирования, которые бы позволили повысить экономическую доступность продуктов питания для семей с детьми;

4) разработать и сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования в сфере повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми на региональном уровне (на примере Хабаровского края).

Основная часть

В п. 18 Доктрины продовольственной безопасности подчеркивается, что политика должна осуществляться по направлению повышения экономической доступности качественной пищевой продукции, снижения бедности, обеспечения приоритетной поддержки наиболее нуждающихся слоев населения, включая беременных и кормящих женщин.

Согласно ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» хозяйствующие субъекты самостоятельно определяют цены на продаваемые товары [5]. Вместе с тем в силу ч. 5 ст. 8 данного закона в целях стабилизации цен на продовольственные товары первой необходимости Правительство России может устанавливать допустимые розничные цены на срок не более 90 дней.

В связи с этим, по общему правилу, цены на продовольственные товары не подлежат государственному регулированию: продавец самостоятельно определяет стоимость продукции. А государство повышает экономическую доступность продуктов питания иными правовые меры, не связанными с прямым регулированием цен.

К таким правовым мерам относится социальная поддержка семей с детьми, благодаря которой такие граждане получают возможность приобретать продовольственные товары. Например, единое пособие для семей с низким доходом на время беременности и на детей до 17 лет. Пособие назначается в случае, если средний доход на члена семьи в месяц не больше величины прожиточного минимума в регионе, где проживает семья [6].

Также государство оказывает натуральную продовольственную помощь семьям. Например, в Хабаровском крае в соответствии с Постановлением Правительства Хабаровского края от 28.11.2025 № 518-пр малоимущим беременным женщинам компенсируются расходы на приобретение молока и другой молочной продукции до 3500 рублей в месяц [7].

Принимаются и другие правовые меры, направленные на повышение доступности продуктов питания, например, институт минимального размера оплаты труда, специальные налоговые режимы, действие антимонопольного законодательства и др. Однако они имеют общий характер и напрямую не относятся к повышению доступности продуктов для семей с детьми, в связи с чем эти механизмы не будем рассматривать в рамках настоящего исследования.

Таким образом, правовые меры повышения экономической доступности продовольственных товаров не касаются прямого регулирования ценообразования на рынке, а направлены на предоставление семьям с детьми финансовой возможности приобрести продукты питания по приемлемым ценам.

Вместе с тем существенной частью расходов семей с детьми по-прежнему являются траты на продукты питания.

Согласно данным из опроса РОМИР, проведенного в 2025 году, в среднем россияне тратят на еду 34,6% своих расходов. Авторы исследования отмечают, что расходы на еду могут меняться в зависимости от семейного положения и наличия детей и доходить до 50-70% от размера семейного бюджет [8].

По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) в 2026 году доля продовольственных товаров в структуре потребительских расходов населения России составляет 39% [9].

Этот тезис находит подтверждение в докладе Общественной палаты России «Семья и дети». Авторы документа констатируют, что бедность в России носит выраженный «семейный» характер, поскольку наличие детей выступает ключевым фактором риска падения уровня благосостояния. Рождение ребенка, как правило, влечет за собой существенное снижение среднедушевых доходов семьи [10].

В научной работе «Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств» было выяснено, что рождение ребенка в семье является риском бедности, поскольку среднедушевые доходы семьи остаются низкими на всех этапах взросления ребенка [11, с. 150-152].

Таким образом, низкая экономическая доступность продуктов питания выступает одним из ключевых факторов бедности семей, имеющих детей. Это, в свою очередь, негативно сказывается на демографических показателях, снижая уровень рождаемости и препятствуя естественному приросту населения. В связи с этим закономерно возникает вопрос о недостаточной эффективности существующих мер правового регулирования в решении данной проблемы.

Мы полагаем, что одной из причин является стремительный рост цен на продовольственные товары. Проиллюстрируем это динамикой цен в Хабаровском крае в сравнении с ростом доходов населения (Рисунок 1).

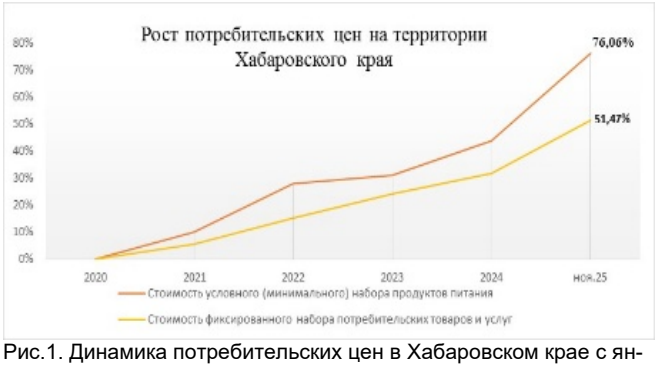

Рис.1. Динамика потребительских цен в Хабаровском крае с января 2020 г. по ноябрь 2025 г. [12].

Согласно представленным данным Росстата, в период с 2020 по 2025 год наблюдался значительный рост потребительских цен. Рост стоимости минимального набора продуктов питания стал ключевым фактором, обусловившим увеличение стоимости общего набора потребительских товаров и услуг более чем на 25%. Это, в свою очередь, ведет к существенному повышению расходов се-

мей, особенно с детьми. В конечном счете, такая динамика создает серьезные социальные риски: усиливает угрозу роста бедности и способствует снижению рождаемости.

Существенную роль в снижении экономической доступности продуктов питания играет высокая торговая наценка, когда продавцы целенаправленно устанавливают цены, значительно превышающие стоимость покупки товаров у производителей. Это подтверждает исследование Росстата «Торговля России 2025», согласно которому средний уровень торговой наценки организаций розничной торговли за 2024 год составил от 27% до 39% [13].

В связи с этим, торговая наценка на продовольственные товары является одной из ключевых причин низкой доступности таких товаров для семей с детьми.

Вместе с тем, существующие меры поддержки молодых семей, в частности, предоставление ежемесячных пособий, направлены исключительно на помощь самым малообеспеченным из них, чей среднедушевой доход не превышает прожиточного минимума. Согласно данным Росстата в 2024 г. ежемесячное пособие на ребенка получали лишь 5,4% от общего числа детей [9].

Как результат, поддержкой в виде ежемесячного пособия охвачена лишь небольшая часть семей, официально признанных малоимущими. Означает ли это, что остальные 94% семей с детьми можно считать финансово благополучными? По нашему мнению, такое утверждение было бы некорректным. Многие семьи, чьи доходы формально превышают прожиточный минимум, несут значительные расходы на содержание и развитие детей, что существенно ограничивает их реальные финансовые возможности. Яркой иллюстрацией этого служат официальные данные Росстата: в 2024 году средние потребительские расходы на душу населения в России составили 47 637 рублей в месяц, что в разы превышает размер прожиточного минимума на ребёнка [13].

Таким образом, низкая экономическая доступность продуктов питания для семей с детьми вызвана следующими причинами: 1. Стремительным ростом цен на продовольственные товары 2. Высокой торговой наценкой, когда продавцы целенаправленно устанавливают цены, значительно превышающие стоимость покупки товаров у производителей. 3. Недоступностью ежемесячных пособий для подавляющего большинства семей с детьми.

Возникает вопрос о возможных направлениях правового регулирования, которые бы позволили повысить экономическую доступность продуктов питания для молодых семей.

Одним из направлений, исследователи выделяют актуализацию размера ежемесячных пособий. Так, например, Гришина Е. Е., Цацура Е. А. в своей статье приходят к выводу, что существующие выплаты охватывают менее половины нуждающихся семей, что требует корректировки системы для расширения охвата и повышения эффективности пособий в борьбе с бедностью [14, 87-88]. Однако, мы полагаем, что в условиях дефицита Федерального бюджета, будет затруднительно увеличить размер пособий и расширить круг его получателей, в связи с чем необходимы иные меры правового регулирования.

Вторым направлением является прямое государственное регулирование правоотношений в сфере ценообразования, примером которого служит законопроект № 1061600-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"». В законопроекте предлагается ограничить торговую наценку свыше 30% на продовольственные товары. Цель данной меры — повышение доступности продуктов через сдерживание цен [15].

Вместе с тем мы полагаем, что данная законодательная инициатива сопряжена с серьёзными рисками: снижением рентабельности и банкротство организаций в сфере розничной торговли, рост теневой экономики и фундаментальное нарушение принципа свободного рыночного ценообразования, что в долгосрочной перспективе может привести к социальной напряженности. В связи с этим, требуется найти другой способ по повышению экономической доступности продовольственных товаров.

Третьим направлением является правовое регулирование цен на продовольственные товары с помощью создания, регулируемой государством или муниципальным образованием сети торговых точек, реализующих продукцию по фиксированным ценам с минимальной наценкой или ниже среднерыночной стоимости. Такие программы зачастую основаны на государственно-частном сотрудничестве, когда орган государственной власти предоставляет коммерческим организациям льготы, а те взамен обязуются продавать товары льготным категориям граждан по минимальной наценке. Такие программы действуют в отдельных субъектах России, и не являются общефедеральными.

Например, такая программа действует в Сахалинской области. В соответствии с Постановлением Правительства Сахалинской области от 5 декабря 2014 года № 593 и Распоряжением Министерства сельского хозяйства и торговли Сахалинской области от 29.07.2021 г. № 3.37-369-р, торговые предприятия самостоятельно подают заявку на получение статуса «Социальный магазин», обязуясь выполнять два ключевых условия [16]: 1) поддерживать торговую надбавку на социально значимые товары (40 позиций) не выше 15% от отпускной цены поставщика и 2) закупать эти товары преимущественно по прямым договорам у местных производителей. Муниципальная комиссия рассматривает заявку и заключает с магазином соглашение на срок до 5 лет. Взамен магазин получает право на меры региональной поддержки и использует специальный брендинг (логотип, вывеску), что повышает его привлекательность для покупателей.

Подобная программа действовала и в Хабаровском крае в городе Хабаровске. В соответствии с уже утратившим силу Постановлением Мэра г. Хабаровска от 03 декабря 1999 года № 136 было создано унитарное предприятие «Магазин Ветеран», которое предоставляло торговые площади коммерческим организациям, которые, в свою очередь, осуществляли продажу продовольственных товаров для малообеспеченных категорий граждан не выше предельных торговых надбавок [17].

Социальная программа магазинов «Ветеран», изначально предполагавшая продажу качественных продуктов по сниженным ценам, к 2021 году фактически перестала работать. Как сообщает агентство AmurMedia, причина заключается в системном нарушении условий договоров арендаторами. По словам управляющей сети Татьяны Вертинской, договор аренды обязывал предпринимателей ограничивать торговую наценку на социально значимые товары 5%. Однако на практике она часто достигала 20-40% [18]. Таким образом, по версии руководства сети, невыполнение социальной функции стало следствием недобросовестности арендаторов, которые либо не желали, либо не могли соблюдать согласованные условия и удерживать низкие цены.

Опыт сети социальных магазинов «Ветеран» в городе Хабаровске свидетельствует о неспособности частных коммерческих организаций обеспечивать минимальную наценку, низкие цены на товары и в целом соблюдать взятые себя обязательства. Однако, более чем 20-летнее существование этой программы, свидетельствует об актуальности для населения таких магазинов, и является до-

казательством необходимости дальнейшего развития точек по продаже продовольственных товаров по низким ценам.

В целях повышения экономической доступности продовольственных товаров для семей с детьми и других социально-уязвимых слоев населения, предлагаем создать специальную государственную программу «Социальный магазин». Ее суть заключается в формировании государственной торговой системы, функционирующей по следующему механизму:

1) в каждом субъекте Российской Федерации создается специализированная государственная организация – региональный оператор, который занимается реализацией программы в субъекте;

2) региональный оператор на основе долгосрочных контрактов осуществляет прямые закупки основных продовольственных товаров у производителей, преимущественно у региональных;

3) закупленные товары поставляются в специально созданные или выделенные торговые объекты («социальные магазины») в организационно-правовой форме унитарного предприятия;

4) товары в этих магазинах реализуются льготным категориям граждан (в первую очередь, семьям с детьми) по цене, максимально приближенной к себестоимости, либо с минимальной наценкой, необходимой для оплаты труда работников магазинов;

5) основные операционные расходы, например, аренда, содержание помещений, заработная плата персонала, логистика, администрирование, покрываются за счет средств федерального и регионального бюджетов в рамках целевой программы.

Для практической апробации и отработки механизмов программы «Социальный магазин» предлагается ввести её в действие в качестве пилотного проекта (правового эксперимента) на территории Хабаровского края. В соответствии с этим предлагаем принять Федеральный закон «О проведении эксперимента государственной программы по обеспечению граждан доступными продовольственными товарами через сеть «Социальный магазин» в Хабаровском крае», в котором закрепить:

1) основные понятия – «эксперимент», «социальный магазин», «участники программы», «региональный оператор».

2) срок и территория проведения эксперимента: 3 года и территория Хабаровского края.

3) участники программы – льготные категории граждан: семьи с детьми, малоимущие граждане, пенсионеры, студенты очной формы обучения, инвалиды, ветераны и участники войны и др.

4) региональный оператор – юридическое лицо, которое создается высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации в организационно-правовой форме фонда.

5) порядок покупки и поставки товаров региональным оператором в социальные магазины.

6) порядок организации торговых точек «социального магазина» по продаже товаров.

7) ценообразование продовольственных товаров.

8) разграничение финансирования проекта между Федеральным бюджетом и бюджетом субъекта России.

9) мониторинг, контроль и оценка эффективности эксперимента.

Заключение

Таким образом, в рамках исследования было выяснено, что согласно действующему законодательству одним из ключевых аспектов продовольственной безопасности является экономическая возможность граждан приобретать пищевые продукты, что напрямую влияет на уровень рождаемости и естественного прироста населения.

Вместе с тем, меры правового регулирования по повышению экономической доступности таких товаров не касаются прямого регулирования ценообразования на рынке, а направлены на предоставление семьям с детьми финансовой возможности приобрести продукты питания по приемлемым ценам или с помощью пособий. То есть государство воздерживается от прямого вмешательства в рыночное ценообразование, а правовые меры носят компенсационный, а не ценовой характер.

Было выяснено, что в настоящее время существенной частью расходов семей с детьми являются траты на продукты питания, которые составляют по данным различных исследований от 34% до 70% от размера семейного бюджета. В связи с чем выступают одним из ключевых факторов бедности семей, имеющих детей. Низкая экономическая доступность продуктов питания, в свою очередь, обусловлена стремительным ростом цен, высокой торговой наценкой, а также труднодоступностью ежемесячных пособий для подавляющего большинства семей с детьми.

Учитывая данную проблему, были рассмотрены направления правового регулирования по повышению экономической доступности продуктов питания. Было выяснено, что одним из самых актуальных направлений является создание сети торговых точек по продаже товаров льготным категориям граждан по доступной для них цене.

В отличии от прямого регулирования цен на продовольственные товары, несущие риски для рыночной экономики, и в отличии от пособий, охватывающих лишь узкий круг малоимущих семей, социальные магазины позволяют снизить цены на товары первой необходимости, воздействуя непосредственно на их конечную стоимость. Преимущество такой программы заключается в его адресности и способности устранить причины высоких цен, что позволит семьям с детьми приобретать продукты с минимальной наценкой и без дополнительной финансовой нагрузки.

В связи с этим предложено создать специальную государственную программу «Социальный магазин» для практической апробации и отработки механизмов ввести её в действие в качестве правового эксперимента на территории Хабаровского края соответствующим Федеральным законом.

Ключевой особенностью правового закрепления государственной программы является создание регионального оператора в форме юридического лица – фонда, который на основе долгосрочных контрактов будет осуществлять прямые закупки продовольственных товаров у производителей и поставлять их в специализированные торговые точки. Принципиально важным является положение о том, что операционные расходы, аренда, логистика, оплата труда, покрываются за счет средств федерального и регионального бюджетов, что позволит реализовывать продукцию семьям с детьми и другим категориям граждан по цене, максимально приближенной к себестоимости.

Предлагаемая социальная гарантия повысит уверенность молодых людей в том, что с рождением ребенка они смогут обеспечить семью продуктами питания без чрезмерной нагрузки на бюджет. Снижение доли продовольственных расходов в структуре семейного бюджета высвободит средства на иные нужды — улучшение жилищных условий, образование, развитие, досуг детей и др. Это, в свою очередь, будет способствовать не только повышению рождаемости, но и улучшению качества жизни семей, укреплению традиционных семейных ценностей, закладывая основу для устойчивого естественного прироста населения в России.

Литература

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

2. О Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

3. Улумбекова, Г. Э. Научное обоснование условий для повышения рождаемости в РФ в период с 2022 по 2030 г / Г. Э. Улумбекова, А. Б. Гиноян, И. Ю. Худова // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. – 2022. – Т. 8, № 1(27). – С. 4-22. – DOI 10.33029/2411-8621-2022-8-1-4-22. – EDN CYPGYM.

4. Руднева, О. С. К вопросу о проблеме детской бедности как сдерживающего фактора повышения рождаемости(на примере Оренбургской области) / О. С. Руднева, А. А. Соколов // Вопросы степеведения. – 2023. – № 2. – С. 43-50. – DOI 10.24412/2712-8628-2023-2-43-50. – EDN OQLEHO.

5. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

6. Единое пособие на детей и беременных женщин // Интернет-портал государственных услуг для жителей Российской Федерации. – URL: https://www.gosuslugi.ru/universal_benefits (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

7. О реализации на территории Хабаровского края проекта "Молочная кухня": Постановление Правительства Хабаровского края от 28.11.2025 № 518-пр // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

8. Названы причины, по которым россияне тратят на еду свыше трети доходов // АО "Редакция газеты "Московский Комсомолец". Электронное периодическое издание «MK.ru». – 2025. – 10 июня. – URL: https://www.mk.ru/economics/2025/06/10/nazvany-prichiny-po-kotorym-rossiyane-tratyat-na-edu-svyshe-treti-dokhodov.html (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

9. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 01.04.2026). – Текст : электронный.

10. Семья и дети в России : специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

11. Цацура, Е. А. Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств / Е. А. Цацура, А. А. Осаволюк // Демографическое обозрение. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 130-156. – DOI 10.17323/demreview.v12i3.28499. – EDN PSVLEG.

12. Официальная статистика. Хабаровский край // Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу: официальный сайт. – URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/23549 (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

13. Информационно-аналитические материалы: торговля в России 2025, денежные доходы и расходы населения // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/compendium (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

14. Гришина, Е. Е. Адресные выплаты на детей 3-7 и 8-17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия / Е. Е. Гришина, Е. А. Цацура // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 77-92. – DOI 10.19181/population.2023.26.3.7. – EDN UHCPDM.

15. О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации": Законопроект № 1061600-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1061600-8 (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

16. Социально ориентированные торговые форматы // Министерство сельского хозяйства и торговли Сахалинской области: официальный сайт. – URL: https://agrotrade.sakhalin.gov.ru (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

17. Об утверждении Положения о работе муниципального унитарного предприятия "Магазин "Ветеран": Постановление мэра г. Хабаровска от 03.12.1999 № 1361 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/465308356 (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

18. Формат себя изжил, и это нужно менять: что ждет сеть хабаровских магазинов "Ветеран" // Информационное агентство AmurMedia. – 2021. – 9 июля. – URL: https://amurmedia.ru/news/1127123/ (дата обращения: 20.01.2026). – Текст : электронный.

Legal Regulation of Increasing the Affordability of Food for Families with Children (Based on the Khabarovsk Krai)

Smolyarov A.S.

Far Eastern Institute (branch) of the Far Eastern State University of Law (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

This article analyzes legal mechanisms for increasing the affordability of food for families with children in Russia, using Khabarovsk Krai as an example. The relevance of this topic stems from the direct correlation between family income levels, affordability of food products, and demographic indicators of birth rate and natural population growth. The article establishes that existing legal measures of social support are limited and do not contribute to increasing the affordability of food for most families with children, nor do they offset the rapid price increases caused by high retail markups. The article identifies the need for direct government involvement in organizing the sale of goods at affordable prices for privileged categories of the population. A proposed solution is the implementation of the state "Social Store" program in Khabarovsk Krai as a legal experiment. The program envisions the creation of a network of retail outlets selling goods purchased directly from producers at minimal prices for eligible citizens, with budgetary funding for operating expenses. This measure is aimed at reducing the burden on family budgets and stimulating the birth rate.

Keywords: food security, families with children, food affordability, birth rate, social store, legal experiment.

References

1. On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 20 dated January 21, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed on January 20, 2026). – Text: electronic.
2. On the Strategy for Implementing Family and Demographic Policy and Supporting Large Families in the Russian Federation until 2036: Order of the Government of the Russian Federation No. 615-r dated March 15, 2025 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed on January 20, 2026). – Text: electronic.
3. Ulumbekova, G. E. Scientific substantiation of conditions for increasing the birth rate in the Russian Federation in the period from 2022 to 2030 / G. E. Ulumbekova, A. B. Ginoyan, and I. Yu. Khudova // ORGZDRAV: news, opinions, and training. Bulletin of the VSHOUZ. – 2022. – Vol. 8, No. 1(27). – Pp. 4-22. – DOI 10.33029/2411-8621-2022-8-1-4-22. – EDN CYPGYM.
4. Rudneva, O. S. On the Problem of Child Poverty as a Restraining Factor for Increasing the Birth Rate (on the Example of the Orenburg Region) / O. S.

Rudneva, A. A. Sokolov // Steppe Studies. – 2023. – No. 2. – Pp. 43-50. – DOI 10.24412/2712-8628-2023-2-43-50. – EDN OQLEHO.
5. On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation: Federal Law No. 381-FZ dated December 28, 2009 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed on January 20, 2026). – Text: electronic.
6. Unified Benefit for Children and Pregnant Women // Internet Portal of Public Services for Residents of the Russian Federation. – URL: https://www.gosuslugi.ru/universal_benefits (accessed on 20.01.2026). – Text: electronic.
7. On the implementation of the "Milk Kitchen" project in the Khabarovsk Territory: Decree of the Khabarovsk Territory Government dated 28.11.2025 No. 518-pr // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed on 20.01.2026). – Text: electronic.
8. The reasons why Russians spend more than a third of their income on food // Moskovsky Komsomolets Newspaper Editorial Office. Electronic periodical MK.ru. – 2025. – June 10. – URL: https://www.mk.ru/economics/2025/06/10/nazvany-prichiny-po-kotorym-rossiyane-tratyat-na-edu-svyshe-treti-dokhodov.html (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
9. Official statistics // Federal State Statistics Service: official website. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705 (accessed: 01.04.2026). – Text: electronic.
10. Family and Children in Russia: Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation // Federal State Statistics Service: official website. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
11. Tsatsura, E. A. Material Situation and Poverty Risks at Different Stages of Households' Life Cycles / E. A. Tsatsura, A. A. Osavolyuk // Demographic Review. – 2025. – Vol. 12, No. 3. – Pp. 130-156. – DOI 10.17323/demreview.v12i3.28499. – EDN PSVLEG.
12. Official statistics. Khabarovsk Krai // Federal State Statistics Service of the Khabarovsk Krai, Magadan Region, Jewish Autonomous Region, and Chukotka Autonomous Okrug: official website. – URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/23549 (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
13. Information and analytical materials: Trade in Russia 2025, monetary income and expenses of the population // Federal State Statistics Service: official website. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/compendium (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
14. Grishina, E. E. Targeted Payments for Children Aged 3-7 and 8-17: Accessibility, Effectiveness, and Lessons for a Unified Benefit / E. E. Grishina, E. A. Tsatsura // Population. – 2023. – Vol. 26, No. 3. – Pp. 77-92. – DOI 10.19181/population.2023.26.3.7. – EDN UHCPDM.
15. On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation": Draft Law No. 1061600-8 // Legislative Support System of the State Automated System "Legislation". – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1061600-8 (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
16. Socially Oriented Trade Formats // Ministry of Agriculture and Trade of the Sakhalin Region: official website. – URL: https://agrotrade.sakhalin.gov.ru (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
17. On Approval of the Regulations on the Work of the Municipal Unitary Enterprise "Veteran Store": Resolution of the Mayor of Khabarovsk dated 03.12.1999 No. 1361 // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/465308356 (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.
18. The format has outlived its usefulness, and it needs to be changed: what awaits the Veteran chain of Khabarovsk stores // AmurMedia News Agency. – 2021. – July 9. – URL: https://amurmedia.ru/news/1127123/ (accessed: 20.01.2026). – Text: electronic.

Политические преступления в России начала XX века: составы и ответственность

Упоров Иван Владимирович
д.и.н., к.ю.н., профессор кафедры конституционного и административного права, Российская академия естествознания, uporov@list.ru

Период начала XX в. в истории Российской империи характерен тем, что снижалась степень контрреформ, начатых в 1881 г. после убийства императора Александра II, и одновременно в российском обществе всё сильнее находили отклик как либерально-европейские, так и радикально-революционные идеи. Такое положение определенным образом влияло на карательную политику императорской власти, что нашло отражение в длительном (более двадцати лет) обсуждении проекта нового уголовного закона, который в конечном итоге приобрел вид принятого в 1903 г. Уголовного уложения. В этом новом уголовном законе была расширена ответственность за совершение преступлений, посягающих на государственные интересы, что обуславливалось возросшей активностью революционного антиправительственного движения.
Одновременно власть некоторым образом смягчала условия содержания политических преступников в местах лишения свободы, что показывает двойственность карательной политики. Но свой выбор власть сделала в 1906 г., не поддержав принятый Государственной Думой законопроект об отмене смертной казни. Именно поэтому в статье анализируются конкретные составы соответствующих общественно-опасных деяний.
В контексте вышесказанного представляется актуальным изучение специфики политических преступлений в России начала XX века их состава и ответственности за совершение.
Ключевые слова: преступления против государства, Уголовное уложение, шпионаж, государственная измена, каторга, ссылка, смертная казнь.

Введение

Период истории Российской империи конца XIX – начала XX вв. характерен тем, что снижалась степень контрреформ, начавшихся после убийства императора Александра II (1881 г.), и одновременно в российском обществе всё сильнее находили отклик как либерально-европейские, так и радикально-революционные идеи. Такое положение определенным образом влияло на карательную политику государства, важнейшее место в которой занимало уголовное судопроизводство как инструмент свершения правосудия. По большей части преступления касались незаконной деятельности против государства (политические преступления). Ответственность за них предусматривалась достаточно серьёзная, учитывая специфику деяний.

Общественно опасный характер данных преступлений обуславливал необходимость пересмотра законодательства не только в контексте наказания за совершенные преступления, но и для предотвращения последующих. Именно поэтому вновь изданные документы носили качественно новый характер по сравнению с предыдущими.

Целью данной работы определено изучение специфики политических преступлений в России начала XX века их состава и ответственности за совершение. Объект исследования–квалификация политических преступлений начала XX века, предмет–система нормативно- правовых актов, регулирующих сферу уголовного права.

Материалы и методы исследования

Для более глубокого исследования темы были проанализированы различные источники, касающиеся исторического исследования развития уголовного законодательства начала XX века (В.Б. Романовская, С.Л. Рогов, С. Ю. Смольянинова и пр.). Подобные источники необходимы ввиду важности анализа различных взглядов на происходящие события, трансформацию законодательства и определение ответственности за политические преступления.

Кроме того, были изучены непосредственные источники уголовного права, такие как Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Свод военных постановлений 1869 года. Это позволяет получить достоверную информацию о классификации, составе и особенностях политических преступлений, а также ответственности за них.

Немаловажными также можно определить издания, отражающие исследование отдельных видов преступлений и ответственности за них (Н.В. Греков, Н.С. Таганцев, С. Ю. Смольянинова).

Результаты и их обсуждение

Как уже отмечалось ранее, основной сферой регулирования уголовного законодательства была политическая. Менялся состав преступлений, мотивы и способы их совершения и в данном контексте требовалось совершенствование законодательства: актуализировалась значимость нормативно- правовых актов, учитывающих подобные изменения. Поэтому в 1903 г. было принято Уголовное уложение [1], которое сменило предыдущее, принятое в 1845 году Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [2]. Данный нормативный акт хоть и был редактирован в 1885 г., не имел той четкости, необходимость которой была обусловлена меняющимися социально- политическими условиями развития российского общества. Анализируя различные источники, необходимо отметить,

что исследователи в качестве толчка, вынудившего царский режим ускорить разработку новых уголовных законов, определили революционную ситуацию 1879-1890 гг. Издание подобных законов должно было способствовать защите существующего государственного строя и укреплению самодержавия [3, с. 124].

Такой подход подтверждает, в частности, то обстоятельство, что, во-первых, ответственность за ряд политических преступлений была ужесточена, и, во-вторых, для быстрейшей реализации такого рода нормы были введены сразу (в то время как нормы за другие виды преступлений – значительно позже или вообще оказались не введенными в действие из-за событий 1917 г., по этой причине до 1917 г. продолжали одновременно действовать соответствующие нормы как Уложения 1845 г., так и Уложения 1903 г.). Но, разумеется, расширение революционной ситуации во второй половине XIX в. не было единственной причиной разработки и принятия нового уголовного закона – Прежнее Уложение 1845 г. уже основательно устарело, структура его была необычайно сложной, громоздкой и явно нуждалась в обновлении [4, с. 184].

Проект Уголовного уложения разрабатывался довольно долго (начало было положено еще в 1881 г.), потом был перерыв, потом редакционная комиссия работала над текстом уже сформированного проекта почти десять лет [5]. В отличие от громоздкого Уложения 1845 г. (более 2000 статей), новый акт содержал 687 статей. Особенная часть делилась на 36 глав, в их числе интересующие нас главы: «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О неповиновении власти», «О противодействии правосудию» и т. д. Законодатель с особой тщательностью отрегулировал составы преступлений против государства, расположив их в нескольких главах [6, с. 148].

Здесь следует еще говорить о том обстоятельстве, что введенные в действие нормы Уголовного уложения 1903 г. действовали до 1917 г., однако при этом в Уложение вносились изменения, а также, кроме того, принимались и другие акты репрессивного характера, о чем ниже будет сказано.

В контексте исследований отечественных правоведов предлагаем рассмотреть различные составы преступлений, связанных с нарушением государственности, монархического строя и устоев Российской империи. Статья 99 Уголовного уложения конкретизирует состав преступлений, которые заключаются в посягательстве на жизнь, здоровье или личную неприкосновенность императора либо императрицы или наследника престола. В перечень подобных преступлений включаются свержение с престола царствующей особы, лишение или ограничение его власти. Виновные в вышеуказанных деяниях приговаривались к смертной казни. Статья 100 данного Уложения дополняет квалификацию уточнением, что в качестве посягательства признается как совершение данного преступления, так и покушение на него. Виновным признавался человек, как непосредственно совершивший преступление, так и виновный в участии. Последний нес наказание в виде каторги без срока, тем самым было предусмотрено пожизненное наказание.

При этом посягательство на жизнь членов императорского дома как преступление было отражено в ст. 105 Уложения и каралось смертной казнью. Диспозиция данной статьи не уточняет условий совершения подобного преступления и из этого следует, что его объект (жизнь членов семьи российского императора) можно назвать одним из самых охраняемых в государстве того периода. Эта же статья предусматривала наказание в виде каторги для тех, кто покушался либо совершал любые насильственные действия в отношении императорской семьи.

Кроме того, в категорию подобных преступлений были включены действия, включающие оскорбление царствующих особ, их наследников, надругательства (вандализм) в отношении их изображений, которые могли осуществляться непосредственно в присутствии либо заочно. Целью подобных преступлений являлось создание неуважения, пренебрежения к императорским особам. Выражаться преступление могло в высказываниях, созданиях изображений, сочинения произведений «для достоинства оскорбительных» (ст. 103). Подобное преступление также каралось достаточно сурово–каторгой, правда, не пожизненной, а на срок до 8 лет. Обстоятельства нанесения непрямого вреда являлись не столь опасными для общества, поэтому наказание было несколько мягче и служило эффективным способом предупреждения последующих преступлений подобного рода.

Отдельно следует остановиться на Главе 4 Уголовного уложения, которая раскрывает состав такого преступления как измена и определяет наказание за его совершение. Ст. 108 раскрывает содержание нескольких составов измены и для дальнейшего исследования необходимо их рассмотреть более подробно.

Изначально интерпретируется простой состав, который показывает вину любого российского подданного, выражающуюся в способствовании неприятелю в осуществлении враждебных или иных действиях против Российского государства [1]. Наказывается подобное преступление каторгой на довольно длительные сроки.

Эта же статья детализирует квалифицированные составы, включающие в состав основного преступления-измены убийство либо значительное содействие неприятелю в осуществлении действий против России. Такие злодеяния влекли за собой наказание в виде бессрочной каторги. Такая же ответственность наступала для тех, кто вступал в неприятельское войско с целью совершения военных действий против России или не выходил из него сознательно, понимая последствия. Также в число квалифицированных составов включалось осуществление действий, направленных на заключение договора с иностранным правительством во вред России, а также различного рода манипуляции с государственно значимыми, составляющими тайну, документами: подлог, подделка, захват, передача и пр. Интересно, что в состав измены, кроме вышеуказанных действий, включалась к примеру сдача в военное время продуктов, предметов довольствия, которые не годны к употреблению либо вредны для здоровья.

Пятая глава Уголовного уложения речь называется «О смуте». Здесь регулируются составы преступлений, предусматривающих посягательство на законную власть. К примеру, статья 121 определяла, что участие в скоплении народа публичного характера, которое было собрано для высказывания неуважения к власти или порицания законных порядка правления, наследия престола либо для выражения сочувствия измене, бунту, лицам, их учинившим также рассматривалось как преступление. Это было обусловлено тем, что подобная деятельность направлена на нанесение вреда общественному порядку, политическому строю и государству в целом [1]. В качестве наказания определялись заключение в тюрьме, крепости [7]. Эта же статья далее уточняет ряд квалифицирующих признаков, таких как:

- противодействие осуществлению властных полномочий, применяемых для рассеивания скопления народа;

-нападение на часового или военный караул;

-использование взрывчатых веществ для причинения вреда обществу.

За перечисленный перечень действий было предусмотрено наказание в виде каторги сроком до восьми лет.

Данная глава также регламентировала наступление ответственности за участие в сообществе, которое само по себе уже является противозаконным, которое ориентировано на неповиновение власти либо причинение вреда окружающим, а также на возбуждение вражды между различными сословиями, классами. Отдельно квалифицировались преступления, побуждающие рабочих к организации и проведению стачек.

Наказания за такие преступления - ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, крепости, а в случае тяжких последствий, - каторга. Данная группа составов преступлений, как видно, была введена в уголовный закон с целью противодействовать расширению в России революционного движения, которое в самом начале XX в. приобретало все больший размах.

В главе шестой Уголовного уложения содержится довольно обширный перечень преступлений, объединенных под категорию «неповиновение власти». За эту группу преступлений предусматривались относительно мягкие санкции. К примеру ст. 138 говорит о том, что тот, кто виновен в неисполнении постановления, если нет определенного законом иного наказания, уплачивает денежную пеню размером не свыше пятидесяти рублей. Содержание и состав преступлений против порядка правосудия определены Главой семь Уголовного уложения. Статья 163 конкретизирует то, что несообщение власти о готовящемся, совершенном или изначально замышленном тяжком преступлении в контексте статей 99-102, 108, 118 если оно было известно заранее, считается самостоятельным преступлением. Если вследствие этого наступали тяжкие последствия, то наказание варьировалось от каторги до ссылки на заключение либо заключения в крепость. Также данная глава определяла порядок наказания лиц, виновных в сокрытии либо повреждении доказательств, которые заведомо подлежат охране для приобщения к делу или еще не приобщены к доказательной базе. Подобные действия квалифицируются как преступление в случаях, когда целью является сокрытие содеянного или содействие в этом лицу, его совершившему. Уголовное уложение в вышеуказанных случаях предусматривало отбывание срока в тюрьме либо в исправительном доме или в крепости.

В дальнейшем, после введения в действие Уголовного уложения законодатель несколько раз изменял конструкции некоторых государственных преступлений. Наиболее значительно были изменены диспозиция и санкции ст. 124 Уголовного уложения. В начальной редакции диспозиция была предельно простой: «участие в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке». Санкция – заключение в крепости на срок не свыше одного года или арест. Однако Законом от 4 марта 1906 г. [8] указанная статья говорила о том, что лица, которые виновны в создании обществ, либо их союзов, в том числе, и профессиональных, с нарушением правил либо с несоблюдением организационных норм и правил, а также лица, которым подобная деятельность запрещена, получают наказание в виде ареста сроком не более трех месяцев либо денежным штрафом не свыше трехсот рублей [1]. Эта же статья конкретизировала обстоятельства, наличие которых усиливало наказание до заключения в крепость до одного года или лишение свободы с отбыванием в тюрьме. Особого внимания заслуживает то, что это изменение было утверждено непосредственно перед принятием Основных государственных законов (редакция 23 апреля 1906 г.), где на законодательном уровне провозглашались политические прав и свободы.

Здесь, вероятно, власть действовала на упреждение, учитывая, что фактически политические партии (общества) уже действовали. Такой подход государства показывает, что оно активно использовало уголовное законодательство как инструмент в своем противостоянии с политическими противниками. Накануне первой мировой войны изменениям подверглись и нормы об ответственности за шпионаж. Шпионаж в тот период, впрочем, как и в настоящее время, был достаточно серьезным преступлением, однако добиться наказания за его совершение было крайне сложно, т.к. появлялось множество вариантов для обхода закона, а он, в свою очередь, не был достаточно гибким для того, чтобы привлечь виновных к ответственности. Исследования отечественных правоведов показывают, что данный вид преступления становился массовым и постоянно развивался, становился все более труднораскрываемым. Актуализировались проблемные вопросы в отношении дефиниции и содержания данного преступления, объема и направленности тех сведений, которые не запрещены к передаче, т.к. опубликованы публично. С точки зрения военных подобные действия являлись преступлением, т.к. они могли навредить Российскому государству, а в контексте Уголовного уложения 1903 г. подобный вид действий как преступных описан не был [9, с. 162]. При таких обстоятельствах по инициативе военного министра увеличить «объем наказуемых действий по собиранию и сообщению сведений, имеющих значение для военных сил государства» путем введения семи дополнительных статей, что и было сделано (с некоторыми поправками).

Далее нужно отметить, что помимо Уголовного уложения нормы об ответственности за государственные преступления содержались также в Уставе военно-уголовном как составной части Свода военных постановлений [10], а также в Своде морских уголовных постановлений [11], которые распространялись на военнослужащих и нормы которого могли применять военные суды (военным судам в этой связи власть придавала большое значение, учитывая их закрытость и скоротечность процессов в борьбе с противниками государственного строя). В частности, в Уставе военно-уголовном выделялись Глава 2 («О преступлениях государственных») и Глава 3 («О преступлениях против правительства»). Что касается диспозиций составов преступлений против государства, то они мало отличались от соответствующих законодательных положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В изучаемый период 14 ноября 1914 г. был издан закон, отражающий изменения в вышеуказанные акты, которые расширяют и ужесточают наказания за данные преступления. К примеру, те военнослужащие, начальники, которые отвечали за поставку продовольствия, оружия, боеприпасов, медикаментов и передавали для военных действий недоброкачественное обеспечение, несли наказание в виде каторги. Чуть позже, при нарастании революционного движения в армии в январе 1916 г. был принят особый указ. Он был направлен на изменение воинского устава о наказаниях за уклонение или самовольное оставление службы, ужесточая наказание за данные преступления. Также, те военнослужащие, которые были виновны в побеге со службы, лишались всех прав и ссылались на каторжные работы без срока либо были казнены. Так же карались и те, кто совершал или пытался совершить побег к неприятелю.

Однако к тому времени отношение к смертной казни в российском обществе было неоднозначным, в частности, в правоприменительной практике нередко наказание к смертной казни заменялось более мягким, как правило, каторгой. В литературе указывается, что, например, по 64 делам о политических покушениях и убийствах в 1901 – 1905 гг. суд приговорил 30 человек к смертной казни, а затем 20 из них казнь была заменена каторгой [12, с. 16]. Вместе с тем, учитывая необходимость подавления и недопущения впредь событий революции 1905-1907 гг.

смертная казнь использовалась как инструмент запугивания, наказания и контроля за нежелательной политической активностью, оппозицией населения. Количество подобных приговоров значительно увеличилось, вследствие чего в Российском государстве активизировалось движение против применения смертной казни. Сторонники данного движения апеллировали к тому, что в некоторых странах Европы (Италия, Румыния, Норвегия, Голландия и пр.) ее уже отменили [13]. Партия кадетов, рассматриваемая как оппозиционная, внесла законопроект от обмене смертной казни, который был рассмотрен на заседании первой Государственной Думы. Авторы данного законопроекта говорили о том, что для государства наибольшую опасность представляло сохранение смертной казни, нежели ее отмена, т.к. жестокость со стороны руководства страной порождала злобу и непринятие правящей власти со стороны населения. Смертная казнь при этом, как отмечали разработчики проекта, имела огромный риск перерасти в массовое убийство без суда и следствия, когда страдало огромное количество невиновных жертв, а в отношении иных вина также не была доказана полностью. Это влекло за собой вне новые и новые преступления против жизни и здоровья личности [14, с. 420].

Авторитетный правовед того времени Н. С. Таганцев, в частности, отмечал, что «сторонники смертной казни не могут представить данные, которые свидетельствовали бы, что введение смертной казни за какие-либо преступные деяния содействовало бы уменьшению этих преступлений» [15, с. 83]. Комиссией, которая была сформирована Государственной Думой, был предложен законопроект об отмене смертной казни, определенной в различных документах: в уложениях, уставах. Она должна была быть заменена наказаниями, следующими за теми, которые предусматривал документ. В данном случае подобным наказанием была каторга без срока и при обсуждении данного законопроекта все единодушно его поддержали [16, с.44]. В пример можно привести эмоциональное высказывание священника Тихвинского как депутата Думы: «Смертная казнь не только смерть телу, но и душе ... Господа, протестовать надо, протестовать всеми силами души против растлевающего душу и тела зла!» [17, с. 64]. Однако принятый Государственной Думой законопроект, как известно, остался без последствий ввиду роспуска этого первого в России законодательного органа. Можно предположить, что для власти принятие такого закона было неприемлемым, учитывая ее стремление путем смертной казни уничтожать наиболее опасных ее противников из числа осужденных за государственные преступления и тем самым «сохранить свою власть» [18, с. 174].

Выводы

Подытоживая, следует отметить, что в условиях нарастающего революционного подъема принятие Уголовного уложения 1903 г., которое в части ответственности за преступления против государства действовало вплоть до падения империи, было продиктовано прежде всего стремлением власти усилить свои возможности в противодействии с политическими противниками. Об этом свидетельствует, в частности, расширение криминализации деяний, посягающих на интересы государства, достаточно жесткие санкции, включая смертную казнь, за их совершение. Наиболее тяжкими преступлениями против государства определялись посягательство на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность императора, императрицы или наследника престола, или лишение его верховной власти; насильственное посягательство на изменение в России установленного образа правления, государственная измена; смута; бунт. После подавления первой волны революции (1905-1907 гг.) власть активно использовала нормы о наказании за указанные и другие деяния в отношении политических противников. Помимо Уголовного уложения положения о государственных преступлениях содержались также в военно-уголовных уставах. Предложения оппозиции о смягчении наказаний за политические преступления, и прежде всего об отмене смертной казни, не нашли поддержка в императорском окружении.

Литература

1 Уголовное уложение от 22.03.1903 г. СПб. тип. В.П. Анисимова, 1903. -146 с.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. (ред. 1885 г.) / Издано проф. Н. С. Таганцевым. СПб. тип. М. Стасюлевича, 1886. - 193 с.

3. Балыбин В.А. К истории Уголовного уложения 1903 г. в России // Вестник МГУ. Серия «Право». 1977. №11. С. 121-126.

4. Романовская В.Б., Рогов С.Л. Политические преступления по уголовному Уложению 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183-187.

5. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. совета. СПб. Гос. тип. 1904. – 251 с.

6. Смольянинова С. Ю. Государственные преступления по Уголовному Уложению 1903 года // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе. Воронеж, 2003. С. 146-149.

7. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Тюремные инструкции в Российской империи/ учебное пособие. Краснодар, 1999. - 170 с.

8. Собрание узаконений. 1906. № 48. Ст. 308.- 362 с.

9. Греков Н.В. Русская контрразведка 1905-1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. – 117 с.

10. Свод военных постановлений 1869 года. СПб. : Гос. тип., 1879.- 187 с.

11. Свод морских уголовных постановлений. Кн.1. О преступлениях и наказаниях. СПб. 1851.- 294 с.

12. Медведь Н.Т. Материалы политических судебных процессов в дореволюционной России как исторический источник по истории КПСС. М., 1973. -328 с.

13. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран / курс лекций. Краснодар, 2004. – 684 с.

14. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История и документы. В 6 т. Т.4.М., 2003. - 163с.

15. Таганцев Н.С. Смертная казнь. СПб. 1913. – 177 с.

16. Туманова А. С., Мамцев Р. В. Движение за отмену смертной казни в Российской империи начала XX в.: политико-правовой аспект // Правосудие/Justice. 2024. № 1. С. 34-46.

17. Речь священника Тихвинского на заседании первой Государственной Думы / В кн.: Малиновский А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Приложение LI. С.64.

18. Ольшанский А.В. Уголовная ответственность за государственные преступления по "уголовному уложению" 1903 года // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): сб. н. тр. 2021. С. 170-175.

Political crimes in russia at the early 20th century: formulations and liability

Uporov I.V.

Russian Academy of Natural Sciences

The early 20th century in the history of the Russian Empire was characterized by a decline in the counter-reforms initiated in 1881 following the assassination of Emperor Alexander II, while simultaneously, both liberal European and radical revolutionary ideas increasingly resonated in

Russian society. This situation had a definite impact on the imperial government's punitive policy, which was reflected in the lengthy (over twenty years) discussion of the draft new criminal law, which ultimately took the form of the Criminal Code adopted in 1903. This new criminal law expanded penalties for crimes against state interests, which was prompted by the increased activity of the revolutionary anti-government movement. The article analyzes the specific elements of these socially dangerous acts. At the same time, the authorities somewhat relaxed the conditions of detention for political offenders, demonstrating the duality of their punitive policy. However, the authorities made their choice in 1906 by rejecting the bill abolishing the death penalty passed by the State Duma.

In the context of the above, it is relevant to study the specifics of political crimes in early 20th-century Russia, their composition, and the responsibility for their commission.

Keywords: crimes against the state, Criminal Code, espionage, treason, penal servitude, exile, death penalty.

References

1. Criminal Code of 22.03.1903. SPb. type. V.P. Anisimova, 1903. -146 p.
2. Code of Criminal and Correctional Punishments of 15.08.1845 (ed. 1885) / Published by Prof. N. S. Tagantsev. SPb. type. M. Stasyulevicha, 1886. - 193 p.
3. Balybin V.A. To the History of the Criminal Code of 1903 in Russia // Bulletin of Moscow State University. Series "Law". 1977. No. 11. Pp. 121-126.
4. Romanovskaya V.B., Rogov S.L. Political Crimes under the Criminal Code of 1903 // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2007. No. 3. Pp. 183-187.
5. Tagantsev N.S. Criminal Code of March 22, 1903: With motives, extracted. from the explanatory note of the Editorial Board, the submission of the Ministry of Justice to the State Council. and the journal. - special consultation, special presence of dep. and general. meeting of the State Council. St. Petersburg State Printing House. 1904. – 251 p.
6. Smolyaninova S. Yu. State Crimes under the Criminal Code of 1903 // Actual Problems of Combating Crime at the Present Stage. Voronezh, 2003. Pp. 146-149.
7. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Prison Instructions in the Russian Empire/ Textbook. Krasnodar, 1999. - 170 p.
8. Collection of Legislation. 1906. No. 48. Art. 308.- 362 p.
9. Grekov N.V. Russian Counterintelligence 1905-1917: Spymania and Real Problems. Moscow, 2000. – 117 p.
10. Code of Military Regulations of 1869. St. Petersburg: State Printing House, 1879.- 187 p.
11. Code of Naval Criminal Regulations. Book 1. On Crimes and Punishments. St. Petersburg, 1851. 294 p.
12. Medved N.T. Materials of Political Trials in Pre-Revolutionary Russia as a Historical Source on the History of the CPSU. Moscow, 1973. - 328 p.
13. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Karnaushenko L.V. History of the State and Law of Foreign Countries / Lecture Course. Krasnodar, 2004. - 684 p.
14. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Judicial Power in Russia. History and Documents. In 6 volumes. Vol. 4. Moscow, 2003. - 163 p.
15. Tagantsev N.S. The Death Penalty. St. Petersburg, 1913. - 177 p.
16. Tumanova A. S., Mamtsev R. V. The Movement for the Abolition of the Death Penalty in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century: A Political and Legal Aspect // Justice. 2024. No. 1. Pp. 34-46.
17. The Speech of the Priest Tikhvinsky at the Meeting of the First State Duma / In the book: Malinovsky A. Blood Vengeance and Death Penalties. Tomsk, 1908. Appendix LI. P. 64.
18. Olshansky, A.V. Criminal Liability for State Crimes under the Criminal Code of 1903 // State and Law: Evolution, Current State, and Development Prospects (on the 300th Anniversary of the Russian Empire): Collection of Scientific Papers. 2021. Pp. 170-175.

«Добычные» налоги: правовое регулирование и зарубежный опыт

Чикирка Екатерина Владимировна
аспирант, юридический факультет, Российский государственный университет нефти и газа (Национального исследовательского института) имени И.М. Губкина

Статья посвящена правовому регулированию «добычных» налогов как ключевого инструмента фискальной политики в сырьевых экономиках. В фокусе исследования находится российская модель налогообложения, где центральное место занимает налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Анализируются институциональные новации последних лет, включая введение налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (НДД) и трансформацию льготного режима для трудноизвлекаемых запасов. Отдельно сопоставляется российская практика и зарубежные модели налогообложения нефтегазового сектора (США, Канада, Великобритания, Норвегия, Австралия). Делается вывод о том, что эволюция НДПИ отражает поиск баланса между фискальной устойчивостью, конкурентоспособностью национальных недропользователей и вызовами энергетического перехода, что определяет направления дальнейшего совершенствования налогового режима в России.

Ключевые слова: полезные ископаемые, трудноизвлекаемые запасы, налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход, льготы, фискальная политика.

Добычные налоги являются ключевым инструментом фискальной политики в сырьевых экономиках, который обеспечивает перераспределение ренты от недропользователей в бюджет. В РФ они составляют значительную долю доходов государства – до 50%.

Основным «добычным» налогом в РФ является налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), который представляет собой федеральный налог, специально предназначенный для регулирования фискальных отношений в сфере недропользования. Он был введен главой 26 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) с 1 января 2005 г. Эта глава заменила ранее действовавшие платежи за добычу полезных ископаемых, унифицировав подход к налогообложению и повысив прозрачность расчетов.

Круг плательщиков НДПИ включает российские и иностранные организации, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих пользование недрами в соответствии с лицензией на добычу полезных ископаемых (ПИ), за исключением случаев добычи общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд.

Объект налогообложения – это фактически добытые на территории РФ ПИ (включая нефть, газ, уголь, металлы, алмазы и другие), за исключением общераспространенных ПИ, добытых для личных нужд, а также технологических потерь в пределах нормативов, утвержденных Минприроднадзором РФ. Ставки варьируются в зависимости от вида ПИ.

Место исчисления и уплаты налога определяется по месту нахождения соответствующего участка недр, что обеспечивает реализацию территориального принципа налогообложения и упрощает контроль со стороны Федеральной налоговой службы.

Все поступления от НДПИ полностью консолидируются в федеральный бюджет, что отличает НДПИ от региональных или местных налогов, подчеркивая его роль в централизованном фискальном регулировании государства.

Дополнительно к НДПИ недропользователи обязаны уплачивать регулярные и единовременные платежи за пользование недрами (аукционные, бонусные), регулируемые Федеральным законом от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах». Однако эти платежи имеют административно-хозяйственный характер и не относятся к системе налогов, поскольку не включены в НК РФ и не подлежат налоговому администрированию ФНС.

Относительно новой альтернативой НДПИ является налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (НДД), который был введен с 1 января 2019 г. как часть налоговой реформы в нефтегазовой отрасли. Он регулируется главой 25.4 НК РФ РФ и направлен на учет экономической эффективности проектов по разработке нефтегазовых месторождений.

НДД применяется к четырем группам участков недр, за исключением участков, содержащих сверхвязкие сорта нефти и выработанные пласты. Ставка составляет 50%, но коэффициенты повышаются для сложных месторождений второй группы.

Переход на НДД является «добровольно-принудительным», поскольку компании вправе выбрать его вместо НДПИ для снижения налоговой нагрузки до полной окупаемости проекта по разработке месторождений, но поправки 2020 – 2022 гг. стимулируют ускоренный переход на НДД за счет отмены льгот по НДПИ. Ожидаемый

эффект от перехода оценивается в дополнительные 230 – 237 млрд рублей ежегодно.

В международной практике налогообложение добычи природных ресурсов не унифицировано единым кодексом, в отличие от российской модели НДПИ, и строится на комбинации роялти и корпоративного налога на прибыль. Роялти обычно составляют от 3% до 12% от стоимости добытой продукции или взымаются по фиксированным ставкам за единицу объема.

Ставки корпоративного налога на прибыль варьируется от 19% (например, в Великобритании) до 38% (в большинстве развивающихся стран, как Египет или Оман), с дополнительными рентными налогами на сверхприбыль, достигающими от 40% до 78% в нефтегазовом секторе.

В США отсутствует федеральный аналог НДПИ в связи с действующей децентрализованной системой налогообложения. Ставки и виды налогов устанавливаются штатами самостоятельно. Например, в Техасе применяется прогрессивная шкала ставок на роялти от 5% до 25% от цены нефти. В Оклахоме взымается налог на валовую продукцию (gross production tax – GPT) по ставкам от 5% до 7% от объема добытых нефти и газа, а в Северной Дакоте этот же налог взымается по ставке 6,5%.

Федеральный корпоративный налог на прибыль в США составляет 21%, увеличиваемый на дополнительные штатные налоги до 12%.

В 30 нефтедобывающих штатах применяется аналог НДПИ (severance tax), например, на Аляске по ставке 7% (без учета роялти, которые могут достигать 25%).

Канада сочетает провинциальные роялти с федеральным корпоративным налогом на прибыль по ставке 15%. Например, в Альберте роялти могут составлять до 40% и рассчитываются по следующей формуле: 5% (фиксированная ставка) + скользящая ставка (до 40% при рентабельности проекта более 30%).

Возвращаясь к российской экономике, с начала 2010-х гг. система налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) претерпела ряд существенных корректировок, обусловленных изменением экономических реалий, такими как значительная волатильность мировых цен на углеводороды (падение Urals до 30 долл./барр. в 2014–2016 гг. и 2020 г.), истощение легкодоступных запасов нефти и газа (коэффициент извлечения нефти снижается до 30 – 40% на зрелых месторождениях Западной Сибири) и необходимость стимулирования высокотехнологичной добычи.

Законодательные корректировки были внесены с целью достижения баланса между фискальными интересами государства и необходимостью поддержки инвестиций в нефтегазовой отрасли.

Ключевыми нововведениями стали меры по стимулированию разработки трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ). Например, была введена нулевая налоговая ставка для недропользователей, добывающих сорта нефти с высокой вязкостью (> 10 мПа/с), низкопроницаемыми пластами (< 10 мД), сверхглубокими залежами (> 4,5 км) или другими сложными геологическими условиями, подтвержденными государственной экспертизой. В 2025 г. данную льготу получили проекты с объемом добычи около 200 млн т нефти, что повысило добычу в труднодоступных регионах на 5 – 7%.

Другим значимым механизмом выступают налоговые вычеты для новых месторождений нефти, которые позволяют уменьшать налоговую базу на сумму до 8 тыс. руб. за 1 тонну добытого сырья, но не более 100 млрд руб. в рамках одного проекта. Механизм применяется к арктическим шельфовым проектам, Восточной Сибири и Дальнего Востока, с приоритетом на месторождения с начальными запасами более 10 млн т углеводородного сырья. Льготой уже воспользовались такие крупные компании как Роснефть и Газпромнефть, вложив более 1 трлн руб. в месторождения Приразломное и Витязь.

Вышеуказанные меры направлены на стимулирование инноваций в отрасли и повышение инвестиционной привлекательности. Однако критики отмечают недостаточный учет операционных и капитальных затрат по сравнению с налогом на прибыль, что повышает риски в низкоценовых сценариях разработки месторождений и замедляет импортозамещение технологий.

В целом, эволюция регулирования НДПИ отражает стратегический баланс между максимизацией бюджетных доходов и сохранением конкурентоспособности российских недропользователей на глобальном рынке.

Постоянное совершенствование законодательной базы отвечает внешним вызовам, таким как западные санкции (с 2022 г., блокировка сервисов Halliburton/Schlumberger), энергопереход (увеличение спроса на редкие металлы для EV-батарей) и климатические обязательства.

Перспективой дальнейшего развития видится ускоренная цифровизация процессов налогового администрирования, как например, введение автоматизированной системы налогообложения (АСН НДПИ ФНС) и переход к рентным налогам для твердых ПИ.

Литература

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, № 32, ст. 3340

2. Приказ Минэнерго России от 22.08.2019 № 884 «Об утверждении форм предоставления в обязательном порядке юридическими лицами информации для включения в сегмент в области нефтедобывающей промышленности, нефтеперерабатывающей промышленности, нефтехимической промышленности, транспортировки по магистральным трубопроводам нефти и нефтепродуктов государственной информационной системы топливно-энергетического комплекса и требований к заполнению этих форм» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.10.2019 № 56307) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru , 25.10.2019

3. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 29.12.2025) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // «Собрание законодательства РФ», 06.03.1995, № 10, ст. 823

4. Дьячков Г. С. Сравнительный анализ эффективности налоговых режимов в нефтедобыче // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 9 (3). С. 39–51. https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-39-51.

5. Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Инвестиционные налоговые льготы в России: законодательное регулирование // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16. № 1. С. 172–197. https://doi.org/10.17072/ 2218-9173-2024-1-172-197.

6. Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Эффективность применения налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 8–24. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24.

Extraction Taxes: Legal Regulation and International Experience

Chikirka E.V.
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research Institute)

The article is devoted to the legal regulation of "mining" taxes as a key instrument of fiscal policy in commodity-based economies. The research focuses on the Russian taxation model, where the mineral extraction tax (MET) occupies a central place. The article analyzes the institutional innovations of recent years, including the introduction of a tax on additional income from the extraction of hydrocarbons and the transformation of preferential treatment for hard-to-recover reserves. The Russian practice

and foreign taxation models of the oil and gas sector (USA, Canada, Great Britain, Norway, Australia) are separately compared. It is concluded that the evolution of the MET reflects the search for a balance between fiscal sustainability, the competitiveness of national subsurface users and the challenges of the energy transition, which determines the directions for further improvement of the tax regime in Russia.
Keywords: minerals, hard-to-recover reserves, mineral extraction tax, additional income tax, benefits, fiscal policy/

References

1. “Tax Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended on 20.02.2026) (as amended and supplemented, entered into force on 01.04.2026) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 07.08.2000, No. 32, art. 3340
2. Order of the Ministry of Energy of Russia dated August 22, 2019 No. 884 "On Approval of the Forms of Mandatory Submission of Information by Legal Entities for Inclusion in the Segment of the Oil Producing Industry, Oil Refining Industry, Petrochemical Industry, Transportation of Oil and Petroleum Products via Trunk Pipelines of the State Information System of the Fuel and Energy Complex and the Requirements for Completing These Forms" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 23, 2019 No. 56307) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , October 25, 2019
3. Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 (as amended on December 29, 2025) "On Subsoil" (as amended and supplemented, entered into force on (in force from 01.03.2026) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 06.03.1995, No. 10, art. 823
4. Dyachkov G. S. Comparative Analysis of the Efficiency of Tax Regimes in Oil Production // Accounting. Analysis. Audit. 2022. No. 9 (3). Pp. 39–51. https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-39-51.
5. Pinskaya M. R., Steshenko Yu. A. Investment Tax Incentives in Russia: Legislative Regulation // Ars Administrandi (The Art of Management). 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 172–197. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197.
6. Pinskaya M. R., Steshenko Yu. A. Efficiency of applying the tax on additional income from the extraction of hydrocarbon raw materials // Financial Journal. 2025. Vol. 17. No. 3. Pp. 8–24. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24.

Критерии оценки добросовестности контрагента при оспаривании сделок должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина

Бакаев Иван Андреевич
аспирант кафедры «Частно-правовые (цивилистические) науки», Московский финансово-промышленный университет «Синергия», ivan.bakaev98@mail.ru

В статье рассматривается проблема определения и применения критериев добросовестности контрагента в спорах об оспаривании сделок в рамках процедур несостоятельности (банкротства) граждан. Автор анализирует специфику стандартов осмотрительности, применяемых судами к контрагентам должника, презумпции осведомленности о неплатежеспособности должника, влияние размера встречного исполнения на квалификацию поведения контрагенбта должника. Исследование базируется на актуальной судебной практике ВС РФ, а также на действующих разъяснениях ВАС РФ. Автор обосновывает необходимость индивидуализации стандартов доказывания для обеспечения баланса между защитой конкурсной массы и стабильностью гражданского оборота.
Ключевые слова: банкротство граждан, несостоятельность, оспаривание сделок, добросовестность контрагента, подозрительные сделки, стандарты осмотрительности, неплатежеспособность, финансовое состояние должника.

Институт несостоятельности (банкротства) является важнейшим правовым инструментом регулирования имущественного оборота. Его цель состоит, с одной стороны, в соразмерном удовлетворении требований кредиторов, с другой - в предоставлении несостоятельному должнику возможности, при условии соблюдения устанавливаемых законом условий, восстановить свою платежеспособность.

В условиях текущей экономической нестабильности наблюдается значительный рост числа банкротств как физических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, что, в свою очередь, неизбежно приводит к увеличению количества споров, связанных с оспариванием сделок несостоятельных должников. Так, в 2025 году количество судебных банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей достигло 568 тысяч, что на 31,5% больше, чем в 2024 году [12].

Оспаривание сделок должника (признание их недействительными) в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) является универсальным способом защиты в отношениях несостоятельности, важнейшей частью единого механизма правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), направленного на соблюдение баланса интересов не только участвующих в деле о банкротстве лиц, но и субъектов, опосредованно вовлеченных в орбиту несостоятельности должника (в частности, контрагентов должника) [13].

При анализе сделок должника на предмет их недействительности ключевую роль играет принцип добросовестности субъектов гражданских правоотношений, закрепленный в п. 3 ст. 1 Гражданского кодека РФ (далее – ГК РФ), который предполагает, что «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [1].

В соответствии со ст. 61. 2 Федерального закона № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), сделка, совершенная должником может быть признана недействительной, если она совершена:

1. при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки;

2. с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Рассматривая первое основание – неравноценность встречного исполнения обязательств, необходимо отметить, что в соответствии с позицией законодателя, «неравноценным встречным исполнением обязательств признается, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств»[2].

При этом, закон не устанавливает четкие критерии «существенности» различия между фактической стоимостью переданного должником имущества и полученным встречным исполнением.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев суды оценивают между рыночной и договорной стоимостью следующим образом:

- до 20% - разница не является существенной [5], [7], [8];

- от 21% до 40% - оценка судов неоднозначна (так, в одном случае расхождение в 32,6% было признано существенным [9], в другом – расхождение в 36,8 % признано судом несущественным [10]);

- свыше 40% - существенное занижение стоимости [11].

Позиция ВС РФ по данному вопросу исходит из того, что «понятие неравноценности является оценочным, в силу чего к нему не могут быть применимы заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения цены. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 03.02.2022 № 5-П, наличие в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве оценочных характеристик создает возможность эффективного ее применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

Таким образом, квалификация осуществленного предоставления как неравноценного определяется судом в каждом случае исходя из конкретных характеристик сделки и отчуждаемого имущества (его количества, ликвидности, периода экспозиции и т.п.)» [6].

Между тем, добросовестные контрагенты не лишены права предоставить суду соответствующие обоснования заниженной стоимости приобретенного актива, в том числе: раскрыть индивидуальные характеристики объекта, которые бы объективно свидетельствовали о наличии индивидуальных особенностей, снижающих его стоимость (к примеру: неудовлетворительное состояние объекта, необходимость проведения срочного ремонта, обременения, наложенные на объект), т.е. подтвердить добросовестность и разумность своих действий.

Второе основание – совершение сделки с целью причинения вреда кредиторам – требует доказанности наличие совокупности следующих обстоятельств:

1) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов;

2) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов;

3) другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки [3].

Следовательно, для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, необходимо, помимо прочего, доказать недобросовестность контрагента должника.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 11 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 г., «осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки как одно из совокупных условий для признания сделки недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности обеих сторон сделки, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества.

При разрешении подобных споров суду в том числе следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие обоснования и доказательств оправданности такого поведения может указывать на недобросовестность такого лица» [4].

С учетом изложенного, к контрагенту должника предъявляется повышенное требование о добросовестности, которое предполагает проявление должной степени осмотрительности и совершения всех возможных действий для проверки должника на благонадежность в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сторонам при заключении аналогичных сделок.

В этой связи, чтобы обезопасить себя от совершения сделки, которая впоследствии может быть признана недействительной, перед фактическим заключением сделки контрагенту следует проверить наличие признаков неплатежеспособности/недостаточности имущества должника. Представляется, что указанная проверка происходит посредством изучения открытых источников, таких как:

- картотека арбитражных дел (наличие вступивших в законную силу решений о взыскании с должника денежных средств/ принятых к рассмотрению заявлений о признании должника банкротом (вступивших в законную силу решений о признании должника банкротом);

- сайты судов общей юрисдикции (наличие вступивших в законную силу решений о взыскании с должника денежных средств);

- сервисы федеральной службы судебных приставов (наличие действующих исполнительных производств, возбужденных в отношении должника).

Кроме того, представляется необходимым установить реальную рыночную стоимость имущества (посредством изучения соответствующего рынка/обращения к оценочным организациям), а также изучить историю сделок, совершенных с имуществом до момента заключения сделки (неоднократное отчуждение имущества в течение короткого промежутка времени является подозрительным и заставляет усомниться в законности целей, преследуемых должником при совершении сделки).

Анализ вышеизложенного позволяет сделать определенные выводы:

1. Принцип добросовестности в рамках процедур несостоятельности (банкротства) трансформируется из общей гражданско-правовой категории в своего рода специальный стандарт поведения. Для контрагента — физического лица этот стандарт является менее строгим («стандарт разумного человека»), в то время как для профессиональных участников рынка он приближается к стандарту «профессиональной осмотрительности»;

2. Ключевым критерием оценки выступает осведомленность о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При этом судебная практика все чаще отходит от формального подхода, используя систему косвенных доказательств (презумпций): наличие родственных или иных связей, совершение сделки на заведомо невыгодных условиях (существенное отклонение цены от рыночной) или в период глубокого финансового кризиса гражданина

3. Суды принимают во внимание не только данные открытых реестров, но и общедоступную информацию о финансовом состоянии должника, которую разумный участник оборота должен был проверить перед заключением договора.

В заключение следует отметить, что баланс интересов кредиторов и стабильности гражданского оборота требует индивидуального подхода к каждому случаю. Дальнейшее развитие правоприменения должно идти по пути конкретизации перечня обстоятельств, которые безусловно свидетельствуют о недобросовестности, чтобы исключить произвольное оспаривание сделок, совершенных обычными гражданами в рамках их повседневной жизнедеятельности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301;

2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 3 127-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // "Собрание законодательства РФ", 28.10.2002, N 43, ст. 4190;

3. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 [ред. от 17.12.2024 г.] // «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011;

4. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2026 г. // «Бюллетень Верховного суда РФ, № 6, июнь, 2023;

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.11.2019 N 306-ЭС19-12580 по делу № А65-10085/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=607492&rnd=wtXpFQ#iGd9HIV4xW2HJfY (дата обращения: 15.04.2026 г.);

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 по делу № 306-ЭС21-4742, А12-42/2019// СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=711594&rnd=wtXpFQ#3gUTHIVmSYXDniN92 (дата обращения: 15.04.2026 г.);

7. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2026 № 08АП-9227/2025 по делу № А75-22704/2022 // СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=185430&cacheid=8B213A9623BA74D8A07C4688B4B92DB5&mode=splus&rnd=wtXpFQ#hAC7HIVfgZYufgF6 (дата обращения: 15.04.2026 г.);

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2025 № 09АП-38365/2025 по делу № А40-243127/2022 // СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2996398&cacheid=8B213A9623BA74D8A07C4688B4B92DB5&mode=splus&rnd=wtXpFQ#D277HIVyqwpAugG91 (дата обращения: 15.04.2026 г.);

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 № Ф05-17659/2018 по делу N А40-216512/2016 // СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1CB5362D3650180448FFB50716007409&mode=fullsplus&base=AMS&n=350972&BASENODE=IiIiMiwyMDEsRkFTIiIsIilyLDIwMCxBUyIiLCIiMiwyLEFSQiIiIg&rnd=wtXpFQ#jFfOHIVwFZYdAECh2 (дата обращения: 15.04.2026 г.)

10. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2021 № 01АП-5709/2017 по делу № А43-15879/2016 // СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS001&n=112573&cacheid=7E685CF585BBA79A493E7EAFB2630A4D&mode=splus&rnd=H5Fr7IVcdAzmmpgr#lf7GHIVGXDagvRR5 (дата обращения: 15.04.2026 г.);

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2018 N 09АП-66277/2017 по делу N А40-49715/16// СПС «Консультант плюс». Текст – электронный. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1379362&rnd=wtXpFQ#AE0SHIVjA0F7Fye1 (дата обращения: 15.04.2026 г.);

12. Банкротства в России: итоги 2025 года. Статистический релиз Федресурса // Федресурс. Текст – электронный. URL: https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f (дата обращения: 15.04.2026 г.);

13. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. // Под ред. С.А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019. С. 608.

Criteria for assessing the counterparty's integrity when challenging the debtor's transactions in the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure of a citizen

Bakaev I.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article discusses the problem of determining and applying the criteria of counterparty integrity in disputes about challenging transactions in the framework of insolvency (bankruptcy) procedures of citizens. The author analyzes the specifics of the standards of prudence applied by courts to the debtor's counterparties, the presumption of awareness of the debtor's insolvency, and the impact of the amount of counter-enforcement on the qualification of the debtor's counterparty behavior. The study is based on the current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as on the current explanations of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. The author substantiates the need for individualization of standards of proof to ensure a balance between the protection of the bankruptcy estate and the stability of civil turnover.

Keywords: bankruptcy of citizens, insolvency, contesting transactions, counterparty integrity, suspicious transactions, standards of prudence, insolvency, financial condition of the debtor.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Article 3301;

2. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, October 28, 2002, No. 43, Article 4190;

3. On certain issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)": Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.12.2010 No. 63 [as amended on 17.12.2024] // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. 3, March 2011;

4. Review of judicial practice in resolving insolvency (bankruptcy) disputes for 2022, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.04.2026 // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 6, June 2023;

5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.11.2019 No. 306-ES19-12580 in case No. A65-10085/2016 [Electronic resource] // SPS "Consultant Plus". Text – electronic. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=607492&rnd=wtXpFQ#iGd9HIV4xW2HJfY (date of access: 15.04.2026);

6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.05.2022 in case No. 306-ES21-4742, A12-42/2019 // SPS "Consultant Plus". Electronic text. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=711594&rnd=wtXpFQ#3gUTHIVmSYXDniN92 (accessed: 15.04.2026);

7. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 16.02.2026 No. 08AP-9227/2025 in case No. A75-22704/2022 // SPS "Consultant Plus". Electronic text. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=185430&cacheid=8B213A9623BA74D8A07C4688B4B92DB5&mode=splus&rnd=wtXpFQ#hAC7HIVfgZYufgF6 (accessed: 15.04.2026);

8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 22.10.2025 No. 09AP-38365/2025 in case No. A40-243127/2022 // SPS "Consultant Plus". Text – electronic. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2996398&cacheid=8B213A9623BA74D8A07C4688B4B92DB5&mode=splus&rnd=wtXpFQ#D277HIVyqwpAugG91 (accessed on April 15, 2026);

9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 3, 2020, No. F05-17659/2018 in case No. A40-216512/2016 // SPS "Consultant Plus". Electronic text. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1CB5362D3650180448FFB50716007409&mode=fullsplus&base=AMS&n=350972&BASENODE=IiIiMiwyMDEsRkFTIiIsIilyLDIwMCxBUyIiLCIiMiwyLEFSQiIiIg&rnd=wtXpFQ#jFfOHIVwFZYdAECh2 (accessed: 15.04.2026)

10. Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated 01.06.2021 No. 01AP-5709/2017 in case No. A43-15879/2016 // SPS "Consultant Plus". Electronic text. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS001&n=112573&cacheid=7E685CF585BBA79A493E7EAFB2630A4D&mode=splus&rnd=H5Fr7IVcdAzmmpgr#lf7GHIVGXDagvRR5 (accessed on April 15, 2026);

Воздействие цифровизации на механизм правового регулирования малого предпринимательства

Галин Ильсур Мансурович
аспирант кафедры теории государства и права Института права, Уфимский университет науки и технологий, alin.ilsur_98@mail.ru

Цифровая трансформация мер поддержки малого и среднего предпринимательства формирует новый комплекс публично-правовых отношений, в котором юридическая значимость действий предпринимателя обеспечивается цифровой идентификацией, электронным документооборотом и обработкой данных в государственных и квазигосударственных информационных системах. Цель исследования состоит в выявлении пробелов и коллизий регулирования цифровизации МСП и в разработке предложений по их устранению. Методологическую основу составили формально-юридический анализ норм Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и «общих цифровых режимов», а также системный анализ взаимосвязи между платформой поддержки, административными процедурами и требованиями соблюдения установленных норм. Установлено, что основная сложность не с отсутствием термина «цифровизация» в базовом законе, а с недостаточной правовой регламентацией публично значимых процедур платформенных сервисов, в частности определения статуса оператора, требований к качеству сервиса, прозрачности алгоритмических решений, порядка учета технических сбоев и механизмов досудебного обжалования. В статье предложена модель совершенствования законодательства, направленная на обеспечение процессуальных гарантий и соразмерности цифровых обязанностей субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе за счет уточнения требований к регламентам Цифровой платформы МСП.
Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, цифровая трансформация, цифровая платформа МСП, административные процедуры, электронная подпись, цифровая идентификация, персональные данные, алгоритмические решения, правовая определенность.

Цифровизация поддержки малого и среднего предпринимательства (далее по тексту – МСП) в Российской Федерации приобрела институциональную форму цифровых сервисов и платформ, через которые субъект МСП получает доступ к мерам поддержки, закупочным витринам и административным процедурам [8, с. 12]. Правовой режим таких сервисов складывается на стыке предпринимательского, административного и информационного права, что закономерно повышает риск правовой неопределенности и смещает акцент регулирования с гарантий предпринимателя на технические требования к данным и документам [18, с. 90].

Базовый Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» закрепляет меры и инфраструктуру поддержки, однако не содержит целостного процедурного регулирования дистанционного предоставления таких мер [12]. Само по себе отсутствие в данном законе термина «цифровизация» не свидетельствует о наличии правовой проблемы, если необходимые процедуры и гарантии закреплены в подзаконных актах и регламентах платформ. Однако на практике такое регулирование не формирует единых стандартов для субъектов малого и среднего предпринимательства [7, с. 7].

Вопрос настоящей работы состоит в том, какие виды правовых пробелов и коллизий возникают при переводе поддержки МСП в цифровой формат и какие элементы правового режима должны быть закреплены на уровне закона, а какие допустимо детализировать в подзаконных и технических актах.

Смысл цифровых правовых режимов заключается в том, что использование электронных способов взаимодействия предполагает юридически значимое подтверждение совершаемых действий и надлежащее обращение с данными. Электронная подпись обеспечивает эквивалентность электронной формы документа бумажной, а нормы о персональных данных и информационной безопасности устанавливают границы допустимой обработки сведений, в том числе при предоставлении мер поддержки и участии в электронных закупках. Для малого предпринимательства важно, чтобы такие требования устанавливались с учетом его ограниченных ресурсов, поскольку в противном случае они могут превратиться в препятствие для доступа к цифровым сервисам.

Практически значимым является и вопрос юридической определенности цифровых идентификаторов и учетных записей. При массовом использовании государственных и квазигосударственных платформ возникают риски, связанные с ошибками идентификации, блокировками доступа и техническими сбоями. Эти ситуации затрагивают право на осуществление предпринимательской деятельности и требуют процессуально оформленных способов восстановления доступа и фиксации технических обстоятельств, чтобы предприниматель не нес непропорциональные потери из-за технологических факторов.

Вопрос о том, должна ли цифровизация быть прямо закреплена в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», следует решать путем анализа его предмета регулирования. Указанный закон традиционно закрепляет меры и институты поддержки, тогда как технологические характеристики цифровых сервисов изменяются значительно быстрее, чем обновляется законодательство. В связи с этим ключевая нормативная задача состоит в закреплении в Федеральном законе «О развитии малого и

среднего предпринимательства в Российской Федерации» необходимого круга процедурных гарантий и обязательных элементов правового режима платформенных сервисов, которые не могли бы произвольно изменяться регламентами или пользовательскими соглашениями [1, с. 22].

Рамочный Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» задает общие принципы функционирования информационных систем, распределение ролей операторов и пользователей, а также требования к защите информации [14]. В сфере цифровизации малого и среднего предпринимательства именно данный закон служит правовой основой для использования государственных информационных систем и платформ в качестве инструмента осуществления публичных функций, что, в свою очередь, обусловливает необходимость процедурного регулирования вопросов доступа, идентификации и фиксации юридически значимых действий в цифровой среде.

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» формирует механизм доверия к электронным документам, но одновременно создает для субъектов МСП издержки, связанные с приобретением и сопровождением средств подписи, управлением ключами и ответственностью за компрометацию [16]. Следствием этого становится требование пропорциональности: при переводе мер поддержки и процедур в полностью электронный формат должны быть предусмотрены доступные альтернативы подписания, понятные регламенты восстановления доступа и фиксация обстоятельств технических сбоев.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет допустимые цели обработки, требования к правовым основаниям и мерам защиты данных [15]. Для цифровых сервисов поддержки МСП ключевым становится разграничение ответственности между оператором платформы, государственными органами и иными участниками экосистемы, поскольку ошибка в определении ролей и оснований обработки порождает риски как для предпринимателя, так и для государства. Возможный подход к решению, на наш взгляд, предполагает закрепление в отраслевом регулировании перечня минимально необходимых категорий данных, целей обработки и процедур предоставления субъекту МСП информации об обработке и способах реализации его прав.

Кроме того, на цифровую трансформацию малого бизнеса влияют и иные акты. Например, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», обязывающий предпринимателей использовать цифровые каналы идентификации клиентов и системы мониторинга операций [17]. Для МСП это означает необходимость внедрения решений, способных фиксировать и хранить данные о финансовых транзакциях.

Препятствием для цифровизации выступает и блок требований, связанных с противодействием легализации доходов. При использовании сервисов дистанционного открытия счетов, онлайн-расчетов и различных финансово-технологических инструментов предприниматели сталкиваются с процедурами идентификации и контроля операций. Если при этом отсутствуют единообразные разъяснения и налаженные цифровые способы взаимодействия с кредитными организациями, ограничения по операциям могут восприниматься как необоснованные, что ослабляет заинтересованность в использовании легальных цифровых форм взаимодействия.

Существенная часть правового регулирования определяется стратегическими документами. Так, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» определяет цели и направления формирования ИТ-инфраструктуры и цифровых платформ, в том числе доступность цифровых сервисов для малого бизнеса. Аналогичные задачи поставлены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утверждённой Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, где прямо закреплено «обеспечение доступности электронных форм коммерческих отношений для предприятий малого и среднего бизнеса» [10].

Стратегические документы определяют общие направления развития, однако сами по себе не могут заменить правового регулирования. Проблема их реализации проявляется в несоответствии между заявленными цифровыми сервисами и фактически действующими административными процедурами, которые по-прежнему основываются на разрозненных ведомственных требованиях. Для преодоления такой несогласованности необходимо перевести ключевые процедуры предоставления мер поддержки в форму стандартизированных административных регламентов, в которых заранее будут закреплены перечень необходимых документов, сроки рассмотрения, основания для отказа и порядок обжалования.

Особое значение имеет и согласование стратегий цифровизации с правовыми режимами защиты данных и обеспечения конкуренции. Если государственная платформа фактически становится посредником в доступе к мерам поддержки или закупкам, правила ее функционирования должны быть ясными, предсказуемыми и исключающими дискриминацию участников. Это, в свою очередь, требует создания механизмов публичной отчетности и внешнего контроля за изменением регламентов и алгоритмов, чтобы достижение стратегических целей не сопровождалось ослаблением правовых гарантий для участников рынка.

Фрагментарность правового регулирования цифровизации МСП проявляется в нескольких плоскостях. Во-первых, отсутствуют единые подходы к понятию платформенных сервисов поддержки и к юридическому статусу оператора, что затрудняет квалификацию его обязанностей и ответственности. Во-вторых, не закреплены универсальные стандарты рассмотрения заявок, фиксации технических инцидентов и досудебного обжалования результатов цифровых процедур. В-третьих, на институциональном уровне сохраняется неоднородность ведомственных регламентов и региональных практик, что снижает сопоставимость условий доступа к поддержке. Наконец, требования, связанные с соблюдением обязательных правил в цифровой сфере (в числе которых использование электронной подписи, обработка персональных данных, обеспечение информационной безопасности, идентификация), возлагаются на субъекты малого и среднего предпринимательства без должного учета их ограниченных ресурсов, что в итоге приводит к несоразмерной регуляторной нагрузке.

Устранение указанных проблем требует, на наш взгляд, установления минимальных процедурных гарантий на уровне Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также согласования регламентов платформенных сервисов с принципами правовой определенности, недискриминационного подхода и соразмерности вмешательства в предпринимательскую деятельность. В качестве первоочередного направления представляется целесообразным уточнение правового режима Цифровой платформы МСП, поскольку именно в рамках этой инфраструктуры сосредоточены основные риски, связанные с

доступом к мерам поддержки и иным цифровым сервисам [2, с. 7].

Для поддержки малого бизнеса в государственном управлении активно используются цифровые платформы. Показательным является сегмент закупок. Так, правовой режим Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» создал условия для развития «витрин» и иных сервисов, с помощью которых субъекты малого и среднего предпринимательства могут находить и заключать контракты с корпоративными и публичными заказчиками, снижая издержки взаимодействия и расширяя рынок сбыта [11]. В свою очередь, региональная инфраструктура «Мой бизнес» делает такие сервисы более доступными для предпринимателя, предлагая понятный интерфейс и навигацию по требованиям участия [3].

Отдельное значение имеет вопрос о допустимых пределах автоматизации принимаемых решений. При адресном подборе поставщиков или формировании рекомендаций по мерам поддержки алгоритмические механизмы способны оказывать непосредственное влияние на экономическое положение предпринимателя [5, с. 92]. В связи с этим представляется юридически обоснованным установление минимальных требований к понятности таких решений, фиксации совершаемых действий в специальных журналах, а также к обеспечению возможности получения мотивированного ответа в случае оспаривания результата подбора или отказа в доступе к сервису.

Вместе с тем именно применительно к Цифровой платформе МСП, которая фактически выступает центральным элементом системы государственной поддержки, сохраняются недостатки правового регулирования. Статья 16.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» закрепляет существование платформы, механизмы подбора поставщиков, исполнителей и подрядчиков, а также возможность дистанционного предоставления мер поддержки, однако не определяет публично-правовой статус самой платформы и ее оператора, не устанавливает требования к качеству сервиса, процедурных гарантий для предпринимателя и минимальных условий прозрачности правил адресного подбора [19, с. 110].

Кроме того, платформа неизбежно подпадает под действие законодательства о персональных данных, выступая в качестве оператора либо уполномоченного обработчика. По этой причине представляется необходимым на нормативном уровне определить перечень обрабатываемых категорий данных, цели и сроки их хранения, требования к уровням защищенности и минимально необходимым организационным и техническим мерам, а также порядок взаимодействия с внешними сервисами идентификации и подписания документов [6].

С учетом возрастающей роли платформ в экономике на сегодняшний день актуализируется необходимость включения в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» специальной главы, посвященной платформенному регулированию, с закреплением статуса оператора, требований к прозрачности алгоритмов, порядка досудебного обжалования, к режимам защиты данных и конкуренции [13].

Цифровизация меняет и административные процедуры, связанные с деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства. Так, использование электронного документооборота и электронной подписи придало юридическую силу дистанционному совершению большинства ключевых действий предпринимателя. Вместе с тем предприниматель должен обеспечить надлежащее хранение электронных документов, разграничение доступа к ним, управление ключами и средствами квалифицированной электронной подписи, документирование процессов обработки персональных данных, внедрение необходимых мер защиты. Нарушение требований к электронному документообороту и квалифицированной электронной подписи может повлечь отказ в признании юридически значимых действий, претензии со стороны регулирующих органов и имущественные потери.

Основные риски в данной сфере связаны с обеспечением безопасности и обращением с данными. При этом многие субъекты малого и среднего предпринимательства не подпадают под специальный режим защиты критической информационной инфраструктуры и не располагают ресурсами для создания полноценных систем управления информационной безопасностью. В научной литературе неоднократно подчеркивались фрагментарность понятийного аппарата и отсутствие единых базовых стандартов безопасности, специально приспособленных к возможностям малого бизнеса. В результате правоприменительная и организационная практика нередко выстраивается по образцу режимов, действующих в сфере персональных данных, критической информационной инфраструктуры и ведомственного регулирования, что в ряде случаев оказывается чрезмерно сложным и затратным [20, с. 73].

С точки зрения конкурентного права значение приобретает вопрос о том, могут ли правила функционирования платформы фактически создавать преимущества для отдельных категорий поставщиков или, напротив, ограничивать доступ к закупочным сервисам. При доминирующем положении цифрового посредника даже технические параметры его работы способны влиять на структуру рынка. Следовательно, правовой режим платформы должен предусматривать недискриминационные условия доступа и такие процедурные механизмы, которые позволяли бы проверять соблюдение принципа равенства возможностей для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Использование маркетплейсов, облачных конструкторов и платформенных сервисов порождает вопросы об интеллектуальной собственности, то есть принадлежности прав на контент, базы данных и результаты, созданные в рамках соответствующей цифровой среды. При этом формальное согласие с условиями пользовательских соглашений может привести к непреднамеренной передаче прав и утрате коммерчески значимых результатов [9, с. 67].

С учетом выявленных проблем и пробелов правового регулирования представляется возможным перейти к формулированию предложений, направленных на совершенствование правового режима Цифровой платформы МСП и укрепление процессуальных гарантий для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Так, целесообразным дополнить Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» положениями, устанавливающими минимально необходимое содержание правового режима Цифровой платформы МСП. В частности, предлагается закрепить, что оператором платформы является «уполномоченная организация, определяемая Правительством Российской Федерации, на которую возлагаются обязанности по обеспечению функционирования платформы, ведению журналов юридически значимых действий и предоставлению пользователям сведений о правилах работы сервисов».

К числу обязательных положений регламента платформы предлагается отнести: 1) требования к качеству сервиса, в том числе сроки рассмотрения обращений, уровень доступности и порядок уведомления о регла-

ментных работах и инцидентах; 2) порядок фиксации технических сбоев и определения их последствий для сроков предоставления мер поддержки; 3) досудебную процедуру обжалования отказов и результатов автоматизированных процедур с обязанностью оператора дать мотивированный ответ; 4) минимальные требования к прозрачности алгоритмических решений, влияющих на доступ к мерам поддержки или ранжирование предложений; 5) разграничение полномочий и ответственности при обработке персональных данных. При этом технические особенности функционирования сервисов могут оставаться предметом подзаконного регулирования, однако пределы такой конкретизации должны определяться процессуальными гарантиями для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровизация уже изменила механизм правового регулирования МСП, прежде всего благодаря переводу доступа к мерам поддержки и рынкам закупок в платформенный формат. Для снижения нагрузки и повышения предсказуемости цифровых обязанностей субъектов МСП целесообразно установить пропорциональные минимальные требования к электронному документообороту, электронной подписи и обработке данных, единые требования к пользовательским соглашениям и регламентам государственных платформ. Минимальный перечень сведений, доступный предпринимателю до подачи заявки, должен включать перечень запрашиваемых данных, сроки рассмотрения, основания отказа, порядок исправления ошибок и каналы коммуникации при технических сбоях. Полагаем, что введение таких стандартов позволит снизить правовую неопределенность и обеспечить сопоставимость практик в регионах и ведомствах.

Литература

1. Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29.
2. Малько А. В., Солдаткина О. Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.
3. Официальная информация центров «Мой бизнес»: «Витрина закупок малого объёма по 223-ФЗ» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.mb31.ru/press/o-cifrovoj-platforme-msp (дата обращения: 12.01.2026).
4. Панов А. Б. О малозначительности административных правонарушений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 68–86.
5. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
6. Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в ИСПДн» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. (дата обращения: 12.01.2026).
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17.
8. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 11–18.
9. Томилина С. А., Князев Е. В., Захарова О. В. Защита интеллектуальных прав в условиях цифровой экономики // Финансовые рынки и банки. 2022. № 12. С. 66–70.
10. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
11. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
12. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
13. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
16. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
17. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2026).
18. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.
19. Ягофарова И. Д. Особенности правового регулирования цифровизации малого и среднего бизнеса в России // Бюллетень инновационных технологий. 2021. Т. 5. № 2(18). С. 107–110.
20. Яковлева А. В. Кибербезопасность и её правовое регулирование (зарубежный и российский опыт) // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 4. С. 70–81.

The impact of digitalization on the mechanism of legal regulation of small business

Galin I.M.

Ufa university of science and technology

The digital transformation of support measures for small and medium-sized enterprises is shaping a new set of public-law relations in which the legal significance of an entrepreneur's actions is ensured through digital identification, electronic document management, and data processing within state and quasi-state information systems. The purpose of the study is to identify gaps and conflicts in the regulation of SME digitalization and to develop proposals for their elimination. The methodological basis of the study includes a formal legal analysis of the provisions of Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 «On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation» and the general digital legal regimes, as well as a systematic analysis of the interrelation between the support platform, administrative procedures, and compliance requirements. It is established that the main difficulty lies not in the absence of the term "digitalization" in the basic law, but in the insufficient legal regulation of publicly significant procedures of platform services, in particular the determination of the operator's status, service quality requirements, the transparency of algorithmic decision-making, the procedure for recording technical failures, and pre-trial appeal mechanisms. The article proposes a model for improving legislation aimed at ensuring procedural guarantees and the proportionality of digital obligations imposed on small and medium-sized businesses, including by clarifying the requirements for the regulations of the SME Digital Platform.

Keywords: small and medium-sized entrepreneurship, digital transformation, SME Digital Platform, administrative procedures, electronic signature,

digital identification, personal data, algorithmic decision-making, legal certainty.

References

1. Zaloilo M. V. Operezhayushchiy kharakter pravotvorchestva i problema sinkhronizatsii pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2019. № 9. S. 20–29.
2. Mal'ko A. V., Soldatkina O. L. Prioritety rossiyskoy pravovoy politiki i izmeneniya prava v usloviyakh tsifrovizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. 2019. № 9. S. 5–19.
3. Ofitsial'naya informatsiya tsentrov «Moy biznes»: «Vitrina zakupok malogo ob"yoma po 223-FZ» // [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.mb31.ru/press/o-cifrovoj-platforme-msp (data obrashcheniya: 12.01.2026).
4. Panov A. B. O maloznachitel'nosti administrativnykh pravonarusheniy // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2012. № 2. S. 68–86.
5. Ponkin I. V., Red'kina A. I. Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 1. S. 91–109.
6. Prikaz FSTEK Rossii ot 18 fevralya 2013 g. № 21 «Ob utverzhdenii Sostava i soderzhaniya organizatsionnykh i tekhnicheskikh mer po obespecheniyu bezopasnosti personal'nykh dannykh pri ikh obrabotke v ISPDn» // Konsul'tantPlyus [Elektronnyy resurs]. (data obrashcheniya: 12.01.2026).
7. Talapina E. V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 2 (254). S. 5–17.
8. Tanimov O. V. Transformatsiya pravootnosheniy v usloviyakh tsifrovizatsii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2020. № 2. S. 11–18.
9. Tomilina S. A., Knyazev E. V., Zakharova O. V. Zashchita intellektual'nykh prav v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki // Finansovye rynki i banki. 2022. № 12. S. 66–70.
10. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
11. Federal'nyy zakon ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ «O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lits» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
12. Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2007 g. № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federatsii» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
13. Federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ «O zashchite konkurentsii» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
14. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
15. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
16. Federal'nyy zakon ot 6 aprelya 2011 g. № 63-FZ «Ob elektronnoy podpisi» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
17. Federal'nyy zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putyom, i finansirovaniyu terrorizma» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Elektronnyy resurs]. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.01.2026).
18. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 1 (253). S. 85–102.
19. Yagofarova I. D. Osobennosti pravovogo regulirovaniya tsifrovizatsii malogo i srednego biznesa v Rossii // Byulleten' innovatsionnykh tekhnologiy. 2021. T. 5. № 2(18). S. 107–110.
20. Yakovleva A. V. Kiberbezopasnost' i eyo pravovoe regulirovanie (zarubezhnyy i rossiyskiy opyt) // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2021. T. 11. № 4. S. 70–81.

Гражданско-правовые последствия признания муниципальных контрактов недействительными: реституция, добросовестность и распределение рисков

Стамплевский Антон Владимирович
Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тверской области, tgfpmp@gmail.com,

Гольдвирт Елизавета Константиновна
руководитель аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Новгородской области, elizabet_g@inbox.ru

В статье исследуются гражданско-правовые последствия признания муниципальных контрактов недействительными вследствие нарушения порядка определения поставщика, предусмотренного Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Анализируется соотношение статей 167, 168, 10 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте споров о взыскании денежных средств по фактически исполненным контрактам.

Обосновывается, что признание контракта ничтожным направлено на защиту публичного интереса, однако само по себе не предопределяет характер имущественных последствий. Раскрывается восстановительная природа реституции как базовой модели последствий недействительности сделки, предполагающей эквивалентность встречных предоставлений сторон.

Формулируется вывод о том, что взыскание денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика допустимо лишь при доказанности недобросовестного поведения исполнителя, включая участие в обходе конкурентных процедур либо злоупотребление правом. В отсутствие таких обстоятельств применение последствий, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, не соответствует правовой природе последствий недействительности сделки, закреплённых в статье 167 ГК РФ.

Предлагается подход к разграничению последствий недействительности сделки и неосновательного обогащения с учётом их функциональной и нормативной природы. Обосновывается модель распределения рисков, в соответствии с которой риск процедурных нарушений закупки возлагается на заказчика как субъекта, осуществляющего контроль за процедурой, при отсутствии доказанного участия исполнителя в нарушении.

Сделан вывод о необходимости дифференцированного правоприменения, исключающего автоматическое применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию.

Ключевые слова: муниципальный контракт, недействительность сделки, ничтожность сделки, реституция, неосновательное обогащение, добросовестность, публичный интерес, распределение рисков, контрактная система, одностороннее имущественное взыскание.

Введение

В последние годы в арбитражной практике получила развитие категория споров, связанных с признанием недействительными (ничтожными) муниципальных и государственных контрактов, заключённых по основаниям, предусмотренным пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ). Значительная часть подобных споров инициируется прокурорами в интересах публично-правовых образований и сопровождается требованиями о применении последствий недействительности сделки в виде взыскания с поставщика (подрядчика, исполнителя) всей суммы полученного вознаграждения.

Формально предметом судебного контроля выступает соблюдение заказчиком процедуры определения поставщика. Вместе с тем содержание соответствующих правовых конфликтов не сводится исключительно к оценке процессуальной корректности осуществления закупки. В центре спора оказывается вопрос о допустимости взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика в отсутствие установленных судом обстоятельств недобросовестности исполнителя.

Таким образом, исследуемая проблема носит межотраслевой характер и затрагивает фундаментальные категории гражданского права: природу ничтожности сделки, содержание и пределы реституции, соотношение институтов недействительности сделки и неосновательного обогащения, а также принцип добросовестности участников гражданского оборота [11, 12].

Особую значимость исследуемой проблеме придаёт отсутствие единообразия судебной практики. В одних случаях суды исходят из необходимости применения двусторонней реституции либо отказа в применении последствий недействительности при отсутствии доказанной недобросовестности исполнителя. В иных случаях, признавая контракт ничтожным, суды квалифицируют полученные исполнителем денежные средства как неосновательное обогащение и взыскивают их в полном объёме, ссылаясь на положения главы 60 ГК РФ и пункт 4 статьи 1109 ГК РФ.

Сложившаяся практика свидетельствует о наличии методологического расхождения между публично-правовой оценкой нарушения законодательства о контрактной системе и частноправовыми принципами распределения имущественных последствий недействительности сделки. Ничтожность контракта, изначально призванная служить инструментом защиты публичного интереса, в ряде случаев используется как основание для взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика, что в отсутствие доказанной недобросовестности исполнителя вступает в противоречие с правовой природой института недействительности сделки.

Предметом настоящего исследования выступает проблема допустимости трансформации института ничтожности публичного контракта в механизм взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у публичного заказчика при отсутствии установленного злоупотребления правом либо антиконкурентного соглашения.

Постановка указанного вопроса требует обращения к доктринальным основаниям недействительности сделки и реституции, а также к анализу соотношения специальных норм законодательства о контрактной системе с общими положениями гражданского права.

Для достижения указанной цели в статье анализируется доктринальное понимание института недействительности сделки, исследуется соотношение положений статей 167 и 1109 ГК РФ, оценивается значение принципа добросовестности в распределении имущественных последствий, рассматривается судебная практика арбитражных судов и формулируется модель дифференцированного правоприменения.

Научная новизна исследования заключается в обосновании разграничения публично-правовой оценки процедурного нарушения законодательства о контрактной системе и частноправовых последствий недействительности сделки, а также в формулировании критериев, позволяющих дифференцировать случаи допустимой реституции и недопустимого взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика в контексте правоприменительной практики. В отличие от подходов, сводящих проблему к квалификации сделки как ничтожной либо к вопросу о наличии неосновательного обогащения, в настоящем исследовании предлагается рассматривать последствия недействительности через призму распределения рисков, сферы контроля процедурного дефекта и доказанности субъективного элемента поведения сторон.

Практическое значение предлагаемого подхода состоит в выработке критериев, позволяющих судам разграничивать случаи, в которых признание контракта недействительным влечёт исключительно устранение его юридической силы, и случаи, в которых допустимо возложение на исполнителя неблагоприятных имущественных последствий, включая взыскание денежных средств при сохранении результата исполнения у заказчика при доказанном недобросовестном участии в обходе закона.

Исследование основано на анализе положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 44-ФЗ, судебной практики арбитражных судов Тверской и Новгородской областей, а также на трудах отечественных цивилистов (Е.А. Суханова, Р.С. Бевзенко, А.Г. Карапетова, С.В. Сарбаша, К.И. Егорова, А.В. Коновалова и др.).

Методологическую основу работы составляют формально-юридический метод, метод системного толкования норм права, сравнительный анализ судебной практики и метод правового моделирования.

1. Ничтожность муниципального контракта: публичный интерес и пределы его защиты

В силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона и одновременно посягающая на публичные интересы либо права и законные интересы третьих лиц, является ничтожной, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться иные последствия нарушения.

В сфере контрактной системы публичный интерес выражается в обеспечении конкуренции, прозрачности закупок, рационального использования бюджетных средств, а также в предотвращении коррупционных и антиконкурентных практик. Нарушение порядка определения поставщика, предусмотренного Законом № 44-ФЗ, в судебной практике нередко квалифицируется как посягательство на указанные публичные ценности [5].

Признание контракта ничтожным в подобной ситуации направлено на устранение юридического эффекта сделки, заключённой с нарушением императивных требований закона. Тем самым реализуется охранительная функция гражданского права, направленная на обеспечение соответствия гражданского оборота императивным требованиям правопорядка [11].

Однако признание сделки ничтожной не тождественно установлению недобросовестности её участников [13]. Ничтожность возникает в силу самого факта несоответствия сделки императивным требованиям закона и не предполагает автоматического вывода о наличии противоправной цели либо злоупотребления правом со стороны каждой из сторон [12].

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для последующего определения имущественных последствий недействительности сделки.

В российской цивилистической доктрине недействительность сделки традиционно рассматривается как средство защиты правопорядка, а не как мера гражданско-правовой ответственности [12]. Недействительность устраняет юридическую силу волеизъявления, противоречащего закону, но не преследует цели наказания стороны за допущенное нарушение.

Цель института недействительности заключается в восстановлении правового положения, существовавшего до совершения порочной сделки, либо в приведении имущественного положения сторон в состояние, максимально приближенное к исходному [11]. Именно поэтому последствия недействительности сделки регламентируются статьёй 167 ГК РФ как восстановительные по своей природе, а не санкционные.

Следовательно, признание муниципального контракта ничтожным по основанию нарушения процедуры закупки направлено на охрану публичного интереса, однако само по себе не предопределяет характер имущественных последствий для каждой из сторон. Вопрос о применении реституции и её объёме подлежит самостоятельной оценке с учётом принципов гражданского права, включая добросовестность, равенство участников оборота и недопустимость извлечения преимущества из незаконного поведения.

На стадии определения последствий недействительности возникает ключевая теоретическая проблема — допустима ли трансформация защиты публичного интереса, реализуемой через признание сделки ничтожной, в одностороннее имущественное взыскание с частного контрагента при сохранении у публичного образования результата исполнения [12].

Разрешение данного вопроса невозможно без обращения к природе реституции как самостоятельного гражданско-правового института, что требует отдельного анализа.

2. Реституция как восстановительный механизм: природа и пределы применения

В соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возврата в натуре — возместить его стоимость, если иные последствия недействительности не предусмотрены законом. Данная норма закрепляет базовую модель двусторонней реституции как общее правило последствий недействительности сделки.

В цивилистической доктрине реституция традиционно рассматривается как восстановительный институт, направленный на возвращение сторон в первоначальное имущественное положение (status quo ante) [11]. Её содержание определяется не идеей наказания стороны, допустившей нарушение, а принципом эквивалентности и устранения правового основания, на котором происходил обмен имущественными предоставлениями [14].

Исторически реституция восходит к римско-правовой конструкции restitutio in integrum, предполагающей восстановление нарушенного правового состояния. Современное российское регулирование развивает данную идею, закрепляя двусторонний характер реституции как презумпцию. Взаимность возврата обусловлена тем, что недействительная сделка, несмотря на отсутствие юридической силы, может повлечь фактическое перемещение имущественных благ, которое подлежит корректировке с точки зрения правопорядка.

Существенным признаком реституции является её симметричность: каждая сторона возвращает полученное. Если предоставление невозможно возвратить в натуре (например, когда речь идёт о выполненной работе или оказанной услуге), применяется денежная компенсация стоимости встречного предоставления. Данный механизм направлен на исключение неэквивалентного перераспределения имущественных благ [14].

В судебной практике высших судебных инстанций (в частности, в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации) неоднократно подчёркивалось, что при исполнении недействительной сделки взаимные предоставления предполагаются равными, пока не доказано иное. Это означает, что презумпция эквивалентности лежит в основе применения статьи 167 ГК РФ. Отступление от данной презумпции требует наличия специальных оснований, прямо предусмотренных законом либо вытекающих из характера нарушения.

Таким образом, реституция по своей природе является инструментом восстановления имущественного баланса, а не механизмом санкционного воздействия.

Общее правило двусторонней реституции может быть ограничено в строго определённых случаях. Гражданское законодательство предусматривает возможность применения иных последствий недействительности сделки, если они прямо установлены законом (например, статья 169 ГК РФ), либо если применение реституции будет противоречить основам правопорядка или нравственности (пункт 4 статьи 167 ГК РФ).

Указанные исключения носят ограничительный характер и подлежат узкому толкованию [12]. Они предполагают наличие обстоятельств, свидетельствующих о противоправной цели сделки либо о грубом злоупотреблении правом со стороны её участников. Применение иных последствий не может выводиться из общих соображений целесообразности либо из самой по себе ничтожности сделки [5].

В контексте муниципальных контрактов, признанных ничтожными по основанию нарушения процедуры закупки, возникает вопрос: достаточно ли самого факта процедурного дефекта для отступления от двусторонней модели реституции?

Если признание сделки ничтожной обусловлено нарушением порядка определения поставщика, но при этом отсутствуют доказательства антиконкурентного соглашения, представления недостоверных сведений или иного злоупотребления правом со стороны исполнителя, отступление от симметричной модели реституции допустимо только при наличии специального обоснования.

В противном случае институт недействительности сделки утрачивает свой восстановительный характер и трансформируется в механизм перераспределения имущественных потерь в пользу одной из сторон — публичного образования, что не в полной мере согласуется с правовой природой статьи 167 ГК РФ.

Особое значение в рассматриваемой категории дел приобретает ситуация, когда результат исполнения (работы, услуги) объективно не может быть возвращён в натуре и уже используется публичным субъектом в общественно значимых целях. В таких условиях применение двусторонней реституции предполагает обязанность заказчика возместить стоимость полученного результата. Отказ в таком возмещении при сохранении результата у заказчика приводит к формированию одностороннего имущественного результата, не обусловленного принципом эквивалентности.

Следовательно, сам по себе факт ничтожности сделки не является основанием для одностороннего имущественного взыскания.

В практике рассмотрения споров о недействительности муниципальных контрактов нередко применяется конструкция неосновательного обогащения, основанная на положениях главы 60 ГК РФ. Суды, признавая контракт ничтожным, квалифицируют полученные исполнителем денежные средства как приобретённые без правового основания и применяют нормы статьи 1102 ГК РФ с учётом ограничений, предусмотренных статьёй 1109 ГК РФ [7-10].

Однако такое применение требует осторожного доктринального анализа.

В соответствии со статьёй 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении применяются к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке, если иное не вытекает из существа отношений. Данная норма указывает на субсидиарный характер главы 60 ГК РФ по отношению к специальному регулированию последствий недействительности сделки [15].

Существо реституционных отношений заключается в восстановлении имущественного положения сторон, а не в установлении факта безосновательного приобретения имущества в классическом смысле статьи 1102 ГК РФ [12]. Реституция возникает как прямое следствие признания сделки недействительной и регулируется специальной нормой — статьёй 167 ГК РФ. Следовательно, обращение к институту неосновательного обогащения возможно лишь в той части, в какой специальные правила не содержат необходимых указаний.

Применение пункта 4 статьи 1109 ГК РФ, исключающего возврат неосновательного обогащения при осведомлённости лица об отсутствии обязательства, предполагает установление конкретных обстоятельств, свидетельствующих о знании получателя денежных средств о порочности основания [15]. Перенос данной конструкции на сферу реституции по недействительной сделке не может осуществляться автоматически.

В противном случае возникает риск подмены правовой квалификации: вместо оценки характера реституционных последствий осуществляется оценка субъективного отношения стороны к заключению сделки, что придаёт восстановительному механизму элементы санкционного воздействия. Разграничение реституции и неосновательного обогащения в этой связи имеет принципиальное значение для определения характера возникающих имущественных последствий. От правильного выбора применимого института зависит вывод о допустимости одностороннего имущественного взыскания и соответствии решения базовым началам гражданского законодательства.

3. Соотношение статей 167 и 1109 ГК РФ и пределы одностороннего имущественного взыскания

Статья 167 ГК РФ представляет собой специальную норму, непосредственно регулирующую последствия недействительности сделки. Системное толкование данной нормы в совокупности с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что ничтожность сделки и её последствия образуют единую конструкцию, в рамках которой обязанность возврата возникает непосредственно из предписания закона о последствиях недействительности [11]. Это означает, что соответствующее реституционное требование не основывается на отсутствии правового

основания в момент передачи имущества, а возникает вследствие признания сделки недействительной [12].

Данное обстоятельство отличает реституцию от классического неосновательного обогащения. В последнем случае правовое основание изначально отсутствует или отпадает независимо от признания сделки недействительной. В реституции же основанием является специальное предписание закона о возврате при недействительности.

Именно поэтому применение главы 60 ГК РФ возможно лишь постольку, поскольку специальные нормы о последствиях недействительности не регулируют конкретную ситуацию [15].

Пункт 4 статьи 1109 ГК РФ устанавливает, что не подлежат возврату денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата, знало об отсутствии обязательства.

Данная норма направлена на предотвращение злоупотребления правом со стороны лица, сознательно исполнившего несуществующее обязательство [13]. Она предполагает доказанную осведомлённость о юридической порочности основания и направлена на защиту устойчивости гражданского оборота от недобросовестных притязаний.

Однако в делах о признании муниципальных контрактов ничтожными по основанию нарушения порядка закупки в судебной практике встречаются случаи расширительного толкования данной нормы [7–10]. Осведомлённость исполнителя о порочности сделки выводится судами из его «профессионального статуса» участника закупочной деятельности, что фактически формирует презумпцию знания им всех процедурных дефектов, допущенных заказчиком.

Такой подход вызывает дискуссию в доктрине и правоприменительной практике с точки зрения системного толкования гражданского законодательства.

Во-первых, презумпция добросовестности участников гражданского оборота закреплена в пункте 5 статьи 10 ГК РФ. Отступление от неё допустимо лишь при наличии доказательств конкретных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом или ином недобросовестном поведении.

Во-вторых, знание закона не тождественно знанию конкретного нарушения процедуры закупки. Процедура определения поставщика организуется и контролируется заказчиком, в связи с чем возложение на исполнителя риска выявления допущенных заказчиком процедурных дефектов требует специального нормативного обоснования, которого действующее законодательство не содержит [14].

В-третьих, применение пункта 4 статьи 1109 ГК РФ к реституционным отношениям возможно лишь при условии доказанности осведомлённости о несуществовании обязательства в момент исполнения. В рассматриваемой категории дел обязательство формально возникло на основании заключённого контракта, который действовал до признания его ничтожным. Исполнитель осуществлял деятельность в рамках подписанного договора, а не в условиях очевидного отсутствия юридического основания.

Следовательно, квалификация полученных денежных средств как неосновательного обогащения на основании лишь факта ничтожности сделки без установления субъективной противоправной цели не соответствует буквальному и системному содержанию статьи 1109 ГК РФ.

В доктрине и судебной практике подчёркивается, что применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, допускается в строго определённых случаях, например, при совершении сделки с противоправной целью (статья 169 ГК РФ) либо при доказанном злоупотреблении правом [12]. Однако указанные случаи связаны с прямо предусмотренными законом специальными последствиями либо с квалификацией сделки по статье 169 ГК РФ. Расширительное толкование данных исключений применительно к полностью исполненным муниципальным контрактам не вытекает непосредственно из текста статьи 167 ГК РФ и требует дополнительного нормативного обоснования, поскольку в противном случае возникает риск придания реституции элементов санкционного воздействия.

Применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию при отсутствии установленных обстоятельств недобросовестности, деформирует природу института недействительности сделки. Реституция превращается из механизма восстановления имущественного баланса в инструмент санкционного воздействия [11].

Особую значимость это приобретает в случаях, когда результат исполнения обладает общественно полезным характером и продолжает использоваться публичным образованием. Взыскание с исполнителя всей суммы полученного вознаграждения при сохранении результата у заказчика фактически приводит к возникновению у последнего имущественного преимущества, не основанного на эквивалентном встречном предоставлении.

Подобная ситуация вступает в противоречие с пунктом 4 статьи 1 ГК РФ, закрепляющим принцип недопустимости извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения. Если процедурное нарушение допущено заказчиком, именно на него возлагается риск правовых последствий его действий, при отсутствии доказательств участия исполнителя в обходе закона [14].

Таким образом, применение последствий недействительности сделки, влекущих одностороннее имущественное взыскание, в рассматриваемой категории дел допустимо лишь при установлении совокупности обстоятельств, свидетельствующих о совместном недобросовестном поведении сторон либо о сознательном участии исполнителя в антиконкурентной модели. В отсутствие таких обстоятельств данный подход не согласуется с восстановительной (компенсационной) природой последствий недействительности сделки, закреплённой в статье 167 ГК РФ.

4. Принцип добросовестности и распределение рисков в обязательствах с участием публичного субъекта

Принцип добросовестности, закреплённый в пункте 3 статьи 1 и пункте 5 статьи 10 ГК РФ, относится к числу фундаментальных начал гражданского законодательства. Его содержание выражается в требовании разумного и честного поведения участников гражданского оборота, запрете злоупотребления правом и недопустимости извлечения преимуществ из собственного неправомерного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

В современной доктрине добросовестность рассматривается как объективный стандарт поведения «разумного и осмотрительного участника оборота» [13]. При этом применение данного стандарта не допускает презумпции недобросовестности и предполагает установление конкретных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом либо сознательном участии лица в противоправной модели поведения.

В сфере публичных закупок принцип добросовестности носит взаимный характер и распространяется как на хозяйствующего субъекта — поставщика (подрядчика, исполнителя), так и на публичное образование, действующее через соответствующий орган. В соответствии со статьями 124–126 ГК РФ публичные образования участвуют

в гражданских правоотношениях на равных началах с иными субъектами. Заключая муниципальный контракт, орган местного самоуправления выступает как субъект гражданского права, а не как носитель властных полномочий.

Следовательно, публичное образование несёт гражданско-правовые последствия собственных действий на общих основаниях, если иное прямо не предусмотрено федеральным законом.

Процедура определения поставщика находится в сфере организационного и правового контроля заказчика: он выбирает способ закупки, формирует документацию, принимает решение о заключении контракта и обеспечивает соблюдение лимитов и иных требований законодательства о контрактной системе. Нарушение порядка определения поставщика относится к сфере организационного и правового контроля заказчика.

В теории обязательственного права распределение рисков связывается с критерием сферы контроля соответствующего обстоятельства [14]. Риск должен возлагаться на ту сторону, которая имела возможность предотвратить неблагоприятное последствие либо повлиять на его возникновение.

Применительно к муниципальным контрактам риск процедурного дефекта лежит на заказчике, тогда как риск представления недостоверных сведений или участия в антиконкурентном соглашении — на поставщике либо на обеих сторонах при доказанности их согласованных действий. Возложение на исполнителя всех имущественных последствий процедурного нарушения, допущенного заказчиком при отсутствии доказательств участия исполнителя в обходе закона, не соответствует общим подходам к распределению рисков в обязательственном праве и приводит к формированию модели ответственности, не основанной на вине исполнителя.

Ссылки на «профессиональный статус» участника закупочной деятельности как основание для вывода о его недобросовестности требуют осторожного подхода. Профессиональный характер деятельности предполагает обязанность проявлять разумную осмотрительность, однако не создаёт презумпции знания всех процедурных дефектов, допущенных заказчиком [13]. Признание подобной презумпции способно привести к смещению бремени доказывания и поставить под сомнение действие презумпции добросовестности, закреплённой в пункте 5 статьи 10 ГК РФ.

5. Судебная практика и методологическая проблема квалификации последствий ничтожности муниципального контракта

Анализ судебной практики последних лет позволяет выявить разнонаправленные подходы к определению имущественных последствий признания муниципальных контрактов ничтожными по основаниям нарушения статьи 93 Закона № 44-ФЗ.

В ряде дел суды исходят из восстановительной природы реституции и признают, что сама по себе ничтожность контракта не предопределяет применение модели, приводящей к одностороннему имущественному взысканию. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-920/2025 было указано, что отказ в компенсации подрядчику возможен лишь при установлении его недобросовестного поведения; если нарушение процедуры обусловлено действиями заказчика, а работы выполнены и приняты, одностороннее взыскание денежных средств не соответствует статье 167 ГК РФ [7].

Иной подход прослеживается в ряде решений арбитражных судов субъектов Российской Федерации, в частности по делам № А44-1131/2025 (Арбитражный суд Новгородской области) и серии дел Арбитражного суда Тверской области (например, № А66-9745/2024, № А66-9747/2024) [8–10]. В этих случаях контракт признавался ничтожным по мотиву искусственного дробления закупки, после чего полученные исполнителем денежные средства квалифицировались как неосновательное обогащение и взыскивались в полном объёме без самостоятельного анализа субъективного поведения подрядчика. При этом судебные акты апелляционной и кассационной инстанций исходили из установленной судом недобросовестности участников закупки и признали, что защита публичного интереса в условиях антиконкурентного поведения оправдывает применение последствий, приводящих к одностороннему имущественному взысканию.

Методологически значимым представляется то обстоятельство, что в отдельных судебных актах вывод о недобросовестности обосновывается множественностью контрактов как таковой либо профессиональным статусом исполнителя. При этом самостоятельного доказывания согласованных антиконкурентных действий либо злоупотребления правом, как правило, не производится.

Следует подчеркнуть, что в судебных актах, которыми удовлетворяются требования о взыскании денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика, суды исходят не только из формального установления процедурного нарушения, но и из вывода о недобросовестности участников закупки, выражающейся в согласованном поведении, направленном на обход конкурентных процедур. В подобных случаях суды рассматривают такие последствия как средство недопущения извлечения имущественной выгоды из противоправного поведения и защиты публичного интереса в сфере конкуренции.

Таким образом, различие правоприменительных подходов связано не столько с оценкой самого факта нарушения законодательства о контрактной системе, сколько с установлением либо неустановлением субъективного элемента поведения сторон.

С 1 января 2026 года частью 15 статьи 93 Закона № 44-ФЗ прямо закреплена возможность заключения нескольких контрактов в пределах установленных лимитов. Указанное положение не легализует обход конкурентных процедур, однако подтверждает, что множественность контрактов сама по себе не образует нарушения. Квалификация действий как антиконкурентных возможна лишь при наличии доказательств соглашения либо согласованных действий в понимании статьи 16 Федерального закона «О защите конкуренции».

Отсутствие самостоятельного анализа субъективного элемента и фактическое восполнение его презумпцией согласованности приводят к смешению публично-правовой оценки нарушения процедуры и частноправовых последствий недействительности сделки. В результате ничтожность контракта используется как основание для одностороннего имущественного взыскания без анализа поведения сторон.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

Признание муниципального контракта ничтожным по пункту 2 статьи 168 ГК РФ выступает инструментом защиты публичного интереса и устранения юридической силы сделки, заключённой с нарушением императивных требований законодательства о контрактной системе. Однако сама по себе ничтожность не предопределяет характер имущественных последствий.

Статья 167 ГК РФ закрепляет восстановительную модель последствий недействительности сделки, основан-

ную на принципе эквивалентности встречных предоставлений сторон. Отступление от базовой модели двусторонней реституции возможно лишь при наличии специальных оснований, прямо предусмотренных законом, либо при доказанности обстоятельств, свидетельствующих о противоправной цели сделки, что предполагает квалификацию в рамках специальных норм гражданского законодательства.

Применение положений статьи 1109 ГК РФ к отношениям по возврату исполненного по недействительной сделке носит субсидиарный характер и требует установления конкретной осведомлённости о несуществовании обязательства. Квалификация полученного вознаграждения как неосновательного обогащения не должна основываться исключительно на факте ничтожности контракта без установления предусмотренных законом условий её применения.

Принцип добросовестности и логика распределения рисков предполагают возложение неблагоприятных имущественных последствий на ту сторону, в сфере контроля которой находилось соответствующее нарушение. Процедурный дефект закупки относится к сфере организационного и правового контроля заказчика и не может автоматически влечь перераспределение имущественных потерь в пользу публичного образования при отсутствии доказанного участия исполнителя в обходе закона.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии методологической проблемы, выражающейся в смешении публично-правовой оценки процедурного нарушения и частноправовых последствий недействительности сделки. Подобная трансформация восстановительного института в механизм, выходящий за пределы его восстановительной правовой природы, способна нарушать баланс публичных и частных интересов. При этом разграничение восстановительных последствий недействительности и мер гражданско-правовой либо публично-правовой ответственности имеет принципиальное значение для обеспечения системности правового регулирования.

Применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, может быть признано допустимым только в тех случаях, когда установлено не только нарушение процедуры закупки, но и доказано недобросовестное участие исполнителя в обходе конкурентных процедур, выраженное в согласованных действиях с заказчиком, представлении недостоверных сведений либо ином злоупотреблении правом. При отсутствии таких обстоятельств и при фактическом принятии результата исполнения заказчиком применение такой модели не согласуется с компенсационным характером последствий недействительности сделки, закреплённых в статье 167 ГК РФ.

Возможные направления совершенствования правового регулирования

Выявленная неопределённость в соотношении статьи 167 ГК РФ и специальных норм законодательства о контрактной системе позволяет поставить вопрос о возможном нормативном уточнении последствий признания муниципального контракта недействительным.

С учётом оговорки пункта 2 статьи 167 ГК РФ («если иные последствия не предусмотрены законом») представляется оправданным рассмотрение вопроса о внесении в Закон № 44-ФЗ положения, предусматривающего специальное определение имущественных последствий в случаях, когда:

– исполнение фактически произведено и принято заказчиком;

– результат исполнения обладает общественно полезным характером;

– недобросовестность исполнителя не доказана;

– процедурное нарушение допущено заказчиком.

В таком случае законом может быть прямо закреплено, что при указанных условиях исполнитель сохраняет право на получение эквивалентного возмещения стоимости фактически выполненного и принятого исполнения при одновременном сохранении возможности применения иных мер ответственности к заказчику в публично-правовой сфере.

Подобное регулирование может рассматриваться как согласующееся с действующей системой гражданского законодательства, поскольку оно основывается на диспозитивной оговорке статьи 167 ГК РФ и не исключает возможности отказа в защите в случаях доказанного злоупотребления правом либо участия исполнителя в антиконкурентном соглашении.

Соответствующее нормативное уточнение способствовало бы обеспечению системности правоприменения, предотвращению неоправданного перераспределения имущественных последствий исключительно на сторону исполнителя и сохранению превентивного значения законодательства о контрактной системе без искажения восстановительной природы института недействительности сделки.

При этом введение специального регулирования имущественных последствий не должно рассматриваться как освобождение заказчика от публично-правовой ответственности за допущенные нарушения законодательства о контрактной системе, включая меры бюджетной, административной либо антимонопольной ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп., действующая редакция).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-920/2025.

8. Решение Арбитражного суда Новгородской области по делу № А44-1131/2025.

9. Решение Арбитражного суда Тверской области по делу № А66-9745/2024.

10. Решение Арбитражного суда Тверской области по делу № А66-9747/2024.

11. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. — М.: Статут, 2022. — 704 с.

12. Бевзенко Р. С. Недействительность сделок: современные проблемы теории и практики. — М.: Статут, 2013. — 336 с.

13. Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы ее ограничения. — М.: Статут, 2012. — 560 с.

14. Сарбаш С. В. Обязательства и ответственность за их нарушение. — М.: Статут, 2015. — 480 с.

15. Егоров К. И. Неосновательное обогащение в гражданском праве. — М.: Статут, 2014. — 368 с.

16. Коновалов А.В. Недействительность сделок: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. — 2016. — № 4.

Civil law consequences of invalidation of municipal contracts: restitution, good faith and risk allocation

Stamplevsky A.V., Goldvirt E.K.

Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Tver Region, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Novgorod Region

This article examines the civil law consequences of invalidation of municipal contracts concluded in violation of public procurement procedures under Federal Law No. 44-FZ governing public procurement. The study focuses on the interplay between Articles 167, 168, 10, and 1109 of the Civil Code of the Russian Federation in disputes concerning recovery of payments made under fully performed contracts.

The authors argue that the recognition of a contract as void serves primarily to protect public interests but does not, in itself, determine the allocation of property consequences between the parties. Restitution is conceptualized as a restorative mechanism aimed at re-establishing the balance of exchanged performances, rather than as a sanction.

A key finding of the study is that recovery of payments from the contractor, while the result of performance is retained by the public customer, is justified only where the contractor's bad faith is established, including participation in circumvention of competitive procedures or abuse of rights. In the absence of such elements, the application of one-sided property recovery contradicts the restorative nature of Article 167 of the Civil Code.

The article further develops a risk allocation framework, according to which procedural defects in procurement should be attributed to the public customer as the party controlling the procurement process, unless the contractor's involvement in the violation is proven. On this basis, the authors propose a differentiated approach to the application of restitution and unjust enrichment rules, aimed at ensuring doctrinal consistency and preventing the transformation of invalidity into a punitive mechanism.

Keywords: municipal contract, invalid transaction, restitution, unjust enrichment, good faith, public interest, risk allocation, public procurement, one-sided pecuniary recovery.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended and supplemented, current version).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ.
3. Federal Law of April 5, 2013, No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs."
4. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ "On the Protection of Competition."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation."
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts."
7. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District in Case No. A42-920/2025.
8. Decision of the Arbitration Court of the Novgorod Region in Case No. A44-1131/2025.
9. Decision of the Arbitration Court of the Tver Region in Case No. A66-9745/2024.
10. Decision of the Arbitration Court of the Tver Region in case No. A66-9747/2024.
11. Sukhanov E. A. Civil Law: Textbook: in 4 volumes. Vol. 1. - Moscow: Statut, 2022. - 704 p.
12. Bevzenko R. S. Invalidity of Transactions: Modern Problems of Theory and Practice. - Moscow: Statut, 2013. - 336 p.
13. Karapetyan A. G. Freedom of Contract and the Limits of Its Restriction. - Moscow: Statut, 2012. - 560 p.
14. Sarbash S. V. Obligations and Liability for Their Violation. - Moscow: Statut, 2015. - 480 p.
15. Egorov K. I. Unjust enrichment in civil law. - M.: Statut, 2014. - 368 p.
16. Konovalov A. V. Invalidity of transactions: problems of theory and practice // Business and Law. - 2016. - No. 4.

Исковая давность в решении корпоративных споров юридических лиц: средство защиты миноритарных акционеров и кредиторов

Грицук Александр Андреевич
аспирант юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», gritsalekc@yandex.ru

В статье исследуется двойственная роль института исковой давности в корпоративных правоотношениях. С одной стороны, он выступает как механизм обеспечения стабильности гражданского оборота, с другой — как инструмент защиты прав миноритарных акционеров и кредиторов, зачастую являющихся слабой стороной в споре. На основе анализа новейшей судебной практики Верховного Суда РФ за 2024-2025 годы, включая знаковые определения по групповым искам, восстановлению корпоративного контроля и оспариванию сделок в банкротстве, рассматриваются ключевые проблемы исчисления и применения сроков давности. Анализируются подходы судов к определению момента начала течения срока, применению пресекательных сроков и балансу между защитой от недобросовестных действий и необходимостью соблюдения установленных законом временных рамок для обращения в суд.
Ключевые слова: исковая давность, корпоративные споры, защита прав миноритарных акционеров, защита прав кредиторов, восстановление корпоративного контроля, оспаривание решений собраний, субсидиарная ответственность, общие и специальные сроки, стандарт «осмотрительности», стабильность гражданского оборота.

Введение

В условиях усложнения корпоративных структур и роста числа корпоративных конфликтов эффективная защита прав участников хозяйственных обществ становится одной из центральных задач правовой системы. Особую уязвимость в этих отношениях демонстрируют миноритарные акционеры и независимые кредиторы, которые в силу объективных причин (информационная асимметрия, отсутствие контроля) часто оказываются «слабой стороной» правоотношений.

Институт исковой давности, определяемый как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ), выполняет в этой системе двойственную роль. С одной стороны, он обеспечивает стабильность гражданского оборота, исключая возможность предъявления «вечных» требований. С другой — его формальное применение может стать непреодолимым препятствием для защиты прав, особенно когда информация о нарушении умышленно скрывалась.

Целью настоящей статьи является анализ применения норм об исковой давности в корпоративных спорах как инструмента защиты прав миноритарных акционеров и кредиторов. Исследование основывается на актуальной судебной практике Верховного Суда РФ за 2024–2025 годы, которая демонстрирует новые тенденции в толковании и применении норм об исковой давности [1, с. 45–67].

Общие и специальные сроки исковой давности в корпоративных спорах

Законодательство устанавливает как общий трёхлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ), так и ряд специальных, сокращённых сроков для корпоративных споров: два месяца для оспаривания решений общих собраний участников ООО (ч. 4 ст. 43 Закона об ООО); три месяца для оспаривания решений общих собраний акционеров (п. 7 ст. 49 Закона об АО); шесть месяцев для исков о возмещении убытков в связи с ненадлежащим определением цены принудительно выкупаемых акций (абз. 6 ч. 4 ст. 84.8 Закона об АО).

Ключевой проблемой правоприменения остаётся определение момента начала течения срока давности, который, согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ, начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком. Именно толкование оценочной категории «должно было узнать» находится в центре внимания судебной практики.

Как отмечает С. Е. Ерохина, «проблема исчисления сроков давности в корпоративных спорах усугубляется тем, что осведомлённость участника общества о нарушении права часто зависит от информационной политики самого общества: непрозрачность отчётности, задержки в публикации протоколов собраний и ограничение доступа миноритариев к документам искусственно смещают момент начала течения срока» [5, с. 115]. Это особенно актуально для закрытых акционерных обществ, где доступ к информации ограничен по определению.

В современной юридической доктрине развивается концепция «слабой стороны» частноправовых отношений, подразумевающая недостаточность фактических

возможностей лица для эффективной реализации принадлежащих ему субъективных прав. Миноритарные акционеры, обладающие незначительным пакетом акций, и кредиторы, особенно независимые, часто оказываются в таком положении. Признание их «слабой стороной» обусловливает необходимость применения специальных механизмов защиты, однако такая защита не может быть абсолютной и не должна полностью отменять принципы правовой определённости, что находит отражение в новейшей судебной практике [2, с. 22–34].

Защита прав миноритарных акционеров: стандарт осмотрительности и индивидуальный подход

Новейшая практика Верховного Суда РФ демонстрирует ужесточение стандарта должной осмотрительности для акционеров и одновременно индивидуализацию подхода к исчислению сроков давности [3, с. 78–95]. При этом суды принимают во внимание, что миноритарные акционеры объективно ограничены в доступе к информации: они не входят в органы управления, не участвуют в оперативном руководстве и зачастую получают сведения только из публичных источников или по запросу. Это создаёт дисбаланс в возможностях своевременного выявления нарушений, особенно если общество публикует протоколы собраний с задержкой, не направляет уведомления о проведении собраний надлежащим образом или ограничивает доступ к корпоративным документам.

Для споров о признании недействительными решений общего собрания установлены сокращённые сроки (два месяца для ООО и три для АО). Течение этого срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о принятом решении. Судебная практика последовательно формирует позицию, что участник общества обязан проявлять разумный интерес к его деятельности. Как отмечает О. Гентовт, при разрешении споров о восстановлении корпоративного контроля суды зачастую связывают начало течения срока исковой давности с моментом, когда лицо должно было узнать о выбытии актива, а именно — с датой проведения (либо последним возможным сроком для проведения) очередного годового общего собрания участников общества [4]. Такая жёсткость процессуальных сроков призвана стимулировать акционеров к постоянному мониторингу деятельности общества. На практике это означает, что миноритарии должны:

- регулярно проверять официальные источники раскрытия информации (например, сайт e-disclosure.ru для публичных обществ);
- своевременно запрашивать протоколы общих собраний и иные корпоративные документы;
- фиксировать даты получения информации — это может стать ключевым аргументом при определении начала течения срока давности.

Особую значимость в этом контексте имеет Определение ВС РФ № 305-ЭС24-9873 от 18 ноября 2024 г. Согласно позиции Суда, применение ст. 10 ГК РФ для блокирования заявления о пропуске срока давности является крайней мерой. Истцу надлежит доказать, что своевременная подача иска стала нереализуемой вследствие умышленных действий ответчика, направленных на создание помех правосудию. Как отмечает эксперт М. Ионцев, «по сути, Суд просто правильно применил соответствующую норму ст. 199 ГК РФ», подчеркнув, что пассивность истца, даже на фоне недобросовестности ответчика, не является основанием для игнорирования пропущенного срока [6].

Важный аспект защиты прав миноритариев при принудительном выкупе акций (squeeze-out) был затронут в Определении ВС РФ № 302-ЭС25-4810 от 31 октября 2025 г. СКЭС РФ: шестимесячный срок давности по искам о возмещении убытков исчисляется индивидуально для каждого члена группы. Течение срока начинается со дня, когда владелец ценных бумаг узнал о списании акций со своего счёта.

ВС РФ прямо указал: «Каждый из членов группы — миноритариев, полагающих, что его право нарушено, предъявляет самостоятельный прямой иск к мажоритарному акционеру». Как справедливо отмечает В. Ватаманюк, этот вывод разграничивает прямые групповые и косвенные иски [15]. М. Шевцова подчёркивает, что такой подход «отражает реальную природу группового иска в корпоративных спорах» и устраняет риск признания требований пропущенными по формальному критерию [15].

Такой подход имеет важные практические последствия:

- исключает риск массового пропуска сроков из-за опоздания одного из миноритариев;
- позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства осведомлённости каждого акционера (например, кто-то мог получить уведомление о списании акций позже из-за смены адреса);
- снижает нагрузку на суды за счёт распределения исков, а не их концентрации в одном производстве.

Одновременно это требует от миноритариев большей процессуальной активности: каждый должен самостоятельно отслеживать нарушения и своевременно обращаться в суд.

Таким образом, баланс между защитой миноритариев и стабильностью оборота достигается через:

- дифференциацию сроков давности (общие/специальные);
- индивидуальный учёт момента осведомлённости акционера;
- сохранение жёстких процессуальных требований к своевременности исков.

Это побуждает миноритариев быть более внимательными к деятельности общества, но одновременно даёт инструменты защиты в случаях умышленного сокрытия информации мажоритарными акционерами.

Исковая давность в делах о банкротстве как инструмент защиты кредиторов

В делах о несостоятельности исковая давность играет решающую роль в вопросах пополнения конкурсной массы.

В 2025 году судебная практика, как отмечает Я. Исканцев, окончательно закрепила строгий подход к применению предельного (объективного) десятилетнего срока исковой давности (п. 1 ст. 181, п. 2 ст. 196 ГК РФ) [6]. Тон задало Определение ВС РФ от 4 июля 2025 г. № 307-ЭС14–7082(15), где Суд подчеркнул, что течение срока начинается строго с даты совершения или регистрации сделки, а не с момента назначения управляющего. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации РФ от 1 октября 2025 г. № 304-ЭС19-19694(4) по делу № А45-26143/2015 подтверждено, что этот срок исчисляется с момента начала исполнения сделки, а не с даты введения процедуры банкротства. Этот подход исключает возможность манипулирования отсчётом срока в зависимости от стадии банкротства и снижает риски произвольного оспаривания сделок спустя много лет. Этот срок является пресекательным и не подлежит восстановлению, что создаёт абсолютный временной барьер для оспаривания «старых» сделок, обеспечивая стабильность оборота. Такая жёсткость защищает добросовестных контрагентов должника, но одновременно повышает требования к кредиторам: им необходимо заранее отслеживать потенциально проблемные сделки.

А. А. Кузнецов обращает внимание, что «жёсткое закрепление объективного срока давности в делах о банкротстве отражает приоритет стабильности гражданского оборота над интересами отдельных кредиторов. Однако такой подход требует от кредиторов повышенной бдительности: они должны отслеживать подозрительные сделки должника в течение десяти лет с момента их совершения, иначе утрачивают право на оспаривание» [7, с. 71]. Это ставит перед кредиторами задачу активного мониторинга деятельности должника задолго до возбуждения дела о банкротстве.

На практике это означает, что кредиторы должны:

- систематически проверять публичные реестры (ЕФРСБ, Картотека арбитражных дел, Федресурс);

- анализировать сделки должника на признаки предпочтительности или мнимости;

- фиксировать даты получения информации о подозрительных операциях — это может стать основанием для отсчёта субъективного срока давности.

Для сделок, исполнение которых началось до 1 сентября 2013 г. (дата вступления в силу соответствующих поправок в ГК РФ), десятилетний срок начал течь с 1 сентября 2013 г. и, соответственно, истёк 1 сентября 2023 г. Это создало абсолютный временной барьер для оспаривания «старых» сделок, обеспечив стабильность гражданского оборота даже в ущерб интересам кредиторов в конкретных делах о банкротстве [11, с. 112–125]. Данный подход демонстрирует, что законодатель сознательно жертвует интересами отдельных кредиторов ради общей стабильности оборота, признавая, что риски «давних» сделок должны оставаться на стороне кредиторов.

Кроме того, суды последовательно придерживаются позиции, что оспаривание сделок по общим основаниям (ст. 10, 168 ГК РФ) не должно использоваться для обхода специальных, более коротких, сроков исковой давности, установленных Законом о банкротстве, если в сделке отсутствуют пороки, выходящие за пределы диспозиций ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве (Обзор АС Дальневосточного округа) [9, с. 88–102]. Это предотвращает злоупотребления, когда кредиторы пытаются обойти жёсткие процессуальные сроки, предусмотренные банкротным законодательством, подменяя специальные основания оспаривания общими нормами о недействительности сделок.

Согласно ст. 61.14 Закона о банкротстве, для субсидиарной ответственности предусмотрен сложный порядок исчисления давности, где трёхлетний субъективный срок привязан к моменту обнаружения кредитором оснований для иска. Как разъяснено в Обзоре судебной практики ВС РФ от 19 ноября 2025, этот срок может быть восстановлен судом лишь в исключительных случаях [13, с. 78–92]. При этом суды учитывают:

- добросовестность кредитора (предпринимал ли он разумные меры для получения информации);

- доступность сведений (были ли данные скрыты или искажены должником);

- наличие объективных препятствий для своевременного обращения в суд.

Правоприменительная практика, в частности Постановление АС Уральского округа от 29.07.2024 по делу № А76-34622/2022, подтверждает: точкой отсчёта срока давности может выступать прекращение производства по делу о банкротстве в связи с нехваткой средств на его финансирование. Именно в этот момент неспособность должника погасить требования кредиторов становится очевидной [13, с. 78–92]. Вместе с тем судебная практика 2025 года окончательно подтвердила применение объективного десятилетнего срока (п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, п. 2 ст. 196 ГК РФ). Этот срок исчисляется с момента совершения вменяемых действий, носит пресекательный характер и не подлежит восстановлению. Это создаёт абсолютный временной барьер, исключая ответственность за действия более чем десятилетней давности, даже если процедура банкротства возбуждена позднее [6].

Анализ новейшей судебной практики позволяет сделать вывод, что институт исковой давности в корпоративных спорах эволюционирует в сторону установления чётких и предсказуемых правил, направленных на достижение баланса между защитой прав «слабых сторон» и обеспечением стабильности гражданского оборота [9, с. 88–102].

Ключевые тенденции:

- жёсткие объективные сроки отсекают давние требования, снижая риски для добросовестных участников оборота;

- субъективные сроки дают кредиторам возможность защитить свои права при своевременном выявлении нарушений;

- суды последовательно пресекают попытки обхода специальных банкротных сроков через общие нормы ГК РФ.

Заключение

Анализ актуальной судебной практики Верховного Суда РФ за 2024–2025 годы позволяет сформулировать следующие ключевые выводы относительно применения института исковой давности в корпоративных спорах:

Суды исходят из презумпции осведомлённости участника о делах общества. На участников возлагается обязанность проявлять разумный интерес к корпоративным событиям, что имеет определяющее значение для установления момента начала течения субъективного срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Бездействие участника не является основанием для смещения даты начала течения срока на более поздний период [4].

Индивидуализация срока давности в групповых исках. В делах о защите прав группы лиц (в частности, при оспаривании цены выкупа акций) течение срока исковой давности определяется для каждого присоединившегося к иску лица самостоятельно, исходя из его личной осведомлённости о нарушении права. Процессуальная форма группового иска не трансформирует материально-правовое требование в единое для всех обязательство с общим сроком давности [15].

Абсолютный характер объективного срока в банкротстве. Практика окончательно закрепила императивный характер десятилетнего объективного срока исковой давности (п. 2 ст. 196 ГК РФ, п. 1 ст. 181 ГК РФ) при оспаривании сделок должника и привлечении к субсидиарной ответственности. Данный срок является пресекательным, исчисляется строго с момента совершения сделки (или противоправных действий) и не подлежит восстановлению, что обеспечивает правовую определённость и защиту участников оборота от бессрочных рисков оспаривания [6].

Экстраординарность отказа в применении исковой давности из-за злоупотребления правом. Суды ограничивают возможность блокирования заявления о пропуске срока давности ссылкой на статью 10 ГК РФ. Такой отказ допускается исключительно как санкция за активные недобросовестные действия ответчика, которые создали непреодолимые препятствия для своевременной подачи иска, при условии доказанности прямой причинно-следственной связи между поведением ответчика и пропуском срока истцом [10].

Таким образом, институт исковой давности в современном корпоративном праве эволюционирует в сторону

обеспечения баланса интересов. Для миноритарных акционеров и кредиторов критическим фактором защиты прав становится не только наличие материальных оснований иска, но и процессуальная оперативность (vigilantibus jura scripta sunt). В то же время для стабильности гражданского оборота первостепенное значение приобретает неукоснительное соблюдение объективных предельных сроков, исключающее ревизию правоотношений, сложившихся в отдалённом прошлом [1, с. 45–67; 8].

Литература

1. Белов В. А. Исковая давность в корпоративных спорах: баланс стабильности оборота и защиты прав миноритариев / В. А. Белов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 5. – С. 45–67.
2. Васильева Т. Н. Институт исковой давности в корпоративных правоотношениях: теория и практика применения / Т. Н. Васильева. – Текст : электронный // Право и экономика. – 2025. – № 3. – С. 22–34. – URL: https://pravo-i-ekonomika.ru/article/2025/3/iskovaya-davnost

(дата обращения: 22.01.2026).
3. Грибанов В. П. Проблемы исчисления сроков давности в спорах о восстановлении корпоративного контроля / В. П. Грибанов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 3. – С. 78–95.
4. Гентовт О. Начало течения срока исковой давности по искам о восстановлении корпоративного контроля // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. – 2025. – 13 октября.
5. Ерохина С. Е. Проблемы исчисления срока исковой давности по корпоративным спорам: анализ судебной практики / С. Е. Ерохина // Закон. – 2025. – № 2. – С. 112–128.
6. Исканцев Я. Десятилетний барьер: Сроки исковой давности при оспаривании сделок в банкротстве: актуальные тенденции и правовые новеллы 2025 года / Я. Исканцев. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – 2025. – 17 декабря. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291944

(дата обращения: 22.01.2026).
7. Кузнецов А. А. Сроки давности при оспаривании решений общих собраний: новые подходы Верховного Суда РФ / А. А. Кузнецов // Вестник ВАС РФ. – 2025. – № 4. – С. 65–78.
8. Ломакин Д. В. Защита прав миноритарных акционеров: роль института исковой давности / Д. В. Ломакин // Корпоративное право. – 2024. – № 7. – С. 33–48.
9. Овсянникова В. А., Такиева А. Ф. Институт исковой давности при разрешении корпоративных споров: проблемы теории и практики / В. А. Овсянникова, А. Ф. Такиева // Правоведение. – 2025. – № 1. – С. 88–102.
10. Павлова З. ВС: Отказ в применении последствий пропуска срока давности в корпоративных спорах — это крайняя мера / З. Павлова. – Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. – 2024. – 22 ноября. – URL:

https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-otkaz-v-primenenii-posledstviy-propuska-sroka-davnosti-v-korporativnykh-sporakh-eto-kraynyaya-mera/ (дата обращения: 22.01.2026).
11. Петрова С. М. Защита прав кредиторов в корпоративных спорах: значение сроков давности / С. М. Петрова // Закон. – 2024. – № 8. – С. 112–125.
12. Сафаралиев Ф. М. Корпоративные споры: понятие, виды, критерии квалификации и судебная практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 8.
13. Смирнова Е. В. Субсидиарная ответственность и исковая давность: анализ практики ВС РФ за 2024–2025 гг. / Е. В. Смирнова // Вестник ВАС РФ. – 2025. – № 4. – С. 78–92.
14. Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022.
15. Шевцова М., Ватаманюк В. Комментарии к Определению ВС РФ от 31.10.2025 № 302-ЭС25-4810 // Адвокатская газета: [сайт]. – 2025.

Limitation of actions in the resolution of corporate disputes of legal entities: a means of protecting minority shareholders and creditors

Gritsuk A.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the dual role of the institution of limitation of actions in corporate legal relations. On the one hand, it acts as a mechanism for ensuring the stability of civil turnover, on the other hand, as a tool for protecting the rights of minority shareholders and creditors, who are often the weak party in a dispute. Based on the analysis of the latest judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024-2025, including landmark rulings on class actions, restoration of corporate control and challenging transactions in bankruptcy, the key problems of calculating and applying the statute of limitations are considered. The author analyzes the approaches of the courts to determining the moment of the beginning of the period, the application of preclusive periods and the balance between protection from unfair actions and the need to comply with the statutory time limits for applying to the court.

Keywords: Statute of limitations, corporate disputes, protection of minority shareholders' rights, protection of creditors' rights, restoration of corporate control, challenge of meeting decisions, subsidiary liability, general and special deadlines, the "due diligence" standard, and stability of civil circulation.

References

1. Belov V. A. Statute of limitations in corporate disputes: balance of stability of turnover and protection of minority shareholders' rights / V. A. Belov // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 5. – pp. 45-67.
2. Vasilyeva T. N. Institute of limitation period in corporate legal relations: theory and practice of application / T. N. Vasilyeva. – Text : electronic // Law and Economics. – 2025. – No. 3. – pp. 22-34. – URL: https://pravo-i-ekonomika.ru/article/2025/3/iskovaya-davnost

(date of request: 01/22/2026).
3. Gribanov V. P. Problems of calculating limitation periods in disputes on the restoration of corporate control / V. P. Gribanov // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 3. – pp. 78-95.
4. Gentovt O. The beginning of the limitation period for claims on the restoration of corporate control // GARANT.<url>: [website]. – 2025. – October 13.
5. Erokhina S.E. Problems of calculating the limitation period for corporate disputes: an analysis of judicial practice / S.E. Erokhina // Law. – 2025. – № 2. – pp. 112-128.
6. Iskantsev Ya. Ten-year barrier: Limitation periods for challenging bankruptcy transactions: current trends and legal novelties of 2025 / Ya. Iskantsev. – Text : electronic // Kommersant : [website]. – 2025. – December 17th. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291944

(date of appeal: 01/22/2026).
7. Kuznetsov A. A. Limitation periods for challenging decisions of general meetings: new approaches of the Supreme Court of the Russian Federation / A. A. Kuznetsov // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2025. – No. 4. – pp. 65-78.
8. Lomakin D. V. Protection of the rights of minority shareholders: the role of the statute of limitations / D. V. Lomakin // Corporate Law. - 2024. – No. 7. – pp. 33-48.
9. Ovsyannikova V. A., Takieva A. F. Institute of limitation in resolving corporate disputes: problems of theory and practice / V. A. Lomakin. O.S. syannikova, A. F. Takieva // Law studies. – 2025. – No. 1. – pp. 88-102.
10. Pavlova Z. VS: Refusal to apply the consequences of missing the statute of limitations in corporate disputes is an extreme measure / Z. Pavlova. – Text : electronic // Advocate newspaper : [website]. – 2024. – November 22. – URL:

https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-otkaz-v-primenenii-posledstviy-propuska-sroka-davnosti-v-korporativnykh-sporakh-eto-kraynyaya-mera / (date of appeal: 01/22/2026).
11. Petrova S. M. Protection of creditors' rights in corporate disputes: the meaning of the statute of limitations / S. M. Petrova // Law. – 2024. – No. 8. – pp. 112-125.
12. Safaraliev F. M. Corporate disputes: concept, types, qualification criteria and judicial practice // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2025. – № 8.
13. Smirnova E. V. Subsidiary liability and limitation period: an analysis of the practice of the Armed Forces of the Russian Federation for 2024-2025 / E. V. Smirnova // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 4. – pp. 78-92.
14. Shaidullin A. I. Subordination of mandatory claims of controlling debtors and affiliated persons in bankruptcy cases of business companies: dis. ... kand. jurid. Nauk. – M., 2022.
15. Shevtsova M., Vatamanyuk V. Comments on the Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.2025 No. 302-ES25-4810 // Advocate newspaper: [website]. – 2025.

Право авторства в системе интеллектуальных прав: теоретико-правовой анализ и проблемы защиты

Демирчян Виктория Вагановна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Кубанский государственный университет, lizard84@mail.ru

Статья представляет собой комплексное исследование правовой природы права авторства как основополагающего личного неимущественного элемента в системе интеллектуальных прав. Анализируется место данного института в структуре авторских прав, его неотчуждаемый характер и международно-правовые основы. Особое внимание уделено специфике реализации права авторства в отношении произведений науки, включая проблему разграничения охраняемых и неохраняемых элементов научного текста. Рассматриваются вызовы, обусловленные стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, и их влияние на традиционные представления об авторстве и творческом вкладе человека. Исследуются материально-правовые и процессуальные аспекты защиты права авторства с приведением актуальных примеров из российской и зарубежной судебной практики. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правовых механизмов доказывания авторства, включая развитие факультативной регистрации и внедрение технологий распределённого реестра.

Ключевые слова: право авторства, интеллектуальные права, личные неимущественные права, произведения науки, искусственный интеллект, защита авторских прав, судебная практика, плагиат, доказывание авторства, блокчейн.

Право авторства, будучи фундаментальным личным неимущественным правомочием создателя результата интеллектуальной деятельности, занимает центральное место в структуре интеллектуальных прав. Легальное определение данного института содержится в п. 1 ст. 1265 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и раскрывается через правомочие «признаваться автором произведения» [2]. Актуальность теоретико-правового осмысления сущности права авторства в современных условиях обусловлена как трансформацией парадигмы авторского права под воздействием цифровизации творческих процессов, так и возникновением принципиально новых вызовов, связанных с распространением генеративных технологий искусственного интеллекта. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе правовой природы права на авторство, его места в системе интеллектуальных прав, особенностей реализации в отношении произведений науки, а также в исследовании материально-правовых и процессуальных аспектов его защиты с учетом актуальной судебной практики.

Правовая природа и место права авторства в системе интеллектуальных прав

В цивилистической доктрине право авторства традиционно рассматривается в качестве системообразующего элемента всей конструкции интеллектуальных прав. Как отмечает В.А. Хохлов, данное правомочие выполняет «системообразующую функцию для норм всей четвертой части Гражданского кодекса» [15, с. 124]. Указанный тезис находит подтверждение в том, что именно фигура автора выступает исходным правообладателем, от которого производны все последующие имущественные правомочия иных участников авторско-правовых отношений. Право авторства характеризуется такими имманентными свойствами, как неотчуждаемость и непередаваемость; отказ от данного права признается юридически ничтожным в силу прямого указания п. 2 ст. 1228 ГК РФ, что подчеркивает его неразрывную связь с личностью создателя [2].

Международно-правовым фундаментом рассматриваемого института служат положения п. 1 ст. 6-bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, согласно которым «независимо от имущественных прав автора и даже после уступки этих прав он имеет право требовать признания своего авторства на произведение» [1]. Таким образом, на уровне международного права закрепляется приоритет личного неимущественного правомочия автора перед экономическими интересами иных субъектов гражданского оборота, что свидетельствует о признании особой социальной и культурной ценности творческой деятельности.

Действующее российское законодательство, систематизированное в части четвертой ГК РФ, закрепляет сложную структуру авторских прав, включающую исключительное (имущественное) право, личные неимущественные права и иные права (ст. 1255 ГК РФ) [2]. Право авторства, будучи отнесенным к категории личных неимущественных прав, вместе с тем, обладает определенной спецификой, позволяющей рассматривать его в качестве первичного, базового правомочия, возникновение которого предшествует появлению всех иных авторских правомочий. В современной литературе предпринимаются попытки дифференциации прав, предусмотренных ст. 1255 ГК РФ, на «права создателя» (доавторские) и собственно «авторские» права [9]. Подобная классификация, несмотря на ее дискуссионность, отражает объективно существующую

потребность в более тонкой правовой регламентации отношений, возникающих на различных этапах создания и использования произведения.

М.А. Федотов, разрабатывая концепт общей теории авторства, предпринимает попытку создания универсальной теоретической модели, способной объяснить правовую природу авторства как межотраслевого феномена, выходящего за рамки исключительно гражданско-правового регулирования [14]. Такой подход представляется методологически обоснованным, поскольку авторство как правовая категория проявляется не только в авторском, но и в патентном праве, а также в праве на иные результаты интеллектуальной деятельности.

Критерии охраноспособности произведений науки и специфика права авторства

Особого внимания заслуживает проблема определения критериев охраноспособности произведений науки в контексте реализации права авторства. М.А. Рожкова выделяет пять законодательно закрепленных признаков охраноспособности произведений науки, подробно анализируя каждый из них применительно к специфике научного творчества [12]. Первым квалифицирующим признаком выступает создание произведения физическим лицом, что прямо предусмотрено ст. 1257 ГК РФ и, в равной степени, применимо, как к произведениям литературы и искусства, так и к научным произведениям. Однако специфика научных произведений, как справедливо отмечает автор, «настолько выбивается из ряда авторских произведений, что впору говорить о необходимости введения их самостоятельного правового режима» [12, с. 147].

Действительно, научное произведение характеризуется рядом особенностей, затрудняющих применение к нему общих положений авторского права. Прежде всего, оно содержит как охраняемые авторским правом элементы (оригинальные научные выводы, авторская интерпретация данных, уникальная структура изложения), так и неохраняемое содержание, включающее научные факты, идеи, концепции, методы и принципы, которые, в силу прямого указания п. 5 ст. 1259 ГК РФ, не являются объектами авторского права. Е.А. Салицкая, анализируя проблему неохраняемого содержания научного произведения, приходит к выводу о необходимости более четкого разграничения охраняемых и неохраняемых элементов научного текста, что имеет принципиальное значение для разрешения споров о плагиате и иных нарушениях права авторства [13].

Возникновение авторского права на произведение науки, литературы и искусства обусловлено самим фактом его создания и не требует соблюдения каких-либо формальностей (ст. 1259 ГК РФ). Данный принцип автоматической охраны является общепризнанным в международном авторском праве и закреплен в Бернской конвенции [1]. Вместе с тем, в правоприменительной практике нередко возникают сложности с доказыванием факта авторства, что обусловливает необходимость использования различных способов фиксации авторских прав, включая депонирование произведений, нотариальное удостоверение времени предъявления документа и иные фактические способы обеспечения доказательств. Следует отметить, что суды неоднозначно оценивают подобные способы подтверждения авторства и принимают их лишь в совокупности с другими доказательствами. Так, Верховный Суд РФ в определении от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 подчеркнул, что само по себе депонирование не является основанием, подтверждающим факт авторства, представляя собой добровольную, не урегулированную законом процедуру, которая «лишь подтверждает существование в определенный момент времени экземпляра определенного произведения» [18].

Аналогичная неопределенность наблюдается и в отношении нотариального удостоверения доказательств. Ялтинский городской суд в решении от 14.02.2018 по делу № 2-133/2018 признал доказательством авторства фотографий протокол осмотра интернет-сайта, составленный нотариусом, отнеся понесенные расходы к судебным издержкам [25]. Напротив, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 15.08.2024 № 302-ЭС24-3009 по делу № А33-19084/2022 указала, что одного нотариально заверенного аффидевита недостаточно для подтверждения авторских прав истца, и потребовала представления документов, подтверждающих переход прав от автора по цепочке договоров [19]. В то же время, Арбитражный суд Ростовской области, в решении от 12.07.2023 по делу № А53-12667/2023 счел полностью доказанным факт авторства психолога на профессиональный контент, приняв в качестве допустимых и достаточных доказательств скриншоты публикаций ответчика и исходные файлы статей истца, подчеркнув их достоверность и взаимную связь в совокупности [22]. Таким образом, несмотря на закрепленный в ст. 1259 ГК РФ принцип автоматической охраны, на практике решающее значение имеет не сам факт создания произведения, а возможность его достоверного подтверждения в суде, что требует от автора комплексного подхода к формированию доказательственной базы.

Проблемы авторства в условиях развития технологий искусственного интеллекта

Стремительное внедрение генеративных нейросетей в процессы создания текстов, изображений, музыки и программного кода, поставило перед правовой доктриной принципиально новый вопрос о возможности признания авторских прав за результатами, полученными без непосредственного участия человека. В связи с чем, в литературе высказывается точка зрения, согласно которой, широкое использование ИИ в гражданско-правовых отношениях требует пересмотра устоявшихся юридических концепций [7]. Как отмечает Р.Д. Мартинс, классические представления об авторстве и творческом характере произведения испытывают серьезную нагрузку в условиях экспоненциального роста контента, продуцируемого машиной [8]. А.Ю. Шешуков и Е.А. Княжева убедительно доказывают, что нейросеть не может стать субъектом авторского права, поскольку действующее законодательство связывает возникновение авторства исключительно с творческой деятельностью физического лица, а сама нейросеть, оставаясь программным комплексом, правосубъектностью не обладает [16]. Е.С. Витовская, в свою очередь, выделяет три возможных подхода к определению правового режима объектов, созданных с помощью компьютерных программ: признание автором пользователя, разработчика либо использование конструкции «фикции авторства» по аналогии с англосаксонской системой [5].

В центре дискуссии неизбежно оказывается вопрос о надлежащем субъекте права на результат, сгенерированный нейросетью. Ответ на него неразрывно связан с критериями творческого вклада человека. Формирующаяся судебная практика дает неоднозначные ориентиры. Российские суды в деле о дипфейк-видеоролике (№ А40-200471/2023) указали, что технология Deepfake выступает лишь инструментом технического монтажа; поскольку сценарий, видеосъемка и аудиодорожка были созданы группой авторов, исключительные права были защищены [20]. Аналогично, в другом деле суд отклонил довод о неохраноспособности изображения, сгенерированного

нейросетью, приняв в качестве доказательства авторства исходный файл 3D-модели [21]. Ели же говорить о практике зарубежных судов, то например, в Китае же суд по делу Li Yunkai v. Liu Yuanchun признал пользователя генеративной системы автором изображения, поскольку тот сделал более 150 промптов, определявших идею, композицию и конкретные параметры [26]. Таким образом, грань между использованием ИИ как «инструмента» (охраняемый результат) и как «генератора» (неохраняемый результат) остается размытой.

Перечисленные проблемы обостряются в связи с появлением проекта федерального закона, регулирующего отношения в сфере применения технологий искусственного интеллекта, опубликованного для публичного обсуждения в марте 2026 года [3]. Ключевые положения данного законопроекта, касающиеся интеллектуальной собственности, содержат несколько системных противоречий с действующим гражданским законодательством [11; 6]. Во-первых, законопроект оперирует терминами «объект интеллектуальной собственности» и «оригинальное творение», тогда как часть четвертая ГК РФ использует устоявшиеся понятия «результат интеллектуальной деятельности» и «произведение». Во-вторых, предлагается распространять охрану на результаты автоматизированных систем независимо от того, созданы они человеком или машиной, что прямо противоречит норме, согласно которой автором может быть только физическое лицо. В-третьих, фактически легализуется извлечение информации из охраняемых объектов для обучения искусственного интеллекта без согласия правообладателей и без выплаты вознаграждения, что вступает в конфликт с исключительным правом автора. Дополнительно законопроект полностью обходит вопрос о правовой природе промптов и не устанавливает критериев, при которых результат, созданный с участием ИИ, получает охрану благодаря творческому вкладу человека.

Таким образом, перед законодателем стоит сложная задача: сохранить фундаментальные принципы авторского права и одновременно обеспечить правовую определенность оборота объектов, созданных с участием ИИ. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути детальной регламентации критериев творческого вклада, правового режима промптов и механизмов защиты прав авторов оригинальных произведений, используемых для обучения нейросетей.

Защита права авторства: материально-правовые и процессуальные аспекты

Защита права авторства представляет собой межотраслевой комплекс, объединяющий материально-правовые (ст. 1251 ГК РФ) и процессуальные механизмы. В доктрине подчеркивается, что право авторства возникает исключительно из факта творческого создания произведения и не зависит от должностного положения субъекта [4, с. 124]. Данная презумпция подтверждается судебной практикой. Так, Ленинским районным судом г. Оренбурга по делу № 2-5148/2022 было установлено авторство студентки Ботовой Д.М. на научную статью, неправомерно присвоенную преподавателем, что демонстрирует приоритет творческого вклада над статусным неравенством [23].

В научной среде актуальной проблемой остается недобросовестное авторство («гостевое, подарочное»). Нарушение принципа обязательного интеллектуального вклада в работу не только противоречит публикационной этике, но и образует состав нарушения субъективного гражданского права. Судебная защита реализуется, в том числе, в случаях массового плагиата: например, Октябрьским районным судом г. Улан-Удэ по делу № 2-5129/2017 признано нарушение прав истца со стороны десяти лиц, незаконно заимствовавших фрагменты диссертации для подготовки статей [24].

Процессуальная специфика споров о признании авторства обусловлена особенностями доказывания, поскольку регистрация произведения не является обязательным условием охраны (п. 4 ст. 1259 ГК РФ). Ключевым доказательством в сложных делах выступает судебная авторoведческая экспертиза. В частности, при рассмотрении Верховным судом Республики Бурятия дела о плагиате диссертации автора решающее значение имело заключение лингвистической экспертизы Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН [17]. В целях унификации подходов к доказыванию и снижения числа споров в науке предлагается развитие факультативной регистрации и внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн), выполняющих функцию «цифровой фиксации» авторства [10, с. 89–92].

Заключение

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что право авторства представляет собой сложный правовой феномен, сочетающий в себе черты субъективного гражданского права, личного неимущественного блага и социально-правового признания творческого вклада личности. Правовая сущность данного института раскрывается через его абсолютный характер, неотчуждаемость, непередаваемость и бессрочную охрану, что подчеркивает его фундаментальное значение в системе интеллектуальных прав. Специфика реализации права авторства в отношении произведений науки обусловливается наличием в их составе как охраняемых, так и неохраняемых элементов, что требует особого доктринального и правоприменительного подхода. Развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед юридической наукой новые вызовы, связанные с необходимостью адаптации традиционных концепций авторства к реалиям цифровой эпохи. В сфере защиты права авторства судебная практика демонстрирует высокую значимость комплексного подхода к доказыванию, при котором решающую роль играет не только формальная фиксация произведения, но и совокупность иных доказательств, включая результаты авторoведческой экспертизы. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на выработку четких критериев творческого вклада человека при создании произведений с использованием ИИ и на развитие эффективных процессуальных механизмов защиты права авторства.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

3. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 912 с.

5. Витовская Е.С. Спорные вопросы авторского права на произведения, созданные компьютерными програм-

мами // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сб. мат-лов науч.-практ. форума «VI Сибирские правовые чтения». – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 87–89.

6. Законопроект об ИИ: риски для правообладателей // Юридическая фирма «Инмар». – 2026. – URL: https://inmarlegal.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Маркосян Г.А. Правовой статус ИИ-агента: может ли нейросеть нести ответственность за сделку?... // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2025. – № 4 (17). – URL: https://urv.kubsu.ru/wp-content/uploads/2026/04/Выпуск-№-4-6.pdf

8. Мартинс Р.Д. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 51, № 4. – С. 87–89.

9. Павлов В.П. Критерии возникновения авторства в законодательстве и судебной практике // Юридическое образование и наука. – 2023. – № 10. – С. 27–33.

10. Пахомов В.Н. Применение технологии блокчейн для фиксации авторских прав: правовые аспекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 2 (40). – С. 89–92.

11. Предложения в рамках публичного обсуждения «Закона об ИИ» // Юридическая фирма «Инмар». – 2026. – URL: https://inmarlegal.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

12. Рожкова М.А. 5 признаков (критериев) охраноспособности произведений науки, закрепленных действующим законодательством // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 2 (44). – С. 145–152.

13. Салицкая Е.А. О проблеме неохраняемого содержания научного произведения, или нужна ли «собственность» на идеи // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 10. – С. 1003–1011.

14. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Т. 46, № 3. – С. 38–75.

15. Хохлов В.А. Право авторства в системе интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 3 (37). – С. 124–133.

16. Шешуков А.Ю., Княжева Е.А. Автор мертв. Почему нейросеть не может стать субъектом авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Т. 45, № 2. – С. 95–102.

17. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 15.03.2018 по делу № 33-982/2018 // Архив Верховного суда Республики Бурятия.

18. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2024 № 302-ЭС24-3009 по делу № А33-19084/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда города Москвы от 08.04.2024 № 09АП-642/24 по делу № А40-200471/2023 // Картотека арбитражных дел.

21. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 № 13АП-37912/23 // Картотека арбитражных дел.

22. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 12.07.2023 по делу № А53-12667/2023 // https://sudact.ru/arbitral/doc/MxivzTeNYnVw/

23. Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 07.12.2022 по делу № 2-5148/2022 // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга.

24. Решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 02.11.2017 по делу № 2-5129/2017 // Архив Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ.

25. Решение Ялтинского городского суда Республики Крым от 14.02.2018 по делу № 2-133/2018 // Архив Ялтинского городского суда.

26. Beijing Internet Court Civil Judgment (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279. // - URL: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

The right of authorship in the system of intellectual rights: theoretical and legal analysis and problems of protection

Demirchyan V.V.
Kuban State University

The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal study of the legal nature of the right of authorship as a fundamental moral right within the system of intellectual property rights. The place of this institution in the structure of copyright, its inalienable character, and its international legal foundations are analyzed. Special attention is paid to the specifics of implementing the right of authorship in relation to scientific works, including the problem of distinguishing between protected and unprotected elements of a scientific text. The challenges posed by the rapid development of artificial intelligence technologies and their impact on traditional concepts of authorship and human creative contribution are examined. The substantive and procedural aspects of protecting the right of authorship are explored, with relevant examples from Russian and foreign judicial practice provided. The necessity of further improving legal mechanisms for proving authorship, including the development of optional registration and the implementation of distributed ledger technologies, is substantiated.

Keywords: right of authorship, intellectual rights, moral rights, scientific works, artificial intelligence, copyright protection, judicial practice, plagiarism, proof of authorship, blockchain.

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886 (as amended on September 28, 1979) // Bulletin of International Treaties, 2003– No. 9.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 01/30/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 52 (1 part). – Art. 5496.
3. Draft Federal Law "On the fundamentals of state regulation of the application of artificial intelligence technologies in the Russian Federation" // Federal Portal of draft Regulatory Legal Acts. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424 / (date of publication: 04/14/2026).
4. Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation: textbook. – 4-ed., revised. and additional – M.: Prospekt, 2021. – 912 p.
5. Vitovskaya E.S. Controversial issues of copyright for products created by computer programs // Law in the era of artificial intelligence: promising challenges and modern tasks : collection of scientific and practical materials. VI Siberian Legal Readings Forum. Tyumen: TSU-Press, 2024. pp. 87-89.
6. Draft law on AI: risks for copyright holders // Inmar Law Firm. – 2026. – URL: https://inmarlegal.ru / (date of conversion: 04/14/2026).
7. Markosyan G.A. Legal status of an AI agent: can a neural network be responsible for a transaction? ... // Law Bulletin of Kuban State University. – 2025. – № 4 (17). – URL: https://urv.kubsu.ru/wp-content/uploads/2026/04/Issue-no.-4-6.pdf
8. Martins R.D. Authorship without an author: legal aspects of the works created by AI // Proceedings on intellectual property. – 2024. – Vol. 51, No. 4. – pp. 87-89.
9. Pavlov V.P. Criteria for the emergence of authorship in legislation and judicial practice // Legal education and science. - 2023. – No. 10. – pp. 27-33.
10. Pakhomov V.N. The use of blockchain technology for copyright fixation: legal aspects // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2023. – № 2 (40). – Pp. 89-92.
11. Proposals in the framework of the public discussion of the "Law on AI" // Inmar Law Firm. – 2026. – URL: https://inmarlegal.ru / (date of reference: 04/14/2026).
12. Rozhkova M.A. 5 signs (criteria) of the protectability of scientific works, fixed by the current legislation // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2024. – № 2 (44). – Pp. 145-152.
13. Salitskaya E.A. On the problem of the unprotected content of a scientific work, or whether "ownership" of ideas is needed // Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 2019, vol. 89, No. 10, pp. 1003-1011.
14. Fedotov M.A. Introduction to the concept of the general theory of authorship // Works on intellectual property. – 2023. – Vol. 46, No. 3. – pp. 38-75.
15. Khokhlov V.A. The right of authorship in the intellectual property rights system // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2022. – № 3 (37). – Pp. 124-133.
16. Sheshukov A.Yu., Knyazheva E.A. The author is dead. Why a neural network cannot become a subject of copyright // Proceedings on intellectual property. – 2023. – Vol. 45, No. 2. – pp. 95-102.
17. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated 15.03.2018 in case no. 33-982/2018 // Archive of the Supreme Court of the Republic of Buryatia.
18. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/17/2020 No. 305-ES20-8198 in case No. A40-46622/2019 // SPS "ConsultantPlus".

19. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/15/2024 No. 302-ES24-3009 in case No. A33-19084/2022 // SPS "ConsultantPlus".
20. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of Moscow dated 04/08/2024 No. 09AP-642/24 in case No. A40-200471/2023 // File of arbitration cases.
21. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 02/06/2024 No. 13AP-37912/23 // File of arbitration cases.
22. Decision of the Arbitration Court of the Rostov region dated 07/12/2023 in case no. A53-12667/2023 // https://sudact.ru/arbitral/doc/MxivzTeNYnVw/
23. The decision of the Leninsky District Court of Orenburg dated 07.12.2022 in case no. 2-5148/2022 // Archive of the Leninsky District Court of Orenburg.
24. The decision of the Oktyabrsky District Court of Ulan-Ude dated 02.11.2017 in case no. 2-5129/2017 // Archive of the Oktyabrsky District Court of Ulan-Ude.
25. The decision of the Yalta City Court of the Republic of Crimea dated 02/14/2018 in case no. 2-133/2018 // Archive of the Yalta City Court.
26. Beijing Internet Court Civil Judgment (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279. // - URL: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf (date of request: 04/14/2026).

Цифровой доступ к аккаунту и личному кабинету как самостоятельное гражданско-правовое благо

Джапаридзе Виталий Георгиевич
аспирант, кафедра гражданского права и процесса, Московский университет «Синергия», vitaly.dzhaparidze@yandex.ru

Статья посвящена исследованию цифрового доступа к аккаунту, личному кабинету и иному пользовательскому профилю как самостоятельного охраняемого блага в системе гражданско-правовых отношений. Обосновывается, что в условиях платформенной экономики доступ к учетной записи перестает быть лишь технической функцией и приобретает значение юридически защищаемого интереса, тесно связанного с имущественной, профессиональной и репутационной сферой пользователя. Анализируются основания признания цифрового доступа объектом гражданско-правовой охраны, пределы договорного усмотрения платформы при блокировке аккаунтов и специальные способы защиты нарушенного права.
Ключевые слова: цифровые права, аккаунт, личный кабинет, право доступа, цифровая платформа, блокировка аккаунта, гражданско-правовая защита, договор присоединения.

Введение

Современный гражданский оборот все в большей степени осуществляется через цифровые платформы, информационные системы, маркетплейсы, сервисы удаленного взаимодействия и иные электронные инфраструктуры. Для значительного числа участников оборота именно учетная запись, личный кабинет или профиль пользователя становятся точкой входа в экономическую и профессиональную деятельность. Через них осуществляется доступ к заказам, цифровым активам, переписке, истории операций, документам, статистике, цифровому контенту, сведениям о клиентах и иным данным, имеющим как имущественную, так и организационную ценность.

При этом в действующем гражданско-правовом регулировании доступ к аккаунту нередко воспринимается лишь как технический аспект исполнения договора. Такой подход представляется недостаточным. В ряде случаев утрата доступа означает не временное техническое неудобство, а фактическое лишение лица возможности участвовать в обороте, распоряжаться результатами своей деятельности, поддерживать деловые связи и извлекать экономическую выгоду из ранее созданного цифрового присутствия.

В диссертационном проекте обоснован подход, согласно которому доступ к аккаунту, личному кабинету, цифровому профилю и связанным данным в ряде случаев должен рассматриваться не только как техническая предпосылка, но и как самостоятельное охраняемое гражданско-правовое благо. Развитие этого тезиса в самостоятельной статье позволяет уточнить место цифрового доступа в системе гражданских прав и сформулировать специальные способы его защиты.

1. Цифровой доступ как юридически значимый интерес

Цифровой доступ традиционно понимается как техническая возможность идентифицированного лица войти в информационную систему и воспользоваться ее функционалом. Однако в платформенной среде такой доступ приобретает самостоятельную правовую ценность. Он становится условием осуществления иных правомочий, связанных с использованием сервиса, получением цифрового контента, управлением цифровыми активами, исполнением обязательств и участием в экономическом обмене.

Следовательно, доступ к аккаунту нельзя сводить исключительно к внутренней технической функции платформы. Если именно через аккаунт лицо реализует принадлежащие ему имущественные возможности, хранит результаты своей деятельности и поддерживает экономически значимые связи, то ограничение доступа затрагивает сферу гражданско-правовых интересов. Иначе говоря, доступ выступает не нейтральной технологической опцией, а необходимым условием реализации правового статуса участника цифрового оборота.

Особенно ясно это проявляется в случаях, когда цифровой профиль имеет накопительную ценность. Так, учетная запись продавца на маркетплейсе может включать рейтинг, историю сделок, отзывы покупателей, данные о возвратах, статистику продаж и клиентскую лояльность. Профиль исполнителя на цифровой платформе услуг может содержать портфолио, оценки заказчиков, сведения о выполненных проектах и элементы репутационного капитала. Блокировка такого профиля способна повлечь не

только прекращение доступа к сервису, но и обесценивание уже накопленного нематериального и имущественного ресурса.

Таким образом, цифровой доступ следует рассматривать как комплексный интерес, сочетающий организационный, имущественный и репутационный элементы. Его специфика состоит в том, что он неотделим от информационной системы, но и не исчерпывается ею: правообладатель заинтересован не просто в факте входа в аккаунт, а в сохранении возможности пользоваться созданной цифровой инфраструктурой своей деятельности.

2. Место цифрового доступа в системе объектов гражданских прав

Вопрос о месте цифрового доступа в системе объектов гражданских прав не имеет однозначного решения. Формально доступ не совпадает ни с вещью, ни с классическим имущественным правом в его традиционном понимании. В то же время он не может быть полностью отнесен и к числу чисто фактических технических возможностей, поскольку при определенных условиях становится экономически значимым и нуждается в самостоятельной охране.

Представляется обоснованным рассматривать цифровой доступ как один из элементов специального правового режима цифровых прав. В диссертационном проекте цифровые права характеризуются как многоуровневый гражданско-правовой режим, включающий нормативный, договорный, информационно-технологический и доказательственный элементы. В рамках такой модели доступ выступает базовым компонентом правового режима: без него невозможны ни реализация иного цифрового права, ни защита уже возникшего интереса.

Такой подход позволяет избежать искусственного создания нового изолированного объекта гражданских прав, но одновременно не сводить доступ к второстепенному техническому обстоятельству. Правильнее говорить о том, что доступ к аккаунту в ряде случаев образует самостоятельное охраняемое благо внутри более широкой конструкции цифровых прав. Его юридическая значимость определяется степенью связи с имущественным интересом, устойчивостью цифрового присутствия пользователя и зависимостью лица от платформенной инфраструктуры.

3. Основания и пределы блокировки аккаунта

Одной из наиболее острых проблем платформенной экономики является блокировка аккаунтов и личных кабинетов. Формально платформа обычно основывает такое решение на пользовательском соглашении, правилах сервиса, алгоритмах модерации либо подозрении в нарушении установленных условий. Однако гражданско-правовая допустимость блокировки не может определяться исключительно фактом наличия у платформы договорного условия о праве одностороннего ограничения доступа.

Пользовательские соглашения, как правило, заключаются по модели договора присоединения. Это означает, что условия блокировки заранее формулируются платформой и принимаются пользователем без реальной возможности их индивидуального согласования. В случаях, когда от платформы зависит профессиональная, коммерческая или иная экономически значимая деятельность пользователя, формальное согласие с широкими дискреционными полномочиями платформы не должно автоматически исключать контроль справедливости соответствующих условий.

Блокировка аккаунта может быть признана допустимой лишь при соблюдении ряда критериев: наличие понятного и заранее определенного основания, соразмерность меры характеру нарушения, предоставление пользователю информации о причинах ограничения, возможность обжалования, сохранение данных и учет риска необратимой утраты цифрового актива либо цифровой истории. Если же ограничение доступа производится автоматически, без должной проверки, без раскрытия оснований и без механизма восстановления, такое поведение платформы вступает в противоречие с принципами добросовестности и справедливости гражданского оборота.

Особое значение имеет вопрос о временных и окончательных блокировках. Временное ограничение доступа в целях проверки обстоятельств может быть оправдано, если оно сопровождается процедурными гарантиями и разумным сроком рассмотрения. Окончательное удаление аккаунта, напротив, должно оцениваться гораздо строже, поскольку оно способно привести к необратимой утрате цифровых данных, истории операций, контента и элементов цифровой идентичности пользователя.

4. Право доступа и пределы свободы договора

Классическая модель свободы договора исходит из того, что стороны вправе самостоятельно определять содержание своих отношений. Однако платформенная среда показывает, что формальное равенство сторон далеко не всегда отражает реальный баланс интересов. Платформа одновременно разрабатывает пользовательское соглашение, контролирует цифровую инфраструктуру, хранит релевантные данные, определяет интерфейс уведомлений и реализует фактическую возможность немедленного ограничения доступа.

Это означает, что договорное усмотрение платформы должно подлежать более интенсивному гражданско-правовому контролю. Недостаточно лишь констатировать, что пользователь однажды акцептовал условия соглашения. Необходимо оценивать, являются ли условия блокировки прозрачными, добросовестными, предсказуемыми и соразмерными. Особенно это важно в тех случаях, когда ограничение доступа влечет для пользователя потерю дохода, профессиональной репутации, клиентской базы либо иных экономически значимых результатов деятельности.

Следовательно, цифровой доступ требует не только договорной, но и внедоговорной охраны, основанной на общих началах гражданского права. Если пользователь объективно зависит от платформенной инфраструктуры, а платформа располагает возможностью одностороннего лишения доступа к накопленному цифровому ресурсу, то применение лишь формальной логики договорной свободы оказывается недостаточным.

5. Специальные способы защиты цифрового доступа

Традиционные способы защиты гражданских прав, такие как взыскание убытков, признание права и пресечение нарушений, сохраняют значение и в цифровой среде. Однако в спорах, связанных с аккаунтами и личными кабинетами, они часто оказываются недостаточными. Если к моменту разрешения спора профиль удален, история операций утрачена, клиентские связи разорваны, а цифровой след не сохранен, последующее взыскание убытков не всегда способно восстановить фактическое положение пользователя.

Поэтому защита цифрового доступа должна включать специальные способы. К их числу относятся восстановление доступа к аккаунту, предоставление пользователю архива данных, временный запрет на удаление профиля или цифрового контента, обязанность платформы сохранить спорные сведения до окончания разбирательства, а

также раскрытие оснований блокировки и цифрового следа спорной операции.

Такие меры направлены не только на возмещение последствий уже совершенного нарушения, но и на предотвращение необратимого ущерба. В условиях, когда ценность цифрового права тесно связана со своевременностью доступа, именно оперативная обеспечительная и восстановительная защита приобретает решающее значение.

6. Процессуальные и доказательственные аспекты защиты цифрового доступа

Практическая значимость квалификации цифрового доступа как самостоятельного охраняемого блага проявляется и в процессуальной плоскости. В спорах о блокировке аккаунта пользователь обычно находится в заведомо более слабом доказательственном положении, поскольку ключевые сведения о причинах ограничения, содержании автоматических фильтров, журнале действий, IP-идентификаторах, истории уведомлений и внутреннем статусе учетной записи контролируются платформой. Вследствие этого эффективная защита права доступа невозможна без перераспределения доказательственной нагрузки и без активного использования судом механизмов истребования доказательств, обеспечительных мер и пресечения утраты цифрового следа.

Для такой категории дел особенно важны три обстоятельства. Во-первых, необходимо максимально раннее закрепление электронных доказательств: скриншотов интерфейса, электронных уведомлений, логов входа, переписки со службой поддержки, истории операций и сведений о привязанных платежных инструментах. Во-вторых, должна учитываться вероятность автоматизированного принятия решения о блокировке, когда ограничение доступа вводится алгоритмом без индивидуальной оценки поведения пользователя. В-третьих, следует принимать во внимание риск быстрого удаления данных самой платформой в силу внутренних сроков хранения, что делает обеспечительные меры не факультативным, а нередко центральным способом защиты.

С гражданско-правовой точки зрения спор о цифровом доступе нередко сочетает договорные и внедоговорные элементы. С одной стороны, аккаунт существует в рамках пользовательского соглашения, а значит, спор может быть связан с надлежащим или ненадлежащим исполнением обязательства по предоставлению доступа к сервису. С другой стороны, фактическое лишение лица накопленного цифрового присутствия затрагивает более широкий охраняемый интерес, включающий деловую репутацию, организационные возможности, клиентские связи и сохранность цифровых результатов деятельности. Поэтому суду следует оценивать не только буквальное содержание правил сервиса, но и последствия вмешательства платформы в сферу законных интересов пользователя.

Отсюда вытекает и особая роль обеспечительных мер. Запрет на удаление аккаунта, обязанность сохранить данные личного кабинета, временное восстановление доступа к отдельным разделам профиля, фиксация истории операций и переписки могут быть значительно более эффективными, чем последующее взыскание убытков. В цифровой среде ценность права часто определяется не только самим результатом, но и моментом его реализации: просроченное восстановление доступа в коммерчески активном аккаунте может оказаться равнозначным его окончательной утрате. Именно поэтому в рассматриваемой сфере необходима ориентация не только на компенсацию последствий нарушения, но и на предотвращение необратимого ухудшения положения пользователя.

Дополнительного внимания заслуживает вопрос стандарта мотивировки блокировки. Если платформа ограничивает доступ ссылкой на абстрактное нарушение правил сообщества, подозрительную активность либо внутреннюю политику безопасности без раскрытия хотя бы минимально достаточных оснований, пользователь лишается возможности осмысленно возражать против примененной меры. Такая ситуация подрывает состязательность и делает судебную защиту формальной. Следовательно, одним из элементов справедливого режима цифрового доступа должна быть обязанность платформы сообщить пользователю понятные причины блокировки в объеме, достаточном для обжалования решения без раскрытия сведений, способных нанести ущерб безопасности сервиса.

Заключение

Цифровой доступ к аккаунту и личному кабинету в современной платформенной экономике не может рассматриваться лишь как технический элемент использования сервиса. В ряде случаев он представляет собой самостоятельное охраняемое гражданско-правовое благо, тесно связанное с имущественными, организационными и репутационными интересами пользователя.

Признание такой природы цифрового доступа позволяет по-новому оценить блокировку аккаунтов, пределы договорного усмотрения платформы и содержание правовой защиты. Для эффективного гражданско-правового регулирования необходимы более четкие критерии допустимости ограничения доступа, усиленный контроль справедливости пользовательских соглашений и развитие специальных способов защиты, ориентированных на восстановление цифрового присутствия лица и сохранение его цифрового следа.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

5. Аюшеева И.З. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Закон. 2019. № 7. С. 105–113.

6. Васильев А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Право и цифровая экономика. 2024. № 3. С. 12–18.

7. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

8. Савельев А.И. Некоторые риски и перспективы регулирования цифровых платформ и экосистем в России // Закон. 2021. № 10. С. 36–53.

9. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теории цифровых прав в гражданском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 4–25.

10. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Правовые режимы данных и информационных систем в условиях цифровизации // Государство и право. 2022. № 6. С. 96–108.

Digital Access to an Account and Personal Account as an Independent Civil-Law Good

Japaridze V.G.
Moscow University "Synergy"

This article examines digital access to an account, personal account, and other user profiles as an independent protected good in the system of civil-law relations. It is argued that in the context of the platform economy, account access ceases to be merely a technical function and acquires the significance of a legally protected interest closely linked to the user's property, professional, and reputational interests. The article analyzes the grounds for recognizing digital access as an object of civil-law protection, the limits of platform contractual discretion when blocking accounts, and special methods of protecting violated rights.

Keywords: digital rights, account, personal account, right of access, digital platform, account blocking, civil-law protection, adhesion agreement.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of 07/27/2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Article
3448.3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 49 "On some issues of the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.
5. Ayusheeva I.Z. Digital rights as a new object of civil rights // Law. 2019. No. 7. pp. 105-113.
6. Vasiliev A.A. Digital rights: some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Law and Digital Economy. 2024. No. 3. pp. 12-18.
7. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law? Search for legal forms to regulate the digital economy // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. pp. 24-48.
8. Savelyev A.I. Some risks and prospects of regulating digital platforms and ecosystems in Russia // Law. 2021. No. 10. pp. 36-53.
9. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On some issues of the theory of digital rights in civil law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation Federation. 2019. No. 10. pp. 4-25.
10. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Legal regimes of data and information systems in the context of digitalization // State and law. 2022. No. 6. pp. 96-108.

Наследование цифровых активов (криптовалюты, аккаунты, доменные имена): проблемы правоприменения

Зумакулова Зарема Ахматовна
к.ю.н., доцент кафедра гражданского права и процесса, КБГУ им Бербекова Х. М., Zarema.zum@mail.ru,

Уметова Элина Анзоровна
ассистент кафедры гражданского права и процесса, КБГУ им. Бербекова Х. М., ligidova01@bk.ru

Статья посвящена одной из наиболее конфликтных зон современного гражданского права – наследованию цифровых активов, к которым относятся криптовалюты, аккаунты на digital-платформах, доменные имена. Актуальность темы аргументируется тем, что экономически значимые объекты все чаще существуют не в вещной, а в цифровой форме. А наследственно-правовые механизмы в России по-прежнему ориентированы, главным образом, на традиционное имущество. В результате между фактической стоимостью таких активов и юридической возможностью их перехода к наследникам возникает очевидный разрыв. Цель исследования состоит в том, чтобы обозначить наиболее острые правоприменительные проблемы, которые возникают при включении цифровых активов в наследственную массу, и предложить юридически обоснованные способы их преодоления с учетом российской судебной и нотариальной практики. В статье показано, что основное противоречие проходит между экономической природой цифрового актива как имущества и отсутствием устойчивого процессуального механизма его идентификации, учета, передачи наследникам. Автор приходит к выводу, что действующее регулирование не образует цельной модели цифрового наследования. Оно нуждается не в косметической, а в структурной корректировке. Изложенный в работе материал будет полезен исследователям в области гражданского права, нотариусам, судьям, адвокатам, практикующим юристам в сфере IT и наследственных споров, разработчикам законодательных инициатив.
Ключевые слова: аккаунт, гражданское право, доменное имя, криптовалюта, наследование, судебная практика, цифровые активы.

Введение

Цифровизация современных экономических и общественных отношений закономерно привела к появлению принципиально новых объектов гражданских прав. По сути, виртуальная среда перестала быть сугубо информационным коммуникативным пространством. Имеет место её преобразование в глобальную сферу сосредоточения значительных имущественных и финансовых ценностей [2, 5, 11].

Развитие технологий распределенных реестров (блокчейн), блогосферы, метавселенных, электронной коммерции обусловило формирование массивного пласта так называемого «цифрового имущества», к которому в цивилистической доктрине традиционно относят криптовалюты, невзаимозаменяемые токены (NFT), аккаунты в социальных сетях, доменные имена, иные виртуальные блага. Между тем, стремительный рост капитальной стоимости таких активов обнажил серьезные догматические и практические пробелы в действующем гражданском законодательстве, особенно в подотрасли наследственного права.

Впрочем, отечественный законодатель предпринимает определенные шаги по адаптации нормативной базы к меняющимся реалиям. В частности, в 2019 году ГК РФ был дополнен статьей 141.1, закрепившей понятие «цифровые права», а статья 128 ГК РФ официально включила их в перечень объектов гражданских прав. По-видимому, данные новеллы носят, в основном, рамочный, декларативный характер. Они не решают чисто прикладных задач, которые сопряжены с универсальным правопреемством.

В отличие от предыдущих подходов, когда процедура наследования ограничивалась материальными объектами (вещами) и классическими обязательственными правами, современная правовая реальность требует проработки специализированных механизмов правомерной передачи криптографических ключей, паролей, а также прав администрирования баз данных.

Одновременно с этим, нотариальная и судебная практика регулярно сталкивается с практически непреодолимыми препятствиями при попытках включения цифровых активов в общую наследственную массу. Отсутствие легальных механизмов идентификации принадлежности виртуального имущества конкретному наследодателю; трансграничный, экстерриториальный характер функционирования блокчейн-сетей и крупнейших IT-корпораций приводят к тому, что существенная часть цифрового капитала оказывается фактически заблокированной либо безвозвратно утраченной после биологической смерти владельца. Как представляется, сложившаяся ситуация прямо нарушает конституционные гарантии права частной собственности, свободы наследования.

В данном исследовании автор нацелен на выявление системных дефектов текущего регулирования и выработку конкретных рекомендаций, помогающих обеспечить справедливый баланс интересов наследников, третьих лиц, операторов платформ, государства.

Материалы и методы

Специфика включения виртуальных объектов в наследственную массу требует углубленного осмысления, что побуждает исследователей активно применять цивилистический, объектно-ориентированный, правоприменительный подходы.

Так, теоретический фундамент регулирования перехода прав на новые цифровые сущности закладывается в трудах М.А. Бардановой [1], М.М. Панариной [6], В.Г. Примака, Е.В. Бегичевой [8]. Объектно-ориентированный вектор дискурса помогает ученым дифференцировать механизмы наследования в зависимости от технико-правовой природы актива. Так, сложнейшие вопросы передачи криптовалют освещаются Д.А. Матвеевым, Р.Р. Садековым [4] и коллективом под руководством Л.В. Стародубовой [10]. А правовая судьба социальных сетей и интернет-аккаунтов выступает в качестве предмета анализа у Э.В. Мирзоева [5] и М.И. Сулеймановой [11]. В свою очередь, Н.В. Петров, М.И. Брусенцева, А.Ю. Труфанова, В.Р. Бабенкова [2, 7] осуществляют синтез проблематики, рассматривая криптоактивы и доменные имена в едином комплексе. Этот академический базис дополняется обзором судебной практики, собранной в материалах М. Вараксина [3], М. Смирнова [9], которые иллюстрируют реальные коллизии отечественной юрисдикции.

Обращение к указанному пулу источников продиктовано объективной необходимостью сопоставить классические нормы гражданского права с уникальными характеристиками виртуальных сущностей, что дает возможность оценить фактическую жизнеспособность наследственных институтов при столкновении с цифровой средой.

При написании статьи использовался формально-юридический метод; он позволил проанализировать действующие положения Гражданского кодекса РФ на предмет их расширительного толкования в отношении цифровых прав. Помимо этого, применялся метод анализа правоприменительной практики, необходимый для выявления реальных процессуальных тупиков, с которыми сталкиваются суды при разрешении споров о доступе к криптокошелькам. Задействовано и правовое моделирование, с помощью которого в теории оценивались пути устранения зафиксированных законодательных пробелов.

Результаты и обсуждение

В сопоставлении с более ранними подходами к пониманию сущности имущества, цифровые активы обладают ярко выраженной правовой двойственностью и технической спецификой.

С одной стороны, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» признает их разновидностью имущества. И это формально позволяет применять к ним общие положения статьи 1112 ГК РФ. Согласно указанной норме, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия вещи, иное имущество, в том числе, имущественные права и обязанности. Примечательно, что российские суды в рамках дел о банкротстве и разделе совместно нажитого имущества супругов также постепенно отходят от полного отрицания оборотоспособности криптовалют [3]. Тем не менее, в контексте перехода прав mortis causa правоприменительная практика остается достаточно противоречивой.

Разумно предположить, что главная сложность кроется непосредственно в «архитектуре» блокчейн-технологий. Децентрализованная криптовалюта (например, Bitcoin или Ethereum) не имеет физического выражения, не учитывается в реестрах традиционных финансовых организаций, а право контроля над ней опосредуется исключительно владением уникальным приватным ключом. Если наследодатель при жизни не оставил доверенным лицам сведений о сид-фразе (seed phrase) или пароле от аппаратного криптокошелька, доступ к активу утрачивается безвозвратно. Видимо, именно по этой причине нотариусы массово и вполне обоснованно отказывают в выдаче свидетельств о праве на наследство в отношении криптоактивов [2, 4, 7, 10].

В качестве репрезентативного примера уместно привести показательное судебное разбирательство (дело № 33-14798/2022), которое было рассмотрено Московским городским судом. В фабуле наследник обратился в нотариальную контору за оформлением прав на криптовалютный портфель умершего. Нотариус вынес постановление об отказе в совершении нотариального действия. Он сослался на то, что заявитель не представил документальных доказательств, бесспорно подтверждающих факт принадлежности виртуальных монет наследодателю на момент его ухода из жизни. Судебная инстанция поддержала эту позицию, прямо указав на невозможность достоверной юридической идентификации владельца анонимного криптокошелька [3].

На основании указанного подытожим, что традиционные методы нотариального розыска наследственной массы в случае с децентрализованными финансами демонстрируют абсолютную неэффективность (см. таблицу 1). Предположительно, до момента создания специализированных депозитарных сервисов с государственной аккредитацией, проблема принудительной идентификации цифрового имущества останется неразрешенной.

Таблица 1

Сравнительный анализ механизмов выявления и наследования имущества (составлено на основе [1, 6, 8])

Критерий сопоставления	Традиционное имущество (недвижимость, вклады)	Цифровые активы (криптовалюта, NFT)
Орган учета / регистратор	Росреестр, банки, ГИБДД, депозитарии	Отсутствует (децентрализованный распределенный реестр)
Механизм розыска нотариусом	Направление официальных электронных запросов через ЕИС нотариата	Невозможен без предоставления наследниками адреса кошелька и ключей
Идентификация владельца	Персональные данные (ФИО, паспорт, СНИЛС)	Псевдонимность, криптографический адрес кошелька
Исполнение воли (переход прав)	Регистрация прав на основании свидетельства о праве на наследство	Фактическая передача сид-фразы (seed phrase) или приватного ключа

Не менее сложным и запутанным, по существу, является вопрос перехода прав на доменные имена и пользовательские аккаунты. Если криптовалюта обладает очевидной, легко исчислимой экономической ценностью, то профили в социальных медиа имеют комплексную правовую природу. Они зачастую сочетают в себе как имущественный элемент (доходы от встроенной монетизации, рекламные контракты, наработанная клиентская база), так и сугубо личный неимущественный компонент (конфиденциальная переписка, тайна связи, неприкосновенность частной жизни). В отличие от предыдущих подходов, при которых жестко разделялись эти правовые категории, цифровой профиль современного публичного деятеля или предпринимателя представляет собой единый неразрывный конструкт. В дополнение к отмеченному, автоматическая передача аккаунта по наследству нередко прямо блокируется пользовательскими соглашениями (Terms of Service) транснациональных IT-корпораций [2, 7, 9]. Вероятно, в ближайшем будущем судам предстоит выработать очень точные критерии отделения коммерческой (наследуемой) составляющей аккаунта от личной (прекращающейся смертью).

Что касается доменных имен, то российская судебная практика на сегодняшний день разделилась на два диаметрально противоположных лагеря. На основании отмеченного подчеркнем наличие серьезной доктринальной и правоприменительной неопределенности.

Так, первая позиция судов базируется на том, что право администрирования домена имеет реальную рыночную стоимость, является активом, подлежит включению в наследственную массу в качестве «иного имуще-

ства» по смыслу статьи 128 ГК РФ. В рамках описываемого подхода наследники могут на законных основаниях переоформить веб-адрес на свое имя [9].

Однако вторая, значительно более консервативная позиция, трактует предоставление доменного имени исключительно как длящуюся информационную услугу. В частности, в Апелляционном определении Московского городского суда от 02 марта 2020 года по делу № 33-9821/2020 было констатировано, что договор регистрации домена по своей юридической природе является договором возмездного оказания услуг. Действие такого договора (в силу императивных предписаний статьи 418 ГК РФ) автоматически прекращается со смертью гражданина, поскольку исполнение обязательства прямо связано с личностью конкретного администратора. Как следствие, наследники лишаются прав на раскрученный вебресурс, который может быть оперативно перекуплен третьими лицами [9]. Основные подходы судов систематизированы в таблице 2.

Таблица 2
Противоречия в судебной практике РФ по вопросам наследования доменных имен (составлено на основе [2, 7, 9])

Аспект	Домен	
	Как имущественное право	Как услуга (ст. 418 ГК РФ)
Правовая природа	Относится к «иному имуществу» (ст. 128 ГК РФ)	Договор возмездного оказания услуг
Переход по наследству	Допускается в порядке универсального правопреемства	Не допускается, правоотношение прекращается
Действия регистратора	Обязан переоформить домен на законного наследника	Вправе аннулировать домен и выставить его на открытую продажу
Экономические последствия	Сохранение бизнес-актива за семьей умершего	Риск потери интернет-магазина, бренда, медиа-площадки

Перед формулированием итоговых выводов предлагается представить авторские рекомендации по преодолению выявленных нормативных и правоприменительных коллизий.

Так, целесообразно легализовать в российском гражданском праве специальный институт «цифрового душеприказчика» (информационного исполнителя завещания). Назначение описываемой меры состоит в обеспечении легитимной передачи приватных ключей, seed-фраз, паролей доверенному лицу без необходимости их открытого декларирования нотариусу в публичном или полупубличном реестре. Новизна шага выражается в создании гибридной модели наследования: нотариус лишь удостоверяет факт наличия закрытого цифрового распоряжения с зашифрованным аппаратным носителем, а верифицированный душеприказчик осуществляет фактический технический перевод активов на криптокошельки наследников. Благодаря этому решается острая проблема компрометации данных и кражи криптовалютных средств в процессе юридического оформления наследства.

Помимо этого, видится разумным дополнить статью 1112 ГК РФ специальным пунктом, который содержал бы прямое указание на то, что в состав наследства безусловно входят права по администрированию доменных имен и учетных записей, используемых наследодателем для осуществления предпринимательской деятельности либо извлечения дохода. Обоснованность характеризуемой инициативы продиктована явной необходимостью защиты законных экономических интересов семьи умершего. Это поможет нивелировать проблему, касающуюся неосновательного обогащения хостинг-провайдеров и регистраторов, которые в настоящее время формально аннулируют ценные домены умерших лиц в связи с невозможностью оплаты ими счетов, а затем выгодно реализуют их на вторичном рынке киберсквоттерам. Принятие отмеченных мер позволит надежно синхронизировать архаичные наследственные процедуры с реалиями цифровой экономики.

Заключение

Текущее состояние российского гражданского законодательства не в полной мере отвечает глобальным вызовам digital-эпохи, особенно в части обеспечения надежных гарантий универсального правопреемства. Вследствие этого резюмируем, что точечные и фрагментарные изменения, в частности, введение статьи 141.1 ГК РФ или упоминание цифровых прав в статье 128 ГК РФ, заложили лишь базовый концептуальный «фундамент». Они обозначили общий вектор правового развития, но так и не сформировали целостного, работающего механизма перехода виртуальных ценностей от наследодателя к его правопреемникам.

В статье было аргументированно доказано, что ключевым препятствием для правоприменителей является не столько банальное отсутствие легальных терминов, сколько объективная технико-юридическая специфика самих объектов. Речь идет о криптографической анонимности виртуальных валют, экстерриториальности корпоративных платформенных решений, смешанном, личноимущественном характере пользовательских аккаунтов. Продемонстрировано, что судебная и нотариальная практика, в сопоставлении с более ранними, стабильными этапами развития отечественной цивилистики, в настоящий момент находится в состоянии серьезной турбулентности. Это обстоятельство наиболее отчетливо иллюстрируется взаимоисключающими судебными актами по спорам об унаследовании доменных имен (выбор между вещно-правовым подходом и концепцией оказания услуг).

В перспективе полученные в ходе исследования результаты, а также сформулированные авторские рекомендации могут быть продуктивно применены в законотворческой деятельности, к примеру, при плановой модернизации раздела V Гражданского кодекса РФ «Наследственное право». Внедрение института цифрового душеприказчика; прямое нормативное закрепление имущественного статуса коммерческих доменов и профилей даст возможность эффективно преодолеть сложившийся правовой вакуум. Практическая реализация предложенных новаторских подходов вооружит нотариальное сообщество четкими, понятными алгоритмами работы с криптографическим имуществом, существенно снизит конфликтную нагрузку на судебную систему и, что является наиболее значимым, обеспечит реальную защиту экономических интересов граждан. Именно гармоничный симбиоз глубокого технологического понимания природы интернета и классической правовой догматики способен превратить концепцию «цифрового наследства» из иллюзорной фикции в надежное экономическое благо, которое доступно для будущих поколений.

Литература

1. Барданова М.А. Актуальные вопросы наследования цифровых активов // Universum: экономика и юриспруденция. – 2023. – № 9-10 (108). – С. 7-9.

2. Брусенцева М.И., Бабенкова В.Р. Наследование цифровых активов: вызовы и решения для криптовалют и доменных имен // Российский научный вестник. – 2025. – № 7. – С. 115-118.

3. Вараксин М. Криптовалюта в российских судах: важная практика без банкротства // URL: https://pravo.ru/story/246134/ (дата обращения: 13.04.2026).

4. Матвеев Д.А., Садеков Р.Р. Современные юридические аспекты в сфере наследования криптовалюты // Право и практика. – 2025. – № 1. – С. 186-192.

5. Мирзоев Э.В. Правовая судьба интернет-аккаунтов при их наследовании // Наследственное право. – 2025. – № 2. – С. 29-32.

6. Панарина М.М. Наследование цифровых активов: как защитить свои цифровые активы в виртуальном мире? // Наследственное право. – 2025. – № 4. – С. 18-20.

7. Петров Н.В., Брусенцева М.И., Труфанова А.Ю. Наследование цифровых активов: криптовалют, аккаунтов, доменных имен // Российский научный вестник. – 2025. – № 10. – С. 206-209.

8. Примак В.Г., Бегичева Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования наследования цифровых активов // Право и управление. – 2024. – № 6. – С. 362-366.

9. Смирнов М. Наследование доменных имен: 2 позиции судов // URL: https://privat-docent.ru/articles/nasledovanie-domennyh-imen-2poziciisudov/ (дата обращения: 13.04.2026).

10. Стародубова Л.В., Соколова А.А., Петренко В.В. Актуальные вопросы наследования криптовалюты // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 2. – № 4 (109). – С. 37-48.

11. Сулейманова М.И. Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 6-1. – С. 151-158.

Inheritance of Digital Assets (Cryptocurrency, Accounts, Domain Names): Problems of Law Enforcement

Umetova E.A., Zumakulova Z.A.

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov

The article is devoted to one of the most contentious areas of modern civil law—the inheritance of digital assets, including cryptocurrencies, accounts on digital platforms, and domain names. The relevance of the topic is driven by the fact that economically significant objects increasingly exist in digital form rather than as physical property, yet inheritance law mechanisms in Russia remain primarily focused on traditional assets. As a result, a clear gap arises between the actual value of such assets and the legal possibility of their transfer to heirs. The objective of the study is to identify the most acute law enforcement problems encountered when including digital assets in the probate estate and to propose legally grounded methods for overcoming them, taking into account Russian judicial and notarial practice. The article demonstrates that the primary contradiction lies between the economic nature of a digital asset as property and the absence of a stable procedural mechanism for its identification, accounting, and transfer to heirs. The author concludes that current regulation does not constitute a cohesive model for digital inheritance and requires structural, rather than cosmetic, adjustment. The material presented in the work will be useful to civil law researchers, notaries, judges, attorneys, practicing lawyers in the IT and inheritance dispute sectors, and developers of legislative initiatives.

Keywords: account, civil law, domain name, cryptocurrency, inheritance, judicial practice, digital assets.

References

1. Bardanova M.A. Topical issues of digital asset inheritance // Universum: Economics and Law. – 2023. – No. 9-10 (108). – P. 7-9.
2. Brusentseva M.I., Babenkova V.R. Inheritance of digital assets: challenges and solutions for cryptocurrencies and domain names // Russian Scientific Bulletin. – 2025. – No. 7. – P. 115-118.
3. Varaksin M. Cryptocurrency in Russian courts: important practice without bankruptcy // URL: https://pravo.ru/story/246134/ (accessed: 13.04.2026).
4. Matveev D.A., Sadekov R.R. Modern legal aspects in the field of cryptocurrency inheritance // Law and Practice. – 2025. – No. 1. – P. 186-192.
5. Mirzoev E.V. The legal fate of internet accounts in their inheritance // Inheritance Law. – 2025. – No. 2. – P. 29-32.
6. Panarina M.M. Inheritance of digital assets: how to protect your digital assets in the virtual world? // Inheritance Law. – 2025. – No. 4. – P. 18-20.
7. Petrov N.V., Brusentseva M.I., Trufanova A.Yu. Inheritance of digital assets: cryptocurrencies, accounts, domain names // Russian Scientific Bulletin. – 2025. – No. 10. – P. 206-209.
8. Primak V.G., Begicheva E.V. Some aspects of legal regulation of digital asset inheritance // Law and Management. – 2024. – No. 6. – P. 362-366.
9. Smirnov M. Inheritance of domain names: 2 positions of the courts // URL: https://privat-docent.ru/articles/nasledovanie-domennyh-imen-2poziciisudov/ (accessed: 13.04.2026).
10. Starodubova L.V., Sokolova A.A., Petrenko V.V. Topical issues of cryptocurrency inheritance // Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. – 2024. – Vol. 2. – No. 4 (109). – P. 37-48.
11. Suleimanova M.I. Social media account as a digital asset: issues of digital inheritance // Issues of Russian and International Law. – 2023. – Vol. 13. – No. 6-1. – P. 151-158.

Срок в конструкции опциона на заключение договора: значение, функции и последствия истечения

Кварацхелия Константино Тамазиевич
студент, АКО ВО «Московский университет «Синергия»

В статье исследуется значение срока в конструкции опциона на заключение договора. Обосновывается, что срок является не техническим условием соглашения, а элементом, определяющим пределы существования права на акцепт и связанности обязанной стороны. Анализируются функции срока, включая обеспечение правовой определенности, баланса интересов сторон и распределения экономических рисков. Особое внимание уделяется способам установления срока, моменту направления или получения уведомления о реализации опциона, а также последствиям его истечения. Делается вывод о том, что истечение срока прекращает возможность одностороннего заключения основного договора.

Ключевые слова: опцион на заключение договора; срок реализации опциона; право на акцепт; секундарное право; обязанная сторона; одностороннее волеизъявление; основной договор; истечение срока; гражданское право.

Опцион на заключение договора представляет собой организационную договорную конструкцию, направленную на создание правовой возможности заключения основного договора в будущем. Его специфика состоит не в самом отложенном характере договорной связи, а в особом порядке ее формирования: стороны заранее определяют условия возможного основного договора, однако его возникновение ставится в зависимость от одностороннего волеизъявления управомоченной стороны. Тем самым опцион занимает самостоятельное место среди способов организации будущих договорных отношений, поскольку устраняет необходимость повторного согласования воли сторон на стадии реализации предоставленного права [1, с. 147].

Внутренняя логика опциона строится на асимметрии правового положения участников. Управомоченная сторона получает возможность решить, будет ли основной договор заключен, тогда как обязанная сторона заранее принимает на себя связанность условиями возможного договора. Данная связанность не означает возникновения основного обязательства уже в момент заключения опциона. Она выражается в том, что обязанная сторона признает юридическую силу будущего акцепта и не вправе после заключения опциона произвольно изменить согласованные условия, отказаться от ранее выраженного согласия либо поставить возникновение основного договора в зависимость от нового одобрения.

Именно в такой конструкции срок приобретает самостоятельное правовое значение. Он не является внешним элементом соглашения и не сводится к указанию удобного периода для совершения формального действия. Срок определяет временные границы существования опционной связанности и тем самым обеспечивает завершенность всей модели [2, с. 94]. Если содержание будущего договора определяет предмет возможного обязательства, а порядок реализации опциона фиксирует способ его возникновения, то срок устанавливает предел, в течение которого одностороннее волеизъявление управомоченной стороны способно породить основной договор.

Значение срока обусловлено тем, что опцион ограничивает договорную свободу обязанной стороны еще до возникновения основного обязательства. Такое ограничение допустимо лишь как временное. Бессрочная или неопределенная связанность противоречила бы назначению опциона, поскольку превращала бы его из инструмента распределения договорных рисков в механизм неоправданного удержания контрагента в состоянии ожидания. Поэтому срок выступает не дополнительным условием, а элементом, через который определяется допустимый объем вмешательства в свободу обязанной стороны.

Срок одновременно определяет объем правовой возможности управомоченной стороны. Предоставленное ей право на акцепт имеет преобразующий характер, поскольку его осуществление способно привести к возникновению основного договора без повторного согласия контрагента. Однако преобразующий эффект такого волеизъявления сохраняется только в пределах установленного периода [3, с. 190]. До его истечения управомоченная сторона сохраняет возможность воспользоваться предоставленным правом; после истечения срока данная возможность прекращается как элемент опционной конструкции.

Следует разграничивать срок реализации опциона и сроки, относящиеся к будущему основному договору. Первый действует на организационной стадии и определяет период существования права на акцепт. Вторые имеют значение лишь после возникновения основного обязательства и связаны с исполнением уже заключенного договора. Их смешение искажает юридическую природу опциона, поскольку переносит акцент с механизма формирования договора на режим его последующего исполнения [4, с. 110].

Срок реализации опциона определяет период, в течение которого право на акцепт сохраняет конститутивное значение. Поэтому юридическое значение имеет не только наличие волеизъявления управомоченной стороны, но и момент его совершения. Акцепт, заявленный в пределах срока, завершает заранее согласованный механизм заключения договора; акцепт, совершенный после его истечения, уже не обладает таким эффектом. В последнем случае речь может идти лишь о новом предложении заключить договор, но не о реализации ранее предоставленного права [5, с. 422].

Данная логика особенно важна для ситуаций, когда опцион связан с изменением рыночной стоимости актива, корпоративного контроля, инвестиционного участия или иного экономически значимого объекта. Управомоченная сторона получает возможность наблюдать за изменением обстоятельств и принять решение позднее, однако только в пределах установленного периода. Например, если опцион предоставляет право приобрести долю участия по заранее определенной цене до конкретной календарной даты, то после наступления этой даты прежняя цена и прежние условия уже не могут быть навязаны обязанной стороне через односторонний акцепт [6, с. 50]. Иное означало бы превращение срока из юридического предела осуществления права в ориентировочный период его реализации, что противоречит самой конструкции опциона.

Срок выступает также границей связанности обязанной стороны. В период действия опциона она не вправе игнорировать предоставленное управомоченной стороне право: изменять согласованные условия будущего договора, требовать новой цены, уклоняться от признания акцепта, ссылаться на последующую утрату интереса к сделке. Однако после истечения срока эта связанность прекращается, что принципиально меняет правовое положение обязанной стороны и исключает сохранение прежнего режима ожидания.

Практическое значение данного разграничения проявляется в ситуациях, когда в опционе одновременно определены срок акцепта и сроки исполнения будущего договора. Если опцион предусматривает право купить имущество до 1 июня, а передача имущества должна состояться в течение десяти дней после акцепта, то срок до 1 июня ограничивает возможность реализации права, а десятидневный период относится уже к исполнению возникшего обязательства. Смешение этих сроков создает риск ошибочного вывода о сохранении права на акцепт до момента исполнения, хотя фактически оно прекращается с истечением срока реализации опциона.

Функция правовой определенности проявляется в том, что срок позволяет установить, существовало ли право на акцепт в момент его осуществления. Для оценки реализации опциона недостаточно проверить содержание уведомления; необходимо определить, было ли оно совершено в период действия предоставленного права. При календарном сроке проверяется соблюдение установленной даты, при сроке-периоде — начальный и конечный моменты его течения, при сроке, связанном с событием, — объективная возможность установить наступление такого события и его влияние на пределы осуществления акцепта [7, с. 241].

Функция баланса интересов выражается в ограничении асимметрии, заложенной в опционной конструкции. Управомоченная сторона получает период для оценки целесообразности будущего договора, тогда как обязанная сторона на этот же период утрачивает возможность свободно пересмотреть ранее согласованные условия. Продолжительность срока определяет объем такого ограничения: длительный срок усиливает экономическую нагрузку на обязанную сторону, краткий — снижает практическую ценность опциона для управомоченного лица. Поэтому срок выступает мерой допустимого расхождения между свободой выбора одной стороны и связанностью другой.

Функция распределения рисков проявляется в том, что на период действия опциона обязанная сторона принимает риск изменения экономической ценности будущей сделки. Если предмет договора увеличился в стоимости, изменились рыночные условия или прежняя цена стала менее выгодной, это само по себе не устраняет связанность обязанной стороны. Однако такой риск существует только в пределах срока реализации опциона [8, с. 30]. После его истечения управомоченная сторона не вправе использовать ранее согласованные условия как основание для одностороннего заключения договора.

Указанные функции срока получают практическое значение только при условии, что стороны предусмотрели способ его определения, позволяющий установить начальный и конечный моменты реализации права на акцепт. Поэтому вопрос о сроке в опционе не исчерпывается признанием его необходимости; принципиальное значение имеет то, каким образом он сформулирован в соглашении.

Наиболее определенным способом установления срока является указание календарной даты, до которой управомоченная сторона вправе реализовать опцион. Такая модель позволяет без дополнительного толкования установить последний день существования права на акцепт. Вместе с тем даже при календарном сроке необходимо определить, какое действие должно быть совершено до его истечения: направление уведомления, получение уведомления обязанной стороной либо иное предусмотренное соглашением действие [9, с. 6].

Срок может быть определен и через период времени: например, в течение тридцати дней с момента заключения опциона, наступления определенного обстоятельства или совершения обязанной стороной предварительного действия. В такой модели принципиальное значение имеет начальный момент течения срока. Если он связан с событием, это событие должно быть объективно устанавливаемым и не требовать нового согласования сторон. Чем сложнее способ определения срока, тем выше риск спора о моменте прекращения права на акцепт.

От срока реализации опциона следует отличать условие, от которого зависит возможность акцепта. Условие определяет обстоятельство, при наличии которого управомоченная сторона вправе реализовать предоставленное право, тогда как срок устанавливает внешний временной предел его осуществления. Например, опцион может предусматривать, что акцепт допускается после получения корпоративного одобрения, но не позднее определенной даты [10, с. 251]. В этом случае наступление условия открывает возможность реализации опциона только в пределах установленного срока. Если соответствующее условие наступило после его истечения, акцепт уже не может породить основной договор, поскольку право на его совершение прекратилось.

Существенное значение имеет момент реализации опциона: направление уведомления, его получение обязанной стороной либо совершение иного действия, прямо

предусмотренного соглашением. Если стороны связывают реализацию права с направлением уведомления, управомоченная сторона должна доказать его отправку в пределах срока и установленным способом. Если юридическое значение имеет получение уведомления, риск задержки доставки, неправильного адресования или технического сбоя, как правило, ложится на управомоченную сторону. Поэтому уведомление, направленное в последний день срока, но полученное позднее, может породить основной договор только при условии, что стороны признали юридически значимым именно момент отправки. При отсутствии ясного регулирования спор о реализации опциона неизбежно смещается к вопросу о том, какое действие должно было быть совершено до истечения срока.

Надлежащая реализация опциона предполагает совпадение нескольких условий: наличие действующего права на акцепт, соблюдение установленного срока, соответствие уведомления согласованной форме и направленность волеизъявления на заключение именно того договора, условия которого были определены в опционе. Если управомоченная сторона изменяет условия будущего договора, добавляет новые требования или формулирует акцепт с оговорками, такое волеизъявление не может рассматриваться как реализация опциона. В этом случае оно выходит за пределы предоставленного права и приобретает значение нового предложения о заключении договора. Своевременность направления уведомления не восполняет дефекты его содержания, поскольку опцион допускает одностороннее заключение только того договора, параметры которого были согласованы заранее [11, с. 229].

Истечение срока реализации опциона влечет прекращение права на акцепт. Это последствие наступает не в силу нарушения со стороны управомоченного лица, а вследствие неосуществления предоставленного правомочия в установленный период. Поэтому пропуск срока не следует смешивать с ненадлежащим исполнением обязанности. Управомоченная сторона, как правило, не обязана реализовывать опцион; она лишь обладает такой возможностью. Если эта возможность не использована, прекращается организационное правоотношение, обеспечивавшее одностороннее заключение основного договора, а сам основной договор не возникает.

После истечения срока прекращается связанность обязанной стороны ранее выраженным согласием. Она больше не обязана сохранять готовность к заключению основного договора на прежних условиях, соблюдать ранее установленную цену, предмет или иные параметры будущей сделки, а также учитывать прежний опцион как действующее ограничение своей договорной свободы. Актив, доля, имущественное право или иной объект, в отношении которого был предоставлен опцион, могут быть использованы в дальнейшем обороте без учета прекратившегося права на акцепт, если стороны не заключили новое соглашение или не продлили действие прежней опционной конструкции [12, с.127].

Волеизъявление, совершенное после истечения срока, не является акцептом в опционном смысле и не способно породить основной договор в одностороннем порядке. Его значение может состоять лишь в выражении готовности заключить договор на условиях, ранее предусмотренных опционом. Однако для возникновения обязательства в такой ситуации требуется новое согласие обязанной стороны. Признание за просроченным волеизъявлением конститутивного эффекта фактически означало бы восстановление прекратившегося права на акцепт по решению только управомоченной стороны, что несовместимо с природой опциона как конструкции с заранее установленными временными пределами.

Продление срока реализации опциона возможно на основании соглашения сторон либо заранее предусмотренного в опционе механизма, поскольку в любом случае оно затрагивает период связанности обязанной стороны. Одностороннее продление по усмотрению управомоченного лица недопустимо, если такая возможность не была согласована при установлении опционной конструкции. Даже когда опцион допускает автоматическое продление, соответствующее условие должно позволять обязанной стороне заранее определить максимальный объем своей связанности. Неопределенное или многократное продление без ясных пределов способно нарушить баланс конструкции и фактически приблизить ее к модели бессрочного ограничения договорной свободы [13, с. 81].

Правовые последствия истечения срока подтверждают конструктивное значение данного элемента для опциона на заключение договора. Срок определяет момент, после которого прекращается преобразующее право управомоченной стороны, утрачивает юридическую силу заранее выраженное согласие обязанной стороны и исключается возможность заключения основного договора посредством одностороннего волеизъявления. С этого момента договорная связь между сторонами может возникнуть только на общем основании — посредством нового согласования воли [14, с. 753].

Значение срока в конструкции опциона на заключение договора заключается в том, что он обеспечивает соразмерность между юридической определенностью, экономическим интересом сторон и пределами договорной свободы. Для управомоченной стороны срок устанавливает период осуществления выбора; для обязанной стороны — момент прекращения связанности ранее выраженным согласием [15, с. 81]. Корректное определение срока, порядка его исчисления и момента реализации права имеет не только техническое, но и квалифицирующее значение, поскольку позволяет разграничить действительный акцепт по опциону и новое предложение о заключении договора. Опцион сохраняет самостоятельность и практическую эффективность лишь тогда, когда право на акцепт, связанность обязанной стороны и последствия истечения срока образуют единую правовую конструкцию, в которой одностороннее влияние на договорное положение контрагента имеет заранее определенные временные пределы.

Литература

1. Тюменцев, И.А. Правовая природа опциона на заключение договора: аспекты нормативного определения / И.А. Тюменцев // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 146-151.

2. Мурдалов, Д.Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора / Д.Р. Мурдалов // Право и политика. – 2025. – № 10. – С. 92-98.

3. Сабитова, Е.В. К вопросу о соотношении опциона на заключение договора и опционного договора / Е.В. Сабитова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5. – С. 189-191.

4. Дейнега, К.Е. Правовая природа исполнения по опционным сделкам / К.Е. Дейнега // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 109-115.

5. Минеханов, Р.Р. Опционный договор в российском гражданском праве / Р.Р. Минеханов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 421-423.

6. Романенко, С.А. Опцион на покупку или продажу доли (акций) в уставном капитале как универсальный способ разрешения корпоративных конфликтов / С.А. Романенко // Вестник экономики и права. – 2025. – № 3. – С. 48-53.

7. Березкина, В.С. Правовая природа соглашения о предоставлении опциона на заключение договора / В.С.

Березкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2. – С. 240-244.

8. Обедин, Е.В. Место опциона на заключение договора среди иных обеспечительных, инвестиционных и предварительных механизмов / Е.В. Обедин // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – № 4. – С. 26-32.

9. Мурдалов, Д.Р. Сравнительный анализ опциона на заключение договора и опционного договора / Д.Р. Мурдалов // Юридические исследования. – 2022. – № 3. – С. 1-8.

10. Коровкин, С.В. Опцион на заключение договора: к вопросу об истоках данной правовой конструкции в русском дореволюционном правоведении / С.В. Коровкин // Юридическая наука. – 2023. – № 5. – С. 250-253.

11. Ермолович, В.Ф. Основания ответственности за правонарушения на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок / В.Ф. Ермолович // Право: история и современность. – 2024. – № 2. – С. 213-234.

12. Филиппова, А.И. Категории «бронирование», «резервирование», «ожидание» как инструменты регулирования обязательственных отношений / А.И. Филиппова // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 125-133.

13. Балашов, Е.М. Сравнение опционов и опционных договоров в российском праве / Е.М. Балашов // Вестник экономики и права. – 2025. – № 1. – С. 79-82.

14. Ульянов, А.В. Проблемы контроля за соблюдением договорных преимущественных прав / А.В. Ульянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 748-764.

15. Лаптев, В.А. Корпоративный договор на современном этапе: обеспечение потребностей инвесторов и эффективное управление обществом / В.А. Лаптев // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 75-96.

The term in the design of the option to conclude the contract: meaning, functions, and consequences of expiration

Kvaratskhelia K.T.
Moscow University "Synergy"

The article examines the significance of the term in the construction of an option to conclude a contract. It is proved that the term is not a technical condition of the agreement, but an element defining the limits of the existence of the right to acceptance and the binding of the obligated party. The functions of the term are analyzed, including ensuring legal certainty, balancing the interests of the parties and distributing economic risks. Particular attention is paid to the methods of setting the deadline, the time of sending or receiving notification of the exercise of the option, as well as the consequences of its expiration. It is concluded that the expiration of the term terminates the possibility of a unilateral conclusion of the main agreement.

Keywords**:** option to conclude a contract; term of the option; right to accept; second right; obligated party; unilateral expression of will; main contract; expiration; civil law.

References

1. Tyumentsev, I.A. Legal nature of the option to conclude a contract: aspects of the normative definition / I.A. Tyumentsev // Legal science. - 2023. - No. 12. - Pp. 146-151.
2. Murdalov, D.R. Legal nature of the option to conclude a contract and the option agreement / D.R. Murdalov // Law and Politics. - 2025. - No. 10. - Pp. 92-98.
3. Sabitova, E.V. On the issue of the relationship between the option to conclude a contract and the option agreement / E.V. Sabitova // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 5. - Pp. 189-191.
4. Deinega, K.E. Legal nature of execution under option transactions / K.E. Deinega // Issues of Russian justice. – 2023. – No. 28. – P. 109-115.
5. Minekhanov, R.R. Option agreement in Russian civil law / R.R. Minekhanov // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 5. – P. 421-423.
6. Romanenko, S.A. Option to buy or sell a share (stocks) in the authorized capital as a universal way of resolving corporate conflicts / S.A. Romanenko // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – No. 3. – P. 48-53.
7. Berezkina, V.S. Legal nature of the agreement on granting an option to conclude an agreement / V.S. Berezkina // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2025. – No. 2. – P. 240-244.
8. Obedin, E.V. The Place of the Option to Conclude a Contract Among Other Security, Investment, and Preliminary Mechanisms / E.V. Obedin // Bulletin of Economics, Management, and Law. - 2025. - No. 4. - Pp. 26-32.
9. Murdalov, D.R. Comparative Analysis of the Option to Conclude a Contract and the Option Agreement / D.R. Murdalov // Legal Research. - 2022. - No. 3. - Pp. 1-8.
10. Korovkin, S.V. Option to Conclude a Contract: On the Issue of the Origins of This Legal Structure in Pre-Revolutionary Russian Jurisprudence / S.V. Korovkin // Legal Science. - 2023. - No. 5. - Pp. 250-253.
11. Ermoolovich, V.F. Grounds for liability for offenses at the pre-contractual stage of civil transactions / V.F. Ermoolovich // Law: history and modernity. - 2024. - No. 2. - P. 213-234.
12. Filippova, A.I. The categories of "booking", "reservation", "waiting" as instruments for regulating contractual relations / A.I. Filippova // Civil Service and Personnel. - 2025. - No. 2. - P. 125-133.
13. Balashov, E.M. Comparison of options and option agreements in Russian law / E.M. Balashov // Bulletin of Economics and Law. - 2025. - No. 1. - P. 79-82.
14. Ulyanov, A.V. Problems of control over compliance with contractual preemptive rights / A.V. Ulyanov // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. - 2023. - No. 3. - P. 748-764.
15. Laptev, V.A. Corporate Agreement at the Current Stage: Meeting the Needs of Investors and Effective Management of the Company / V.A. Laptev // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2025. - No. 2. - P. 75-96.

Коллизии между исполнительным производством и процедурами банкротства физического лица

Киселёв Владислав Вячеславович
аспирант, Московский университет имени С.Ю. Витте, vladislavkiselev2797@gmail.com

В статье взаимодействия норм банкротного и исполнительного законодательства рассматривается через механизм обращения взыскания на имущество должника. Анализ сосредоточен на ситуациях, при которых индивидуальное принудительное взыскание продолжается после введения процедуры реализации имущества, что приводит к перераспределению активов вне установленной очередности. Автор отмечает момент перехода к конкурсной процедуре, определяющий предел допустимости исполнительных действий и последующую судьбу удержанных средств, арестованного имущества и предъявленных требований. В статье делается акцент на изменении функционального назначения исполнительного документа: он утрачивает значение самостоятельного основания для обращения взыскания и используется как средство фиксации требования при его включении в совокупность требований кредиторов. Рассматриваются последствия несинхронности действий участников процедур. Предлагаемое уточнение регулирования связано с закреплением прямого эффекта введения процедуры банкротства для исполнительного производства и дифференциацией требований в зависимости от их правовой природы. Обосновывается необходимость согласования действий участников и внедрения механизмов автоматизированного информационного обмена, позволяющих прекратить индивидуальное взыскание по требованиям, подлежащим включению в конкурсную массу, при сохранении исполнения по текущим обязательствам.

Ключевые слова: исполнительное производство, банкротство граждан, конкурсная масса, требования кредиторов, обращение взыскания, финансовый управляющий.

Введение

Взаимодействие исполнительного производства и процедур банкротства граждан позволяет обнаружить противоречия, которые обусловлены различием исходных принципов организации этих правовых механизмов. Правовое регулирование взаимодействия исполнительного производства и процедур банкротства граждан формируется на стыке двух нормативных массивов — законодательства о принудительном исполнении судебных актов и законодательства о несостоятельности. Основные положения, определяющие правовой режим обращения взыскания на имущество должника, закреплены в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в то время как Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает специальный порядок удовлетворения требований кредиторов в отношении гражданина, признанного банкротом. И. В. Фролов связывает напряжение между исполнительным производством и процедурами банкротства с различием моделей имущественного иммунитета, указывая, что переход к конкурсной конструкции предполагает перераспределение ограничений обращения взыскания и отказ от приоритета отдельного взыскателя в пользу совокупности кредиторов; сходную линию проводит Д. И. Хабибулина, рассматривая имущественные иммунитеты как элемент, по-разному встроенный в индивидуальное и коллективное взыскание [1; 3].

Введение процедур банкротства, в частности процедуры реализации имущества гражданина, сопровождается формированием конкурсной массы и переходом к коллективному механизму удовлетворения требований кредиторов (ст. 213.25, 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Так, исполнительные документы подлежат передаче финансовому управляющему, а дальнейшие расчеты с кредиторами осуществляются в рамках конкурсной массы.

Исполнительное производство формировалось как средство индивидуального принудительного взыскания. Его конструкция ориентирована на реализацию права конкретного кредитора, предъявившего исполнительный документ. Судебный пристав обращает взыскание на имущество должника, производит удержания из доходов, организует реализацию активов. Кредитор, который раньше инициировал процедуру взыскания, получает возможность фактически реализовать свое требование быстрее других взыскателей. Как отмечает В. П. Скобелев, проблематика обеспечительных мер в исполнительном производстве проявляется прежде всего в их инерционности, когда наложенные ограничения продолжают действовать вне зависимости от изменения правового режима исполнения, что усиливает эффект наложения процедур [2]. В этом аспекте Ю. В. Григоренко и В. Г. Гриб обращают внимание на стадию реализации арестованного имущества, где различие процедурных алгоритмов приводит к ситуации конкурирующих форм продажи одного и того же актива [4].

Процедуры банкротства граждан используют иную правовую логику.

С момента возбуждения дела о несостоятельности имущественные требования кредиторов объединяются в единую систему. Имущество должника образует конкурсную массу, а удовлетворение требований осуществля-

ется в рамках установленной законом очередности. Финансовый управляющий аккумулирует активы должника и организует их распределение между кредиторами. В результате индивидуальное взыскание уступает место коллективному механизму удовлетворения требований.

Таким образом, в правовой системе сосуществуют две модели обращения взыскания на имущество должника. Исполнительное производство допускает преимущество одного взыскателя перед другими, тогда как процедуры банкротства ориентированы на равное распределение имущественной массы между кредиторами. Это различие становится источником коллизий при одновременном применении указанных механизмов.

Конкуренция исполнительного производства и процедур банкротства граждан: природа и типология правовых коллизий

Кредитор предъявляет исполнительный документ судебному приставу и инициирует обращение взыскания на имущество должника. Одновременно сам должник или иной кредитор обращается в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом. В результате имущественная сфера должника оказывается вовлеченной в два различных правовых режима. Каждый из них предполагает собственный порядок обращения взыскания на имущество и собственные правила распределения полученных средств.

Первая группа коллизий возникает на стадии возбуждения дела о банкротстве. Закон связывает введение процедуры реализации имущества гражданина с прекращением индивидуального взыскания. Исполнительные документы подлежат передаче финансовому управляющему, а дальнейшее удовлетворение требований должно происходить в рамках дела о банкротстве. Однако в действительности между вынесением судебного акта о введении процедуры и прекращением исполнительных действий образуется временной промежуток. В этот период удержания из доходов должника продолжаются, аресты имущества сохраняются, а исполнительные производства формально остаются действующими.

Вторая группа коллизий связана с обращением взыскания на имущество должника. В исполнительном производстве судебный пристав вправе арестовать имущество, подготовить его к реализации и передать на торги. Введение процедуры банкротства меняет правовой режим активов должника. Имущество должно быть включено в конкурсную массу и реализовано финансовым управляющим. В практической ситуации нередко обнаруживается, что имущество уже арестовано в исполнительном производстве либо выставлено на торги. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе такого имущества и о том, какая процедура должна завершить его реализацию.

Третья группа коллизий проявляется при обращении взыскания на доходы гражданина. Исполнительное производство допускает регулярные удержания из заработной платы и иных доходов должника. После введения процедуры банкротства доходы начинают рассматриваться как источник формирования конкурсной массы. В действительности удержания по исполнительным документам могут продолжаться, тогда как финансовый управляющий одновременно формирует выплаты кредиторам в рамках процедуры банкротства.

Судебный пристав перечисляет взысканные суммы конкретному кредитору. Процедура банкротства предполагает включение поступающих средств в конкурсную массу и их последующее распределение между всеми кредиторами. Если удержание денежных средств произошло незадолго до введения процедуры банкротства, возникает вопрос о правовом режиме этих средств и о том, в чью пользу они подлежат перечислению.

Освобождение гражданина от обязательств означает прекращение дальнейшего взыскания по требованиям кредиторов. Исполнительные производства, возбужденные ранее, продолжают существовать в информационных системах органов принудительного исполнения. В таких ситуациях требуется решение вопроса о правовой судьбе соответствующих производств и о возможности продолжения исполнительных действий.

Рассматриваемые коллизии проявляются на различных стадиях обращения взыскания на имущество должника. Одни возникают в момент перехода от индивидуального взыскания к процедуре банкротства. Другие связаны с различием правовых режимов распоряжения имуществом и доходами гражданина. Третьи проявляются при распределении денежных средств и завершении процедуры банкротства. Совокупность этих ситуаций позволяет говорить о системной конкуренции двух правовых механизмов, каждый из которых построен на собственной модели удовлетворения требований кредиторов.

Механизмы разрешения коллизий между исполнительным производством и банкротством граждан

Коллизии, возникающие при наложении исполнительного производства на процедуру банкротства гражданина, обнаруживают себя не в виде отдельных несогласованностей норм, а через расхождение в способе организации обращения взыскания. В одном случае требование реализуется как индивидуальное притязание, в другом — включается в совокупность требований, подлежащих соразмерному удовлетворению. Переход от одной модели к другой фиксируется юридическим фактом введения процедуры реализации имущества, однако последствия этого перехода разворачиваются не одномоментно. О. Н. Бармина и Е. С. Кощеева фиксируют, что реализация имущества в делах о банкротстве граждан сталкивается с искажением последовательности удовлетворения требований, если активы уже вовлечены в исполнительное производство [6], тогда как К. И. Гурылева показывает, что сама процедура торгов в банкротстве допускает поведенческие стратегии участников, способные повлиять на распределение имущественной массы и усилить дисбаланс между кредиторами [7].

В действующем регулировании такой переход описан через приоритет конкурсной процедуры: после введения реализации имущества дальнейшее удовлетворение требований допускается исключительно в рамках дела о банкротстве (п. 28 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45). Формула задаёт направление, но не устраняет расхождения между юридическим режимом и фактическими действиями субъектов. Исполнительное производство прекращается не в силу самого судебного акта, а после того, как информация о нём достигает судебного пристава и получает процессуальное оформление. И. В. Фролов, анализируя конфликт интересов в делах о банкротстве, связывает его возникновение с перераспределением контроля над активами должника, где смена субъекта распоряжения имуществом трансформирует структуру приоритетов и выявляет несоответствие между логикой исполнительного производства и конкурсной процедуры [8].

Именно в этом разрыве формируется ситуация одновременного применения двух режимов. Исполнительные действия продолжают совершаться на основании ранее выданного исполнительного документа, тогда как материально-правовой режим уже изменён. Судебная практика исходит из того, что приоритет принадлежит именно дате введения процедуры, а не моменту совершения приставом соответствующих действий. Так, в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) указано, что

удержанные после введения процедуры суммы не подлежат сохранению за отдельным взыскателем и включаются в конкурсную массу (раздел «Банкротство граждан», п. 5).

В этом аспекте так называемая «трансформация» исполнительного документа не связана с изменением его содержания или внесением формальных поправок в законодательство об исполнительном производстве. Речь идёт о смене его функции. Исполнительный документ перестаёт служить основанием для индивидуального обращения взыскания и начинает выполнять роль доказательства существования требования, подлежащего учёту в деле о банкротстве. Такая трансформация носит функциональный характер и реализуется через прекращение исполнительных действий и последующее предъявление требования в реестр. Для её устойчивого воспроизведения требуется нормативное закрепление обязанности судебного пристава направлять исполнительный документ финансовому управляющему с одновременным уведомлением взыскателя о необходимости заявления требования в рамках процедуры несостоятельности.

Иное решение приводит к разрыву между двумя процедурами, что уже получило оценку в практике. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) подчёркнуто, что взыскатель, передавший исполнительный документ в службу судебных приставов, вправе рассчитывать на индивидуальное извещение о невозможности продолжения исполнения; обязанность самостоятельного отслеживания сведений о банкротстве признана чрезмерной (п. 21; со ссылкой на чч. 4, 5 ст. 69.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и п. 15 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59). Тем самым связывается прекращение исполнительного производства с обязанностью обеспечить переход требования в процедуру банкротства.

Распределение полномочий между судебным приставом и финансовым управляющим при этом приобретает более определённые очертания. Передача исполнительного документа означает не механическое перемещение процессуального акта, а прекращение полномочий по индивидуальному взысканию и их замещение функцией формирования конкурсной массы. Соответственно, любые удержания из доходов должника после введения процедуры утрачивают правовое основание, поскольку нарушают установленную очередность удовлетворения требований. В Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 305-ЭС19-20531 по делу № А40-187400/2017 указано, что такие удержания создают преимущество отдельного кредитора и подлежат устранению путём возврата средств в конкурсную массу (абз. 3 мотивировочной части).

Разграничение денежных средств, полученных в исполнительном производстве, проводится по моменту завершённости исполнительного действия. Суммы, перечисленные взыскателю до введения процедуры, сохраняют правовое значение как результат завершённого взыскания. Иная оценка даётся средствам, удержанным, но не распределённым к указанной дате: они подлежат включению в конкурсную массу и последующему распределению между кредиторами. Е. Ф. Цокур и А. С. Руденко рассматривают реструктуризацию долга как механизм, призванный стабилизировать положение должника, однако его эффективность снижается при сохранении параллельного индивидуального взыскания, поскольку формирование платежной модели происходит без учета уже осуществляемых удержаний [5]. В этой связи В. М. Шеншин, Д. С. Зудин и Ю. Ю. Тиханова указывают на фрагментарность развития института банкротства, при которой отдельные элементы процедуры функционируют без должной координации с иными механизмами обращения взыскания [9].

Институциональный аспект коллизии проявляется в отсутствии синхронного обмена сведениями между ФССП России и ЕФРСБ. Публикация информации о введении процедуры не обеспечивает её автоматического учёта в системе исполнительного производства. В результате прекращение исполнительных действий зависит от фактора осведомлённости конкретного судебного пристава. С учётом подхода, выраженного Верховным Судом, такая зависимость затрагивает права кредитора и не может рассматриваться как допустимая.

Техническое решение этой проблемы предполагает интеграцию указанных информационных систем с установлением обязанности автоматической передачи сведений о введении процедуры реализации имущества. Получение такого уведомления должно влечь приостановление исполнительных действий по требованиям, подлежащим включению в реестр, с одновременным формированием уведомления взыскателю. Исполнение по текущим обязательствам при этом сохраняется, что соответствует их правовой природе и исключает блокирование текущих платежей.

Реализация данного механизма требует согласованного изменения Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». В частности, положения о последствиях введения процедуры реализации имущества должны быть дополнены указанием на прямой правовой эффект в отношении исполнительных производств по реестровым требованиям, тогда как нормы об исполнительном производстве — закреплением обязанности их приостановления при получении соответствующей информации с одновременным уведомлением взыскателя и передачей исполнительного документа финансовому управляющему.

Заключение

Пересечение исполнительного производства с процедурой реализации имущества выявляет не единичные пробелы регулирования, а несовпадение способов перераспределения имущественной массы. Введение процедуры банкротства изменяет правовой режим требований, однако это изменение не воспроизводится синхронно в механизме принудительного исполнения. В результате исполнительный документ продолжает функционировать как основание индивидуального взыскания в тот период, когда соответствующее требование уже должно быть включено в систему конкурсного распределения.

Отдельные коллизионные ситуации — продолжение удержаний, незавершённая реализация имущества, распределение уже взысканных средств — разрешаются через этот же критерий. Средства, удержанные после введения процедуры, подлежат возврату в конкурсную массу; исполнительный документ утрачивает функцию инструмента принуждения и используется как подтверждение требования при его предъявлении в деле о банкротстве. Тем самым речь идёт не о последовательной смене процедур, а о смене режима обращения взыскания, при которой полномочия судебного пристава прекращаются, а их место занимает деятельность финансового управляющего.

Вместе с тем выявляется зависимость правового результата от фактора осведомлённости участников. Прекращение исполнительного производства должно сопровождаться индивидуальным извещением взыскателя, поскольку иное лишает его возможности своевременно заявить требование в реестр. В этих условиях уточнение правового регулирования связано с обеспечением его реализации. Это предполагает установление прямого правового эффекта введения процедуры в отношении исполнительных производств по требованиям, подлежащим

включению в реестр, а также закрепление обязанности судебного пристава прекращать соответствующие исполнительные действия с передачей исполнительного документа финансовому управляющему и одновременным уведомлением взыскателя. Реализация такого механизма требует согласования положений банкротного и исполнительного законодательства, а также интеграции информационных систем ФССП России и ЕФРСБ.

Литература

1. Фролов И. В. Потребность в формировании модели конкурсного иммунитета в сфере несостоятельности и банкротства граждан и ее достоинства по отношению к модели исполнительского иммунитета // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 56–63.
2. Скобелев В. П. Правовое регулирование мер по обеспечению исполнения исполнительного документа: еще раз о проблемах // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2023. Т. 13 № 2. С. 77–87.
3. Хабибулина Д. И. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2022. № 4. С. 98–109.
4. Григоренко Ю. В., Гриб В. Г. Механизм реализации арестованного имущества: проблемы и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 203–207.
5. Цокур Е. Ф., Руденко А. С. Основные проблемы реструктуризации долга при банкротстве физических лиц в России // Юрист. 2022. № 5. С. 54–58.
6. Бармина О. Н., Кощеева Е. С. Проблемы реализации имущества при банкротстве граждан: по материалам судебной практики // Российский судья. 2023. № 2. С. 7–12.
7. Гурылева К. И. Злоупотребление правами при проведении торгов в рамках процедуры несостоятельности (банкротства): анализ судебной практики и практики ФАС России // Предпринимательское право. 2021. № 2. С. 54–64.
8. Фролов И. В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6(97). С. 3–11.
9. Шеншин В. М., Зудин Д. С., Тиханова Ю. Ю. О некоторых проблемах развития института несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4(101). С. 52–62.

Conflicts between enforcement proceedings and personal bankruptcy procedures

Kiselev V.V.

Moscow University named after S.Yu. Witte

The article examines the interaction of the norms of bankruptcy and enforcement legislation through the mechanism of foreclosure on the debtor's property. The analysis focuses on situations in which individual foreclosure continues after the introduction of the property sale procedure, which leads to the redistribution of assets outside the established order. The author notes the moment of transition to the competitive procedure, which determines the limit of the permissibility of enforcement actions and the subsequent fate of the withheld funds, seized property and claims. The article focuses on changing the functional purpose of the enforcement document: it loses its importance as an independent basis for foreclosure and is used as a means of fixing a claim when it is included in the set of creditors' claims. The consequences of the non-synchronicity of the actions of the participants in the procedures are considered. The proposed clarification of regulation is related to the consolidation of the direct effect of the introduction of bankruptcy proceedings for enforcement proceedings and the differentiation of claims depending on their legal nature. The necessity of coordinating the actions of the participants and the introduction of automated information exchange mechanisms is substantiated, which make it possible to terminate individual recovery of claims subject to inclusion in the bankruptcy estate, while maintaining fulfillment of current obligations.

Keywords: enforcement proceedings, personal bankruptcy, bankruptcy estate, creditors' claims, enforcement of claims, financial administrator.

References

1. Frolov I. V. The need to form a model of competitive immunity in the field of insolvency and bankruptcy of citizens and its advantages in relation to the model of executive immunity // Business Law. 2021. No. 3. pp. 56-63.
2. Skobelev V. P. Legal regulation of measures to ensure the execution of the executive document: once again about the problems // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2023. Vol. 13 No. 2. pp. 77-87.
3. Khabibulina D. I. Property immunities in enforcement proceedings // Bulletin of enforcement proceedings. 2022. No. 4. pp. 98-109.
4. Grigorenko Yu. V., Grib V. G. The mechanism of realization of seized property: problems and prospects of development // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No. 8. pp. 203-207.
5. Tsokur E. F., Rudenko A. S. The main problems of debt restructuring in the bankruptcy of individuals in Russia // Lawyer. 2022. № 5. pp. 54-58.
6. Barmina O. N., Kosheeva E. S. Problems of property sale in case of bankruptcy of citizens: based on judicial practice // The Russian judge. 2023. No. 2. pp. 7-12.
7. Guryleva K. I. Abuse of rights during bidding in the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure: analysis of judicial practice and practice of the FAS of Russia // Business Law. 2021. No. 2. pp. 54-64.
8. Frolov I. V. Conflict of interests in bankruptcy cases: meaning, types, functions and legal consequences // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. No. 6(97). pp. 3-11.
9. Shenshin V. M., Zudin D. S., Tikhanova Yu. Y. On some problems of the development of the institute of insolvency (bankruptcy) // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. No. 4(101). pp. 52-62.

Защита авторских прав и авторский надзор в строительстве. Контроль и аудит проектов сооружений. Проблемы правоприменительной практики

Колдаева Татьяна Николаевна
к.э.н., магистрант направления «Юриспруденция», Университет «Синергия»

В статье исследуется соотношение охраны авторских прав архитектора, авторского надзора, строительного контроля и аудита строительных проектов при реализации архитектурного замысла. Цель работы состоит в выявлении правовых и организационных причин конфликтов, возникающих при изменении проектной документации, отклонении от авторского решения и недостаточности доказательственной фиксации нарушений. Методологическую основу составили анализ научных публикаций, нормативных правовых актов, актуальной судебной практики, сравнительно-правовой и логико-аналитический подходы. Установлено, что наибольшие затруднения возникают при разграничении архитектурного проекта и технической документации, определении пределов допустимой переработки объекта, согласовании изменений с автором и документировании отклонений в ходе строительства. На материале отечественного и зарубежного опыта обоснована целесообразность усиления договорной регламентации изменений проекта, интеграции авторского надзора в систему проектного управления и формирования непрерывной доказательственной среды. Практическая ценность исследования связана с возможностью использования выводов при подготовке договоров, организации надзорных процедур и снижении риска последующих судебных споров.

Ключевые слова: авторские права архитектора, авторский надзор, произведение архитектуры, неприкосновенность архитектурного проекта, строительный контроль, аудит строительных проектов, судебная практика, проектная документация, договорное регулирование, защита авторских прав.

Введение

Актуальность исследования определяется устойчивым напряжением между творческой природой архитектурного проекта и производственной логикой строительства. Архитектурное решение приобретает правовую охрану как результат интеллектуального труда, но стадия реализации проекта подчинена множеству технологических, организационных и финансовых процедур. На стыке указанных режимов возникают споры о допустимых пределах корректировки проекта, о содержании согласия автора, о распределении полномочий между проектировщиком, заказчиком, подрядчиком и контролирующими участниками, о доказательственном значении материалов авторского надзора и строительного контроля. Дополнительное усложнение создает цифровизация строительной отрасли, при которой меняются формы фиксации нарушений, документооборот и способы проверки соответствия работ проектной документации.

Цель исследования — установить правовую связь между охраной произведения архитектуры, авторским надзором, строительным контролем и аудитом строительных проектов, а затем выявить причины устойчивых затруднений в правоприменении.

Для достижения поставленной цели решаются задачи:

1) раскрыть содержание прав автора архитектурного проекта на стадиях разработки документации и воплощения замысла в строительном объекте.

2) Определить типовые коллизии, возникающие при отклонении от проекта, изменении объекта собственником, недостаточности доказательств авторства и нарушении процедур надзора.

3) Выработать аналитические ориентиры для совершенствования договорной, контрольной и аудиторской практики в строительной сфере.

Научная новизна работы связана с тем, что авторский надзор рассматривается не изолированно, а в сопряжении с гражданско-правовой охраной архитектурного произведения, государственным и внутренним строительным контролем, аудитом инвестиционно-строительного проекта и правовой профилактикой конфликтов на ранних стадиях реализации.

Материалы и методы

Материальную базу исследования образовали десять русскоязычных научных публикаций, посвященных смежным блокам проблемы. М.Д. Воронина [1] рассмотрела права автора произведения архитектуры на авторский контроль и надзор, связав неприкосновенность замысла с практикой его реализации; О.В. Грабко [2] раскрыла авторский контроль как внедоговорную форму гражданско-правового контроля; Э.П. Губеев [3] сосредоточил внимание на прикладном назначении авторского надзора в период строительства; К.В. Дудченко [4] исследовал межотраслевую природу правового регулирования проектирования и строительства объектов капитального строительства; И.Ф. Мангушев и В.В. Полити [5] описали проектный аудит как организационный ресурс на протяжении жизненного цикла строительного проекта; А.С. Первушова [6] проанализировала право на неприкосновенность произведения архитектуры при столкновении интересов собственника и автора; Д.М. Пославский [7] изучил нормативное обеспечение государственного контроля в строительстве при внедрении информационных технологий; И.А.

Светкина, Г.Г. Буйницкий и А.С. Зотова [8] выделили элементы внутреннего контроля участников инвестиционно-строительного проекта; С.О. Сердюков [9] систематизировал способы защиты прав архитектора, уделив внимание доказательственным ограничениям депонирования и судебной защите; И.В. Топчий [10] показала значение правовой подготовки архитектора через моделирование типичных конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности. Указанный корпус публикаций охватывает интеллектуально-правовую, градостроительную, организационно-контрольную и процессуально-доказательственную плоскости заявленной темы.

В исследовании применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, логико-аналитический разбор, классификация правовых коллизий, синтез и обобщение. Указанные методы использованы для выведения общей схемы взаимодействия авторского надзора, строительного контроля и проектного аудита, для разграничения близких по функции правовых механизмов и для выявления причин расхождения между нормативным предписанием и практикой реализации.

Дополнительно в исследовательскую базу введены нормативные и правоприменительные материалы, позволяющие сопоставить доктринальные выводы с действующей практикой разрешения споров. В их число вошли положения статей 1266 и 1294 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 20 Федерального закона от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», статьи 53 Градостроительного кодекса Российской Федерации, СП 246.1325800.2023 «Положение об авторском надзоре при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства», разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, а равно актуальные судебные акты по спорам о правовой охране архитектурного решения и пределах изменения проектной документации [11–15]. Привлечение указанного массива позволило проверить, как научные положения о неприкосновенности архитектурного произведения, согласовании изменений и доказательственном значении материалов авторского надзора реализуются в реальном правоприменении.

Результаты

Архитектурный проект в научной литературе рассматривается как результат творческого труда, правовая охрана которого не прекращается после передачи документации заказчику. Из работ М.Д. Ворониной и О.В. Грабко вытекает, что авторский контроль и авторский надзор не сводятся к техническому сопровождению стройки: через указанные инструменты сохраняется связь между охраняемым замыслом и материальным объектом, возводимым по проектной документации. При такой постановке вопроса вмешательство автора в ход реализации проекта получает правовое основание не в производственной дисциплине как таковой, а в защите произведения архитектуры от искажения, несогласованной переработки и утраты индивидуальности [1; 2]. Э.П. Губеев, развивая прикладную сторону вопроса, показывает, что авторский надзор служит средством проверки соответствия строительных работ проектным решениям и способом предупреждения отступлений, способных изменить концепцию объекта еще до завершения строительства [3].

Сопоставление публикаций позволяет провести разграничение между авторским контролем и авторским надзором. В цивилистической трактовке О.В. Грабко авторский контроль предстает как самостоятельная разновидность внедоговорного гражданско-правового контроля, где значение получает сам факт принадлежности автору охраняемого результата интеллектуального труда [2]. В публикации М.Д. Ворониной акцент сделан на правомочии автора участвовать в сохранении проектного решения на стадиях разработки документации для строительства и практического воплощения объекта [1]. В прикладной строительной литературе Э.П. Губеева преобладает производственная линия: надзор описан как обязательная связка между проектом и стройплощадкой [3]. В правоприменении указанные конструкции часто смешиваются, из-за чего авторский надзор воспринимается как факультативная сервисная функция проектировщика, хотя по своей правовой природе он тесно связан с охраной произведения архитектуры и с пределами допустимого вмешательства в замысел автора [1–3].

Проблемный узел правоприменения формируется вокруг неприкосновенности произведения архитектуры и объема правомочий собственника объекта. А.С. Первушова показывает, что спор возникает в точке пересечения двух интересов: собственник заинтересован в эксплуатации, реконструкции и адаптации недвижимого имущества, архитектор — в сохранности художественного и композиционного решения [6]. С.О. Сердюков дополняет указанную линию выводом о слабой осведомленности архитекторов относительно внесудебных и судебных способов защиты прав, а равно о высокой зависимости результата спора от качества доказательственной базы [9]. В результате правоприменительная практика сталкивается с двойной трудностью: с одной стороны, требуется установить пределы допустимой переработки объекта без разрушения авторского замысла; с другой — требуется доказать нарушение именно авторского права, а не обычное изменение строительного или эксплуатационного режима объекта [6; 9].

Актуальная судебная практика конкретизирует несколько устойчивых ориентиров. Во-первых, суды разграничивают архитектурный проект как объект авторского права и техническую либо рабочую документацию, в которой творческий элемент отсутствует или отступает перед нормативно заданным инженерным решением. В решении Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-29455/2021 прямо указано, что объектом авторского права служит не весь комплект технической документации по строительству, а архитектурный проект, то есть архитектурная часть документации, где выражено архитектурное решение; для признания правовой охраны суд исследует наличие именно авторского замысла, а не любого проектного материала [15]. Во-вторых, судебная линия исходит из того, что сама по себе передача проектной документации заказчику не снимает режим охраны неприкосновенности произведения, поскольку внесение изменений без согласия автора ограничено статьей 1266 ГК РФ и специальными правилами архитектурной деятельности [11; 12]. В-третьих, практическая ценность авторского надзора в подобных спорах связана не с формальным названием процедуры, а с качеством фиксации отклонений: журнал надзора, письменные замечания, переписка о согласовании изменений, версии проектной документации и иные следы проектного документооборота приобретают значение доказательственного каркаса при споре о переработке либо искажении архитектурного решения [13–15]. Из этого следует, что судебный конфликт в рассматриваемой сфере чаще всего разворачивается вокруг трех вопросов: где заканчивается охраняемое архитектурное решение; какие изменения затрагивают индивидуальный замысел автора; какими документами подтверждается факт несогласованной переработки.

Доказательственная сторона спора в изученной литературе оценивается как одна из наиболее уязвимых. С.О. Сердюков рассматривает депонирование произведения архитектуры, публичное распространение проекта, мони-

торинг рынка, профессиональную поддержку союзов архитекторов и судебную защиту, причем подчеркивает ограниченную доказательственную силу депонирования: свидетельство о депонировании подтверждает существование объекта на определенную дату, но не заменяет полноценного доказывания авторства и нарушения прав [9]. Указанный вывод согласуется с более широкой цивилистической логикой О.В. Грабко: авторский контроль в его гражданско-правовой трактовке связан с охраной юридически значимого интереса, но для успешной защиты требуются ясные критерии нарушения и надлежащие средства фиксации отступлений [2]. Следовательно, в спорах о переработке архитектурного решения центральное место занимает не формальное наличие авторского статуса, а полнота документирования хода строительства, переписки о согласовании изменений, материалов надзора и иных носителей сведений о вмешательстве в проект [2; 9].

Правовая конструкция строительной деятельности в современном российском праве имеет смешанную природу. К.В. Дудченко показывает, что регулирование проектирования и строительства объектов капитального строительства складывается на стыке гражданского, земельного и градостроительного права, что порождает сложность при определении преобладающего метода регулирования и при разграничении частноправовых и публично-правовых начал [4]. Для рассматриваемой темы указанный вывод существенен по двум причинам. Во-первых, авторский надзор строится на индивидуальном авторском правомочии, тогда как строительный контроль и государственный надзор ориентированы на соблюдение нормативных требований безопасности и соответствия документации. Во-вторых, одно и то же отклонение от проекта способно повлечь одновременно гражданско-правовые последствия для охраны произведения архитектуры и публично-правовые последствия в сфере строительного контроля [4]. Отсюда вытекает прикладной вывод: отсутствие четкого разграничения между авторскими притязаниями, производственным контролем и государственным надзором затрудняет выбор надлежащего способа защиты и усложняет квалификацию нарушения.

Линия правовой охраны проекта не исчерпывается частноправовой плоскостью. Д.М. Пославский указывает на запаздывание нормативного обеспечения государственного контроля в строительстве по отношению к цифровой трансформации отрасли, прежде всего в части технологий информационного моделирования и электронного документооборота [7]. И.А. Светкина, Г.Г. Буйницкий и А.С. Зотова, анализируя внутренний контроль участников инвестиционно-строительного проекта, выделяют распределение контрольных функций, информационных потоков и зон ответственности как основу устойчивости проектного управления [8]. При совместном прочтении указанных работ становится очевидным, что правоприменительный дефект нередко возникает не в суде, а раньше — на стадии организации проекта, когда у участников отсутствует единая схема фиксации проектных изменений, не определены каналы эскалации нарушений, не закреплен порядок согласования корректировок с автором и не увязаны внутренние процедуры контроля с государственными требованиями [7; 8].

Отдельного внимания заслуживает проектный аудит. И.Ф. Мангушев и В.В. Полити рассматривают аудит инвестиционно-строительных проектов как организационный ресурс, применимый на различных стадиях жизненного цикла проекта, от замысла и проектирования до реализации и оценки результатов [5]. В границах заявленной темы указанная позиция дает дополнительный аналитический эффект. Аудит способен выступать промежуточным звеном между авторским надзором и строительным контролем: он ориентирован не на единичную фиксацию нарушения, а на проверку того, как устроены процедуры предупреждения отклонений, распределены полномочия, организована отчетность и поддерживается соответствие проектных решений фактическому ходу работ [5]. Следовательно, при грамотной интеграции аудиторских процедур в систему управления проектом конфликт об авторских правах переносится из поздней стадии судебного спора в раннюю стадию организационной профилактики.

С указанной линией соотносится материал И.В. Топчий, хотя публикация написана в плоскости профессионального образования. Автор показывает, что правовые ситуации в архитектурной деятельности поддаются типологизации и сценарному моделированию, а дефицит правовой подготовки будущих архитекторов усиливает риск профессиональных конфликтов [10]. Для исследуемой темы данный вывод имеет прямое прикладное значение: значительная часть нарушений авторских прав и процедур надзора в строительстве вырастает из недостаточного понимания архитектором собственных правомочий, способов фиксации нарушений, пределов согласия на переработку проекта и механизма взаимодействия с заказчиком и подрядчиком. Отсюда следует, что правовая профилактика в сфере строительства начинается задолго до судебного спора и связана с качеством профессиональной подготовки, договорной техники и проектной документации [9; 10].

Совокупность изученных работ позволяет представить предмет статьи в виде трех связанных блоков. Первый блок образует охрана архитектурного произведения и вытекающие из нее правомочия автора на сохранность замысла, согласование изменений и участие в реализации проекта [1; 2; 6; 9]. Второй блок составляют процедуры авторского надзора и строительного контроля, предназначенные для проверки фактического соответствия работ проектной документации и нормативным требованиям [3; 4; 7]. Третий блок образуют внутренний контроль и проектный аудит, ориентированные на распределение ответственности, документирование, раннее выявление отклонений и снижение вероятности последующего спора [5; 8; 10]. Правоприменительная практика дает сбой главным образом в тех случаях, когда указанные блоки действуют разрозненно: авторский надзор не встроен в систему проектного управления, строительный контроль не связан с охраной проектного замысла, а внутренний контроль не создает пригодную доказательственную среду для подтверждения нарушений.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что в научной литературе отсутствует единый понятийный режим для описания участия автора в реализации строительного проекта. В цивилистических работах преобладает взгляд на авторский контроль как на производное от охраны результата интеллектуального труда. В публикациях строительного профиля авторский надзор чаще трактуется как прикладная процедура сопровождения стройки. В трудах по проектному управлению и аудиту на передний план выходит организационная устойчивость проекта, распределение ответственности и качество документационного оборота. Подобная разобщенность научных языков затрудняет правоприменение: участники проекта нередко видят перед собой несколько параллельных режимов, хотя в реальной практике речь идет о единой цепочке от замысла до построенного объекта.

Сопоставление отечественного и зарубежного опыта показывает различие не столько в признании авторских прав архитектора, сколько в технике их встраивания в строительный и контрактный процесс. Российская модель

по нормативной конструкции соединяет охрану неприкосновенности произведения, обязательность согласия автора на изменение архитектурного проекта и специальную процедуру авторского надзора [11–13]. Ее слабое место — разрыв между авторско-правовой охраной и организацией строительного документооборота, из-за чего спор нередко обнаруживается уже после накопления изменений.

В зарубежной литературе указанная проблема решается через более плотную договорную настройку. Gerli Helene Gritsenko, исследуя эстонский и общеевропейский материал, показывает, что в публичных строительных контрактах заранее оговариваются пределы допустимых модификаций, порядок согласования изменений и соотношение экономических прав с личными неимущественными правами автора; при этом центральным предметом обсуждения выступает не абстрактное признание права автора, а конкретная договорная техника ограничения конфликтов [16]. Phebe Mann и Janice Denoncourt при сравнении британского и американского подходов связывают защиту архитектурных решений с сочетанием copyright и contractual provisions, то есть с одновременным использованием авторско-правовых и договорных инструментов [17]. Профессиональная позиция AIA строится на сохранении copyright за архитектором при предоставлении заказчику лицензии на использование документации в оговоренных пределах [18]. Британское официальное руководство по copyright отдельно выделяет moral rights и право автора возражать против derogatory treatment, то есть против искажающего изменения произведения [19]. Материалы WIPO и UIA фиксируют еще одну закономерность: в континентальной правовой традиции выше чувствительность к неприкосновенности произведения и репутационному ущербу автора, тогда как в англо-американской среде больший упор смещен в сторону лицензии, waiver и заранее согласованных условий переработки проекта [16; 19–21]. Для российской практики из данного сравнения вытекает прикладной вывод: наибольший профилактический эффект дает не расширение общих деклараций об охране авторства, а детализация договора, цифрового следа изменений и процедуры обязательного участия автора в обсуждении переработок.

Сопоставление подходов позволяет сделать вывод о смещении проблемы из плоскости формального признания прав автора в плоскость процедурной обеспеченности этих прав. Само по себе признание неприкосновенности архитектурного произведения не устраняет конфликт, если не определены порядок согласования изменений, состав обязательных материалов надзора, правила фиксации отступлений от проекта и каналы включения автора в обсуждение корректировок. Отсюда объяснима частая слабость судебной защиты: спор возникает уже после накопления необратимых изменений объекта, а доказательственный массив формируется фрагментарно. Судебная стадия при таком развитии событий лишь выявляет дефекты проектной организации, сложившиеся значительно раньше.

Научные расхождения просматриваются и в оценке соотношения интересов собственника объекта и автора проекта. Одна линия аргументации исходит из приоритета охраны замысла и недопустимости несогласованной переработки произведения архитектуры. Другая линия подчеркивает хозяйственную свободу собственника и потребность в адаптации объекта к эксплуатации, реконструкции или новой функции. В практическом поле противоречие усиливается тем, что архитектурный объект одновременно служит охраняемым произведением и вещью, используемой в экономическом обороте. Следовательно, правоприменение нуждается не в абстрактном приоритете одной стороны, а в четких критериях допустимой трансформации объекта, при которых сохраняется идентифицируемое ядро авторского решения. Именно на указанном участке научный корпус пока не выработал исчерпывающего набора критериев.

Ограниченность выводов, выведенных из существующего массива публикаций, связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, часть работ носит отраслевой или постановочный характер и сосредоточена на отдельном фрагменте проблемы — либо на интеллектуальных правах, либо на строительном контроле, либо на аудите. Во-вторых, в публикациях сравнительно редко дается развернутый анализ судебных дел по спорам об архитектурных произведениях с выделением устойчивых линий аргументации судов и экспертов. В-третьих, цифровая трансформация контроля в строительстве развивается быстрее, чем доктринальная разработка ее последствий для авторского надзора, доказательств и распределения ответственности между участниками проекта. Указанные лакуны задают направление дальнейших исследований: требуется сквозная модель, объединяющая авторское право, стройконтроль, цифровой документооборот и аудит проекта.

В порядке авторских предложений целесообразно сформулировать несколько практических мер:

1) включение в договор на проектирование и сопровождение строительства отдельного раздела о режиме изменений архитектурного решения с точным разграничением: какие корректировки относятся к технической адаптации, какие затрагивают индивидуализирующий замысел автора, какие требуют обязательного письменного согласования [11; 12; 16; 18].

2) Установление единого цифрового контура фиксации изменений: версия проекта, инициатор корректировки, дата, мотивировка, согласование автора, отражение в журнале авторского надзора, связь с материалами строительного контроля и внутреннего аудита [13–15].

3) Процессуальное усиление доказательственной базы: к числу обязательных документов по объекту следует относить журнал авторского надзора, реестр замечаний, протоколы согласования отклонений, переписку по BIM-модели либо иному электронному проектному следу, фотофиксацию стадий реализации и акты проверки спорных узлов [13–15].

4) Заимствование из зарубежной практики формулы «разрешенных модификаций», когда в договоре заранее описываются пределы допустимой переработки без утраты авторского указания и без приписывания автору тех изменений, которые искажают исходный замысел [16; 19–21].

5) Включение проектного аудита не в финальную, а в промежуточную стадию реализации объекта, когда еще сохраняется возможность остановить несогласованные изменения до их необратимого воплощения [5; 8; 13]. При такой модели защита авторских прав перестает сводиться к позднему иску о нарушении и переходит в режим ранней правовой профилактики.

С практической точки зрения наибольший интерес представляет перенос центра тяжести с последующей судебной защиты на раннее предупреждение конфликта. Научный корпус убеждает, что наиболее продуктивный путь лежит через согласование договорной техники, процедур авторского надзора, внутреннего контроля и проектного аудита. При такой конфигурации защита авторских прав в строительстве перестает восприниматься как изолированный спор об интеллектуальной собственности и получает место в общей системе управления качеством проектной реализации. Именно в указанной точке смыкаются частноправовая охрана замысла архитектора и публично значимая задача обеспечения надлежащего качества сооружения.

Заключение

По первой задаче установлено, что права автора архитектурного проекта на стадиях проектирования и строительства не исчерпываются общим исключительным правом на произведение. Их практическое содержание раскрывается через неприкосновенность замысла, согласование изменений, авторский контроль и авторский надзор, направленные на сохранение проектного решения при его материальном воплощении.

По второй задаче выявлены типовые коллизии правоприменения: смешение гражданско-правовой и производственно-контрольной природы авторского участия в строительстве; конфликт между правом собственника на изменение объекта и правом автора на сохранность произведения; слабая доказательственная обеспеченность споров о переработке архитектурного решения; разрыв между процедурами авторского надзора, строительного контроля и внутреннего контроля проекта.

По третьей задаче сформулированы аналитические ориентиры для совершенствования практики. Наиболее продуктивной выглядит модель, при которой авторский надзор включен в общую систему проектного управления, изменения проектной документации проходят формализованное согласование, внутренний контроль создает непрерывную доказательственную среду, а проектный аудит используется для раннего выявления организационных дефектов. Подобный подход снижает вероятность позднего конфликта и повышает управляемость проекта на всем протяжении его реализации. Перспективной представляется договорно-процедурная модель, при которой допустимые пределы изменения проекта, форма согласия автора, состав цифровых доказательств и связь авторского надзора с внутренним аудитом закрепляются заранее, еще до выхода объекта в стадию активной строительной реализации.

Литература

1. Воронина М. Д. Права автора произведения архитектуры на авторский контроль и надзор // Архитектура, градостроительство и дизайн. — 2021. — № 3 (29). — С. 33–40.
2. Грабко О. В. Авторский контроль как внедоговорный гражданско-правовой контроль // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2021. — Т. 16, № 1. — С. 94–113.
3. Губеев Э. П. Авторский надзор за строительством проекта. Необходимая мера для воплощения идеи // Символ науки. — 2023. — № 12-1-2. — С. 178–182.
4. Дудченко К. В. Особенности применения метода правового регулирования при осуществлении проектирования и строительства объектов капитального строительства // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 9 (237). — С. 86–88. — DOI: 10.47643/1815-1329_2024_9_86.
5. Мангушев И. Ф., Полити В. В. Аудит инвестиционно-строительных проектов как организационный ресурс и инновация // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2023. — № 2. — С. 39–61. — DOI: 10.24412/2071-6435-2023-2-39-61.
6. Первушова А. С. Право на неприкосновенность произведений архитектуры в контексте баланса интересов собственника недвижимого имущества и архитектора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 4 (46). — С. 53–59. — DOI: 10.58741/23134852_2024_4_6.
7. Пославский Д. М. Нормативно-правовое регулирование государственного контроля в сфере строительства с использованием информационных технологий // Вестник Академии права и управления. — 2023. — № 2 (72). — С. 90–94. — DOI: 10.47629/2074-9201_2023_2_90_94.
8. Светкина И. А., Буйницкий Г. Г., Зотова А. С. Актуализация отдельных элементов системы внутреннего контроля участников инвестиционно-строительного проекта // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 5 (118). — С. 129–136.
9. Сердюков С. О. Способы защиты прав архитектора в РФ // Интерактивная наука. — 2023. — № 4 (80). — С. 122–124.
10. Топчий И. В. Сценарное проектирование правовых ситуаций в архитектурной деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. — 2024. — № 3. — С. 299–308. — DOI: 10.24412/2073-3305-2024-3-299-308.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). Ст. 1266, 1294 // КонсультантПлюс. (дата обращения: 07.03.2026).
12. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Ст. 20, 21 // КонсультантПлюс ; Официальный интернет-портал правовой информации. (дата обращения: 08.03.2026).
13. СП 246.1325800.2023. Положение об авторском надзоре при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства : утв. приказом Минстроя России от 09.01.2024 № 5/пр // Минстрой России. (дата обращения: 06.03.2026).
14. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // КонсультантПлюс ; Российская газета. (дата обращения: 07.03.2026).
15. Решение Арбитражного суда Пермского края от 28.02.2024 по делу № А50-29455/2021 // СудАкт.ру. (дата обращения: 08.03.2026).
16. Gritsenko G. H. The Author's Right of Integrity in Public Contracts in Estonia Based on Architectural Work // Juridica International. 2024. Vol. 33. P. 144–163. DOI: 10.12697/JI.2024.33.12.
17. Mann P., Denoncourt J. Copyright issues on the protection of architectural works and designs // 25th Annual Conference of Association of Researchers in Construction Management (ARCOM). Nottingham, September 2009. URL: https://centaur.reading.ac.uk/4621/ (дата обращения: 06.03.2026).
18. Understanding Copyright Protection for Architects // American Institute of Architects. 2023. URL: https://www.aia.org/ (дата обращения: 08.03.2026).
19. The Rights Granted by Copyright // Intellectual Property Office. GOV.UK. 2015. URL: https://www.gov.uk/ (дата обращения: 07.03.2026).
20. Intellectual Property Copyright // International Union of Architects. 2017. URL: https://www.uia-architectes.org/ (дата обращения: 08.03.2026).
21. In the Courts: Bridging Moral Rights and Public Utility // WIPO Magazine. URL: https://www.wipo.int/ (дата обращения: 06.03.2026).

Copyright protection and author's supervision in construction. Control and audit of structure projects. Issues of law enforcement practice

Koldaeva T.N.

Synergy University

The article examines the correlation between the protection of an architect's copyright, author's supervision, construction control, and construction project audit in the implementation of architectural design. The study aims to identify the legal and organizational causes of conflicts arising from modifications to project documentation, deviations from the original architectural concept, and insufficient evidentiary recording of violations. The methodological framework combines the analysis of scholarly publications, regulatory legal acts, current judicial practice, and comparative legal and logical-analytical approaches. The study establishes that the most significant difficulties arise in distinguishing an architectural project from technical documentation, determining the limits of permissible alteration of a building, coordinating changes with the author, and documenting deviations during construction. Based on Russian and foreign experience, the paper substantiates the need for stronger contractual

regulation of project modifications, integration of author's supervision into project management, and the creation of a continuous evidentiary framework. The practical value of the study lies in the use of its conclusions for contract drafting, supervision procedures, and reduction of subsequent litigation risks.
Keywords: architect's copyright, author's supervision, architectural work, integrity of the architectural project, construction control, construction project audit, judicial practice, project documentation, contractual regulation, copyright protection.

References

1. Voronina, M. D. "The Rights of the Author of an Architectural Work to Author's Control and Supervision" // Architecture, Urban Planning, and Design. — 2021. — No. 3 (29). — Pp. 33–40.
2. Grabko, O. V. "Author's Control as Non-Contractual Civil Law Control" // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. — 2021. — Vol. 16, No. 1. — Pp. 94–113.
3. Gubeyev, E. P. "Author's Supervision of Project Construction. A Necessary Measure for Bringing the Idea to Life" // Symbol of Science. — 2023. — No. 12-1-2. — Pp. 178–182.
4. Dudchenko, K. V. "Peculiarities of Applying the Legal Regulation Method to the Design and Construction of Capital Construction Projects" // Agrarian and Land Law. — 2024. — No. 9 (237). — P. 86–88. — DOI: 10.47643/1815-1329_2024_9_86.
5. Mangushev I. F., Politi V. V. Audit of investment and construction projects as an organizational resource and innovation // ETAPE: economic theory, analysis, practice. — 2023. — No. 2. — P. 39–61. — DOI: 10.24412/2071-6435-2023-2-39-61.
6. Pervushova A. S. The right to the inviolability of works of architecture in the context of the balance of interests of the owner of real estate and the architect // Journal of the Court on Intellectual Property Rights. — 2024. — No. 4 (46). — P. 53–59. — DOI: 10.58741/23134852_2024_4_6.
7. Poslavsky D. M. Normative-legal regulation of state control in the field of construction using information technologies // Bulletin of the Academy of Law and Management. — 2023. — No. 2 (72). — P. 90–94. — DOI: 10.47629/2074-9201_2023_2_90_94.
8. Svetkina I. A., Buinitsky G. G., Zotova A. S. Updating individual elements of the internal control system of participants in an investment and construction project // Society: politics, economics, law. — 2023. — No. 5 (118). — P. 129–136.
9. Serdyukov S. O. Methods of protecting the rights of an architect in the Russian Federation // Interactive Science. — 2023. — No. 4 (80). — P. 122–124.
10. Topchiy I. V. Scenario design of legal situations in architectural activity // Education. Science. Scientific personnel. — 2024. — No. 3. — P. 299–308. — DOI: 10.24412/2073-3305-2024-3-299-308.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 22.07.2024). Art. 1266, 1294 // ConsultantPlus. (Accessed: 07.03.2026).
12. On Architectural Activity in the Russian Federation: Federal Law of 17.11.1995 No. 169-FZ (as amended on 25.12.2023). Art. 20, 21 // ConsultantPlus; Official Internet Portal of Legal Information. (Accessed: 08.03.2026).
13. SP 246.1325800.2023. Regulations on Author's Supervision during the Construction, Reconstruction, and Major Repairs of Capital Construction Projects: approved by Order of the Ministry of Construction of Russia dated January 9, 2024, No. 5/pr // Ministry of Construction of Russia. (Accessed: March 6, 2026).
14. On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019, No. 10 // ConsultantPlus; Rossiyskaya Gazeta. (Accessed: March 7, 2026).
15. Decision of the Arbitration Court of Perm Krai dated February 28, 2024, in Case No. A50-29455/2021 // SudAkt.ru. (Accessed: March 8, 2026).
16. Gritsenko G. H. The Author's Right of Integrity in Public Contracts in Estonia Based on Architectural Work // Juridica International. 2024. Vol. 33. P. 144–163. DOI: 10.12697/JI.2024.33.12.
17. Mann P., Denoncourt J. Copyright issues on the protection of architectural works and designs // 25th Annual Conference of the Association of Researchers in Construction Management (ARCOM). Nottingham, September 2009. URL: https://centaur.reading.ac.uk/4621/ (accessed 03/06/2026).
18. Understanding Copyright Protection for Architects // American Institute of Architects. 2023. URL: https://www.aia.org/ (access date: 03/08/2026).
19. The Rights Granted by Copyright // Intellectual Property Office. GOV.UK. 2015. URL: https://www.gov.uk/ (accessed: 07.03.2026).
20. Intellectual Property Copyright // International Union of Architects. 2017. URL: https://www.uia-architectes.org/ (accessed: 08.03.2026).
21. In the Courts: Bridging Moral Rights and Public Utility // WIPO Magazine. URL: https://www.wipo.int/ (accessed: 06.03.2026).

Публично-правовые аспекты кадрового обеспечения медицинской деятельности

Косолапова Наталья Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, knv18@yandex.ru

Предмет статьи – публично-правовое регулирование кадрового обеспечения медицинской деятельности в России. Актуальность исследования обусловлена тем, что допуск к профессии, распределение кадров, поддержание квалификации, статус отдельных категорий персонала и система специальных выплат формируются через совокупность законов и подзаконных актов, между которыми сохраняются дефинитивные и процедурные разрывы. Цель работы состоит в выявлении содержания действующего правового механизма кадрового обеспечения медицинской деятельности и в установлении проблем правоприменения. В основу положены анализ научных публикаций 2021–2025 гг., логико-юридический и сравнительно-правовой методы, обобщение доктринальных позиций и сопоставление научных выводов с действующими нормативными предписаниями. Изучены работы по правовому статусу медицинского работника, аккредитации специалистов, непрерывному медицинскому образованию, обязательным требованиям к медицинским работникам и специальным социальным выплатам. Аналитическая часть раскрывает нормативные основания допуска к медицинской деятельности, связь кадровой политики с государственным контролем, правовые основы аккредитации, проблемы статуса младшего персонала и регулирования условий труда. Новизна работы состоит в сведении разрозненных научных подходов в единую публично-правовую схему кадрового обеспечения. Практическая полезность результатов связана с их пригодностью для нормотворческой, управленческой и экспертной работы.
Ключевые слова: кадровое обеспечение здравоохранения, медицинская деятельность, аккредитация специалиста, правовой статус медицинского работника, непрерывное медицинское образование, младший медицинский персонал, труд медицинских работников, специальные социальные выплаты, обязательные требования, публично-правовое регулирование.

Введение

Кадровое обеспечение медицинской деятельности давно перестало сводиться к подбору персонала и организации трудовых отношений. Российский правопорядок формирует указанную сферу на пересечении законодательства об охране здоровья, образовании, труде, государственном управлении, контроле и социальной поддержке. Через нормы публичного права государство определяет круг лиц, имеющих право заниматься медицинской деятельностью, перечни должностей, порядок подтверждения квалификации, условия предоставления стимулирующих выплат и инструменты удержания специалистов в государственной и муниципальной медицине. При столь насыщенном регулировании сохраняются понятийная несогласованность, разрывы между отраслевыми блоками законодательства и неодинаковая степень правовой определенности для различных категорий работников.

Цель исследования состоит в раскрытии публично-правовой конструкции кадрового обеспечения медицинской деятельности и в выявлении зон, где действующее регулирование требует систематизации. Для достижения цели решаются три задачи. Первая задача направлена на выявление нормативных оснований допуска к медицинской деятельности и формирования статуса медицинского работника. Вторая задача связана с анализом связи между аккредитацией, непрерывным профессиональным развитием и механизмами управления кадровым составом. Третья задача сводится к определению правовых пробелов, затрагивающих младший медицинский персонал, оплату труда и иные меры публичной кадровой поддержки.

Научная новизна работы выражена в рассмотрении кадрового обеспечения медицинской деятельности как единой правовой системы, внутри которой допуск к профессии, подтверждение квалификации, регламентация служебно-трудового положения и меры государственной поддержки медицинских кадров образуют взаимосвязанную конструкцию. Подобный подход к исследованию позволяет выявить правовые коллизии и проблемы правоприменения.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе публикаций 2021–2025 гг., посвященных различным аспектам правового регулирования кадрового обеспечения в здравоохранении. М.И. Акатнова [1] анализирует специальные нормы труда медицинских работников и ставит вопрос о федеральной унификации регулирования; К.А. Балацкая, В.В. Дворянчиков, С.В. Рязанцев, Ю.К. Янов, И.В. Ткачук, С.А. Артюшкин [2] исследуют правовые и организационные параметры первичной специализированной и периодической аккредитации; В.А. Винокуров [3; 4] рассматривает ограничения права на труд медицинских работников, условия допуска к профессии и правовые последствия непрохождения аккредитации; А.В. Даунгли [5] увязывает кадровое регулирование с административно-правовыми и финансовыми механизмами управления медицинскими учреждениями; Е.О. Данилов [6] выявляет дефекты легального описания статуса медицинского работника и отсутствие нормативного определения врача; Н.Ю. Крючкова, И.И. Новикова, Н.В. Резанова [7] раскрывают нормативную и организационную базу непрерывного медицинского образования; Д.В. Пивень, И.С. Кицул [8] обосновывают потребность в уточнении статуса младшего медицинского

персонала; Д.В. Пивень, И.С. Кицул, И.В. Иванов [9] исследуют обязательные требования к качеству и безопасности медицинской деятельности как части контрольной среды; В.И. Стародубов, Ф.Н. Кадыров, О.В. Обухова, Ю.В. Ендовицкая, А.М. Чилилов [10] рассматривают правовые изменения в оплате труда и порядке специальных социальных выплат.

Методическую основу составили: анализ научных публикаций, логико-юридический разбор нормативных предписаний, сравнительно-правовое сопоставление доктринальных позиций, классификация правовых средств кадрового обеспечения и синтез выводов, что позволило определить баланс между образовательным, трудовым и административным правовым регулированием кадрового обеспечения медицинской деятельности.

Результаты

Публично-правовая конструкция кадрового обеспечения медицинской деятельности строится вокруг допуска к профессии. Научные работы показывают, что медицинский работник в российском праве описывается через совокупность образовательных, квалификационных, должностных и трудовых признаков, а не через один критерий [1; 3; 6]. Из подобного подхода вытекает практический вывод: кадровое обеспечение в медицине не сводится к наличию вакантных ставок. Речь идет о правовом режиме допуска, при котором государство заранее определяет перечень допустимых должностей, образовательный ценз и порядок подтверждения квалификации. Действующее законодательство связывает право на осуществление медицинской деятельности с наличием образования и прохождением аккредитации специалиста; действующее Положение об аккредитации утверждено приказом Минздрава России № 709н, а Номенклатура должностей медицинских и фармацевтических работников – приказом Минздрава России № 205н.

Наиболее уязвимое звено названной конструкции затрагивает легальное описание статуса субъекта. Е.О. Данилов [6] обращает внимание на отсутствие полноценной дефинитивной модели медицинского работника и на незакрепленность понятия врача. В.А. Винокуров [3] подчеркивает, что статья 69 Закона об охране здоровья граждан связывает допуск к медицинской деятельности с аккредитацией, при том что трудоправовые последствия подобного допуска раскрыты фрагментарно. М.И. Акатнова [1] приходит к близкому выводу применительно к специальным нормам труда: они рассеяны по актам разного уровня, что усложняет единообразное применение. Отсюда следует, что кадровое обеспечение в публично-правовом измерении сталкивается не с одной проблемой дефицита работников, а с более глубокой проблемой – с неполной нормативной сборкой статуса лица, допущенного к оказанию медицинской помощи.

Аккредитация специалиста в исследованных работах предстает как центральный фильтр доступа к профессии и механизм периодической перепроверки квалификации [2–4]. К.А. Балацкая и соавт. [2] показывают, что процедура аккредитации постепенно расширила круг лиц, подпадающих под ее действие, а В.А. Винокуров [4] сосредотачивается на трудоправовом последствии непрохождения аккредитации – отстранении от работы. Для кадровой политики государства значим не сам факт экзаменационной проверки, а соединение образования, права на труд и контроля кадрового состава медицинских организаций. Дополнительное подтверждение названной тенденции прослеживается и в новейших нормативных решениях: в 2026 г. Минздрав России отдельно урегулировал случаи допуска к медицинской деятельности без прохождения аккредитации либо по специальностям, не предусмотренным прежними документами о квалификации, что указывает на сохранение режима исключений внутри общей модели допуска.

С аккредитационной моделью тесно соединено непрерывное медицинское образование. Н.Ю. Крючкова, И.И. Новикова, Н.В. Резанова [7] рассматривают непрерывное обучение как нормативно оформленную среду поддержания профессиональной пригодности, а А.В. Даунгли [5] связывает качество кадрового состава с соответствием программ профессионального развития реальным потребностям медицинских организаций. На названной почве меняется само понимание кадрового обеспечения: подготовка и последующее сопровождение специалиста образуют единый правовой цикл. Пока цикл выстроен неравномерно. Научные публикации фиксируют зависимость эффективности непрерывного обучения от организационной инфраструктуры, цифровой доступности и управленческой поддержки со стороны работодателя [5; 7]. Следовательно, государственная кадровая политика в здравоохранении проходит через прием на работу, последующее обучение и регулярное подтверждение профессиональной готовности.

Трудовой блок кадрового обеспечения сохраняет межотраслевой характер. М.И. Акатнова [1] отмечает, что специальные нормы о рабочем времени, времени отдыха и оплате труда приняты в разное время и на разных уровнях, из-за чего правоприменитель вынужден собирать единый режим из разрозненных актов. В.А. Винокуров [3; 4] дополняет картину анализом ограничений права на труд, возникающих из сочетания медицинского законодательства и трудового кодекса. А.В. Даунгли [5] переносит обсуждение на уровень управления учреждениями и показывает, что кадровый дефицит усиливается там, где трудоправовые гарантии не подкреплены устойчивыми финансовыми механизмами. Отсюда вытекает публично-правовой вывод: качество кадрового регулирования определяется не одной численностью персонала, а согласованностью допуска, трудового режима и управленческого финансирования.

Отдельного рассмотрения требует младший медицинский персонал. Д.В. Пивень и И.С. Кицул [8] убедительно показывают, что в федеральном законодательстве правовой статус названной категории описан неполно, хотя на уровне государственных решений подобная группа прямо учитывается при предоставлении специальных выплат. Здесь возникает нормативный перекос: социальная мера адресована персоналу, чье положение в базовом отраслевом законе раскрыто недостаточно подробно. Работы В.И. Стародубова и соавт. [10] подтверждают, что изменение структуры заработной платы и порядка специальных социальных выплат затрагивает разные категории медицинских работников неодинаково, а А.В. Даунгли [5] связывает подобную неоднородность с общими проблемами удержания кадров в системе здравоохранения. Номенклатурное закрепление должностей и адресная социальная поддержка уже получили нормативное оформление, при том легальная привязка отдельных групп персонала к общему статусу медицинского работника все еще требует доработки.

Публично-правовая природа кадрового обеспечения особенно заметна там, где кадровые требования переходят в плоскость государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности. Д.В. Пивень, И.С. Кицул, И.В. Иванов [9] рассматривают обязательные требования как системообразующий элемент контрольной среды медицинской организации. В кадровом измерении подобный подход означает, что наличие работников надлежащей квалификации, соблюдение правил допуска к профессии и соответствие внутренней организации

труда обязательным требованиям перестают быть внутренним делом работодателя. Названные обстоятельства входят в предмет внешней контрольной оценки. Соединение выводов [5] и [9] позволяет утверждать, что кадровое обеспечение медицинской деятельности образует часть режима публичной ответственности медицинской организации перед государством и пациентом.

Сопоставление позиций [2; 7; 8; 10] позволяет увидеть общую закономерность. Российская модель кадрового обеспечения строится по цепи «допуск – подтверждение квалификации – трудовое использование – государственная поддержка». Разрыв в любом звене снижает устойчивость всей конструкции. При слабой нормативной определенности статуса отдельных категорий персонала возникают споры о составе получателей гарантий [8]; при перегруженной и процедурно сложной аккредитации возрастает риск выпадения специалистов из законного допуска к деятельности [2; 4]; при недостаточной связи непрерывного обучения с кадровой потребностью работодателя система профессионального развития теряет управленческий смысл [5; 7]; при селективных финансовых мерах поддержка не превращается в полноценный механизм удержания кадров [10]. По указанной причине публично-правовое регулирование кадрового обеспечения медицинской деятельности требует не точечных поправок, а согласованной сборки всех звеньев в едином нормативном контуре.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что кадровое обеспечение медицинской деятельности в российском праве организовано по модели предварительного публичного допуска. Государственное вмешательство начинается не в момент трудоустройства как такового, а на более ранней стадии, когда задаются требования к образованию, квалификации, наименованию должности и периодическому подтверждению профессиональной пригодности. Подобная модель усиливает защиту пациента, при том повышает цену любой нормативной несогласованности: пробел в дефиниции или процедуре быстро перерастает в препятствие для законной работы.

Сопоставление научных подходов позволяет заключить, что основная трудность лежит не в недостатке норм, а в их секторной разобщенности. Статус работника описывается через нормы медицинского, трудового и образовательного права, причем каждый нормативный массив решает собственную задачу. В одном узле медработник предстает как субъект допуска к профессиональной деятельности, в другом – как сторона трудового договора, в третьем – как получатель государственной поддержки. Пока названные режимы не сведены в согласованную систему, правоприменение будет воспроизводить коллизионные ситуации.

Особое значение приобретает аккредитация. Нормативное усиление аккредитационных процедур оправдано требованиями безопасности медицинской помощи, при чрезмерной процедурной нагрузке аккредитация превращается из средства поддержания качества в рубеж административного выбытия специалиста из профессии. Для устойчивости кадрового состава нужна более точная увязка аккредитационных процедур с трудовым законодательством, прежде всего в части временного недопуска, восстановления права на труд и учета профессионального стажа.

Наименее регламентирован правовой статус младшего медицинского персонала. Когда государство вводит адресные выплаты для конкретной категории работников, а базовый отраслевой закон не определяет для указанной категории точного места в системе субъектов медицинской деятельности, возникает внутренняя несогласованность регулирования. В практической плоскости подобная несогласованность ведет к различному толкованию состава получателей гарантий и границ профессионального статуса.

Финансовые меры и непрерывное образование сами по себе кадровый вопрос не решают. Без ясной дефинитивной базы и без единого подхода к распределению прав, обязанностей и ограничений подобные меры работают фрагментарно. Исследовательская лакуна просматривается в отсутствии общей теории публично-правового статуса медицинского работника, построенной с учетом различий между врачебным, средним и младшим персоналом, равно как и с учетом связи между контролем качества медицинской деятельности и кадровым регулированием.

Заключение

Исследование позволило установить, что нормативная основа кадрового обеспечения медицинской деятельности складывается из трех взаимосвязанных элементов: легального допуска к профессии, номенклатурного закрепления должностей и процедур подтверждения квалификации. Первая задача, связанная с выявлением нормативных основ статуса медицинского работника, раскрыла неполноту дефинитивного описания названного субъекта и отсутствие полной согласованности между отраслевым законом ФЗ-323, подзаконными актами и трудовым регулированием. По второй задаче выявлено, что аккредитация, непрерывное профессиональное развитие и специальные нормы труда образуют единый управленческий цикл формирования кадрового состава, где государство соединяет образовательные, контрольные и трудоправовые инструменты. По третьей задаче установлено, что наиболее заметные пробелы сосредоточены в регулировании статуса младшего медицинского персонала, в разграничении категорий получателей мер поддержки и в недостаточной систематизации специальных норм о труде медицинских работников. Совокупность выводов подтверждает потребность в более согласованном нормативном построении кадрового обеспечения медицинской деятельности.

Литература

1. Акатнова М.И. Правовое регулирование труда медицинских работников: отдельные аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 40–43. DOI: 10.18572/2221-3295-2023-1-40-43.

2. Балацкая К.А., Дворянчиков В.В., Рязанцев С.В., Янов Ю.К., Ткачук И.В., Артюшкин С.А. Аккредитация оториноларингологов: правовые и организационные аспекты // Медицинский совет. 2022. Т. 16, № 8. С. 136–141. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-8-136-141.

3. Винокуров В.А. Отдельные проблемы, связанные с правом на труд медицинских работников. Часть первая // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 2. С. 39–41. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-2-39-41.

4. Винокуров В.А. Отдельные проблемы, связанные с правом на труд медицинских работников. Часть вторая // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 49–52. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-49-52.

5. Даунгли А.В. Административно-правовые аспекты кадрового и финансового обеспечения медицинских учреждений // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 17–21. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-2-17-21.

6. Данилов Е.О. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. 2023. № 2. С. 7–11.

7. Крючкова Н.Ю., Новикова И.И., Резанова Н.В. Актуальные вопросы непрерывного медицинского образования: история, проблемы, задачи, перспективы // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24, № 3. С. 111–117. DOI: 10.17116/profmed202124031111.

8. Пивень Д.В., Кицул И.С. О необходимости совершенствования федерального законодательства в части уточнения и закрепления правового статуса младшего медицинского персонала // Менеджер здравоохранения. 2023. № 6. С. 14–21. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-6-14-21.

9. Пивень Д.В., Кицул И.С., Иванов И.В. Закон об обязательных требованиях и обязательные требования к качеству и безопасности медицинской деятельности: что необходимо знать руководителю медицинской организации // Менеджер здравоохранения. 2024. № 4. С. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.

10. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Ендовицкая Ю.В., Чилилов А.М. Ключевые изменения в структуре заработной платы и порядке осуществления специальных социальных выплат // Менеджер здравоохранения. 2024. № 4. С. 4–14. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-4-14.

Public law aspects of medical staffing

Kosolapova N.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The article focuses on public law regulation of medical staffing in Russia. The relevance of this study lies in the fact that admission to the profession, personnel placement, qualification maintenance, the status of certain categories of personnel, and the system of special payments are determined by a combination of laws and regulations, between which there remain definitional and procedural gaps. The aim of this work is to identify the structure of the current legal mechanism for medical staffing and to identify areas where the regulatory framework creates enforcement difficulties. This research is based on an analysis of scientific publications from 2021–2025, logical-legal and comparative legal methods, a summary of doctrinal positions, and a comparison of scientific findings with current regulatory requirements. This paper examines works on the legal status of healthcare workers, specialist accreditation, continuing medical education, the right to work, the status of junior medical personnel, mandatory requirements, and special social benefits. The analytical section explores the regulatory framework for admission to medical practice, the relationship between personnel policy and state oversight, the legal aspects of accreditation, issues related to the status of junior personnel, and the regulation of working conditions. The novelty of this work lies in its consolidation of disparate scientific approaches into a unified public-law framework for staffing. The practical utility of the results lies in their suitability for rulemaking, management, and expert review.

Keywords: healthcare staffing, medical practice, specialist accreditation, legal status of healthcare workers, continuing medical education, junior medical personnel, healthcare workers' labor, special social benefits, mandatory requirements, public-law regulation.

References

1. Akatnova M.I. Legal regulation of medical workers' labor: individual aspects // Labor law in Russia and abroad. 2023. No. 1. pp. 40–43. DOI: 10.18572/2221-3295-2023-1-40-43.
2. Balatskaya K.A., Dvoryanchikov V.V., Ryazantsev S.V., Yanov Yu.K., Tkachuk I.V., Artyushkin S.A. Accreditation of otolaryngologists: legal and organizational aspects // Medical Council. 2022. Vol. 16, No. 8. pp. 136–141. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-8-136-141.
3. Vinokurov V.A. Certain Issues Related to the Right to Work of Medical Workers. Part One // Labor Law in Russia and Abroad. 2024. No. 2. pp. 39–41. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-2-39-41.
4. Vinokurov V.A. Certain Issues Related to the Right to Work of Medical Workers. Part Two // Labor Law in Russia and Abroad. 2024. No. 3. pp. 49–52. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-49-52.
5. Daungli A.V. Administrative and legal aspects of personnel and financial support for medical institutions // State power and local self-government. 2025. No. 2. pp. 17–21. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-2-17-21.
6. Danilov E.O. On the legal status of medical workers in general and doctors in particular // Medical law. 2023. No. 2. pp. 7–11.
7. Kryuchkova N.Yu., Novikova I.I., Rezanova N.V. Current issues of continuous medical education: history, problems, tasks, prospects // Preventive medicine. 2021. Vol. 24, No. 3. pp. 111–117. DOI: 10.17116/profmed202124031111.
8. Piven D.V., Kitsul I.S. On the Need to Improve Federal Legislation in Terms of Clarifying and Consolidating the Legal Status of Junior Medical Personnel // Healthcare Manager. 2023. No. 6. pp. 14–21. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-6-14-21.
9. Piven D.V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. The Law on Mandatory Requirements and Mandatory Requirements for the Quality and Safety of Medical Activities: What the Head of a Medical Organization Needs to Know // Healthcare Manager. 2024. No. 4. pp. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.
10. Starodubov V.I., Kadyrov F.N., Obukhova O.V., Endovitskaya Yu.V., Chililov A.M. Key changes in the structure of wages and the procedure for implementing special social payments // Healthcare Manager. 2024. No. 4. pp. 4–14. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-4-14.

Патентная охрана технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в Российской Федерации: правовые рамки, проблемы и перспективы

Кравченко Олег Владимирович
аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, ok3907@mail.ru,

Кубышкина Елизавета Юрьевна
магистр, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, lisakub2015@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы патентоспособности решений на основе искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейронных сетей, в правовом поле Российской Федерации. Проведён анализ действующих законодательных барьеров, связанных с критериями патентоспособности по ст. 1350 ГК РФ, и перспектив их трансформации в свете законопроекта № 922784-8. На основе сравнительно-правового анализа международных кейсов, в первую очередь по заявкам DABUS, выявлена общемировая консервативная правовая позиция, отрицающая признание ИИ в качестве субъекта изобретательской деятельности. В практической части работы предложен структурированный алгоритм (чек-лист) для подготовки патентной заявки, сфокусированный на преодолении ключевых отказов посредством корректного оформления технического решения. Делается вывод о необходимости перехода от защиты абстрактных алгоритмов к патентованию конкретных технических решений, реализуемых с их помощью. [2; 13] [1]

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, патентное право, патентоспособность, Роспатент, правовые риски, нормативное регулирование, ответственность.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейронных сетей, способных к автономному обучению и генерации инновационных решений, что фундаментально трансформирует традиционные подходы к охране интеллектуальной собственности. Эти технологии бросают вызов устоявшимся правовым конструкциям, размывая классические критерии патентоспособности и ставя перед законодателем и правоприменителем сложные вопросы о применимости действующих норм к принципиально новым объектам. Данный вызов носит глобальный характер, однако его разрешение требует глубокой проработки в рамках конкретных национальных правовых систем с учетом уровня технологического развития и экономических приоритетов государства.

В Российской Федерации формируется новая, динамичная судебная и патентная практика, связанная с рассмотрением заявок на изобретения, включающие элементы ИИ. Необходимость её всестороннего научного анализа продиктована задачей обеспечения устойчивого баланса между двумя критически важными целями: эффективным стимулированием технологических инноваций, которые определены как ключевой фактор национальной безопасности и экономического суверенитета, и неукоснительным соблюдением принципов и норм действующего законодательства. От того, насколько адекватно и гибко правовая система ответит на запрос цифровой экономики, зависит конкурентоспособность российских разработок на глобальном рынке и темпы технологического прогресса внутри страны.

Значимость и острота данной проблемы находят прямое подтверждение в официальной статистике и заявлениях регулятора. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) фиксирует устойчивый рост заявок на регистрацию отечественных технологий, интегрирующих искусственный интеллект. По экспертным оценкам, уже в настоящее время 3–4% изобретений, подаваемых российскими заявителями, предполагают использование нейросетевых алгоритмов. Как отмечает руководитель Роспатента Юрий Зубов, в мире каждую минуту патентуются решения, связанные с ИИ. «На протяжении трех-четырех лет в Роспатент поступало не менее 600–650 заявок в год на регистрацию изобретений, связанных с работой искусственного интеллекта. Также последние четыре года наблюдается уверенный рост заявок на регистрацию программного обеспечения и баз данных, функционирующих с использованием нейросетей. В 2024 году было зарегистрировано порядка 1650 таких программ и баз данных, а за неполный текущий год – 1270», – сообщил Ю. Зубов. Эти данные наглядно демонстрируют, что вопрос пересмотра и адаптации правовых механизмов патентной охраны перешёл из плоскости теоретических дискуссий в область насущной практической необходимости. [4]

Патентование решений на основе нейронных сетей в правовом поле России традиционно сопряжено со значительными юридическими сложностями. Эти сложности проистекают из буквального толкования базовых критериев патентоспособности, установленных статьей 1350 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Ключевая проблема заключается в необходимости квали-

фикации таких разработок не как абстрактных алгоритмов, а как технических решений, что требует их выведения из-под действия исключающих положений пункта 5 данной статьи.

В соответствии с действующей редакцией ст. 1350 ГК РФ, изобретению предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо. Пункт 5 статьи содержит закрытый перечень объектов, не признаваемых патентоспособными изобретениями, среди которых особое значение для рассматриваемой сферы имеют: [1]

Программы для электронных вычислительных машин.

Решения, заключающиеся только в представлении информации.

Математические методы.

Именно эти категории, основанные на нейросетевых алгоритмах, могут быть приняты Роспатентом основанием для отказа в выдаче патента. Поэтому центральной задачей заявителя и патентного поверенного является корректное оформление заявки с позиций, разработанных современной экспертной практикой Роспатента.

Рассмотрим предметно какие существуют критерии патентоспособности применительно к технологиям ИИ и их ключевые проблемы:

Техническое решение (ст. 1350 ГК РФ). Изобретение по российскому законодательству должно представлять собой техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу. [1]

Ключевая проблема: Необходимо доказать, что объект решает конкретную техническую, а не организационно-экономическую, вычислительную или абстрактно-математическую задачу. Решение должно иметь материальный выход или воздействие на материальный объект (управление устройством, обработка физических сигналов, контроль технологического процесса). Применение нейросети для классификации изображений в эстетических целях не отвечает данному критерию, в то время как использование её для управления роботизированным манипулятором на основе визуального анализа – отвечает.

Новизна (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение является новым, если оно не известно из уровня техники. [1]

Ключевая проблема: Уровень техники включает любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения (п. 2 ст. 1350 ГК РФ). Для нейросетевых разработок это создаёт высокий риск, так как уровень техники включает не только патенты, но и научные публикации на arXiv.org, open-source репозитории кода (GitHub), описания архитектур в учебниках и блогах. Любое ранее обнародованное описание архитектуры, метода обучения или принципа функционирования нейросети для схожей задачи может лишить новизны последующую заявку. [1]

Изобретательский уровень (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение имеет изобретательский уровень, если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники. [1]

Ключевая проблема: Экспертиза Роспатента нередко исходит из того, что применение известного типа нейронной сети (например, сверточной CNN или рекуррентной RNN) для решения типовой задачи (распознавание образов, прогнозирование временных рядов) является очевидным для специалиста в данной области. Для преодоления этого барьера требуется продемонстрировать неочевидность конкретной комбинации признаков (уникальная архитектура, специфический метод обучения, адаптация под нетипичные данные), приводящей к новому техническому результату, не достигаемому в прототипах.

Промышленная применимость (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других отраслях деятельности. [1]

Ключевая проблема: Требуется не просто декларация, а обоснование в описании изобретения, как именно решение будет реализовано в конкретной отрасли. Недостаточно указать «использование в медицине», поскольку необходимо описать, например, интеграцию нейросети в аппарат МРТ для автоматической диагностики конкретного заболевания.

Преодоление исключений (п. 5 ст. 1350 ГК РФ). Это основной формально-правовой барьер. [1]

Ключевая проблема: Существует высокий риск получения отказа по основанию, что заявленное решение сводится к «программе для ЭВМ как таковой» или «математическому методу». Стратегия защиты заключается в детальном описании нейросети как элемента более широкого технического решения (способа или устройства), где её работа неразрывно связана с физическими этапами (получение данных с датчиков, формирование управляющих сигналов) и приводит к изменению материального объекта.

Таким образом, в действующей системе охраны патентование нейронной сети возможно не в качестве самостоятельного объекта, а исключительно как части технического решения – способа или устройства, решающего конкретную практическую задачу с измеримым результатом.

В свете технологических вызовов российское патентное законодательство находится в стадии глубокой модернизации. Ключевым инструментом данной реформы является законопроект № 922784-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Его положения направлены на создание гибкой правовой платформы для охраны результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде, включая технологии ИИ. [2; 13]

Влияние предлагаемых изменений на патентование нейросетевых технологий является системным:

В отношении технического характера и исключений: Законопроект прямо закрепляет возможность патентования «решения, реализуемого с помощью программируемого средства (программы для ЭВМ, базы данных, системы машинного обучения, искусственного интеллекта и др.)». При этом ключевая новация содержится в планируемой новой редакции п. 5 ст. 1350 ГК РФ: исключение для программ для ЭВМ будет применяться только в случае, если заявка касается их «как таковых». Это прямое законодательное разрешение патентовать функциональные алгоритмы, нейросети и системы ИИ в качестве составной части изобретения, а не как самостоятельный нематериальный объект. [1]

В отношении изобретательского уровня и полезных моделей: Предлагается расширить перечень объектов, которые могут быть защищены в качестве полезной модели (ст. 1351 ГК РФ). Полезная модель охраняет техническое решение, относящееся к устройству, и не требует соответствия критерию «изобретательский уровень», что существенно снижает порог патентоспособности. Законопроект планирует распространить этот режим на «устройства, функционирование которых связано с использованием программируемого средства». Это может упростить и ускорить получение охраны для аппаратно-программных комплексов с нейросетевыми компонентами.

В отношении промышленной применимости: Прямого изменения критерия не предусмотрено, однако сама концепция расширения охраны на цифровые решения подразумевает признание их применимости в любой сфере человеческой деятельности, от промышленности и транспорта до сферы услуг, спорта и развлечений.

Как отмечалось в пояснительных материалах профильного Комитета ГД по государственному строительству и законодательству, «в такой вид охраняемых объектов может попасть и функциональная нейросеть, системы машинного обучения на определённом наборе данных, именуемые "искусственным интеллектом"».

После вступления положений законопроекта в силу, что, с учётом законодательной процедуры, возможно не ранее 2025-2026 годов, патентная система РФ получит легальные основания для охраны широкого спектра цифровых инноваций. Ожидается, что прямым образом можно будет патентовать:

компьютерные программы, выполняющие технические функции;

элементы графических пользовательских интерфейсов (GUI), обеспечивающие новое техническое взаимодействие;

компьютерные игры как комплексные технические решения;

системы машинного обучения, нейронные сети и иные технологии ИИ, интегрированные в технические процессы;

изобретения, созданные с использованием ИИ (при этом субъектом прав остаётся человек или юридическое лицо).

Представляется очевидным, что текущая правовая база, основанная на ст. 1350 ГК РФ, требует от заявителей сложной работы по «техническому переводу» нейросетевых алгоритмов в плоскость конкретных способов и устройств. Формирующаяся судебно-патентная практика постепенно вырабатывает подходы к такой квалификации. Принятый в первом чтении законопроект № 922784-8 обозначает вектор на радикальное упрощение этой процедуры, создавая основу для прямого и гибкого патентования технологий ИИ в рамках обновлённого понятийного аппарата Гражданского кодекса. Это соответствует общемировому тренду на адаптацию системы интеллектуальной собственности к реалиям цифровой экономики. [2; 13] [1]

В этой связи стоит уделить внимание международной практике и наиболее иллюстративным примером является судебный процесс по заявкам DABUS Стивена Талера. Он создал нейросеть DABUS (Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience). По его утверждению, эта система самостоятельно, без конкретной задачи или подсказки со стороны человека, придумала два полезных объекта: особый контейнер для напитков, лучше сохраняющий форму и аварийный маячок с уникальным режимом мерцания, привлекающим внимание. Талер не считал себя их изобретателем. Он видел себя лишь оператором и владельцем «машины для изобретений». Поэтому он предпринял юридический эксперимент: подал патентные заявки в десятки стран мира, указав в графе «изобретатель» - DABUS (ИИ).

Проект DABUS, созданный Стивеном Талером, стал катализатором глобальной правовой дискуссии о возможности признания искусственного интеллекта субъектом изобретательской деятельности. Последовательные попытки патентования изобретений, сгенерированных данной системой ИИ, в ключевых юрисдикциях привели к формированию консолидированной судебной и административной практики, основанной на буквальном толковании действующего законодательства.

Хронология рассмотрения европейских заявок демонстрирует последовательную позицию ведомства. После подачи заявок в октябре-ноябре 2018 года Receiving Section ЕПВ запросила исправление в связи с отсутствием указания изобретателя. В ответ от 24 июля 2019 года Талер указал изобретателем «DABUS», сопроводив это пометкой «изобретение автономно создано искусственным интеллектом», а себя обозначил в качестве работодателя машины. После уточнения (2 августа 2019) правовым основанием было изменено на переход прав от DABUS как правопредшественника (successor in title). Решением от 27 января 2020 года Receiving Section отказала в выдаче патента по статье 90(5) Европейской патентной конвенции (ЕПК), аргументируя это двумя ключевыми тезисами: во-первых, изобретателем может быть только физическое лицо; во-вторых, машина не обладает правосубъектностью и, следовательно, не может быть ни работодателем, ни передавать права. [5; 6]

Апелляция Талера была рассмотрена Правовой палатой ЕПВ, которая 21 декабря 2021 года вынесла решение, полностью подтвердившее отказ. В обосновании Палата указала, что термин «изобретатель» в рамках ЕПК и в соответствии с устоявшимся правопониманием в государствах-участниках относится исключительно к физическому лицу. Право на европейский патент возникает у изобретателя, и лишь затем может быть передано иному лицу. Поскольку ИИ не является физическим лицом, он не может быть первоначальным носителем этого права. Следовательно, у владельца ИИ отсутствует правовое основание (ни как у работодателя, ни как у правопреемника) для получения патента. Предложение Талера оставить графу об изобретателе пустой или указать «ни одно лицо не идентифицировано» было отклонено как не соответствующее требованиям ЕПК.

Американская процедура началась с подачи заявок в Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO), которое в апреле 2020 года отказалось отозвать уведомление о некомплектности (Notice of Omitted Items), указав, что заявление должно содержать имя физического лица-изобретателя. USPTO основывало свою позицию на тексте Патентного закона (35 U.S.C. § 100(f), § 115), где используются термины «individual» и «inventor», а также на сложившейся судебной доктрине, определяющей концепцию изобретения (conception) как «акт формирования полной и устойчивой идеи изобретения в сознании изобретателя», что является умственным процессом, присущим только человеку.

Стивен Талер обжаловал это решение в судебном порядке (дело Thaler v. Hirshfeld, а затем Thaler v. Vidal). Окружной суд Восточного округа Вирджинии в сентябре 2021 года вынес решение в пользу USPTO. Апелляционный суд федеральной цепи (Court of Appeals for the Federal Circuit, CAFC) в решении от 5 августа 2022 года (дело № 21-2347) подтвердил позицию ведомства. Суд постановил, что термин «индивидуум» в Патентном законе США имеет обычное значение, подразумевающее человека, и не может быть распространен на машину. 24 апреля 2023 года Верховный суд США отказал в выдаче судебного приказа (writ of certiorari), оставив решение CAFC в силе, тем самым закрыв возможность дальнейшего обжалования. [9; 10]

В Великобритании рассмотрение заявок также завершилось последовательными отказами на всех уровнях. Ведомство по интеллектуальной собственности Великобритании (UKIPO) отказало в выдаче патентов в декабре 2019 года. Высокий суд правосудия (Апелляционный суд) в сентябре 2021 года отклонил апелляцию Талера. Верховный суд Великобритании 20 декабря 2023 года вынес итоговое постановление, в котором дал наиболее развернутое философско-правовое обоснование. [7; 8]

Лорды-судьи постановили, что согласно британскому Закону о патентах 1977 года изобретателем является «лицо» (person). Даже если принять тезис о том, что DABUS создал изобретение, он не является «лицом» в каком-либо правовом смысле и, следовательно, не может

быть «изобретателем» по смыслу закона. Право на патент возникает у изобретателя. Если изобретатель-человек отсутствует, то право не возникает, и, соответственно, не может быть передано владельцу машины ни по какому основанию. Суд особо подчеркнул, что внесение изменений в эту фундаментальную концепцию — прерогатива законодателя, а не судебной власти.

Китайское национальное управление интеллектуальной собственности (CNIPA) заняло позицию, аналогичную западным ведомствам, но с акцентом на доктрину гражданского права. После первоначальных отказов Талер подал ходатайство о пересмотре. В решении о пересмотре (2021-2023 гг.) CNIPA привело следующие аргументы: цель указания изобретателя заключается не только в констатации факта, но и в определении субъекта личных неимущественных и имущественных прав, например, права на вознаграждение за служебное изобретение. Изобретательские права являются гражданскими правами, субъектами которых могут выступать только физические лица, юридические лица или некоммерческие организации. Искусственный интеллект не входит ни в одну из этих категорий, установленных Гражданским кодексом КНР. В пересмотре было отказано. Последующие административные иски, поданные в Пекинский суд по интеллектуальной собственности, также, согласно имеющимся данным, были отклонены, что окончательно закрепило отказ в китайской юрисдикции.

В общей картине отказов выделяются два случая, требующих точного контекстуального понимания.

В Южно-Африканской Республике патент на одно из изобретений DABUS действительно был зарегистрирован в июле 2021 года. Однако это является прямым следствием действующей в ЮАР депонирующей (явочной) системы, при которой ведомство не проводит экспертизу по существу на этапе формальной подачи заявки, включая проверку соответствия критерию «изобретатель». Данная регистрация не стала результатом правового анализа или судебного прецедента и не может рассматриваться как признание ИИ субъектом права.

В Австралии процесс имел более сложную динамику. Первая инстанция Федерального суда в июле 2021 года (Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879) удовлетворила иск Талера, согласившись с аргументом, что законодательство не содержит прямого запрета на указание ИИ в качестве изобретателя, а владелец машины может получить права на её творческий продукт. Однако это решение было отменено в апелляции Полным составом Федерального суда в апреле 2022 года (Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62). Апелляционный суд постановил, что понятие «изобретатель» по австралийскому праву подразумевает человека, а патентная система создана для поощрения человеческого творчества. Суд указал на системные проблемы, которые повлечет признание ИИ изобретателем: неясность в определении правообладателя (владелец, разработчик, пользователь) и невозможность для машины нести ответственность или осуществлять права. В октябре 2022 года Высокий суд Австралии отказал в разрешении на дальнейшую апелляцию, оставив решение об отказе в силе. [9; 10] [11; 12]

Таким образом, рассмотрение заявок DABUS в ведущих патентных юрисдикциях (ЕПВ, США, Великобритания, Китай, Австралия) привело к единообразному результату — отказу в признании искусственного интеллекта изобретателем. Юридическая аргументация, несмотря на некоторые национальные особенности, базируется на общих принципах: буквальном толковании терминов «изобретатель»/«индивидуум»/«лицо» в национальных законодательствах и международных договорах, антропоцентрической природе патентного права, направленного на стимулирование человеческого творчества, и отсутствии у ИИ правосубъектности, необходимой для возникновения и передачи прав. Исключение ЮАР подтверждает, а не опровергает это правило, будучи артефактом специфической процедуры регистрации. Проект DABUS наглядно продемонстрировал существующий системный правовой пробел, связанный с автономным творчеством машин, однако все рассмотренные суды и ведомства единогласно указали, что его заполнение требует целенаправленной законодательной реформы, а не судебного переосмысления устоявшихся правовых доктрин.

Заключение

Патентная охрана решений на основе ИИ в российской системе возможна при условии их квалификации как технических решений (способов или устройств) с достижением измеримого технического результата и при корректном отражении этого результата в формуле и описании. Международная практика по заявкам DABUS подтверждает антропоцентрическую модель патентного права: изобретателем признаётся только человек, а вопросы автономного «машинного творчества» требуют прямого законодательного ответа. Законопроект № 922784-8 задаёт направление модернизации отечественного режима, расширяя возможности патентования технических решений, реализуемых в программируемых средствах, что при сохранении критериев новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости может снизить долю отказов и повысить предсказуемость практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. действующая).

2. Законопроект № 922784-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о правовом режиме программируемых средств как объектов патентного права) // СОЗД ГАС «Законотворчество».

3. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М., 2008.

4. Роспатент. РБК: Новые возможности для патентования IT-решений (новость от 16.12.2024) // Официальный сайт Роспатента. [4]

5. European Patent Office. Decision of the Legal Board of Appeal J 0008/20 (Designation of inventor/DABUS), 21.12.2021.

6. European Patent Office. Press communique on decisions J 8/20 and J 9/20 of the Legal Board of Appeal (DABUS), 21.12.2021. [5; 6]

7. United Kingdom Supreme Court. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (Judgment date: 20.12.2023). [7; 8]

8. WIPO Lex. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (United Kingdom). [7; 8]

9. United States Court of Appeals for the Federal Circuit. Thaler v. Vidal, No. 21-2347, Opinion (05.08.2022). [9; 10]

10. WIPO Lex. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) (United States of America). [9; 10]

11. Federal Court of Australia (Full Court). Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Judgment date: 13.04.2022). [9; 10]

12. WIPO Lex. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Australia). [9; 10]

13. ConsultantPlus. В Госдуму внесен законопроект о патентно-правовой охране технических решений, реализуемых в программных средствах (22.05.2025).

14. Городисский и партнеры. В часть четвертую ГК РФ вносятся изменения, продиктованные развитием цифровых технологий и систем ИИ (21.05.2025).

15. Ассоциация юристов России. Программируемые средства, ИИ и цифровой дизайн как объекты патентного права: анализ законопроекта № 922784-8. [2; 13]

16. Finnegan. Artificial Intelligence Ineligible for Inventorship (Thaler v. Vidal) (12.08.2022). [9; 10]

17. D Young & Co. UK Supreme Court rules only people can be named as inventors (20.12.2023).

18. White & Case. UK Supreme Court rules against AI inventorship of patents (28.12.2023).

Patent protection of artificial intelligence technologies and neural networks in the Russian Federation: legal framework, problems and prospects

Kravchenko O.V., Kubyshkina E.Yu.
Immanuel Kant Baltic Federal University

The article examines current issues of patentability of artificial intelligence (AI) based solutions, particularly neural networks, within the legal framework of the Russian Federation. An analysis of the current legislative barriers associated with patentability criteria under Article 1350 of the Civil Code is provided, along with prospects for their transformation in light of draft law No. 922784-8. Based on a comparative legal analysis of international cases, primarily concerning the DABUS applications, a globally consistent conservative legal position rejecting the recognition of AI as a subject of inventive activity is identified. In the practical part of the work, a structured algorithm (checklist) for preparing a patent application is proposed, focused on overcoming key rejections through the correct formalization of a technical solution. It is concluded that a shift from protecting abstract algorithms to patenting specific technical solutions implemented with their help is necessary.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, patent law, patentability, Rospatent, legal risks, regulatory framework, liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of 18 December 2006 (as amended).
2. Draft Law No. 922784-8 ‘On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation’ (programmable means as patent law objects) // SOZD (State Automated System ‘Legislation’).
3. GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules. Moscow, 2008.
4. Rospatent. RBC: New opportunities for patenting IT solutions (16 December 2024) // Official website.
5. European Patent Office. Legal Board of Appeal decision J 0008/20 (Designation of inventor/DABUS), 21 December 2021.
6. European Patent Office. Press communique on decisions J 8/20 and J 9/20 (DABUS), 21 December 2021. [5; 6]
7. UK Supreme Court. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49, 20 December 2023. [7; 8]
8. WIPO Lex. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (UK). [7; 8]
9. US Court of Appeals for the Federal Circuit. Thaler v. Vidal, No. 21-2347, Opinion, 5 August 2022. [9; 10]
10. WIPO Lex. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) (USA). [9; 10]
11. Full Court of the Federal Court of Australia. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62, 13 April 2022. [9; 10]
12. WIPO Lex. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Australia). [9; 10]
13. ConsultantPlus. A draft law on patent protection of technical solutions implemented in software means was submitted to the State Duma (22 May 2025).
14. Gorodissky & Partners. Amendments to Part Four of the Civil Code driven by digital technologies and AI systems (21 May 2025).
15. Association of Lawyers of Russia. Programmable means, AI and digital design as patent law objects: analysis of Draft Law No. 922784-8.
16. Finnegan. Artificial Intelligence Ineligible for Inventorship (Thaler v. Vidal) (12 August 2022). [9; 10]
17. D Young & Co. UK Supreme Court: only people can be named as inventors (20 December 2023).
18. White & Case. UK Supreme Court rules against AI inventorship of patents (28 December 2023).

Защита прав на криптовалюту в гражданском праве на территории Российской Федерации

Кузнецов Максим Игоревич
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Mr.MaxibonXD@mail.ru

Криптовалюты сегодня все больше заполняют собой финансовое пространство как в мире, так и конкретно на территории Российской Федерации, представляя собой новый вид платежных систем и инструментов.
На сегодняшний день, в мире насчитывается более 13 000 тысяч различных видов криптовалют, что свидетельствует о росте крипторынка и увеличении функций криптопроектов.
В основном выделяются следующие виды криптовалют, такие как Bitcoin, Ethereum, Tether, Ripple, Binanct Coin, все виды цифровых валют не поддаются целенаправленному регулированию в РФ, что вызывает ряд гражданско-правовых вопросов при защите вещных прав у владельцев криптовалют, которые требуют оперативного разрешения. Так, анонимные и децентрализованные способы использования криптовалюты создают споры в гражданско-правовой практике. Подобные темы привлекают к себе внимание в последние годы, в связи с чем, необходим анализ и разработка законодательных проектов, внедрение новейших методов воздействия на рынок криптовалют, что позволило бы бороться с правонарушениями, связанными с защитой прав владельцев и держателей цифровых активов, и привести суды к единой практике разрешение таких споров.
Современные гражданские кодексы и нормативно-правовые акты отстают от скорости модернизации криптовалют в сфере экономики и финансов, что приводит к спорам об определении статуса криптовалют и применяемым законам в разрешении гражданско-правовых споров в части вещных прав. На данный текущий момент в мире имеются проблемы в международной юрисдикции и отсутствие общих правил, что также ухудшает ситуацию.
Таким образом, сегодня остро стоит вопрос о статусе криптовалют и применяемым в спорах с ними законам, которые стремительно вбирают в себя инвестиционный сегмент, в связи с желанием и необходимостью получения законного дохода, а также увеличением оборота, купле-продажей, накоплением и обменом, позволяющим собственнику получить выгоду. В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с определением статуса криптовалют на сегодняшний день и определение способов защиты вещных прав в гражданско-правовом поле, для владельцев цифровых активов на территории Российской Федерации. Анализируя законодательство Российской Федерации, судебную практику, а также положения доктрин, автор выражает мнение об определении общепринятых способов защиты вещного права в отношении криптовалют, как для собственников, так и инвесторов, приведении единообразия судебной практики и закреплении на законодательном уровне единых прав для участников сделок при использовании цифровых активов.

Ключевые слова: защита прав, гражданское право, право собственности, криптовалюта, криптокошелек, цифровизация, средство платежа, цифровая валюта, Bitcoin, Ethereum, Tether, Ripple, Binanct Coin.

Введение

На сегодняшний день происходит постепенный переход на цифровые активы, в связи с чем, роль криптовалют обращает на себя внимание со стороны как обычных граждан, так и государств. Из-за роста востребованности криптовалют увеличивается количество вопросов и проблем, связанных с защитой прав при рассмотрения судами споров с использованием цифровых активов.

Данный вопрос становится объектом частных обсуждений и споров среди экономистов юристов и работников IT-сферы. Такое резкое развитие криптовалют и технологий блокчейн создает новые споры и прецеденты, при наличии которых требуется обновление нынешнего и разработка новых правовых механизмов для регулирования споров.

Так, до января 2025 года имелись сложности с определением самого статуса криптовалют в правовой системе, различными вопросами о налогообложении данных цифровых активов, а также защите прав потребителей, существенное огромное количество споров при борьбе с мошенничеством и киберпреступлениями.

Однако, с января 2025 года, статус криптовалют был определен, в качестве имущества, с установленными тарифами налогообложения. При этом, не решенным остается вопрос о спорах в судебном порядке и отсутствии на текущий момент устоявшейся судебной практики, что усложняет защиту прав законное владение криптовалютами и способы доказывания обоснованности ее приобретения и распоряжения. Таким образом, нет понятного и объективного способа защиты своих прав от посягательств со стороны злоумышленников.

На сегодняшний на территории Российской Федерации при разрешении споров, при использовании криптовалют применяются Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 29.11.2024 №418-ФЗ. При рассмотрении споров суды берут за основу решений положения именно данных законов.

Так, при разрешении защите прав на право собственности в гражданском праве на территории Российской Федерации основная роль отведена гарантийным механизмам, а также гарантиям восстановления нарушенных прав, законных интересов потребителей.

В связи с этим, регулирование криптовалюты связано с гражданской правовой ответственностью. Следует учитывать, что криптовалюты сочетают признаки гражданских прав, в связи с чем, допускается их возможность не соответствовать ни одному из этих признаков. По этим причинам невозможно отнести криптовалюту к другому имуществу, в соответствии с действующим законодательством, без создания новых объектов права.

По причине этого, в 2026 году после ряда решений, вынесенных Конституционным судом Российской Федерации, вся криптовалюта была признана объектом гражданских прав, а именно попала под категорию иное имущество, что дает возможность владельцам данных цифровых активов претендовать на ряд возможностей на судебную защиту нарушенных прав, в индивидуальном порядке.

Основные условия защиты прав на криптовалюту в гражданском праве

На данный момент на территории Российской Федерации условия защиты нарушенных прав при использовании и владении криптовалют через обращение в судебном порядке, существенно изменились. Так, после вынесенного постановления Конституционного суда Российской Федерации от 20 января 2026 года приобрела определенное направление при рассмотрении споров с нарушением прав на владение криптовалютами, следует учитывать, что до появления данного акта, судебная практика не имела определенного вектор, так суды зачастую оказывали в защите прав владельцев криптовалют, ключевым основанием для отказа являлось неуведомлении налоговых органов о наличии в собственности цифровых активов или сделок с ними, также судами квалифицировались операции с использованием криптовалют в рамках биржевых операций, которые по своей природе не подлежали судебной защите.

Так, своем постановлении Конституционным судом Российской Федерации было принято решение, что в части не подлежащей и препятствовавшей судебной защите имущественных прав лиц, которые приобрели цифровые активы законными способами, не связанными с майнингом, следует внести изменения. Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации указала, что необходимо признать цифровую валюту имуществом, которое может быть рассмотрено как объект гражданских прав, в качестве иного имущества, к которому применимы положения статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Все имущественные права граждан и организаций, исходящих из законного и обоснованного владения цифровой валютой, а также её законного использования, в обязхательном порядке подлежат защите в суде, наравне с иными имущественными правами. Судам было запрещено отказывать в защите имущественных прав владельцам цифровых активов, которые приобрели ее не по средствам майнинга и в случаях, когда данные цифровые активы были приобретены или получены на законных основаниях, до внесения соответствующих изменений в законодательство. Конституционный суд Российской Федерации также указал, что обязанность информирования налоговых органов о фактах владения цифровых активов и совершения сделок с ее использование распространяется на участников крипторынков, которые осуществляют майнинг криптовалют, при этом для физических и юридических лиц, данное условие не является обязательным, до внесения изменений в законодательство.

Таким образом, для обращения и получения защиты прав в судебном порядке, ключевыми фактами будут являться в первую очередь необходимо доказать законность на приобретения, использование и владение цифровых активов. Сторона, которая обращается за защитой прав должна будет представить доказательства с содержанием сведений, подтверждающих что именно данных цифровой актив был им получен и использовался на обоснованных и законных условиях. Далее, также значимым условием является способ распоряжения цифровыми активами в момент нарушения прав пользователя, поскольку следует учитывать, что на сегодняшний день криптовалюта не может быть использована в качестве платежного средства для оплаты за оказанные услуги или приобретенные товары, так как на территории Российской Федерации допускаются исключительно договоры мены, но не купли-продажи. При этом, имеются исключения, так как в случаях если цифровой актив приобретен способом майнинга, при таком условии, обязательным при судебной защите будет являться факт уведомления налоговых органов, в противном случае предусмотрен отказ по таким требованиям.

Ограничения и риски при использовании криптовалют в процессе защиты имущественных прав

Следует учитывать, что при использовании цифровых активов, таких как Bitcoin или Ethereum и иных цифровых активов, в процесс защиты прав собственности нераздельно связан с установленным законодательством рядом ограничений и возможных рисков, а именно: с правовой неопределенностью, техническими особенностями, практическими сложностями, техническими параметрами и др.

Под правовые ограничения могут подпадать запреты на использование к качестве платежного средства, поскольку на территории Российской Федерации запрещена оплата услуг и товаров криптовалютой, что существенно ограничивает ее обороноспособность. Далее наличие необходимости декларирования к владельцам цифровых активов, поскольку защите в судебном порядке, как ранее было упомянуто, подлежат, лица, которые подали соответствующие сведения в налоговые органы о наличии в их владении цифровых активов и данные о сделках произведенных с ними. В данном случае следует также учитывать, что сам механизм декларирования не урегулирован в полном объеме, что также вызывает ряд определённых трудностей. На ровне с вышеуказанным, необходимо отметить, отсутствие границ определённого правового статуса криптовалют, несмотря на то, что в законодательстве Российской Федерации криптовалюта имеет статус имущественного права, к примеру в делах о банкротстве, правовой режим цифровых активов на сегодняшний день недостаточно определен и не имеет чётких границ, что создает определенные сложности в квалификации прав и обязанностей для участников сделок с использованием криптовалют. Также как ограничение может расцениваться факт определения судами операций с использованием цифровых активов как высокорискованных сделок, в связи с чем, суда нередко отказывают в удовлетворении требований заявителей, если при соверешении сделок не были соблюдены процедурные требования, к примеру декларирование цифровых активов.

К рискам, связанным с использованием криптовалют, относятся сложности идентификации собственника, так при использовании технологий блокчейна соблюдается обязательная анонимность, что затрудняет и ограничивает возможность прямого определения и привязки цифрового кошелька к конкретному физическому или юридическому лицу. В связи с чем, процедура и способ доказывания принадлежности цифровых активов усложняется, при рассмотрении дел судом, что часто встречается в спора о банкротстве или взыскании долгов и неосновательного обогащения. Одним из рисков принято считать вопросы, связанные с арестом счетов или взысканием имущества. Так, арест криптовалют имеет декларативный характер, поскольку ключей доступа к закрытым электронным кошелькам, невозможно ограничить распоряжение цифровыми активами. В связи с этим, органам исполнительной власти затруднительно, а в некоторых случаях невозможно установить наличие электронных кошельков у должника. Также следует учитывать, оценку стоимости, поскольку высокая волатильность цифровых активов затрудняет их реальную оценку, данная проблема также существенно затрудняет определение размера и стоимости цифровых активов. Достаточно существенными остаются и уголовные риски, так как использование криптовалют в целях мошеннических действий, отмывание доходов, полученных преступным путём, уклонение от уплаты налогов при доходах от майнинга преследуется по закону в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации. Нередки риски при использовании иностранных платформ или криптобирж. На сегодняшний день основанное

количество площадок для проведения сделок с использованием криптовалют, находятся под юрисдикцией иностранных государств, которые не предоставляют данные о своих пользователях, что в свою очередь затрудняет выполнение запросов органов исполнительной власти и получение сведений. Технические риски, в которые входит утрата доступов к электронным кошелькам и площадкам, с учетом нахождения платформ и криптобирж под контролем иностранных государств, восстановление доступа затруднительно и в некоторых случаях невозможно.

При учете ограничений и рисков, имеются и иные сложности, отсутствие единообразия судебной практики, нехватка в органах кадров с наличием знаний и практики в работе с цифровыми активами, что приводит неправильной квалификации сделок, проблемы с трансграничными переводами, так как получение необходимых сведений от иностранных платформ осложнено по причине признания иностранных нотариальных заверений.

Перспективы развития защиты имущественных прав на криптовалюту в гражданском праве на территории Российской Федерации

Важными предпосылками в будущих перспективах развития защиты имущественных прав на криптовалюту является совершенствование законодательства в данном направлении, расширение судебной практики, приведение ее к единообразию и адаптация текущих действующих механизмов и способов применимых к свойствам и особенностям цифровых активов. Так, основными направлениями являются определение и установление более точных границ и правового статуса криптовалют на территории Российской Федерации, совершенствование и упрощение процедур, связанных с декларированием и легализацией доходов от майнинга, а также увеличение спектра прав владельцев цифровых активов.

Таким образом, можно выявить конкретные условия и действия для достижения вышеуказанных целей.

Так, необходимо уточнить нормы о видах цифровых активов, разбив их на последовательные градации, что позволит устранить правовые неопределенности.

Улучшить и усовершенствовать механизмы контроля операций и сделок с цифровыми активами, а также произвести интеграцию с налоговыми органами и подконтрольными им базами данных.

Также необходимо совершенствование в сфере судебной защиты, а именно упрощение способов доказывания прав на криптовалюту и выявление алгоритмов действий для рассмотрения дел с использованием цифровых активов.

Следует также учитывать, что без адаптации существующих гражданско-правовых институтов полноценное совершенствование защиты прав на криптовалюты невозможно.

Выводы

Защита прав на криптовалюту в гражданском праве на территории Российской Федерации сегодня активно развивается, именно поэтому, необходимы комплексные меры улучшения для решения возникающих споров при рассмотрении таких споров в судах.

Законодателю необходимо разработать единую правовую базу, через выработку единых методов применения законодательных актов, путем приведения единообразия судебной системы к данным вопросам и спорам. Подобные действия позволят разрешить проблем регулирования и применения законодательных актов, чем упростят процесс разрешения споров, однако это требует времени и усилий со стороны правительства, с учетом развития криптовалют в финансовом пространстве на территории Российской Федерации.

Участники сделок, должны иметь всецелое и подробное понимание способов и возможностей защиты своих нарушенных прав, связанных с использование цифровых активов, для правильного ведения бизнеса и минимизации возможных правовых последствий.

С учетом роста оборота криптовалют вопросы по защите прав потребителей в данной сфере будут оставаться актуальными и востребованными, при этом отсутствие способов регулирования и единообразия применимых судами норм и понятий при защите прав вызовут резонанс.

Необходимо, чтобы судебная система пришла к балансу при рассмотрении споров, связанных с защитой имущественных прав юридических и физических лиц при обороте криптовалют. Технологии продолжают развиваться, оборот криптовалют в мире растет, поэтому законодательство должно быть готово к глобальным изменениям и уточнениям, чтобы справиться с новыми вопросами и проблемами.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 10.04.2026);

2. Налоговый кодекс РФ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 02.04.2026);

3. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)»;

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 / (дата обращения 09.04.2026);

5. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения 08.04.2026);

6. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 20.01.2026 №2-П – Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655 / (дата обращения 10.04.2026)

7. Сайт Федеральной Налоговой службы России – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_03/info/16604994/ (дата обращения 09.04.2026).

Protection of cryptocurrency rights in civil law in the Russian Federation

Kuznetsov M.I.
Moscow Financial-Industrial University 'Synergia'

Cryptocurrencies are increasingly pervasive in the financial space both globally and specifically in the Russian Federation, representing a new type of payment system and instrument.

Today, there are over 13,000 different types of cryptocurrencies worldwide, indicating the growth of the crypto market and the expansion of crypto projects' capabilities.

The following cryptocurrencies are primarily distinguished: Bitcoin, Ethereum, Tether, Ripple, and Binance Coin. All types of digital currencies are not subject to targeted regulation in the Russian Federation, raising a number of civil law issues regarding the protection of property rights for cryptocurrency owners that require prompt resolution. For example, anonymous and decentralized uses of cryptocurrency create disputes in civil law practice. Such topics have attracted attention in recent years, necessitating the analysis and development of legislative projects, the implementation of cutting-edge methods for influencing the cryptocurrency market, and the adoption of uniform practices for resolving such disputes.

Current civil codes and regulations lag behind the pace of cryptocurrency modernization in the economic and financial sectors, leading to disputes over the status of cryptocurrencies and the applicable laws in resolving civil disputes regarding property rights. Currently, the situation is exacerbated by problems with international jurisdiction and a lack of common rules.

Therefore, the status of cryptocurrencies and the laws applicable to disputes involving them are a pressing issue today, as they are rapidly absorbing

the investment segment, driven by the desire and need to generate legitimate income, as well as increased turnover, buying and selling, accumulation, and exchange, allowing owners to profit. This article examines the current status of cryptocurrencies and the methods for protecting property rights under civil law for digital asset owners in the Russian Federation. Analyzing Russian legislation, case law, and doctrinal provisions, the author explores the need to define generally accepted methods for protecting property rights in cryptocurrencies for both owners and investors, standardize judicial practice, and establish uniform rights for parties to transactions involving digital assets.
Keywords: protection of rights, civil law, property law, cryptocurrency, crypto wallet, digitalization, means of payment, digital currency, Bitcoin, Ethereum, Tether, Ripple, Binanct Coin.

References

1. Civil Code of the Russian Federation URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access 10.04.2026);
2. Tax Code of the Russian Federation URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (date of access 02.04.2026);
3. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 30.12.2021, as amended on 03.02.2022) "On Insolvency (Bankruptcy)";
4. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed on April 9, 2026);
5. Federal Law No. 173-FZ of December 10, 2003, "On Currency Regulation and Currency Control" – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (accessed on April 8, 2026);
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P – Access mode URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (date of access 10.04.2026)
7. Website of the Federal Tax Service of Russia – Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_03/info/16604994/ (date of access 09.04.2026).

Правовая природа комплаенс-риска

Лежнева Василиса Валерьевна
аспирант, Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, legnevavv@mail.ru

В статье исследуется правовая природа комплаенс-риска как неотъемлемого элемента системы управления современной компанией. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия, рассматривается примеры из судебной и административной практики и нормативное регулирование в Российской Федерации. Особое внимание уделяется правовым последствиям наличия или отсутствия эффективной системы управления комплаенс-рисками, а также проблемам становления комплаенса в качестве межотраслевого правового института. Автором формулируется личная позиция относительно необходимости синтеза правовых и управленческих подходов для минимизации угроз экономической безопасности организации. Выделяет межотраслевой характер комплаенс-риска, формирующегося на стыке конституционного, административного, уголовного, гражданского и трудового права. В статье делаются выводы об особом правовом положении комплаенс-риска, а также необходимости дополнительного законодательного регулирования.
Ключевые слова: комплаенс-риск, управление рисками, экономическая безопасность, внутренний контроль, должная осмотрительность, коррупционные риски, правовой институт.

На сегодняшний день ключевыми факторами, определяющими российскую экономику, выступают: высокая динамика законодательства, ужесточение контрольно-надзорных процедур и усиление санкционного давления. На этом фоне обеспечение законности в деятельности организации перестало восприниматься как нововведение, став критически важным условием устойчивости. Как справедливо отмечают исследователи И.П. Баранова, Л.И. Грацианова и Н.П. Тишкина, «угроза банкротства в случае несоблюдения законов становится вполне реальной». А штрафы могут достигать особо крупных размеров, нанося непоправимый урон даже устойчивому бизнесу.

В этих условиях на первый план выходит концепция комплаенс-контроля, призванная обеспечить не просто формальное соответствие, а системное управление рисками, возникающими из-за нарушения правовых и этических норм. Однако, несмотря на растущую популярность, правовая природа комплаенс-рисков, их место в системе юридической ответственности, а также практические механизмы снижения этих рисков остаются дискуссионными вопросами. В связи с этим целью данной статьи является комплексный анализ комплаенс-риска как правового явления, его доктринального осмысления, нормативного регулирования и судебной практики в Российской Федерации.

Для начала нужно определить понятие комплаенса, «это система управления рисками несоответствия осуществляемой хозяйствующим субъектом деятельности:

1. требованиям нормативных правовых актов, обычаев, обязательных стандартов саморегулируемых организаций;
2. предписаниям контролирующих органов;
3. складывающейся правоприменительной практике;
4. макроэкономическим параметрам;
5. иным значимым для осуществления деятельности факторам».

Анализ научной литературы показывает отсутствие единого, унифицированного подхода к определению комплаенс-риска, что обусловлено междисциплинарным характером этого явления, находящегося на стыке права, экономики и менеджмента. Можно выделить несколько ключевых доктринальных позиций.

Во-первых, нормативно-санкционный подход. Наиболее авторитетное определение дано Базельским комитетом по банковскому надзору «Комплаенс и комплаенс-функция в банках», «комплаенс-риск – это риск применения юридических санкций или санкций регулирующих органов, существенного финансового убытка или потери репутации банком в результате несоблюдения им норм, касающихся банковской деятельности». Положение Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» дает определение комплаенс-риска, «то есть риска возникновения у кредитной организации убытков из-за несоблюдения законодательства Российской Федерации, внутренних документов кредитной организации, стандартов саморегулируемых организаций (если такие стандарты или правила являются обязательными для кредитной организации), а также в результате применения санкций и (или) иных мер воздействия со стороны надзорных органов (далее - регуляторный риск)».

Во-вторых, процессный подход. А.В. Шаркова, Н.В. Бондарчук и Л.Д. Владимировна рассматривают комплаенс-риски через призму контроллинга, определяя «комплаенс-контроль – это внутренний элемент системы контроллинга организации, представляющий собой прогрес-

сивно организованный процесс выявления и минимизации рисков несоответствия условий, процессов и продуктов организации различного рода требованиям и стандартам, с позиций справедливости, правдивости и честности как по отношению к самой организации, так и к различным стейкхолдерам». Здесь акцент смещается на активную деятельность по управлению.

В-третьих, риск-ориентированный подход. Р.П. Булыга, Л.М. Куприянова фокусируются на видовом составе рискового воздействия. В рамках этого подхода комплаенс-риск рассматривается как интегрированная категория, включающая в себя коррупционные риски, налоговые риски, риски легализации доходов, полученных преступным путем, риски нарушения антимонопольного законодательства и конфиденциальности данных. Такой подход позволяет конкретизировать объект управления и разрабатывать точечные меры противодействия.

В-четвертых, этико-поведенческий подход. Данный подход, часто встречающийся в работах по корпоративному управлению, связывает комплаенс-риск не только с нарушением формальных норм, но и с отклонением от этических стандартов ведения бизнеса. О.И. Швырева и И.А. Фролова определяют, «комплаенс-рисками – рисками несоответствия, несоблюдения требований законодательства, нормативных документов, правил и стандартов надзорных органов, отраслевых ассоциаций и саморегулируемых организаций, кодексов поведения и т.д.».

Обобщая, можно сделать вывод, что комплаенс-риск — это сложная правовая категория, обозначающая вероятность наступления негативных последствий (юридических, финансовых, репутационных) для компании в результате ее несоответствия (действия или бездействия) требованиям внешних и внутренних нормативных актов, а также этическим стандартам.

На практике реализация комплаенс-рисков приводит к серьезным последствиям, что подтверждается обширной судебной и административной практикой. Рассмотрим несколько характерных примеров, разделив их по видам рисков.

1. Коррупционные риски (антикоррупционный комплаенс). Отсутствие эффективной системы контроля за взаимодействием с контрагентами и государственными служащими может привести к уголовной ответственности по ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп) или ст. 291 УК РФ (дача взятки). Показательным является дело бывшего маркетолога компании DNS, обвиняемого в хищении 95 млн рублей. Мошеннические схемы стали возможны из-за отсутствия должного комплаенс-контроля за рекламными бюджетами и подписанием актов выполненных работ, что позволило менеджеру убеждать поставщиков рекламных услуг завышать счета, одновременно обманывая компанию, а разницу реальной и фиктивной ценой забирать себе. В данном случае пробел в системе управления привел к прямому финансовому ущербу и уголовному преследованию.

2. Риски нарушения антимонопольного законодательства. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России активно привлекает компании к ответственности за картельные сговоры и недобросовестную конкуренцию. В 2023 году ФАС оштрафовала ряд крупных компаний за недобросовестную рекламу, содержащую некорректные сравнения с конкурентами, что является нарушением ст. 5 Федерального закона «О рекламе». Как пример, решение комиссия ФАС России по рассмотрению дела по признакам нарушения законодательства о рекламе признала рекламу компании ненадлежащей и передала материалы дела для решения вопроса о необходимости возбуждения дела об административном правонарушении. Наличие в компании антимонопольного комплаенса, включающего предварительную проверку рекламных материалов юристами и маркетологами, позволило бы избежать административных штрафов, достигающих нескольких миллионов рублей.

3. Риски в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. Нарушение требований Федерального закона № 115-ФЗ является одним из самых «дорогих» комплаенс-рисков. Судебная практика изобилует случаями отзыва лицензий у банков за вовлеченность в сомнительные операции. Как отмечает Ю.А. Пестрикова, «параллельно с формированием института мегарегулятора финансовых рынков в банковской сфере активно реализуется поддерживаемая на высшем государственном уровне политика сокращения числа действующих кредитных организаций, прежде всего за счет банков, деятельность которых не соответствует требованиям законодательства». Например, Арбитражный суд г. Москвы неоднократно поддерживал решения Банка России об отзыве лицензий, когда кредитные организации не направляли сведения о подозрительных операциях в Росфинмониторинг, игнорируя собственные правила внутреннего контроля. В подтверждение, решение по исковому заявлению Общества с ограниченной ответственностью "Банк Южной многоотраслевой корпорации к Центральному банку Российской Федерации о признании незаконным приказа «Об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у кредитной организации Общество с ограниченной ответственностью «Банк Южной многоотраслевой корпорации ООО «ЮМК банк», суд отказал.

4. Риски нарушения трудового законодательства и безопасности. Несчастные случаи на производстве из-за несоблюдения техники безопасности влекут не только уголовную ответственность по ст. 143 УК РФ, но и многомиллионные иски к работодателю о возмещении морального вреда.

Нормативная база, регулирующая вопросы управления комплаенс-рисками в России, носит фрагментарный характер и состоит из актов различной юридической силы.

1. Законодательные акты общего действия:

- Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ — устанавливает обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, что является основой антикоррупционного комплаенса.
- Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ — обязывает организации, работающие с денежными средствами, создавать правила внутреннего контроля и назначать специальных должностных лиц, фактически создавая комплаенс-функцию.
- Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ — в 2018 году был дополнен положениями об антимонопольном комплаенсе (ст. 9.1), устанавливая правовые основы для создания системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

2. Специальные (отраслевые) акты:

- Указание Банка России от 24.04.2014 № 3241-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 16 декабря 2003 года № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» — именно этот документ легализовал в российской банковской системе понятие «комплаенс-риск» и установил требования к организации комплаенс-функции.
- Приказ Минфина России от 09.01.2019 № 2н (ред. от 16.10.2023) «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Ми-

нистерства финансов Российской Федерации» и <Информация> Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности»— регламентируют вопросы организации внутреннего контроля в целом, включая контроль за соответствием деятельности требованиям законодательства.

3. Локальные и рекомендательные акты: Письма и разъяснения ФАС России о внедрении антимонопольного комплаенса, а также внутренние стандарты саморегулируемых организаций (СРО). Как отмечается в научной литературе, основная проблема российского регулирования — его фрагментарность. Отсутствует единый закон «О комплаенсе», что приводит к разрозненности подходов в разных отраслях.

Вопрос о правовых последствиях наличия или отсутствия эффективной комплаенс-системы является ключевым для понимания ее правовой природы. Можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, смягчение ответственности. Хотя Уголовный кодекс РФ не содержит прямой нормы об освобождении от ответственности за наличие комплаенс-программы (в отличие от законодательства США или Великобритании), судебная практика идет по пути признания надлежащего выполнения функций по контролю как обстоятельства, смягчающего ответственность. Например, в делах о налоговых правонарушениях (ст. 122 НК РФ) суды часто принимают во внимание, что налогоплательщик проявил должную осмотрительность при выборе контрагента, что является элементом налогового комплаенса. ФАС России, согласно ст. 9.1 Закона о защите конкуренции, учитывает наличие антимонопольного комплаенса при рассмотрении дела о нарушении. Это служит основанием для смягчения наказания или применения предупреждения вместо штрафа.

Во-вторых, освобождение от ответственности юридического лица. В соответствии с примечанием к ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица), юридическое лицо освобождается от административной ответственности, если способствовало выявлению, раскрытию и расследованию административного правонарушения. Эффективная комплаенс-система, включающая «горячие линии» и механизмы внутренних расследований, позволяет компании своевременно выявить факт правонарушения, сообщить о нем в органы и тем самым избежать многомиллионных штрафов.

В-третьих, репутационные и договорные последствия. Отсутствие комплаенс-системы может повлечь за собой не только санкции со стороны государства, но и потерю бизнес-партнеров. Крупные корпорации и международные компании при заключении договоров требуют от контрагентов прохождения комплаенс-проверки и подтверждения наличия собственной системы управления рисками. В случае выявления нарушений, договор может быть расторгнут в одностороннем порядке как существенное нарушение условий.

Анализ содержания комплаенс-риска позволяет утверждать, что он формируется на стыке нескольких отраслей права, образуя сложный межотраслевой институт.

1. Нормы конституционного и административного права задают общие принципы законности и регулируют отношения с контрольно-надзорными органами. Комплаенс-процедуры здесь направлены на обеспечение соблюдения публично-правовых обязанностей.

2. Нормы уголовного права являются «красной линией», определяющей границы недопустимого поведения (коррупция, мошенничество, легализация). Наличие комплаенс-системы рассматривается как доказательство отсутствия умысла на совершение преступления со стороны организации.

3. Нормы гражданского и корпоративного права составляют основу комплаенса. Именно здесь закреплены обязанности органов управления действовать добросовестно и разумно в интересах общества (ст. 53 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Неисполнение обязанности по созданию эффективной системы управления рисками может быть квалифицировано как нарушение фидуциарных обязанностей директора. Понятие «должная осмотрительность» при выборе контрагента, выработанное судебной практикой (Постановление Пленума ВАС РФ № 53), также является классическим элементом комплаенс-механизма.

4. Нормы трудового права регулируют вопросы внедрения комплаенс-политики через трудовые договоры, должностные инструкции и локальные акты, делая их обязательными для персонала, и устанавливая дисциплинарную ответственность за нарушения.

Таким образом, комплаенс-риск является интегральным правовым институтом, аккумулирующим в себе требования различных отраслей права, которые предъявляются к организации в целом.

Несмотря на очевидную необходимость, внедрение и функционирование систем управления комплаенс-рисками в российских компаниях сталкивается с рядом серьезных проблем.

1. Проблема цифровизации и новых технологий. Развитие интернет-рекламы, криптовалют и цифровых платформ порождает новые риски. Как отмечают Д.А. Николаев и А.Н. Исаев, «бизнес постепенно переходит в онлайн: доля компаний, переходящих в онлайн неуклонно растет, при этом также активно развивается бизнес, который изначально выстроен для работы онлайн; в сети интернет, компания может использовать огромный спектр инструментов маркетинга, что увеличивает комплаенс-риски». Примером является ситуация с обязательной маркировкой интернет-рекламы (Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» от 02.07.2021 N 347-ФЗ), введенная в 2021 году. Из-за нечеткости формулировок и «сырости» закона многие компании не могли точно определить, что именно является рекламой, что привело к массовым штрафам в 2023 году.

2. Конфликт комплаенса и бизнес-процессов. Зачастую комплаенс-процедуры воспринимаются сотрудниками как излишняя бюрократия, замедляющая принятие решений. Е.Н. Федосова, В.В. Рубан, С.А. Макаренко подчеркивают что важно «найти баланс между комплексом разрабатываемых превентивных, корректирующих мер, их документированием, регулированием и излишней бюрократией, которая сама по себе является проблемой, требующей устранения». Комплаенс не должен душить бизнес, он должен его защищать.

3. Кадровый дефицит и квалификация. Профессия комплаенс-менеджера отсутствует в официальном перечне профессий, а требования к компетенциям только формируются. Эксперты выделяют целый ряд профессиональных компетенций: от знания антимонопольного законодательства до основ психологии и навыков работы с цифровыми технологиями. Дефицит квалифицированных кадров, способных не просто контролировать, а встраивать риск-ориентированный подход в бизнес-процессы, остается острой проблемой.

4. Отсутствие единого стандарта. Как уже отмечалось, регулирование фрагментарно. Компании вынуждены выстраивать системы под каждый вид риска отдельно (налоговый комплаенс, антикоррупционный, про-

тиводействие отмыванию доходов, финансовый терроризм и др.), что ведет к дублированию функций и росту издержек.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что управление комплаенс-рисками в современной России переживает этап активного становления. От маргинальной функции, присущей в основном банковскому сектору, комплаенс превращается в системообразующий элемент корпоративного управления, от которого напрямую зависит экономическая безопасность компании.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. По авторскому мнению, комплаенс-риск — это не просто разновидность операционного или репутационного риска. Это самостоятельная правовая категория, отражающая меру неопределенности в правовом поле деятельности компании. Управление этим риском требует не столько правовой экспертизы отдельных сделок, сколько системного правового проектирования бизнес-процессов.
2. Также по мнению автора назрела необходимость в принятии базового федерального закона «Об основах организации комплаенс-контроля в Российской Федерации», который бы закрепил единые принципы, терминологию и минимальные требования к системам управления комплаенс-рисками для различных категорий организаций (включая государственные корпорации, стратегические предприятия и крупный бизнес). Это позволило бы унифицировать правоприменительную практику и снизить коррупционные и иные риски.
3. Анализ судебной практики и нормативных актов убеждает, что наличие эффективной комплаенс-системы должно стать не факультативным обстоятельством, смягчающим ответственность, а обязательным критерием добросовестности поведения юридического лица. Необходимо законодательно закрепить презумпцию ответственности лица, занимающего высшую должность, за отсутствие в организации надлежащей системы внутреннего контроля (комплаенса). Это станет мощным стимулом для реального, а не формального внедрения этих механизмов.

В заключение можно подчеркнуть, что комплаенс не должен восприниматься как модное нововведение или досадная помеха. В условиях глобальной экономической нестабильности и ужесточения регуляторной среды комплаенс-контроль является единственным инструментом, позволяющим бизнесу оставаться «прозрачным» в рамках законодательства, сохраняя при этом свою эффективность и конкурентоспособность.

Литература

1. Бывшего маркетолога DNS судят за хищение из бюджета компании 95 млн рублей [Электронный ресурс] // Sostav.ru. – URL: https://www.sostav.ru/publication/byvshego-top-menedzhera-dns-sudyat-za-khishchenie-95-mln-rublej-31824.html?ysclid=mn34n9xv53998911707 (дата обращения: 23.03.2026).
2. Грацианова, Л. И. Комплаенс - необходимость или модное нововведение? / Л. И. Грацианова, И. П. Баранова, Н. П. Тишкина // Проблемы теории и практики управления. – 2023. – № 5. – С. 61-74.
3. Николаев, Д. А. Развитие системы управления комплаенс-рисками в контексте маркетинговой деятельности компании / Д. А. Николаев, А. Н. Исаев // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности : Материалы V Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 24–27 апреля 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 499-505.
4. Пестрикова, Ю. А. Управление комплаенс-рисками в коммерческих банках / Ю. А. Пестрикова // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 3 частях, Пенза, 05 июня 2017 года. Том Часть 2. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 189-192.
5. Попондопуло, В. Ф. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений / В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 102-114.
6. Федосова, Е. Н. Комплаенс-контроль как неотъемлемая частьсистемы управления экономическим субъектом / Е. Н. Федосова, В. В. Рубан, С. А. Макаренко // Проблемы и перспективы развития экономического контроля и аудита в России : Сборник статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Краснодар, 18 марта 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 111-115.
7. Шаркова, А. В. Комплаенс-контроль - внутренний элемент системы контроллинга / А. В. Шаркова, Н. В. Бондарчук, Д. В. Лебедева // Контроллинг. – 2022. – № 3(85). – С. 2-9.
8. Швырева, О. И. Роль и функции комплаенс-контроля в системе управления организацией / О. И. Швырева, И. А. Фролова // Актуальные вопросы экономики и менеджмента : сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Краснодар, 20 июня 2015 года / Ответственный редактор: Ворошилова И.В.. – Краснодар: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2015. – С. 44-46.
9. The compliance function in banks [Electronic resource] / Basel Committee on Banking Supervision. – Mode of access: http://www.bis.org/publ/bcbs103.pdf. – Date of access: 23.03.2026.

The legal nature of compliance risk

Lezhneva V.V.

Russian University of Law and Notary named after G.B. Mirzoev

The article examines the legal nature of compliance risk as an integral element of a modern company's management system. The doctrinal approaches to the definition of the concept are analyzed, examples from judicial and administrative practice and regulatory regulation in the Russian Federation are considered. Special attention is paid to the legal consequences of the presence or absence of an effective compliance risk management system, as well as the problems of establishing compliance as an interdisciplinary legal institution. The author formulates a personal position on the need to synthesize legal and managerial approaches to minimize threats to the economic security of the organization. Highlights the intersectoral nature of compliance risk, which is formed at the junction of constitutional, administrative, criminal, civil and labor law. The article draws conclusions about the special legal status of compliance risk, as well as the need for additional legislative regulation.

Keywords: compliance risk, risk management, economic security, internal control, due diligence, corruption risks, legal institution.

References

1. Total DNS marketer judges bidget clients for 95 million rubles [Electronic resource] // Sostav.ru . – URL: https://www.sostav.ru/publication/byvshego-top-menedzhera-dns-sudyat-za-khishchenie-95-mln-rublej-31824.html?ysclid=mn34n9xv53998911707 (accessed: 03/23/2026).
2. Grazianova, L. I. Is compliance a necessity or a fashionable innovation? / L. I. Grazianova, I. P. Baranova, N. P. Tishkina // Problems of management theory and practice. – 2023. – No. 5. – pp. 61-74. – EDN GZBQXV.
3. Nikolaev, D. A. Development of the compliance risk management system in the context of the company's marketing activities / D. A. Nikolaev, A. N. Isaev // Economic security of the country, regions, organizations of various types of activities : Materials and the V All–Russian Forum in Tyumen on economic security, Tyumen, April 24-27, 2024. - T.: TGGU–Press, 2024. – pp. 499-505. - PUBLISHING HOUSE of the KHZHFBV.
4. Pestrikova, Yu. A. Compliance risk management in commercial banks / Yu.A. Pestrikova // Current issues of law, economics and management : collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference: in 3 parts, Penza, June 05, 2017. Volume Part 2. Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.), 2017. pp. 189-192. – EDN YUKVLVL.

5. Popondopulo, V. F. Compliance as a legal instrument for minimizing risks and preventing offenses / V. F. Popondopulo, D. A. Petrov // Bulletin of St. Petersburg University. Pravo, 2020, vol. 11, No. 1, pp. 102-114.
6. Fedosova, E. N. Compliance control as an integral part of the management system of an economic entity / E. N. Fedosova, V. V. Ruban, S. A. Makarenko // Problems and prospects of economic control and audit development in Russia : Collection of articles based on the materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Krasnodar, March 18, 2020. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2020. pp. 111-115. EDN BVTARV.
7. Sharkova, A.V. Compliance control - an internal element of the controlling system / A.V. Sharkova, N. V. Bondarchuk, D. V. Lebedeva // Controlling. – 2022. – № 3(85). – Pp. 2-9. – NJAPGJ PUBLISHING HOUSE.
8. Shvyreva O. I. The role and functions of compliance control in the organization's management system / O. I. Shvyreva, I. A. Frolova // Current issues of economics and management : collection of scientific articles by students, undergraduates, postgraduates and young scientists, Krasnodar, June 20, 2015 / Responsible editor: Voroshilova I.V.. Krasnodar: Witte Moscow University, 2015. pp. 44-46. - EDN VMSIKJ.
9. The compliance function in banks [Electronic resource] / Basel Committee on Banking Supervision. – Access mode: http://www.bis.org/publ/bcbs103.pdf . – Date of request: 03/23/2026.

Трансформации гражданского права в условиях цифровизации: регулирование финансовых активов

Хасуев Саид-Магомед Умарович
аспирант, кафедра Частно-правовые (цивилистические) науки, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», hasuev-said@mail.ru

Внедрение распределенных информационных систем в «архитектуру» имущественного оборота требует тщательного пересмотра устоявшихся доктринальных подходов. Виртуальные инструменты, которые выступают в качестве драйвера современной экономики, объективно не вписываются в классическую дихотомию вещных и обязательственных прав. Между тем, в правоприменительной практике обостряются выраженные нормативные противоречия: жесткая инфраструктурная локализация отечественных платформ конфликтует с транснациональной сущностью цифровых финансовых активов, а алгоритмический характер исполнения смарт-контрактов порождает правовой вакуум в вопросах идентификации сторон, наследственного правопреемства. Цель исследования заключается в концептуализации цифровых финансовых активов как специфической формы имущественных благ; в разработке прикладных правовых механизмов, которые помогают нивелировать нормативные барьеры в сфере их трансграничного обращения и наследственного правопреемства. Резюмировано, что механическая экстраполяция старых цивилистических норм на программный код методологически ошибочна. Авторский вклад проявляется в разработке рекомендаций – предложении правовой конструкции «иностранного номинального держателя ЦФА» для обеспечения межюрисдикционной интероперабельности без ущерба для национального суверенитета, а также в формировании алгоритма доверительного управления криптографическими ключами на период ведения наследственного дела. Разумно предположить, что имплементация предложенных мер позволит преодолеть технологическую изоляцию российского финтех-сектора, защитить имущественные интересы граждан. Представленные теоретические и прикладные результаты представляют интерес для разработчиков законодательства, судейского корпуса, профильных специалистов высокотехнологичных корпораций.

Ключевые слова: блокчейн, виртуальные ценные бумаги, интероперабельность юрисдикций, наследственное правопреемство, смарт-контракты, токенизация, цифровые финансовые активы.

Введение

Современная парадигма экономических отношений претерпевает выраженные преобразования. Это происходит под воздействием глобальных технологических трендов, что с неизбежностью влечет за собой необходимость адаптации фундаментальных правовых институтов.

По существу, интеграция информационных технологий в повседневную жизнь и деловой оборот формирует новую среду. В ней традиционные объекты вещных и обязательственных прав приобретают виртуальную форму. В связи с этим отметим, что цивилистическая наука сталкивается с достаточно серьезным вызовом. Так, требуется не просто точечная корректировка действующих нормативных актов, а детализированное переосмысление самих основ учения об объектах гражданских прав, способах их передачи, механизмах защиты.

Проникновение цифровых сущностей в сферу имущественных правоотношений весомо изменяет предпринимательскую деятельность, создавая потребность в легализации таких явлений, как смарт-контракты, блокчейн, токенизированные ценности и т. д.

Впрочем, было бы неверно полагать, что адаптация происходит одномоментно. Правовая система исторически консервативна, и это свойство выполняет важную стабилизирующую функцию. Трансформация гражданского права реализуется постепенно, через концептуализацию новых форм взаимодействия экономических агентов. Особое место в рассматриваемом процессе отводится проблематике виртуальных ценностей, поскольку именно они формируют базис инновационной экономики.

С опорой на цифровизацию предполагается не стандартный перенос существующих процессов в машиночитаемую среду, а создание принципиально новых алгоритмов функционирования рынков. Центральным элементом здесь служат цифровые финансовые активы (ЦФА). Принятие профильного Федерального закона № 259-ФЗ стало важной вехой в развитии российской юрисдикции, задав вектор для интеграции виртуального инструментария в легальное поле. Данный акт детерминировал понятийный аппарат, обозначил границы дозволенного поведения участников инвестиционных процессов.

Материалы и методы

При анализе современных источников обнаруживается, что трансформация гражданского права в условиях цифровизации применительно к регулированию финансовых активов развивается на стыке цивилистико-доктринального, сравнительно-правового, прикладного финансово-правового подходов. А.А. Волос исследует методологические основания в цифровой среде, включая вопросы наследственного правопреемства [1, 2]. А.В. Захаркина, Л.Г. Ефимова, Л.А. Новоселова, О.А. Полежаев характеризуют цивилистическую доктрину цифровых финансовых активов (ЦФА), раскрывая их правовую природу, режим, место в системе имущественных отношений [4, 5, 6, 11]. Сравнительно-правовой вектор представлен М.Г. Гиричем, И.С. Ермохиным, А.Д. Левашенко, Е.Б. Левитским, Д.И. Филипповым. Эти авторы сопоставляют российскую модель регулирования с зарубежными подходами, выявляя различия в квалификации токенизированных прав и digital-инструментария [3, 7]. Д.В. Лубягина, Т.П. Ахрем, А.Д. Машкова, Е.Д. Николаенко, В.С. Таганцева концентрируются на цифровых правах и цифровом рубле как особых объектах гражданских прав [8, 9].

Выбор указанных публикаций аргументируется тем, что они последовательно охватывают фундаментальный теоретический уровень (принципы гражданского права), специальную доктрину ЦФА, сравнительное регулирование, актуальные прикладные вопросы цифрового рубля и учета активов. Вместе с тем, выявляются пробелы, связанные с недостаточной разработанностью коллизионных вопросов.

При подготовке статьи использованы методы формально-юридического, сравнительно-правового, системного анализов, синтеза, обобщения, что обосновано необходимостью сопоставления доктринальных подходов, законодательных новелл, практики регулирования в единой цивилистической рамке.

Результаты и обсуждение

Трансформация гражданского права в условиях цифровизации представляет собой системную модернизацию его норм и институтов, которая вызвана появлением цифровых форм имущественных благ и технологически опосредованных способов их обращения. Применительно к рассматриваемым в статье активам такие изменения и преобразования выражаются в признании ЦФА самостоятельным объектом гражданских прав; в изменении правил удостоверения, оборота, защиты имущественных притязаний; в формировании специальных регуляторных режимов для сделок, совершаемых в информационных системах [5, 6, 11].

В академической среде не утихают дискуссии относительно юридической квалификации токенизированных прав. По сути, исследователи пытаются определить, являются ли виртуальные активы абсолютно новым объектом или же представляют собой модификацию уже известных правовых конструкций. Классическая теория ценных бумаг традиционно оперирует дуалистическим подходом, разделяя «право на бумагу» (вещный аспект) и «право из бумаги» (обязательственный смысл). В сопоставлении с более ранними подходами, современные инструменты, которые функционируют на базе распределенных реестров, «размывают» эту границу.

Как представляется, токены выполняют функцию фиксации прав из корпоративных и обязательственных сделок, приобретая самостоятельное значение для оборота. В исследованиях российской цивилистической доктрины справедливо подчеркивается, что цифровые финансовые активы целесообразно рассматривать как виртуальные ценные бумаги [4]. Подобно тому, как классическая бездокументарная бумага была признана легитимным объектом, несмотря на свою нематериальность, ЦФА требуют аналогичного доктринального признания для обеспечения единой юридической судьбы закрепленных в них прав (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика традиционных бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов (составлено на основе [1, 5, 8-10])

Параметр	Традиционные бездокументарные ценные бумаги	Цифровые финансовые активы
Форма фиксации прав	Записи на счетах депо в централизованных учетных институтах (регистраторы, депозитарии)	Записи в информационной системе на базе технологии распределенного реестра (блокчейн)
Субъект учета	Лицензированные профессиональные участники рынка (кастодианы)	Оператор информационной системы, валидирующий транзакции алгоритмически
Скорость транзакций	Опосредована регламентом работы депозитариев (клиринг занимает до нескольких дней)	Близка к реальному времени за счет применения программируемых смарт-контрактов
Правовая природа	Обязательственные и корпоративные права, которые жестко регламентированы Гражданским кодексом	Гибкие утилитарные и финансовые права, конструируемые эмитентом в решении о выпуске

Анализируя представленные параметры, разумно предположить, что технологическая «архитектура» напрямую детерминирует специфику правового режима. Децентрализация реестра снижает транзакционные издержки, однако порождает риски технологических сбоев и киберугроз. Это требует выработки новых механизмов гражданско-правовой ответственности.

Текущая рыночная конъюнктура демонстрирует уверенный интерес инвесторов к инновационным инструментам. Согласно аналитическим данным, на рынке облигаций и структурных продуктов фиксируется заметный рост доли розничных инвесторов, которая достигает 30% от общего объема торгов на финтех-платформах [12]. Примечательно, что алгоритмическая торговля и интеграция искусственного интеллекта в процессы скоринга модернизируют управление рисками. Видимо, именно этот технологический сдвиг стал своего рода «ускорителем» востребованности ЦФА со стороны частного капитала.

Между тем, практическое внедрение виртуальных сущностей сталкивается с серьезными юрисдикционными барьерами. В отличие от предыдущих подходов, которые ориентированы на локальные рынки, цифровая экономика по своей природе транснациональна.

Правовые аспекты использования ЦФА в международных расчетах обнажают целый ряд проблем:

- неопределенность статуса нерезидентов;
- техническую обособленность российских информационных систем;
- отсутствие унифицированного механизма трансграничного признания прав.

Иностранные контрагенты зачастую избегают участия в сделках из-за сложности прохождения комплаенса и несовпадения регуляторных стандартов.

Одновременно с этим, мировая практика демонстрирует разнообразие моделей регулирования. В сравнительном анализе (см. таблицу 2) выделяются два магистральных направления. Первое заключается в адаптации действующего фондового законодательства к токенизированным формам (характерно для США, где применяется тест Хауи). С опорой на второе направление предполагается разработка специальных нормативных актов для криптоэкономики (Россия, Европейский Союз с регламентом MiCA). По-видимому, континентальная правовая семья тяготеет к созданию обособленных режимов. И это обеспечивает бóльшую определенность, но снижает нормативную гибкость.

Таблица 2

Подходы к регулированию цифровых финансовых активов в различных юрисдикциях (составлено на основе [3, 7])

Юрисдикция	Модель регулирования	Особенности интеграции в гражданский оборот
Российская Федерация	Специальное законодательство (Закон № 259-ФЗ)	Жесткое разделение цифровой валюты и ЦФА; оборот ограничен рамками реестров лицензированных операторов
США	Экстраполяция норм о ценных бумагах (регулирование SEC)	Применение доктрины «инвестиционного контракта»; токены признаются ценными бумагами при соблюдении определенных критериев
Европейский Союз	Унифицированный регламент (MiCA)	Создание единого панъевропейского рынка криптоактивов; дифференциация токенов по уровню риска, обеспеченности фиатом

На основании отмеченного подчеркнем необходимость модернизации отечественного правового поля. Имеющиеся дисбалансы требуют не декларативных, а структурных решений, которые способны интегрировать новые инструменты в стабильный деловой оборот. Предлагаются следующие рекомендации.

Так, целесообразно создание механизма кросс-юрисдикционной совместимости платформ (интероперабель-

ности). В целях преодоления замкнутости российских информационных систем необходимо закрепить в профильном законе статус «иностранного номинального держателя ЦФА». Новизна описываемой меры заключается в легализации «мостов» между отечественными операторами и зарубежными клиринговыми центрами дружественных стран. В итоге решится проблема трансграничных расчетов, позволив иностранным инвесторам приобретать активы без прямой регистрации в российских узлах распределенного реестра.

Помимо этого, весьма значима адаптация наследственного права к цифровым сущностям. Как показывают исследования в сфере наследования, отсутствие четких правил передачи закрытых ключей или доступа к аккаунтам на платформах операторов блокирует правопреемство [2]. Предлагается дополнить Часть третью Гражданского кодекса РФ статьей, регламентирующей процедуру доверительного управления токенами на период ведения наследственного дела, а также легализовать смарт-контракты в качестве формы завещательного распоряжения. Благодаря данному решению будет устранен правовой вакуум и предотвращена безвозвратная утрата имущества при физической смерти владельца ключа.

Предположительно, реализация указанных выше шагов существенно повысит инвестиционную привлекательность отечественной юрисдикции и обеспечит надежную защиту прав субъектов экономических отношений.

Заключение

Трансформация гражданского права в эпоху глобальной цифровизации представляет собой многовекторный процесс. И он выходит за рамки обычной формализации технологических решений. Анализ правовой природы виртуальных инструментов продемонстрировал, что они обладают уникальными характеристиками, органично сочетая в себе черты обязательственных прав и вещных алгоритмических конструкций. Использование классической дихотомии традиционных теорий недостаточно для полноценного описания новых объектов. Признание ЦФА в качестве особой разновидности виртуальных ценных бумаг, которые функционируют в децентрализованной среде, вносит значимый концептуальный вклад в развитие современной цивилистической доктрины. Это помогает выработать единый подход к определению их юридической судьбы, упорядочивая систему имущественного оборота.

Стремительное вовлечение розничных инвесторов и попытки использования токенизированных механизмов для трансграничных операций наталкиваются на жесткие нормативные ограничения, инфраструктурную изолированность. Сравнительно-правовой анализ подтвердил, что хотя создание специального законодательства в России стало важным «фундаментом», текущая модель нуждается в адаптации к требованиям международной торговли, межюрисдикционного взаимодействия. Проблема правопреемства и идентификации субъектов в распределенных реестрах остается одной из наиболее острых для науки и практики.

Сформулированные авторские рекомендации обладают практической направленностью. Внедрение института иностранного номинального держателя и легализация смарт-контрактов для целей наследственного правопреемства способны разрешить нормативные коллизии.

Вероятно, по мере развития квантовых вычислений, искусственного интеллекта потребность в адаптивной правовой среде будет лишь возрастать. В конечном счете, успех правового регулирования зависит от способности государства своевременно реагировать на технологические вызовы, сохраняя при этом фундаментальные принципы справедливости, равенства сторон, неприкосновенности собственности.

Литература

1. Волос А.А. Принципы гражданского права в условиях цифровизации: проблемы методологии исследования // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4 (145). – С. 55-64.

2. Волос А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 51-71.

3. Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 176-192.

4. Ефимова Л.Г. Российская цивилистическая доктрина о цифровых финансовых активах: в поисках оптимальных решений // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2025. – № 1. – С. 89-96.

5. Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 504-526.

6. Захаркина А.В. Правовой режим цифровых финансовых активов // Право и экономика. – 2022. – № 11 (417). – С. 26-33.

7. Левитский Е.Б., Филиппов Д.И. Анализ зарубежных подходов в части регулирования цифровых финансовых активов // Финансовая жизнь. – 2025. – № 1. – С. 10-14.

8. Лубягина Д.В., Ахрем Т.П. Цифровые права в финансовой системе России: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 185-193.

9. Машкова А.Д., Николаенко Е.Д., Таганцева В.С. Цифровой рубль: особенности теоретического понимания как цифровой формы российской национальной валюты и определения его места в системе объектов гражданских прав // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 216-218.

10. Нигматзянова Д.А. Проблемы правового регулирования учета цифровых финансовых активов в России // Цифровое право. – 2024. – Т. 5. – № 3. – С. 95-108.

11. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. – 2021. – № 2 (46). – С. 75-91.

12. Частные инвесторы нарастили вложения на 30% в 2025 году // URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/T-Investments/chastnye-investory-narastili-vlozheniya-na-30-v-2025-godu/?author=profile (дата обращения: 16.04.2026).

Transformations of civil law under digitalization: regulation of financial assets

Khasuev Said-Magomed Umarovich

Synergy Moscow Financial and Industrial University

The introduction of distributed information systems into the “architecture” of property turnover requires a thorough reconsideration of established doctrinal approaches. Virtual instruments that serve as drivers of the modern economy objectively do not fit within the classical dichotomy of real and contractual rights. At the same time, significant regulatory contradictions are intensifying in law enforcement practice: the rigid infrastructural localization of domestic platforms conflicts with the transnational nature of digital financial assets, while the algorithmic execution of smart contracts creates a legal vacuum in matters of party identification and succession by inheritance. The purpose of the study is to conceptualize digital financial assets as a specific form of property rights and to develop applied legal mechanisms aimed at mitigating regulatory barriers in the sphere of their cross-border circulation and succession. It is concluded that the mechanical extrapolation of traditional civil law norms onto software code is methodologically flawed. The author’s contribution is reflected in the development of recommendations, including the proposal of a legal construct of a “foreign nominal holder of digital financial assets” to ensure interjurisdictional interoperability without prejudice to national sovereignty, as well as in the formulation of an algorithm for fiduciary

management of cryptographic keys during inheritance proceedings. It is reasonable to assume that the implementation of the proposed measures will help overcome the technological isolation of the Russian fintech sector and protect the property interests of citizens. The theoretical and applied results presented are of interest to legislators, the judiciary, and specialized professionals working in high-tech corporations.
Keywords: blockchain, virtual securities, jurisdictional interoperability, succession by inheritance, smart contracts, tokenization, digital financial assets.

References

1. Volos, A.A. Principles of Civil Law in the Context of Digitalization: Problems of Research Methodology // Russian Law Journal. – 2022. – No. 4 (145). – P. 55–64.
2. Volos, A.A. Digitalization of Society and Objects of Inheritance Succession // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – No. 3. – P. 51–71.
3. Girich, M.G., Ermokhin, I.S., Levashenko, A.D. Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries // International Organisations Research Journal: Education, Science, New Economy. – 2022. – Vol. 17. – No. 4. – P. 176–192.
4. Efimova, L.G. Russian Civil Law Doctrine on Digital Financial Assets: In Search of Optimal Solutions // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. – 2025. – No. 1. – P. 89–96.
5. Zakharkina, A.V. Foundations of the Civil Law Theory of Digital Financial Assets // Perm University Herald. Juridical Sciences. – 2022. – No. 57. – P. 504–526.
6. Zakharkina, A.V. Legal Regime of Digital Financial Assets // Law and Economics. – 2022. – No. 11 (417). – P. 26–33.
7. Levitsky, E.B., Filippov, D.I. Analysis of Foreign Approaches to the Regulation of Digital Financial Assets // Financial Life. – 2025. – No. 1. – P. 10–14.
8. Lubyagina, D.V., Akhrem, T.P. Digital Rights in the Financial System of Russia: Legal Aspect // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2022. – No. 12 (100). – P. 185–193.
9. Mashkova, A.D., Nikolaenko, E.D., Tagantseva, V.S. Digital Ruble: Specific Features of Theoretical Understanding as a Digital Form of the Russian National Currency and Determining Its Place in the System of Objects of Civil Rights // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 2 (189). – P. 216–218.
10. Nigmatzyanova, D.A. Problems of Legal Regulation of Accounting for Digital Financial Assets in Russia // Digital Law. – 2024. – Vol. 5. – No. 3. – P. 95–108.
11. Novoselova, L.A., Polezhaev, O.A. Digital Financial Assets as Objects of Property Relations: Current Issues of Theory and Practice // Power of Law. – 2021. – No. 2 (46). – P. 75–91.
12. Private Investors Increased Their Investments by 30% in 2025 // URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/T-Investments/chastnye-investory-narastili-vlozheniya-na-30-v-2025-godu/?author=profile (accessed: 16.04.2026).

Интернет-сайт как сложный объект интеллектуальных прав: проблемы правового признания

Шайдуллин Римнур Марсович
аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

В статье обосновывается положение о том, что интернет-сайт по своей юридической природе подлежит квалификации в качестве сложного объекта интеллектуальных прав. Показано, что сайт не исчерпывается ни программой для ЭВМ, ни базой данных, ни совокупностью разрозненных материалов, размещённых в сети Интернет. Его правовая специфика определяется единством функционального назначения, внутренней организационной связью включённых результатов интеллектуальной деятельности и наличием единого замысла, реализуемого в цифровой среде. На этой основе анализируется соотношение сайта с мультимедийным продуктом, а также оцениваются пределы применения статьи 1240 ГК РФ. Сделан вывод о том, что закрытый характер перечня сложных объектов не должен препятствовать квалификации сайта как сложного объекта интеллектуальных прав, поскольку современный цифровой оборот объективно выработал потребность в такой квалификации как в доктрине, так и в судебной практике.

Ключевые слова: интернет-сайт, сложный объект, интеллектуальные права, мультимедийный продукт, авторское право, цифровая среда, правовая охрана.

Вопрос о правовой природе интернет-сайта в настоящее время имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От верности квалификации сайта как сложного или составного объекта зависит распределение прав на структуру и содержание сайта, определение состава правообладателей, пределы договорного распоряжения соответствующими результатами, а также выбор надлежащих способов защиты. Между тем действующее законодательство не содержит завершённой конструкции, которая позволяла бы без существенных оговорок отнести сайт к одному из уже поименованных объектов интеллектуальных прав. По этой причине в доктрине сохраняется дискуссия о том, следует ли рассматривать сайт как разновидность базы данных, мультимедийный продукт, составное произведение либо как самостоятельный комплексный результат, подлежащий осмыслению через конструкцию сложного объекта.

На наш взгляд, наиболее аргументированной следует признать позицию, в соответствии с которой интернет-сайт представляет собой сложный объект интеллектуальных прав. Сайт формируется не как простое соединение программного кода, текстов, изображений, аудиовизуальных фрагментов и иных цифровых элементов. Он создаётся как единый функциональный и смысловой результат, предназначенный для использования в определённой цифровой среде и подчинённый общему назначению. Именно это позволяет говорить о наличии у сайта не только сложного состава, но и внутреннего организационного единства, которое не сводится к механическому совмещению разнородных компонентов.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что российское право до настоящего времени не выработало легального определения сложного объекта, ограничившись перечислением отдельных его разновидностей в статье 1240 ГК РФ. К. Д. Савицкая справедливо указывает, что законодатель фактически закрепил лишь один конструктивный признак такого объекта — наличие нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, тогда как развитие информационных технологий непрерывно порождает новые формы комплексных результатов, прямо не названные в законе [1, с. 113–114]. Для квалификации интернет-сайта данное положение имеет принципиальное значение: отсутствие его прямого упоминания в статье 1240 ГК РФ не исключает наличия у сайта признаков сложного объекта.

Указанный вывод подтверждается и через анализ общих признаков сложного объекта. По замечанию К. Д. Савицкой, для признания результата сложным недостаточно одной лишь множественности компонентов; необходимы, во-первых, сочетание нескольких результатов интеллектуальной деятельности, во-вторых, их структурная взаимосвязь и, в-третьих, образование единого объекта правовой охраны [1, с. 114–115]. Перечисленные признаки в полной мере присущи интернет-сайту. Его визуальное оформление, программные решения, текстовое наполнение, графика, навигационные элементы, а во многих случаях и аудиовизуальные материалы не воспринимаются пользователем изолированно. В процессе использования сайта они функционируют как единый цифровой ресурс, а не как совокупность самостоятельных объектов.

Существенный аргумент в пользу такого подхода содержится и в работах, специально посвящённых правовой природе сайта. А. В. Моногарова, анализируя представленные в литературе подходы, приходит к выводу о тяго-

тении интернет-сайта к мультимедийному продукту и подчёркивает, что сайт объединяет разнородные результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме [2, с. 119–120]. Данный вывод в целом следует признать обоснованным, однако он нуждается в уточнении. Сайт действительно во многих случаях может быть охарактеризован через категорию мультимедийного продукта, но его правовая квалификация не должна полностью растворяться в указанной конструкции. Не каждый сайт обладает одинаковой степенью интерактивности и не каждый включает один и тот же набор мультимедийных элементов. В силу этого более точным является тезис о том, что интернет-сайт представляет собой сложный объект интеллектуальных прав, который в отдельных случаях может выступать разновидностью мультимедийного продукта, но не исчерпывается данным понятием.

Подобный подход позволяет избежать чрезмерного упрощения правовой квалификации. Если рассматривать сайт исключительно как программу для ЭВМ, за пределами анализа остаются его содержательные элементы и творческая организация цифрового пространства. Если же квалифицировать его только как базу данных, выпадает программно-визуальная составляющая, а также та творческая интеграция материалов, которая формирует индивидуальность конкретного сайта. Наконец, сведение сайта к составному произведению также не разрешает проблему в полном объёме, поскольку указанная конструкция объясняет принципы отбора и расположения материалов, но не охватывает техническую и интерфейсную архитектуру сайта как единой цифровой среды.

Дополнительное подтверждение данному выводу даёт современная судебная практика. Е. С. Гринь обращает внимание на то, что развитие цифровой среды обусловливает появление всё новых комплексных результатов, для которых правоприменитель вынужден искать адекватный правовой режим среди уже существующих конструкций [3, с. 112–113]. При этом в судебной практике, как отмечает автор, всё большее значение приобретают два признака: единство результата и его сложный состав [3, с. 113–114]. Указанные ориентиры, выработанные применительно к мультимедийным продуктам, аудиовизуальным произведениям и иным комплексным цифровым объектам, в полной мере применимы и к интернет-сайту.

Особого внимания заслуживает положение, согласно которому квалификация сложного объекта связывается не только с наличием нескольких охраняемых элементов, но и с сохранением авторского замысла, обеспечивающего внутреннюю цельность результата [3, с. 114]. Именно данный критерий позволяет отграничить сайт от простой совокупности файлов, размещённых на сервере. Сайт, как правило, проектируется исходя из единой концепции: определяется его назначение, структура страниц, логика пользовательского маршрута, дизайн, способы представления информации и взаимодействия с ней. Даже в тех случаях, когда отдельные элементы сайта создаются разными лицами, итоговый результат подчинён общему замыслу лица, организующего создание и функционирование соответствующего ресурса.

В этом и состоит ключевой довод в пользу квалификации сайта как сложного объекта интеллектуальных прав. Для целей правового регулирования существенно не только установить состав элементов, входящих в объект, но и определить, каким образом эти элементы существуют в составе целого. Интернет-сайт обладает собственной формой выражения, которая не сводится к сумме его частей. Она проявляется в композиции интерфейса, взаимосвязи разделов, сочетании текстового и визуального ряда, навигационной архитектуре, порядке доступа к материалам и, в конечном счёте, в той цифровой идентичности, которая позволяет отличить один сайт от другого.

Возражение против такой квалификации обычно основывается на буквальном толковании статьи 1240 ГК РФ. Действительно, интернет-сайт в данной норме прямо не назван. Однако подобный подход представляется чрезмерно формализованным. Признание перечня сложных объектов абсолютно закрытым и невосприимчивым к развитию цифровых форм творчества фактически привело бы к искусственному распределению новых результатов интеллектуальной деятельности по не вполне подходящим правовым режимам. Между тем системное толкование части четвёртой ГК РФ предполагает иной подход. Если объект обладает ключевыми признаками сложного результата — единством, комплексностью, структурной взаимосвязью и творческой интеграцией элементов, — отказ в применении к нему соответствующей конструкции лишь по мотиву отсутствия его прямого указания в статье 1240 ГК РФ не может быть признан достаточно убедительным.

Новейшая литература развивает данную линию аргументации. В ней отмечается, что правовой режим сложных объектов всё отчётливее распространяется на цифровые результаты, которые прямо не поименованы в законе, но обладают сходными признаками. Такой подход представляется оправданным и в отношении интернет-сайта, поскольку именно он позволяет обеспечить надлежащую охрану результата как целостного объекта, не сводя защиту исключительно к отдельным, разрозненным компонентам [4; 5].

Практическая значимость рассматриваемого вопроса не вызывает сомнений. Если сайт понимать лишь как совокупность самостоятельных объектов, правообладатель будет вынужден в каждом конкретном случае доказывать нарушение прав на отдельный элемент: программный код, дизайн, текст, фотографию, базу данных и т. д. Однако подобная модель не отражает реальной природы нарушения, когда посягательство направлено не на изолированный компонент, а на сайт как на единый цифровой результат. Признание сайта сложным объектом позволяет точнее определить и сам объект охраны, и характер его использования, и объём неправомерного заимствования.

С указанной проблематикой непосредственно связано и распределение прав между участниками создания сайта. В современной цифровой экономике сайт нередко создаётся коллективно: разработчик отвечает за программную часть, дизайнер — за графическое решение, автор текста — за вербальное наполнение, фотограф или видеограф — за визуальный контент. Однако итоговый результат не превращается вследствие этого в простую сумму раздельных прав. На уровне правовой квалификации необходимо учитывать, что соответствующие элементы включаются в состав нового целого и начинают функционировать в иной системе связей. Именно поэтому конструкция сложного объекта позволяет наиболее точно описать соотношение прав на отдельные компоненты и прав на сайт в целом.

При этом важно избежать двух крайностей. Первая состоит в полном отрицании самостоятельного правового режима сайта, когда защита допускается исключительно по частям. Вторая выражается в игнорировании прав на входящие элементы, когда сайт ошибочно воспринимается как объект, полностью поглощающий права на все включённые результаты. Корректным следует признать подход, основанный на двойственной структуре правовой охраны: с одной стороны, сохраняется правовой режим отдельных результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в состав сайта; с другой стороны, сам сайт как

целостный цифровой результат подлежит охране как сложный объект интеллектуальных прав.

Именно такая квалификация соответствует задачам исследования, посвящённого охране и защите интеллектуальных прав владельцев сайтов и страниц сайтов в сети Интернет. Защита владельца сайта окажется неполной, если право будет рассматривать сайт исключительно как техническую оболочку либо как случайный набор материалов. Напротив, признание сайта сложным объектом создаёт более последовательную юридическую основу для охраны интересов лица, организовавшего создание и использование соответствующего ресурса, а также для разграничения его прав с правами авторов отдельных компонентов.

Следовательно, интернет-сайт подлежит квалификации как сложный объект интеллектуальных прав. В ряде случаев он действительно может быть охарактеризован как мультимедийный продукт, однако это не отменяет более общего вывода: сайт представляет собой единый цифровой результат, включающий несколько охраняемых разнородных элементов, функционально и содержательно связанных между собой общим назначением и авторским замыслом. Именно такая квалификация в наибольшей степени соответствует современной природе сайта и отвечает потребностям его правовой охраны и защиты в условиях цифрового оборота.

Литература

1. Савицкая К. Д. Понятие и признаки сложного объекта в авторском праве // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. Новополоцк, 2021. С. 113–116.

2. Моногарова А. В. Перспективы наделения интернет-сайта статусом объекта авторского права // Молодой ученый. 2021. № 40 (382). С. 119–120.

3. Гринь Е. С. Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 9 (154). С. 112–118.

4. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // IPCMagazine. 2025. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1825372/ (дата обращения: 26.04.2026).

5. Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть // IPCMagazine. 2025. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1907918/ (дата обращения: 26.04.2026).

A Website as a Complex Intellectual Property: Issues of Legal Recognition

Shaidullin R.M.
University of Management "TISBI"

This article substantiates the proposition that a website, by its legal nature, qualifies as a complex intellectual property. It demonstrates that a website is not limited to a computer program, a database, or a collection of disparate materials posted online. Its legal specificity is determined by its unity of functional purpose, the internal organizational connection of the included intellectual property, and the presence of a unified concept implemented in a digital environment. Based on this, the relationship between a website and a multimedia product is analyzed and the scope of application of Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation is assessed. It is concluded that the closed nature of the list of complex objects should not prevent a website from being classified as a complex intellectual property, since modern digital activity has objectively created a need for such a classification in both doctrine and judicial practice.

Keywords: website, complex object, intellectual property rights, multimedia product, copyright, digital environment, legal protection.

References

1. Savitskaya K. D. Concept and Features of a Complex Object in Copyright // Legal Protection of Intellectual Property: Theoretical and Practical Issues: Collection of Proceedings of the International Scientific and Practical Conf., Novopolotsk, May 28, 2021. Novopolotsk, 2021. pp. 113–116.

2. Monogarova A. V. Prospects for Granting Websites the Status of a Copyright Object // Young Scientist. 2021. No. 40 (382). pp. 119–120.

3. Grin' E. S. Types of Complex Objects of Intellectual Property Rights: Issues of Judicial Practice // Current Issues of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 9 (154). pp. 112–118.

4. Complex Objects of Intellectual Property Rights. General Section // IPCMagazine. 2025. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1825372/ (Accessed: 26.04.2026).

5. Complex Objects of Intellectual Property Rights. Special Section // IPCMagazine. 2025. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1907918/ (Accessed: 26.04.2026).

Возможности нейротехнологий в оценке потенциально противоправного аудиовизуального контента: обоснование гипотезы

Рашитханов Руслан Салихович
заместитель директора, Институт информационной и медиабезопасности, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), RSRASHITHANOV@msal.ru

В статье обосновывается научная состоятельность гипотезы о возможности использования нейрофизиологических показателей для объективной оценки негативного влияния аудиовизуального контента на психофизиологическое состояние человека и, соответственно, принятия правовых мер ограничения оборота такого контента. Рассматриваются теоретико-правовые и этические ограничения применения нейрофизиологических данных в контексте регулирования цифрового контента. Обосновывается вспомогательная роль нейротехнологий как источника дополнительной информации о риске контента, дополняющего традиционные психологические, лингвистические и правовые экспертные подходы, но не подменяющего их. Описана концепция эмпирической верификации научной гипотезы: исследование создает основу для реализации правовых механизмов противодействия деструктивному контенту и установления того, каким образом результаты нейропсихофизиологических измерений могут быть интегрированы в процедуры экспертной оценки контента при сохранении приоритета прав и свобод человека. В рамках данной статьи обосновывается состоятельность гипотезы и предлагается программа эмпирического исследования, необходимого для её проверки. При этом вопросы, касающиеся проведения экспериментов, обработки данных и верификации результатов выходят за рамки данной работы и составляют предмет отдельного исследования.

Ключевые слова: нейротехнологии, нейрофизиологические показатели, ЭЭГ, аудиовизуальный контент, противоправный контент, нейроправо, когнитивный суверенитет.

В современном информационном обществе проблема охраны психического здоровья личности приобретает особую значимость в связи с лавинообразным ростом контента и усложнением механизмов его воздействия на сознание человека. Аудиовизуальные материалы, распространяемые через средства коммуникации, способны оказывать как позитивное, так и деструктивное влияние на психическое состояние индивида. В последние десятилетия юридическая наука и практика столкнулись с необходимостью выработки объективных критериев оценки вреда, причиняемого информационной продукцией психическому здоровью граждан.

Предлагаемая модель исследования опирается на быстро развивающееся направление исследований, в которых нейрофизиологические показатели человека регистрируются в ответ на предъявление аудиовизуального контента. В ряде работ, прежде всего в области нейромаркетинга и компьютерного распознавания эмоций (аффективных вычислений), показано, что комплексное использование ЭЭГ, показателей сердечно-сосудистой системы и кожно-гальванической реакции (КГР/EDA) позволяет объективно оценивать уровень эмоционального возбуждения, вовлеченности при просмотре видеороликов, рекламных материалов и других динамических стимулов. Электродермальная активность, как отмечают некоторые ученые, является особенно чувствительным и относительно «чистым» маркером симпатической активации, тесно связанной с эмоциональным возбуждением и вниманием, что делает ее удобным объективным индикатором эмоционального состояния при воздействии медийных стимулов. Также исследования демонстрируют возможность автоматического распознавания эмоциональных состояний по EDA, в том числе с использованием фрактального анализа и современных методов машинного обучения, а также стабильное распознавание эмоций по ЭЭГ-сигналу с применением глубоких нейронных сетей. Всё это свидетельствует о том, что эмоциональная и стрессовая реакция на сложный аудиовизуальный контент может быть описана в терминах объективных физиологических метрик, а не только субъективных ощущениях и оценках. Проще говоря, возможность объективной фиксации состояния человека посредством упомянутых технологий прослеживается явно.

Вместе с тем принципиально важно разграничивать регистрацию физиологической реакции и ее содержательную интерпретацию. Повышение электродермальной активности, изменение сердечного ритма, вариации ЭЭГ-ритмов или амплитуды событийно-связанных потенциалов свидетельствуют о наличии определенной реакции организма, но сами по себе не позволяют однозначно установить ее психологический смысл. Один и тот же физиологический паттерн может быть связан с тревогой, интересом, удивлением, возбуждением, когнитивным усилием или реакцией на новизну. Поэтому в настоящей статье нейрофизиологические показатели рассматриваются как измеряемые признаки, требующие интерпретации в совокупности с самоотчетами, поведенческими данными, характеристиками стимула и контекстом его предъявления.

Особый интерес для настоящего исследования представляют воздействия насильственного и в целом «стрессогенного» медиаконтента на человека. Исследования с использованием МРТ и ЭЭГ показали, что при просмотре

сцен насилия в телепередачах, фильмах и видеоиграх активируются структуры, ответственные за обработку угрозы, внимания и эмоционального возбуждения (орбитофронтальные и префронтальные отделы коры головного мозга), а характер и выраженность этих активаций зависят от истории предыдущего воздействия. В одной из научных работ по рассматриваемой проблематике явно показано, что длительное увлечение насильственными видеоиграми связано со снижением амплитуды компонента P300 при предъявлении изображений насилия, причем степень снижения P300 предсказывала уровень агрессивного поведения в последующей задаче. Другие исследования эмоциональной перцепции и задач на торможение реакции показывали изменение фронтальных компонентов N200/P300 после просмотра насильственных фильмов, что интерпретируется как нейрофизиологическая десенсибилизация к насилию и изменение когнитивного контроля. Вместе с тем имеются и работы, не подтверждающие гипотезу о простом и линейном эффекте десенсибилизации, что подчёркивает сложность и многомерность взаимосвязей между типом контента, нейрофизиологическими ответами и поведенческими последствиями.

На этом фоне целесообразно сформулировать гипотезу: **нейрофизиологические показатели (ЭЭГ, фМРТ или fNIRS, ЭКГ, КГР/EDA, показатели дыхания и др.) при предъявлении невербального аудиовизуального контента (включая психоделические, интенсивно воздействующие визуально-аудиальные ряды) позволяют количественно описать меру негативного влияния этого контента на психофизиологическое состояние человека**. Под «негативным влиянием» в рамках исследования предполагается понимать операционализируемые характеристики: уровень стрессовой активации, выраженность отрицательной эмоциональной реакции, когнитивную перегрузку, устойчивость реакции во времени, а при наличии лонгитюдной части – длительности последствий. Исходя из существующих данных о том, что по физиологическим каналам возможно надежно классифицировать эмоциональные состояния, в том числе при предъявлении динамических видео и музыкальных стимулов, предполагается, что для особого класса контента можно выделить характерные паттерны нейрофизиологической реакции, отличающиеся от реакций на нейтральные и контролируемые эмоциональные стимулы.

В рамках данной статьи обосновывается состоятельность гипотезы и предлагается программа эмпирического исследования, необходимого для её проверки. При этом вопросы, касающиеся проведения экспериментов, обработки данных и верификации результатов выходят за рамки данной работы и составляют предмет отдельного исследования.

В рамках предполагаемого исследования, необходимость которого обосновывается в данной статье, цель состоит в разработке и валидации научно обоснованной методики объективной оценки психофизиологического влияния невербального цифрового контента на человека на основе комплексной регистрации нейрофизиологических сигналов. Для достижения этой цели потребуется решить несколько взаимосвязанных задач.

Во-первых, необходимо сформировать репрезентативный набор стимулов, включающий нейтральный контент, стандартизированные эмоциональные видеоклипы, используемые в современной психофизиологии (например, базы типа MAHNOB-HCI, в которой собраны видео- и аудиоданные, а также реакции людей на них), в том числе контент, вызывающий сомнения (психоделические, потенциально деструктивные видеоряды и др.).

Во-вторых, требуется разработать экспериментальные протоколы, обеспечивающие одновременную регистрацию многоканальной ЭЭГ, EDA, ЭКГ, дыхания и, по возможности, методов нейровизуализации (фМРТ или, более реалистично, fNIRS) при предъявлении указанных стимулов в стандартизированных условиях.

В-третьих, предстоит сформировать систему количественных показателей (индексов) эмоционального возбуждения, валентности, внимания и когнитивной нагрузки на основе современных подходов к анализу соответствующих сигналов, включая фрактальные и спектральные методы для EDA, методы выделения событийных потенциалов из ЭЭГ, а также применение машинного обучения и глубоких нейросетевых моделей для построения классификаторов и регрессионных моделей эмоционального состояния.

Новизна предлагаемого исследования заключается, во-первых, в переносе хорошо разработанных нейрофизиологических методик на специфический класс контента, который трудно поддается традиционной экспертизе – невербальный контент, аморфные или психоделические аудиовизуальные стимулы. Если в существующих исследованиях основное внимание уделяется либо рекламным материалам, либо явно насильственному контенту (фильмы, видеоигры), то в рамках планируемого исследования предполагается систематически изучать именно те случаи, где вербальные признаки отсутствуют или минимальны, а воздействие осуществляется через форму, цвет, динамику, ритм и звуковую структуру.

Во-вторых, новизна состоит в разработке интегральных индексов «нейрофизиологического риска» контента, которые опираются не на один канал (например, только P300 или только EDA), а на сочетание нескольких сигналов, что повысит устойчивость и обобщаемость оценок. На практике мультиканальные подходы уже показали преимущества при оценке реакции на медийные стимулы: совмещение ЭЭГ, КГР и сердечного ритма позволяет лучше предсказывать субъективные оценки, чем каждый канал по отдельности.

В программе будущего исследования необходимо реализовать сравнительный подход с участием нескольких групп испытуемых, различающихся по опыту потребления медиаконтента и уязвимости (например, молодые пользователи с высоким временем ежедневного онлайн-просмотра, клинические или субклинические группы с повышенной тревожностью, контрольная группа с умеренным медиапотреблением). Планируется, что при предъявлении различных типов стимулов будет проводиться анализ как усредненных по группе паттернов, так и вариативности. Особое внимание должно быть уделено разделению компонентов реакции, связанных с новизной и удивлением, от тех, которые можно интерпретировать как устойчивый стресс или дистресс; это важно для разграничения, например, художественно шокирующего, но функционального воздействия и действительно вредоносного эффекта. В качестве возможной перспективы может быть рассмотрено включение лонгитюдного компонента для оценки длительности сохранения физиологических изменений и их связи с самоотчётами о состоянии. Описанное выше носит проектный характер и подлежит апробации в ходе экспериментов.

Практическая значимость предполагаемого исследования заключается в создании научно обоснованной концепции и потенциального прототипа системы оценки нейрофизиологического воздействия цифрового контента, которую в дальнейшем можно использовать как вспомогательный инструмент в рамках психофизиологической или психологической судебной экспертизы. Важно подчеркнуть, что результаты такого рода способны доба-

вить в обсуждение измеряемое звено: **вместо абстрактного тезиса о том, что «контент якобы наносит вред», можно опираться на данные о том, что в типичной группе пользователей данный класс стимулов вызывает устойчивую, статистически значимую гиперактивацию маркеров стресса, сопровождающуюся, к примеру, нарушением когнитивного контроля по данным ЭЭГ и субъективными жалобами**. С учетом накопленного массива работ, демонстрирующих как возможности, так и ограничения подхода к измерению эмоциональных реакций на медиаконтент, исследование представляется научно обоснованным, методологически реализуемым и способным заложить фундамент для дальнейшей интеграции нейрофизиологических данных в трансдисциплинарные модели оценки риска от цифрового контента.

Принципиальное значение имеет разграничение научной, экспертной и правовой плоскостей анализа. Даже если определенный класс аудиовизуальных стимулов вызывает у части испытуемых устойчивую стрессовую активацию или ухудшение показателей когнитивного контроля, это само по себе не означает, что такой контент должен быть признан противоправным. Квалификация требует самостоятельного анализа правовой нормы, охраняемого интереса, характера общественной опасности, адресата воздействия, контекста распространения материала, возрастной категории аудитории и соразмерности возможного ограничения прав. Следовательно, нейрофизиологические данные могут использоваться только как вспомогательный фактический материал в рамках комплексной экспертизы, но не как самостоятельное основание для запрета, блокировки или иной меры ограничения оборота контента.

Отдельного рассмотрения требуют теоретико-правовые и этические основания возможного использования нейрофизиологических данных в контексте регулирования распространения контента. Отношение различных юрисдикций к нейроданным остается крайне осторожным: подчеркиваются как методологические ограничения фМРТ и смежных технологий, так и опасность их гиперболизации в глазах правоприменителей. В обзорах по рассматриваемой проблематике указывается, что существующие инструменты характеризуются ограниченной пространственно-временной разрешающей способностью, значительной вариативностью (проще говоря, у каждого человека по-своему) и высокой чувствительностью к контексту, что влечет риски некорректной интерпретации и завышенных ожиданий при их использовании в судебных разбирательствах.

Близкий круг вопросов обсуждается также и в области этики и исследований, посвященных «нейроправам», защите когнитивного суверенитета. Авторы, анализирующие последствия распространения нейротехнологий, подчеркивают, что доступ к данным о мозговой активности и их использование для целей оценки поведения, предпочтений или убеждений человека затрагивают базовые права на неприкосновенность частной жизни, свободу мысли и свободу от дискриминации. Доклады международных организаций и научные исследования подчеркивают необходимость разработки регулятивных рамок, учитывающих специфику нейротехнологий, их двойное назначение и возможное коммерческое и государственное злоупотребление.

Ключевым ограничением предлагаемой методики выступает неизбежная многозначность связи между физиологическими маркерами и психологическими интерпретациями. На уровне психофизиологии давно обсуждается, что одни и те же показатели активации – например, повышение электродермальной активности или изменение сердечного ритма – могут отражать как негативно окрашенный стресс, так и познавательное заинтересованное возбуждение, зависящее от мотивации и контекста. Аналогично, фронтальная ЭЭГ-асимметрия, традиционно трактуемая в терминах «приближение-избегание», проявляет сложные зависимости от типа задачи, социального контекста и индивидуальных особенностей. Обзоры психофизиологических исследований медиа подчеркивают, что без строгого экспериментального контроля и сопоставления с поведенческими и самоотчетными данными риск переинтерпретации отдельных физиологических индикаторов остаётся высоким. Поэтому в рамках исследования предполагается изначально закладывать многокомпонентную модель оценки, в которой физиологические показатели рассматриваются совместно с поведенческими метриками (качество выполнения когнитивных задач, изменение внимания и т.п.), что позволяет существенно снизить двусмысленность интерпретаций.

Отдельной задачей, имеющей как научное, так и практическое значение, является проблема повышенной убедительности объяснений, содержащих ссылки на нейроданные и изображения мозга, даже если их добавление не повышает реальной объяснительной силы аргументации. Экспериментальные работы показывают, что визуализация мозговой активности (например, в виде фМРТ-снимков) способна усиливать доверие неспециалистов к представленным доказательствам и объяснениям, создавая видимость повышенной объективности. В связи с этим любые разработки в области применения нейрофизиологических методов к оценке контента должны сопровождаться четким описанием границ валидности и статистической неопределённости получаемых результатов, а также коммуникационной стратегией, минимизирующей риск их некритичного восприятия регуляторами, судьями и широкой публикой. Предполагается снижать этот риск за счет прозрачного изложения методики, обязательного указания доверительных интервалов и демонстрации отрицательных результатов и тщательной валидации моделей на независимых выборках.

Таким образом, предлагаемое исследование занимает промежуточное положение между фундаментальными трудами ученых, изучающих медиа, и прикладными задачами правового регулирования. С одной стороны, он опирается на развитую традицию психофизиологических исследований медиа, демонстрирующих, что динамика сердечно-сосудистых показателей, EDA и ЭЭГ надёжно отражает процессы внимания, эмоционального реагирования и когнитивной нагрузки при взаимодействии с цифровым контентом. С другой стороны, он учитывает современные дискуссии в нейроправе и этике, подчеркивающие как потенциальную полезность нейроданных в юридическом контексте, так и необходимость строгих эпистемологических и правовых ограничений на их использование. Разработанный в рамках возможного исследования протокол оценки нейрофизиологического воздействия контента может быть представлен не как инструмент категорического вынесения вердиктов о «деструктивности», а как научно обоснованный источник дополнительной информации о риске того или иного класса стимулов, дополняющий традиционные критерии. Исследование создает основу для реализации правовых механизмов противодействия деструктивному контенту и установления того, каким образом результаты нейропсихофизиологических измерений могут быть интегрированы в процедуры экспертной оценки контента при сохранении приоритета прав и свобод человека.

В качестве следующего шага представляется целесообразным конкретизировать программу исследования, которая позволил бы не только продемонстрировать принципиальную реализуемость подхода, но и обеспечить возможность обсуждения нормативных предложений. Опираясь на существующие психофизиологие протоколы, где

систематически используются сердечно-сосудистые показатели, электродермальная активность, ЭЭГ и иногда методы нейровизуализации для анализа реакции на аудио- и видеостимулы, можно предложить многофакторный подход с изменениями как типов контента, так и контекстом его предъявления. В идеале набор стимулов должен включать несколько уровней эмоционального воздействия, калиброванных на основе ранее описанных баз изображений и клипов, дополненных авторскими «подозрительными» стимульными наборами, отражающими специфические формы психоделического или трудноинтерпретируемого контента.

Испытуемые в таком исследовании могут быть разделены на несколько групп в зависимости от возраста, уровня медиапотребления и наличия или отсутствия повышенной уязвимости (например, по показателям тревожности или предыдущего негативного опыта взаимодействия с подобным контентом). Подобная стратификация согласуется с данными о том, что индивидуальные различия существенно модифицируют психофизиологические реакции на стимулы и, следовательно, должны учитываться уже на стадии планирования выборки. Эксперимент может включать последовательные блоки просмотра нейтральных, эмоционально стандартизированных (исследователь знает эмоциональный заряд контента) и подозрительных стимулов, разделённых периодами восстановления, в ходе которых регистрируются как физиологические показатели покоя, так и субъективные самоотчёты. Наряду с регистрацией непрерывных сигналов (ЭЭГ, ЭКГ, EDA, дыхание) целесообразно включить поведенческие задания на внимание и когнитивный контроль до и после эксперимента, что позволит оценить возможные краткосрочные изменения когнитивного функционирования под влиянием предъявленного материала.

В рамках эксперимента обработка данных должна будет опираться на методы мультимодальной интеграции. Современные обзоры по мультимодальному распознаванию эмоций подчеркивают, что комбинирование нескольких физиологических каналов (EDA, ЭКГ, ЭЭГ, дыхание и др.), а также, при наличии, поведенческих и визуальных данных, существенно повышает точность классификации эмоциональных состояний по сравнению с моноканальными подходами.

Концептуально интерпретация полученных нейрофизиологических паттернов должна опираться на мотивационно-эмоциональные модели, разработанные в рамках психофизиологии эмоций. Исследования демонстрируют, что эмоциональная обработка стимулов может быть описана в терминах двух основных измерений – валентности и активации, связанных с активацией оборонительных и аппетитивных мотивационных систем, что находит отражение как в мозговых потенциалах, так и в автономных реакциях. Для целей предлагаемого исследования это означает, что «негативность» контента следует операционализировать как систематическое смещение активации в сторону оборонительного контура реакции при высокой интенсивности возбуждения. Дополнительно возможен анализ эффектов повторного показа: часть работ указывает на изменение как субъективных оценок, так и физиологических реакций при многократном предъявлении эмоциональных стимулов, включая снижение аффективного ответа и модификацию событий-связанных потенциалов, что важно для обсуждения возможных эффектов десенсибилизации или, напротив, сенсибилизации к определённым типам контента. Предлагаемая интерпретационная рамка является предположением и должна быть проверена в ходе будущего эксперимента.

Если гипотеза будет подтверждена, ожидаемые результаты могут быть описаны как выявление диапазона профилей нейрофизиологического реагирования, характерных для разных классов контента. Можно выдвинуть предположение, что для части психоделических или трудноинтерпретируемых стимулов будут обнаружены паттерны, включающие сочетание высокой автономной активации (по EDA и сердечному ритму), усиления индексов когнитивной нагрузки и возможного ухудшения показателей когнитивного контроля в поведенческих задачах. Однако столь же вероятно, что часть подобных стимулов окажется ближе к профилю поискового или познавательного возбуждения, описанному в традиции исследований ориентировочного рефлекса и естественного селективного внимания, что ещё раз подчеркнёт невозможность прямого отождествления физиологической активации с «вредом» без учёта контекста и субъективной интерпретации. Этот выстраиваемый спектр реакций может быть представлен в виде индексов риска, в рамках которых конкретные классы контента занимают различные области, а не делятся на бинарные категории «допустимый/запрещенный».

Понимание ограничений и возможных направлений развития предлагаемого подхода тесно связано с общими тенденциями в области анализа мультимодальных эмоциональных данных. Современные обзоры показывают, что, несмотря на впечатляющий прогресс в точности распознавания эмоциональных состояний, сохраняются серьезные проблемы с обобщением моделей на новые выборки, условия и культурные контексты. В исследовании отмечается, что без систематической работы по сбору разнообразных данных и открытой публикации кодов и моделей существует риск переоценки реальной надёжности систем. Для нейрофизиологических оценок воздействия контента это означает необходимость многоцентровых исследований, репликаций и, по возможности, создания открытых баз анонимизированных сигналов, полученных при просмотре стандартизированных наборов стимулов. Только в этом случае можно говорить о формировании действительно устойчивых и проверяемых критериев, которые могли бы претендовать на использование в экспертной практике.

Важно подчеркнуть, что предлагаемая интеграция нейропсихофизиологических методов в оценку контента должна рассматриваться не как подмена существующих подходов, а как их дополнение. Нейрофизиологические данные способны внести в анализ измеримое, количественно описываемое звено, показывая, каким образом тот или иной класс стимулов влияет на эмоциональное состояние, внимание и когнитивные процессы типичного пользователя. При этом с нормативной точки зрения фундаментальными остаются выводы о недопустимости использования нейротехнологий для скрытой манипуляции, дискриминации или принуждения. В этой связи даже успешно валидированный протокол оценки нейрофизиологического воздействия контента может быть оправдан только в формате строго регламентированной, прозрачной и подотчетной процедуры, ориентированной на защиту пользователей и соблюдение их прав, а не на расширение возможностей контроля над ними.

Таким образом, в настоящей статье предложено теоретическое обоснование гипотезы о возможности использования нейрофизиологических показателей для оценки влияния аудиовизуального контента. На основе анализа литературы сформулированы ключевые методологические принципы, которые должны лечь в основу будущего эмпирического исследования. Современные исследования в области психофизиологии, аффективных вычислений и нейромаркетинга демонстрируют принципиальную возможность регистрации и количественного описания эмоциональных, стрессовых и когнитивных реакций на

аудиовизуальные стимулы с использованием ЭЭГ, показателей сердечно-сосудистой системы, электродермальной активности и других каналов. На этом фоне предложенная в статье концепция интегральной оценки нейрофизиологического профиля контента, в том числе невербального и психоделического, представляет собой логическое продолжение уже существующих методологических и технологических разработок, адаптированное к задаче экспертизы трудноподдающегося лингвистическому анализу материала.

Сформулированная исследовательская программа предполагает переход от качественных рассуждений о «вреде» или «деструктивности» контента к операционализируемым показателям уровня активации оборонительных мотивационных систем, выраженности негативной валентности, когнитивной нагрузки и возможных краткосрочных изменений в работе систем внимания и контроля. При этом принципиально важно, что речь идет не о введении жесткой бинарной классификации «допустимый/запрещенный» на основе одного-двух физиологических индексов, а о построении шкалы нейрофизиологического риска, на которой различные классы стимулов занимают свои области. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает большую гибкость и чувствительность к нюансам контента и контекста его предъявления, а с другой – позволяет встроить нейрофизиологические данные в уже существующие системы экспертной оценки, не подменяя, а дополняя психологический, лингвистический и юридический анализ.

Одновременно проведённый в статье анализ теоретико-методологических и правовых ограничений ясно показывает, что использование нейрофизиологических методов в контексте регулирования контента не может рассматриваться как нейтральный технический инструмент. Многозначность связи между физиологическими маркерами и психологическими состояниями, межиндивидуальная и межкультурная вариативность реакций задают жёсткие рамки для любых практических предложений.

Перспективы дальнейших исследований в обозначенном направлении связаны, во-первых, с проведением многоцентровых эмпирических исследований с участием разнообразных по возрасту, культурному фону и уровню медиапотребления выборок людей, что необходимо для проверки обобщаемости предлагаемой модели. Во-вторых, представляется важным развивать методы, повышающие устойчивость классификаторов к вариативности условий регистрации и составов выборок, а также разрабатывать открытые базы анонимизированных нейрофизиологических данных, полученных при просмотре стандартизированных наборов стимулов. В-третьих, требуется дальнейшая междисциплинарная работа на стыке нейронауки и права, направленная на выработку четких критериев допустимости и границ ответственности при использовании нейрофизиологических данных. В совокупности эти шаги могут привести к формированию научно обоснованного, методологически прозрачного подхода к оценке воздействия контента, в котором возможности нейронауки используются как дополнительный источник данных для более взвешенных и ответственных решений в интересах общества.

Литература

1. Адиатуллин А.В., Башкович А.Б., Шмонов М.М., Галкина Н.В. Разработка алгоритма распознавания эмоциональных реакций при просмотре рекламных роликов по данным ЭЭГ // Практический маркетинг. – 2020. – № 4 (278). – С. 3 – 10.

2. Вайсертрейгер А.С.-Р. Комплексное исследование динамики физиологических показателей у человека при восприятии сенсорных эмоциогенных стимулов: дис. ... канд. биол. наук. Санкт-Петербург, 2018. 192 с.

3. Горобец Т.Н., Ковалев В.В., Огнивов В.В. Влияние визуальных и аудиальных стимулов на функциональные состояния и работоспособность. // Акмеология. – 2015. – № 3 (55). – С. 194 – 195.

4. Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б., Демин В.А., Холодный Ю.И. Необходимость правового регулирования применения нейрокогнитивных и психофизиологических технологий в практике // Вестник МГПУ. Серия: «Юридические науки». – 2022. – Т. 3. – № 47. – С. 85 – 97.

5. Кожевников С.П., Лобанова О.С., Саладовникова Е.Н. Влияние компьютерных игр с элементами насилия на изменение спектров мощности ЭЭГ. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». – 2012. – № 2. – С. 56 – 61.

6. Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – № 14 (5). – С. 9 – 37.

7. Baig M.Z., Kavakli M. (2019). A Survey on Psycho-Physiological Analysis & Measurement Methods in Multimodal Systems. Multimodal Technologies and Interaction. Vol. 3. No. 2. 20 p.

8. Baldo D. et al. (2022). The heart, brain, and body of marketing: Complementary roles of neurophysiological measures in tracking emotions, memory, and ad effectiveness. Psychology & Marketing. No. 39. Pp. 1979-1991.

9. Bartholow B., Bushman B., Sestir M. (2006). Chronic violent video game exposure and desensitization to violence: Behavioral and event-related brain potential data. Journal of Experimental Social Psychology. No. 42. Pp. 532-539.

10. Braithwaite J.J., Watson D.G., Jones R. and Rowe M. (2013). A Guide for Analysing Electrodermal Activity (EDA) & Skin Conductance Responses (SCRS) for Psychological Experiments. Technical Report, 2nd version: Selective Attention & Awareness Laboratory (SAAL) Behavioural Brain Sciences Centre, University of Birmingham, UK. Pp. 1-43.

11. Brown C.M.L. (2024). Neurorights, Mental Privacy, and Mind Reading. Neuroethics. Vol. 17. No. 2. P. 34.

12. Brown T.R., Murphy E.R.D. (2010). Through a scanner darkly: Functional neuroimaging as evidence of a criminal defendant's past mental states. Stanford Law Review. Vol. 62. No. 6. Pp. 1115-1172.

13. Cartocci G. et al. (2017). Electroencephalographic, Heart Rate, and Galvanic Skin Response Assessment for an Advertising Perception Study: Application to Antismoking Public Service Announcements. J Vis Exp, (126), e55872. 9 p.

14. Engelhardt C.R., Bartholow B.D., Kerr G.T., Bushman B.J. (2011). This Is Your Brain on Violent Video Games: Neural Desensitization to Violence Predicts Increased Aggression Following Violent Video Game Exposure. Journal of Experimental Social Psychology. No. 47. Pp. 1033-1036.

15. Feigenson N. (2006). Brain imaging and courtroom evidence: on the admissibility and persuasiveness of fMRI. International Journal of Law in Context. Vol. 2. No. 3. Pp. 233-255.

16. Fujimura T., Katahira K., Okanoya K. (2013). Contextual modulation of physiological and psychological responses triggered byemotional stimuli. Front. Psychol. Vol. 4. Art. 212. 7 p.

17. Goodson S., Turner K.J., Pearson S.L., Carter P. (2021). Violent Video Games and the P300: No Evidence to Support the Neural Desensitization Hypothesis. Cyberpsychology, behavior and social networking. Vol. 24. No. 1. Pp. 48-55.

18. Harper E., McCay A. (2025). Research Brief: Neurotechnology – Integrating Human Rights in Regulation

2025 / The Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. 32 p.

19. Ienca M., Andorno R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. Life Sci Soc Policy. Vol. 13. No. 5. Pp. 5-27.

20. Lang P.J., Bradley M.M. (2010). Emotion and the motivational brain. Biological psychology. Vol. 84. No. 3. Pp. 437-450.

21. Mathews V.P. et al (2005). Media violence exposure and frontal lobe activation measured by functional magnetic resonance imaging in aggressive and nonaggressive adolescents. Journal of computer assisted tomography. Vol. 29. No. 3. Pp. 287-292.

22. Mercado-Diaz L.R., Veeranki Y.R., Large E.W., Posada-Quintero H.F. (2024). Fractal Analysis of Electrodermal Activity for Emotion Recognition: A Novel Approach Using Detrended Fluctuation Analysis and Wavelet Entropy. Sensors, 24. 17 p.

23. Pan Y. (2025). Emotion Recognition Algorithm Based on Multi-Modal Physiological Signal Feature Fusion Using Artificial Intelligence and Deep Learning // International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA). Vol. 16. No. 6. Pp. 105-118.

24. Perry Fordson H., Xing X., Guo K., Xu X. (2022). Emotion Recognition With Knowledge Graph Based on Electrodermal Activity. Front. Neurosci. Vol. 16. Art. 911767. 12 p.

25. Ravaja N. (2004). Contributions of Psychophysiology to Media Research: Review and Recommendations. Media Psychology. Vol. 6. No. 2. Pp. 193-235.

26. Roshdy A., Karar A., Kork S.A., Beyrouthy T., Nait-ali, A. (2024). Advancements in EEG Emotion Recognition: Leveraging Multi-Modal Database Integration. Appl. Sci, 14. 21 p.

27. Soleymani M., Lichtenauer J., Pun T., Pantic M. (2012). «A Multimodal Database for Affect Recognition and Implicit Tagging». IEEE Transactions on Affective Computing. Vol. 3. No. 1. Pp. 42-55.

28. Wu Y., Mi Q., Gao T.A. (2025). Comprehensive Review of Multimodal Emotion Recognition: Techniques, Challenges, and Future Directions. Biomimetics, 10. 24 p.

29. Recommendation of the Council on Responsible Innovation in Neurotechnology, OECD/LEGAL/0457 (11/12/2019) // URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457 (дата обращения: 13.11.2025).

30. Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on the ethical issues of neurotechnology // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378724#:~:text=ETHICAL%20ISSUES%20OF%20NEUROTECHNOLOGY%20I,devices%20and%20procedures%20collectively%20named (дата обращения: 13.11.2025).

The potential of neurotechnology in assessing potentially illegal audiovisual content: a hypothesis justification

Rashitkhanov R.S.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article substantiates the scientific validity of the hypothesis about the possibility of using neurophysiological indicators to objectively assess the negative impact of audiovisual content on a person's psychophysiological state and, consequently, to take legal measures to restrict the circulation of such content. The article examines the theoretical, legal, and ethical limitations of using neurophysiological data in the context of regulating digital content. It also substantiates the auxiliary role of neurotechnology as a source of additional information about the risk of content, which complements traditional psychological, linguistic, and legal expert approaches but does not replace them. The concept of empirical verification of a scientific hypothesis is described: the study creates a basis for implementing legal mechanisms to counter destructive content and establishing how the results of neuropsychophysiological measurements can be integrated into expert content assessment procedures while maintaining

Keywords: neurotechnology, neurophysiological indicators, EEG, audiovisual content, illegal content, neurolaw, cognitive sovereignty.

References

1. Adiatullin AV, Bashkovich AB, Shmonov MM, Galkina NV. Development of an algorithm for recognizing emotional reactions when watching commercials based on EEG data // Practical Marketing. - 2020. - No. 4 (278). - Pp. 3 - 10.
2. Weissertreyger AS-R. Comprehensive study of the dynamics of physiological indicators in humans during the perception of sensory emotiogenic stimuli: Diss. ... Cand. Biological Sciences. St. Petersburg, 2018. 192 p.
3. Gorobets TN, Kovalev VV, Ognivov VV. The influence of visual and auditory stimuli on functional states and performance. // Acmeology. - 2015. - No. 3 (55). – P. 194 – 195.
4. Kovalchuk M.V., Yatsishina E.B., Demin V.A., Kholodny Yu.I. The Need for Legal Regulation of the Application of Neurocognitive and Psychophysiological Technologies in Practice // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: "Legal Sciences". – 2022. – Vol. 3. – No. 47. – P. 85 – 97.
5. Kozhevnikov S.P., Lobanova O.S., Saladovnikova E.N. The Impact of Violent Computer Games on Changes in EEG Power Spectra // Bulletin of Udmurt University. Series "Biology. Earth Sciences". – 2012. – No. 2. – P. 56 – 61.
6. Polubinskaya S.V. Use of Neuroscience Data in the Doctrine of Criminal Law and Judicial Practice // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – No. 14 (5). – P. 9 – 37.
7. Baig M.Z., Kavakli M. (2019). A Survey on Psycho-Physiological Analysis & Measurement Methods in Multimodal Systems. Multimodal Technologies and Interaction. Vol. 3.No. 2.20 p.m.
8. Baldo D. et al. (2022). The heart, brain, and body of marketing: Complementary roles of neurophysiological measures in tracking emotions, memory, and ad effectiveness. Psychology & Marketing. No. 39. pp. 1979-1991.
9. Bartholow B., Bushman B., Sestir M. (2006). Chronic violent video game exposure and desensitization to violence: Behavioral and event-related brain potential data. Journal of Experimental Social Psychology. No. 42. pp. 532-539.
10. Braithwaite J. J., Watson D. G., Jones R. and Rowe M. (2013). A Guide for Analyzing Electrodermal Activity (EDA) & Skin Conductance Re-sponses (SCRS) for Psychological Experiments. Technical Report, 2nd version: Selective Attention & Awareness Laboratory (SAAL) Behavioral Brain Sciences Centre, University of Birmingham, UK. pp. 1-43.
11. Brown C.M.L. (2024). Neurorights, Mental Privacy, and Mind Reading. Neuroethics. Vol. 17.No. 2. P. 34.
12. Brown T.R., Murphy E.R.D. (2010). Through a scanner darkly: Functional neuroimaging as evidence of a criminal defendant's past mental states. Stanford Law Review. Vol. 62.No. 6.Pp. 1115-1172.
13. Cartocci G. et al. (2017). Electroencephalographic, Heart Rate, and Galvanic Skin Response Assessment for an Advertising Perception Study: Application to Antismoking Public Service Announcements. J Vis Exp, (126), e55872. 9 p.m.
14. Engelhardt C.R., Bartholow B.D., Kerr G.T., Bushman B.J. (2011). This Is Your Brain on Violent Video Games: Neural Desensitization to Violence Predicts Increased Aggression Following Violent Video Game Exposure. Journal of Experimental Social Psychology. No. 47. pp. 1033-1036.
15. Feigenson N. (2006). Brain imaging and courtroom evidence: on the admissibility and persuasiveness of fMRI. International Journal of Law in Context. Vol. 2.No. 3.Pp. 233-255.
16. Fujimura T., Katahira K., Okanoya K. (2013). Contextual modulation of physiological and psychological responses triggered byemotional stimuli. Front. Psychol. Vol. 4. Art. 212.7 p.
17. Goodson S., Turner K. J., Pearson S. L., Carter P. (2021). Violent Video Games and the P300: No Evidence to Support the Neural Desensitization Hypothesis. Cyberpsychology, behavior and social networking. Vol. 24.No. 1.Pp. 48-55.
18. Harper E., McCay A. (2025). Research Brief: Neurotechnology – Integrating Human Rights in Regulation 2025 / The Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. 32 p.m.
19. Ienca M., Andorno R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. Life Sci Soc Policy. Vol. 13.No. 5.Pp. 5-27.
20. Lang P.J., Bradley M.M. (2010). Emotion and the motivational brain. Biological psychology. Vol. 84.No. 3.Pp. 437-450.
21. Mathews V.P. et al (2005). Media exposure and frontal lobe activation measured by functional magnetic resonance imaging in aggressive and nonaggressive adolescents. Journal of computer assisted tomography. Vol. 29.No. 3.Pp. 287-292.
22. Mercado-Diaz L.R., Veeranki Y.R., Large E.W., Posada-Quintero H.F. (2024). Fractal Analysis of Electrodermal Activity for Emotion Recognition: A Novel Approach Using Detrended Fluctuation Analysis and Wavelet Entropy. Sensors, 24. 17 p.
23. Pan Y. (2025). Emotion Recognition Algorithm Based on Multi-Modal Physiological Signal Feature Fusion Using Artificial Intelligence and Deep Learning // International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA). Vol. 16.No. 6.Pp. 105-118.
24. Perry Fordson H., Xing X., Guo K., Xu X. (2022). Emotion Recognition With Knowledge Graph Based on Electrodermal Activity. Front. Neurosci. Vol. 16. Art. 911767. 12 p.
25. Ravaja N. (2004). Contributions of Psychophysiology to Media Re-search: Review and Recommendations. Media Psychology. Vol. 6.No. 2.Pp. 193-235.
26. Roshdy A., Karar A., Kork S.A., Beyrouthy T., Nait-ali, A. (2024). Advancements in EEG Emotion Recognition: Leveraging Multi-Modal Database Integration. Appl. Sci, 14.21 p.

К вопросу анализа технических характеристик беспилотных воздушных судов, применяемых в деятельности правоохранительных органов

Романов Михаил Сергеевич
кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Воронежский институт МВД России, m.romanov90@mail.ru,

Паршин Сергей Владимирович
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, vechnosts@mail.ru,

Чакаядаев Гаджиали Рашидович
преподаватель кафедры огневой подготовки, Волгоградская академия МВД России, gadgiali.79@mail.ru,

Першин Александр Юрьевич
преподаватель кафедры физической подготовки, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, pershin3111@yandex.ru,

Казаковцев Александр Сергеевич
курсант радиотехнического факультета, Воронежский институт МВД России, kazakovtsev_04@mail.ru

Работа посвящена анализу технических характеристик беспилотных воздушных судов (БВС), применяемых в деятельности правоохранительных органов Российской Федерация.
Произведен сравнительный анализ преимуществ и недостатков БВС по принципу полета – самолетный, вертолетный, мультикоптерный, аэростатический, гибридный. Определены основные тактико-технические характеристики, учитываемые при закупках БВС, предназначенных для использования в служебной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.
Рассмотрены несколько типов БВС вертолетного типа, которые одобрены для применения в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, а также выделены особенности их применения, в контексте выполнения оперативно-служебных задач.
Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, беспилотные летательные аппараты, классификация БВС, правоохранительные органы.

Введение

Беспилотные воздушные суда (БВС), несмотря на сравнительную новизну, фактически являются элементом общей авиационной структуры. БВС находят применение в государственной авиации, в настоящее время они широко используются Вооруженными силами и правоохранительными органами Российской Федерации для выполнения и реализации функций и задач, возложенных на них. Также количество БВС стремительно растет и в гражданской авиации для осуществления аэровизуальных работ, картографии, распределения химических веществ, биологических объектов, перевозки мелких грузов.

Стоит отметить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации, необходимо четко разграничивать понятия «беспилотное воздушное судно» и «беспилотный летательный аппарат» (БЛА) в правоохранительной деятельности, которые нередко взаимозаменяются, что являются не совсем верным решением.

Воздушный кодекс Российской Федерации определяет термин «беспилотное воздушное судно», как воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) [1].

ГОСТ РВ 0101-002-2018 «Робототехнические комплексы военного назначения. Термины и определения.» устанавливает термин «беспилотный летательный аппарат». Ключевой особенностью определения является его предназначение – «для выполнения боевых задач» [2].

Таким образом, БВС целесообразно применять для гражданской и государственной авиации, а БЛА – для авиации, используемой в военных целях. В дальнейшем исследовании мы будем применять термин БВС.

Целью настоящего анализ является провести сравнительный анализ технических характеристик БВС, используемых в гражданских и военизированных организациях. В основной части будут систематизированы типы конструкций и их применимость, детально разобраны ключевые летно-технические параметры, а также рассмотрены современные тенденции, определяющие развитие беспилотной авиации в Российской Федерации.

Основная часть

Беспилотные воздушные суда можно классифицировать по множеству критериев, представленных на рисунке 1 [6].

Рис. 1. Общая классификация БВС

Однако наиболее популярной классификацией является разделение по типу принципу полета, которое предопределяет их основные эксплуатационные возможности. Стоит отметить, что помимо самолетного и вертолетного типов, иногда выделяют мультироторные, смешанного (гибриды) и аэростатического типов.

Произведем сравнительный анализ типов БВС и их применения, реализуемый в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительный анализ БВС

№ п/п	Тип	Преимущества	Основные недостатки
1.	Самолетный	1. Высокая скорость и дальность полета. 2. Продолжительное время в воздухе. 3. Относительная простота и дешевизна.	1. Необходимость в взлетно-посадочной полосе. 2. Невозможность зависания.
2.	Вертолетный	1. Большая грузоподъемность. 2. Продолжительное время полета при использовании ДВС	1. Сложная конструкция. 2. Высокая стоимость. 3. Большая энергозатратность.
3.	Мультикоптер	1. Вертикальный взлет и посадка. 2. Возможность зависания. 3. Высокая маневренность. 4. Простота управления	1. Ограниченное время полета. 2. Малая дальность и скорость. 3. Высокая энергозатратность
4.	Аэростатический	1. Крайне длительное время полета. 2. Большая грузоподъемность.	1. Низкая маневренность и скорость. 2. Сильная зависимость от погодных условий. 3. Большие габариты.
5.	Гибриды	Сочетание вертикального взлета с высокой скоростью и дальностью полета	1. Сложность обслуживания и ремонта. 2. Высокая стоимость. 3. Зависимость от погоды.

Как видно из таблицы 1, выбор конструкции является компромиссом между мобильностью, длительностью полета и грузоподъемностью. В правоохранительных органах Российской Федерации преимущественно используются аппараты самолетного типа для тактической и оперативной разведки и мультикоптеры для тактических операций в городских условиях.

Для рассмотрения тактико-технических характеристик конкретных БВС определим наиболее распространенные для всех типов параметры:

– дальность полета – максимальное расстояние, которое БВС может пролететь без дозаправки или подзарядки;

– автономность или продолжительность полета – максимальное время, которое БВС может провести в воздухе за один вылет;

– практический потолок – максимальная высота, на которой БВС может устойчиво лететь и выполнять возложенные задачи;

– крейсерская скорость – наиболее экономичная скорость для выполнения задачи на маршруте. Обычно применимо для БВС типа «самолет»;

– максимальная скорость – предельная скорость, которую может развить аппарат;

– взлетная масса – суммарная масса полностью заправленного и нагруженного БВС, включающаяся в себя конструкцию, силовую установку, топливо или аккумуляторы и полезную нагрузку.

Особый интерес правоохранительных органов Российской Федерации к БВС вызван теми преимуществами, которыми данные комплексы обладают по сравнению с пилотируемой авиацией [9]:

– отсутствие необходимости в аэродромах и аэродромной инфраструктуре, а также в аттестованных посадочных площадках;

– отсутствие необходимости наличия у операторов систем и комплексов с БВС способностей пилотирования;

– более широкий диапазон погодно-климатических условий применения;

– возможность применения в районах природных и техногенных катастроф, когда использование пилотируемой авиации невозможно или нецелесообразно;

– довольно невысокая цена разработки, изготовления и эксплуатации комплексов с БВС;

– невысокая стоимость подготовки обслуживающего персонала и т.д.

В то же время, системы и комплексы имеют недостатки, например, средства с БВС отнесены к технике двойного предназначения, и абсолютно возможно их эксплуатация в противоправных целях;

Последние годы наблюдается интеграция беспилотных технологий и систем в правоохранительную систему. Например, интерес к применению БВС в органах внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Данная тенденция обусловлена значительным прогрессом в области беспилотных технологий, обеспечивая возможность эффективно использовать БВС в служебной деятельности ОВД РФ, а также преобразованием Внутренних войск МВД России в Войска национальной гвардии Российской Федерации в 2016 году, тем самым подразделения авиации были переданы во вновь образовавшуюся службу.

Исходя из нужд ОВД РФ в составе Департамента информационных технологий, связи и защиты информации были образованы отделы (отделения) «применения и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов», в задачи которых входят как обеспечение готовности к использованию комплексов, так и применение для охраны общественного порядка и общественной безопасности, обеспечения безопасности собственных объектов, розыска, борьбы с преступностью, а также для противодействия экстремизму и терроризму.

Ключевыми особенности применения БВС органами внутренних дел, в контексте выполнения ими оперативно-служебных задач, являются:

– мобильность и функциональность беспилотных воздушных судов

– возможность мониторинга прилегающей территории и мест совершения правонарушений в режиме реального, а также обеспечение безопасности собственных объектов ОВД РФ;

– возможность контроля и мониторинга дорожного движения;

– возможность быстрой доставки и сброса малогабаритных грузов в зону проведения специальных операций.

В целях принятия на снабжение научное подразделение Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) - ФКУ НПО «Специальная техника и связь», во взаимодействии с заказывающими подразделениями, провело ряд научных исследований по применению робототехнических комплексов в правоохранительной деятельности и отобрало несколько типов БВС вертолетного типа [4]:

– DJI Mavic 2 Enterprise Dual;

– Грифон-41;

Рассмотрим тактические характеристики указанных БВС, исходя из параметров, указанных выше:

DJI Mavic 2 Enterprise Dual - промышленное решение от DJI на базе мощного и компактного квадрокоптера Mavic 2. Главная особенность — наличие сдвоенной камеры, состоящей из визуального и тепловизионного модулей, что даёт возможность решать целый спектр задач.

БВС может использоваться при проведении поисково-спасательных операций, для настроек изолиний, для поиска очагов пожаров, а также при обеспечении общественной безопасности, проведении инспекций, устранении последствий ЧС и т.д.

Внешний облик Mavic 2 Enterprise Dual и технические характеристики представлены на рисунке 2 и таблице 2 соответственно.

Рис. 2 Внешний облик DJI Mavic 2 Enterprise Dual

Таблица 2
Технические характеристики DJI Mavic 2 Enterprise Dual

№ п/п	Наименование параметра	Значение
1.	Взлетная масса (без учета аксессуаров)	899 г
2.	Продолжительность полета	до 31 минуты
3.	Практический потолок	6000 м
4.	Максимальная скорость (без учета ветра)	72 км/ч (режим S) 50 км/ч (режим P)
5.	Максимальная дальность полета	до 18 км.

Стоит отметить, что помимо технических характеристик самого воздушного судна, нужно оценивать параметры его «полезной нагрузки» - оборудование, которое БВС несет на себе для выполнения разных задач. Полезная нагрузка гиростабилизированна, поэтому составе беспилотных воздушных судов можно выделить несколько ключевых категорий:

– оптико-электронные и тепловизионные системы - камеры различного спектрального диапазона (оптического, инфракрасного), предназначенные для аэрофотосъемки, картографирования, мониторинга объектов и получения данных дистанционного зондирования;

– радиолокационные системы – бортовые станции применяются для навигации, обзора земной поверхности, а также обнаружения и идентификации объектов независимо от условий освещенности и метеоусловий;

– сенсорные системы – комплекты датчиков служат для сбора телеметрической, метеорологической или специализированной информации об окружающей среде, что является критически важным для автономной навигации и выполнения целевых задач;

– транспортно-сбрасывающие системы – модули, обеспечивающие возможность доставки и точечного сброса грузов, реализуя логистические и оперативные функции БВС.

Рассмотрим технические характеристики «полезной нагрузки», в нашем случае – тепловизионная и визуальная камера M2ED, представленная в таблице 3 и 4.

Таблица 3
Технические характеристики тепловизионной составляющей камера M2ED

№ п/п	Наименование параметра	Значение
1.	Объектив	HFOV: 57° Диафрагма: f/1.1
2.	Матрица	Неохлаждаемый микроболометр VOx
3.	Режимы фотографирования	Одиночный кадр Серийная съемка: 3/5/7 кадров
4.	Режимы видеозаписи	640×360 при 8.7 к/сек)
5.	Точность	Высокий коэффициент: макс. ±5% Низкий коэффициент: макс. ±10%

Таблица 4
Технические характеристики визуальной составляющей камера M2ED

№ п/п	Наименование параметра	Значение
1.	Объектив	FOV: приблиз. 85° 35 мм ЭФР 24 мм Диафрагма: f/2.8 Фокус: 0.5 м до ∞
2.	Диапазон ISO	Видео: 100-3200 (авто) Фото: 100-1600 (авто)
3.	Максимальный битрейт	100 Мб/сек
3.	Режимы фотографирования	Одиночные кадры Серийная съемка: 3/5/7 кадров Интервальная съемка: (2/3/5/7/10/15/20/30/60 сек)
4.	Режимы видеозаписи	4K Ultra HD：3840×2160 30p 2.7K：2688×1512 30p FHD：1920×1080 30p

Грифон-41 – многофункциональный беспилотный летательный аппарат, разработанный российской компанией «Плаз».

Предназначен для эксплуатации в гражданской сфере, при этом, данное устройство обладает весьма широким функционалом и большими возможностями, в связи с чем, может применяться для реализации таких задач как осуществление патрульных и наблюдательных полётов, выполнение мониторинговых работ, разведка и других.

Грифон-41 выполнен в конфигурации «квадрокоптера», что обеспечивает ему возможность эксплуатироваться даже в условиях неподготовленной и труднодоступной местности.

Внешний облик Грифон-41 и технические характеристики представлены на рисунке 3 и таблице 5 соответственно.

Рис. 3. Внешний облик Грифон-41

Таблица 5
Технические характеристики Грифон-41

№ п/п	Наименование параметра	Значение
1.	Взлетная масса (без учета аксессуаров)	7,5 кг
2.	Продолжительность полета	до 60 минут
3.	Практический потолок	500 м
4.	Максимальная скорость (без учета ветра)	45 км/ч
5.	Максимальная дальность полета	до 15 км.

Заключение

Использование БВС в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации является одной из приоритетных задач современной безопасности [10].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что беспилотные воздушные суда стали для МВД России ключевым технологическим активом, качественно трансформирующим оперативно-служебную деятельность. Технические характеристики современных платформ, а именно автономность, дальность, в сочетании с показателем «полезная нагрузка» обеспечивают ситуационную осведомленность, недостижимую традиционными методами обнаружения.

Значимость БВС для правоохранительных органов заключается в резком повышении эффективности и безопасности при решении широкого спектра задач: от патрулирования и оперативно-розыскных мероприятий до специальных операций в сложной местности.

Таким образом, интеграция БВС в практику МВД России перешла из стадии эксперимента в фазу системного применения, определяя вектор развития сил правопорядка в сторону большей мобильности, информированности и автоматизации.

Дальнейшее развитие связано с внедрением технологий искусственного интеллекта для анализа данных, повышением живучести систем и формированием комплексной нормативно-правовой базы их применения.

Литература

1. Воздушны кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ (с изм. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2025).
3. Бордачев А.Ю. К вопросу о применение БПЛА в служебной деятельности сотрудников МВД России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №6-1 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenie-bpla-v-sluzhebnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-mvd-rossii (дата обращения: 28.01.2025).
4. Дьяченко Д.В. Перспективы создания и развития робототехнических комплексов в интересах МВД России / Д.В. Дьяченко, Е.В. Беседин, С.В. Антуфьева, М.А. Рожнцов // Робототехника и техническая кибернетика. – Т. 9. - №3. – Санкт-Петербург : ЦНИИ РТК. – 2021. – С. 165-171. – Текст : непосредственный.
5. Павлов Н.С., Тарыкин В.К. Применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в правоохранительных органах России // Вестник науки №12 (81) том 4. С. 1764 - 1770. 2024 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/20240 (дата обращения: 01.12.2025).
6. Зазулин В. А., Чернов А. В., Ершов А. В. Особенности использования беспилотных летательных аппаратов при выполнении кадастровых работ на территории Новосибирской области // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-pri-vypolnenii-kadastrovyh-rabot-na-territorii-novosibirskoy-oblasti (дата обращения: 25.11.2025).
7. Грифон-41. [Электронный ресурс]. URL: https://drone-catalog.ru/product/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BD-41/ (дата обращения: 10.12.2025).
8. Квадрокоптер DJI Mavic 2 Enterprise Dual (с тепловизором Flir) + Smart Controller [Электронный ресурс]. URL: https://mydrone.ru/kvadrokopter-dji-mavic-2-enterprise-dual-s-teplovizorom-flir-smart-controller/ (дата обращения: 10.12.2025).
9. Apni.ru. Беспилотные летательные аппараты в деятельности органов внутренних дел [Электронный ресурс]. URL: https://apni.ru/article/893-bespilotnie-letatelnie-apparati-v-deyatelnosti (дата обращения: 01.12.2025).
10. Васильев, В. А. Детектирование БВС с применением триангуляции по звуковой волне / В. А. Васильев, М. С. Романов // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 3 т., Воронеж, 23 октября 2025 года. – Воронеж: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – С. 4-13.

Analysis of the technical characteristics of unmanned aircraft used by law enforcement agencies

Romanov M.S., Parshin S.V., Chakayadaev G.R., Pershin A.Yu., Kazakovtsev A.S.

Voronezh Institute of Fire Training Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina

The work is devoted to the analysis of technical characteristics of unmanned aerial vehicles used in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation.

A comparative analysis of the advantages and disadvantages of UAVs based on the principle of flight – aircraft, helicopter, multicopter, aerostatic, hybrid. The main tactical and technical characteristics taken into account when purchasing UAVs intended for use in the official activities of law enforcement agencies of the Russian Federation are determined.

The article discusses several types of helicopter-type aerial vehicles that have been approved for use by law enforcement agencies in the Russian Federation, and highlights the specific features of their use in the context of carrying out operational and service tasks.

Keywords: unmanned aerial vehicles, unmanned aerial platforms, classification, law enforcement agencies.

References

1. Air Code of the Russian Federation: Federal Law of March 19, 1997, No. 60-FZ (as amended on February 28, 2025) // SPS "ConsultantPlus" (accessed on November 20, 2025).
2. Order of the Government of the Russian Federation of June 21, 2023, No. 1630-r (as amended on October 21, 2024) "On Approval of the Strategy for the Development of Unmanned Aviation in the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2035 and the Action Plan for its Implementation" // SPS "ConsultantPlus" (accessed on November 20, 2025).
3. Bordachev A.Yu. On the use of UAVs in the official activities of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 6-1 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenie-bpla-v-sluzhebnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-mvd-rossii (date of access: 28.01.2025).
4. Dyachenko D.V. Prospects for the creation and development of robotic complexes in the interests of the Ministry of Internal Affairs of Russia / D.V. Dyachenko, E.V. Besedin, S.V. Antufyeva, M.A. Rozhentsov // Robotics and technical cybernetics. - Vol. 9. - No. 3. - St. Petersburg: Central Research Institute of Robotics and Cybernetics. – 2021. – Pp. 165-171. – Text: direct.
5. Pavlov N.S., Tarykin V.K. Use of unmanned aerial vehicles (UAVs) in law enforcement agencies of Russia // Science Bulletin No. 12 (81), Vol. 4. Pp. 1764-1770. 2024. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.vesnik-nauki.rf/article/20240 (date of access: 01.12.2025).
6. Zazulin V.A., Chernov A.V., Ershov A.V. Features of the use of unmanned aerial vehicles when performing cadastral works in the Novosibirsk region // Interexpo Geo-Siberia. 2022. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-pri-vypolnenii-kadastrovyh-rabot-na-territorii-novosibirskoy-oblasti (accessed: 25.11.2025).
7. Griffin-41. [Electronic resource]. URL: https://drone-catalog.ru/product/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BD-41/ (accessed: 10.12.2025).
8. DJI Mavic 2 Enterprise Dual Quadcopter (with Flir Thermal Imager) + Smart Controller [Electronic resource]. URL: https://mydrone.ru/kvadrokopter-dji-mavic-2-enterprise-dual-s-teplovizorom-flir-smart-controller/ (accessed: 10.12.2025).
9. Apni.ru. Unmanned aerial vehicles in the activities of internal affairs agencies [Electronic resource]. URL: https://apni.ru/article/893-bespilotnie-letatelnie-apparati-v-deyatelnosti (accessed: 01.12.2025).
10. Vasiliev, V. A. Detection of unmanned aerial vehicles using sound wave triangulation / V. A. Vasiliev, M. S. Romanov // Current issues in the activities of penal system units: collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. In 3 volumes, Voronezh, October 23, 2025. – Voronezh: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education “Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia”, Publishing and Printing Center “Scientific Book”, 2025. – P. 4-13.

Сравнительный анализ правового регулирования использования искусственного интеллекта в избирательном процессе стран Европейского Союза и США

Гогурчунов Багавутдин Изавович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, kafedraconst@mail.ru, bango1962@mail.ru,

Амирасулов Магомед Ашаханович
магистрант, кафедра конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, mararezerv@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе на примере государств Европейского союза и Соединённых Штатов Америки. Рассматриваются основные нормативные акты, стандарты и подходы, определяющие порядок внедрения и использования ИИ на различных этапах выборов. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения прозрачности, защиты персональных данных, предотвращения дискриминации и манипуляций, а также механизмам контроля и ответственности за автоматизированные решения в сфере избирательного права. Анализируются различия в концепциях регулирования: акцент Европейского союза на защите прав человека и этических принципах, с одной стороны, и ориентация США на инновационное развитие и саморегулирование рынка, с другой.
Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательный процесс, правовое регулирование, цифровые технологии, защита персональных данных.

Технологический прогресс, который стремительно входит в нашу жизнь, оказывает кардинальное влияние на все ее сферы и создает условия для инновационной деятельности в экономике, политике, культуре. [Баранов]. Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий, которые позволяют воспроизводить мыслительные процессы, свойственные человеку, с помощью алгоритмических методов. Главная цель таких систем - самостоятельное решение сложных задач, для которых необходимо гибкое мышление, что достигается за счёт анализа информации и формирования обоснованных выводов. [6, с.70]

На сегодняшний день система регулирования использования искусственного интеллекта в Европейском Союзе представляет собой самый детализированный и комплексный механизм. Ядром такого механизма является принцип риск – ориентированного подхода, базирующийся на Регламенте об использовании искусственного интеллекта, Акте о цифровых услугах – регулирование Евросоюза, вступившее в силу в 2022 году и Общем регламенте защиты персональных данных.

Регламент об использовании искусственного интеллекта был принят в 2024 году и представляет собой первый в мире закон, регулирующий процесс разработки, внедрения и использования систем искусственного интеллекта. Согласно Регламенту системы искусственного интеллекта подразделяются на несколько категорий:

1. *Категория неприемлемого риска*, запрещенная к использованию на территории Европейского Союза. Запрещается использование ИИ-систем, проводящих оценку граждан на основе их социально – экономического статуса или личных характеристик; ИИ-систем, использующих сублиминальные методы воздействия; ИИ – систем, осуществляющих распознавание эмоций на рабочих местах и в учебных заведениях;

2. *Категория высокого риска* представляет собой ядро Регламента. К данной группе относятся системы искусственного интеллекта, применяемые в избирательном процессе, городской инфраструктуре, образовании, правоохранительной деятельности, медицине и трудоустройстве;

3. Отличительной особенностью *систем искусственного интеллекта ограниченного риска* является взаимодействие с людьми без угрозы их фундаментальным правам (чат – боты, дипфейки). Сгенерированный контент должен быть маркирован цифровыми водяными знаками[2, с.16].

4. *Категория минимального риска*, на которую законодатель не накладывает никаких дополнительных юридических обязательств. В EU AI Act были внедрены правила для систем искусственного интеллекта группы General-Purpose AI (GPT-4, Gemini):

- соблюдение европейского законодательства об авторском праве;

- публикация детализированной отчетности о том, на каких данных обучалась указанная нейросеть;

- при превышении установленного порога вычислительной мощности, затраченной на обучении модели - 10^25 FLOPs, система искусственного интеллекта может быть признана несущей системный риск. В таком случае законодатель обязывает проводить стресс – тесты и отчитываться о кибербезопасности и энергопотреблении.

Правовую основу применения искусственного интеллекта в Европейском Союзе составляют положения Digital Services Act (DSA) - Акта о цифровых услугах, вступившего в законную силу 17 февраля 2024 года. Закон устанавливает принцип ассиметричного регулирования – чем больше нейросеть и ее влияние на общество, тем больше на нее возлагается юридических обязанностей и ответственности. Особый режим предусмотрен для крупных платформ, именуемых VLOPs, поскольку они оказывают большое влияние на институты демократии. Крупные платформы ежегодно должны проводить аудит того, как их алгоритмы влияют на институты прав и свобод человека и гражданина, избирательный процесс, общественную безопасность. В случае выявления риска, платформа обязана предпринять меры по его снижению.

Перед выборами в Европарламент на такие платформы, как Facebook, Instagram, YouTube, TikTok, X, Google возлагается обязанность доказать, что их алгоритмы не продвигают фейковый контент, не способствуют усилению радикализации либо подавлению явки избирателей. В случае отсутствия ИИ-маркировки у кандидата, платформа обязана сделать это в принудительном порядке.

Системы искусственного интеллекта, которые применяются для влияния на ход избирательного процесса либо для самого проведения голосования, считаются системами высокого риска.

В отличие от европейской модели регулирования, модель Соединенных Штатов представляет опирается на прецедентное право и добровольное саморегулирование технологических корпораций. Цифровые технологии, социальные сети являются важной частью современного избирательного процесса Штатов – в особенности, после пандемии COVID-19 и перемещения новостного пространства в онлайн среду(7, с.143).

Искусственный интеллект активно используется в избирательных кампаниях обеих партий. Огромный вклад в избирательную кампанию Дональда Трампа внесла фирма Кэмбридж Аналитика, проанализировавшая и разделившая на целевые группы американское население для показа им специализированной рекламы посредством использования ML-алгоритмов. Такая стратегия позволила наиболее экологично рассчитать расходы на рекламу – сторонников кандидата мотивировали прийти на избирательные участки конкретными призывами, а тем, кто сомневался, показывали контент по близким им темам(8, с.354).

Выборы, прошедшие в США в 2024 году, явились ярким примером негативного использования искусственного интеллекта, способствовавшего подрыву доверия к кандидату Камале Харис. Блогер Кристофер Колс создал видео-пародию на Демократическую партию, содержащее сгенерированный голос кандидатки, что впоследствии привело к критике использования искусственного интеллекта в избирательном процессе.

На сегодняшний день в США нет единого закона, который бы регулировал использование искусственного интеллекта в избирательном процессе. Основным источником правового регулирования указанной сферы является Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов, гарантирующая право на свободу слова. Органами, осуществляющие правовое регулирование использования ИИ на федеральном уровне, являются Федеральная комиссия по связи и Федеральная избирательная комиссия.

После инцидента в Нью-Гэмпшире, когда избирателям поступили звонки с использованием поддельного голоса президента Джо Байдена, Федеральной комиссией по связи (FCC) было принято решение о признании незаконным использование сгенерированных искусственным интеллектом голосов в автоматизированных телефонных звонках. Эта практика была подведена Комиссией под действие Закона о защите прав потребителей телефонных услуг, что позволило штрафовать нарушителей на крупные суммы[5, с.56].

Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в избирательном процессе Соединенных Штатов осуществляют штаты – на сегодняшний день более половины штатов приняли собственные законы о политических дипфейках. К общим положениям относятся:

- обязательная маркировка – к примеру, законы Вашингтона и Нью-Йорка предписывают, чтобы политическая реклама, содержащая синтетические аудио или видео, имела текстовую или голосовую отметку о том, что она сгенерирована искусственным интеллектом;

- законы Калифорнии, Техаса и Мичигана прямо запрещают использование и распространение материалов, созданных с применением искусственного интеллекта, «существенно вводящих в заблуждение», без соответствующих дисклеймеров, за 60 либо 90 дней до дня голосования;

- законы большинства штатов не просто устанавливают штрафы за создание дипфейков, они наделяют пострадавшего правом на подачу гражданского иска в суд против создателя дипфейка с требованием возмещения ущерба репутации и немедленного судебного запрета на трансляцию такого ролика.

Поскольку на сегодняшний день Правительство ограничено Первой поправкой, правила использования ИИ определяются локальными правовыми актами корпораций Big Tech, владеющих социальными сетями и генеративными моделями. Такие игроки рынка, как OpenAI, Google, Meta, Microsoft, Anthropic, заключили пакты о добровольном противодействии обману на выборах.

YouTube и Meta требуют от рекламодателей указывать специальную галочку в случае, если политическая реклама содержит цифровые изменения произошедших событий, либо сгенерирована искусственным интеллектом. В случае выявления сокрытия такого факта, за платформой остается право на удаление контента.

Midjourney и DALL-E (разработчики ИИ-моделей) запрещают пользователям на уровне программного кода генерировать фотореалистические изображения действующих политиков для избегания риска создания политических фальшивок.

Таким образом, правовая модель Соединенных Штатов в сфере использования искусственного интеллекта на выборах представляет собой модель балансирования на грани. Американская система, с одной стороны, предпринимает попытки защитить целостность избирательного процесса от мошеннических действий, с другой стороны, отказывается создавать государственные органы, оценивающие «правдивость» политической рекламы.

Литература

1. Баранов, Н.А. Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации / Н.А.Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. - №3. – С.606-621.

2. Васильев, А.А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы / А.А.Васильев // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. - №2. –С.14-18.

3. Гришин, Н.В. Изучение инноваций государственной электоральной политики: обзор научной литературы / Н.В.Гришин // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. -№2. –С.149-159.

4. Гундарин, М.В. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях / М.В.Гундарин, П.А. Олешко // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. - 2023. - № 28. - С. 57–66

5. Дудченко, О.С. Цифровизация в избирательном праве: зарубежный опыт / О.С.Дудченко, Т.Ю.Фролова // Экономика и право в новых реалиях: вызовы современности. – 2024. -№1. -С.52-65;

6. Калыгина, М.В. Использование искусственного интеллекта в избирательном процессе / М.В.Калыгина // Выборы : теория и пратика. – 2025. - №1(63). –С.70-73.

7. Морозова, В.Н. Роль цифровых технологий и социальных сетей в избирательных кампаниях в США / В.Н.Морозова, А.А.Бортникова // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2025. - №4(45). – С.140-146.

8. Симонов, Р.А. Искусственный интеллект как инструмент политической инженерии: трансформация электоральных процессов / Р.А.Симонов // Восемнадцатые Байкальские социально – гуманитарные чтения. – 2026. -№1. -С.352-358.

Comparative analysis of the legal regulation of the use of artificial intelligence in the electoral process of the European Union and the United States

Alieva Z.I., Amirasulov M.A.

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

The article provides a comparative analysis of the legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in the electoral process using the example of the European Union and the United States of America. The main regulations, standards and approaches that determine the procedure for the implementation and use of AI at various stages of elections are considered. Special attention is paid to ensuring transparency, protecting personal data, preventing discrimination and manipulation, as well as mechanisms for monitoring and responsibility for automated decisions in the field of electoral law. The differences in regulatory concepts are analyzed: the European Union's emphasis on the protection of human rights and ethical principles, on the one hand, and the United States' focus on innovative development and market self-regulation, on the other.

Keywords: artificial intelligence, electoral process, legal regulation, digital technologies, personal data protection.

References

1. Baranov, N.A. Artificial Intelligence in the Electoral Process: Possibilities and Innovations / N.A. Baranov // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. - 2025. - No. 3. - Pp. 606-621.
2. Vasiliev, A.A. Artificial Intelligence and Law: Problems, Prospects / A.A. Vasiliev // Russian-Asian Legal Journal. - 2020. - No. 2. -Pp. 14-18.
3. Grishin, N.V. Study of Innovations in State Electoral Policy: A Review of Scientific Literature / N.V. Grishin // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. - 2024. - No. 2. -Pp. 149-159.
4. Gundarin, M.V. Using Artificial Intelligence in Election Campaigns / M.V. Gundarin, P.A. Oleshko // PR and Advertising in a Changing World: Regional Aspect. - 2023. - No. 28. - P. 57-66
5. Dudchenko, O.S. Digitalization in Electoral Law: Foreign Experience / O.S. Dudchenko, T.Yu. Frolova // Economics and Law in New Realities: Challenges of Our Time. - 2024. - No. 1. - P. 52-65;
6. Kalygina, M.V. Using Artificial Intelligence in the Electoral Process / M.V. Kalygina // Elections: Theory and Practice. - 2025. - No. 1 (63). - P. 70-73.
7. Morozova, V.N. The Role of Digital Technologies and Social Networks in Election Campaigns in the USA / V.N. Morozova, A.A. Bortnikova // Problems of Social and Humanitarian Sciences. - 2025. - No. 4 (45). - P. 140-146.
8. Simonov, R.A. Artificial Intelligence as a Tool of Political Engineering: Transformation of Electoral Processes / R.A. Simonov // Eighteenth Baikal Social and Humanitarian Readings. - 2026. - No. 1. - P. 352-358.

Проблемы формирования органов управления в непризнанных республиках на примере Приднестровья

Горская Юлия Алексеевна
аспирант, Дипломатическая Академия МГИМО МИД РФ, Генеральный директор ООО «ДОЛГОВ НЕТ», Julia_gorskaya@list.ru

Настоящая статья рассматривает проблемы формирования государственных органов власти на примере непризнанного Приднестровья по сути в условиях противостояния с центральными властями Молдовы, начавшегося еще в составе СССР, а затем и после выхода из него.
Пример Приднестровья уникален, так как государство выживает в условиях всеобщего непризнания со стороны других государств, при этом строит свою внешнюю политику на получение признания дипломатическим путём, не теряя надежду разрешить разногласия с Молдовой переговорным путём. Вместе с тем, непризнанное государство обладает демократическими началами формирования и функционирования органов власти, поддерживает политику не дискриминации, о чём свидетельствует три государственных языка (молдавский, русский, украинский), имеет все атрибуты государственности.
Ключевые слова: независимость Приднестровья, односторонняя декларация независимости, референдум, переговоры о прекращении огня, система государственных органов ПМР.

Приднестровская Молдавская Республика на сегодняшний день является де-факто государством, которое никем до настоящего времени не признано.

Регион Приднестровья входил в территорию Молдавской Союзной Республики, но противоречия, в том числе и национального характера, между республикой и регионом стали нарастать, и, по итогам референдума и сходов граждан с 1989 по 1990 годы, Вторым Чрезвычайным съездом народных депутатов всех уровней Приднестровья было принято образовать ПМССР в составе Советского Союза, в связи с чем 02 сентября 1990 года принята Декларация об образовании Приднестровской Молдавской Социалистической Республики».

Декларация закрепляла административно-территориальное устройство в том же виде, столицей государства определен Тирасполь, провозглашалось установление демократического и правового режима, равноправия наций, проживающих на территории и составляющих народ Приднестровья. Кроме того, Декларация определяла народ как единственный источник власти, его полноправие реализуется на основе Конституции Республики как непосредственно, так и через народных депутатов, избранных в Верховный Совет ПМССР, высшим органом законодательной власти являлся Съезд народных депутатов Советов всех уровней. В соответствии с принятым актом, государственная власть разделялась на законодательную, исполнительную и судебную, также определялись основные права лиц, вопросы гражданства, экологии, культуры и развития региона. Для того, чтобы обеспечить легитимность формирования Верховного Совета ПМССР, в том числе в виде максимальной явки избирателей, был сформирован Временный Верховный Совет в количестве 50 человек, которому поручено провести выборы до 1 декабря 1990 года. При выполнении данной цели, Временный Совет принял ряд актов: «О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет Приднестровской МССР», «Об утверждении окружных комиссий по выборам в Верховный Совет Приднестровской Молдавской ССР» и ряд других. Вместе с тем, внутри региона несогласными лицами некоторых районов, к примеру, Дубоссарского, проводились работы по срыву выборов, кроме того, отмечается ухудшение общественно-политической ситуацией, угрозы безопасности населения экстремистскими силами ССР Молдова. На смотря на это, до 9 декабря 1990 года прошли выборы и был сформирован Верховный Совет.

На наш взгляд, Конституция СССР от 07 октября 1977 года, действующая на момент принятия решения о выходе из состава Молдавской Союзной республики, прямо не содержала одностороннего разделения союзной республики, любые территориальные изменения должны были проходить по соглашению сторон. Так, статья 70 определяла, что СССР является союзным, многонациональным государством, образованное в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик. В соответствии со статьей 78 Конституции, территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия, изменение границ между республиками могут изменяться по взаимному соглашению и должны утверждаться Союзом ССР. Статья 91 Конституции, предоставляет права Съезду народных депутатов решать важнейшие вопросы на заседаниях или референдумах, а в соответствии со статьей 108, к исключительным полно-

мочиям Съезда народных депутатов СССР принятие решений национально-государственного устройства, утверждение изменение границ между союзными республиками.

Однако, тот факт, что проводимые в 1989 – 1990 гг. на территории Приднестровья референдум и сходы по вопросу об образовании ПМССР и принятые после них решения не были отменены, к примеру Комитетом Конституционного надзора, обладавшего такими полномочиями, свидетельствует о сложной ситуации в регионе, о которой знали центральные власти и, возможно, отсутствие такой реакции, свидетельствовало об одобрении воли народа Приднестровья. В соответствии с официальным неоднократным заявлением Президента ПМР В. Красносельского, так как принятая 23 июня 1990 года Верховным Советом МССР декларация о независимости Молдовы, объявившая создание в 1940г. МССР незаконной, то Молдова де-юре и де-факто отказалась от Приднестровья до воссоздания его государственности.

После распада СССР, на территории Приднестровья 1 декабря 1991 года проведен референдум, по результатам которого большинство населения (97,7%) высказалось за независимость, после чего последовала агрессия со стороны Молдовы, пытавшейся воссоединить свою территорию. Предложения Приднестровья о его вхождении в Молдову на правах самоуправляющейся территории были отвергнуты.

21 июля 1992 года между Президентами Российской Федерации и Республики Молдова было подписано Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова, которое, во-первых, устанавливало режим прекращение огня в регионе, отвода войск и создания безопасной зоны, а также создании Контрольной комиссии в городе Бендерах для реализации соглашения о прекращении огня. Подписанное соглашение также возлагало на части 14 армии ВС РФ России, дислоцируемые в Молдове, соблюдать нейтралитет, а санкции и блокады Приднестровья не допускались применяться в сложившейся ситуации.

08 мая 1997 года при посредничестве России, Украины и Миссии ОБСЕ в Москве был подписан Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, закрепивший принцип неприменения силы в разрешении ситуации, а также приверженность соглашениям о принципах мирного урегулирования от 1992 года. Пунктом 11 определено, что стороны строят свои отношения в рамках общего государства в Молдавской ССР на январь 1990г.

В 2006 году Молдова принимает блокадные меры в отношении экспорта из ПМР без установленных таможенных актов, что стало нарушением Меморандума, закрепляющего за ПМР ведение собственной внешнеэкономической деятельности, а также нарушением Соглашения от 1992 года, обязывающего не использовать санкции и блокаду. Реакцией на данные события последовал референдум от 17 сентября 2006 года, на который были вынесены вопросы: «Поддерживаете ли Вы курс на независимость ПМР и последующее присоединение республики к РФ?»; «Считаете ли Вы возможным отказ от независимости ПМР с последующим вхождением в состав РМ?». Голосование происходило в присутствии наблюдателей из стран СНГ и Западной Европы, нарушений выявлено не было, по итогам 97,1 % избирателей проголосовало за независимость.

Государственная Дума РФ направила 06 октября 2006 года Заявление об итогах референдума в Приднестровье 17 сентября 2006 года, в котором указывалось о легитимности референдума и отсутствии нарушений при волеизъявлении населения, которое высказалось за курс Приднестровья на независимость и свободное вхождение в состав России; также предлагалось РФ выстраивать политику с учетом свободного волеизъявления народа Приднестровья. Страны Европы, а также США, Молдова не признали результаты референдума.

В настоящее время Приднестровье обладает всеми атрибутами демократического государства, которое располагается на территории с населением 464 тыс. человек, с тремя официальными языками – молдавский, украинский, русский, с атрибутами суверенной власти, у государства имеется своя денежная единица, герб, флаг, гимн.

Конституция ПМР, принятая еще в 1990 году, провозглашает, что государственная власть делится на законодательную, исполнительную и судебную (статья 6).

Выборным законодательным органом является Верховный Совет, избираемый на 5 лет.

Исполнительную власть возглавляет Правительство ПМР, которое также осуществляет руководство над Министерствами экономического развития, финансов, здравоохранения, социальной политики, культуры и прочие, разграничение которых определено в соответствующей законе.

Судебная власть независима, структура состоит из судов общей юрисдикции и арбитражных, с возможностью оспаривания решений в вышестоящие инстанции, а также имеется Конституционный суд ПМР, имеет схожие функции с Конституционным судом РФ. В республике соответствующим законом учреждена служба судебных исполнителей, которые обеспечивают исполнение решение судов судебной системы ПМР в принудительном порядке.

В Приднестровье предусмотрена система местного самоуправления, состоящая из районных и городских государственных администраций, формирующихся по административно-территориальному делению.

Президент ПМР является главой государства, гарантом прав и свобод человека и гражданина, Конституции и законов ПМР, Верховным главнокомандующим, а также осуществляет руководство Министерствами внутренних дел, обороны, юстиции, иностранных дел, следственного комитета, государственной безопасности и другими, на основании принятых соответствующих законов о создании каждого министерства.

Внешней политикой занимается МИД ПМР, одной из целей которой является защита и укрепление дипломатическими средствами независимости и суверенитета ПМР, участие в динамичных интеграционных процессах на пространстве СНГ, включая вовлечение в таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, а также в ЕАЭС и иные экономические объединения; в том числе урегулирование отношение с Республикой Молдова посредством исключительно мирных, равноправных политических переговоров и реализации взаимоприемлемых договоренностей.

Таким образом, система органов управления Приднестровья начала формироваться еще в 1990 году, с момента проведения референдума на отделение от МССР в составе СССР.

В настоящее время Приднестровская Молдавская Республика имеет все атрибуты демократического государства: развиты законодательная, исполнительная и судебная власти, местное самоуправление, институт Президента, также приняты и действуют законы, обеспечивающие защиту основных прав и свобод человека и гражданина без дискриминации, в том числе предусмотрена миролюбивая политика, нацеленная на экономическое развитие и урегулирование вопроса с Молдовой переговорным путём.

Как было рассмотрено выше, Приднестровье в начале своего пути сталкивалось с проблемами в организации выборов в законодательный орган, которые проходили на местном уровне и выражались в агитации и запугивании

населения с призывами не ходить на выборы, т.е. срывалась явка населения.

Затем РМ принимала вооруженные и санкционные меры, направленные против населения с целью возврата территории путем силы, при посредничестве в большей степени России, удалось добиться прекращения огня и начать переговорный процесс с определением статуса Приднестровья в составе Молдовы, который не привел к соглашению сторон и в ответ на очередные меры, препятствующие экономической длительности Приднестровья, прошел очередной референдум.

Данная ситуация свидетельствует о наличии фактов нарушения прав народа ПМР со стороны РМ, и её препятствие в урегулировании вопроса путем, предусматривающим обеспечение самостоятельности региона на основании высказанной народом воли.

История борьбы за независимость ПМР, а также её дальнейшее развитие, направленное на благосостояние народа и поддержки его воли на независимость и интеграционные процессы, имеют предпосылки для получения признаний от заинтересованных государств как минимум в соответствии с преобладающей в европейских странах теорией эффективности власти, которая присутствует в непризнанной республике.

Литература

1. Декларация об образовании Приднестровской Молдавской Социалистической Республики, принятая 02 сентября 1990года на Втором Чрезвычайном Съезде народных депутатов всех уровней Приднестровского региона. URL:// https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72303-deklaratsiya-ob-obrazovanii-pridnestrovskoy-moldavskoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respubliki-2-sentyabrya-1990-goda#mode/inspect/page/3/zoom/4. Дата обращения 09.04.2026г.
2. Конституция СССР. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL://https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/23_konst_1990. Дата обращения 09.04.2026г.
3. Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова. Подписано в г. Москве, 21.07.1992г. URL:// https://docs.cntd.ru/document/901857454?ysclid=mnstnvouss151646216. Дата обращения: 09.04.2026г.
4. Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем. Подписано в г. Москве от 08.05.1977г. URL:// https://iccn.ge/files/memorandum_normalization_of_relations_between_moldova_and_pridnestrovie_8_may_1997.pdf. Дата обращения: 09.04.2026г.
5. Конституция Приднестровской Молдавской Республики. Принята на референдуме 24.12.1995г. Подписана Президентом ПМР от 17.01.1996г. URL:// https://prokuror-pmr.org/documents/konstitucziya-pridnestrovskoj-moldavskoj-respubliki/?ysclid=mnstv9xnr8770988484. Дата обращения: 09.04.2026г.
6. Белоус Наталья. Референдум 2006. Путь на Родину. URL://https://history.gospmr.org/referendum-2006-put-na-rodinu. Дата обращения 09.04.2026г.
7. Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018 №1(11). С.24-40.
8. Анисимов С.В. Тексты конституций как источник исследования становления государственности (на примере конституций непризнанных и частично признанных республик). Международный научно-исследовательский журнал № 1 (67), Часть 3 Январь. С.50-52.
9. Шинкарецкая Г.Г. Международные обязательства непризнанного государства (на примере Приднестровской Молдавской Республики). Журнал «Труды Института государства и права РАН», N 1, январь-февраль 2019 г., с. 76-93.
10. Толстых В.Л., Григорян М.А., Коваленко Т.С., Халабуденко О.А. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств. Журнал "Российский юридический журнал", N 3, май-июнь 2018 г., с. 36-44, N 4, июль-август 2018 г., с. 43-55.

Problems of Forming Governing Bodies in Unrecognized Republics: The Case of Transnistria

Gorskaya Yu.A.

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, "NO DEBT" LLC

This article examines the problems of the formation of state authorities on the example of the unrecognized Transnistria, in fact, in the context of confrontation with the central authorities of Moldova, which began in the USSR, and then after leaving it.

The example of Transnistria is unique, as the state survives in conditions of universal non-recognition by other states, while building its foreign policy on obtaining recognition through diplomatic means, without losing hope of resolving differences with Moldova through negotiations. At the same time, the unrecognized state has democratic principles of formation and functioning of government bodies, supports a policy of non-discrimination, as evidenced by the three official languages (Moldovan, Russian, Ukrainian), and has all the attributes of statehood.

Keywords: the independence of Pridnestrovie, the unilateral declaration of independence, the referendum, the ceasefire negotiations, the system of state bodies of the PMR.

References

1. Declaration on the Formation of the Pridnestrovian Moldavian Socialist Republic, adopted on September 02, 1990 at the Second Extraordinary Congress of People's Deputies of All Levels of the Pridnestrovian region. URL:// https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72303-deklaratsiya-ob-obrazovanii-pridnestrovskoy-moldavskoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respubliki-2-sentyabrya-1990-goda#mode/inspect/page/3/zoom/4. Date of application 04/09/2026
2. The Constitution of the USSR. Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977. URL://https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/23_konst_1990. Date of application

04/09/2026 3. Agreement on the Principles of Peaceful settlement of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova. Signed in Moscow, 07/21/1992. URL:// https://docs.cntd.ru/document/901857454?ysclid=mnstnvouss151646216. Date of application: 04/09/2026

4. Memorandum on the basics of normalization of relations between the Republic of Moldova and Pridnestrovie. Signed in Moscow on 05/08/1977. URL:// https://iccn.ge/files/memorandum_normalization_of_relations_between_moldova_and_pridnestrovie_8_may_1997.pdf. Date of appeal:

04/09/2026 5. Constitution of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Adopted by referendum on December 24, 1995. Signed by the President of the PMR on 17.01.1996. URL:// https://prokuror-pmr.org/documents/konstitucziya-pridnestrovskoj-moldavskoj-respubliki /?ysclid=mnstv9xnr8770988484. Date of application: 04/09/2026

6. Natalia Belous. The 2006 referendum. The way to the Homeland. URL://https://history.gospmr.org/referendum-2006-put-na-rodinu. Accessed 04/09/2026.
7. Markedonov S.M. De facto states: a political phenomenon of the post-Soviet space // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies". 2018 No. 1(11). pp.24-40.
8. Anisimov S.V. Texts of constitutions as a source of research on the formation of statehood (on the example of the constitutions of unrecognized and partially recognized republics). International Scientific Research Journal No. 1 (67), Part 3 January. pp.50-52.
9. Shinkaretskaya G.G. International obligations of an unrecognized state (on the example of the Pridnestrovian Moldavian Republic). Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, No. 1, January-February 2019, pp. 76-93.
10. Tolstykh V.L., Grigoryan M.A., Kovalenko T.S., Khalabudenko O.A. Problems of formation and functioning of legal systems of unrecognized states. Russian Law Journal, No. 3, May-June 2018, pp. 36-44, No. 4, July-August 2018, pp. 43-55.

Трансграничная передача персональных данных: коллизии российского и международного регулирования

Дзюнковский Ярослав Олегович
студент, Дальневосточный Федеральный Университет, dzyunkovskii.yo@yandex.ru

Панков Вячеслав Андреевич
студент, Дальневосточный Федеральный Университет, mr.pankov.slava@mail.ru

Статья посвящена правовым противоречиям, возникающим при трансграничной передаче персональных данных в точке пересечения российского режима охраны данных, европейских моделей контроля трансграничных потоков, региональных интеграционных решений и новых подходов к управлению данными в цифровой среде. Актуальность исследования связана с усилением регуляторной фрагментации, ростом требований к локализации, расширением экстерриториального действия отдельных правопорядков и ужесточением процедур допуска передачи данных за рубеж. Научная новизна состоит в систематизации коллизий между территориальным принципом действия национального права, наднациональными механизмами оценки допустимости передачи и функциональными потребностями цифровой экономики. Цель работы – выявить основные линии нормативного расхождения и определить направления согласования правовых режимов. В исследовании применены сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-аналитический методы, обобщение и классификация. Источниковую базу составили русскоязычные научные публикации 2022–2025 гг., посвященные российскому регулированию, опыту ЕС, стран БРИКС, АТЭС, КНР и межрегиональным механизмам защиты данных. В аналитической части раскрыты коллизии критериев адекватности защиты, проблемы соотношения локализации и трансграничного обмена, расхождения в моделях цифрового суверенитета и дефицит унифицированных процедур признания эквивалентности защитных гарантий. Практическая полезность полученных результатов связана с их применением при подготовке локальных актов операторов, правовой экспертизе трансграничных потоков данных и разработке предложений по гармонизации регулирования.

Ключевые слова: трансграничная передача персональных данных, персональные данные, коллизии правового регулирования, локализация данных, цифровой суверенитет, GDPR, Data Governance Act, международное частное право, адекватный уровень защиты, гармонизация регулирования.

Введение

Наиболее острые противоречия возникают там, где национальное законодательство исходит из территориального контроля над данными, а цифровая инфраструктура строится по логике распределенной обработки и удаленного доступа. Российская модель после реформы трансграничной передачи стала заметно строже, тогда как международная практика сохраняет множественность подходов: от режима адекватности и договорных гарантий до секторального регулирования, локализационных барьеров и инструментов взаимного признания. В этой связи научный интерес смещается от простого описания норм к анализу коллизий между конкурирующими регуляторными логиками.

Цель исследования – выявить и систематизировать правовые коллизии, возникающие при трансграничной передаче персональных данных в точке соприкосновения российского и международного регулирования, а затем определить направления их doctринального и прикладного согласования.

Для достижения поставленной цели решаются три задачи:

1) раскрыть, как в современной литературе описываются модели трансграничного оборота данных и какие критерии положены в основу разграничения допустимых и ограниченных режимов передачи;

2) установить, в каких узлах российского регулирования проявляются расхождения с международными и региональными подходами к защите данных;

3) предложить аналитическую схему согласования правовых режимов, пригодную для правоприменения и внутреннего комплаенса операторов.

Научная новизна работы состоит в том, что коллизии трансграничной передачи персональных данных рассмотрены как результат наложения четырех регуляторных векторов: суверенизационного, интеграционного, рыночно-функционального и правозащитного. Такой ракурс позволяет точнее увидеть, почему формальное совпадение терминов в разных правопорядках не устраняет расхождения в допуске передачи, в оценке достаточности гарантий и в распределении ответственности между участниками цифровой цепочки.

Материалы и методы

Материальную базу исследования образовали работы, в которых проблема трансграничной передачи данных раскрыта с разных уровней правового анализа. А.Г. Абрамова [1] обобщает международные договоры и региональные механизмы защиты данных, что дает опору для сопоставления наднациональных моделей. А.Н. Артемова [2] рассматривает российские новеллы регулирования трансграничной передачи персональных данных и фиксирует изменения в конструкции допуска такой передачи; на основе сравнительно-правового исследования автор приходит к выводу о том, что придание российскому закону о персональных данных экстерриториального характера соответствует новейшей тенденции, сложившейся в других правопорядках (ЕС, США, Китая). Д.В. Бахтеев, А.М. Сосновикова, Е.В. Казенас [3] сосредоточены на незаконной трансграничной передаче и предлагают юридико-технологическую логику управления рисками. В работе Г. Болатбеккызы [4] внимание перенесено на связь трансграничных потоков данных с цифровизацией государственного управления, суверенитетом и пространством доверия. У. Г. Восс [5] показывает, как ограничения

передачи данных переплетаются с экстерриториальностью GDPR, американскими механизмами обмена и локализационными режимами. С.-У. С.-А. Возкаев [6] анализирует последствия реформы 2025 г. для правового режима защиты персональных данных. С. П. Саяпин [7] раскрывает содержание Data Governance Act и тем самым позволяет отделить режимы персональных данных от более широкого регулирования оборота данных. Е. А. Свиридова [8] анализирует модели правового регулирования защиты персональных данных, сложившиеся в ЕС и странах азиатско-тихоокеанского региона. Чжао Лэй [9] сопоставляет режимы ЕС, США и КНР, выявляя их ценностные и институциональные расхождения. А. В. Шелепов [10] исследует подходы стран БРИКС к регулированию данных и подчеркивает значение взаимного признания защитных мер для трансграничного обмена.

В работе использованы анализ научных публикаций, сравнительный правовой анализ, формально-юридический метод, классификация, обобщение, логико-аналитический анализ и синтез. Перечисленные методы применены для разграничения моделей трансграничной передачи, выявления точек нормативного несовпадения между российским и зарубежным регулированием, а затем для выработки схемы интерпретации обнаруженных коллизий.

Результаты

Анализ литературы позволяет выделить несколько конкурирующих моделей регулирования трансграничной передачи персональных данных. Первая строится вокруг идеи адекватности правовой защиты и развита прежде всего в европейской правовой традиции; в ней допустимость передачи зависит от сопоставимости гарантий принимающей юрисдикции, набора договорных и организационных механизмов, а затем – от надзорной оценки рисков [1; 5; 8; 9]. Вторая модель опирается на более децентрализованное и фрагментарное регулирование, где единый универсальный критерий отсутствует, а правовой режим формируется через сочетание отраслевых правил, договорных механизмов и судебной практики; подобная логика отчетливо прослеживается при сравнении американского подхода с европейским [5; 9]. Третья модель исходит из приоритета цифрового суверенитета, локализации и усиленного государственного контроля над потоками данных; ее признаки заметны в китайском регулировании и в ряде суверенизационных тенденций иных правопорядков [4; 9]. Четвертая модель ориентирована на региональное координирование и взаимное признание сопоставимых мер защиты, что видно в исследованиях по ЕС, АТЭС и БРИКС [1; 8; 10].

Российский режим трансграничной передачи после последних изменений в научной литературе описывается как переход от сравнительно формального допуска передачи к более насыщенной процедуре предварительной оценки, документирования и возможного ограничения потока данных. В теоретико-правовом ключе уточняются пределы информационного самоопределения личности, критерии соразмерности ограничений частной жизни и требования к необратимости обезличивания при публичном доступе к агрегированным массивам. В этой конструкции усиливается значение статуса принимающей юрисдикции, внутренней проверки гарантий иностранного получателя и надзорного компонента [2; 3; 6]. При этом коллизия возникает уже на исходном уровне: международный цифровой оборот строится на постоянной распределенной обработке и множественности технических посредников, тогда как российский режим тяготеет к модели заранее очерченной, проверяемой и юридически локализуемой передачи [2; 4; 6]. Чем сложнее фактическая архитектура обмена данными, тем труднее оператору уложить ее в линейную правовую схему «передающий субъект – принимающая сторона – территория передачи».

Первая группа коллизий связана с различием критериев допустимости передачи. В европейской конструкции центральное место занимает эквивалентность защитных гарантий, причем оценка строится вокруг прав субъекта данных, механизмов контроля, объема доступных средств правовой защиты и общего режима обращения данных [1; 5; 8]. В российской конструкции, судя по рассмотренным публикациям, наряду с защитой прав субъекта существенно возрастает значение административно-процедурной проверяемости передачи и возможности публичного контроля за ее параметрами [2; 6]. На практике расхождение проявляется в том, что одна и та же трансграничная операция способна восприниматься как приемлемая по логике договорных и организационных гарантий в одном режиме, но как недостаточно определенная и недостаточно прозрачная – в другом.

Вторая группа коллизий касается соотношения локализации и трансграничности. В ряде работ локализация рассматривается как самостоятельный слой суверенного контроля, обеспечивающий удержание первичной базы данных, юрисдикционную досягаемость и доказуемость правомерной обработки [4; 5; 9; 10]. Вместе с тем международные и региональные режимы, ориентированные на торговый оборот и цифровые услуги, трактуют чрезмерную локализацию как барьер для трансграничных сервисов и как фактор роста регуляторных издержек [5; 8; 10]. Отсюда возникает структурное противоречие: для одного правопорядка локализация выступает гарантийным механизмом, для другого – ограничением экономически оправданного движения данных. В российском праве данный узел обостряется из-за сочетания охранительной логики и требований к доказуемости соблюдения условий передачи [2; 6].

Отдельный пласт противоречий затрагивает вопрос о субъекте ответственности. Европейская литература и ее русскоязычное осмысление показывают тенденцию к распределенной ответственности по всей цепочке обработки, где контролер данных отвечает за дальнейшую судьбу информации в инфраструктуре глобальных сервисов [5; 7]. Российские исследования, напротив, концентрируют внимание прежде всего на операторе, инициирующем передачу, и на его обязанности проверить получателя, оформить основания передачи и принять меры предосторожности [2; 3]. В транснациональной цифровой среде такая разница осложняет распределение рисков между российским оператором, иностранным облачным провайдером, субподрядчиками и иными посредниками. Юридическая конструкция ответственности оказывается несимметричной: один правопорядок разворачивает ее по всей сети обработки, другой – стягивает к инициатору передачи.

Заметный исследовательский интерес вызывает расхождение между персональными данными и более широким массивом данных как объектом регулирования. За последние несколько лет информационные технологии существенным образом преобразовали межгосударственные и внутригосударственные социально-экономические отношения, а цифровая трансформация глубоко затронула важнейшие сферы общественной жизни. Основная особенность всех цифровых преобразований последних лет заключается в том, что в их основе неизменно лежат данные.[7, с. 153], поэтому регулирование data governance нельзя сводить к классической модели охраны персональных данных. В работах последних лет подчеркивается, что европейское нормотворчество в сфере data governance строится шире классического режима защиты персональных данных и формирует особые правила повторного использования защищенных наборов данных,

посредничества и дата-альтруизма [7]. Российская правовая доктрина при анализе трансграничной передачи чаще сосредоточена именно на персональных данных и на рисках утраты контроля над ними [2; 3; 6]. Коллизия здесь выражена в смешении режимов: трансграничные цифровые сервисы обрабатывают смешанные массивы, где персональные данные сосуществуют с промышленными, статистическими и поведенческими данными, а правовые режимы их обращения различаются. При отсутствии четкого разграничения оператору трудно выбрать надлежащий правовой режим всей трансграничной операции.

Сравнение региональных и межгосударственных моделей показывает, что унификация в данной сфере развивается через набор частичных механизмов согласования. Различия в подходах между крупнейшими игроками создают проблемы для других стран, усиливают фрагментированность глобальной регуляторной среды, создают неопределенность и повышают издержки исполнения требований для бизнеса. А.Г. Абрамова [1] фиксирует значение международных договоров и региональных инициатив, Е.А. Свиридова [8] показывает различие между европейской и азиатско-тихоокеанской логикой, а А.В. Шелепов [10] указывает на перспективность взаимного признания мер защиты в рамках БРИКС. Несмотря на то, что за последнее время имел место заметный прогресс с сфере защиты данных, в частности, GDPR устанавил высокие стандарты защиты данных, а региональные структуры, такие как АТЭС и ASEAN, обеспечили гибкость и сотрудничество, правовые пробелы и неясности, тем не менее, сохранились, включая согласование региональных и международных стандартов, решение проблемы трансграничной передачи данных и обеспечение эффективного правоприменения [1, с. 45], поэтому согласование режимов защиты данных не сводится к формальному сближению терминологии.

Параллельно литература демонстрирует, что дискуссия о трансграничной передаче уже не сводится к классической оппозиции «приватность против свободного обмена». В статье Г. Болатбеккызы [4] трансграничная передача рассматривается через призму цифровизации государственного управления, где перемещение данных соприкасается с вопросами суверенитета, безопасности и административной эффективности. В работах Д.В. Бахтеева, А.М. Сосновиковой, Е.В. Казенаса [3] в центр поставлены незаконные формы вывода данных за рубеж и управленческие механизмы снижения таких рисков. С.-У. С.-А. Возкаев [6], анализируя реформу 2025 г., показывает укрепление превентивной и риск-ориентированной линии защиты. Д. В. Бахтеев, А. М. Сосновикова и Е. В. Казенас предлагают не столько усилить санкцию за нарушение законодательства в рассматриваемой сфере, сколько обеспечить наказание лиц, совершающих кибератаки, и вооружить операторов персональных данных действенным инструментом минимизации рисков утечки информации [3, с. 943]. В сумме названные подходы позволяют заключить, что современная коллизия затрагивает уже многослойную систему публичных и частных интересов, где регулятор одновременно решает задачу охраны прав субъекта, обеспечения цифровой устойчивости и сохранения юрисдикционного контроля над чувствительными потоками данных.

Отдельного внимания заслуживает сравнительная линия ЕС – США – КНР. Чжао Лэй [9] показывает, что режим трансграничной передачи данных в ЕС является наиболее полным и эффективным, обладая демонстрационным эффектом. Китайская система в настоящее время имеет серьезные недостатки. А закон США в последние годы все больше ориентирован на служение интересам геополитики. Законы о трансграничной передаче данных демонстрируют тенденции политической инструментализации. Балканизация Интернета становится все более очевидной. Работа У. Г. Восса [5] дополняет этот вывод анализом экстерриториальности GDPR и влияния международных соглашений на фактическую осуществимость потоков данных. Для российского правопорядка названное сопоставление значимо по двум причинам. Во-первых, российская модель не совпадает полностью ни с европейской, ни с китайской, хотя отдельные черты суверенизационного подхода в ней выражены отчетливо. Во-вторых, любая попытка механически заимствовать внешнюю модель сталкивается с внутренним противоречием между конституционно-правовой охраной частной жизни, отраслевым регулированием персональных данных и государственным интересом к контролю цифровой инфраструктуры.

На основании проведенного анализа коллизии российского и международного регулирования трансграничной передачи персональных данных группируются по четырем направлениям: коллизии критериев допустимости передачи; коллизии между локализацией и экономикой распределенной обработки; коллизии в распределении ответственности по цепочке участников; коллизии между режимом персональных данных и более широким регулированием оборота данных. Такая классификация позволяет перейти от разрозненного описания норм к более строгой картине правоприменительных рисков и служит опорой для последующей интерпретации полученных положений.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что источник основных противоречий лежит глубже уровня отдельных запретов и разрешений. Российское регулирование стремится придать трансграничной передаче персональных данных режим повышенной юридической определенности, где передача поддается предварительной верификации, формальному описанию и административному контролю. Международные и региональные модели, напротив, чаще исходят из иной логики: допустимость передачи связывается с достаточностью гарантий, функциональной необходимостью цифрового обмена и возможностью компенсировать различия правопорядков договорными и организационными средствами. Отсюда вытекает принципиальное расхождение в самой конструкции правового риска. В российской модели риск чаще понимается как недостаточная контролируемость передачи, в европейской – как недостаточность защиты прав субъекта после передачи, в азиатско-тихоокеанских и межрегиональных режимах – как отсутствие процедур согласования между юрисдикциями.

Сопоставление работ из корпуса литературы позволяет заметить и более тонкое расхождение. Исследования, посвященные цифровому суверенитету, локализации и государственному управлению, исходят из того, что правовой контроль над местом нахождения данных и каналами их перемещения укрепляет безопасность и снижает зависимость от внешней инфраструктуры. Работы, ориентированные на международный обмен данными и цифровую торговлю, оценивают те же меры иначе: как регуляторное утяжеление, осложняющее услуги, трансграничные платформенные модели и взаимодействие между операторами. Ни одна из названных позиций не сводится к простой ошибке второй стороны. Они отражают разные функции права: охранительную, интеграционную и инфраструктурную. Коллизия возникает потому, что современная трансграничная передача персональных данных одновременно затрагивает все три.

Важный вывод касается неполной применимости классического коллизионного инструментария международного частного права к цифровым потокам персональных данных. В традиционной конструкции достаточным не-

редко считалось определение применимого права или выявление юрисдикционно значимой связи. Для трансграничной передачи данных одного такого шага уже недостаточно. Данные циркулируют через множество посредников, перераспределяются автоматически, реплицируются в резервных контурах, а обработка нередко продолжается в смешанной цифровой экосистеме. По этой причине коллизия в данной сфере принимает сетевой характер: она затрагивает несколько правопорядков одновременно и не устраняется простым выбором одной применимой системы. Именно здесь особенно заметна ограниченность традиционного правового мышления, ориентированного на двусторонний трансграничный контакт.

Исследовательская лакуна просматривается в слабой разработанности механизмов взаимного признания гарантий между правопорядками, которые не состоят в тесной интеграционной связи. Именно данный пробел превращает множество трансграничных операций в зону высокой неопределенности. Научная литература сравнительно подробно описывает модели ЕС, АТЭС, БРИКС и отдельных национальных режимов, но значительно реже отвечает на прикладной вопрос: по каким критериям оператору и надзорному органу устанавливать сопоставимость правовой защиты в конкретной трансграничной цепочке обработки. Без разработки таких критериев любой режим остается либо избыточно закрытым, либо чрезмерно зависимым от индивидуальной оценки каждого кейса.

Ограничение проведенного анализа связано с характером источниковой базы. Работа опирается на научные публикации, посвященные главным образом нормативным конструкциям и компаративным моделям. Судебная практика, внутренние комплаенс-протоколы операторов, технические архитектуры облачной обработки и транснациональные договорные механизмы затронуты в изученной литературе неравномерно. По этой причине сделанные выводы точнее всего работают на уровне правовой доктрины и общего проектирования режима передачи данных. Для более узких прикладных задач – например, для оценки конкретной сервисной архитектуры или конкретного облачного контракта – потребовалось бы дополнительное исследование специальной практики.

Заключение

Первая задача решена через выделение основных моделей трансграничного оборота данных – модели адекватности, фрагментарно-договорной модели, суверенизационной модели и модели регионального координирования.

Вторая задача привела к выявлению основных узлов расхождения между российским и международным регулированием. Наиболее заметные противоречия проявляются в критериях допустимости передачи, в соотношении локализации и распределенной обработки, в распределении ответственности между участниками цифровой цепочки и в разграничении режима персональных данных с более широким регулированием данных как ресурса цифровой экономики.

Третья задача решена посредством аналитической классификации коллизий по четырем направлениям, пригодной для правовой экспертизы трансграничных потоков данных. Такая схема дает возможность точнее оценивать правовой риск конкретной операции передачи и формировать более дифференцированные решения при разработке внутренних политик оператора, договорных условий и предложений по совершенствованию законодательства.

Литература

1. Абрамова А. Г. Ключевые международные договоры и региональные подходы к вопросу защиты персональных данных // Регион и мир. 2023. Т. XIV, № 6 (49). С. 43–46. DOI: 10.58587/18292437-2023.6-43.
2. Артемова А. Н. Правовое регулирование трансграничной передачи персональных данных // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 9–16. DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-3-9-16.
3. Бахтеев Д. В., Сосновикова А. М., Казенас Е. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2, no. 4. P. 943–972. DOI: 10.21202/jdtl.2024.45.
4. Гульбакыт Болатбеккызы. Правовые проблемы трансграничной передачи данных в эпоху цифровизации государственного управления // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2, no. 2. P. 286–307. DOI: 10.21202/jdtl.2024.15.
5. Восс У. Г. Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 1. С. 56–95. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-03.
6. Возкаев С.-У. С.-А. Защита персональных данных после реформы 2025 года // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 297–300. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_9_297.
7. Саяпин С. П. Европейский закон об управлении данными (Data Governance Act): общие аспекты правового регулирования и основные выводы // Образование и право. 2024. № 5. С. 153–159.
8. Свиридова Е. А. Региональные модели правового регулирования защиты данных в странах ЕС и АТЭС // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 81–88.
9. Чжао Л. Основные модели режимов трансграничной передачи данных: ЕС, США и КНР // Право и политика. 2024. № 4. С. 50–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.70797. EDN: WNDYGF.
10. Шелепов А. В. Подходы стран БРИКС к регулированию данных // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 3. С. 212–234.

Cross-border transfer of personal data: collisions of russian and international regulation

Dzyunkovskii Ya.O., Pankov V.A.

Far Eastern Federal University

This article examines the legal contradictions arising during the cross-border transfer of personal data at the intersection of the Russian data protection regime, European models for controlling cross-border flows, regional integration solutions, and new approaches to data management in the digital environment. The relevance of this study is due to increasing regulatory fragmentation, growing localization requirements, the expansion of the extraterritorial scope of certain legal systems, and the tightening of procedures for authorizing the transfer of data abroad. The scientific novelty lies in the systematization of conflicts between the territorial principle of national law, supranational mechanisms for assessing the admissibility of transfer, and the functional needs of the digital economy. The aim of the work is to identify the main lines of regulatory divergence and determine areas for harmonizing legal regimes. The study employs comparative legal, formal legal, and logical-analytical methods, as well as generalization and classification. The source base consists of Russian-language scientific publications published between 2022 and 2025, devoted to Russian regulation, the experience of the EU, BRICS countries, APEC, China, and interregional data protection mechanisms. The analytical section reveals conflicting criteria for assessing protection adequacy, problems with the relationship between localization and cross-border exchange, discrepancies in digital sovereignty models, and the lack of unified procedures for recognizing the equivalence of protective guarantees. The practical utility of the obtained results lies in their application in the preparation of local acts of operators, legal assessments of cross-border data flows, and the development of proposals for regulatory harmonization.

Keywords: cross-border transfer of personal data, personal data, conflicts of law, data localization, digital sovereignty, GDPR, Data Governance Act,

international private law, adequate level of protection, regulatory harmonization.

References

1. Abramova A. G. Key International Treaties and Regional Approaches to the Protection of Personal Data // Region and the World. 2023. Vol. XIV, No. 6 (49). Pp. 43–46. DOI: 10.58587/18292437-2023.6-43.
2. Artemova A. N. Legal Regulation of Cross-Border Transfer of Personal Data // Legal Science and Practice. 2023. Vol. 19, No. 3. Pp. 9–16. DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-3-9-16.
3. Bakhteyev D. V., Sosnovikova A. M., Kazenas E. V. Overcoming Illegal Cross-Border Transfer of Personal Data // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2, no. 4. P. 943–972. DOI: 10.21202/jdtl.2024.45.
4. Gulbaktyt Bolatbekkyzy. Legal Issues of Cross-Border Data Transfer in the Era of Digitalization of Public Administration // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2, no. 2. P. 286–307. DOI: 10.21202/jdtl.2024.15.
5. Voss, W. G. Cross-Border Data Flows, General Data Protection Regulation, and Data Governance // Bulletin of International Organizations. 2022. Vol. 17, no. 1. P. 56–95. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-03.
6. Vozkayev, S.-U. S.-A. Personal Data Protection after the 2025 Reform // Agrarian and Land Law. 2025. No. 9. pp. 297–300. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_9_297.
7. Sayapin S. P. The European Data Governance Act: General Aspects of Legal Regulation and Key Conclusions // Education and Law. 2024. No. 5. pp. 153–159.
8. Sviridova E. A. Regional Models of Legal Regulation of Data Protection in the EU and APEC Countries // Problems of Economics and Legal Practice. 2024. Vol. 20, No. 2. pp. 81–88.
9. Zhao L. The Main Models of Cross-Border Data Transfer Regimes: the EU, the USA, and China // Law and Politics. 2024. No. 4. Pp. 50–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.70797. EDN: WNDYGF.
10. Shelepov, A. V., “BRICS Countries’ Approaches to Data Regulation,” in: Bulletin of International Organizations: Education, Science, and the New Economy. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 212–234.

Взаимодействие международного права и национальной безопасности: правовые механизмы и вызовы современности

Чеботарева Ирина Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин, филиал Адыгейский государственный университет, vetal_01@list.ru,

Алкесов Руслан Темботович
кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры административного и уголовного права, Майкопский государственный технологический университет, ira.ch00@bk.ru,

Хлебникова Анна Андреевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции факультета управления и права, Краснодарский кооперативный институт Российский университет кооперации, stakhova69@mail.ru,

Мамишева Зара Аскарбиевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Институт права, АГУ, mamicheva.zara@mail.ru

Исследование посвящено соотношению международного права и национальной безопасности через призму правовых средств, применяемых на универсальном, региональном и внутригосударственном уровнях. Актуальность темы связана с расширением круга угроз, смещением значительной части конфликтов в цифровую среду, усилением санкционного давления и ростом споров о пределах государственного суверенитета. Научная новизна состоит в сведении разрозненных направлений доктрины в единую аналитическую схему, где совместно рассмотрены стратегическое регулирование, международная информационная безопасность, цифровой суверенитет, санкционные режимы и международное сотрудничество по борьбе с киберпреступностью. Цель работы — выявить правовые механизмы сопряжения международно-правовых норм с задачами охраны национальных интересов. Методическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительно-правовой анализ, классификация, обобщение и логико-аналитическое толкование. Корпус исследования образован десятью русскоязычными публикациями 2024–2026 гг. Аналитическая часть раскрывает устройство нормативных связей между суверенитетом, безопасностью и международным регулированием. Практическая ценность связана с применением выводов при подготовке статей, учебных курсов и экспертных материалов по международному публичному праву.

Ключевые слова: международное право, национальная безопасность, государственный суверенитет, международная информационная безопасность, цифровой суверенитет, киберпространство, санкционные режимы, международное сотрудничество, правовые механизмы, ООН.

Введение

Актуальность темы определяется тем, что безопасность давно перестала ограничиваться военной сферой. Правовое поле охватывает информационные сети, критическую инфраструктуру, трансграничные данные, санкционные ограничения, международное сотрудничество правоохранительных органов и договорные исключения, связанные с защитой национальных интересов. На таком фоне международное право перестраивается под давление новых рисков, а национальные правопорядки усиливают защитные конструкции, не выходя за пределы международной легитимности. Наиболее заметное смещение произошло в цифровой плоскости, где спор о пределах суверенитета, допустимых мерах реагирования и формах многостороннего согласования приобрел устойчивый доктринальный характер.

Цель исследования — выявить правовые механизмы взаимодействия международного права и национальной безопасности в современных условиях. Поставлены три задачи:

1) систематизировать каналы правового сопряжения международных норм с внутригосударственным регулированием безопасности.

2) Раскрыть зоны напряжения, возникающие при охране суверенитета, цифровой инфраструктуры, экономических интересов и процессуальных гарантий.

3) Определить направления доктринального упорядочения изучаемой сферы на базе современного корпуса русскоязычной литературы.

Научная новизна работы связана с объединением в одном аналитическом поле нескольких обычно разнесенных линий исследования: стратегии национальной безопасности, нормотворчества ООН в киберсфере, цифрового суверенитета, санкционного давления на международные процедуры и международно-правовой квалификации действий в киберпространстве. Подобная компоновка позволяет увидеть не разрозненный набор специальных режимов, а целостную систему правового согласования суверенных интересов и международных обязательств.

Материалы и методы

Материалы. В исследовательский корпус вошли публикации, раскрывающие разные уровни изучаемой проблемы. А. Ассаф [1] анализирует нарушение суверенитета в киберпространстве через нормы Устава ООН; А.И. Бедаев [2] рассматривает правовую линию Европейского союза в сфере международной информационной безопасности; В.И. Булва [3] прослеживает переход от классической дипломатии к сетевым форматам регулирования; Н.Ю. Жуковская, Е.В. Калинина, А.М. Радолин [4] систематизируют этапы формирования правовых основ международной информационной безопасности в формате ООН; А.Г. Игнатьев [5] исследует проблему фрагментации Интернета на площадке ООН; С.В. Коротков [6] разбирает пределы применения оговорок о национальной безопасности в инвестиционном арбитраже; А.А. Мохов [7] раскрывает правовую природу Стратегии национальной безопасности и перспективы развития законодательства; Цзян Сыюань, Сунь Чэнь [8] обращаются к правовой охране цифрового суверенитета в рамках ШОС; А.К. Чоботова, Д.Д. Холматов [9] изучают влияние санкций на процессуальную ткань международного арбитража; Д.Д.

Штодина [10] оценивает Конвенцию ООН против киберпреступности 2024 г. как результат сложного переговорного компромисса.

Методы. Методическая база охватывает анализ научных публикаций, сравнительно-правовой анализ, классификацию, обобщение, синтез и логико-аналитическое толкование. Применение названных методов позволило сопоставить универсальные и региональные модели правового регулирования, выделить устойчивые группы механизмов и установить, где проходит граница между допустимой защитой национальных интересов и размыванием международно-правовых ограничителей.

Результаты

Взаимодействие международного права и национальной безопасности формируется как многослойная система, где нормы разных уровней не изолированы друг от друга. Внутригосударственные акты стратегического планирования задают язык национальных интересов и приоритетов, международные площадки производят нормы координации и стандарты поведения, а специальные правовые режимы регулируют действия государств в кризисных ситуациях. В научной литературе подобная связка раскрывается через сочетание стратегического законодательства, дипломатических процедур, режимов информационной безопасности и механизмов юридической ответственности [3; 4; 7; 8].

Первая группа правовых механизмов связана с внутренним закреплением национальных интересов и последующим выводом таких интересов на международный уровень. В работе А.А. Мохова Стратегия национальной безопасности рассматривается как программный нормативный ориентир для развития законодательства о безопасности [7]. Подобная постановка вопроса значима по двум линиям. С одной стороны, формируется внутренняя система приоритетов, компетенций и направлений правотворчества. С другой стороны, внешнеполитическая и договорная активность получает ясную нормативную опору. На цифровом направлении подобная логика усиливается: публикации В.И. Булвы и Цзян Сыюань, Сунь Чэнь показывают, что безопасность все чаще связывается с сетевой инфраструктурой, данными, платформами и цифровым суверенитетом [3; 8].

Вторая группа механизмов складывается вокруг универсальных международных процедур. Н.Ю. Жуковская, Е.В. Калинина, А.М. Радолин прослеживают, как площадка ООН последовательно вырабатывала основы международной информационной безопасности — от раннего обсуждения угроз до более оформленных переговорных форматов [4]. А.Г. Игнатьев, обращаясь к теме фрагментации Интернета, показывает, что дискуссия в ООН уже не ограничивается вопросами технической совместимости: предметом обсуждения становятся суверенизация сетевых сегментов, управление инфраструктурой и соотношение глобальной связности с национальным регулированием [5]. Д.Д. Штодина рассматривает Конвенцию ООН против киберпреступности 2024 г. как итог сложного согласования интересов государств, стремившихся совместить расширение сотрудничества с сохранением суверенного контроля над уголовно-правовыми и процессуальными инструментами [10]. В совокупности названные работы позволяют выделить универсальный договорно-процедурный механизм, где безопасность обеспечивается через переговоры, координацию, выработку терминологии и закрепление процедур правовой помощи [4; 5; 10].

Третья группа механизмов раскрывается на региональном уровне. А.И. Бедаев исследует правовую линию Европейского союза, где международная информационная безопасность проходит через сеть институтов, актов и специальных программ, ориентированных на защиту критической инфраструктуры и унификацию киберполитики [2]. Иная модель просматривается в работе Цзян Сыюань и Сунь Чэнь, где цифровой суверенитет государств — членов ШОС осмыслен как правовая ценность, требующая отдельной охраны, согласования национальных режимов и недопущения цифровой гегемонии [8]. Сопоставление двух моделей позволяет сделать вывод: региональные объединения формируют не единый, а дифференцированный набор средств, где одна линия тяготеет к институциональной унификации, другая — к усилению суверенной автономии при сохранении кооперации [2; 8].

Четвертая группа механизмов относится к международно-правовой квалификации поведения государств в киберпространстве. А. Ассаф связывает проблему суверенитета с вопросом о том, подпадают ли посягательства на киберинфраструктуру и данные под режимы запрета силы и невмешательства по Уставу ООН [1]. Из подобного подхода вытекает принципиальный вывод: правовая оценка цифрового инцидента зависит не от одной лишь технической формы атаки, а от степени затрагивания функций государства, инфраструктуры и способности публичной власти осуществлять свои полномочия. Названная линия дополняется публикацией Д.Д. Штодиной [10], где борьба с киберпреступностью осмыслена уже не как внутреннее дело отдельного государства, а как предмет международно-правового сотрудничества с процедурно оформленными каналами взаимной помощи. Следовательно, защита национальной безопасности в цифровой среде проходит одновременно через нормы о суверенитете, запрете вмешательства и договорные формы уголовно-правовой кооперации [1; 10].

Пятая группа механизмов связана с использованием аргумента национальной безопасности в международных экономических и процессуальных режимах. С.В. Коротков, анализируя инвестиционный арбитраж, показывает, что оговорки о защите национальной безопасности порождают спор о стандарте контроля над решениями государства и о пределах арбитражного пересмотра [6]. А.К. Чоботова и Д.Д. Холматов рассматривают санкционные ограничения уже в плоскости процессуальной целостности арбитража: под удар попадают финансирование спора, выбор представителей, нейтральность процедуры и исполнимость решений [9]. На таком материале отчетливо видно, что язык безопасности выходит далеко за пределы классического публичного права и начинает перестраивать международные частноправовые механизмы разрешения споров [6; 9].

Особое место занимает дипломатико-правовое измерение международной информационной безопасности. В.И. Булва связывает развитие российской линии с переходом к сетевой дипломатии [3], а Н.Ю. Жуковская, Е.В. Калинина, А.М. Радолин показывают последовательность формирования правовых основ в формате ООН [4]. При соединении с наблюдениями А.Г. Игнатьева о фрагментации Интернета [5] и с оценкой Д.Д. Штодиной новой конвенционной стадии [10] возникает более широкая картина: современное регулирование движется от политико-декларативных форм к более плотным процедурам согласования, где безопасность, связность сети, юрисдикция и суверенитет обсуждаются в одном нормативном поле.

По сумме рассмотренных работ взаимодействие международного права и национальной безопасности предстает как режим постоянного согласования суверенной дискреции и внешних юридических ограничителей. Исследованный корпус литературы позволяет выделить три опорных узла такой конструкции: внутреннее стратегическое нормирование [7], международное и региональное

производство правил безопасности [2–5; 8; 10], специальные механизмы реагирования в киберсфере, санкционной политике и международном арбитраже [1; 6; 9]. Сопряжение названных узлов образует правовую матрицу современного обеспечения безопасности, где суверенитет сохраняет исходное значение, но уже не мыслится вне договорных процедур, кооперации и международной правовой оценки действий государства.

Обсуждение

Сопоставление исследованных публикаций позволяет увидеть две крупные линии доктринального движения. Первая опирается на универсалистскую логику: безопасность нуждается в многостороннем согласовании, в единых процедурах, в институциональной памяти ООН и в расширении международной правовой помощи. Подобный ход мысли прослеживается в работах о нормотворчестве ООН, сетевой дипломатии, фрагментации Интернета и конвенционном оформлении борьбы с киберпреступностью. Вторая линия тяготеет к усилению суверенного измерения: приоритет получает охрана национального сегмента цифровой среды, защита внутренней компетенции государства, развитие собственных стратегий безопасности и более жесткая правовая реакция на внешнее давление. Обе линии не исключают друг друга, но задают разные центры тяжести.

Существенное расхождение проходит по вопросу о мере допустимой автономии государства. В публикациях, связанных с киберпространством и цифровым суверенитетом, усиливается стремление придать государству более широкий объем правовой самозащиты. Напротив, исследования, посвященные международным процедурам и арбитражу, подчеркивают риск чрезмерного расширения оговорок о национальной безопасности, поскольку подобная практика снижает предсказуемость правоприменения и осложняет контроль над мерами государства. На стыке названных позиций возникает центральная проблема современной доктрины: где проходит юридическая граница между правомерной самозащитой и размыванием международных ограничителей.

Ограниченность современного корпуса исследований связана с высокой фрагментацией предметного поля. Одна группа работ сосредоточена на стратегических документах и национальном законодательстве, другая — на киберпространстве, третья — на санкциях и международном арбитраже. Из-за такой специализации редко появляется единая схема, способная совместить внутригосударственное стратегическое регулирование, международное нормотворчество, цифровой суверенитет и процессуальные последствия санкционного давления. Пробел особенно заметен там, где требуется связать правовую квалификацию цифрового инцидента с последующими процедурами международного сотрудничества и с механизмами защиты прав участников спора.

Еще одна лакуна касается критериев правовой оценки. В литературе просматривается согласие относительно того, что цифровая среда уже вошла в сферу безопасности, но единые юридические пороги для квалификации вмешательства, недопустимого давления, санкционного воздействия и допустимых исключений разработаны не полностью. Отсюда вытекает нестабильность терминологии, различие в подходах к суверенитету и неодинаковая плотность международных процедур в смежных сегментах регулирования. Наиболее устойчиво оформлена линия международного сотрудничества по борьбе с киберпреступностью, менее оформлена — линия квалификации кибероперации как нарушения суверенитета или невмешательства, еще более спорна — линия влияния санкций на частноправовые и арбитражные процедуры.

Заключение

Первая задача исследования решена через выделение основных правовых механизмов сопряжения международного права и национальной безопасности. К ним отнесены внутреннее стратегическое нормирование, универсальные и региональные процедуры международного согласования, специальные режимы цифровой безопасности, договорные формы сотрудничества по борьбе с киберпреступностью, оговорки о национальной безопасности и процессуальные конструкции международного арбитража.

Вторая задача раскрыта через анализ зон напряжения. Наиболее остро противоречия проявляются при правовой охране суверенитета в киберпространстве, при фрагментации сетевой среды, при регионализации режимов цифровой безопасности и при переносе аргумента национальной безопасности в сферу санкций и международного разрешения споров. Названные линии показывают, что современное право безопасности развивается не по модели изолированного отраслевого массива, а через пересечение публично-правовых и частноправовых процедур.

Третья задача решена путем определения направления дальнейшего доктринального упорядочения темы. Перспективной представляется модель, при которой суверенное усмотрение государства сочетается с более ясными международными критериями квалификации цифровых инцидентов, с процедурно оформленным сотрудничеством и с сохранением юридических гарантий в трансграничных спорах. Подобный подход лучше всего соответствует логике исследованного корпуса литературы и позволяет связать национальную безопасность с международной легитимностью без разрыва между внутренним и внешним правовым регулированием.

Литература

1. Ассаф А. Нарушение государственного суверенитета в «киберпространстве»: взгляд через призму Устава ООН // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 1, № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/jil.2023.18848.

2. Бедаев А.И. Международная информационная безопасность в рабочей повестке Евросоюза: угрозы, направления работы и проблемы // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2024. Т. 4, № 1. С. 11–22.

3. Булва В.И. Международная информационная безопасность: от классической к сетевой дипломатии России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 325–341. DOI: 10.21638/spbu06.2024.306.

4. Жуковская Н.Ю., Калинина Е.В., Радолин А.М. Формирование правовых основ обеспечения международной информационной безопасности в формате ООН: этапы и результаты // Международное право и международные организации. 2024. № 4. С. 74–86. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72650.

5. Игнатьев А.Г. Фрагментация Интернета в повестке Организации Объединенных Наций // Журнал ВШЭ по международному праву. 2025. Т. 3, № 1. С. 98–114. DOI: 10.17323/jil.2025.27032.

6. Коротков С.В. Неточное решение: применение стандарта оценки к вопросам определения и реализации мер по защите интересов национальной безопасности в споре Майкл Энтони Ли-Чин против Доминиканской Республики // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 1, № 4. С. 92–101. DOI: 10.17323/jil.2023.19792.

7. Мохов А.А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы развития законодательства о национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии.

2024. № 2. С. 98–108. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108.

8. Цзян Сыюань, Сунь Чэнь. Система правовой охраны цифрового суверенитета государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 2. С. 572–584. DOI: 10.21638/spbu14.2025.219.

9. Чоботова А.К., Холматов Д.Д. Влияние санкций на процессуальные аспекты арбитража // Журнал ВШЭ по международному праву. 2026. Т. 3, № 4. С. 56–74. DOI: 10.17323/jil.2025.31994.

10. Штодина Д.Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года — итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 110–124. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-1-110-124.

The interaction of international law and national security: legal mechanisms and contemporary challenges

Chebotareva I.Yu., Alkesov R.T., Khlebnikova A.A., Mamisheva Z.A.

Adyghe State University, Maikop State Technological University, Krasnodar Cooperative Institute, Russian University of Cooperation, ASU

This study examines the relationship between international law and national security through the lens of legal instruments applied at the universal, regional, and domestic levels. The relevance of this topic is driven by the expanding range of threats, the shift of a significant portion of conflicts to the digital environment, the intensification of sanctions pressure, and growing debates over the limits of state sovereignty. The scientific novelty lies in consolidating disparate areas of doctrine into a single analytical framework that jointly examines strategic regulation, international information security, digital sovereignty, sanctions regimes, and international cooperation in combating cybercrime. The goal of the study is to identify legal mechanisms for aligning international legal norms with the objectives of protecting national interests. The methodological basis consists of an analysis of scientific publications, comparative legal analysis, classification, generalization, and logical-analytical interpretation. The research body comprises 10 Russian-language publications published between 2024 and 2026. The analytical section explores the normative relationships between sovereignty, security, and international regulation. The practical value stems from applying the findings in the preparation of articles, training courses, and expert materials on public international law.

Keywords: international law, national security, state sovereignty, international information security, digital sovereignty, cyberspace, sanctions regimes, international cooperation, legal mechanisms, UN.

References

1. Assaf, A. “Violation of State Sovereignty in Cyberspace: A View Through the Prism of the UN Charter” // HSE Journal of International Law. 2024. Vol. 1, No. 3. pp. 4–20. DOI: 10.17323/jil.2023.18848.
2. Bedayev, A.I. “International Information Security on the EU Working Agenda: Threats, Areas of Work, and Challenges” // Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security. 2024. Vol. 4, No. 1. pp. 11–22.
3. Bulva, V.I. “International Information Security: From Classical to Network Diplomacy of Russia” // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2024. Vol. 17, issue. 3. pp. 325–341. DOI: 10.21638/spbu06.2024.306.
4. Zhukovskaya N. Yu., Kalinina E. V., Radolin A. M. Formation of the Legal Foundations for Ensuring International Information Security in the UN Format: Stages and Results // International Law and International Organizations. 2024. No. 4. pp. 74–86. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72650.
5. Ignatiev A. G. Internet Fragmentation on the United Nations Agenda // HSE Journal of International Law. 2025. Vol. 3, No. 1. pp. 98–114. DOI: 10.17323/jil.2025.27032. Korotkov S.V. Inaccurate Decision: Application of the Standard of Evaluation to the Issues of Determining and Implementing Measures to Protect National Security Interests in the Dispute Michael Anthony Lee-Chin v. Dominican Republic // HSE Journal of International Law. 2024. Vol. 1, No. 4. pp. 92–101. DOI: 10.17323/jil.2023.19792.
6. Mokhov A.A. National Security Strategy of the Russian Federation: A Legal View of the Content and Prospects for the Development of National Security Legislation // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. No. 2. pp. 98–108. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108.
7. Jiang Siyuan, Sun Chen. The System of Legal Protection of the Digital Sovereignty of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, No. 2, pp. 572–584. DOI: 10.21638/spbu14.2025.219.
8. Chobotova A.K., Kholmatov D.D. The Impact of Sanctions on the Procedural Aspects of Arbitration // HSE Journal of International Law. 2026. Vol. 3, No. 4, pp. 56–74. DOI: 10.17323/jil.2025.31994.
9. Shtodina D.D. The 2024 United Nations Convention against Cybercrime: the Result of a “Cybercompromise”? // Moscow Journal of International Law. 2025. No. 1, pp. 110–124. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-1-110-124.

Уголовная ответственность за дезертирство в период мобилизации и военного положения: анализ ч. 3 ст. 338 УК РФ в свете законодательных новелл 2022–2025 гг.

Лиханова Ирина Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, irene05@yandex.ru

В работе рассматривается уголовно-правовое содержание ч. 3 ст. 338 УК РФ, закрепившей ответственность за дезертирство в период мобилизации, военного положения, военного времени, а также при вооружённом конфликте или ведении боевых действий. Прослежен генезис нормы — от ФЗ от 24.09.2022 № 365-ФЗ через ФЗ от 23.03.2024 № 64-ФЗ вплоть до новелл ФЗ от 29.12.2025 № 534-ФЗ. Проанализированы разъяснения Пленума ВС РФ от 18.05.2023 № 11, проблема отграничения дезертирства от самовольного оставления части, обратная сила уголовного закона применительно к длящемуся характеру преступления. Привлечены данные судебной практики гарнизонных и окружных военных судов за 2022–2025 гг. Сформулированы предложения de lege ferenda — о распространении поощрительной нормы на квалифицированные составы и о введении основания освобождения при добровольном возвращении в часть.
Ключевые слова: дезертирство, ст. 338 УК РФ, воинские преступления, мобилизация, военное положение, ФЗ № 365-ФЗ, квалифицирующие признаки, обратная сила уголовного закона, длящееся преступление, военно-уголовное право.

Реформа главы 33 УК РФ, запущенная в сентябре 2022 г. Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 и Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, превратилась в одно из наиболее обсуждаемых событий новейшего российского уголовного права. Впервые после 1996 г. в Кодекс введена комплексная система особо квалифицирующих признаков, привязанная к периоду мобилизации, военного положения, военному времени, к условиям вооружённого конфликта и ведения боевых действий. Санкция ч. 3 ст. 338 УК РФ за дезертирство в эти периоды достигла пятнадцати лет лишения свободы — полуторакратного увеличения верхнего предела по сравнению с прежней ч. 2 той же статьи.

Актуальность темы держится на трёх обстоятельствах. Указ № 647 о частичной мобилизации формально не отменён, и это обеспечивает непрерывное действие квалифицирующего признака «в период мобилизации» более трёх лет подряд. Судебная нагрузка растёт: по агрегированным данным, с начала мобилизации по конец 2024 г. в производство поступило свыше 14 тысяч дел по ст. 337 УК РФ и около 683 дел по ст. 338 УК РФ; сопоставление первых кварталов 2024 и 2025 гг. даёт рост числа приговоров по ст. 338 более чем вдвое — с 68 до 151. С февраля 2023 г. детализированная статистика Судебного департамента при ВС РФ по гл. 33 УК РФ изъята из открытого доступа, и доктринальный анализ остаётся едва ли не единственной формой независимой экспертизы применяемой нормы. Методологию составили формально-догматический, сравнительно-правовой и исторический методы, анализ судебной практики.

ФЗ № 365-ФЗ перекроил архитектуру ответственности за воинские преступления. Обновлена формулировка п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ: прежняя конструкция «в условиях вооружённого конфликта или военных действий» заменена расширенной — «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий». Эта же формула как особо квалифицирующее обстоятельство включена в ст. 332, 333, 334, 337, 338, 339, 344, 346, 347, 348, 349 УК РФ. Кодекс дополнен двумя новыми составами — ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен» и ст. 356.1 «Мародёрство». Применительно к ст. 338 УК РФ санкция за дезертирство, совершённое в особый период, поднята до пятнадцати лет лишения свободы (при нижней границе пять лет), тогда как до 24 сентября 2022 г. квалифицированный состав по прежней ч. 2 предусматривал максимум десять лет. Части 1 и 2 содержательно не менялись — новелла имеет надстроечный характер и создаёт отдельный квалифицированный состав, инкорпорирующий все объективные признаки ч. 1 и ч. 2 при наличии обстановочного признака.

Пакет новелл 2023–2024 гг. продолжил реформу. ФЗ от 24.06.2023 № 270-ФЗ установил институт освобождения от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции; в литературе сразу обратили внимание на дефекты юридической техники этого акта [8]. ФЗ от 23.03.2024 № 64-ФЗ, заменивший ФЗ № 270-ФЗ, ввёл в Общую часть УК РФ ст. 78.1 (освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации) и ст. 80.2 (освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или

военного времени). Освобождение условное, с возможностью восстановления производства. Замкнул конструкцию ФЗ от 29.12.2025 № 534-ФЗ, дополнивший ст. 338 УК РФ частью 4: дезертирство в особые периоды, совершённое лицом, ранее освобождённым условно по ст. 80.2 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Замысел законодателя очевиден — антистимул для повторного совершения воинских преступлений лицами, получившими шанс условного освобождения. Критика реформы в доктрине идёт по двум линиям: избыточная категоричность безусловного признания совершения любого преступления в период мобилизации отягчающим обстоятельством [9] и нечёткость дефиниций «мобилизации», «военного положения», «вооружённого конфликта» [13].

Объект преступления — порядок прохождения военной службы, элемент военной безопасности государства. Господствующей в доктрине признана концепция О. К. Зателепина, согласно которой родовым объектом преступлений гл. 33 УК РФ выступает именно военная безопасность Российской Федерации [5]. Непосредственный объект дезертирства — установленный порядок пребывания военнослужащего на военной службе, предполагающий обязательное, постоянное и личное исполнение обязанностей до истечения её срока. Объективная сторона ч. 3 тождественна признакам ч. 1 и ч. 2: самовольное оставление части или места службы либо неявка в срок без уважительных причин на службу при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации. Квалифицирующим обстоятельством выступает совершение любой из этих форм в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий. В п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 18.05.2023 № 11 даны нормативные определения этих понятий: мобилизация и военное положение исчисляются с даты, указанной в соответствующем указе Президента РФ, и до даты его отмены; военное время определяется по правилам ст. 18 ФЗ «Об обороне». Принципиально важно, что в понятие «ведение боевых действий» Пленум прямо включил проведение СВО — это разъяснение обеспечило непосредственную применимость ч. 3 ст. 338 УК РФ к деяниям, совершаемым с 2022 г.

Дезертирство описывается в доктрине через двойную характеристику — как преступление с усечённым составом и одновременно длящееся. Усечённость связана с моментом юридического окончания (оставление части или неявка на службу); длящийся характер — с непрерывностью уклонения. В п. 48 Постановления № 11 впервые применительно к мобилизованным указано: моментом фактического прекращения длящегося преступления для них выступает дата окончания мобилизации либо достижение предельного возраста пребывания в запасе. Мобилизация формально продолжается — и это размывает привычные гарантии презумпции добровольного завершения длящегося преступления; вопрос о пересмотре подходов к исчислению сроков давности остаётся открытым [4]. Субъект ч. 3 ст. 338 УК РФ специальный: военнослужащий по призыву либо по контракту. После Указа № 647 круг субъектов расширен за счёт граждан, призванных по мобилизации; изменения в примечании 2 к ст. 331 УК РФ распространили ответственность также на лиц, пребывающих в добровольческих формированиях. Теоретическое осмысление специального субъекта в условиях мобилизации начато в работе Н. Е. Степаненко и соавторов [10].

Субъективная сторона — прямой умысел и специальная цель: уклониться от военной службы вовсе, навсегда либо на весь установленный срок. Именно наличие такой цели — ключевой критерий разграничения дезертирства и самовольного оставления части. В п. 45 Постановления № 11 перечислены внешние признаки, косвенно свидетельствующие об умысле на дезертирство: приобретение или изготовление подложных документов, устройство на работу под чужими данными, сокрытие факта прохождения военной службы при задержании. А. Я. Сухоруков и его соавторы критикуют сложившуюся правоприменительную инерцию: сам по себе факт трудоустройства во время отсутствия в части не должен автоматически свидетельствовать о цели «вовсе уклониться» [11]. Квалифицирующие признаки ч. 2 (дезертирство с оружием; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) при наличии обстановочного признака перерастают в признаки ч. 3: обе конструкции применяются кумулятивно. В случае хищения оружия требуется дополнительная квалификация по ст. 226 УК РФ (п. 46 Пленума).

Разграничение ст. 337 и ст. 338 УК РФ — центральная проблема правоприменения. Объективная сторона обоих составов во многом совпадает, различие проходит по линии цели: при ст. 337 — намерение временно уклониться с возвращением, при ст. 338 — цель вовсе уклониться. ФЗ № 365-ФЗ усложнил разграничение: в ст. 337 УК РФ введены три обстановочные части — ч. 2.1 (от двух до десяти суток — до пяти лет), ч. 3.1 (от десяти суток до месяца — до семи лет), ч. 5 (свыше месяца — от пяти до десяти лет). Возникла конкуренция составов: при фактически тождественной объективной стороне (отсутствие свыше месяца в период мобилизации) различие санкций ч. 5 ст. 337 (5–10 лет) и ч. 3 ст. 338 (5–15 лет) ставит исход дела в зависимость исключительно от доказывания цели. В таком режиме следствию зачастую проще идти по пути ч. 5 ст. 337, избегая работы с установлением субъективной направленности умысла [1]. Парадоксальный результат: норма о максимально опасном уклонении применяется реже, чем норма о менее опасном деянии. Е. А. Бодрова до реформы обосновывала введение предельного срока самовольного отсутствия (девяностодневный рубеж), по истечении которого деяние автоматически переквалифицировалось бы в дезертирство [1]; такого рубежа в действующей конструкции нет.

Обзор практики позволяет выделить устойчивые тенденции. Суды восприняли позицию Пленума и применяют ч. 3 ст. 338 к деяниям, совершённым с 24 сентября 2022 г. Приговором Одинцовского гарнизонного военного суда по делу восьми мобилизованных из Калининградской области (апелляция 2-го Западного окружного военного суда от 15.04.2024) по ч. 3 ст. 338 в совокупности с ч. 2.2 ст. 332 УК РФ назначены сроки 6–7 лет. В деле Лященко (Крымский гарнизонный военный суд, 2024) — 5 лет 6 месяцев колонии строгого режима с учётом смягчающих обстоятельств. В деле Саргсяна (Грозненский гарнизонный военный суд, 02.09.2025) деяние квалифицировано одновременно по ч. 3 ст. 338 и ч. 5 ст. 337 УК РФ — практика разведения эпизодов по признаку разных периодов. В деле Рамазанова (апелляция Южного окружного военного суда, 2025) отсутствие с 26 февраля 2024 г. по 14 февраля 2025 г., пресечённое при попытке выезда в Казахстан, квалифицировано по совокупности ч. 3 ст. 338, ст. 337 и ст. 330.2 УК РФ — вопрос о соблюдении non bis in idem здесь, на наш взгляд, остаётся. Преобладающая линия назначения наказания тяготеет к нижней границе санкции ч. 3 ст. 338 (5–7 лет). Оправдательные приговоры в открытом доступе с 2024 г. не зафиксированы.

Примечание к ст. 338 УК РФ содержит поощрительную норму: военнослужащий, впервые совершивший дезертирство по части первой, может быть освобождён от уголовной ответственности, если дезертирство явилось следствием стечения тяжёлых обстоятельств. На части 2, 3 и 4 это правило не распространяется — в условиях особых периодов поощрительное основание освобождения

фактически отсутствует; допустим лишь учёт этих обстоятельств как смягчающего наказание по ст. 61 УК РФ. В п. 49 Постановления № 11 Пленум раскрывает категорию «стечения тяжёлых обстоятельств» через открытый перечень неблагоприятных ситуаций (тяжёлое состояние здоровья близких, неуставные действия сослуживцев, невозможность получения медицинской помощи) и разъясняет, что при прямой угрозе жизни возможна квалификация по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Вместе с тем п. 4 того же Постановления категорически указывает: в «особые периоды» военнослужащие не вправе уклоняться от обязанностей, ссылаясь на крайнюю необходимость, даже если их жизни угрожает опасность. Внутренняя коллизия между п. 4 и п. 49 остаётся дискуссионной и фактически сужает сферу применения крайней необходимости. Компенсирующую функцию отчасти выполняют ст. 78.1 и ст. 80.2 УК РФ, однако они действуют условно и по сути представляют собой не «прощение», а отсрочку с возможностью восстановления производства.

Особого рассмотрения заслуживает обратная сила уголовного закона. ФЗ № 365-ФЗ вступил в силу 24 сентября 2022 г. и ухудшает положение лиц, совершивших дезертирство; в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ его нормы не могут применяться к деяниям, совершённым до этой даты. Но специфика длящегося характера дезертирства порождает коллизию: если деяние началось до 24 сентября 2022 г., а пресечено после, теоретически возможна квалификация по ч. 3 ст. 338 УК РФ — к моменту юридического прекращения действовал уже новый закон. Такой подход соответствует позиции Верховного Суда по длящимся преступлениям, но находится в напряжённых отношениях с принципом nullum crimen sine lege применительно к эпизодам, в которых лицо ушло из части за несколько дней или месяцев до 24 сентября 2022 г. Позиция Конституционного Суда РФ пока не сформулирована. В сравнительной перспективе российская модель ч. 3 ст. 338 УК РФ занимает промежуточное положение: по верхнему пределу санкции (пятнадцать лет) совпадает с белорусской (ч. 2 ст. 446 УК РБ) и уступает казахстанской (ч. 3–4 ст. 442 УК РК — до пожизненного). Принципиальное отличие — отсутствие специального поощрительного механизма, аналогичного § 16 (3) Wehrstrafgesetz ФРГ (смягчение до трёх лет при добровольной явке в течение одного месяца) или ч. 5 ст. 401 УК Украины в редакции Закона № 3902-IX от 20.08.2024 (освобождение при добровольном возвращении в часть и согласии командира).

Введение ч. 3 ст. 338 УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ завершило процесс восполнения существенного пробела в российском уголовном законодательстве: до этой реформы особые периоды военного положения и мобилизации учитывались лишь как отягчающее обстоятельство, что не соответствовало их степени общественной опасности. Новый квалифицированный состав юридически корректен по своей конструкции, однако несёт в себе ряд дисфункциональных эффектов, которые обнаруживаются уже в первой волне правоприменения. Ключевой проблемой практики остаётся разграничение ст. 337 и ст. 338 УК РФ: конкуренция ч. 5 ст. 337 и ч. 3 ст. 338 при фактически идентичной объективной стороне свыше месячного отсутствия в особый период создаёт зону дискреции, способную подорвать принцип дифференциации ответственности. На наш взгляд, оправдано обсудить введение временного презумптивного рубежа (по модели Е. А. Бодровой), по истечении которого отсутствие презюмировалось бы как дезертирство с возможностью опровержения.

Система освобождения от ответственности в особые периоды нуждается в доработке. Действующее примечание к ст. 338 УК РФ не распространяется на ч. 3 и ч. 4 — значит, лишает поощрительного механизма ту категорию дел, которая сегодня стала массовой. Предлагается: распространить действие примечания (в части стечения тяжёлых обстоятельств) на ч. 3 ст. 338 УК РФ, исключив случаи дезертирства с оружием; дополнительно ввести специальное основание освобождения от уголовной ответственности при добровольном возвращении в часть в течение одного месяца с момента оставления и готовности продолжать службу — по модели § 16 (3) WStG ФРГ и ч. 5 ст. 401 УК Украины. Такая новелла не подменит собой условное освобождение по ст. 80.2 УК РФ; она создаст ранний фильтр, стимулирующий возвращение без возбуждения уголовного дела. Применительно к ч. 4 ст. 338 УК РФ, введённой ФЗ № 534-ФЗ, необходимо скорейшее обновление разъяснений Пленума ВС РФ: Постановление № 11 от 18.05.2023 её не охватывает, и судебная практика столкнётся с неопределённостью по вопросам момента окончания, применимости примечаний, соотношения с институтом рецидива.

Проблема обратной силы уголовного закона применительно к длящимся деяниям, начатым до 24 сентября 2022 г., требует системного разрешения — на уровне разъяснений ВС РФ или в порядке конституционного контроля. Принцип nullum crimen sine lege, как представляется, требует применения более строгой нормы лишь к тем эпизодам, в которых лицо после вступления закона в силу имело реальную возможность прекратить преступление, но продолжило уклонение. Назрела и необходимость восстановления открытой публикации статистики по гл. 33 УК РФ Судебным департаментом при ВС РФ — секретность агрегированных показателей не согласуется со стандартами открытости правосудия (ст. 123 Конституции РФ). Российскому законодателю при дальнейшей эволюции ст. 338 УК РФ целесообразно двигаться в направлении сбалансированной модели: сохраняя строгость ч. 3 и ч. 4 как символ общественной оценки дезертирства в особые периоды и одновременно создавая для военнослужащего дорогу к возвращению в правовое русло службы.

Литература

1. Бодрова Е. А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 56–65.
2. Бозиев Т. О., Коротков А. В. Уголовная ответственность за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы: спорные вопросы квалификации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 75–82.
3. Закомолдин Р. В. Воинская преступность в период проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2025. № 3. С. 60–64.
4. Закомолдин Р. В., Данилов П. С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств // Искусство правоведения. 2023. № 3 (7). С. 49–56.
5. Зателепин О. К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации: монография. М.: за права военнослужащих, 2013. 320 с.
6. Мялицына М. А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 381–387.
7. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45–52.
8. Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в усло-

виях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 35–42.

9. Созонов Я. В. Совершение преступления в период мобилизации как отягчающее наказание обстоятельство // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 2. № 3-2. С. 129–131.

10. Степаненко Н. Е., Бондарев Д. В., Котенков Р. Р. К вопросу о субъекте преступления против военной службы // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 7 (324). С. 62–74.

11. Сухоруков А. Я., Титаренко А. П. К вопросу о признаках, свидетельствующих об умысле на дезертирство (статья 338 УК РФ) // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 49–51.

12. Уторова Т. Н., Шалегин С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. 2023. № 3 (63). С. 27–34.

13. Шапель А. И. К вопросу о новеллах уголовного законодательства, связанных с частичной мобилизацией в России // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках: матлы Междунар. науч.-практ. круглого стола. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2023. С. 96–101.

14. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

Criminal liability for desertion during mobilization and martial law: analysis of part 3 of article 338 of the criminal code of the Russian Federation in the light of legislative amendments of 2022–2025

Likhanova I.I.
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

The article examines the criminal-law content of Part 3 of Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for desertion committed during mobilization, martial law, wartime, and armed conflict. The genesis of the norm is traced — from Federal Law No. 365-FZ of 24.09.2022 through Federal Law No. 64-FZ of 23.03.2024 to Federal Law No. 534-FZ of 29.12.2025. The explanations of the Plenum of the Supreme Court of 18.05.2023 No. 11 are analysed, as well as the issue of distinguishing desertion from unauthorized abandonment of the unit, and the retroactive force of criminal law in relation to the continuing nature of the offence. Data of judicial practice for 2022–2025 are used. Proposals de lege ferenda are formulated.

Keywords: desertion, Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation, military crimes, mobilization, martial law, Federal Law No. 365-FZ, aggravating elements, retroactive force of criminal law, continuing offence.

References

1. Bodrova E. A. Distinction between Unauthorized Abandonment of a Unit or Place of Service and Related Crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). Pp. 56–65.
2. Boziev T. O., Korotkov A. V. Criminal Liability for Evasion of Military and Alternative Civilian Service: Controversial Issues of Qualification // Journal of Legal and Economic Research. 2023. No. 4. Pp. 75–82.
3. Zakomoldin R. V. Military Crime during a Special Military Operation // Bulletin of Military Law. 2025. No. 3. Pp. 60–64.
4. Zakomoldin R. V., Danilov P. S. Military Duty as an Object of Criminal-Law Protection and Criminal Encroachments // Art of Jurisprudence. 2023. No. 3 (7). Pp. 49–56.
5. Zatelepin, O. K. Criminal-Legal Support for Military Security of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Za Prava Voennosluzhashchikh, 2013. 320 p.
6. Myalitsyna, M. A. Conscription Evasion: There Is Responsibility, but No Standards // Voprosy Rossiyskoy Justisy. 2022. No. 21. Pp. 381–387.
7. Rarog, A. I. Military Criminal Law of Russia: Status and Prospects // The Rule of Law: Theory and Practice. 2023. No. 3 (73). Pp. 45–52.
8. Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. Main Directions for Further Improvement of the New Criminal Legislation Adopted in the Context of a Special Military Operation in Ukraine // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (63). Pp. 35–42.
9. Sozonov Ya. V. Committing a Crime During Mobilization as an Aggravating Circumstance // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2024. Vol. 2. No. 3-2. Pp. 129–131.
10. Stepanenko N. E., Bondarev D. V., Kotenkov R. R. On the Issue of the Subject of a Crime against Military Service // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2024. No. 7 (324). Pp. 62–74.
11. Sukhorukov A. Ya., Titarenko A. P. On the Issue of Signs Evidence of Intent to Desert (Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2023. No. 2 (23). Pp. 49–51.
12. Utorova T. N., Shalegin S. P. Current Trends in the Development of Military Criminal Legislation in Russia // Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. 2023. No. 3 (63). Pp. 27–34.
13. Shapel A. I. On the Issue of Criminal Legislation Amendments Related to Partial Mobilization in Russia // Amendments to the Criminal Cycle Legislation and Their Reflection in Criminal Law Sciences: Proceedings of the International Scientific and Practical Round Table. Tyumen: Tyumen State University, 2023. pp. 96–101.
14. On the Practice of Considering Criminal Cases Concerning Crimes Against Military Service by the Courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2023, No. 11 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 7.
15. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of September 24, 2022, No. 365-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: April 1, 2026).

Правовые проблемы доказывания общественно опасных деяний, совершенных медицинскими работниками по неосторожности

Лупу Игорь Игоревич
аспирант, МГУТУ им. К.Г. Разумовского, igorvol2001@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются актуальные трудности, возникающие при доказывании общественно опасных деяний, совершаемых медицинскими работниками по неосторожности в ходе профессиональной деятельности. Изучены теоретические основы и практические аспекты установления причинно-следственной зависимости между действиями (бездействием) медицинского работника и наступившими вредными последствиями, определения границ профессиональной компетенции субъекта преступления, а также квалификации ятрогенных деяний. На основе анализа судебной практики выявлены характерные ошибки, допускаемые при квалификации действий медицинского персонала, и обозначены проблемы разграничения составов преступлений по статьям 109, 118, 124, 238, 293 УК РФ. Значительное место в работе отведено рассмотрению роли судебно-медицинской экспертизы в системе доказывания, а также вопросам обеспечения её независимости и беспристрастности. Обоснована необходимость чёткого разграничения полномочий следователей, судей и судебно-медицинских экспертов при установлении причинно-следственной связи как элемента объективной стороны преступления. По итогам исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование правоприменительной практики и повышение эффективности расследования профессиональных преступлений медицинских работников.
Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинские работники, причинно-следственная связь, судебно-медицинская экспертиза, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, доказывание, уголовная ответственность, врачебная ошибка, обоснованный риск.

Вопрос привлечения медиков к уголовной ответственности за допущенные в ходе лечения ошибки давно вышел за рамки сугубо юридической проблематики и превратился в один из острых общественных вопросов современной России. Статистика последних лет говорит о неуклонном росте числа возбуждаемых дел: если в 2022 году Следственный комитет инициировал 1860 производств, связанных с ятрогенными причинами, то к 2024 году этот показатель поднялся до 2332 — прирост составил около четверти [35].

На этом фоне парадоксально выглядит другая тенденция: количество обращений граждан с жалобами на медицинских работников за тот же период заметно сократилось — примерно с 6623 до 4431, то есть примерно на 25%. Объяснять эту динамику лишь безответственностью отдельных специалистов было бы неверно. Свой вклад вносят и недостаточная профессиональная подготовка персонала, и слабость ведомственного надзора со стороны Министерства здравоохранения, и объективные трудности, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации действий медицинских работников [3, с. 11].

Уголовные дела данной категории принято считать одними из наиболее сложных в следственной практике. Следователи регулярно испытывают серьёзные затруднения при обнаружении правонарушений, фиксации доказательственной базы, юридической квалификации деяний и осуществлении уголовного преследования [4, с. 66–71]. Неполнота криминальной статистики дополнительно мешает выстраиванию объективной картины происходящего.

Настоящая работа ставит своей задачей детальный разбор правовых трудностей, возникающих при доказывании неосторожных преступлений медицинского персонала, и выработку конкретных предложений, способных улучшить состояние дел в российском правоприменении.

В юридической доктрине ответственность медицинского работника трактуется как применение к виновному предусмотренных законом мер государственного принуждения. Профессор Ю.Д. Сергеев обоснованно указывает: совершение противоправного деяния в рамках врачебной профессиональной деятельности образует квалифицирующий признак и влечёт повышенную санкцию [5, с. 35].

Под профессиональным преступлением в сфере медицины понимается умышленное либо неосторожное общественно опасное деяние медицинского работника, совершённое вопреки установленным клиническим стандартам, которое повлекло или реально могло повлечь значительный вред физическому или психическому здоровью пациента либо создало угрозу его жизни. Важно оговориться: причинение лёгкого или среднего вреда в результате врачебной небрежности по действующему российскому законодательству состава уголовно наказуемого деяния не образует.

В структуре ятрогенных преступлений безусловно преобладают неосторожные деяния, связанные с дефектным исполнением профессиональных обязанностей. К наиболее распространённым относятся: причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ), заражение пациента ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) [6]. В

науке криминалистики подобные правонарушения объединяются понятием «ятрогенные преступления» — в силу специфики субъектного состава и особой природы лечебно-диагностической деятельности [7, с. 14].

Российское законодательство до сих пор не содержит легальных определений ни понятия «ятрогенное преступление», ни понятия «гражданско-правовые последствия ятрогенных вмешательств», однако сама эта терминология присутствует в ряде нормативных актов. В частности, в структуре Следственного комитета РФ приказом от 8 октября 2020 г. № 106 создано специализированное подразделение по расследованию ятрогенных дел. Судебная практика показывает, что свыше 90% уголовных производств в отношении медицинских специалистов квалифицируются именно по перечисленным статьям УК РФ [9].

Общие положения уголовного закона устанавливают, что к ответственности привлекается лишь тот, чья вина в отношении наступивших последствий доказана. При наличии определённых обстоятельств уголовная ответственность врача исключается полностью.

Во-первых, если при неблагоприятном исходе лечения специалист строго следовал клиническим протоколам и предпринял все необходимые меры. Во-вторых, если врач объективно не мог предвидеть противоправность своих действий — случай как юридическая категория (casus). В-третьих, если при фактически ошибочных действиях телесного вреда не возникло либо отсутствует доказанная причинная связь между деянием и наступившими последствиями. Наконец, в-четвёртых, если не установлено, что именно дефектное медицинское вмешательство повлекло летальный исход или тяжкий вред, а сама связь носит случайный, а не необходимый характер [10, с. 15].

Существенную роль играют также нормы о крайней необходимости и обоснованном риске (ст. 39 и ст. 41 УК РФ) [6]. Медицинская деятельность по своей природе сопряжена с вероятностными исходами, на которые влияют биологические, социальные и организационно-технические факторы, неподвластные воле врача [11, с. 28]. Оказание экстренной помощи по жизненным показаниям в условиях жёсткого дефицита времени нередко объективно исключает возможность соблюдения всех предписанных регламентов.

Небрежность как форма неосторожной вины (ч. 3 ст. 26 УК РФ) констатируется тогда, когда медицинский работник предвидел возможность наступления вредных последствий, однако не смог их предотвратить вследствие несоответствия собственных психофизиологических ресурсов экстремальным условиям — например, при крайнем переутомлении или выраженном нервно-психическом перенапряжении [12].

Практика расследования ятрогенных дел неизменно указывает на одно из главных затруднений — необходимость доказать наличие причинной связи между действием или бездействием врача и наступившими вредными последствиями [13]. Это объясняется объективной сложностью выявления конкретного каузального звена в цепи событий, приведших к неблагоприятному результату.

Причинно-следственная зависимость здесь устанавливается не только между манипуляциями врача и исходом лечения, но и между действием разнообразных патологических факторов — ятрогенных нарушений, ятрогенных реакций, патогенеза основного заболевания, — возникших по причине небрежного или легкомысленного исполнения специалистом своих обязанностей [10, с. 16–17].

Действия медицинского работника признаются необходимым условием наступления неблагоприятного исхода лишь в том случае, когда этот исход обусловлен именно ненадлежащей помощью, а не обстоятельствами, лишь внешне связанными с лечебным процессом. Часть исследователей полагает, что о причинной связи правомерно говорить тогда, когда действия или бездействие в момент их совершения создавали реальную угрозу наступления смерти [14, с. 89].

Ряд криминалистов допускает признание причинно-следственной связи лишь при прямой детерминированной зависимости между деянием и его последствием [15, с. 52]. Однако такая позиция представляется чрезмерно ограничительной для нужд уголовного судопроизводства: каузальные отношения в механизме посягательства могут быть не только прямыми, но и опосредованными, симметричными или несимметричными.

Это подтверждается судебной практикой. В одном из дел суд пришёл к выводу, что выявленные дефекты медицинской помощи не повлекли ухудшения состояния пациента, а следовательно, причинная связь между ними и его смертью отсутствует [16]. Правовая квалификация подобных деяний во всех случаях требует обязательного установления каузального звена между нарушением стандартов безопасности, причинением телесного вреда и наступлением смертельного исхода.

Эффективному расследованию нередко препятствует неудовлетворительная организация судебно-медицинских экспертиз. По свидетельству сотрудников следственных органов, в ряде случаев при составлении заключений корпоративная солидарность берёт верх над требованиями объективности и закона [17, с. 78].

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами по делу признаются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь или дознаватель устанавливают наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Перечень допустимых доказательств включает показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетелей, заключения и показания экспертов, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы [21].

Согласно ст. 57 УПК РФ, судебно-медицинский эксперт — это лицо, обладающее специальными познаниями и назначенное в установленном порядке для проведения экспертизы. Он не вправе выходить за пределы специальной компетенции и разрешать правовые вопросы, относящиеся к исключительному ведению следствия и суда. Заключение эксперта не имеет заранее установленной доказательной силы и оценивается наравне с иными материалами дела.

Между тем следственные органы и суды нередко фактически перекладывают на экспертов обязанность устанавливать юридически значимую причинную связь между действиями врача и неблагоприятными последствиями [18, с. 41–44]. Лишь в последнее время часть экспертного сообщества начала отказываться от подобных постановок вопросов, небезосновательно указывая, что квалификация причинной связи в юридическом смысле относится к компетенции правоведов, а не медиков.

Вместе с тем в экспертном заключении должна быть отражена патогенетическая обусловленность смерти выявленными дефектами оказания медицинской помощи. Такой подход позволяет сохранить баланс между профессиональной корректностью эксперта и практическими нуждами правосудия.

Следователю надлежит формировать полноценную доказательственную базу, включающую показания свидетелей, заключения судебных экспертиз — в том числе комплексных судебно-медицинских и криминалистических, — протоколы процессуальных действий и иные материалы дела [20, с. 5–6]. При изучении конкретного слу-

чая особое значение приобретает медицинская документация, содержащая клинико-диагностические сведения, необходимые для квалифицированной оценки обстоятельств по ст. 73 УПК РФ [21].

Поскольку большинство применяемых к медицинским работникам составов УК РФ являются материальными — то есть преступление признаётся оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, — первоочередному установлению подлежат три обстоятельства: сам факт оказания помощи ненадлежащего качества; вред здоровью, причинённый вследствие этого; объективная причинно-следственная связь между ними [22, с. 66–71].

Анализ более пятидесяти приговоров по делам о неоказании помощи, причинении тяжкого вреда или смерти по неосторожности позволил выявить устойчивые процессуально-правовые затруднения. Центральным среди них остаётся вопрос об объёме профессиональных компетенций конкретного субъекта.

Квалификационный уровень медицинского специалиста служит исходным ориентиром для констатации его вины: имеющиеся компетенции определяют возможность предвидения общественно опасных последствий при легкомыслии и формируют обязанность их предотвращения при небрежности [23, с. 182–185].

Советский районный суд Брянска установил, что начальник медицинской части следственного изолятора, не имея наркологической квалификации, поставил заключённому диагноз «алкогольный делирий», назначил неадекватное лечение и разместил пациента в карантинной камере, тогда как острый делирий требовал немедленной госпитализации в специализированный психонаркологический стационар. Следствием стали массивный отёк головного мозга и гибель пациента [24].

В приговоре Новозыбковского городского суда Брянской области описана схожая ситуация: анестезиолог-реаниматолог предпринял не менее двенадцати безуспешных попыток периферической катетеризации вен у четырёхмесячного ребёнка, что повлекло обширные подкожные кровоизлияния и геморрагический шок. Суд констатировал, что медицинский персонал либо вышел за пределы своей компетенции, либо изначально не обладал надлежащей квалификацией для проведения подобных инвазивных вмешательств [25].

Особую сложность представляет доказывание диагностической ошибки. Действия врача квалифицируются по ч. 2 ст. 109 УК РФ в том числе тогда, когда специалист, даже при отсутствии дополнительных тревожных симптомов, игнорирует базовый алгоритм обязательной ревизии раневого канала при колото-резаных повреждениях для исключения внутреннего кровотечения [26].

В другом деле врач оставил без внимания клинические признаки, прямо указывавшие на критическую угрозу жизни пациентки, — в том числе непроизвольное мочеиспускание, — и не принял во внимание, что версия о медикаментозном сне не исключает токсической передозировки препаратов, угнетающих ЦНС. Суд расценил это как небрежность, повлёкшую смерть [27]. Применительно к данному случаю врач нарушил клинический протокол, не проведя надлежащей дифференциальной диагностики. Редкость конкретной нозологии может влиять на вывод о предсказуемости патологического процесса и соответствующей обязанности по его контролю.

В ещё одном деле пациенту был назначен лоперамид — препарат, категорически противопоказанный при уже диагностированной острой механической кишечной непроходимости. Назначенное средство усилило токсический синдром и стало непосредственной причиной летального исхода от полиорганной недостаточности. Врач осуждена по ч. 2 ст. 109 УК РФ [28].

Мультидисциплинарное лечение существенно усложняет распределение ответственности. В одном из дел анестезиолог допустил техническую ошибку при трахеальной интубации, что повлекло постинтубационное повреждение гортани. Помимо собственно ошибки, суд особо отметил, что специалист не зафиксировал ход анестезиологического пособия в медицинской документации и не обеспечил надлежащую передачу пациентки дежурной смене [29]. При этом действия остальных членов медицинской бригады — в том числе оториноларинголога, не диагностировавшего послеоперационные осложнения, — юридической оценки не получили.

Принципиально иное решение было вынесено по делу о гибели восьмилетней пациентки от отёка головного мозга, дислокационного синдрома и септико-токсического шока. Петроградский районный суд Санкт-Петербурга по итогам комплексной судебно-медицинской экспертизы установил, что анестезиолог-реаниматолог необоснованно отверг диагноз «менингококковая инфекция», ранее выставленный бригадой скорой помощи. Оба медицинских работника признаны виновными в причинении смерти по неосторожности. Суд также дал оценку дефекту в виде проведения люмбальной пункции без предшествующей адекватной дегидратационной терапии.

При профессиональной халатности двух и более медицинских работников, повлёкшей по неосторожности общественно опасные последствия, каждый из них несёт уголовную ответственность с учётом всех обстоятельств дела [31, с. 45].

Требуют особого внимания случаи грубейшего нарушения клинических стандартов, очевидных для любого специалиста, при отсутствии объективных препятствий для предотвращения ятрогенного вреда. В одном из дел анестезиолог после двух безуспешных попыток интубации по алгоритму «трудные дыхательные пути» (ASA) был обязан привлечь консультанта и восстановить самостоятельное дыхание пациентки. Вместо этого он продолжал многократно повторять манипуляцию, игнорируя рекомендации коллег и ссылаясь на неисправность нескольких видеоларингоскопов одновременно. Совокупность косвенных улик указывала на субклиническое интоксикационное состояние специалиста [32].

Аналогичные обстоятельства исследовались в деле 2024 года: врач-анестезиолог-реаниматолог не перевёл своевременно пациентку на искусственную вентиляцию лёгких, что повлекло тяжёлую дыхательную недостаточность и последующую гибель. Суд установил прямую причинную связь между бездействием врача и смертью пациентки, констатировав, что специалист должен был и мог предвидеть наступление опасных последствий.

Действующая редакция ч. 1.1 ст. 63 УК РФ наделяет суд правом признавать состояние опьянения отягчающим обстоятельством, что в полной мере применимо к деяниям медицинских специалистов — прежде всего при проведении высокотехнологичных инвазивных вмешательств [6]. Согласно п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58, суд обязан учитывать характер и степень общественной опасности деяния, условия его совершения, влияние опьянения на поведение виновного и данные о его личности [33].

Статья 124 УК РФ устанавливает ответственность за неоказание медицинской помощи без уважительных причин лицом, обязанным её предоставлять в силу закона или клинических стандартов, если это повлекло вред здоровью средней тяжести; ч. 2 той же статьи предусматривает повышенную санкцию при причинении тяжкого вреда или гибели [6]. Принципиально важно разграничивать «неоказание помощи» как уголовно наказуемое деяние и профессиональное бездействие как дисциплинарный проступок.

Министерство здравоохранения РФ разграничивает врачебное бездействие на два вида [34], однако законодатель до сих пор не сформулировал чёткого определения «неоказания помощи» и не определил однозначно субъектный состав данного преступления, что порождает правовую неопределённость и осложняет квалификацию.

В одном из уголовных дел хирург без уважительных оснований не собрал анамнез, не назначил анализов и ультразвукового исследования, не выяснил причину болей в животе, не назначил лечения и не предложил контрольного осмотра. Защита настаивала на квалификации по ч. 2 ст. 118 УК РФ, указывая, что врач всё же осматривал пациента. Суд эти доводы отклонил: совокупность доказательств не позволила констатировать, что лечебно-диагностические обязанности были исполнены хотя бы ненадлежащим образом. При этом суд подчеркнул, что диспозиция ч. 2 ст. 124 УК РФ не ограничивается исключительно случаями полного врачебного бездействия.

В другой ситуации фельдшер выездной бригады скорой помощи не провёл регистрацию ЭКГ, не организовал телеконсультацию с профильными специалистами и отказал критически больному пациенту в госпитализации, оставив его дома под наблюдением социального работника. Эти действия квалифицированы как неоказание медицинской помощи на основании заключения эксперта [36].

Дополнительные трудности возникают при разграничении неосторожных деяний медицинских работников со смежными составами. Подпункт «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ устанавливает ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или гибель человека [6].

В декабре 2024 года в УК РФ были внесены изменения, ограничившие применение ст. 238 в отношении медицинских работников. Если в 2023–2024 годах по этой статье ежегодно возбуждалось 463 и 429 дел соответственно, то за девять месяцев 2025 года их насчитывается лишь три — преимущественно переквалификации. Однако юристы фиксируют компенсирующий рост применения специальных составов — халатности (ст. 293 УК РФ) и неоказания помощи (ст. 124 УК РФ), что свидетельствует о смещении правоприменительных акцентов, не снимающем, впрочем, саму проблему уголовного преследования врачей.

Квалификация по ст. 238 УК РФ правомерна лишь при системном дефекте оказания услуг, создающем угрозу для неопределённого круга лиц [37], а не применительно к единичным случаям отступления от протоколов. Второй кассационный суд общей юрисдикции подтвердил обоснованность применения п. «в» ч. 2 ст. 238 в ситуации, когда травма потерпевшей стала следствием ненадлежащего оказания медицинской услуги, а не хирургической операции [38].

Статья 293 УК РФ предусматривает ответственность должностных лиц за халатность при исполнении служебных обязанностей, повлёкшую существенное нарушение прав граждан [6]. Оценка степени существенности такого нарушения требует анализа конкретных обстоятельств и всей совокупности доказательств [39]. В одном из прецедентных дел апелляционная инстанция переквалифицировала деяние с ч. 2 ст. 293 на ч. 2 ст. 109 УК РФ, указав на неосторожное причинение смерти вследствие ненадлежащего исполнения должностных обязанностей [40].

Разграничение составов по ст. 109, ст. 118 и ст. 124 УК РФ строится прежде всего на различии наступивших последствий. Квалифицирующим признаком по ст. 118 служит ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей; применение этого критерия обусловлено самой спецификой медицинской деятельности, где отступление от стандартов способно повлечь тяжкие последствия для пациента [41].

В одном из дел дежурный нейрохирург не провёл полноценного осмотра экстренно доставленного пациента, не назначил необходимой нейровизуализационной диагностики, не установил надлежащего наблюдения и распорядился оформить документы об уходе. Судебно-медицинская экспертиза установила прямую связь между бездействием врача и наступлением летального исхода. Примечательно, что на допросах врач своей вины не признал [42].

В другом случае пациентка скончалась в послеродовом периоде от двусторонней бактериальной пневмонии, осложнившейся сепсисом и острым повреждением почек. Экспертиза выявила целый ряд диагностических дефектов: запоздалую верификацию инфекционного поражения лёгких, отсутствие рентгенологического исследования и функциональной оценки дыхательной системы, неадекватную антибактериальную терапию. Эксперты констатировали, что своевременная рентгенодиагностика и рациональный подбор антибиотиков позволили бы предотвратить летальный исход. Суд установил прямую причинную связь этих дефектов с гибелью пациентки [43].

Особую категорию образуют уголовные дела, связанные с незаконным изъятием органов. Правоохранительными органами выявлены факты организации преступных схем с участием медицинских работников, осуществлявших незаконный забор органов для последующей пересадки [26]. Подобные деяния квалифицируются по совокупности статей: ст. 120 УК РФ (принуждение к изъятию органов или тканей) и ст. 105 УК РФ (убийство) — при наличии умысла на лишение жизни.

Доказывание по этим делам включает не только медицинские, но и криминалистические аспекты: идентификацию изъятых органов, установление времени и места операций, выявление всех участников преступной группы. Судебно-медицинская экспертиза должна ответить на вопросы о прижизненности изъятия органов, соблюдении протоколов и причинах смерти. Особую трудность представляет установление причинной связи в ситуациях, когда потерпевший первоначально получил ранения, а затем подвергся незаконному медицинскому вмешательству.

Выводы и предложения

Проведённое исследование обнаруживает целый ряд нерешённых проблем в сфере доказывания медицинской небрежности. Правоприменители сталкиваются с серьёзными затруднениями на всех этапах — от выявления преступлений до привлечения виновных к ответственности.

Ключевые трудности можно свести к следующему: доказывание причинной связи между профессиональным проступком врача и наступившим вредом; оценка возможности предвидения неблагоприятных исходов; определение объёма специальных компетенций субъекта; квалификация клинической ошибки и потенциальной дифференциальной диагностики; распределение ответственности в мультидисциплинарных командах; разграничение легкомыслия и косвенного умысла.

Особую озабоченность вызывает практика организации судебно-медицинских экспертиз, при которой корпоративная солидарность нередко превалирует над принципом объективности. Одновременно требует чёткого нормативного закрепления распределение процессуальных полномочий между следователем, судьёй и экспертом при установлении причинно-следственных связей.

Действующее уголовное законодательство не в полной мере отвечает реальным потребностям защиты прав

пациентов [44]. В нём отсутствует законодательно закреплённое определение врачебной ошибки и её чётких границ; принцип презумпции невиновности медицинского специалиста при отсутствии вины в форме небрежности реализуется не в полной мере. Насущной необходимостью остаются разработка соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также подготовка методических рекомендаций и аналитических обзоров по применению норм об уголовной ответственности медицинских работников.

Повышение качества судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных деликтах медиков с обеспечением их реальной процессуальной независимости является непременным условием справедливого правосудия в этой сфере. При исследовании причинной зависимости необходимо учитывать, что неблагоприятный исход лечения обусловлен не только конкретными действиями врача, но и динамикой патологических процессов, возникших вследствие халатного исполнения профессиональных обязанностей.

При решении вопроса об уголовной ответственности обязательно должны приниматься во внимание обстоятельства, исключающие противоправность деяния, — прежде всего состояние крайней необходимости и обоснованный профессиональный риск [45]. Только по-настоящему междисциплинарный подход к разрешению обозначенных правовых коллизий позволит обеспечить справедливый баланс между защитой прав пациентов и охраной законных интересов врачей, добросовестно исполняющих свой профессиональный долг в непростых условиях современного здравоохранения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 по делу № 77-1234/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2020 по делу № 89-УД21-16-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.08.2021 по делу № 10-11243/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2022 по делу № 8Г-24578/2021, 88-3006/2022-(88-24670/2021) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
9. Постановление Советского районного суда г. Брянска от 15.03.2019 по делу № 1-89/2019 // Архив Советского районного суда г. Брянска за 2019 год.
10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 11.11.2020 по делу № 1-456/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
11. Приговор Железнодорожного районного суда г. Самары от 10.06.2020 по делу № 1-176/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
12. Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 05.12.2019 по делу № 1-542/2019 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
13. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 14.04.2021 по делу № 1-98/2021 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
14. Приговор Новозыбковского городского суда Брянской области от 22.11.2018 по делу № 1-234/2018 // Архив Новозыбковского городского суда Брянской области за 2018 год.
15. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 16.09.2019 по делу № 1-387/2019 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
16. Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова от 28.09.2019 по делу № 1-401/2019 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
17. Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 22.01.2020 по делу № 1-34/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
18. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.03.2020 по делу № 1-87/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
19. Приговор Центрального районного суда г. Воронежа от 07.07.2020 по делу № 1-289/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.05.2023).
20. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2023).
21. Акопов В.И. Медицинское право: современное здравоохранение и право граждан на охрану здоровья. М.: Март, 2020. 672 с.
22. Блинова А. Ф. Ятрогенные преступления в российской федерации: понятие и значение в современной правовой деятельности. особенности квалификации и доказывания по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. №4 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-i-znachenie-v-sovremennoy-pravovoy-deyatelnosti-osobennosti.
23. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. №3 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-obespechenie-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy-kak-forma-realizatsii-sotsialnyh-funktsiy-kriminalistiki.
24. Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. №5 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-kvalifikatsiya-defektov-meditsinskoy-pomoschi.
25. Жигулёва, А. В. Расследование ятрогенных преступлений: проблемные аспекты / А. В. Жигулёва. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 27 (526). — С. 144-146. — URL: https://moluch.ru/archive/526/116485.
26. Коровицкая, В. О. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений / В. О. Коровицкая. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 53 (395). — С. 81-83. — URL: https://moluch.ru/archive/395/87541.

27. Мазур Е. С., Ахмедшин Р. Л., Александрова Я. Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №451. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-yatrogennyh-prestupleniy.

28. Пашинян Г. А., Ившин И. В. Судебно-медицинская экспертиза профессиональных правонарушений медицинских работников // ПЭМ. 2006. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-professionalnyh-pravonarusheniy-meditsinskih-rabotnikov (дата обращения: 09.02.2026).

29. Питулько К. В. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений // Пролог: журнал о праве. 2021. №3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-yatrogennyh-prestupleniy-1.

30. Попова, А. В. Оценка экономической преступности в России в 2022–2024 годах / А. В. Попова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 39 (590). — С. 217-219. — URL: https://moluch.ru/archive/590/128684.

31. Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 312 с.

32. Романовский Г.Б., Тарусина Н.Н. Медицинское право: учебник. М.: Проспект, 2020. 448 с.

33. Рыбакова Т. И. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2023. №26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-ponyatie-suschnost-zakonodatelnoe-regulirovanie.

34. Следственный комитет Российской Федерации. Официальная статистика. URL: https://sledcom.ru.

35. Смирнов, В. А. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности и возможные способы их преодоления / В. А. Смирнов, А. А. Гойник. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 7 (297). — С. 136-138. — URL: https://moluch.ru/archive/297/67424.

36. Тришина А. М., Тисен О. Н. Первоначальный этап расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Евразийский Союз Ученых. 2020. №5-2 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervonachalnyy-etap-rassledovaniya-prestupleniy-sovershennyh-meditsinskimi-rabotnikami.

Legal problems of proving socially dangerous acts committed by medical workers through negligence

Lupu I.I.
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology

The article examines current problems of proving socially dangerous acts committed by medical workers through negligence in the course of their professional activities. The theoretical and practical aspects of establishing a causal relationship between the act of a medical worker and the socially dangerous consequences, determining the scope of professional knowledge of the subject of the crime, and qualifying iatrogenic crimes are analyzed. Based on the study of judicial practice, typical errors in the qualification of acts of medical workers and problems of distinguishing between corpus delicti provided for by Articles 109, 118, 124, 238, 293 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified. Special attention is paid to the role of forensic medical examination in the process of proof, problems of ensuring its independence and objectivity. The necessity of delimiting the competence of investigators, judges and forensic medical experts in establishing a causal relationship as an element of the objective side of a crime is substantiated. Proposals for improving law enforcement practice and increasing the efficiency of investigating professional crimes of medical workers are formulated.

Keywords: iatrogenic crimes, medical workers, causal relationship, forensic medical examination, improper performance of professional duties, proof, criminal liability, medical error, justified risk.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on May 29, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on May 29, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
3. Federal Law of November 21, 2011, No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Article 6724.
4. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated June 15, 2021 in case No. 77-1234/2021 // SPS "Consultant-Plus".
5. Cassation ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 25, 2020 in case No. 89-UD21-16-K7 // SPS "ConsultantPlus".
6. Appellate ruling of the Moscow City Court dated August 12, 2021 in case No. 10-11243/2021 // SPS "ConsultantPlus".
7. Determination of the Civil Cases Judicial Panel of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated February 21, 2022, in case No. 8G-24578/2021, 88-3006/2022-(88-24670/2021) // SPS "ConsultantPlus".
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 No. 58 "On the practice of assigning criminal punishment by courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 2.
9. Resolution of the Sovetsky District Court of Bryansk dated March 15, 2019, in case No. 1-89/2019 // Archive of the Sovetsky District Court of Bryansk for 2019.
10. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Barnaul dated 11.11.2020 in case No. 1-456/2020 // GAS "Justice". URL: https://sudrf.ru (date of access: 15.05.2023).
11. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Samara dated 10.06.2020 in case No. 1-176/2020 // GAS "Justice". URL: https://sudrf.ru (date of access: 15.05.2023).
12. Verdict of the Kirovsky District Court of Yekaterinburg dated 05.12.2019 in case No. 1-542/2019 // GAS "Justice". URL: https://sudrf.ru (accessed: 15.05.2023).
13. Verdict of the Leninsky District Court of Orenburg dated 14.04.2021 in case No. 1-98/2021 // GAS "Justice". URL: https://sudrf.ru (accessed: 15.05.2023).
14. Verdict of the Novozybkov City Court of Bryansk Oblast dated 22.11.2018 in case No. 1-234/2018 // Archive of the Novozybkov City Court of Bryansk Oblast for 2018.
15. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Krasnoyarsk dated September 16, 2019, in case No. 1-387/2019 // GAS "Pravosudie". URL: https://sudrf.ru (date of access: May 15, 2023).
16. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Saratov dated September 28, 2019, in case No. 1-401/2019 // GAS "Pravosudie". URL: https://sudrf.ru (date of access: May 15, 2023).
17. Verdict of the Pervomaisky District Court of Izhevsk dated January 22, 2020, in case No. 1-34/2020 // GAS "Pravosudie". URL: https://sudrf.ru (accessed: 15.05.2023).
18. Verdict of the Petrogradsky District Court of St. Petersburg dated 18.03.2020 in case No. 1-87/2020 // GAS "Pravosudie". URL: https://sudrf.ru (accessed: 15.05.2023).
19. Verdict of the Central District Court of Voronezh dated 07.07.2020 in case No. 1-289/2020 // GAS "Pravosudie". URL: https://sudrf.ru (accessed: 15.05.2023).
20. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of May 10, 2017, No. 203n, "On Approval of Criteria for Assessing the Quality of Medical Care" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: May 15, 2023).
21. Akopov, V.I. Medical Law: Modern Healthcare and the Right of Citizens to Health Protection. Moscow: March, 2020. 672 p.
22. Blinova A. F. Iatrogenic crimes in the russian federation: concept and significance in modern legal activities. features of qualification and evidence in criminal cases related to the provision of medical care // Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2022. No. 4 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-i-znachenie-v-sovremennoy-pravovoy-deyatelnosti-osobennosti.
23. Volynsky A. F. Forensic support for the detection and investigation of crimes as a form of implementing the social functions of forensic science // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2008. No. 3 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-obespechenie-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy-kak-forma-realizatsii-sotsialnyh-funktsiy-kriminalistiki.
24. Danilov E. O. Legal qualification of defects in medical care // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 5 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-kvalifikatsiya-defektov-meditsinskoy-pomoschi.
25. Zhiguleva, A. V. Investigation of iatrogenic crimes: problematic aspects / A. V. Zhiguleva. - Text: direct // Young scientist. - 2024. - No. 27 (526). - P. 144-146. - URL: https://moluch.ru/archive/526/116485.
26. Korovitskaya, V. O. Problems of qualification of iatrogenic crimes / V. O. Korovitskaya. - Text: direct // Young scientist. - 2021. - No. 53 (395). - P. 81-83. — URL: https://moluch.ru/archive/395/87541.
27. Mazur E. S., Akhmedshin R. L., Aleksandrova Ya. D. Forensic characteristics of iatrogenic crimes // Vestn. Tomsk. state University. 2020. No. 451. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-yatrogennyh-prestupleniy.
28. Pashinyan G. A., Ivshin I. V. Forensic medical examination of professional offenses of medical workers // PEM. 2006. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-professionalnyh-pravonarusheniy-meditsinskih-rabotnikov (accessed: 09.02.2026).
29. Pitulko K. V. Problems of qualification of iatrogenic crimes // Prologue: journal on law. 2021. No. 3 (31). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-yatrogennyh-prestupleniy-1.
30. Popova, A. V. Assessment of economic crime in Russia in 2022–2024 / A. V. Popova. — Text: direct // Young scientist. — 2025. — No. 39 (590). — P. 217-219. — URL: https://moluch.ru/archive/590/128684.
31. Rastoropov S.V. Criminal-legal protection of human health from criminal attacks: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 312 p.
32. Romanovsky G.B., Tarusina N.N. Medical law: textbook. Moscow: Prospect, 2020. 448 p.
33. Rybakova T. I. Iatrogenic crimes: concept, essence, legislative regulation // Issues of Russian Justice. 2023. No. 26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-ponyatie-suschnost-zakonodatelnoe-regulirovanie.
34. Investigative Committee of the Russian Federation. Official statistics. URL: https://sledcom.ru.
35. Smirnov, V. A. Problems arising during the investigation of corruption-related crimes and possible ways to overcome them / V. A. Smirnov, A. A. Goynik. - Text: direct // Young scientist. - 2020. - No. 7 (297). - P. 136-138. — URL: https://moluch.ru/archive/297/67424.
36. Trishina A. M., Tisen O. N. The initial stage of investigation of crimes committed by medical workers // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 5-2 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervonachalnyy-etap-rassledovaniya-prestupleniy-sovershennyh-meditsinskimi-rabotnikami.

Объективные критерии малозначительности деяния

Медведев Роман Константинович
адъюнкт, Омская академия МВД России, romed0103@mail.ru

Статья посвящена обоснованию системы объективных критериев оценки деяния как малозначительного применительно к положениям ч. 2 ст. 14 УК РФ. Цель исследования — доказать, что практическое применение института малозначительности требует содержательной, а не формальной оценки объективных признаков преступления, для чего необходима система взаимосвязанных критериев. Методологическую основу составляют системно-структурный и формально-логический подходы, анализ судебной практики, а также интегративный метод оценки общественной опасности. Предложена бинарная классификация: позитивные критерии (незначительность вреда в его реальном социально-экономическом измерении; ненасильственный, безопасный способ совершения деяния; обратимость последствий либо прерванность посягательства; спонтанность и единичность) и негативные критерии (насилие или угроза насилием; использование беспомощности потерпевшего или доверительных отношений; административная преюдиция; необратимый вред жизни, здоровью или окружающей среде; посягательство на объекты особой публично-правовой ценности либо деяние специального субъекта с использованием полномочий). Разработка данной системы критериев обусловлена необходимостью преодоления формализма в правоприменении и обеспечения единообразного применения ч. 2 ст. 14 УК РФ с учётом принципов соразмерности и справедливости уголовно-правового воздействия.
Ключевые слова: малозначительность деяния, объективные критерии, общественная опасность, позитивные критерии, негативные критерии, обратимость последствий, способ совершения преступления, уголовная ответственность.

Институт малозначительного деяния, закреплённый в ч. 2 ст. 14 УК РФ, представляет собой специфический правовой механизм, позволяющий исключить уголовную ответственность за деяния, которые при формальном соответствии признакам состава преступления не представляют существенной общественной опасности. Как справедливо констатируют исследователи, «уголовно-правовая оценка малозначительных деяний крайне непоследовательна и противоречива» [1, с. 4]: с одной стороны, правоприменители игнорируют предписания ч. 2 ст. 14 УК РФ, квалифицируя в качестве преступления деяния, не обладающие достаточной общественной опасностью; с другой стороны, та же норма применяется для декриминализации деяний, реально посягающих на охраняемые интересы. Обе тенденции разрушительны для правопорядка и с равной силой свидетельствуют о необходимости системного решения.

Содержательное основание указанной проблемы состоит в необходимости выхода за пределы формальной квалификации к содержательной оценке реального вреда и его социального значения. Нередко решение о признании деяния малозначительным принимается без установления всех фактов, имеющих значение для надлежащей оценки содеянного, что приводит к принятию шаблонных процессуальных актов без должного обоснования [2, с. 1]. Подобный подход входит в прямое противоречие с природой института малозначительности, которая требует индивидуальной оценки в каждом конкретном деле. Восполнение данного пробела — одна из задач настоящего исследования.

Ключевым ориентиром при формировании системы критериев служит понимание общественной опасности как содержательного, а не формального признака. Т.В. Церетели подчёркивала, что «общественная опасность всегда остаётся объективной величиной, которая одинакова независимо от личных возможностей конкретного деятеля; критерии, определяющие общественную опасность, имеют одинаковое значение для всех лиц, так как право устанавливает одинаковые требования ко всем адресатам нормы» [3, с. 83]. Н.А. Лопашенко определяет общественную опасность как свойство, характеризующее «способность причинять вред либо создавать непосредственную угрозу причинения или условия для поставления под такую угрозу общественных отношений, взятых этим законодателем под охрану, а равно служить негативным примером для совершения аналогичных посягательств в будущем» [4]. Данное понимание принципиально: если деяние фактически не способно создать ни вреда, ни угрозы — уголовно-правовое реагирование на него лишено смысла.

Данное понимание определяет логику предлагаемой системы объективных критериев: малозначительность — не самостоятельная категория, а производное от содержательной оценки реальной общественной опасности деяния. Объективные признаки преступления — объект, объективная сторона, общественно опасные последствия и причинная связь — образуют внешнюю, доступную для непосредственного наблюдения сторону преступного деяния; именно через их анализ правоприменитель получает возможность оценить действительную степень общественной опасности содеянного.

Предлагаемая система объективных критериев строится на их разграничении на две функционально различные подсистемы: позитивные критерии, в своей совокупности свидетельствующие об отсутствии у деяния той степени общественной опасности, которая характеризует

преступление, и негативные критерии, при наличии которых признание деяния малозначительным исключается независимо от незначительности материальных последствий. Системообразующим принципом данной классификации служит материальное понимание общественной опасности как родового признака преступления, требующего содержательной, а не формальной оценки всех обстоятельств совершённого деяния.

Первым и наиболее разработанным в судебной практике позитивным критерием является незначительность причинённого или возможного вреда. Принципиально важно, что этот критерий не совпадает с формальным денежным порогом. Социальная обусловленность уголовного права — на которую Н.Ф. Кузнецова указывала следующим образом: «экономические, идеологические, политические, социально-психологические, нравственные и организационно-управленческие факторы являются социально правообразующими; они существуют до правовых норм и вне их, составляя объективную основу правотворчества» [5, с. 36] — обязывает оценивать ущерб в его реальном социально-экономическом контексте. Отсюда следует, что один и тот же денежный эквивалент ущерба может иметь принципиально различное значение в зависимости от положения потерпевшего, что и должно учитываться при решении вопроса о малозначительности.

Данный подход находит непосредственное подтверждение в судебной практике. Кассационным определением от 24 октября 2024 г. № 77-3000/2024 суд установил, что гражданин С. «ограничился приобретением товаров на 607 рублей 86 копеек, то есть сумму, которая объективно не является значительной, и иных попыток похитить деньги с банковского счёта не предпринимал», а «сознанием и желанием С. не охватывалось причинение от его действий характерных для преступления общественно опасных последствий» [6]. Такое совпадение субъективного и объективного моментов малозначительности свидетельствует об их взаимообусловленности.

Разграничение абсолютной и относительной незначительности ущерба позволяет учесть как объективное, так и индивидуально-ситуативное измерение вреда. Кассационным определением от 30 июня 2022 г. № 77-2184/2022 суд признал малозначительным хищение 788 рублей лицом, «использовавшим найденную им банковскую карту на протяжении непродолжительного времени для оплаты продуктов с целью утолить голод» [7]: суд констатировал, что «содержащиеся в действиях Кузяева признаки преступления... носят формальный характер, так как в силу своей малозначительности совершённое подсудимым деяние не представляет общественной опасности» [7]. Данный пример наглядно показывает, что социально-экономический контекст причинения вреда — как категория объективная и верифицируемая — является полноценным элементом оценки критерия незначительности ущерба.

Вторым позитивным критерием является обратимость последствий или пресечение деяния на стадии покушения до причинения реального вреда охраняемым интересам. Данный критерий опирается на конституционный принцип соразмерности государственного принуждения: невозможность полного восстановления нарушенного правового блага при использовании обычных доступных способов свидетельствует о качественно ином уровне общественной опасности деяния, который выводит его за пределы малозначительности.

Судебная практика последовательно разграничивает деяния по признаку обратимости последствий. В постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 октября 2022 г. № 77-5384/2022 суд признал малозначительным незаконный вылов рыбы сачком на нерестовых угодьях, констатировав, что «отсутствие необратимых последствий, проявившееся в возврате улова в среду обитания, можно считать критерием, на основании которого будет вынесено решение о признании деяния малозначительным» [8]. В противоположность этому, в постановлении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2025 г. № 77-1530/2025 суд отказался признать деяние малозначительным, указав, что «использование запрещённых орудий лова в местах нереста влечёт устойчивое нарушение экологического баланса и создаёт угрозу массовой гибели биологических ресурсов, что исключает обратимость последствий» [9]. Сопоставление этих двух позиций наглядно демонстрирует: критерий обратимости выполняет роль качественного порога, а не дополнительного смягчающего обстоятельства.

Третьим позитивным критерием является отсутствие общественно опасного способа совершения деяния. В доктрине уголовного права А.В. Галахова понимает под способом «приёмы, методы, тактические средства, применяемые для совершения преступления» [10, с. 17]. Способ характеризует совокупность действий, применяемых в ходе посягательства и направленных на достижение преступного результата. Именно эта связь с реальным процессом посягательства определяет, создал ли избранный способ самостоятельную угрозу охраняемым интересам сверх той, которая охватывается основным составом. Если квалифицирующий признак способа реализован лишь формально и не повлёк дополнительной угрозы, это открывает возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ.

При этом, как верно указывал В.Н. Кудрявцев, способ совершения преступления есть «объективная характеристика действия, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается. Поэтому тот или иной способ совершения преступления присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным» [11, с. 72]. Это означает, что критерий способа применяется при оценке малозначительности независимо от формы вины виновного: оценке подлежит объективное воздействие избранного способа на охраняемые законом интересы, а не субъективное отношение к нему виновного.

Четвёртым позитивным критерием является спонтанность и единичность деяния. Данный критерий отражает принципиальную разницу между ситуативным отклонением поведения и устойчивой антисоциальной установкой. Единичный, спонтанный характер деяния — когда умысел возник внезапно под влиянием конкретных обстоятельств, а само деяние не вписывается в систему противоправных эпизодов — свидетельствует об ином, пониженном качественном уровне общественной опасности и об отсутствии сформировавшейся криминальной установки субъекта.

Принципиальная особенность негативных критериев состоит в их безусловном, а не относительном характере: ни один позитивный критерий не способен нейтрализовать их действие. Это обусловлено тем, что при наличии негативного обстоятельства деяние — независимо от размера имущественного ущерба — приобретает иное качественное измерение общественной опасности. Согласно базовому тезису уголовно-правовой доктрины, «лишь то деяние может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока» [12, с. 216]; негативные критерии малозначительности как раз и фиксируют те качественные признаки деяния, при которых этот достаточный уровень общественной опасности объективно достигается.

Первый негативный критерий — применение насилия или угрозы его применения. Применение насилия каче-

ственно изменяет характер общественной опасности деяния, поскольку посягает не только на конкретное правоохраняемое благо, но и на физическую неприкосновенность личности, создаёт атмосферу страха и подавляет волю потерпевшего к сопротивлению. Судебная практика последовательно исходит из безусловного исключающего характера данного критерия. Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2025 г. № 77-711/2025 прямо подтверждено, что «применение насилия и угроза его применения, даже при отсутствии значительного имущественного ущерба, исключают признание деяния малозначительным, поскольку создают дополнительный объект посягательства — безопасность личности и общественный порядок» [13]. Именно поэтому сам факт применения насилия переводит деяние в категорию безусловно общественно опасных.

Второй негативный критерий — использование беспомощного состояния потерпевшего или доверительных отношений, включая злоупотребление служебным положением. Целенаправленная эксплуатация объективной неспособности жертвы к защите свидетельствует о качественно ином — циничном и сознательном — характере умысла виновного. Вместе с тем судебная практика демонстрирует, что данный критерий действует как условно исключающий: в постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 февраля 2024 г. № 77-447/2024 суд прекратил дело в отношении директора школы, требовавшей передачи части премий, констатировав «небольшой размер ущерба, его последующее возмещение, отсутствие реального вреда интересам государства и положительные данные о личности осуждённой» [14]. Это означает, что использование должностного положения само по себе не блокирует малозначительности при совокупности иных обстоятельств, хотя и повышает требования к обоснованию соответствующего вывода.

Третий негативный критерий — наличие административной преюдиции в оконченном составе. Систематический характер предшествующих нарушений означает, что лицо уже достигло законодательно установленного порога общественной опасности, при котором «систематическое совершение хищений, даже незначительных по размеру ущерба, указывает на повышенную общественную опасность личности виновного и требует уже не административного, а уголовного правового реагирования» [15]. Именно такой вывод содержится в приговоре Тарского городского суда Омской области от 11 июля 2024 г. № 1-69/2024, где суд прямо указал, что «именно повторность и неоднократность противоправных действий, свидетельствующие об устойчивой противоправной привычке и неэффективности предыдущих мер административного воздействия, были расценены... как обстоятельства, исключающие малозначительность деяния» [15]. При этом систематичность противоправного поведения следует рассматривать как элемент объективной стороны деяния, что делает её объективным, а не сугубо личностным фактором оценки общественной опасности.

Четвёртый негативный критерий — причинение необратимого вреда жизни, здоровью или окружающей среде, который невозможно устранить или для устранения которого требуются несоразмерные усилия, за исключением неосторожного причинения при крайне незначительных последствиях. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23 ноября 2010 г. № 26 допускает малозначительность экологических деяний лишь при условии, что они «формально посягают на установленный законом порядок, но не приводят к конкретному ущербу природе или государству и не содержат реальной угрозы разрушения экосистемы» [16]. Данная формулировка a contrario закрепляет: наступление реального экологического вреда — и тем более необратимого — исключает возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ. В экологической сфере этот вывод дополнительно подкрепляется тем, что накопительный характер вредных последствий с тенденцией к прогрессирующему усилению негативного эффекта представляет особую опасность для стабильности правопорядка, что само по себе исключает отнесение подобных деяний к категории малозначительных.

Пятый негативный критерий — посягательство на объекты особой публично-правовой ценности (коррупционные деяния, преступления террористической и экстремистской направленности) либо совершение деяния специальным субъектом с использованием предоставленных ему полномочий. Специфика данных деяний состоит в том, что их общественная опасность не исчерпывается имущественным измерением: коррупционные преступления нарушают нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов, подрывая их авторитет и деформируя правосознание граждан, а деяния террористической и экстремистской направленности создают угрозу конституционному строю. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, именно «социально правообразующие факторы существуют до правовых норм и вне их, составляя объективную основу правотворчества» [5, с. 36] — и применительно к данной категории деяний это означает, что их общественная опасность объективно укоренена в природе самих охраняемых ценностей, а не только в размере причинённого ущерба.

Таким образом, предложенная система объективных критериев малозначительности деяния призвана обеспечить переход от механической квалификации к содержательной оценке реальной общественной опасности. Бинарная классификация критериев — на позитивные и негативные — отражает двойственную природу самого института малозначительности: с одной стороны, принцип гуманизма требует исключать уголовную ответственность там, где деяние реально не несёт существенной общественной опасности; с другой стороны, принцип неотвратимости ответственности требует не допускать декриминализации деяний, объективно достигающих необходимого порога опасности. Как верно указывала Т.В. Церетели, «право устанавливает одинаковые требования ко всем адресатам нормы» [3, с. 83] — а значит, критерии малозначительности должны носить объективный и предсказуемый характер.

Позитивные критерии (незначительность вреда в его содержательном, а не формальном измерении; обратимость последствий; ненасильственный, безопасный способ; спонтанность и единичность) реализуют принцип соразмерности государственного принуждения, обязывая правоприменителя устанавливать реальную, а не предполагаемую вредоносность деяния. Негативные критерии (насилие, беспомощность потерпевшего, административная преюдиция, необратимый вред, особо ценные публично-правовые объекты) обеспечивают гарантии от необоснованной декриминализации, фиксируя те объективные признаки деяния, при наличии которых уголовно-правовое реагирование является обязательным независимо от размера имущественного ущерба.

Судебная практика, проанализированная в рамках настоящей работы, подтверждает, что именно данные критерии реально применяются при решении вопроса о малозначительности. Это свидетельствует о том, что предложенная система не является умозрительной конструкцией, а отражает сложившиеся, пусть и не всегда осознанно применяемые, подходы к оценке общественной опасности. Её теоретическое оформление и система-

тизация создают необходимую основу для единообразного понимания института малозначительности, согласованного с принципами законности, справедливости, гуманизма и индивидуализации уголовной ответственности.

Литература

1. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. — М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019. — 234 с.
2. Хилюта В.В. Установление признаков малозначительности деяния // Законность. — 2022. — № 3. — С. 1–8.
3. Церетели Т.В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления // Правоведение. — 1980. — № 2. — С. 80–89.
4. Лопашенко Н.А. (ред.) Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 600 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию Т.Н. Церетели. — Тбилиси, 1977. — С. 33–44.
6. Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2024 по делу № 77-3000/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2022 № 77-2184/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2022 № 77-5384/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2025 № 77-1530/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. — 2010. — № 14. — С. 14–18.
11. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. — М.: Госюриздат, 1960. — 244 с.
12. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. — М.: Наука, 1982. — 304 с.
13. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 77-711/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2024 № 77-447/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Приговор Тарского городского суда Омской области от 11.07.2024 по делу № 1-69/2024 // Архив Тарского городского суда Омской области.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» (в ред. от 18.10.2012). — URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

Objective criteria of insignificance of an act

Medvedev R.K.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article substantiates a system of objective criteria for assessing an act as insignificant within Part 2, Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. The aim is to demonstrate that practical application of the insignificance doctrine requires substantive rather than formal assessment of objective elements of the offence, for which a coherent system of criteria is necessary. The methodology combines systemic-structural and formal-logical approaches, judicial practice analysis, and an integrative method of assessing social danger. A binary classification is proposed: positive criteria (insignificance of harm in its real socio-economic dimension; non-violent, safe method of commission; reversibility of consequences or interruption at attempt stage; spontaneity and singularity) and negative criteria (violence or threats; exploitation of victim helplessness or trust; administrative prejudice; irreversible harm to life, health or the environment; attacks on objects of special public-legal value or acts by a special subject using conferred authority). Development of this system is necessitated by the need to overcome formalism in law enforcement and ensure uniform application of Part 2, Art. 14 of the Criminal Code consistent with the principles of proportionality and justice.

Keywords: insignificance of an act, objective criteria, public danger, positive criteria, negative criteria, reversibility of consequences, method of commission, criminal liability.

References

1. Korsun D. Yu. Minor Act in Criminal Law: Theoretical and Practical Issues: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. 234 p.
2. Khilyuta V. V. Establishing Indicators of an Act's Insignificance // Legality. 2022, No. 3, pp. 1–8.
3. Tsereteli T. V. Grounds for Criminal Liability and the Concept of a Crime // Jurisprudence. 1980, No. 2, pp. 80–89.
4. Lopashenko N. A. (ed.) Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course. Vol. V. Concept of a Crime. Composition of a Crime. Moscow: Yurlitinform, 2016. 600 p.
5. Kuznetsova N.F. Social Determination of Criminal Law // Legal Research: Coll. of Scientific Articles, Dedicated to the 70th Anniversary of T.N. Tsereteli. Tbilisi, 1977. pp. 33–44.
6. Cassation Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated October 24, 2024, in Case No. 77-3000/2024 // SPS Consultant-Plus.
7. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated June 30, 2022 No. 77-2184/2022 // SPS ConsultantPlus.
8. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated October 19, 2022, No. 77-5384/2022 // SPS "ConsultantPlus".
9. Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated May 20, 2025, No. 77-1530/2025 // SPS "ConsultantPlus".
10. Galakhova, A.V. "Qualification of Crimes in Criminal Law and Judicial Practice (Based on the Objective Side)" // Russian Investigator. — 2010. — No. 14. — Pp. 14–18.
11. Kudryavtsev, V.N. "The Objective Side of the Crime". — Moscow: Gosyurizdat, 1960. — 244 p.
12. Grounds for Criminal-Law Prohibition (Criminalization and Decriminalization) / eds. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. — Moscow: Nauka, 1982. — 304 p.
13. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated March 11, 2025 No. 77-711/2025 // SPS "ConsultantPlus".
14. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated February 14, 2024 No. 77-447/2024 // SPS "ConsultantPlus".
15. Verdict of the Tarsk City Court of Omsk Region dated July 11, 2024 in Case No. 1-69/2024 // Archive of the Tarsk City Court of Omsk Region.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2010, No. 26, "On Certain Issues of the Application by Courts of Legislation on Criminal Liability in the Sphere of Fisheries and Conservation of Aquatic Biological Resources" (as amended on October 18, 2012). — URL: http://www.consultant.ru (date accessed: April 10, 2026).

Обстоятельства, исключающие преступность деяния: уголовно-правовой анализ и условия применения

Поддубная Марина Александровна
Аспирант, Донбасский государственный университет юстиции, marina_poddubnaya@internet.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, посвященные институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, в российском уголовном праве, а именно: раскрываются их сущность и значение, роль в реализации функций уголовного закона, а также анализируются практические аспекты квалификации деяний.

Ключевые слова: необходимая оборона, причинение вреда, крайняя необходимость, обоснованный риск

В уголовно-правовом смысле обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой механизм согласования уголовно-правового запрета с дозволенным причинением вреда охраняемым законом интересам. Научный интерес к данной теме обусловлен тем, что длительное время в отечественном уголовном праве были закреплены только два основания, при которых общественная опасность и противоправность деяния отсутствуют – необходимая оборона и крайняя необходимость. На сегодняшний день круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, значительно расширен. Данная эволюция требует строгой теоретической интерпретации условий правомерности и разграничения смежных случаев, когда деяние «формально подпадает» под признаки состава преступления, однако таким не является в силу отсутствия общественной опасности и противоправности.

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является одним из важнейших в уголовном праве, поскольку составляющие его содержание нормы, воздействуя на поведение людей, реализуют охранительную, регулятивную, предупредительную и воспитательную функции уголовного закона. Государство путем принятия уголовно-правовых норм ставит существование общественных отношений по поводу обстоятельств, исключающих преступность деяния, в зависимость не от добровольного волеизъявления его субъектов, а от предписаний нормы. Государство, дозволяя желаемый вариант поведения, требует его точного исполнения путем закрепления для субъектов этого правоотношения правовой обязанности действовать, соблюдая условия и пределы правомерности и, наоборот, запрещая нежелательное асоциальное поведение, устанавливая уголовную ответственность за нарушение предусмотренных в законе условий и пределов правомерного поведения[1].

Под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, понимаются общественно полезные и целесообразные действия, которые направлены на устранение угрозы общественным отношениям и на стимулирование полезной деятельности[2].

Данный институт служит инструментом нормативного разрешения конфликта интересов, т. е. деяние, формально содержащее признаки состава преступления, освобождается от уголовной ответственности при наличии условий, закрепленных в действующем уголовном законодательстве.

В российском уголовном праве обстоятельства, исключающие преступность деяния, законодатель традиционно связывает с правомерным причинением вреда при соблюдении специальных условий, закрепленных в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Такими обстоятельствами, в соответствии с действующим законодательством, являются: необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ), физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Анализируя указанные нормы, можно сделать вывод о том, что все обстоятельства, исключающие преступность деяния, обусловлены внешними факторами, которые освобождают от уголовной ответственности в результате причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям.

Применение обстоятельств, исключающих преступность деяния, предполагает установление совокупности условий, обеспечивающих юридическую правомерность поведения.

В рамках правовой доктрины, условия правомерности причинения вреда в уголовном праве задают два системообразующих критерия: наличие внешнего совпадения с признаками состава преступления и наличие специального уголовно-правовых оснований для признания поведения правомерным.

Содержательная сторона обстоятельств, исключающих преступность деяния, проявляется через признаки, которые выполняют функцию «юридических фильтров». Во-первых, данные обстоятельства должны быть прямо закреплены в уголовном законе; во-вторых правомерность причинения вреда всегда связана с защитой определенных общественных интересов; в третьих, законодательство предусматривает параметры допустимого причинения вреда, в число которых входят требования к соразмерности и способу совершения действий; в-четвертых, зависимость правовой оценки от фактической обстановки.

Отдельное внимание следует уделить связи признаков с категорией общественной опасности. В теории уголовного права обстоятельства, исключающие преступность деяния традиционно интерпретируются как условия, при которых деяние формально содержащее признаки состава преступления, не влечет уголовной ответственности, поскольку отсутствуют общественная опасность, виновность и противоправность. Следовательно, задача правоприменителя – не констатировать сам факт причинения вреда, а оценить, отвечает ли поведение установленным пределам. Тем самым данный институт выступает механизмом согласования уголовно-правового запрета с допустимыми формами поведения в условиях правового конфликта.

Для системного понимания института и построения корректного алгоритма квалификации, необходимо уделить внимание также классификации обстоятельств, исключающих преступность деяния. В правоприменительной практике структурирование видов обстоятельств снижает риск подмены критериев и ошибок при установлении пределов правомерности: различные категории имеют разную правовую природу, разные условия и различные показатели допустимости причинения вреда.

В процессе классификации принципиально разграничивать обстоятельства, исключающие преступность деяния, с иными уголовно-правовыми институтами, влияющими на ответственность. В частности, нельзя смешивать их с обстоятельствами, смягчающими наказание: последние предполагают наличие состава преступления, однако допустимо применение менее строгих мер государственного реагирования; рассматриваемые же обстоятельства направлены на юридическое отрицание наличия преступного деяния при установлении условий правомерности. Также, необходимо отличать обстоятельства, исключающие преступность деяния, от иных оснований освобождения от уголовной ответственности: в первом случае имеет место юридическая квалификация, исключающая преступность совершенного деяния, а во втором – о последующем правовом решении при наличии состава преступления.

Еще одним важным аспектом классификации связан с разграничением пределов допустимого поведения в рамках отдельных категорий. Там, где законом предусмотрена возможность превышения, возникает «внутренняя» подкатегория: правомерная реакция – обстоятельство, исключающее преступность деяния, а выход за пределы допустимого – основание для иной квалификации. Такой подход позволяет систематизировать институт, а оценка не ограничивается установлением конфликта, она включает юридическую проверку соблюдения границ допустимости.

В практическом измерении классификация должна быть ориентирована на алгоритм доказывания. Так, для необходимой обороны первичны установления посягательства, его характера и обстановки; для крайней необходимости – наличие непосредственной опасности; необходимая оборона предполагает наличие посягательства и оборонительных характер ответных действий, тогда как задержание – наличие лица, совершившего преступление и необходимость обеспечения доставления лица в соответствующий орган либо пресечение действий, направленных на уклонение. При внешнем сходстве причинения вреда, правовая квалификация совершенного деяния должна опираться на установлении основания и условий допустимости именно задержания.

Кроме того, самостоятельную категорию также образует крайняя необходимость. Характеризуется наличием опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам, и причинение вреда как результат устранения опасности. В отличие от необходимой обороны, где источником опасности выступает посягательство, в случае крайней необходимости, опасность может возникать не только вследствие действий лица, но и в следствие иных обстоятельств объективной реальности.

Таким образом, классификация задает набор юридически значимых обстоятельств и тем самым предотвращает подмену критериев одной категории критериями другой, а рассмотрение структуры института обстоятельств, исключающих преступность деяния, через призму видов обстоятельств, позволяет системно объяснить, почему деяние может одновременно соответствовать внешним признакам состава преступления и не признаваться преступным с точки зрения уголовного права.

Литература

1. Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения. М., 2010.
2. Большая юридическая энциклопедия. М., 2007.
3. Парховенко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. «Юридический центр», 2004.
4. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. «Юридический центр», 2003.
5. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике. Майкоп, 2001.
6. Смирнов А.М., Спасенников Б.А., Никонович С.Л., Авдалян А.Я., Баранова Е.А., Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М.:ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017.

Circumstances Excluding Criminality of an Act (Criminal Law Analysis and Conditions of Application)

Poddubnaya M.A.
Donbass State University of Justice

This article discusses the institution of circumstances that exclude criminality in Russian criminal law, namely, its essence and significance, its role in implementing the functions of criminal law, and the practical aspects of the qualification of acts.

Keywords: necessary defense, causing harm, extreme necessity, reasonable risk

References

1. Dmitrenko, A.P. "The Institute of Circumstances Precluding the Criminality of an Act in Russian Criminal Law: Fundamentals of Theory, Legislative Regulation, and Law Enforcement." Moscow, 2010.
2. The Great Legal Encyclopedia. Moscow, 2007.
3. Parkhenko, S.V. "Acts Precluded from Criminality by Reason of Social Utility and Necessity." Legal Center, 2004.
4. Orekhov, V.V. "Necessary Defense and Other Circumstances Precluding the Criminality of an Act." Legal Center, 2003.
5. Trakhov, A.I. "Criminal Law in Theory and Judicial Practice." Maykop, 2001.
6. Smirnov A.M., Spasennikov B.A., Nikonovich S.L., Avdalyan A.Ya., Baranova E.A., Galuzo V.N., Eriashvili N.D. Circumstances excluding the criminality of an act. Moscow: UNITY-DANA: Law and Right, 2017.

Особенности возбуждения уголовного дела по признакам совершённого мошенничества в сфере компьютерной информации

Савкин Александр Сергеевич
магистр, юридический факультет, Московский университет им. С.Ю. Витте, savkin.alexandr@bk.ru

Современное общество переживает беспрецедентную цифровую трансформацию, которая, наряду с очевидными преимуществами, породила новые, высокотехнологичные формы преступлений. Мошенничество в сфере компьютерной информации выделено в самостоятельный состав преступления, при этом его квалификация и возбуждение уголовного дела, как первоначальный этап уголовного процесса, сопряжен целым с комплексом криминалистических задач. В центре внимания находятся проблемы, связанные с оценкой достаточности имеющихся в наличии данных, которые могут указывать на состав преступления и его признаки, в условиях высокой латентности и трансформации способов хищения. Ежегодно наблюдается количественный рост такого рода преступлений в общей массе преступности.
В качестве объективных признаков состава выступает предмет преступления, а именно: компьютерная информация используемая, как средство хищения; способы совершения: ввод, удаление, блокировка, модификация информации, вмешательство в работу средств хранения, обработки или передачи информации. Непосредственными примерами мошенничества в сфере компьютерной информации являются такие способы, как: использование вредоносного программного обеспечения (троянская программа ZeuS, вирус Melissa, программы Search Marquis, SpyLoan и WannaCry); так называемый фишинг, при котором мошенники пытаются получить данные пользователей, являющиеся конфиденциальными; несанкционированный доступ к аккаунтам, посредством ввода паролей, логинов, реквизитов банковских счетов и карт, а также манипуляций с электронными платежами.
В отличии от посягательств на чужое имущество, совершённых в условиях относительной очевидности, которые содержат признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 158, 161, 162 УК РФ, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела по статье 159.6 УК РФ ключевое значение имеет специфика предмета доказывания, которая должна фокусироваться на таких элементах, как способы обмана или злоупотребления доверием, реализуемые исключительно через компьютерные системы, а также характер причиняемого ущерба. Особое внимание следует уделять процессуальным сложностям, возникающим при обнаружении и изъятии цифровых доказательств, для их последующего процессуального закрепления, в связи с тем, что они могут быть дистанционно уничтожены, либо видоизменены. Так, некорректное копирование или изъятие жесткого диска с компьютера, без соблюдения требований протоколов копирования может привести к потере данных и недостаточности доказательной базы на стадии досудебного следствия.
Ключевые слова: преступная деятельность в сфере компьютерной информации, возбуждение уголовного дела, высокотехнологичные формы преступной деятельности.

На сегодняшний день, эпоха глобальной цифровизации пронизывает все отрасли человеческой жизнедеятельности. На этом фоне, закономерно выглядит трансформация объектов посягательств в криминальной сфере. Традиционные преступления, связанные с хищением имущества, активно мигрируют в киберпространство, приобретая новые, зачастую более изощренные и масштабные формы. В этом ряду особое место занимает мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренное статьей 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья была введена Федеральным законом "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 29 ноября 2012 года, как ответ на вызовы времени, однако в правоприменительной практике, особенно на критически важной – начальной стадии уголовного процесса, имеют место пробелы, вызванные сложностями, связанными с отсутствием единства алгоритмов предпринимаемых действий, при поступлении в правоохранительные органы сообщений о совершённом преступлении, с использованием вредоносного ПО или хищением конфиденциальных данных.

Стадия доследственной проверки, при регистрации сообщения о преступлении, выступает своеобразным процессуальным фильтром и последующим фундаментом, заложенным в основу доказательной базы, на стадии досудебного следствия. Качество собранных доказательств, предопределяет успех или неудачу в раскрытии преступления, но применительно к мошенничеству в сфере компьютерной информации, этот этап изобилует особенностями, требующими от следователей и оперативных сотрудников не только глубоких правовых знаний, но и специфической цифровой компетенции. Нередко заявление в правоохранительные органы содержит лишь описание последствий: исчезновение денежных средств со счета, блокировка доступа к учетной записи, несанкционированное списание криптоактивов, что само по себе, без непосредственного установления факта, свидетельствующего о злоупотреблении доверием или фиксации обмана, может указывать на иные составы преступлений, предусмотренные статьями 272 - 274 УК РФ или согласно пункту 2 части 1 статьи 24 УПК РФ являться деянием, в котором отсутствует состав преступления. Довольно часто, сложности на данном этапе начинаются уже с восприятия самой сути исследуемого преступления. Мошенничество в сфере компьютерной информации, по своей юридической природе, остается хищением. Однако его «Modus operandi» коренным образом отличается от классических схем. Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, являются не любые утраченные сведения, а исключительно компьютерная информация, под которой понимаются данные, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [1]. Это означает, что объектом посягательства становится не физическая вещь и не право на нее в чистом виде, а цифровая запись, изменение, блокировка или уничтожение которой позволяет злоумышленнику завладеть чужим имуществом или правом на его фактическое использование. Так, мошенник, получив через фишинг доступ к банковскому аккаунту, совершает не «классическую» кражу денег, а незаконные действия с

компьютерной информацией: её ввод, удаление или блокировку, что в итоге приводит к противоправному изъятию чужого имущества или приобретению права на его использование, что по своей природе также является хищением. Эта опосредованность через манипуляции с данными, создает первый барьер для понимания сути произошедшего как потерпевшими, так и сотрудниками правоохранительных органов, принимающими заявления.

Заявители далеко не всегда могут четко сформулировать, в чём именно выразился обман или злоупотребление доверием, особенно когда речь идет о преступлениях в сфере компьютерной информации с использованием сложных финансовых схем. Потерпевший, обращаясь в правоохранительные органы, часто описывает событие как «пропажу денег с карты» или «несанкционированный перевод». Задача лица, осуществляющего доследственную проверку – перевести этот бытовой эпизод в плоскость уголовно-правовой квалификации, вычленив из повествования обратившегося, признаки состава, предусмотренные статьёй 159.6 УК РФ. Ключевым элементом является установление способа совершения преступления: был ли обман или злоупотребление доверием, реализованы путём мошенничества именно по средствам ввода, удаления, блокировки или модификации компьютерной информации? Таким образом в зоне риска, могут оказаться не только компании, владеющие серверами, на которых хранится финансовая информация о счетах, денежных средствах и праве на их использование, а любой пользователь мобильного приложения, размещённого на принадлежащем ему мобильном устройстве. Злоумышленнику достаточно лишь на время завладеть чужим мобильным телефоном и данными банковской карты, чтобы в кратчайшие сроки изменив пароль в мобильном приложении, перевести денежные средства на подконтрольные ему лицевые счета. По факту, все личные вещи потерпевшего остаются на месте, но денежные суммы похищены и установить преступников в такой ситуации можно только при полном содействии банков или кредитных организаций, на счетах которых были размещены денежные средства потерпевшего.

Спектр возможных способов хищения невероятно широк и постоянно эволюционирует: от относительно простого взлома аккаунта до многоходовых схем с использованием социальной инженерии, вредоносного ПО, поддельных интернет-магазинов и фиктивных инвестиционных платформ. Как констатируют эксперты в области киберкриминалистики – использование социальной инженерии стало доминирующим методом при совершении мошенничества, связанного с компьютерной информацией, поскольку оно эксплуатирует «человеческий фактор», как наиболее уязвимое звено в системе безопасности [2]. В ходе проверки, подлежат детальному изучению следующие факты: какие именно действия совершал потерпевший (переход по ссылке, установка программы, ввод кода), какие данные были им непосредственно предоставлены, каким образом злоумышленнику удалось ввести его в заблуждение (имитация сайта банка, звонок от лжесотрудника службы безопасности).

Не менее важным элементом, подлежащим проверке при принятии решения о возбуждении уголовного дела, является размер причиненного ущерба. В контексте компьютерного мошенничества, его определение также имеет определённую специфику. Ущербом признаётся стоимость имущества, изъятого или приобретенного преступным путем. Однако в цифровой среде ценность может быть представлена не только в денежном эквиваленте, но и в виде криптовалют, дорогих внутриигровых предметов, NFT-токенов. Оценка такого ущерба требует привлечения специалистов, а иногда и проведения экспертизы уже на этапе доследственной проверки. Более того, учитывая трансграничный характер многих схем хищения, ущерб может быть причинён имуществу, расположенному за рубежом, что создает дополнительные процессуальные сложности. Установление размера ущерба при мошенничестве с использованием криптоактивов осложняется волатильностью их курса и отсутствием единообразных подходов к оценке на момент совершения преступления [3].

Центральное место при проведении доследственной проверки, по факту компьютерного мошенничества, занимает работа с цифровыми источниками, которые впоследствии играют ключевую роль в процессе доказывания на стадии судебного следствия. Именно их своевременное обнаружение, изъятие и процессуальное закрепление – решают судьбу будущего уголовного дела. Речь идет о самом широком круге носителей: логи интернет-трафика, история браузера, переписка в мессенджерах и соцсетях, электронные письма, метаданные файлов, дампы оперативной памяти, записи с камер видеонаблюдения, если преступление совершалось через публичный Wi-Fi. Проблема в том, что такая информация не всегда имеет долгосрочную фиксацию на мобильных носителях и может быть удалена автоматически (кеш, временные файлы) или зашифрована и храниться на серверах, расположенных в других странах.

Эксперты в области цифровых технологий, специализирующиеся на сборе цифровых доказательств, подчёркивают, что на стадии возбуждения уголовного дела, критически важно обеспечить сохранность источников компьютерной информации, применив в случае необходимости меры, предусмотренные ст. 164.1 УПК РФ, в частности, изъятие электронных носителей или получение трафика от провайдера [4]. На практике это требует от сотрудника, осуществляющего проверку, комплекса оперативных действий: немедленного направления запроса интернет-провайдеру о блокировке IP-адреса и сохранении логов, запроса в банк о приостановке операций и предоставлении детализации, а также квалифицированного осмотра устройства потерпевшего с участием специалиста в области информационно-коммуникационных технологий. Любая задержка может привести к безвозвратной утрате ключевых доказательств и потере средств.

Взаимодействие с потерпевшим на этой стадии также требует особого подхода. Потерпевшие в делах о компьютерном мошенничестве зачастую испытывают не только материальные потери, но и стресс, чувство растерянности. Их первичный опрос должен быть детализированным и технически грамотным. Подлежат выяснению не только обстоятельства и события, но и специфические детали: тип устройства и операционной системы, используемое антивирусное ПО, адреса посещаемых сайтов, точный текст сообщений, который был получен при взаимодействии с предполагаемыми мошенниками. Важно получить согласие на добровольную передачу устройства для дальнейшего исследования. Эффективный первичный опрос жертвы кибермошенничества является основой для построения модели инцидента и определения вектора дальнейшего расследования [5]. При этом важно разъяснить потерпевшему необходимость сохранения всех возможных следов на устройстве, до момента его первичного осмотра.

Одной из наиболее острых проблем остается трансграничность киберпреступлений. Серверы, домены, электронные кошельки для вывода средств часто находятся под юрисдикцией иностранных государств, что создает значительные препятствия оперативного получения информации не только на стадии проверки, но и при досудебном следствии. Время, необходимое для направления международного правового запроса через Генеральную прокуратуру РФ, может исчисляться месяцами, в то время

как данные на зарубежных сервисах могут храниться ограниченное количество времени. В этом контексте возрастает значение профессионального и непосредственного взаимодействия с администраторами крупных международных платформ (таких как Google и Telegram), которые в рамках своих внутренних политик могут оперативно предоставлять информацию по запросу правоохранительных органов, особенно в случаях, не терпящих отлагательств. Современные реалии требуют развития механизмов оперативного международного полицейского сотрудничества, в том числе для быстрого обмена криминалистически значимой информацией [6].

Как правило, ошибки, допускаемые на этапе возбуждения уголовного дела, носят системный характер. К наиболее типичным из них относятся: формальный отказ в возбуждении дела из-за «отсутствия состава преступления» при поверхностном анализе способа хищения; неистребование и неприобщение к материалам проверки ключевых цифровых доказательств (логов, скриншотов, ответов от банков); некорректная квалификация, в случаях когда действия, подпадающие под статью 159.6 УК РФ, ошибочно пытаются квалифицировать согласно статье 159 УК РФ, игнорируя компьютерную составляющую способа хищения. Верховный Суд РФ указывает, что разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 159.6 УК РФ, должно проводиться в зависимости от способа совершения хищения: если обман или злоупотребление доверием были направлены непосредственно на владельца имущества, присутствует состав мошенничества в соответствии со ст. 159 УК РФ); если же эти действия были осуществлены путем воздействия на компьютерную информацию, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ

Таким образом, для повышения эффективности проверки на стадии возбуждения уголовного дела о мошенничестве в сфере компьютерной информации стоит применять комплексный подход, при использовании которого, необходимо постоянно повышать уровень цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов, системно разрабатывать и внедрять специализированные алгоритмы действий, создавать мобильные группы быстрого реагирования с участием IT-специалистов, укреплять каналы оперативного взаимодействия с финансовыми институтами и интернет-компаниями. Необходима стандартизация процедур первоначальных проверочных действий при обращениях, связанных с кибермошенничеством, что позволит минимизировать риски утраты доказательств и обеспечить единообразие правоприменительной практики [7].

В конечном счете, качество решений, принимаемых на этапе возбуждения уголовного дела, определяет не только судьбу конкретного уголовного преследования, но и уровень доверия граждан к способности государства защищать их права при взаимодействии в цифровой среде. Сложность и динамика кибермошенничества делают эту задачу чрезвычайно трудной, ввиду крайне стремительного развития пользовательских систем и повсеместно внедряемого программного обеспечения с использованием искусственного интеллекта [8]. Современные нейросети, обученные на гигантских массивах аудиоданных, способны генерировать человеческую речь с пугающим реализмом. Они могут имитировать не просто голос, а эмоции – страх, спешку, боль, раскаяние, тем самым снимая барьеры недоверия. Сценарии обычно разворачиваются в два этапа: первый – звонок «от государственных органов». Звонящий, представляясь сотрудником банка, правоохранительных органов или службы технической поддержки портала «Госуслуги», сообщает жертве о имевшей место подозрительной активности: попытке взлома, незаконном оформлении кредита, начислении огромного штрафа, причастности к финансовому преступлению. Голос может быть как живым, так и уже сгенерированным ИИ, копирующим официальный, спокойный тон сотрудника ведомства. Основная цель на данном этапе – вызвать максимальный стресс и чувство опасности, парализовать критическое мышление. Человеку сообщают, что его «счета находятся под угрозой». Естественным желанием становится, как можно быстрее решить проблему и вот здесь начинается второй - технический этап. Чтобы «защитить деньги», «заблокировать мошенников» или «провести проверку», «сотрудник» просит предоставить данные для «идентификации» или «удалённого доступа». Под предлогом «восстановления безопасности» у жертвы выманивают одноразовые пароли из СМС, коды доступа к порталу государственных услуг, паспортные данные, логины и пароли от онлайн-банка. Как правило мошенники сообщают, что: «Для подтверждения личности было направлено СМС с кодом». На экран телефона действительно приходит код доступа к учётной записи на Gosuslugi.ru, но инициировал данный запрос сам преступник, который в этот момент находится на странице восстановления пароля. Узнав код, он мгновенно получает полный контроль над аккаунтом жертвы. А в аккаунте «Gosuslugi.ru» в современных условиях, зачастую содержится кладезь информации: паспортные данные, СНИЛС, ИНН, сведения об имуществе, налоговые задолженности. Получив доступ к личному кабинету, мошенники действуют молниеносно.

Как отмечает современный криминолог, противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации должно начинаться с процессуально грамотной, технически оснащенной и оперативно проводимой стадии возбуждения уголовного дела, которая выступает в роли «умного фильтра» всего последующего расследования [9]. От квалифицированности принимаемых решений напрямую зависит эффективность всего механизма противодействия данному виду преступности.

Только осознание уникальности этой стадии, при расследовании цифровых преступлений и адаптация к ней процессуальных и тактических инструментов позволит правоохранительной системе адекватно отвечать на вызовы цифровой эпохи.

Заключение

Резюмируя сказанное, можно сформулировать ряд выводов, характеризующих специфику и определяющие векторы совершенствования процедуры возбуждения уголовного дела по признакам мошенничества в сфере компьютерной информации. Ключевая особенность данной стадии процесса заключается в необходимости двойной компетенции правоприменя: глубокого понимания конструкции состава преступления предусмотренной статьёй 159.6 УК РФ и практических навыков работы с цифровыми доказательствами. Наличие признаков преступления определяется не через физические следы, а путём исследования данных, требующих немедленного и профессионального реагирования, для их последующего сохранения. Объективность подхода состоит в комплексном рассмотрении стадии возбуждения дела как единой системы, интегрирующей уголовно-правовую квалификацию, криминалистическую тактику и информационно-технологическую составляющую, в то время как в правоприменительной практике, эти аспекты часто рассматривают изолированно. Результаты анализа демонстрируют, что типичные ошибки на этом этапе (неверное разграничение составов, пассивная позиция при истребовании информации) коренятся в устаревших, ориентированных на «материальные» преступления, подходах исследования поступивших материалов, при проведении доследственной проверки. Необходимо применение специализированных познаний,

начиная с первых минут поступления сообщения о преступлении и детализированный опрос потерпевшего с акцентом на технические нюансы, имевших место событий. Требуется взаимодействие в сфере межведомственного и международного сотрудничества для выстраивания более эффективных каналов быстрого обмена информацией с частными компаниями (банками, IT-гигантами) и зарубежными коллегами в целях преодоления трансграничной киберпреступности и более полного представления о возможных связях на всей территории криминального ландшафта. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела является не техническим усовершенствованием, а стратегической задачей в борьбе с мошенничеством в компьютерной сфере. Ее успешное решение позволит не только увеличить раскрываемость данного рода преступлений и обеспечить возмещение ущерба потерпевшим, но и создать действенный барьер на пути криминализации цифрового пространства, укрепляя правопорядок и доверие к государственным институтам в условиях цифровой трансформации общества.

Литература

1. Куликов А.В. Проблемные вопросы хищения безналичных денежных средств путем мошенничества с использованием компьютерных технологий (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ)// Криминалист. 2025. № 4(53) С. 63 – 71.
2. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – С. 201 – 207.
3. Е. П. Данилова, Е. М. Портняга Финансовое мошенничество в современном мире // Siberian Socium. 2023. Том 7. No 2 (24). С. 67 – 97.
4. Бадзгарадзе Г. Д. Особенности возбуждения уголовного дела о мошенничестве, совершенном с использованием информационных технологий// Криминалист. 2023. № 3(44) – С. 3 – 11.
5. Гусева, И.И., Коробова, И.В. К вопросу об использовании цифровых доказательств в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – No 11-2. – С. 64.
6. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – С. 132 – 137.
7. Васюков В. Ф., Стражинская А. Н. К вопросу об организационных и процессуальных особенностях получения электронных данных при расследовании преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2024 № 6 С. 20-25.
8. Арзамасцев М.В. Цифровая валюта как легализуемое имущество// Журнал российского права. 2025. № 5. С. 122-135.
9. Жижина, М. В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) / М. В. Жижина, Д. В. Завьялова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 5 (138). – С. 149 – 158.

Features of initiation of criminal cases based on signs of committed fraud in the sphere of computer information

Savkin A.S.

Moscow Witte University

Modern society is experiencing an unprecedented digital transformation, which, along with its obvious advantages, has given rise to new, high-tech forms of criminal activity. Computer information fraud has been designated as a separate crime, but its classification and initiation of a criminal case, as the initial stage of the criminal process, presents a complex set of forensic challenges. The focus is on assessing the sufficiency of available data that may indicate the elements of a crime and its characteristics, given the high level of latency and the transformation of methods of theft. Every year, there is an increase in the number of such crimes in the overall crime rate.

The objective elements of the crime include the subject of the crime, namely, computer information used as a means of theft, and the methods of committing the crime, such as entering, deleting, blocking, or modifying information, or interfering with the storage, processing, or transmission of information. Direct examples of computer information fraud include: the use of malicious software (such as the ZeuS Trojan, Melissa virus, Search Marquis, SpyLoan, and WannaCry programs); so-called phishing, where fraudsters attempt to obtain sensitive user data; and unauthorized access to accounts through the use of passwords, usernames, bank account and card details, and electronic payment manipulation.

Unlike encroachments on someone else's property committed under conditions of relative clarity, which contain elements of crimes under Articles 158, 161, and 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, the key factor in deciding whether to initiate a criminal case under Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation is the specific nature of the subject matter, which should focus on elements such as the methods of deception or abuse of trust implemented exclusively through computer systems, as well as the nature of the damage caused. Special attention should be paid to the procedural difficulties that arise when digital evidence is discovered and seized, as it may be remotely destroyed or modified. For example, improper copying or removal of a hard drive from a computer without following the required copying protocols can result in data loss and insufficient evidence during the pre-trial investigation phase. It is also important to distinguish the specific features of this crime from related offenses, such as unauthorized access to computer information (Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation) or the creation and use of malicious software (Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the violation of rules for the use of means of storage, processing, or transmission of computer information (Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation), which directly affects the correct classification of a crime report. To assess and analyze the information provided by the victim, it is necessary to involve IT security specialists at an early stage. It is necessary to develop tactics and methods that are relevant to the current time, aimed at effective interaction with victims, obtaining primary information from Internet providers and financial organizations, as well as overcoming the cross-border nature of these crimes. Decisions on initiating or refusing to initiate criminal cases should be based on modern scientific doctrine, relevant judicial practice, and recent changes in legislation, which in turn will allow for more precise formulation of practical-oriented recommendations for optimizing pre-investigation checks and making legal and reasonable procedural decisions.

Keywords: criminal activity in the field of computer information, initiation of a criminal case, high-tech forms of criminal activity.

References

1. Kulikov A.V. Problematic issues of theft of non-cash funds by fraud using computer technologies (p. "v" of Part 3 of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation)// Kriminalist. 2025. No. 4(53) Pp. 63 – 71.
2. Digital Forensics: Textbook for Universities / edited by V. B. Vekhov, S. V. Zuev. – 2nd edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt, 2024. – Pp. 201 – 207.
3. E. P. Danilova, E. M. Portnyaga Financial Fraud in the Modern World // Siberian Socium. 2023. Vol. 7. No. 2 (24). Pp. 67-97.
4. Badzgaradze G. D. Features of Initiating a Criminal Case on Fraud Committed Using Information Technologies// Criminalist. 2023. No. 3(44). Pp. 3-11
5. Guseva, I.I., Korobova, I.V. On the Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings // Humanities, Social Sciences, Economics, and Law. – 2022. – No. 11-2. – P. 64.
6. Digital Forensics: A Textbook for Universities / Edited by V. B. Vekhov and S. V. Zuev. – 2nd edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt, 2024. – P. 132 – 137
7. Vasyukov V. F., Strazhinskaya A. N. On the issue of organizational and procedural features of obtaining electronic data in the investigation of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024 No. 6 P. 20-25.
8. Arzamasov M.V. Digital currency as legalized property// Journal of Russian Law. 2025. No. 5. Pp. 122-135.
9. Zhizhina, M. V. The Personality of the Subject of Computer Information Crimes as a System-Forming Element of the Criminalistic Characteristics (Based on Russian and Foreign Sources) / M. V. Zhizhina, D. V. Zavyalova // Actual Problems of Russian Law. – 2022. – Vol. 17, No. 5 (138). – Pp. 149–158.

Возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьёй 159 УК РФ

Савкин Александр Сергеевич
магистр, юридический факультет, Московский университет им. С.Ю. Витте, savkin.alexandr@bk.ru

Стадия возбуждения уголовного дела, является отправной точкой уголовного процесса, сохраняя свою фундаментальную значимость особенно в контексте борьбы с мошенничеством – одним из наиболее распространенных и социально опасных имущественных преступлений. Динамичное развитие общественных отношений, цифровизация экономики в повседневной жизни привели к появлению множества новых, изощренных способов совершения мошеннических действий, что существенно осложняет задачу правоохранительных органов на стадии первичной проверки сообщений о преступлениях. В статье проводится анализ современных проблем досудебного производства по уголовным делам о мошенничестве. Исследуется специфика поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, обусловленная диспозитивным характером состава преступления, сложностью доказывания умысла на хищение и необходимостью отграничения от финансовых споров в рамках гражданско-правовых отношений. Ключевое процессуальное основание, при принятии решений о возбуждении уголовного дела придается роли заявления потерпевшего, полноте имеющихся доказательств и последующей проверке первичных материалов, предоставленных заявителем на начальной стадии. В связи с тем, что на данном этапе наиболее остро проявляется конфронтация интересов участников уголовного процесса, крайне важно обойти характерные нарушения правоприменительной практики, в следствии которых возможны необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела либо, напротив, его незаконное возбуждение по результатам проведения доследственной проверки, при отсутствии признаков состава преступления. Предлагаются рекомендации по оптимизации доследственной проверки с целью достижения баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав граждан от необоснованного вторжения в сферу частных договорных обязательств. Обосновывается вывод о необходимости уточнения критериев оценки достаточности данных, указывающих на признаки состава преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, на этапе, предшествующем принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, хищение чужого имущества, эволюция мошеннических схем.

В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса, возбуждение уголовного дела выполняет функцию процессуального барьера, отгранивающего гражданско-правовые взаимоотношения от деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Мошенничество, относится к преступлениям, посягающим на чужую собственность или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием и по своей правовой природе находится на стыке уголовного и гражданского права. Эта пограничность предопределяет специфику и основные коллизии стадии возбуждения уголовного дела, превращая ее в фильтр, призванный отделить непосредственно преступные деяния от неисполнения гражданско-правовых обязательств, предпринимательских рисков и недобросовестного поведения в сфере экономики.

В отличии от преступлений насильственного характера, совершённых в условиях очевидности, в делах о мошенничестве, ключевой особенностью является заявление потерпевшего или его законного представителя, в качестве повода для начала процессуальной действий. Особую роль на стадии возбуждения дела играют результаты оперативно-розыскных мероприятий, однако их использование строго регламентировано. Результаты ОРМ, представленные в порядке ст. 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", должны оцениваться в совокупности с другими материалами проверки. Они не могут служить единственным основанием для возбуждения уголовного дела, но являются мощным источником для формирования версий и планирования проверочных действий [1].

Мошенничество, особенно когда первоисточником конфликта является предпринимательская деятельность, часто имеет латентный характер и как правило, становится известным правоохранительным органам через обращение гражданина или представителей организации. Содержание такого заявления и прилагаемых к нему материалов (договоров, переписки, платежных документов) становится первичным основанием для последующей проверки. Законодатель, регламентируя процедуру доследственной проверки в статьях 144 и 145 УПК РФ, обязывает следователя, дознавателя или орган дознания принять, зарегистрировать и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Однако в случае с мошенничеством эта проверка изначально сталкивается с проблемой квалификации: необходимо предварительно установить, содержит ли описываемая в заявлении ситуация, признаки именно уголовно наказуемого хищения, а не банального неисполнения условий сделки. Этот нюанс приводит к необходимости установления на стадии, предшествующей возбуждению дела, не просто события (факта передачи имущества или денег), а данных, указывающих на наличие у виновного корыстного умысла, направленного на хищение имущества и противоправных способов его реализации (обмана или злоупотребления доверием). Доказывание умысла – сложнейшая задача даже в ходе полноценного расследования, а на стадии проверки она усугубляется временными рамками и ограниченным инструментарием. Следователь или дознаватель могут истребовать документы, получать объяснения, но не вправе проводить следственные действия, за исключением осмотра места происшествия, документов или назначения судебной экспертизы. В этой связи решающее значение имеет качество и убедительность материалов, представленных заявителем.

Например, если потерпевший предоставляет переписку, из которой видно, что контрагент изначально, еще до заключения договора, не имел намерения исполнять взятые на себя обязательства и вводил в заблуждение относительно своих финансовых возможностей или наличия товара - такой аргумент будет иметь веское значение в пользу наличия умысла на совершение мошенничества. Если же такие данные отсутствуют, а есть лишь факт невыполнения обязательств по договору, правоохранительные органы склонны отказывать в возбуждении дела, отсылая заявителя в гражданский суд.

Именно здесь возникает острая проблема отграничения мошенничества от гражданско-правовых отношений, так как сам факт неисполнения договорных обязательств не свидетельствует о наличии преступного умысла. Для возбуждения уголовного дела необходимы данные, указывающие на то, что лицо уже в момент получения имущества не намеревалось исполнять свои обязательства, а преследовало цель его безвозмездного изъятия. Однако на практике эта грань чрезвычайно зыбка. Предпринимательская деятельность по определению сопряжена с рисками: изменение рыночной конъюнктуры, проблемы с поставщиками, ошибки в планировании, могут привести к срыву контрактов, без изначально заложенного умысла на хищение чужого имущества. Задача лица, проводящего проверку – попытаться реконструировать субъективное отношение виновного к своим действиям на момент совершения сделки. Современные исследователи отмечают, что правоохранительные органы зачастую занимают излишне осторожную или, напротив, избыточно агрессивную позицию, либо отказывая в возбуждении уголовных дел, либо пытаясь криминализировать чисто хозяйственные споры.

Особую сложность представляет проверка сообщений о мошенничествах в сфере предпринимательской деятельности, где суммы сделок велики, а схемы могут быть многоходовыми и запутанными. В таких случаях заявители (часто юридические лица с собственными юридическими службами) представляют объемные материалы, анализ которых требует специальных экономических познаний. Это обуславливает необходимость привлечения специалистов или назначения судебной экспертизы и ревизий, документальных проверок уже на стадии доследственной проверки, что урегулировано частью 1 статьи 144 УПК РФ. Однако срок проверки, составляющий в общем случае 3 суток с возможностью продления до 10, а в исключительных случаях – до 30 суток, далеко не всегда является достаточным, для полноценного анализа сложных финансовых операций. При этом следователь может столкнуться с нахождением лиц, указанных в заявлении, в сильно отдалённых городах и населённых пунктах, что может привести к формальному подходу: если в представленных документах усматривается хоть какая-то гражданско-правовая связь, а явных доказательств первоначального умысла нет, выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Такая практика, с одной стороны, создает почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных контрагентов, которые ссылаясь на гражданско-правовые отношения, фактически совершают хищения, а с другой – может привести к необоснованному уголовному преследованию добросовестных предпринимателей, в действия которых вмешались объективные обстоятельства, повлекшие невыполнение взятых на себя обязательств.

Применительно к мошенничеству, критически важно правильно определить родовую (по связи с отдельными видами мошенничества) и территориальную подследственность, особенно при интернет-преступлениях, где потерпевший, злоумышленник и серверы могут находиться в разных регионах и даже странах. Местом совершения преступления в случае мошенничества с использованием телекоммуникационных сетей признается место нахождения потерпевшего, где ему был причинен имущественный ущерб, а также место, где преступник осуществил хищение денежных средств [2].

Важным аспектом является проверка сообщений о мошенничествах, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (фишинг, взлом аккаунтов). Особенностью, при получении такого рода сообщений является скорость, с которой должны действовать правоохранительные органы, реагируя на поступившее сообщение о преступлении.

В условиях развития дистанционных сервисов все большее значение приобретает анализ электронной переписки, истории браузера, IP-адресов, данных мобильных операторов, которые позволяют реконструировать процесс взаимодействия потерпевшего и злоумышленника [3]. Для установления IP-адресов, блокировки счетов, получения трафика с серверов, необходимо оперативное взаимодействие с интернет-провайдерами и банками. Однако на стадии проверки, до возбуждения уголовного дела, возможности следователя по истребованию такой информации ограничены, а процедуры взаимодействия с коммерческими организациями часто сильно бюрократизированы. В результате драгоценное время может быть упущено, что сильно затрудняет раскрытие такого рода преступлений. Этот дисбаланс между необходимостью быстрого реагирования и ограниченностью доследственных полномочий, является серьезным проблемой в борьбе со стремительно растущим числом преступлений, совершаемых в цифровой среде.

Роль судебного контроля и прокурорского надзора на данной стадии также специфична. Потерпевший, выразивший несогласие с отказом в возбуждении дела, может обжаловать это решение прокурору или в суд в порядке статьи 125 УПК РФ. Судебная практика последних лет показывает, что суды при рассмотрении таких жалоб тщательно анализируют, все ли возможные проверочные действия были совершены или же проверка носила формальный характер. Суды, при оценке умысла должны исходить из совокупности объективных обстоятельств: наличия у лица реальной возможности исполнить обязательство в момент его принятия, совершения действий по сокрытию своей личности или места нахождения после получения имущества, использование полученных средств на личные нужды, не связанные с заявленными целями договора. Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Если суд приходит к выводу, что имелись очевидные и неисследованные версии о проверке обстоятельств, которые могли свидетельствовать о признаках мошенничества (например, не был опрошен ключевой свидетель, не истребованы реестры юридического лица, не установлена реальная деятельность фирмы-контрагента), постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть отменено, а материал по ранее поданному сообщению о преступлении, будет направлен в орган дознания или следователю, на дополнительную проверку. Тем самым суд выступает гарантом того, что для потерпевших от мошенничества стадия возбуждения дела не превратится в непреодолимое препятствие доступа к правосудию.

С другой стороны, существует риск обратной ситуации – возбуждения уголовного дела при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Это может быть связано с формальным подходом, когда нали-

чие события передачи имущества и последующего неисполнения обязательств автоматически трактуется как мошенничество. Такое необоснованное возбуждение дела может наносить серьезный ущерб репутации и бизнесу лица, в отношении которого оно возбуждается, даже если впоследствии дело будет прекращено. В этой связи важнейшей задачей является обеспечение объективности и всесторонности проверки, что требует от следователей высокой квалификации, знания основ гражданского и предпринимательского права [4].

Эволюция мошеннических схем, их стремительная адаптация к цифровой среде, ставят перед законодателем и правоприменителем новые вызовы, которые напрямую отражаются на процедуре возбуждения уголовного дела. Традиционная модель, ориентированная на бумажный документооборот и относительно простые схемы обмана, демонстрирует свою недостаточность. Одной из ключевых проблем остаётся взаимодействие между правоохранительными органами и финансовыми институтами. Хотя законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов обязывает банки сообщать в Росфинмониторинг о подозрительных операциях, прямая и оперативная связь «банк – следственный орган» на стадии проверки сообщения о мошенничестве часто затруднена. Для официального истребования информации о движении средств по счетам требуется время, что довольно критично сказывается на скорости принимаемых решений, когда речь идет о быстром переводе похищенных денег через цепочку счетов-прокладок и их последующем обналичивании. При проверке сообщений о мошенничествах в сфере кредитования или электронных платежей ключевой проблемой является установление именно преступного умысла на момент получения имущества, отделение его от неисполнения обязательств по гражданско-правовой сделке [5]. Это требует от оперативного работника или дознавателя активного сбора оперативной информации, проведения документальных проверок, запросов в финансовые учреждения и провайдеров интернет-услуг.

Создание эффективных, защищенных каналов оперативного обмена информацией (с соблюдением всех требований к защите персональных данных) значительно повышает шансы на пресечение преступлений и сбор первичных доказательств, еще до фактического возбуждения дела.

В контексте мошенничества в финансовой и банковской сфере (например, получение кредита по подложным документам) ключевое значение имеет экспертиза представленных документов и анализ финансового состояния заемщика. Достаточными данными, указывающими на признаки мошенничества при кредитовании, могут считаться установленная факсимильность или подложность справок о доходах, а также доказательства того, что заемщик на момент обращения в банк не имел легальных источников дохода, достаточных для обслуживания запрашиваемого кредита, и не планировал использовать кредитные средства по целевому назначению [6]. Аналогичная проблема существует и в сфере взаимодействия с крупными интернет-площадками, социальными сетями и сервисами электронной коммерции. Доказательства обмана – фиктивные объявления, ложные отзывы, переписка в мессенджерах – зачастую хранятся на серверах частных компаний, юрисдикция которых может находиться за пределами Российской Федерации. Их истребование в рамках международного правового сотрудничества – долгий и не гарантирующий результата процесс. На этом фоне, все большее значение приобретает работа с цифровыми следами, доступными внутри страны: IP-адреса, данные об абонентах операторов связи, логи интернет-провайдеров [7]. Однако и здесь для их получения, в большинстве случаев, требуется санкция суда, которую на стадии проверки получить сложно. Это порождает парадоксальную ситуацию: для того, чтобы получить сведения, достаточные для возбуждения дела (например, установив лицо, разместившее фиктивное объявление), необходимо иметь возбужденное уголовное дело, чтобы провести следственные действия, необходимые для фиксации доказательств. Разрешение этого круга возможно через расширение перечня исключительных случаев, когда судебное решение на истребование такой информации может быть получено в рамках проверки по статье 144 УПК РФ, при условии предоставления обоснованных подозрений.

Еще одним актуальным направлением является проблема квалификации и, соответственно, определения подследственности при сложных, комплексных мошенничествах, которые могут содержать признаки преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ – мошенничество в сфере компьютерной информации) или сопряжены с созданием фиктивных юридических лиц. Традиционные признаки обмана здесь тесно переплетаются с несанкционированным доступом, использованием вредоносного программного обеспечения и манипуляциями в цифровой среде. Квалификация таких деяний требует доказывания не только факта хищения и причинения ущерба, но и того, что это хищение было осуществлено именно путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации [8].

Заявитель, обращаясь с заявлением, может неверно квалифицировать действия или не иметь полного представления о предполагаемой мошеннической схеме. Задача лица, принимающего заявление, правильно определить суть деяния и направить материал по подследственности, что также занимает определённое время. Нередки случаи, когда материал «кочует» из одного органа в другой, выходя за временные рамки проверки. Затягивание с возбуждением дела при наличии очевидных признаков преступления под предлогом необходимости сбора дополнительных материалов, для точной квалификации, является нарушением закона, так как квалификация может быть уточнена в дальнейшем, вплоть до предъявления обвинения.

Унификация подходов, создание межведомственных рабочих групп для первичного анализа сложных экономических составов на региональном уровне, могли бы минимизировать возможности преступников уйти от реальной ответственности [9]. Современные виды мошенничества, ставят перед правоприменителем задачу понимания сути экономических процессов. Речь идет не просто об обмане, а о создании целой иллюзорной конструкции, поддерживающей доверие жертв. Так, например, возбуждение дел по фактам организации финансовых пирамид, требует первоначального анализа схемы привлечения денежных средств, структуры вознаграждений за привлечение новых участников и отсутствия у организаторов реальной инвестиционной или хозяйственной деятельности, генерирующей доход.

При проведении доследственной проверки необходимо учитывать психологический аспект взаимодействия с потерпевшим. Лицо, по его субъективным убеждениям, потерявшее деньги в результате очевидного обмана, находится в состоянии стресса и ожидания немедленных и решительных действий. Ограниченность процессуальных средств на стадии проверки, формальные отказы в возбуждении уголовного дела – всё это может порождать у гражданина ощущение беспомощности и недоверия к правоохранительной системе в целом. Поэтому крайне важна грамотная разъяснительная работа с заявителем:

информирование о реальных сроках и возможностях проверки, четкая формулировка, какие именно дополнительные доказательства или пояснения от него требуются. Это не только снижает социальную напряженность, но и повышает эффективность сбора первичной информации, так как грамотно направленный заявитель, может самостоятельно (в рамках закона) собрать и предоставить ценные сведения, например, скриншоты переписки или аудиозаписи разговоров, которые впоследствии могут быть закреплены процессуально.

Заключение

На сегодняшний день, стадия возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ перестает быть формальной процедурой и превращается в сложный, многофакторный процесс доказывания, требующий синтеза знаний уголовного, гражданского, финансового и информационного права. Её успешное прохождение определяет не только судьбу конкретного дела, но и формирует общественное восприятие эффективности борьбы с одним из самых распространенных и социально опасных видов преступлений. Дальнейшее развитие этого института видится не в ужесточении или упрощении процедур, а в их интеллектуализации: внедрении специализированных программных средств для анализа финансовых потоков и цифровых данных, повышении квалификации кадров, налаживания межведомственного взаимодействия (особенно в сфере IT) и в формировании ясной, последовательной и доступной для граждан правоприменительной практики. Только так можно обеспечить справедливый баланс между защитой имущественных прав граждан и бизнеса и недопустимостью криминализации экономических отношений.

Особенности возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ представляют собой сложный комплекс проблем, вытекающих из материально-правовой природы мошенничества, процессуальных ограничений доследственной проверки и реалий экономического оборота. Эффективность прохождения этой стадии напрямую определяет, будут ли пресечены действительно общественно опасные хищения под прикрытием гражданско-правовых форм или же уголовная репрессия необоснованно вторгнется в сферу частных хозяйственных споров. Совершенствование практики лежит в плоскости более четких, детализированных критериев оценки данных о признаках умысла и повышения профессиональной компетенции лиц, принимающих решения на этом, наверное, самом ответственном этапе уголовного процесса. Данная стадия представляет собой сложный, многоаспектный процесс квалификационной и доказательственной работы, от качества которой напрямую зависит эффективность всего последующего расследования. Только при таком подходе стадия возбуждения уголовного дела по делам о мошенничестве сможет выполнять свою истинную функцию – быть не барьером, а обоснованным и справедливым началом пути к восстановлению справедливости, обеспечению законности и укреплению правопорядка в экономической сфере.

Литература

1. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов // Е. С. Дубоносов. — 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024 – С. 227 – 232

2. Кузнецов А.А. Понятие дистанционных хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А.А. Кузнецов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – No 108-5. – С. 128 – 130.

3. Куликова И. Е. Особенности проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и методов социальной инженерии / И. Е. Куликова // Российский следователь. – 2022. – No 7. – С. 70 –74.

4. Камчатов К.В., Аристархов А.Л. Пути повышения эффективности предварительного расследования случаев дистанционного мошенничества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – No 4 (102). – С. 78-86.

5. Васюков В. Ф., Стражинская А. Н. К вопросу об организационных и процессуальных особенностях получения электронных данных при расследовании преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2024 № 6 С. 20-25

6. Горач Н. Н., Ермаков С. В. О некоторых вопросах деятельности следователя в порядке ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки// Вестник Московского университета МВД России. 2024 № 4 С. 40-45

7. Володикова И.В. Отдельные аспекты механизма образования цифровых следов при совершении дистанционных мошенничеств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – No 1(98). – С. 97-103.

8. Харина Е. А. К вопросу о проблемных аспектах квалификации и криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации / Е. А. Харина // Российский следователь. – 2023. – No 3. – С. 29–33.

9. Смирнов В.Н. Разоблачение мошеннических схем с использованием электронных платёжных систем сотрудниками специальных подразделений правоохранительных структур, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность// Российский следователь. 2023. № 8. – С. 62-64.

Initiation of a criminal case based on the features of a crime provided for by article 159 of the criminal code of the Russian Federation

Savkin A.S.

Moscow Witte University

The stage of initiating a criminal case is the starting point of the criminal process and remains fundamentally important, especially in the context of combating fraud, which is one of the most widespread and socially dangerous property crimes. The dynamic development of social relations, the digitalization of the economy, and everyday life have led to the emergence of numerous new and sophisticated methods of committing fraud, making it challenging for law enforcement agencies to effectively investigate criminal reports. This article aims to analyze the current issues in the pre-trial proceedings of criminal cases involving fraud. The article examines the specifics of the reasons and grounds for initiating a criminal case, which are determined by the dispositive nature of the crime, the complexity of proving intent to commit theft, and the need to distinguish it from financial disputes within the framework of civil law relations. The key procedural basis for making decisions on initiating a criminal case is the role of the victim's statement, the completeness of the available evidence, and the subsequent verification of the initial materials provided by the applicant at the initial stage. Due to the fact that the confrontation of the interests of the participants in the criminal process is most acute at this stage, it is extremely important to avoid the typical violations of law enforcement practice, which may result in unjustified refusals to initiate a criminal case or, on the contrary, its illegal initiation based on the results of a pre-investigation check, in the absence of signs of a crime. The article proposes recommendations for optimizing the pre-investigation process in order to achieve a balance between the effectiveness of criminal prosecution and the protection of citizens' rights from unjustified interference with private contractual obligations. The article substantiates the need to clarify the criteria for assessing the sufficiency of data indicating the elements of a crime under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation at the stage preceding the decision to initiate a criminal case.

Keywords: pre-investigation check, initiation of a criminal case, theft of someone else's property, evolution of fraudulent schemes.

References

1. Dubonosov E. S. Operational and Investigative Activities: Textbook for Universities // E. S. Dubonosov. — 8th ed., revised and expanded. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2024 — pp. 227-232.
2. Kuznetsov A. A. The Concept of Remote Thefts Committed Using Information and Telecommunication Technologies / A. A. Kuznetsov // Trends in Science and Education. – 2024. – No 108-5. – Pp. 128 – 130.
3. Kulikova I. E. Features of conducting some operational and investigative activities in the course of solving frauds committed with the use of mobile

communications and methods of social engineering / I. E. Kulikova // Russian Investigator. – 2022. – No 7. – Pp. 70 –74.
4. Kamchatov K.V., Aristarkhov A.L. Ways to Improve the Efficiency of Preliminary Investigation of Cases of Remote Fraud // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2024. – No 4 (102). – Pp. 78-86.
5. Vasyukov V. F., Strazhinskaya A. N. On the issue of organizational and procedural features of obtaining electronic data in the investigation of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024 No 6 Pp. 20-25
6. Gorach N. N., Ermakov S. V. On some issues of the investigator's activities in accordance with Articles 144-145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on crimes related to the remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets// Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024 No. 4 Pp. 40-45
7. Volodikova I.V. Certain aspects of the mechanism of digital traces formation in the commission of remote frauds // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No 1(98). – Pp. 97-103.
8. Kharina E. A. On the Problematic Aspects of Qualification and Criminalization of Computer Information Fraud / E. A. Kharina // Rossiyskiy Sledovatel. – 2023. – No 3. – Pp. 29–33.
9. Smirnov V.N. Exposing Fraudulent Schemes Using Electronic Payment Systems by Special Units of Law Enforcement Agencies Engaged in Operational Investigative Activities// Russian Investigator. 2023. No. 8. – Pp. 62-64.

Проблемы использования цифровых доказательств в уголовном процессе

Хавчаев Зураб Гаджибутаевич
магистрант, юридический институт, Дагестанский государственный университет, donhongil40@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются теоретические и практические проблемы использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровой трансформацией общественных отношений и ростом числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что объективно требует модернизации подходов к доказыванию. Цель данного исследования состоит в выявлении проблемных аспектов правового регулирования процесса сбора, проверки и оценки цифровых доказательств. Кроме того, в рамках исследования планируется разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в этой области. Методологическую базу исследования составляют диалектический метод научного познания, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системно-структурный метод, а также методы анализа, синтеза и обобщения. В результате исследования обоснован вывод о необходимости легального закрепления понятия «цифровые доказательства», унификации процессуального порядка их изъятия и фиксации, а также внедрения специальных мер обеспечения достоверности и аутентичности цифровой информации в уголовном процессе.
Ключевые слова: цифровые доказательства, уголовный процесс, электронная информация, доказывание, цифровая трансформация.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глубокой цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности. Информационные технологии проникают не только в экономику, социальную сферу и повседневное общение граждан, но и в сферу уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечается в научной литературе, уголовное судопроизводство в настоящее время характеризуется усилением цифровизации. Все чаще в качестве средств доказывания выступают сведения, полученные из электронных источников: сообщения мессенджеров, данные с камер видеонаблюдения, информация с электронных носителей, скриншоты страниц сайтов и иные цифровые объекты.

Однако, несмотря на широкое распространение цифровой информации в правоприменительной практике, ее процессуальный статус остается неопределенным. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит легального определения цифровых или электронных доказательств, не устанавливает специальных правил их собирания, проверки и оценки. Это порождает множество проблем правоприменения, приводит к признанию судами доказательств недопустимыми и, как следствие, к невозможности установления объективной истины по уголовным делам.

Обсуждение

Вопрос о понятии и правовой природе цифровых доказательств представляет собой дискуссионную проблему в современной науке уголовного процесса. Отсутствие четкого легального определения данного феномена приводит к многообразию теоретических подходов и, как следствие, к противоречивой правоприменительной практике.

В научной литературе используются различные термины для обозначения доказательств, связанных с электронными информационными ресурсами, такие как "электронные доказательства", "цифровые доказательства", "доказательства в электронной форме" и "компьютерная информация". В науке уголовного процесса не достигнуто единого мнения относительно термина "электронные доказательства", а также относительно целесообразности их классификации как самостоятельного вида доказательств в уголовном судопроизводстве. Наиболее предпочтительным представляется использование термина "цифровые доказательства", который отражает сущностные характеристики информации, связанные с ее представлением в цифровой (двоичной) форме.

А.Ю. Черданцев предлагает следующее определение: «цифровые (электронные) доказательства — это информация, хранимая или передаваемая в двоичном виде, которая сохранила сведения о подлежащих установлению обстоятельствах уголовного дела в процессе собирания, проверки и оценки доказательства». Аналогичный подход встречается в более поздних работах.

Особенность цифровых доказательств заключается в их двойственной природе. По мнению В. Ф. Васюкова и Э. о. Дамирчиева «в отличие от материальных следов, образующихся под воздействием объективных физических, химических или биологических процессов, электронные данные формируются в результате взаимодействия двух факторов: аппаратной составляющей (физические носители) и программного обеспечения, созданного разработчиками на основе субъективно выбранных алгоритмов». Это означает, что цифровая информация всегда опосре-

дована техническими средствами и программным обеспечением, что создает дополнительные риски для ее достоверности.

В зависимости от того, что имеет доказательственное значение — материальный носитель или содержащаяся на нем информация, — цифровые объекты могут относиться к различным видам. Когда ключевое значение для расследования имеют физические параметры конкретного носителя данных (например, неисправный винчестер или USB-накопитель с явными признаками несанкционированного доступа), то подобные предметы правомерно причислять к материальным уликам. Если же основную ценность представляет смысловое наполнение информации — будь, то текстовые документы, структурированные массивы сведений, аудио- или видеоматериалы, — то более аргументированным выглядит их отнесение к разряду документальных свидетельств.

Цифровые доказательства обладают рядом специфических характеристик, которые отличают их от традиционных видов доказательств и требуют особых подходов к их собиранию, проверке и оценке.

Во-первых, это высокая степень изменчивости и уязвимости. По мнению Л. И. Викторовны ««Уязвимость» компьютерной информации, вызванная возможностью ее быстрого изменения и удаления лицами, совершившими преступление, либо их соучастниками, и необходимость дальнейшего использования такой информации в доказывании требуют законодательного закрепления дополнительных — помимо следственных действий — «способов» ее фиксации сотрудниками правоохранительных органов». Несвоевременное изъятие цифрового носителя или неквалифицированные действия следователя могут привести к безвозвратной утрате доказательственной информации.

Во-вторых, это возможность существования в идентичных копиях без потери содержания. В отличие от вещественных доказательств, которые обладают уникальными характеристиками, цифровая информация может подвергаться неограниченному копированию без утраты идентичности. Это создает определенные сложности в определении процессуального статуса копий, однако также предоставляет возможность применения современных технологий для хранения и обеспечения сохранности данных.

В-третьих, это зависимость от технических средств и программного обеспечения. Идентичные данные могут быть подвергнуты различным интерпретациям в зависимости от применяемого программного обеспечения, что обуславливает необходимость стандартизации методик их анализа. Следователь и суд не могут непосредственно воспринять информацию, содержащуюся в цифровом виде, без применения специальных технических средств.

Процесс собирания цифровых доказательств в рамках расследования уголовных дел сталкивается с рядом проблем как процессуального, так и организационно-тактического характера. Основными процессуальными формами получения цифровой информации являются осмотр, обыск и выемка, в ходе которых могут быть обнаружены и изъяты персональные компьютеры, мобильные устройства, внешние накопители и другие технические средства хранения информации. Однако текущая процессуальная регламентация не вполне учитывает особенности цифровых объектов. Согласно мнению, изложенному в профильной литературе, технологическая природа объектов электронного следа диктует свои правила при осуществлении поисковых и фиксирующих действий. Ключевым моментом в ходе анализа компьютерных систем выступает предварительная фиксация всех установленных соединений с внешним оборудованием и перечня исполняемых в данный момент команд, поскольку экстренное прекращение подачи энергии влечет за собой безвозвратное стирание данных, размещенных в ОЗУ. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит специальных правил, учитывающих эти особенности. Проблема заключается также в том, что далеко не всегда возможно изъятие самого носителя информации. В случаях, когда информация хранится в «облачных» сервисах или на серверах третьих лиц, физическое изъятие носителя невозможно либо экономически нецелесообразно. Возникает вопрос о процессуальном статусе информации, полученной из таких источников.

Особую сложность представляет собирание цифровых доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении, до возбуждения уголовного дела. Как справедливо указывает А. М. Ибрагимовны «существующее правовое регулирование не отвечает информационным потребностям общества». В этот период следователь или оперативный сотрудник могут не обладает полным объемом процессуальных полномочий и квалификации, что может привести к утрате доказательственной информации.

Проверка и оценка цифровых доказательств — наиболее сложный этап доказывания, поскольку требует от следователя и суда не только юридических знаний, но и компетенции в области информационных технологий.

Центральной проблемой является обеспечение достоверности цифровых доказательств. По мнению В. Е. Пономарева «Обеспечение надежного хранения электронных доказательств требует комплексного подхода, включающего использование современных технологий, соблюдение законодательных норм и постоянный контроль за процессами хранения и доступа к данным. Только таким образом можно гарантировать, что электронные доказательства будут допустимыми и достоверными, что является ключевым фактором для успешного расследования и последующего использования доказательств в судебном разбирательстве», соглашаясь с вышесказанным можно сделать вывод что необходимо повышение гарантий обеспечения их достоверности путем внедрения и использования современных способов хранения и обеспечения ограниченного доступа. В отличие от традиционных доказательств, где подлинность может быть установлена путем прямого восприятия или экспертного исследования физических свойств объекта, достоверность цифровой информации требует проверки целостности файла, отсутствия несанкционированных изменений, подлинности электронной подписи и иных атрибутов. Цифровые доказательства характеризуются высокой степенью чувствительности и динамичности, что обуславливает необходимость специализированной подготовки и использования соответствующих средств для их сбора, верификации, хранения и оценки. В судебной практике имели место случаи, когда суды признавали цифровые доказательства недопустимыми вследствие нарушений процедуры их получения. Наиболее распространенными нарушениями являются: отсутствие понятых при изъятии электронных носителей (в случаях, когда их участие обязательно), неправильное оформление протоколов следственных действий, отсутствие сведений о технических средствах, использованных при фиксации доказательств, и другие.

Основная проблема правового регулирования цифровых доказательств заключается в отсутствии их легального закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Действующее законодательство не содержит ни определения цифровых доказательств, ни специальных правил их собирания, проверки и оценки. Многие учёные-правоведы и практикующие специалисты в области процессуального права, имеющие за плечами реальный опыт, приходят к выводу, что закреплять в за-

конодательстве отдельную статью, посвящённую цифровым (электронным) доказательствам, нецелесообразно. Аргументируют они это тем, что чётко очертить круг таких доказательств весьма проблематично хотя бы из-за отсутствия какого-либо единого подхода в науке — его не было и нет до сих пор. Как отмечают С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина, «анализ положений ч. 2 ст. 74 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель электронные носители информации не выделяет в отдельную разновидность доказательств». Более того, с учётом стремительного развития технологий, включая персональные устройства, подобная правовая норма довольно быстро утратила бы свою актуальность и нуждалась бы в постоянных корректировках. Однако этот подход представляется спорным. Отсутствие специального регулирования приводит к правовой неопределенности. Проблемой является также разграничение вещественных доказательств и иных документов применительно к цифровым объектам. Поскольку цифровая информация может существовать как в материальной форме (на физическом носителе), так и в нематериальной (в сети Интернет, облачных хранилищах), ее отнесение к тому или иному виду доказательств требует четких критериев.

Особого внимания заслуживает вопрос о допустимости доказательств, полученных из открытых источников сети Интернет. Правоприменительная практика идет по пути признания таких доказательств допустимыми при условии соблюдения определенных требований (нотариальное удостоверение, указание даты и времени получения, точного адреса страницы). Однако единообразный подход отсутствует.

По итогам анализа проблематики применения цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве представляется возможным сформулировать предложения по оптимизации отраслевого законодательства, первоочередным из которых видится легализация термина «цифровые доказательства» в статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

На протяжении длительного периода времени отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе легального определения цифровых доказательств можно было рассматривать как преднамеренную стратегию обеспечения нормативной гибкости. Законодатель, по всей видимости, стремился избежать «ловушки конкретики», когда жесткое определение неизбежно устарело бы быстрее, чем закон вступает в силу. Действительно, если бы в 2010 году УПК зафиксировал определение через «файлы на жестком диске» или «данные на флеш-накопителе», это исключило бы из сферы доказательств облачные технологии, блокчейн-транзакции, показания носимых устройств (смарт-часов, медицинских имплантатов) и, в перспективе, нейроинтерфейсы или квантовые вычисления.

Придерживаясь принципа технологической нейтральности, законодатель сохранял понятие «открытым», позволяя правоприменителю каждый раз решать вопрос: может ли данный цифровой объект быть источником доказательств по тем же критериям, что и традиционный носитель. Такая «преднамеренная неопределенность» долгое время служила залогом долгосрочной эффективности уголовного процесса в эпоху смены технологических укладов. Как обоснованно указывает Р. В. Костенко «классические критерии допустимости доказательств, сформированные в эпоху «бумажного» делопроизводства, сталкиваются с новыми вызовами при оценке цифровых данных». Следственная и судебная практика постепенно вырабатывала критерии относимости, допустимости и достоверности цифровых объектов без жесткой привязки к их физической форме.

Однако, разделяя логику законодателя в долгосрочной перспективе, полагаю, что на сегодняшний день пассивное ожидание «устоявшейся практики» уже исчерпало свой потенциал. Настал момент для легального закрепления понятия цифровых доказательств в законе. Аргументирую это несколькими факторами.

Во-первых, накоплен критический массив правоприменительной практики. С момента активного внедрения цифровых технологий в расследования прошло более десятилетия. Верховные суды (включая обзоры практики ВС РФ) неоднократно давали ориентиры по допустимости «электронных» доказательств. Однако отсутствие единой дефиниции привело к разночтениям: один и тот же объект (например, скриншот переписки, лог-файл сервера или дамп оперативной памяти) в разных регионах признается либо полноценным доказательством, либо «неформатным» файлом. Единая дефиниция устранит этот произвол.

Во-вторых, технический прогресс достиг уровня, когда «гибкость» оборачивается правовой неопределенностью. Мы больше не ждем принципиально новых носителей — все данные, включая будущие (нейроинтерфейсы, квантовая связь), по-прежнему обладают родовыми признаками: электронная природа, кодируемость, необходимость аппаратно-программной интерпретации. Законодатель способен дать определение через эти устойчивые признаки, не привязываясь к конкретным технологиям.

В-третьих, пробел в УПК уже восполняется подзаконными актами и ведомственными инструкциями, что ненормально для уголовного процесса. Вопросы изъятия, фиксации и оценки цифровых следов детально прописаны, например, в ведомственных порядках Следственного комитета России или Министерства внутренних дел Российской Федерации. Однако отсутствие базового понятия в самом кодексе порождает риск признания доказательств недопустимыми из-за формального нарушения «законности» происхождения — когда все процедуры соблюдены, но сам объект в законе не поименован.

В-четвертых, особую актуальность закрепление понятия и правил проверки цифровых доказательств приобретает в делах частного обвинения. Как показывает практика, именно по таким категориям дел (клевета, побои, оскорбления, умышленное причинение легкого вреда здоровью) цифровые доказательства предъявляются наиболее часто, причем преимущественно со стороны пострадавшего. Гражданин, обращаясь к мировому судье, прилагает к заявлению распечатки переписок из мессенджеров (WhatsApp, Telegram), скриншоты постов из социальных сетей, видеозаписи с камер мобильных телефонов или домофонов, аудиофайлы с диктофонов. Формально эти объекты не поименованы в кодексе, что ставит мировых судей перед сложным выбором: либо признавать их «иными документами» (ст. 84 УПК) с большой натяжкой, либо отказывать в приобщении. Легальное определение цифровых доказательств снимет этот вопрос, придав юридическую силу тем объектам, которые уже фактически стали основой частного обвинения.

Однако просто закрепить понятие недостаточно. Учитывая стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, встает еще более острая проблема — подлинности цифровых доказательств. Уже сегодня существуют нейросети, способные с высокой достоверностью синтезировать голос любого человека (дипфейк аудио), генерировать реалистичное видео с любым сценарием (дипфейк видео) или создавать фальшивую переписку. В связи с этим полагаю, что цифровые доказательства, особенно по делам частного обвинения, где сторона обвинения часто не обладает специальными познаниями, должны до их предъявления суду проходить обязатель-

ную проверку на подлинность с помощью судебной экспертизы (или иного установленного законом механизма верификации).

Это может быть реализовано следующим образом:

Обязательное экспертное исследование для ключевых цифровых доказательств (аудио-, видеозаписей, скриншотов, файлов переписки), на которых сторона обвинения строит свои доводы. Частному обвинителю следует предоставить право ходатайствовать о назначении такой экспертизы, а в случае его имущественной несостоятельности — возможность освобождения от оплаты (по аналогии с назначением экспертизы по инициативе суда).

Закрепление в законодательстве презумпции недостоверности цифрового доказательства, если сторона, его представившая, отказывается от добровольной экспертной проверки или препятствует изъятию исходного цифрового носителя (телефона, планшета и др.) для исследования.

Предлагаю следующее определение (как рабочий вариант для дискуссии) и дополнение к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации:

Цифровыми (электронными) доказательствами признаются фактические данные, имеющие доказательственное значение для разрешения уголовного дела, выраженные в электронной (цифровой) форме, которые либо материализованы на физическом носителе, либо циркулируют в среде информационно-телекоммуникационных сетей, будучи опосредованы применением соответствующих технических средств и специализированного программного обеспечения.

По делам частного обвинения цифровые доказательства, если они являются единственным или основным источником подтверждения вины, подлежат обязательной проверке на подлинность в порядке, установленном судом. Такая проверка осуществляется посредством судебной экспертизы либо с использованием иных предусмотренных законом методов верификации, обеспечивающих установление отсутствия монтажа, внесения изменений или синтеза с помощью технологий искусственного интеллекта и иных технических и аппаратно-программных средства.

Включение данной или аналогичной нормы в кодекс не будет препятствовать гибкости процесса, но придаст цифровым доказательствам юридическую обоснованность, единообразие и предсказуемость в применении. А введение механизма обязательной проверки подлинности, особенно в делах частного обвинения, станет ответом на вызовы, связанные с развитием генеративных нейросетей. Продолжение законодательного молчания сегодня — это уже не осторожность, а искусственное торможение развития уголовно-процессуальной формы и игнорирование реальной угрозы фальсификации цифровых доказательств с помощью технологий искусственного интеллекта.

Заключение

Проведенное исследование проблем использования цифровых доказательств в уголовном процессе позволяет сделать следующие выводы.

Современный этап развития уголовного судопроизводства характеризуется активным внедрением цифровых технологий и ростом значения цифровой информации в доказывании. Однако существующее правовое регулирование не в полной мере соответствует потребностям правоприменительной практики, что создает существенные проблемы при собирании, проверке и оценке цифровых доказательств.

Основные проблемы связаны с отсутствием легального определения цифровых доказательств, неопределенностью их процессуального статуса, недостаточной регламентацией порядка проведения следственных действий с цифровой информацией, а также сложностью обеспечения достоверности и аутентичности цифровых доказательств.

Решение указанных проблем видится в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства путем легального закрепления понятия цифровых доказательств, установления специальных правил их собирания, проверки и оценки, а также внедрения современных технических средств обеспечения сохранности и неизменности цифровой информации.

Важным направлением является также повышение квалификации следователей, дознавателей и судей в области информационных технологий, формирование единых стандартов работы с цифровыми доказательствами, обобщение и распространение положительного опыта правоприменения.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства — объективный процесс, требующий адекватного правового реагирования. Своевременное и качественное правовое регулирование использования цифровых доказательств позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства, обеспечить защиту прав и законных интересов участников процесса, а также способствовать достижению целей правосудия.

Литература

1. Васюков В. Ф., Дамирчиев Э. о. Понятие и виды цифровой информации, используемой в доказывании по уголовным делам // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. №. 2. С. 38–50.

2. Ибрагимова Алиса Мансуровна Модернизация доказывания в уголовном судопроизводстве в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. №3 (61). С. 106–114.

3. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 2. С. 44–50.

4. Коровников Александр Леонидович, Василий Васильевич Колениченко Электронные доказательства в системе процессуальных источников доказательств в уголовном производстве // Государственная служба и кадры. 2023. №4. С. 244–247.

5. Костенко Р. В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов — Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С 30–35.

6. Литвинова Ирина Викторовна, Допустимость электронных доказательств, полученных в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий // Уголовное судопроизводство № 03/2023. С. 36–39.

7. Пономарев Виталий Евгеньевич Технико-криминалистическое обеспечение хранения электронных доказательств // Юридическая наука. 2024. №6. С. 316–320.

8. Рамалданов Х. Х. Проблемы использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 105–111.

9. Сидорова, Е. З., Грибунов, О. П. Особенности квалификации и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационных (цифровых) технологий: учеб. пособие. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. 128 с.

10. Черданцев А.Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 4. С. 55–60.

Problems of using digital evidence in criminal proceedings

Khavchaev Z.G.
Dagestan State University

This article discusses the theoretical and practical issues of using digital evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. The relevance of this topic is due to the rapid digital transformation of social relations and the increasing number of crimes committed using information and telecommunication technologies, which requires modernization of approaches to proof. The purpose of this research is to identify the problematic aspects of the legal regulation of the process of collecting, verifying, and evaluating digital evidence. Additionally, the research aims to develop proposals for improving the criminal procedure legislation in this area. The methodological basis of the study includes the dialectical method of scientific cognition, the formal-legal method, the comparative-legal method, the system-structural method, as well as the methods of analysis, synthesis, and generalization. The study substantiates the need for the legal definition of the concept of "digital evidence," the unification of the procedural order for their seizure and fixation, and the implementation of special measures to ensure the reliability and authenticity of digital information in the criminal process.

Keywords: digital evidence, criminal process, electronic information, proof, digital transformation.

References

1. Vasyukov V. F., Damirchiev E. o. THE CONCEPT AND TYPES OF DIGITAL INFORMATION USED IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES // Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. No. 2. Pp. 38–50.
2. Ibragimova Alisa Mansurovna MODERNIZATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (61). Pp. 106–114.
3. Kornakova S. V., Chigrina E. V. Electronic Evidence in the Russian Criminal Procedure: Problematic Issues // Juridical Journal of Samara University. 2025. Vol. 11, No. 2. Pp. 44–50.
4. Korovnikov Alexander Leonidovich, Vasily Vasilievich Kolenichenko Electronic Evidence in the System of Procedural Sources of Evidence in Criminal Proceedings // State Service and Personnel. 2023. No. 4. Pp. 244–247.
5. Kostenko R. V. Admissibility of Evidence in the Digital Age: Transformation of Procedural Standards — Legal Bulletin of the Kuban State University. 2025. No. 1. Pp. 30–35.
6. Litvinova Irina Viktorovna, Admissibility of Electronic Evidence Obtained as a Result of Operational Investigative Activities // Criminal Proceedings No. 03/2023. Pp. 36–39.
7. Ponomarev Vitaly Evgenievich, Technical and Criminalistic Support for the Storage of Electronic Evidence // Legal Science. 2024. No. 6. Pp. 316–320.
8. Ramaldanov Kh. Kh. Problems of using and storing digital evidence in proving in criminal proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2 (52). Pp. 105–111.
9. Sidorova, E. Z., Gribunov, O. P. Features of qualification and prevention of crimes committed using information (digital) technologies: textbook. manual. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 128 p.
10. Cherdantsev A.Yu. The concept of digital evidence, the current state and their role in the evidentiary process // Legal Science and Practice. 2019. Vol. 15. No. 4. Pp. 55–60.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ их прекурсоров в фармацевтической области

Шелль Виктор Викторович
аспирант Тамбовский государственный технический университет, shell-2016@mail.ru

Медведева Светлана Валентиновна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», Тамбовский государственный технический университет, Sv-medvedeva@mail.ru

В статье исследуется проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в фармацевтической сфере Российской Федерации. Автор анализирует основные каналы утечки контролируемых препаратов из легального оборота, выявляет криминологические особенности и факторы, способствующие распространению данного явления. На основе комплексного изучения нормативно-правовой базы и правоприменительной практики определяются системные пробелы в механизмах государственного контроля за оборотом наркосодержащих лекарственных средств. Особое внимание уделяется анализу ответственности фармацевтических и медицинских работников за нарушение установленных правил учета, хранения и отпуска подконтрольных веществ. На основании статистических данных формулируются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию профилактических и правоприменительных мер. Предлагаемые меры включают внедрение цифровых систем мониторинга, гармонизацию законодательства и усиление профессиональной подготовки специалистов, что способствует укреплению фармацевтической безопасности.
Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, психотропные вещества, прекурсоры, фармацевтическая деятельность, контроль за оборотом, наркопреступность, фармацевтическая безопасность

Фармацевтическая сфера представляет собой сложную цепочку: от синтеза активных веществ до отпуска готовых лекарств в аптеках. На всём этом пути важно отслеживать движение препаратов, которые могут стать объектом незаконного оборота. Сбои в системе учёта создают риски для общественной безопасности.

В условиях глобальной интеграции и развития международных поставок сырья преступники всё чаще используют легальные каналы фармацевтического рынка. Они могут регистрировать фиктивные компании, подделывать документы или вовлекать в схемы сотрудников аптек и заводов. Это делает проблему утечки контролируемых веществ особенно актуальной и требует адекватного правового реагирования.

Анализ правоприменительной практики показывает, что организованные группы всё чаще используют законные производственные и аптечные структуры для прикрытия противоправных операций. Эта трансформация криминальных схем обусловливает необходимость детального исследования механизмов утечки контролируемых веществ из официального фармацевтического оборота.

Фармацевтическая область характеризуется легальным использованием значительного количества веществ, включенных в списки контролируемых препаратов международными конвенциями. Согласно данным Международного комитета по контролю над наркотиками, объем легального производства опиоидных анальгетиков в период с 2020 по 2025 год увеличился на тридцать семь процентов, достигнув четырехсот двадцати тонн морфинового эквивалента ежегодно. Параллельно с ростом легитимного производства наблюдается увеличение случаев утечки контролируемых веществ из фармацевтического оборота. Статистические данные правоохранительных органов различных юрисдикций указывают на то, что примерно двенадцать процентов изъятых наркотических средств имеют происхождение из легальных производственных источников или были получены путем незаконного перенаправления фармацевтической продукции.

Фармацевтический сектор занимает особое положение в системе контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, поскольку именно здесь происходит легальное производство, хранение и реализация данных препаратов в медицинских целях. Так, с точки зрения В.И. Богдановой, «именно двойственность статуса наркотических и психотропных веществ, имеющих как медицинское применение, так и потенциал для злоупотребления, создает значительные риски их утечки в нелегальный оборот» [2, с. 87].

Актуальность исследуемой проблемы подчеркивается статистическими данными, демонстрирующими рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом фармацевтических препаратов, содержащих наркотические и психотропные вещества. По мнению Д.Д. Вихарева, современные схемы нелегального оборота становятся все более изощренными, используя легальные каналы фармацевтического рынка как прикрытие для преступной деятельности [3, с. 215]. Расследование таких преступлений осложняется необходимостью доказывания умысла на немедицинское использование препаратов, которые имеют официальный статус лекарственных средств.

Нормативно-правовая база, регламентирующая оборот наркотических средств и психотропных веществ в

фармацевтической области, представляет собой многоуровневую систему, включающую международные конвенции, федеральное законодательство и подзаконные акты. Однако П.Н. Кобец справедливо указывает на существование пробелов в правовом регулировании, особенно в отношении новых синтетических веществ и прекурсоров, которые могут использоваться для изготовления наркотических средств [6, с. 65]. Правовая инертность в вопросах включения новых веществ в списки контролируемых создает временные «окна возможностей» для их легального оборота.

Контроль за прекурсорами в фармацевтике осложняется их двойственным назначением: одни и те же химические соединения используются как в легальном синтезе лекарственных форм, так и в подпольном производстве наркотиков. Как отмечает Н.Е. Москаленко, это стирает границу между правомерной хозяйственной деятельностью и преступным поведением, что обусловливает необходимость целевых регуляторных инструментов [10, с. 594].

На практике следователи и суды регулярно сталкиваются с трудностями квалификации действий организаций, закупающих прекурсоры в объемах, превышающих производственные нужды. В делах о незаконном приобретении эфедрина и псевдоэфедрина суды оценивают не только факт превышения лимитов, но и наличие фальсифицированной отчетности, отсутствие договоров на утилизацию отходов, а также признаки согласованных действий с контрагентами. По материалам дел, рассмотренных региональными судами в 2023–2025 гг., подобные схемы квалифицировались по ст. 228.4 и 231 УК РФ, при этом доказательствами выступали данные автоматизированных систем складского учета и результаты внеплановых проверок Росздравнадзора.

Незаконный сбыт контролируемых препаратов активно перемещается в цифровую среду. Д.А. Левина справедливо указывает на использование интернет-площадок, мессенджеров и закрытых форумов для реализации рецептурных лекарств без медицинских показаний [8, с. 52]. Судебная практика последних лет фиксирует устойчивый рост дел, связанных с дистанционной продажей опиоидных анальгетиков и транквилизаторов. При этом суды опираются на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 14, согласно которым размещение предложений о продаже наркотических средств в сети «Интернет» признается способом сбыта, требующим квалификации по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. В делах, расследуемых в Тамбовской области, оперативный мониторинг выявлял фиктивные онлайн-аптеки, работающие без лицензий и использующие криптовалюты для расчетов. Доказательственная база формировалась за счет фиксации скриншотов переписки, анализа IP-адресов и выемки серверного оборудования, что подтверждает необходимость адаптации следственных методов к цифровым каналам распространения.

Вовлечение медицинских и фармацевтических кадров в нелегальные схемы создает дополнительные риски для системы контроля. А.Т. Акматова подчеркивает, что специалисты с легальным доступом к подконтрольным веществам нередко становятся организаторами или исполнителями преступлений, что существенно осложняет оперативное выявление таких нарушений [1, с. 68]. Анализ приговоров районных и городских судов показывает, что в делах о незаконном отпуске кодеинсодержащих препаратов или сильнодействующих транквилизаторов часто фигурируют провизоры и врачи, выписывающие рецепты без медицинских показаний. В таких случаях суды оценивают не только формальное нарушение порядка назначения, но и системность действий, наличие финансовой заинтересованности и сокрытие реальных объемов отпуска. Например, по делам, рассмотренным в Новосибирской и Ленинградской областях, работники аптек были признаны соучастниками по ст. 228.1 УК РФ за систематическую реализацию препаратов «из-под прилавка». Это подтверждает необходимость усиления дисциплинарной и уголовной ответственности, а также интеграции этических стандартов в программы профессиональной переподготовки.

Глобализация фармацевтических рынков обостряет проблему трансграничного оборота прекурсоров и готовых препаратов.

Н.Е. Москаленко указывает, что различия в национальных перечнях контролируемых веществ и процедурах лицензирования создают лазейки для международных криминальных сетей [10, с. 595]. Практика взаимодействия правоохранительных органов свидетельствует, что схемы часто строятся на легальной регистрации компаний в юрисдикциях с мягким регулированием, после чего вещества перенаправляются в страны с высоким спросом. В делах, рассматриваемых с участием таможенных органов и МВД, суды обращают внимание на фиктивность экспортных деклараций и несоответствие заявленных объемов реальному производственному профилю компаний. Унификация требований в рамках международных конвенций ООН и расширение обмена данными между регуляторами остаются критически важными для пресечения подобных транснациональных схем.

Внедрение цифровых инструментов мониторинга существенно повышает прозрачность цепочек поставок. А.У. Иргашев отмечает эффективность систем прослеживаемости, электронных рецептов и распределенных реестров для фиксации каждого этапа движения контролируемых веществ [5, с. 144]. В аптечной сети, традиционно остающейся наиболее уязвимым звеном, такие технологии позволяют автоматически блокировать отпуска препаратов при отсутствии валидных рецептов или превышении суточных лимитов.

Судебная практика подтверждает, что организации, внедрившие автоматизированные системы контроля, реже становятся объектами проверок и демонстрируют нулевые показатели инвентаризационных расхождений. Переход от ручного учета к цифровым платформам не только снижает риски хищений, но и формирует объективную доказательную базу для правоприменительных органов, что в конечном итоге способствует укреплению легитимности фармацевтического рынка. Как отмечает А.Т.Акматова, аптеки могут становиться точками нелегальной реализации контролируемых препаратов при недостаточном контроле со стороны регулирующих органов [1, с. 69]. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего как усиление контрольно-надзорных мероприятий, так и повышение ответственности фармацевтических работников.

Особую опасность представляет вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ фармацевтического происхождения. А.А. Линдт подчеркивает, что подростки могут привлекаться криминальными структурами как для сбыта, так и для приобретения лекарственных препаратов, содержащих контролируемые вещества [9, с. 244]. Профилактика данного явления требует не только правовых, но и социально-педагогических мер, направленных на формирование устойчивого негативного отношения к наркотикам у подрастающего поколения.

Д.В. Косякин и А.С. Мустафаева рассматривают незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ «как прямую угрозу национальной безопасности, что особенно актуально в контексте фармацевтической

сферы, где существует риск масштабной утечки контролируемых веществ» [7, с. 497]. Авторы подчеркивают необходимость включения вопросов контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в концепцию национальной безопасности, с разработкой соответствующих стратегических документов и программ.

Специфика фармацевтической сферы создает уникальные возможности для организации нелегального оборота подконтрольных веществ. В отличие от традиционных каналов наркотрафика, использование фармацевтической инфраструктуры позволяет преступным группам легитимизировать происхождение контролируемых препаратов, затрудняя процесс выявления правонарушений. Исследование криминальных схем показывает, что наиболее распространенными методами становятся фальсификация документации о назначении и использовании прекурсоров, создание фиктивных фармацевтических компаний, манипулирование с системами учета движения подконтрольных веществ на производственных предприятиях. Аналитические материалы Европейского центра мониторинга наркотиков свидетельствуют о том, что за последние пять лет количество выявленных случаев использования фальсифицированных лицензий для закупки прекурсоров возросло в два с половиной раза.

Прекурсоры наркотических средств занимают особое место в структуре незаконного оборота фармацевтической продукции. Химические вещества, используемые для легального синтеза медикаментов, одновременно являются необходимыми компонентами для производства запрещенных наркотиков.

Эфедрин и псевдоэфедрин, входящие в состав противопростудных препаратов, остаются базовыми компонентами для синтеза метамфетамина. По данным международных правоохранительных органов, в 2022 г. было изъято около 18 т эфедрина, при этом 63 % исходного сырья произведено легальными фармацевтическими предприятиями и впоследствии перенаправлено в подпольные лаборатории. Аналогичную проблему представляет уксусный ангидрид: будучи необходимым реагентом в легальном синтезе, он одновременно выступает ключевым прекурсором героина. В российской судебной практике дела по ст. 228.4 УК РФ нередко связаны именно с фиктивным оформлением закупок этих веществ под видом «производственных нужд». Суды оценивают отсутствие технологической документации, расхождения в журнальном учете формы № 10 и согласованные действия с контрагентами как признаки умысла на незаконное перенаправление прекурсоров.

Региональная структура незаконного оборота фармацевтической продукции отражает различия в производственных мощностях и регуляторных режимах. Высокая доходность незаконного оборота прекурсоров обусловлена существенным разрывом между их оптовой ценой в легальном секторе и стоимостью конечного наркотического продукта на теневом рынке. Так, приобретение 1 кг эфедрина по легальным каналам обходится примерно в 3 тыс. долл. США, тогда как переработка в метамфетамин позволяет реализовать продукцию на сумму свыше 250 тыс. долл. Подобная маржинальность формирует устойчивый экономический мотив для вовлечения фармпредприятий в криминальные схемы. В судебных решениях по делам о незаконном предпринимательстве и отмывании доходов (ст. 171, 174.1 УК РФ) следователи и суды активно используют данные финансового мониторинга для выявления аномальных оборотов по счетам организаций, формально занимающихся легальной дистрибуцией химических реактивов.

Цифровизация фармацевтического оборота создает как новые инструменты контроля, так и дополнительные риски. Системы маркировки и прослеживаемости (сериализация) теоретически должны исключать возможность перенаправления партий препаратов, однако на практике их внедрение тормозится несоответствием национальных стандартов, фрагментарностью информационных баз и высокой стоимостью интеграции для среднего бизнеса. В российской практике применение системы «Честный ЗНАК» для отдельных категорий лекарств уже позволило выявить ряд схем по подмене кодов маркировки, что стало основанием для возбуждения дел по ст. 238.1 УК РФ.

Дистанционная реализация контролируемых препаратов стала одним из наиболее динамично развивающихся каналов сбыта. Нелицензированные интернет-аптеки и закрытые чаты обеспечивают беспрепятственный доступ к опиоидам, бензодиазепинам и транквилизаторам без рецептурного подтверждения. По данным мониторинга Роскомнадзора и правоохранительных органов, только в 2025 г. выявлено свыше 4 тыс. ресурсов, предлагающих подобные товары. Использование криптовалют и децентрализованных платежных шлюзов существенно затрудняет отслеживание финансовых потоков. В судебной практике такие деяния квалифицируются по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, при этом суды принимают в качестве доказательств результаты контрольных закупок, зафиксированные переписки и данные блокчейн-аналитики, подтверждающие движение средств в пользу организаторов площадок.

Подходы к регулированию оборота прекурсоров значительно различаются в зависимости от юрисдикции. Наиболее результативными признаны модели, предполагающие многоуровневую проверку легитимности закупок с обязательным подтверждением конечного использования вещества. Государства, внедрившие процедуру предварительного уведомления о международных поставках с правом отказа импортирующей стороны, отмечают снижение случаев незаконного перенаправления на 27 % по сравнению с системами, основанными исключительно на постфактумной отчетности. Однако ужесточение контрольных процедур пропорционально увеличивает административную нагрузку на легальный бизнес, что требует выработки сбалансированного механизма, не блокирующего нормальную производственную деятельность. В РФ данный баланс регулируется Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 и ведомственными приказами Минздрава, однако практика показывает необходимость оперативного обновления перечней прекурсоров в ответ на появление новых химических формул.

Профессиональная деятельность медицинских работников и фармацевтов представляет собой критический элемент в предотвращении незаконного оборота контролируемых препаратов. Статистический анализ выявляет, что приблизительно девять процентов случаев незаконного оборота фармацевтической продукции связаны с прямым участием медицинских специалистов, выписывающих необоснованные рецепты на контролируемые препараты. Феномен так называемых докторов-пилюльников, систематически выписывающих опиоидные препараты без медицинских показаний за вознаграждение, получил широкое распространение в регионах с высоким уровнем наркозависимости. Дисциплинарные санкции против медицинских специалистов за нарушения в назначении контролируемых препаратов применяются недостаточно последовательно, что снижает превентивный эффект существующих регуляторных норм.

Криминологический профиль субъектов, вовлеченных в незаконный оборот фармацевтической продукции, отличается от традиционного образа наркоторговцев. Социологические исследования показывают, что значительную

долю правонарушителей составляют лица с высшим образованием, имеющие профессиональные знания в области химии, фармакологии или бизнес-администрирования. Средний возраст задержанных за организацию незаконного оборота прекурсоров составляет тридцать восемь лет, что существенно превышает аналогичный показатель для традиционного наркотрафика. Мотивационная структура правонарушений в фармацевтической сфере демонстрирует преобладание экономических факторов над идеологическими или субкультурными, что отличает данный тип преступности от классической наркопреступности.

Проведенный анализ выявленных проблем и правоприменительной практики позволяет сформулировать следующие предложения по оптимизации правового регулирования.

Во-первых, существует проблема правовая инертность при включении новых синтетических веществ в перечни контролируемых прекурсоров создает «окна возможностей» для их легального оборота с последующим использованием в нелегальных целях. Для ее решения мы предлагаем:

– внести изменения в Федеральный закон № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», закрепив ускоренную процедуру временного включения новых химических соединений в Список прекурсоров на срок до 12 месяцев на основании экспертного заключения уполномоченного федерального органа (Минздрава России, МВД России) без прохождения длительной административной процедуры;

– дополнить Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 нормой, обязывающей организации, осуществляющие деятельность с прекурсорами, представлять в Росздравнадзор ежеквартальные отчеты о фактическом использовании веществ с приложением технологических карт и актов списания отходов;

– установить в КоАП РФ дифференцированную ответственность за нарушения правил оборота прекурсоров в зависимости от объема и категории вещества, исключив практику привлечения к ответственности за технические ошибки в документации при отсутствии признаков умысла.

Во-вторых существует проблема фрагментарности информационных систем, бумажный документооборот и отсутствие единого реестра электронных рецептов снижают эффективность мониторинга. Мы предлагаем:

– принять федеральный закон «О единой государственной информационной системе учета оборота наркотических средств и психотропных веществ», предусматривающий: обязательное использование электронных рецептов на контролируемые препараты с усиленной квалифицированной электронной подписью врача; интеграцию данных ЕГАИС, системы «Честный ЗНАК» и медицинских информационных систем в единый контур мониторинга; автоматическую блокировку отпуска препарата при выявлении аномалий (превышение суточной дозы, повторная выписка, несоответствие диагноза);

– внести изменения в ст. 31 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», закрепив правовой статус электронного рецепта на наркотические средства как единственного допустимого основания для их отпуска в аптечной сети (с переходным периодом до 2028 г.).

В-третьих, существует недостаточная эффективность дисциплинарных и уголовных санкций в отношении медицинских и фармацевтических работников, вовлеченных в незаконный оборот. Мы предлагаем:

– дополнить ст. 228.1 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение преступления лицом, использующим служебное положение в сфере здравоохранения или фармацевтической деятельности», установив более строгие санкции за систематические нарушения правил назначения и отпуска контролируемых препаратов.

– внести изменения в Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», предусмотрев обязательное лицензионное требование о наличии у фармацевтических организаций систем биометрического контроля доступа к помещениям хранения наркотических средств и психотропных веществ.

– разработать и утвердить на уровне Минздрава России Типовой кодекс профессиональной этики фармацевтического работника с разделом о противодействии незаконному обороту контролируемых веществ, сделав его изучение обязательным при аккредитации специалистов.

В-четвертых, правовые механизмы блокировки интернет-ресурсов, предлагающих контролируемые препараты без рецептов, не обеспечивают оперативного пресечения противоправной деятельности. Мы предлагаем:

– дополнить ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» нормой, обязывающей владельцев поисковых систем и агрегаторов исключать из выдачи ссылки на ресурсы, предлагающие продажу рецептурных препаратов без подтверждения наличия лицензии, на основании реестра, формируемого Росздравнадзором в автоматическом режиме;

– внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предусмотрев упрощенный порядок получения судебных решений о блокировке доменных имен и криптокошельков, используемых для незаконной торговли фармацевтической продукцией, на основании материалов оперативного мониторинга.

В-пятых, недостаточный уровень компетенций фармацевтических работников в области выявления признаков незаконного оборота и поддельных рецептов. Мы предлагаем:

– внести изменения в Федеральные государственные образовательные стандарты высшего и среднего профессионального образования по направлениям «Фармация» и «Лечебное дело», предусмотрев обязательный учебный модуль «Правовые основы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ» объемом не менее 72 академических часов;

– утвердить приказом Минздрава России Положение о регулярном (не реже одного раза в три года) повышении квалификации фармацевтических работников по программам, включающим практические навыки идентификации поддельных рецептов, работы с системами электронного учета и алгоритмы взаимодействия с правоохранительными органами.

Реализация предложенных мер - цифровизация учета, гармонизация международного регулирования и специализированная подготовка кадров - создаст необходимые правовые и организационные условия для минимизации рисков незаконного оборота. Только системный подход, сочетающий превентивные, контрольно-надзорные и правоприменительные механизмы, способен обеспечить устойчивую фармацевтическую безопасность и защитить интересы государства и общества от угроз, связанных с наркопреступностью.

Литература

1. Акматова А. Т. Роль юридического образования в борьбе с незаконным оборотом наркотиков через аптечные точки // Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ» : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 65–72.

2. Богданова В. И. Предмет преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных

веществ // Студенческий вестник. – 2021. – № 4-1 (149). – С. 86–88.

3. Вихарев Д. Д. Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных препаратов // Следственная деятельность. – 2024. – № 4. – С. 211–227.

4. Вихарев Д. Д. Особенности выявления преступлений в сфере немедицинского оборота лекарственных средств, содержащих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества // Нижегородская академия МВД России : сб. науч. тр. – Нижний Новгород, 2025. – С. 277–287.

5. Иргашев А. У. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ с использованием технических средств в уголовно-исполнительной системе // Кузбасский институт ФСИН России : сб. науч. тр. – Новокузнецк, 2024. – С. 143–145.

6. Кобец П. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: состояние и проблемы // ООО «Издательство «Экономическое образование» : сб. науч. тр. – Москва, 2024. – С. 64–67.

7. Косякин Д. В., Мустафаева А. С. Незаконный оборот наркотических средств как угроза национальной безопасности // ООО «Издательство Типография «Ариал» : сб. науч. тр. – Симферополь, 2024. – С. 495–502.

8. Левина Д. А. Механизм сбыта наркотических средств в современных условиях как элемент криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств // Воронежский институт МВД России : сб. науч. тр. – Воронеж, 2023. – С. 51–53.

9. Линдт А. А. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 242–247.

10. Москаленко Н. Е. Проблемы международной системы противодействия незаконному обороту наркотических средств // The World of Science Without Borders. – 2022. – Р. 593–596.

Illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, and their precursors in the pharmaceutical sector

Shell V.V., Medvedeva S.V.
Tambov State Technical University

The article examines the problem of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, and their precursors within the pharmaceutical sector of the Russian Federation. The author analyzes the main channels of leakage of controlled medicines from legal circulation, identifies criminological features, and examines the factors contributing to the spread of this phenomenon. Based on a comprehensive review of the regulatory framework and law enforcement practice, systemic gaps in state control mechanisms over narcotic-containing pharmaceuticals are identified. Special attention is devoted to analyzing the liability of pharmaceutical and medical personnel for violations of accounting, storage, and dispensing regulations. Drawing on statistical data, scientifically grounded recommendations are formulated to improve preventive and law enforcement measures. The proposed solutions include the implementation of digital monitoring systems, legislative harmonization, and enhanced professional training for pharmaceutical specialists. These measures collectively strengthen pharmaceutical security and minimize the risks of illicit diversion of controlled substances.

Keywords: illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, precursors, pharmaceutical sector, control of drug circulation, drug-related crime, pharmaceutical security

References

1. Akmatova A. T. The Role of Legal Education in the Fight against Illegal Drug Trafficking through Pharmacies // Humanitarian National Research Institute "NATSRZAVITIE": Coll. of scientific papers. - St. Petersburg, 2025. - Pp. 65-72.
2. Bogdanova V. I. The Subject of Crimes in the Sphere of Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // Student Bulletin. - 2021. - No. 4-1 (149). - Pp. 86-88.
3. Vikharev D. D. Actual Problems of Detection and Investigation of Crimes in the Sphere of Illegal Sale of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances Included in Medicines // Investigative Activity. - 2024. - No. 4. - Pp. 211-227.
4. Vikharev D. D. Features of Detecting Crimes in the Sphere of Non-Medical Circulation of Medicines Containing Narcotic Drugs, Psychotropic, and Potent Substances // Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Coll. of Scientific Works. – Nizhny Novgorod, 2025. – Pp. 277–287.
5. Irgashev A. U. Combating Illegal Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Using Technical Means in the Penal System // Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Coll. of Scientific Works. – Novokuznetsk, 2024. – Pp. 143–145.
6. Kobets P. N. Combating Illegal Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: Status and Problems // OOO “Economic Education Publishing House”: Coll. of Scientific Works. – Moscow, 2024. – Pp. 64–67.
7. Kosyakin D. V., Mustafayeva A. S. Illegal drug trafficking as a threat to national security // OOO Izdatelstvo Tipografiya Arial: Coll. of scientific works. – Simferopol, 2024. – Pp. 495–502.
8. Levina D. A. The mechanism of drug distribution in modern conditions as an element of forensic characteristics of drug trafficking // Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Coll. of scientific works. – Voronezh, 2023. – Pp. 51–53.
9. Lindt A. A. Operational-search characteristics of crimes committed by minors in the sphere of drug trafficking // Law and Right. – 2025. – No. 6. – Pp. 242–247. 10. Moskalenko N. E. Problems of the international system of combating illicit drug trafficking // The World of Science Without Borders. - 2022. - P. 593-596.

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования убийств: современные возможности и проблемы

Чингизова Галия Фанзилевна
аспирант, кафедра криминалистики, Уфимский университет науки и технологий, Solnyfffko@yahoo.com

Статья посвящена анализу современных технических средств и методов, применяемых при раскрытии и расследовании убийств, а также организационно-правовых аспектов их использования. Приводится авторское понимание технико-криминалистического обеспечения расследования как деятельности, направленной на постоянную готовность и эффективное применение криминалистической техники при сборке и исследовании улик. Отмечается вклад инновационных методов (ДНК-анализа, одорологии, цифровой криминалистики, систем видеонаблюдения и др.) в повышение раскрываемости убийств, приводятся примеры из практики. В ходе исследования выявлен ряд проблем технико-криминалистического обеспечения: адаптация преступников к использованию новых технических средств, неравномерное внедрение отдельных технологий в различных регионах, а также спорная доказательственная надежность отдельных методов, в частности одорологической экспертизы. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию технико-криминалистического обеспечения. К числу приоритетных направлений автором отнесены дальнейшее материально-техническое оснащение следственных подразделений, унификация методик применения высокотехнологичных средств, обязательная подготовка специалистов к работе с цифровыми доказательствами, нормативное закрепление процедур использования новых технологий, а также развитие интегрированных информационно-аналитических систем, таких как «Безопасный город», в целях повышения эффективности профилактической и превентивной деятельности.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение; раскрытие убийств; криминалистическая техника; ДНК-идентификация; судебная одорология; мобильные устройства; биллинг; системы видеонаблюдения; 3D-сканирование; доказательственная надежность.

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений традиционно понимается как деятельность, направленная, с одной стороны, на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистической техники, а с другой – на реализацию этих условий в каждом конкретном случае расследования. В литературе подчёркивается, что такая деятельность включает комплекс организационно-технических мер: материально-техническое оснащение следственных и экспертно-криминалистических подразделений, обеспечение постоянной готовности технических средств к применению, подготовка и повышение квалификации кадров, разработка единых методик использования криминалистической техники, нормативная регламентация новых методов, организация межведомственного взаимодействия, информационно-аналитическое сопровождение расследования, контроль качества фиксации, изъятия, хранения и исследования доказательственной информации [2, с. 11]. Иными словами, технико-криминалистическое обеспечение выступает инструментом реализации принципа научно обоснованного и эффективного использования современных достижений науки при сборе и исследовании доказательств.

Понятие «технико-криминалистическое обеспечение» охватывает не только сами технические средства, но и деятельность специалистов. В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» эксперты и специалисты обязаны использовать современные достижения науки и техники при производстве экспертиз [20]. При этом результаты должны отличаться достоверностью и допустимостью: технические методы, применяемые в расследовании, должны быть научно обоснованными, безопасными и давать проверяемый результат [18, с. 141].

В криминалистике особо подчёркивается важность соблюдения методических требований. Неслучайно в Концепции развития судебно-экспертной деятельности до 2025 г. поставлена задача широкого внедрения достижений биологии, химии, информационных технологий для повышения эффективности раскрытия преступлений [12]. Как пишет Ф.Г. Аминев: «За последние двадцать лет произошел серьезный прорыв в правовом, научно-методическом, организационном, материально-техническом обеспечении направления. Об этом свидетельствуют … действия по стандартизации, реализация в судебно-экспертной деятельности инновационных технологий, совершенствование понятийного аппарата» [3, с. 143].

Одним из наиболее перспективных направлений научно-технического обеспечения раскрытия тяжких преступлений является ДНК-идентификация с формированием и использованием соответствующих учётных баз. В распоряжении следственных органов сегодня имеются федеральная база данных геномной информации, автоматизированные дактилоскопические учёты (АБИС), баллистические учёты, а также иные криминалистические картотеки и информационно-поисковые системы. Так, в феврале 2025 г. по делу об убийстве несовершеннолетней следствие вышло на фигуранта благодаря современным методам исследования и проверке ДНК, обнаруженного на теле потерпевшей, по федеральной базе данных геномной информации; при этом было установлено совпадение генетического профиля предполагаемого преступника с ДНК-профилем лица, находящегося в родстве

с ним, что позволило идентифицировать подозреваемого и задержать его спустя значительный промежуток времени [4].

В марте 2025 г. в Кузбассе при расследовании убийств двух несовершеннолетних повторная молекулярно-генетическая экспертиза с применением более современных методик позволила сформировать ДНК-профиль предполагаемого преступника. Сведения о нём, по данным следствия, уже содержались в федеральной базе данных геномной информации, что обеспечило установление личности и последующее задержание [5].

Потенциал геномных учётов проявляется не только при раскрытии убийств прошлых лет, но и при идентификации лиц в ситуациях, где первоначально отсутствуют установочные данные. Так, в ноябре 2025 г. в Калининградской области родители новорождённого, погибшего в 2016 г., были установлены именно посредством обращения к федеральной базе данных геномной информации после выделения ДНК-профиля ребёнка по материалам уголовного дела [8].

Современная криминалистическая идентификация все в большей степени основывается на сочетании традиционной следовой информации с высокотехнологичными молекулярно-генетическими методами. При этом доказательственное значение имеет не только установление генетического профиля, но и надлежащая проверка выявленных совпадений в криминалистических учетах, в том числе родственных совпадений, позволяющих идентифицировать лицо при неполноте исходных данных.

При осмотре места убийства наибольшее значение имеют своевременное обнаружение, фиксация и изъятие микрочастиц и биологических следов – крови, слюны, волос, потожировых выделений и др. Часто именно эти вещественные доказательства позволяют установить факт борьбы, контакт преступника с жертвой, а затем – и ДНК-идентифицировать подозреваемого [6, с. 107].

Специалисты-криминалисты используют для поиска невидимых или слабовидимых следов различные технические средства: источники мощного бокового света, ультрафиолетовые и инфракрасные осветители, термовизоры, специальные фильтры для фотографирования следов на темной или пестрой поверхности. Например, пятна крови можно выявлять с помощью химического реагента люминола или по свечению в УФ-лучах высохшей сыворотки; следы семенной жидкости – посредством осветителей с длиной волны ~350–365 нм или экспресс-тестов на простатический антиген; невидимые потожировые следы – лазерными локаторами или обработкой цианакрилатом. Неправильное обращение (смазывание, загрязнение) может сделать след непригодным для экспертизы.

Центральное место в технико-криминалистическом обеспечении занимают процедуры преданалитики: фиксация обнаруженных следов в протоколе и на фото, аккуратное изъятие (например, срезание участка ткани со следом крови, взятие мазков и смывов), сушка влажных вещественных доказательств при комнатной температуре, индивидуальная упаковка в бумагу или дышащий материал, маркировка каждой упаковки с указанием места и времени обнаружения. Соблюдение указанных правил обеспечивает сохранность ДНК и иных биологических материалов при транспортировке в лабораторию, а также способствует признанию последующего экспертного заключения допустимым доказательством.

Наряду с традиционными судебными экспертизами (дактилоскопической, трасологической, баллистической, почерковедческой и др.), последние два десятилетия интенсивно развиваются новые виды криминалистических исследований, применимые и при расследовании убийств. Одной из таких новаций является судебная одорология – метод идентификации человека по индивидуальному запаху [15, с. 639]. Запахи (пахучие вещества пота и кожного секрета), оставленные преступником на месте происшествия или предметах, могут быть собраны с помощью специальной техники.

Обычно используется метод аппликации: к объекту-носителю (например, одежде жертвы, ручке двери, орудию преступления) прикладывается на длительное время стерильная хлопчатобумажная салфетка, которая адсорбирует пахучие вещества. Затем этой салфеткой (в герметичной емкости) проводится ольфакторная экспертиза: обученные собаки-детекторы последовательно сравнивают запах с контрольными образцами подозреваемых. Если собака идентифицирует чей-то запах как совпадающий со следом с места преступления, эксперт даёт заключение о наличии запаховых следов конкретного лица.

Долгое время метод вызывал споры, однако многолетние исследования ЭКЦ МВД РФ и практика показали высокую результативность: при соблюдении всех методических условий вероятность ошибки при положительной идентификации не превышает 1×10^–8. При использовании нескольких собак вероятность ложного совпадения оценивается на уровне 10^–11, что сопоставимо с надёжностью ДНК-анализа. В настоящее время одорологическая экспертиза предусмотрена законом (входит в перечень судебно-биологических экспертиз) и применяется в ряде экспертных подразделений МВД.

Данный метод требует строгого соблюдения условий: быстрого представления изъятых носителей запаха в лабораторию, исключения их загрязнения или перегрева, а также учёта того, что прямая аппликация ткани может повредить иные ценные следы (микроволокна, отпечатки пальцев). Поэтому зачастую изъятые предметы с запахом обрабатывают в лаборатории методом термовакуумной десорбции, позволяющим сохранить остальные микрочастицы и не препятствующим дальнейшим исследованиям, в том числе это касается и крови. Судебная одорология может использоваться как дополнительный криминалистический инструмент в ситуациях ограниченного объема доказательственной информации, в частности при необходимости проверки версии о присутствии подозреваемого на месте преступления.

Другим перспективным направлением является компьютерная криминалистика, в рамках которой осуществляется анализ электронных данных мобильных устройств, переписок, сведений о вызовах, геолокации, фотографий и иных цифровых следов, имеющих доказательственное значение. Для извлечения и расшифровки информации из телефонов, смартфонов и иных мобильных устройств применяются специализированные программно-технические решения, а также назначается компьютерно-техническая экспертиза в случаях необходимости восстановления удалённых данных и углублённой интерпретации цифровых следов [9, с. 52].

Такие программно-технические комплексы позволяют получать доступ к защищенным данным мобильных устройств, обходить отдельные механизмы блокировки, извлекать из памяти удаленные файлы, сообщения, сведения о контактах и иную криминалистически значимую информацию. В практике расследования убийств их применение способствует восстановлению круга общения потерпевших и подозреваемых, маршрутов их передвижения, характера взаимоотношений и возможных мотивов преступления. Процессуальное оформление получения такой информации, как правило, осуществляется путем составления протокола осмотра предмета с участием специалиста, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства [19]

При необходимости сложного программного извлечения информации, например восстановления удаленных сообщений, файлов или иных цифровых следов, целесообразно назначение компьютерно-технической экспертизы. В судебной практике вопрос о допустимости доказательств, полученных из электронных устройств, как правило, решается положительно при условии соблюдения установленной процедуры: изъятие устройства должно производиться на законном основании, в том числе в ходе обыска, выемки, на основании судебного решения либо с согласия владельца, а доступ к содержащейся в нем информации должен быть надлежащим образом процессуально зафиксирован. Конституционный Суд РФ подтверждает возможность исследования электронных данных при наличии соответствующего процессуального решения следователя [17]. В связи с этим основное значение приобретает обеспечение следственных подразделений необходимыми техническими средствами и специалистами, обладающими навыками работы с цифровыми доказательствами.

Наряду с содержимым электронных устройств существенное доказательственное значение имеют сведения об их подключении к сетям связи. Анализ соединений абонентов, биллинговых данных и информации, полученной с технических каналов связи, позволяет устанавливать контакты потерпевшего и подозреваемых, определять их местонахождение в определенный период времени, выявлять маршруты передвижения и возможные пересечения по базовым станциям. Вместе с тем сложность такой работы обусловлена значительным объемом информации, предоставляемой операторами сотовой связи: за отдельный временной промежуток количество абонентских номеров может исчисляться тысячами. В этих условиях качество аналитического результата во многом зависит от способности сотрудника выделить из общего массива данных криминалистически значимую информацию.

Определенную помощь в этом оказывать аппаратно-программный комплекс «Сегмент-С», предназначенный для выявления интересующих групп абонентов в трафике базовых станций, а также для обработки детализации соединений конкретного абонента в целях установления мест его пребывания, маршрутов передвижения и круга общения [7, с. 41]. Примером эффективности применения такого комплекса в раскрытии и расследовании преступлений служат результаты расследования уголовного дела по факту убийства в 2010 г. в г. Астрахани семьи Агафоновых. Благодаря возможностям аппаратно-программного комплекса удалось за короткий срок из более 200 тысяч абонентов выявить группу абонентских номеров, пользователи которых активно общались между собой в интересующее следствие время. При проверке владельцев работавших телефонов и SIM-карт установлена преступная группа.

Биллинговый анализ стал регулярным инструментом: практически в каждом деле об убийстве проверяются звонки жертвы незадолго до события, возможные пересечения по базовым станциям между телефоном жертвы и подозреваемого, фиксация нахождения подозреваемого в районе места преступления в нужное время. Несмотря на то, что преступники предпринимают меры противодействия, используя одноразовые телефоны, отключая устройства или скрывая SIM-карты, цифровые следы во многих случаях сохраняются, а их анализ позволяет восстановить важные обстоятельства совершенного преступления.

В условиях городской среды значительную помощь следствию оказывают системы видеонаблюдения, комплексы типа «Безопасный город». Записи с камер, расположенных на улицах, в подъездах, общественном транспорте и иных местах массового пребывания граждан, позволяют проследить маршрут передвижения потерпевшего и подозреваемого, установить момент и обстановку совершения преступления, а также зафиксировать внешность лица, скрывшегося с места происшествия. В последние годы особое значение приобретает внедрение автоматизированных алгоритмов биометрической идентификации лиц в потоке видеоданных.

Рассмотрение видеозаписей как объектов судебно-экспертного исследования и источников криминалистически значимой информации подчёркивается и в современной экспертной литературе [13, с. 116]. Например, программно-технический комплекс «Розыск-Магистраль», развернутый на объектах транспорта (вокзалы, аэропорты), изначально ориентировался на выявление в пассажиропотоке лиц, находящихся в розыске, а также представляющих оперативный интерес. С его помощью ежегодно задерживались тысячи разыскиваемых лиц, а также обеспечивалось информирование правоохранительных органов о перемещениях лиц, представляющих оперативный интерес.

Вместе с тем эффективность подобных систем со временем может снижаться вследствие адаптации преступников к техническим средствам противодействия преступности. Лица, находящиеся в розыске, используют различные способы сокрытия идентификационных данных при перемещении по территории страны. С учетом данной тенденции разработчиками НТК «Розыск-Магистраль» была внедрена подсистема биометрической идентификации лиц «АТИГ», позволяющая в режиме реального времени выявлять во входящем и исходящем пассажиропотоке лиц, находящихся в розыске либо представляющих оперативный интерес [10, с. 107].

Использование биометрических алгоритмов существенно затрудняет конспирацию, поскольку радикальное изменение внешности требует значительно больших усилий, чем замена документов, телефона или SIM-карты. В этой связи развитие систем автоматического поиска по изображениям лиц, а также по регистрационным номерам транспортных средств, следует рассматривать как фактор не только раскрытия, но и предупреждения преступлений.

Традиционные методы осмотра (составление плана, фототаблицы) дополняются современными технологиями сканирования и моделирования, позволяющими сохранить обстановку места преступления в цифровом формате. Использование переносных 3D-сканеров и фотограмметрических программ обеспечивает детальную фиксацию обстановки, взаимного расположения предметов, следов и иных объектов. Лазерный 3D-сканер за короткий промежуток времени формирует облако точек, на основе которого создается точная трехмерная модель помещения или участка местности. В дальнейшем такая модель может быть использована для повторного анализа, проведения измерений, сопоставления расположения улик и проверки следственных версий [1, с. 7]. Так, при расследовании вооруженного нападения трехмерная модель помещения может способствовать установлению траекторий выстрелов, положения стрелявшего и потерпевшего, а также реконструкции механизма происшествия. Существуют программные комплексы (PhotoModeler и др.), способные по обычным фотографиям строить 3D-эскизы места происшествия. Однако пока в российской практике 3D-сканеры применяются эпизодически – в основном при проведении криминалистических экспертиз (автотехнических, баллистических), а не первоначальном этапе расследования.

Причинами ограниченного распространения таких технологий являются высокая стоимость оборудования, недостаток подготовленных операторов, вместе с тем ее ис-

пользование позволяет повысить качество документирования обстановки места происшествия, обеспечить возможность последующего повторного анализа цифровой модели сторонами и судом, а также снизить риск утраты или искажения доказательственной информации [14, с. 198].

Совершенствование технико-криминалистического обеспечения расследования убийств предлагается рассматривать как комплекс организационно-правовых, технических и методических мер, направленных на повышение устойчивости доказательственной базы и обеспечение единообразия следственной практики. В первую очередь необходимо учитывать, что по мере распространения ДНК-идентификации, видеонаблюдения, цифрового анализа и иных современных средств преступники минимизируют оставляемую следовую информацию и сознательно выстраивают способы противодействия расследованию. В связи с этим обновление технического оснащения должно представлять собой постоянный цикл модернизации, при котором технические средства и методики следственных подразделений опережают типовые способы сокрытия следов, а решения о закупке и внедрении новых технологий принимаются с учетом реальных следственных потребностей. С учетом указанного противодействия, на наш взгляд, целесообразно сконцентрировать ресурсы на средствах, повышающих вероятность обнаружения, фиксации и сохранения доказательственной информации даже при попытках ее сокрытия. В частности, предлагается расширить парк средств поиска следов и электронных носителей, использовать специализированные приборы для обнаружения скрытых электронных устройств при производстве следственных действий, обеспечить следственные группы современными комплектами для извлечения и первичной фиксации цифровых данных.

Одной из ключевых проблем на сегодняшний день остается неравномерность материально-технического обеспечения и подготовки кадров, вследствие чего расследование сходных по характеру убийств может осуществляться с различной эффективностью в зависимости от региона, наличия оборудования и квалифицированных специалистов. В этой связи представляется обоснованным закрепление на ведомственном уровне минимальных стандартов технико-криминалистического обеспечения расследования тяжких преступлений. Такие стандарты должны включать обязательный базовый набор средств для осмотра места происшествия, работы с биологическими следами и иными объектами, а на уровне субъекта Российской Федерации – наличие мобильных решений для работы с цифровыми носителями. Подобная стандартизация не требует изменения уголовно-процессуального законодательства, однако позволяет снизить зависимость расследования от случайных организационных факторов и уменьшить риск утраты доказательственной информации в первые часы после совершения преступления.

Параллельно необходима унификация процедур фиксации, изъятия, упаковки, маркировки, хранения и передачи вещественных доказательств, поскольку нарушения в обращении с объектами исследования часто становятся основанием для оспаривания их подлинности, неизменности и происхождения. Оптимальной представляется модель, при которой единые стандартные операционные процедуры определяют алгоритм работы со следовой информацией, а также порядок документирования всех перемещений объектов в рамках так называемой цепочки хранения. Практическим решением может стать внедрение электронного учета движения вещественных доказательств с присвоением каждому объекту единого идентификатора и обязательной фиксацией всех действий с ним.

Также представляется оправданным поэтапный переход к обязательной аккредитации криминалистических лабораторий по стандартам компетентности и качества, поскольку наличие формализованной системы контроля повышает доверие к заключениям экспертов и снижает риск методических ошибок [22, с. 46]. Необходимо установить единые требования к оформлению результатов по ключевым видам экспертиз, в том числе молекулярно-генетическим исследованиям, чтобы обеспечить сопоставимость экспертных заключений, подготовленных различными учреждениями, и унифицировать правила интерпретации вероятностных выводов и минимальные критерии оценки сложных генетических профилей [16, с. 187].

Направлением повышения эффективности расследования убийств нам видится совершенствование механизмов информационной интеграции и аналитической обработки данных. По уголовным делам данной категории формируется значительный объем неоднородных сведений, результатов осмотров мест происшествия, экспертных исследований, биллингового анализа, видеозаписей, данных криминалистических учетов, оперативно-розыскной информации. В этой связи представляется целесообразным развитие межведомственных информационно-аналитических платформ, обеспечивающих регламентированный обмен данными между следственными органами, экспертными подразделениями и иными уполномоченными субъектами, а также доступ к видеоматериалам и учетным системам [21, с. 155].

По мнению автора, необходимым условием расширения технологических возможностей является одновременное усиление гарантий защиты прав личности, прежде всего при обработке персональных данных, использовании систем видеонаблюдения, анализе цифровых следов и генетической информации. В связи с этим представляется необходимым обеспечить режим ограниченного доступа к данным сведениям, применение защищенных способов их хранения и передачи, нормативно и организационно закрепленные правила использования таких данных исключительно в целях конкретного уголовного дела, с соблюдением требований охраны частной жизни и порядка обращения с информацией ограниченного доступа [11]. Несоблюдение указанных условий, как представляется, способно не только снизить доверие к правоприменительной деятельности, но и поставить под сомнение прочность доказательственной базы в суде.

Таким образом, автор исходит из того, что совершенствование технико-криминалистического обеспечения расследования убийств должно быть направлено на формирование целостной и устойчивой системы, основу которой должны составлять единообразие процедур, достаточная материально-техническая оснащенность следственных подразделений, надлежащее качество экспертных исследований, профессиональная подготовка кадров и развитая аналитическая работа.

Литература

1. Абрамов В.А. Возможности использования 3D-сканеров для проведения отдельных следственных действий по преступлениям, связанным с использованием средств индивидуальной мобильности // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 6–9.

2. Алексеев А.А. Раскрытие резонансных преступлений прошлых лет (убийств малолетних) на территории Северо-Западного федерального округа // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции

(Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 10–13.

3. Аминев Ф.Г. О современном понятийном аппарате судебной экспертологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 143–149.

4. В Кузбассе раскрыли убийства двух девочек 30-летней давности // ТАСС. 13.03.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/23383017 (дата обращения: 20.04.2026).

5. В Москве задержали уроженца Узбекистана за убийство 14-летней давности // ТАСС. 11.07.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/21333577 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Виноградова Н.И., Сумина А.В. Особенности работы со следами биологического происхождения на месте происшествия // Философия права. 2023. № 4 (107). С. 105–108.

7. Галкин Д.В. Обзор следственной практики использования данных, формируемых системами автомобильной телематики // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 40–43.

8. Геномная экспертиза позволила раскрыть в Кузбассе убийство 30-летней давности // ТАСС. 23.04.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/23754509 (дата обращения: 20.04.2026).

9. Казачек Е.Ю. Использование данных мобильных устройств в расследовании преступлений коррупционной направленности // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 50–55.

10. Карданов Р.Р. Использование современных технологий для систематизации следовой картины применения огнестрельного оружия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. / Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 106–110.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2026).

12. Концепция развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации до 2025 года (утв. Правительством РФ 06 октября 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2026).

13. Крутов С.А. Видеорегистратор как объект исследования судебных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. № 16 (1). С. 114–123.

14. Кугуракова В.В., Антонов И.О., Гончаренко Б.В., Чайбар А.А. Цифровое представление в виртуальной реальности места происшествия как инструмент уголовного судопроизводства // Программные системы: теория и приложения. 2022. № 3 (54). С. 193–223.

15. Левашова О.В. Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 28. С. 637–644.

16. Моисеева Т.Ф. Превентивная деятельность в судебно-биологической экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 186-188.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08 апреля 2010 г. № 433-О-О (по жалобе Н.А. Тарасова) // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 6.

18. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. 656 с.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2026).

20. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2026).

21. Хатов Э.Б. К вопросу о приоритетных направлениях научного обеспечения цифровой трансформации деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 153–157.

22. Чеснокова Е.В. Соотношение терминов и определений международного стандарта ИСО 21043-1:2018 и терминологии отечественной судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14-1. С. 44–49.

Forensic and technical support for the detection and investigation of homicides: current capabilities and challenges

Chingizova G.F.
Ufa university of science and technology

This article examines modern technical tools and methods used in the detection and investigation of homicides, as well as the organisational and legal aspects of their application. The author proposes an understanding of forensic and technical support for investigations as activity aimed at ensuring the constant readiness and effective use of forensic technology in the collection and examination of evidence. The article highlights the contribution of innovative methods, including DNA analysis, forensic odorology, digital forensics, video surveillance systems and other technologies, to increasing the detection rate of homicides, and provides examples from investigative practice. The study identifies a number of issues in forensic and technical support, including offenders' adaptation to the use of new technical means, the uneven implementation of certain technologies across different regions, and the disputed evidentiary reliability of some methods, in particular forensic odorological examination. Based on the analysis conducted, proposals are formulated for improving forensic and technical support. The author identifies the following priority areas: further material and technical equipping of investigative units, unification of methodologies for the use of high-tech tools, mandatory training of specialists in handling digital evidence, statutory regulation of procedures for the use of new technologies, and the development of integrated information and analytical systems, such as «Safe City», in order to enhance the effectiveness of preventive and crime-prevention activities.

Keywords: technical and forensic support; homicide detection; forensic technology; DNA identification; forensic odorology; mobile devices; billing; video surveillance systems; 3D scanning; evidentiary reliability.

References

1. Abramov V.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya 3D-skanerov dlya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy po prestupleniyam, svyazannym s ispol'zovaniem sredstv individual'noy mobil'nosti [Possibilities of Using 3D Scanners for Conducting Certain Investigative Actions in Crimes Involving Personal Mobility Devices]. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, Sankt-Peterburg, 24–25 oktyabrya 2024 g.) [Forensic Support for Crime Investigation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, St. Petersburg, October 24–25, 2024]. Comp. by A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024, pp. 6–9. (In Russian).
2. Alekseev A.A. Raskrytie rezonansnykh prestupleniy proshlykh let (ubiystv maloletnikh) na territorii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Detection of High-Profile Crimes of Previous Years, Including Murders of Minors, in the Northwestern Federal District]. Kriminalisticheskoe obespechenie

rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, Sankt-Peterburg, 24–25 oktyabrya 2024 g.) [Forensic Support for Crime Investigation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, St. Petersburg, October 24–25, 2024]. Comp. by A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024, pp. 10–13. (In Russian).
3. Aminev F.G. O sovremennom ponyatiynom apparate sudebnoy ekspertologii [On the Modern Conceptual Framework of Forensic Expertology]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2017, no. 4 (83), pp. 143–149. (In Russian).
4. V Kuzbasse raskryli ubiystva dvukh devochek 30-letney davnosti [Murders of Two Girls Committed 30 Years Ago Solved in Kuzbass]. TASS, March 13, 2025. Available at: https://tass.ru/proisshestviya/23383017 (accessed April 20, 2026). (In Russian).
5. V Moskve zaderzhali urozhentsa Uzbekistana za ubiystvo 14-letney davnosti [Native of Uzbekistan Detained in Moscow for a Murder Committed 14 Years Ago]. TASS, July 11, 2024. Available at: https://tass.ru/obschestvo/21333577 (accessed April 20, 2026). (In Russian).
6. Vinogradova N.I., Sumina A.V. Osobennosti raboty so sledami biologicheskogo proiskhozhdeniya na meste proisshestviya [Specific Features of Working with Biological Traces at the Crime Scene]. Filosofiya prava, 2023, no. 4 (107), pp. 105–108. (In Russian).
7. Galkin D.V. Obzor sledstvennoy praktiki ispol'zovaniya dannykh, formiruemykh sistemami avtomobil'noy telematiki [Review of Investigative Practice in the Use of Data Generated by Automotive Telematics Systems]. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, Sankt-Peterburg, 24–25 oktyabrya 2024 g.) [Forensic Support for Crime Investigation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, St. Petersburg, October 24–25, 2024]. Comp. by A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024, pp. 40–43. (In Russian).
8. Genomnaya ekspertiza pozvolila raskryt' v Kuzbasse ubiystvo 30-letney davnosti [Genomic Examination Helped Solve a 30-Year-Old Murder in Kuzbass]. TASS, April 23, 2025. Available at: https://tass.ru/obschestvo/23754509 (accessed April 20, 2026). (In Russian).
9. Kazachek E.Yu. Ispol'zovanie dannykh mobil'nykh ustroystv v rassledovanii prestupleniy korruptsionnoy napravlennosti [Use of Mobile Device Data in the Investigation of Corruption-Related Crimes]. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, Sankt-Peterburg, 24–25 oktyabrya 2024 g.) [Forensic Support for Crime Investigation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, St. Petersburg, October 24–25, 2024]. Comp. by A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024, pp. 50–55. (In Russian).
10. Kardanov R.R. Ispol'zovanie sovremennykh tekhnologiy dlya sistematizatsii sledovoy kartiny primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya [Use of Modern Technologies for Systematizing the Trace Pattern of Firearms Use]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sbornik nauchnykh trudov [Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow: Collection of Scientific Papers]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, pp. 106–110. (In Russian).
11. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g. [Constitution of the Russian Federation: Adopted by Nationwide Vote on December 12, 1993, as Amended by the Nationwide Vote of July 1, 2020]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed April 20, 2026). (In Russian).
12. Kontseptsiya razvitiya sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda: utv. Pravitel'stvom RF 06 oktyabrya 2016 g. [Concept for the Development of Forensic Expert Activity in the Russian Federation until 2025: Approved by the Government of the Russian Federation on October 6, 2016]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed April 20, 2026). (In Russian).
13. Krutov S.A. Videoregistrator kak ob»ekt issledovaniya sudebnykh ekspertiz [Dashboard Camera as an Object of Forensic Examination]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy, 2021, no. 16 (1), pp. 114–123. (In Russian).
14. Kugurakova V.V., Antonov I.O., Goncharenko B.V., Chaibar A.A. Tsifrovoe predstavlenie v virtual'noy real'nosti mesta proisshestviya kak instrument ugolovnogo sudoproizvodstva [Digital Representation of a Crime Scene in Virtual Reality as a Tool of Criminal Proceedings]. Programmnye sistemy: teoriya i prilozheniya, 2022, no. 3 (54), pp. 193–223. (In Russian).
15. Levashova O.V. Primenenie metoda kriminalisticheskoy odorologii pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy: problemy i perspektivy [Application of the Method of Forensic Odorology in the Detection and Investigation of Crimes: Problems and Prospects]. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava, 2023, no. 28, pp. 637–644. (In Russian).
16. Moiseeva T.F. Preventivnaya deyatel'nost' v sudebno-biologicheskoy ekspertize [Preventive Activity in Forensic Biological Examination]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti, 2020, no. 2, pp. 186–188. (In Russian).
17. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 08 aprelya 2010 g. No. 433-O-O po zhalobe N.A. Tarasova [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 8, 2010 No. 433-O-O on the Complaint of N.A. Tarasov]. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, 2010, no. 6. (In Russian).
18. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom protsessakh: monografiya [Forensic Examination in Civil, Commercial, Administrative and Criminal Proceedings: Monograph]. 4th ed., rev. and enl. Moscow: Norma, 2006. 656 p. (In Russian).
19. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. No. 174-FZ, s izm. i dop. [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ, as Amended and Supplemented]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed April 20, 2026). (In Russian).
20. Federal'nyy zakon ot 31 maya 2001 g. No. 73-FZ «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii», s izm. i dop. [Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation», as Amended and Supplemented]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Available at: http://pravo.gov.ru/ (accessed April 20, 2026). (In Russian).
21. Khatov E.B. K voprosu o prioritetnykh napravleniyakh nauchnogo obespecheniya tsifrovoy transformatsii deyatel'nosti Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii [On Priority Areas of Scientific Support for the Digital Transformation of the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, Sankt-Peterburg, 24–25 oktyabrya 2024 g.) [Forensic Support for Crime Investigation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, St. Petersburg, October 24–25, 2024]. Comp. by A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024, pp. 153–157. (In Russian).
22. Chesnokova E.V. Sootnoshenie terminov i opredeleniy mezhdunarodnogo standarta ISO 21043-1:2018 i terminologii otechestvennoy sudebnoy ekspertologii [Correlation Between the Terms and Definitions of International Standard ISO 21043-1:2018 and the Terminology of Russian Forensic Expertology]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy, 2019, no. 14-1, pp. 44–49. (In Russian).